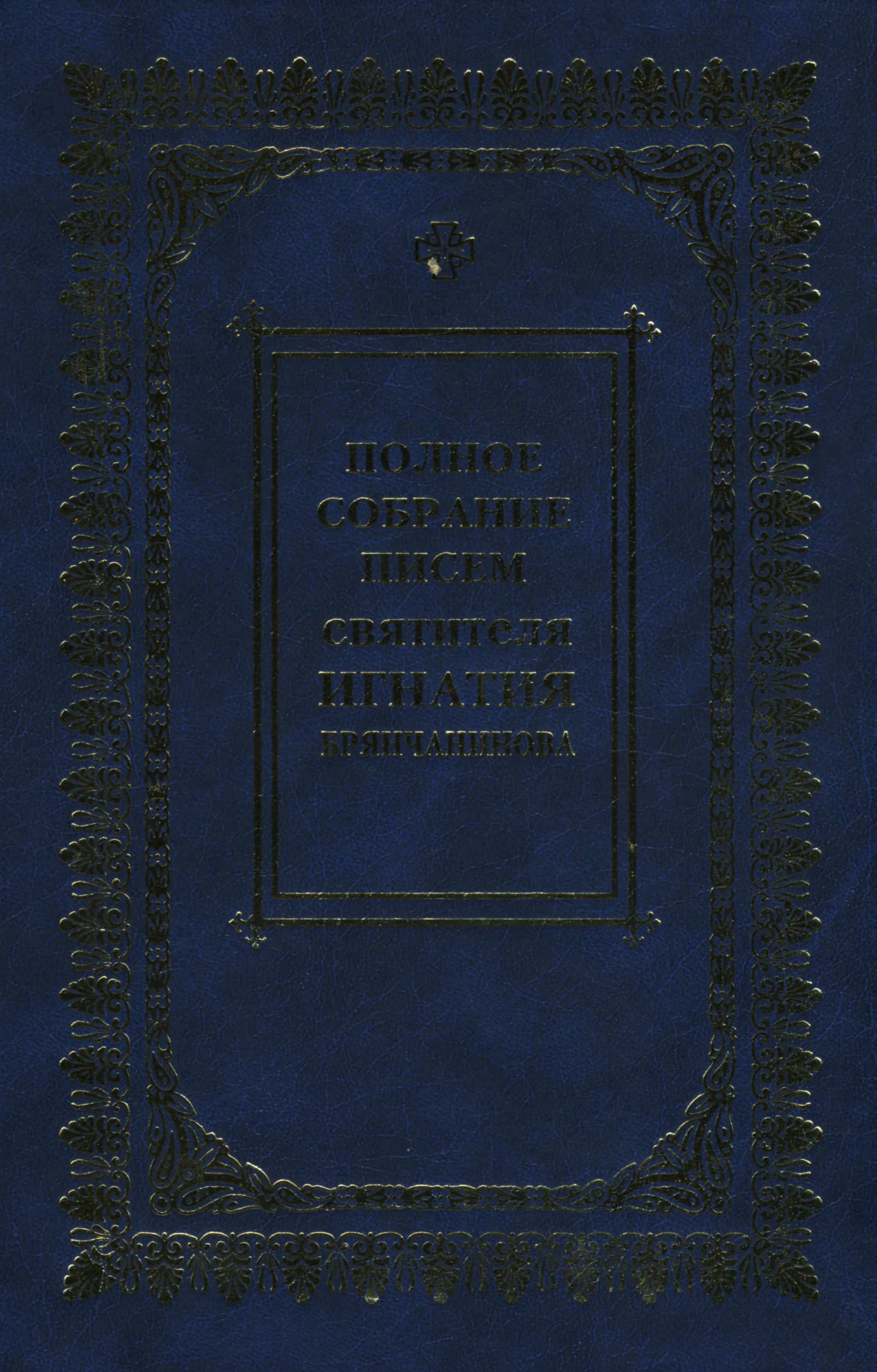
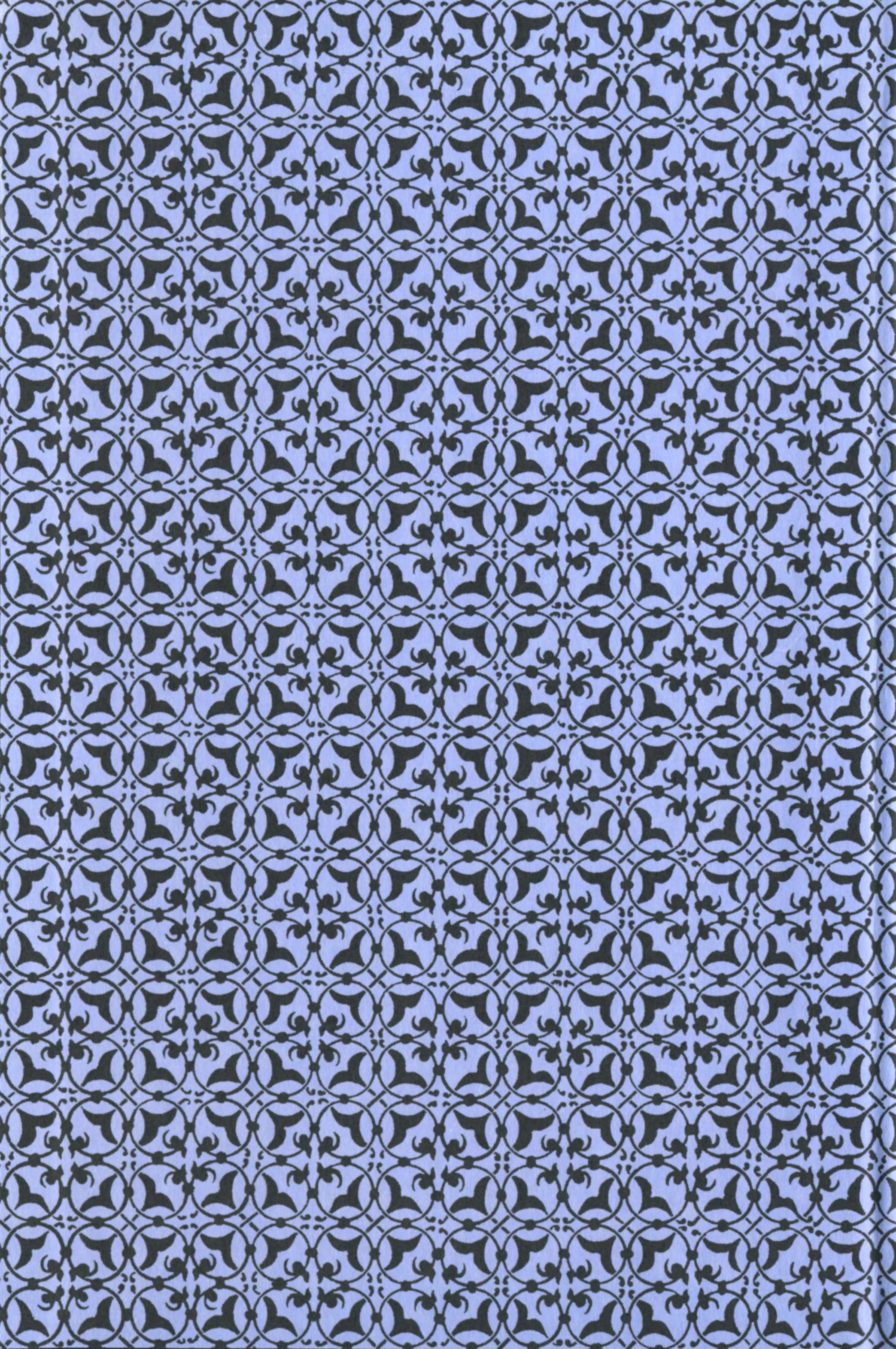
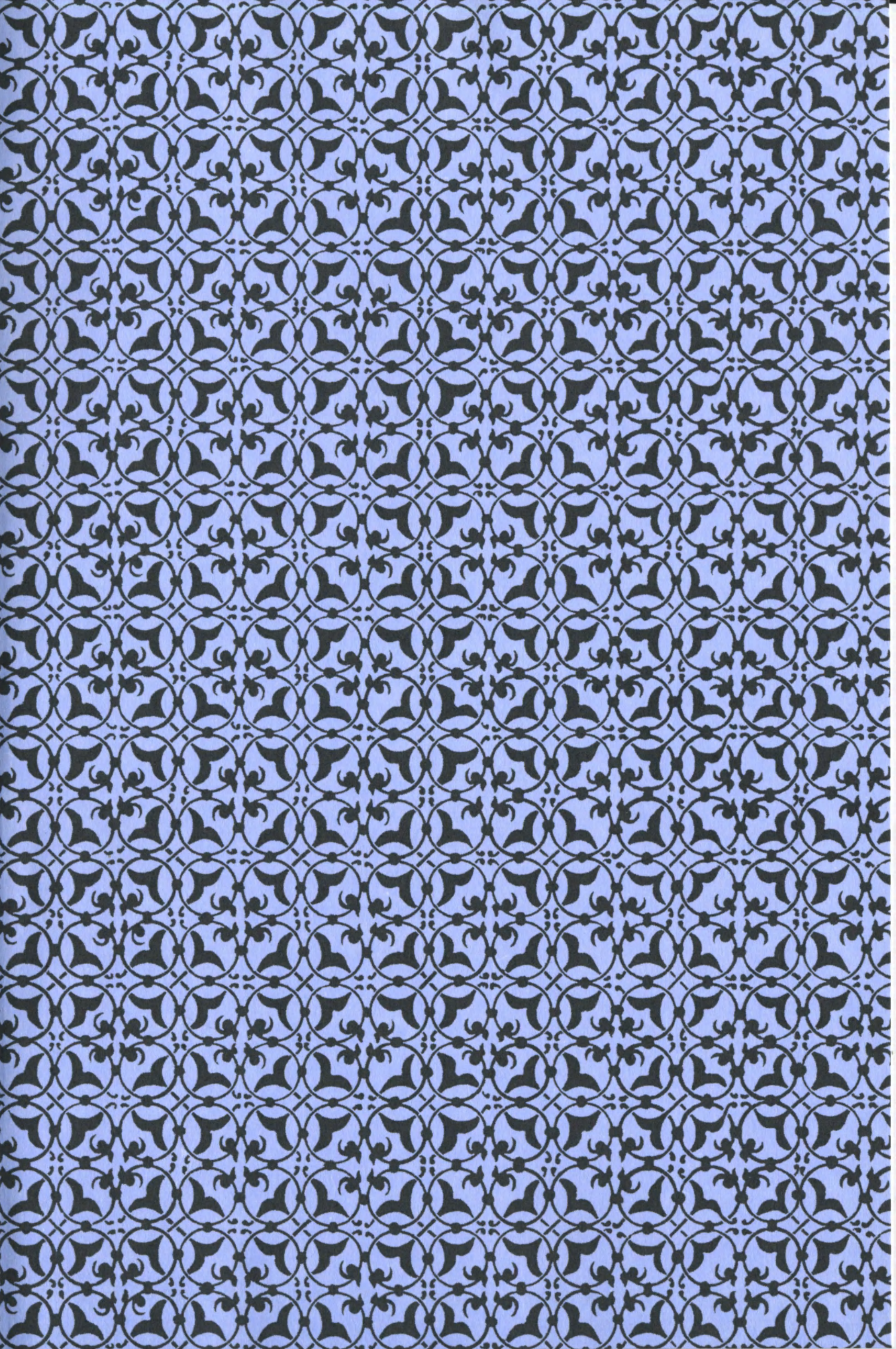

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ПИСЕМ
святителя
ИГНАТИЯ
БРЯНЧАНИНОВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПИСЕМ

святителя

ИГНАТИЯ

БРЯНЧАНИНОВА

Том

I

Переписка с архиереями Церкви и настоятелями монастырей

УДК 242
ББК 86.37.42
Б 89

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 10-09-0532**

Составление
О. И. Шафранова

Игнатий Брянчанинов, святитель.
Б 89 Полное собрание писем: В 3 т. Т. 1: Переписка с архиереями Церкви и настоятелями монастырей / Сост. О. И. Шафранова. — М.: Паломник, 2011. — 544 с.: ил.

ISBN 5-88060-248-6

Предлагаемое читателям полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова в 3-х томах представляет собой драгоценнейшее эпистолярное наследие этого выдающегося подвижника Божия. «Пишу к вам прямо из сердца», — обращался святитель Игнатий к своим корреспондентам. Современные боголюбивые читатели, несомненно, также смогут ощутить это сердечное участие, находя в письмах великого учителя благочестия духовное утешение, разрешение своих недоумений, конкретные духовные советы на пути ко спасению.

Полное собрание писем входит в Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова.

УДК 242
ББК 86.37.42

ISBN 5-88060-248-6

Подписано в печать 15.09.2011. Формат 60x90 1/16. Печать офсетная.
Объем 34 п.л. Тираж 7000 экз. Заказ № 1115490.

Издательство «Православный паломник-М».
111141, Москва, Плеханова, 15.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

От составителя

Вышедшее ныне в свет «Полное собрание писем» святителя Игнатия Брянчанинова является переизданием писем этого выдающегося духовного писателя и аскета, а также писем некоторых его корреспондентов, ранее вошедших в «Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова» (издательство «Паломник», 2001–2007 гг.), дополненное письмами, вновь обнаруженными в архивах.

При решении вопроса о переиздании «Писем» издательство «Паломник» приняло во внимание необычайный интерес, проявленный к ним со стороны боголюбивых читателей — монашествующих и мирян*.

В настоящем (новом) издании письма Святителя (их около 1100) и его корреспондентов (более 200) с комментариями к ним — составили три объемистых тома. Для удобства восприятия письма в томах сгруппированы по адресатам. В первом томе помещена переписка святителя Игнатия с архиереями Церкви и настоятелями монастырей. Значимость содержания этого тома определяется уже простым перечислением имен тех деятелей Русской Православной Церкви, с которыми вел переписку святитель Игнатий: Митрополит Московский Филарет (Дроздов), Митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), Высокопреосвященный Нил (Исакович), Архиепископ Ярославский, Преосвященный Леонид (Краснопевков), игумен Иоанно-Богословского Череменецкого монастыря Антоний (Бочков), игумен Спасо-Преображенского Валаамского монастыря Дамаскин.

Второй том посвящен переписке с монашествующими. Несомненно, непреходящую ценность здесь представляют переписка святителя Игнатия с оптинскими старцами, ныне прославленными

---

*Переиздание всего Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова, включая письма, предполагается начать с 2012 года.

Русской Православной Церковью в лике преподобных, а также письма Святителя ученикам и сотрудникам по его службе в Троице-Сергиевой пустыни.

Третий том содержит переписку святителя Игнатия с мирянами. Неожиданные новые черты личности Святителя открываются в его письмах выдающемуся военному деятелю Н. Н. Муравьеву-Карскому и в его письме П. С. Нахимову. Большой интерес вызывает его переписка с образованнейшим человеком своего времени, автором книги «Путешествие по Святой Земле в 1835 г.» А. С. Норовым и с представителем известной аристократической фамилии Д. Н. Шереметевым. Наконец, весьма важные сведения имеются в письмах к духовной писательнице С. И. Снессоревой: из этих писем (а также писем к П. А. Брянчанинову) можно составить впечатление об огромных трудах святителя Игнатия в последние годы жизни по изданию своих творений.

Следует отметить, что комментарии, которыми снабжены письма, зачастую наполняют их содержание новым смыслом, делают их более понятными и позволяют точнее судить о тех, кому они посланы. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в эпоху, когда, по словам самого святителя Игнатия, «так называемый прогресс идет вперед, разрушая все», порождая «общее стремление всех исключительно к одному вещественному», многочисленные корреспонденты Святителя были людьми глубоко верующими, искренно преданными Церкви. В письмах к ним святитель Игнатий касается важных сторон духовной жизни, дает наставления и советы по возникающим недоумениям. Многие его письма весьма подробны, в них он отдельно останавливается на тех вопросах, которые считает нужным разъяснить или по которым — преподать поучение: о необходимости предаться воле Божией, об отсечении своеволия, о должном отношении к искушениям, о борьбе со страстями, о скорбях, наконец, о правильном молитвенном устроении. При этом Святитель опирается на собственный опыт, но все же настоятельно рекомендует руководствоваться Священным Писанием и творениями святых Отцов. Тон этих писем покоряет чутким вниманием и благожелательностью: в них нет ничего менторского. «Безмерно милостивый и любвеобильный» — так писал о великом подвижнике один из его учеников. Таким он и выглядит в своих письмах: участливым в скорбях, утешителем в искушениях, добрым, удивительно терпеливым наставником.

Чрезвычайно актуальны эти письма святителя Игнатия и в наше время. Большую пользу получат от их чтения все, кто желает совершенствовать себя в духовной жизни, а также и те, кто возвращается ныне в лоно родной Православной Церкви.

И еще на одну сторону писем святителя Игнатия следует читателям обратить внимание. В письмах к родным и самым близким людям он иногда подробно рассказывал о своих обстоятельствах, о своей деятельности, о заботах и переживаниях. Так раскрываются многие важные факты его биографии, остававшиеся до сих пор по существу неизвестными. В некоторых случаях новые сведения вносят коррективы в изложение тех или иных событий. Таким образом, значительно обогащая жизнеописание Святителя, эти письма позволят лучше понять и личность автора, и его характер, полнее ощутить его мудрость и проницательность.

Литературная одаренность святителя Игнатия, ясность и простота изложения выдвигают его письма в ряд блестящих образцов эпистолярного наследия. Чтение его писем полезно для духовного развития человека, оно поможет ему освободиться от тех искажений, которым подвергается ныне самое дорогое наше наследие — русский язык.

Публикуя письма святителя Игнатия, редакция бережно сохраняла особенности авторского написания слов и принятой им пунктуации. При этом соблюдались существовавшие в то время правила письменного этикета. Даты даны по тексту источника, недописанные слова раскрыты и дополнены — помечены угловыми скобками. Цитаты из Священного Писания при необходимости сопровождаются русским переводом по Синодальному изданию (выделены курсивом).

Архимандритъ Игнатiй

ПЕРЕПИСКА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА С АРХИЕРЕЯМИ ЦЕРКВИ[1]

I

Святитель Филарет (Дроздов), Митрополит Московский

Продолжите о мне молитвы Ваши, чтобы Бог дал мне не наружный только покров белый иметь, но и сердце, и дела, очищенные по благодати Его.

Филарет, Митрополит Московский

Святитель Игнатий Брянчанинов по занимаемому им служебному положению входил в сношения со многими иерархами его времени. Среди них по значимости взаимоотношений, по их продолжительности первое место принадлежало выдающемуся церковному деятелю Митрополиту Московскому Филарету.

Очень немногое сохранилось из их переписки. Но и это немногое значительно дополняет то, что было написано об их взаимоотношениях.

Выдающийся церковный деятель и духовный писатель Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) родился 26 декабря 1782 г. в городе Коломна, где отец его служил диаконом в Кафедральном соборе. В 1803 г. он окончил Троицкую семинарию и был оставлен там учителем греческого и еврейского языков, а затем еще и поэзии. 16 ноября 1808 г. пострижен в монахи и вызван в Санкт-Петербург для преподавания в семинарии, в 1810 г. — переведен в Академию бакалавром и с 11 марта 1811 г.

[1] Сопроводительные статьи, примечания, подборка и подготовка писем данного раздела О. И. Шафрановой.

он ректор Петербургской Духовной академии и архимандрит (в 29 лет). В 1821 г., по предложению князя А. Н. Голицына[1], он был назначен на Московскую кафедру, а 22 августа 1826 г., в день коронации Николая I, возведен в сан Митрополита.

Знакомство Митрополита Филарета с отцом Игнатием Брянчаниновым произошло в 1833 г. В этом году, направляясь на родину в Псковскую губернию, в Санкт-Петербург прибыл Михаил Васильевич Чихачев[2]. Приютила его там на несколько дней боголюбивая графиня А. А. Орлова-Чесменская[3]. Чихачев рассказал ей, как трудно ему и игумену Игнатию в Лопотовом монастыре, как вредно сказывается на их здоровье тамошний климат. Анна Алексеевна посоветовала ему представиться Митрополиту Московскому Филарету, как раз находящемуся в Петербурге. Митрополит «весьма милостиво принял молодого послушника, отечески ласково выслушал его откровенный рассказ о бедственном положении игумена Игнатия, предлагал ему вопросы, из которых тот заключил, что Владыке ненеизвестна прежняя их жизнь, а также и достоинства игумена Игнатия, которому он и предложил через Чихачева настоятельство в Николо-Угрешском третьеклассном монастыре Московской епархии, и то на первое лишь время, обещаясь потом доставить ему еще лучшее место». И на другой уже день был послан указ в Вологду к Преосвященному Стефану о перемещении игумена Игнатия в Московскую епархию. Но, как известно, судьбой игумена Игнатия занялся сам Государь Император Николай I, и Митрополит Филарет личным письмом вызвал его уже не в Москву, а в Санкт-Петербург, причем пригласил его остановиться у него на подворье. Там и состоялось их знакомство. Об этом игумен Игнатий писал своим родителям. «Между тем продолжаю я жить на Троицком подворье, — пишет он в письме от 1 января 1834 г., — пользуясь особенными милостями Митрополита Филарета, который есть редкость в нынешнее время. С решительною приверженностию к православной Церкви соединяет он Христианскую деятельность и естественный проницательный аналитический ум. Каждый день, если куда не отозван, обедаю у него, и он бывает столько снисходителен, что весьма подолгу со мною беседует о духовных предметах».

---

[1] Об А. Н. Голицыне см.: Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова: В 3 т. М.: Паломник, 2011 (далее ссылки на настоящее издание приводятся с указанием тома и страницы). Т. 1. С. 489, примеч. 1. ‖ [2] О нем см.: Т. 2. С. 476–496. ‖ [3] О ней см.: Т. 1. С. 490–491; Т. 2. С. 485–486.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба святителя Игнатия, если бы он оказался в монастыре, подведомственном Митрополиту Филарету. Может быть, Московский владыка благожелательно руководил его к высшим должностям, как это было с Преосвященным Леонидом (Краснопевковым)[1], и ему не пришлось бы переживать те скорби, которые выпали на его долю из-за близости столицы. А может быть, при его независимом самостоятельном характере, ему еще труднее было бы из-за постоянной непосредственной опеки, которую Владыка Митрополит осуществлял над монастырями своей епархии[2].

Между тем установившиеся при первом знакомстве отношения продолжались. Митрополит Филарет очень благосклонно принял предложение архимандрита Игнатия назначить настоятелем Спасо-Преображенского Николо-Угрешского монастыря его знакомого, иеромонаха Илария[3], содействовал назначению, по его же предложению, настоятелем Валаамского монастыря отца Дамаскина[4]; в 1837 г. предлагал ему стать одним из цензоров и с пониманием принял его отказ; положительно отнесся к его мысли «переложить книгу Аввы Дорофея на язык более общеупотребительный»; в письмах своих неоднократно повторял, что «очень утешительно мне общение Ваше с моим смирением». Из писем видно также, что во время пребываний Митрополита Филарета в Петербурге архимандрит Игнатий не упускал случая увидеться с ним. К сожалению, последнее из сохранившихся писем относится к 1842 г., хотя из других источников известно, что переписка продолжалась по крайней мере до 1856 г.

В 1847 г. архимандрит Игнатий, получив отпуск для лечения, отправился в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. По пути он заезжал на несколько дней в Москву. «Митрополит Московский очень добр, — писал он оттуда своему наместнику в Сергиеву пустынь, — постарел». Архимандрит Пимен (Угрешский)[5] в своих «Воспоминаниях» описал их встречу более подробно. «Митрополит Филарет обошелся с ним [архимандритом Игнатием] отменно приветливо, сделал ему самый почетный и радушный прием, неоднократно принимал его у себя и посещал в доме И. А. Мальцева, где он останавливался, и, пригласив его к себе на обед, собрал высшее московское духовенство, чтоб его

---

[1] О нем см.: Т. 1. С. 80–108. || [2] Например, с сентября 1847 г. по март 1853 г. Владыка Филарет посещал обители своей епархии более 150 раз. || [3] О нем см.: Т. 1. С. 312–319. || [4] О нем см.: Т. 1. С. 164–171. || [5] О нем см.: Т. 1. С. 312–326.

с ним познакомить». А когда архимандрит Игнатий собрался ехать в Троице-Сергиеву Лавру, Митрополит Филарет написал туда наместнику архимандриту Антонию: «Будет у вас Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий. Примите его братолюбно.

Заговорите с ним о афонском иеромонахе Иосифе, которого он видит не так, как вы мне показывали прежде»[1].

Конечно, и после возвращения из отпуска архимандрит Игнатий не раз навещал и представлялся Митрополиту Филарету во время его пребываний в Петербурге. А о том, что между ними продолжалась переписка, и иногда по важным церковным проблемам, свидетельствует еще одно письмо к отцу Антонию от 28 апреля 1852 г.: «Вот еще письмо, которое, по милости Святославского, дошло до меня через год, и, конечно, оставило писавшего в неудовольствии на мое молчание.

Видите, что о. архимандрит Сергиевой пустыни Игнатий написал книгу против книги Фомы Кемпийского[2] и желает, чтобы я ее видел и побудил его к изданию ее в свет. Не надеюсь, чтобы, если прочитаю книгу, мог я написать о ней то, что понравилось бы ему. Мне странною кажется мысль писать назидательную книгу именно против Фомы Кемпийского. Мне кажется, всего удобнее продолжить молчание, в котором я до сих пор оставался невольно. Но сим дается ему причина к неудовольствию. Не читав книгу, если скажу, что не надеюсь быть с нею согласен, это будет жестко, а может, еще менее могу сказать мягко, когда прочитаю книгу».

В мае 1856 г. архимандрит Игнатий по пути в Оптину Пустынь заезжал в Москву на короткое время. Об этом имеется запись в дневнике о. архимандрита Леонида (Краснопевкова): «Перед тем как ехать, подкатила карета к крыльцу. Кто же? Отец архимандрит Сергиевской пустыни. Слышал я, что накануне он обедал у Владыки, и думал, как бы увидеть его, а он — как тут». Из письма Святителя к архимандриту Леониду от 17 декабря 1856 г. можно увидеть, что Митрополит Филарет был согласен с Митрополитом Григорием Петербургским, когда тот предлагал возвести его в сан епископа: «Искренно благодарю Вас за письмо Ваше от 11 дека-

---

[1] Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Троице-Сергиевой Лавры Антонию. Ч. IV. М., 1884. С. 66. О встрече архимандрита Игнатия с афонским схииеромонахом Иосифом см. в «Воспоминаниях архимандрита Игнатия (Малышева)». ‖ [2] См.: *Свт. Игнатий Брянчанинов.* О прелести // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: В 8 т. М.: Паломник, 2001–2006. Т. 1. М., 2001. С. 212–239; также в настоящем издании: Т. 3. С. 609; примеч. 2. (Далее — ПСТ.)

бря. Очень приятно было мне видеть из него расположение ко мне Святителя Московского. Полагаю, что вследствие отношений его с Преосвященным Григорием Петербургским последовало о мне представление от сего последнего в Св. Синод. Но един Бог ведает полезное человеку и обществу человеческому и потому устрояет судьбу человеков по своему премудрому промыслу».

А почти через год, в ноябре 1857 г., по пути в Ставрополь в Москву заезжал теперь уже епископ Игнатий. Архимандрит Леонид 28 ноября 1857 г. записал в дневнике: «Преосвященный Игнатий был у Владыки 2 раза, вчера обедал у него и вечером навестил меня, как больного». Митрополит Филарет о первом посещении писал отцу Антонию 27 ноября 1857 г.: «Сегодня был у меня новый Преосвященный Кавказский. Благодушествует и с решимостью принимается за дело. Уже избрал себе нового ректора семинарии и инспектора и секретаря для консистории. Радуется о благоволении к нему владыки Новгородского. Но есть и скорбные вести, которые он подтверждает. О оптинских монахах, взятых в Иерусалимскую миссию, он думает, что их лучше бы удержать под опытным руководством старца Макария, чтобы употребить их для поддержания и распространения доброго монашества в России. Может быть, это и правда. Для Иерусалима могли бы найтись другие». П. П. Яковлев[1] добавляет еще, что в Москве у Преосвященного Игнатия случился приступ его болезни, во время которой Митрополит прислал к нему своего доктора и сам навестил его.

В последующие годы Преосвященный Игнатий в письмах своих к о. Леониду (Краснопевкову) постоянно интересовался здоровьем Митрополита Филарета: «Уведомьте меня о здоровье Высокопреосвященнейшего Митрополита и о Вашем». И благодарил за сообщения: «Искренне благодарю Вас за уведомление о здравии Высокопреосвященнейшего Митрополита. Немудрено, что прозорливый старец ведет самую уединенную жизнь: из тишины своей келлии он видит те тучи, которые скопляются на горизонте»; «Весьма благодарю Вас за известие о Высокопреосвященнейшем Митрополите. Всеблагий Господь да подкрепит его силы в настоящее трудное время, в которое начинают заигрывать многоразличные бури».

Первое время по прибытии в Ставрополь Преосвященный Игнатий выражал удовлетворение своим перемещением: «Хотя

[1] О нем см.: Т. 2. С. 528–566.

здесь место новое и почти все надо заводить; хотя я страдаю от необычно суровой зимы, от особенного неудобства в помещении, но я спокоен и потому доволен». Но очень скоро он начал замечать противодействие своим распоряжениям по благоустройству епархии со стороны ректора семинарии и некоторых членов Консистории.

Главным преткновением между ним и ректором семинарии архимандритом Германом был вопрос о преподавании осетинского и татарского языков, «общеупотребительных между горскими народами». В 1859 г., во время поездки епископа Игнатия по епархии, ректор Герман сделал самовольное распоряжение об отмене при начале нового курса преподавания этих языков, заменив их изучением французского и латинского. Осенью 1859 г. ректора Германа перевели на ту же должность в Самару.

В «Полном жизнеописании святителя Игнатия Кавказского» написано: «В бытность епископа Игнатия на Кавказе митрополит [Филарет] принял под свое покровительство партию лиц, совокупившихся для противодействия епископу [Игнатию], под главным руководством протоиерея Крастилевского и ректора семинарии Епифания Избитского»[1].

Епифаний Избитский, из дворян Киевской губернии, римско-католического вероисповедания, недавно принявший Православие и монашество, после отъезда архимандрита Германа в Самару занял его место в Ставрополе. Вначале «он показывал большую деятельность по должности своей» и епископ Игнатий ввел его «в лучшие отношения с местными властями гражданского ведомства». Но почувствовав уверенность в своем положении, он, якобы пользуясь покровительством Митрополита Филарета, начал интриговать против Епископа и вообще вести себя недостойно. А вот что пишет по поводу Епифания сам епископ Игнатий Преосвященному Леониду: «Письмо Ваше я храню как сокровище. Оно и есть сокровище. В нем показаны самые верные отношения Епископа к Ректору и Ректора к Епископу. Как эти отношения установил у себя и этих отношений постоянно держится мудрый и опытный Святитель Московский, то я счел обязанностию своею держаться их и держаться постоянно в сношениях моих с Архимандритом Епифанием. На днях я счел долгом моим показать благодетельное письмо

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002. С. 208.

Архимандриту, чтоб он увидел из письма тот образ мыслей, который имеют в Москве о обязанностях Ректора пред его Епархиальным Архиереем». В следующем письме: «О. Ректор Епифаний написал просительное письмо к г-ну Синодальному Обер-Прокурору о перемещении своем отсюда по неспособности выносить здешний климат. Я советовал написать ему и к Первосвятителю Московскому, что он, как говорит, и исполнил. И я писал к Его Высокопреосвященству, прося Его не оставить о. Епифания. Вместе с тем о. Ректор подал в Семинарское правление записку о своей болезненности; несмотря на эту болезненность, я просил его посещать меня от времени до времени, полагая, что моя беседа, не имеющая другого достоинства, кроме благонамеренности, может успокаивать дух его, в чем он очень нуждается. Усмотрев, что он приходит в совершенное исступление и самозабвение в то время, как подвергается вспыльчивости, что в это состояние он приводится другими и не замечает того,— я заключил, что он неспособен к должности Ректора. Недавно он сам высказал эту мысль: слава Богу, если он говорит искренно. Понять свою неспособность — великое благо! Очень понимаю, как Вы пишете, что один Первосвятитель старался и старается ввести в Высшую Иерархию новый элемент. Такое мнение разделял и наш покойный Митрополит Григорий. Но, кажется, одной Особе Вашего Преосвященства суждено оправдать избрание и мысль Московского Первосвятителя».

По поводу действий члена Консистории протоиерея Крастилевского епископу Игнатию пришлось не один раз обращаться в Святейший Синод. Смысл сводился к тому, что Крастилевский, имея от природы своевольный и дерзкий характер, при предшественнике епископа Игнатия «навык властвовать неограниченно над Епископом, Консисториею и епархиею». Епископ Игнатий входил в Святейший Синод с представлением об увольнении Крастилевского от звания члена Консистории, и представление это было удовлетворено. Но Крастилевский, «как человек весьма коварный и довольно знающий дело, избрал путь интриги, увлекая действовать в свою пользу людей посторонних». Исходя из таких обстоятельств, Преосвященный Игнатий направил в Святейший Синод отношение, в котором представил необходимость перемещения Крастилевского в другую епархию. В «Полном жизнеописании святителя Игнатия» утверждается, что «Преосвященный митрополит Филарет вскоре затем явно взял сторону врагов

епископа»[1] и что «жена Крастилевского нашла доступ и покровительство своему супругу у Митрополита Филарета Московского»[2]. Успешное влияние их интриг выразилось в том, что отношение епископа Игнатия «осталось без последствий». Из этого утверждения создается впечатление, что 77-летнему «прозорливому старцу» Митрополиту Филарету, при всей его громадной занятости, при его ответственном отношении к своему сану, при частых недомоганиях, только и дела было, что покровительствовать какому-то протоиерею в его интригах против епископа Игнатия.

Л. А. Соколов, однако, в своей монографии полностью воспроизводит документы, которые свидетельствуют, что отношение, посланное Преосвященным Игнатием в Св. Синод, не осталось без внимания и что Митрополит Филарет отнюдь не принял сторону его врагов:

«17 ноября 1860 года, граф А. П. Толстой писал С. П. Урусову, находившемуся в то время в Москве: "препровождая к Вашему Сиятельству заготовленный о протоиерее Константине Крастилевском проект Синодального протокола, покорнейше прошу Вас представить его на усмотрение Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета и просить его мнения: следует ли вообще отказывать в ходатайствах епархиальных Преосвященных об удалении из вверенных им епархий духовных лиц потому только, что к обвинению сих лиц нет юридических доказательств"»[3].

Митрополит Филарет еще в молодые годы отличался рассудительностью в судебно-административных делах. «Он очень разумно подходил к решению важных вопросов, связанных с вынесением приговора провинившимся»[4]. Тем более осторожно и рассудительно он подошел к делу, касавшемуся такого близкого ему лица, как Преосвященный Игнатий. Он очень внимательно изучил документы и 24 ноября 1860 г. отправил к графу А. П. Толстому следующее заключение:

«Возвращая Вашему Сиятельству протокол по делу протоиерея Крастилевского, прилагаю записку.

Она писана вчера вечером, при самом чтении дела, и потому некоторые подробности, может быть, потребуют поверки, тем

---

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 312. || [2] Там же. С. 434. || [3] *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения: В 2 ч. Ч. 1. Киев, 1915. С. 225 (далее — *Соколов*. Епископ Игнатий Брянчанинов). || [4] *Митрополит Иоанн (Снычев).* Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Самара, 1997. С. 226.

паче, что в протоколе некоторых частей дела показаны только заглавия, а не содержание.

В тридцатых годах еще я полагал, что до Архимандрита Игнатия может дойти жребий епископства и предлагал владыке Серафиму ввести его в Консисторию для ознакомления с делами. Но сего не сделано, и вот теперь Игнатий — епископ без предварительных приготовительных познаний.

Какое бы Святейший Синод не принял решение по сему делу, только, по моему мнению, такая неполная резолюция, какая в протоколе, неудовлетворительна. После ее протоиерей может говорить, что на то или другое Св. Синод не обратил внимания. Нужно ясным изложением недостатков и неправильностей убедить виновного протоиерея в виновности, а Преосвященному указать лучший порядок дел, чтобы не повторялись погрешности, которые особенно вредны, когда, не доходя до Св. Синода, не получают исправления.

Правило же, чтобы удалять священнослужителя по желанию Архиерея, без ясных доказательств вины, было бы в тягость подчиненным и в искушение Архиереям. Если беспокойный, может быть, раздраженный неспокойным действованием Архиерея, пойдет беспокоить другого Архиерея, за что сей будет отягощен бременем, которое бросает с своих плеч другой.

Первою причиною для удаления протоиерея Крастилевского в другую епархию представляется то, что он захватил власть в епархии во время Преосвященного Иоанникия. Но если сие и справедливо, то это кончилось с удалением попускавшего сие Преосвященного, и не нужно посему новое распоряжение, и потому, что протоиерей удален уже от Консистории, и потому, что нынешний Преосвященный своею законною твердостию, конечно, не допустит незаконного влияния.

Вторая причина: протоиерею приписывается путь интриги и составление партии. Но на сие явных доказательств в донесении Преосвященного не представлено.

Третья причина: протоиерей поместил в число деятелей свою супругу. Но ее действия видны в деле, как оно представлено от Преосвященного, только те, что она просила от епархиального начальства паспорта, и, не получив, взяла вместо того свидетельство от полиции. Последнее действие не совсем в порядке, но оно вынуждено отказом Консистории в паспорте и не составляет важного беспорядка в епархии.

Четвертая причина: протоиерей прикосновен к делу о убийстве смотрителя Устинского. Это дело важное, но как сие показание основано только на записке секретаря Васильева, который сам осужден Св. Синодом, то из сего нельзя вывести никакого заключения. Если же Преосвященный почитает сие обвинение неосновательным, то должно подвергнуть оное исследованию.

Пятая причина: словесный отзыв Архимандрита Герасима. Это не имеет законной силы в официальном деле.

Шестая причина: протоиерей имеет сердце самое жестокое. Но сердце ведает Сердцеведец Бог: человек должен судить по действиям доказанным.

Седьмая причина: рапорт секретаря Григоревского. Рапорт без дознания не есть законное доказательство, и в рапорте не видно никакого преступления протоиерея.

Осьмая причина: протоиерейша кричала в присутствии. Это не может быть причиною изгнания протоиерея из епархии. При том о сем нет журнала Консистории. Итак, если сие было, то секретарь виноват, что не предложил членам составить о сем журнал, а также и в том, что неприлично назвал протоиерейшу бабою. При том секретарь обнаружил непонимание закона, когда написал, что по закону паспорты выдаются только вдовам и девицам: закон нимало не запрещает выдать паспорт протоиерейше для богомолья, с согласия мужа.

Девятая причина: письмо протоиерея. В сем письме несправедливо суждение протоиерея, будто Консистория, по его просьбе о паспорте для него, обязана была выдать паспорт жене его. Но это также не такая незаконность, за которую следовало бы изгнать протоиерея из епархии. Что протоиерей частью скромно, частью с нетерпеливостью намекает на могущую встретиться необходимость искать утешения инуде, и это великодушие Преосвященного, конечно, не признает требующим преследования.

Десятая причина: протоиерей не пошел на два преемственно назначенные ему места. Это неповиновение начальству, если нет особенных обстоятельств. Посему надлежало протоиерея подвергнуть ответу за неповиновение, законно определить, в какой степени он виноват, но сего не сделано.

Одиннадцатая причина: протоиерей и при нынешнем Преосвященном приводит епархию в колебание. Это страшное обвинение. Но в доказательствах виден один случай, неподписание ректором и инспектором протокола, и принятие ими рапорта от протоиерея Крастилевского. Случай сей не так важен, чтобы

подтвердить вышеозначенное обвинение. Впрочем, ректора и инспектора надобно спросить, почему они не подписали протокола и почему решились принять рапорт от протоиерея, не имея на то права.

Но тогда как представления Преосвященного не имеют законной ясности и силы к обвинению протоиерея Крастилевского, сей протоиерей сам поставляет себя под обвинение прошением своей жены. В сем прошении есть один только предмет, о котором протоиерейша имела право говорить, это ее осуждение за выезд без паспорта. Но она примешивает к сему разные дела, в которые входить не имеет ни права, ни нужды. Она пишет о делах своего мужа, которые он может и должен защищать сам. Она прописывает резолюцию Преосвященного и Указы Св. Синода, которых никто ей не объявлял и которые она могла узнать только незаконным путем. Она пишет безыменно и бездоказательно, что Преосвященный Игнатий дурных людей, не изучив их характера, взыскал незаслуженными милостями. Она позволяет себе пересуживать действия начальства, как например, что Попов произведен в протоиерея из учеников второго разряда, что в Указе Св. Синода не объяснено причины увольнения мужа ея от Консистории. Что сие прошение есть произведение не протоиерейши, а самого протоиерея, сие несомнительно потому, что прошение наполнено такими обстоятельствами, которых она не могла знать и которые известны ее мужу, как например, что он 10 месяцев заведовал судным столом, что Преосвященный сказал ему, что ему не в чем оправдываться, и проч.

Если справедливо, что протоиерей, которому Преосвященный сохранил резолюциею старшинство места в собраниях, действительно стал в церкви ниже священника, то это поступок неблагонамеренный, имеющий не иную цель, как возбудить ропот на Преосвященного, якобы не уважающего звание протоиерея и заслуженных отличий.

И то достойно осуждения, что протоиерей подал рапорт ректору и инспектору. По своей опытности, он не мог не знать, что они не имеют законного права принять оный, но пошел сею непрямою дорогою и ввел в искушение неопытных.

Изложенные обстоятельства дела ведут к следующим заключениям:

1) Преосвященному изъяснить, что в представлениях его недостает требуемой законом ясности и доказательности, и рекомендовать

ему с большею точностью держаться законного порядка, и обвинения основывать на делах доказанных, а не на неопределенных замечаниях о характерах и свойствах лиц. 2) Протоиерея, на деле обнаружившего расположение непрямыми и неправыми путями причинять затруднения начальству, вывести в другую епархию была бы предосторожность не излишняя. Если же сие не угодно будет Св. Синоду, то, по крайней мере, надобно укротить его строгим выговором в присутствии Консистории за вышепоказанные поступки, с подтверждением, чтобы действовал прямодушно и не выступал из пределов закона. 3) Секретарю сделать выговор или замечание за неправильности вышесказанные. 4) Предоставить Преосвященному взять от ректора и инспектора объяснения, почему они не подписали определения и почему приняли от протоиерея рапорт, и представить Св. Синоду, с мнением. 5) По соображении с 284 статьею Устава Консисторий, не преждевременно ли Преосвященный удалил от присутствования ректора и инспектора. Определить сие зависеть будет от воззрения Св. Синода на дело. За голос, в суде несогласный с другими, закон не подвергает ответственности. 24 ноября. 1860 года»[1].

Л. А. Соколов пишет по поводу этого заключения: «Конечно, стоя на формально-деловой точке зрения в оценке дела протоиерея Крастилевского, мы не можем не признать, что замечания Владыки — Митрополита Филарета — правильны, а действия Владыки Игнатия стремительны и настойчивы без послаблений, вызываемых человеческою слабостию и заслугами прошлого лиц небезупречных. Действительно, с точки зрения формальной в деле протоиерея Крастилевского мы находим много суждений об этом лице, основанных на общих «замечаниях о характерах и свойствах лиц» и мало фактической обоснованности, кроме разве случая жалобы на действия Крастилевского со стороны депутации горцев в Моздоке. В делопроизводстве формальная законность, конечно, соблюдена не вполне, хотя лично мы и не сомневаемся в прямоте и правоте действий владыки Игнатия. И неполнота и некоторая неопределенность делопроизводства о Крастилевском объясняется, на наш взгляд, не тем, что, как думает мудрый Владыка Филарет, Владыка Игнатий не был членом Консистории, ибо канцелярское делопроизводство им изучено достаточно за время всякого рода следствий по монастырям С.-Петербургской епархии и др., а скорее тем, что Вла-

[1] *Соколов.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 1. С. 225–228.

дыка Игнатий при властности, решительности и настойчивости своего характера, в случае глубокой убежденности в правоте своего взгляда, как это было в деле Крастилевского, и принципиальности вопроса, затрагивающего дело веры и христианской жизни ближних, не хотел считаться с условиями юридическими, решая вопрос на почве моральной, а не номистической».

К этому следует добавить, что Высокопреосвященный Митрополит Филарет, найдя, что в отношении в Святейший Синод Преосвященным Игнатием не соблюдена формальная законность, **сам определил те действия Крастилевского**, в которых тот обнаруживает **«расположение непрямыми и неправыми путями причинять затруднения начальству»** и за которые его **«вывести в другую епархию была бы предосторожность не излишняя»** или **«по крайней мере, укротить его строгим выговором в присутствии консистории за вышепоказанные поступки»**.

Святитель Игнатий, скорее всего, не знал, какой ход получило его отношение о Крастилевском, не знал он и о заключении Митрополита Филарета, а судил об его действиях по всевозможным слухам, распространявшимся неблагонамеренными людьми, скорее всего, самим Крастилевским и его подручными. Впрочем, он никогда и не был так категоричен, как авторы его «Жизнеописания». Брату своему, П. А. Брянчанинову, он писал: «Я мирен к действиям Московского Митрополита и других; ибо они совершаются не без попущения Божия, а Бог приводит человека к духовным целям такими путями, которые по наружности имеют характер неприятностей и несчастий. Слава премудрости Всеблагого Бога нашего». И уже скоро все эти дела перестали его волновать: 5 августа 1861 г. состоялось, согласно его прошению, его увольнение на покой.

5 октября 1861 г. он писал Петру Александровичу: «По милости Божией я прибыл благополучно 30 сентября вечером в Москву, остановился у Преосвященного Викария [то есть у о. Леонида Краснопевкова], коим, равно как и Митрополитом, принят был очень ласково». При свидании с Митрополитом Филаретом он высказал ему волновавшие его мысли о воспитании юношества, приготовляющегося к служению Церкви, — в том же духе, как он говорил и писал об этом Преосвященному Леониду. Владыка Митрополит признавал слова Преосвященного Игнатия справедливыми, а свое невмешательство в дело духовно-воспитательное оправдывал старостию своею и отдалением от центра духовно-административного.

На другой день после свидания с Митрополитом у Преосвященного Игнатия случился приступ его болезни, он вынужден был обратиться к врачу и задержаться в Москве на две недели.

Преосвященный Леонид записал в дневнике: «Преосвященный в Лавру не заглядывал. О. наместник сказал здесь Митрополиту, что проехала свита Преосвященного Игнатия. "Какая?" — спрашивает он. "Черный пес да иеромонах". Вероятно, Митрополит не удержался, чтобы не высказать этого Игнатию, и потому он мимошел Лавру».

Уход епископа Игнатия на покой породил много разных толков. Но прозорливый старец Митрополит Филарет правильно понял те мотивы, которыми он руководствовался. После свидания с ним он писал Архиепископу Тверскому Алексию: «Преосвященный Игнатий неожиданно исторгнул себя из службы. Иные говорят, что это на время, до открытия высшей кафедры. А мне кажется, щастлив, кто мог законно устраниться от трудностей времени, дабы внимать Богу и своей душе. Преосвященный говорит, что он уступил своей всегдашней любви к созерцательной жизни и что состояние здоровья помогло решиться. Вид его показывает менее здоровья, нежели прежде. И он в Москве должен был употребить некоторое краткое лечение»[1].

Это было последнее свидание двух святителей в земной жизни. Но Преосвященный Игнатий всегда сохранял благоговейную память о старце Митрополите. «В бытность твою в Москве,— писал он брату 14 июня 1862 г.,— тебе не мешает побывать у Митрополита и у Викария и принять благословение их, как у Святителей». А Преосвященному Леониду — 3 января 1863 г.: «С особенным утешением прочитал и описание отношений Государя Императора и Государыни Императрицы к Высокопреосвященнейшему Митрополиту. Это добро есть добро общественное. Бог соединил Царей и Иереев для блага человечества, странствующего на земле, поручив первым устроять временное благоденствие общества человеческого, а вторым приготовлять это общество к переселению в вечность и к блаженству в вечности. Представители обоих служений должны находиться в единодушии, как призванные к этому единодушию Самим Богом, и из благочестивого единодушия своего действовать».

Наступил 1867 год. В августе намечалось празднование пятидесятилетия святительского служения Митрополита Филарета. По

[1] Письма Московского Митрополита Филарета Архиепископу Тверскому Алексию. М., 1883. С. 238.

совещании с Преосвященным Леонидом, который руководил Комиссией по подготовке празднования, архимандрит Пимен (Угрешский) отправил письмо святителю Игнатию, в котором спрашивал, не пожелает ли он принять участие в работе Комиссии. 24 апреля 1867 г. Преосвященный Игнатий отвечал: «Равным образом очень благодарен тебе за уведомление, что 5-го августа сего года совершится пятьдесят лет служения его Высокопреосвященства, Митрополита Филарета, в сане епископа. Весьма желательно, чтоб адрес его Высокопреосвященству от общежительных монастырей был выполнен удовлетворительно. Самое дело показывает, что составление адреса должно быть поручено лицу: 1) знающему монашескую жизнь; 2) знающему действия Митрополита в пользу вообще монашества по Синоду; 3) знающему действия Митрополита по Московской Епархии; 4) знающему его частные действия. Адрес может быть силен единственно по числу и достоинству фактов».

Через шесть дней после этого письма, 30 апреля 1867 г., святитель Игнатий отошел в вечность. А через шесть с половиной месяцев, 19 ноября, в вечность перешел Митрополит Московский Филарет.

Святитель Филарет Московский

Переложение увещательной песни св. Григория Богослова

Близок последний труд жизни,
плаванье злое кончаю
И уже вижу вдали казни горького зла:
Тартар ярящийся, пламень огня,
глубину вечной ночи,
Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.
Но, Блаженне, помилуй и, хотя поздно, мне даруй
Жизни остаток моей добрый по воле Твоей.
Много страдал я, о Боже Царю,
и дух мой страшился
Тяжких судных весов, не низвели бы меня,
Жребий мой понесу на себе,
переселяясь отсюда, —
Жертвой себя предая скорбям, снедающим дух.
Вам же, грядущие, вот заветное слово:
нет пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрешается в прах[1].

[1] По книге: *Митрополит Иоанн (Снычев).* Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. С. 577.

Письмо святителя Филарета (Дроздова), Митрополита Московского, к Преосвященному Стефану (Романовскому), епископу Вологодскому и Устюжскому[1]

Преосвященнейший Владыко,

Достопочтенный о Господе Брат!

Из Указа Святейшего Синода, на сих днях последовавшего, известно Вашему Преосвященству, что Лопотовский Игумен Игнатий переведен Московской Епархии в Угрешский монастырь, ныне открылась надобность вызвать его в Петербург, по делам службы.

Из недавнего отправления Указа Святейшего Синода заключая, что он должен быть еще в Вологде, покорнейше прошу Ваше Преосвященство о следующем распоряжении:

1) Поспешите принятием Лопотова монастыря от Угрешского Игумена Игнатия.

2) По исполнении сего отправить его по надлежащему не в Москву, а прямо в Петербург с тем, чтобы он по прибытии явился ко мне на Троицкое Подворье.

3) Назначенные ему прогонные деньги обратить на сие путешествие, а есть ли[2] бы случилось умедление в выдаче оных из Казенный Палаты, в таком случае выдать прогонные деньги по чину и по расчету до Петербурга, заимообразно, из сумм имеющихся в ведении Вашего Преосвященства, и о количестве выданных денег уведомить меня для возвращения оных.

О последующем по сему я буду ожидать от Вашего Преосвященства уведомления, пребывая с истинным и совершенным почтением Вашего Преосвященства покорнейший слуга

Филарет, Митрополит Московский.

15 ноября 1833 г.

Его Преосвященству Стефану, Епископу

Вологодскому и Устюжскому, и Кавалеру.

[1] Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее — РГБ ОР). Ф. 425. К. 2. № 2. Публикуется впервые.

[2] Если.

Письма святителя Филарета (Дроздова) к святителю Игнатию*

№ 1

Преподобный Отец Игумен. Судьба Божия, поставив меня с Вами в сношение по службе, в то же время открывает случай, чтобы мы друг друга узнали в лице. Я сему рад: только забочусь, не было бы сие путешествие трудно для вас в сие время года, по вашему здоровью, как я о нем слышал: но надобно, чтобы вы были в Петербурге; и я не могу переменить сего. Приехать можете прямо ко мне. Бог да благословит Вас и наставит на путь мира.

Филарет, М<итрополит> Московский.
Нояб. 1, 1833
СПб.

№ 2

Чтобы Вы, Преподобнейший Отец Архимандрит, успокоили помысл об о. Иларии[1], извещаю Вас, что к Преосвященному Вологодскому писал я после того, как говорил о сем с Вами, в следующее утро; а потом и прошение его получил, а в Москву на случай приезда его приказание дал. Мир Господень с Вами.

Филарет, М<итрополит> Московский.
Февраль 15, 1834

[1] См.: Т. 1. С. 312–319.

№ 3

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Иеродиакон Ираклий сделал то доброе дело, что доставил мне случай иметь от Вас письмо. Только желаю лучше слышать о вашем здоровье, нежели о болезни, хотя, впрочем, и болезнь в путях провидения не есть зло, по реченному: по множеству болезней моих в сердце моем утешения Твоя возвеселиша душу мою.

Со взаимною откровенностью скажу Вам о Ираклии, что во время службы его при мне я не замечал в нем зла и беспорядка: но при случаях производства в иеромонашество ближайшие над ним смотрители дважды представляли не его, а других, находя тех более достойными, хотя не были старше его. Я принимал в соображение сие свидетельство, не имея причин подозревать оное в пристрастии. Теперь вопрос: по оскорбленному желанию

* Богословский Вестник. 1912. Сентябрь -- декабрь. С. 628–638.

высшей степени или по желанию доброго наставления желает к Вам Ираклий? Может быть, и по сему последнему; или, может быть, чрез первое Бог ведет его к последнему. Я во всяком случае уволить его согласен. Решите сие дело, как вам угодно.

Мир и благословение Божие призываю Вам и сущим с вами.

Филарет, М<итрополит> Московский.
М<осква>.
Июль 30, 1834

№ 4

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Обещав вам чрез о. Михаила, что исправлюсь от моего невежливого молчания, пишу сие малое слово, чтобы сдержать слово. Воспоминания Ваши обо мне всегда принимаю с благодарностью, так как и Вас воспоминаю с любовию. Если бы можно посылать мысли без употребления труда и времени писать оные, Вы часто имели бы мои. Поищите мне сего способа; а до тех пор помедлите гневаться на мое неписание или, по крайней мере, до того времени, когда можете в лицо сказать мне Ваше обличение, что, может быть, не в долге сделается возможным.

С истинным почтением есть
Вашего Высокопреподобия усердный слуга

Филарет, М<итрополит> Московский.
Апр. 26, 1835

№ 5

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Сейчас встретился я с Вами в письме Вашем, и утешен Вашим о мне воспоминанием. Благовременно сие для меня между прочим и потому, что, по долгу послушания священной воле Благочестивейшего Государя, зрю на путь к новой столице; и утешение воспоминания обнадеживает утешением беседования лицем к лицу.

Благодарю, что воспоминание о мне соединяете с молитвою. Немощь моя имеет нужду в сей помощи.

Что смирение Ваше говорит о преткновениях на пути духовной жизни, — сие внимание добро, и полезно, и само по себе уже охранительно. Благодать же Божия, при данном Вам разуме пути Господня, да управит шествие Ваше ко спасению и руководство вверенных Вам, стопами твердыми и непоколебимыми,

по заповедям Божиим, со свидетельством слова Божия и Духа Божия, сосвидетельствующего духу верующему и чисте молящемуся. О сем моляся, благословение Божие призываю Вам с искреннею к Вам любовию и почтением.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Филарет, М<итрополит> Московский.
Дек. 3, 1837

№ 6

С уважением читаю размышления в письме Вашем, Преподобнейший Отец Архимандрит. Но должно ли согласиться и с Вашим заключением, сие требует еще размышления. Впрочем, мысль дать Вам новый труд не мне одному принадлежит, и не мною одним уничтожена быть может. Дело сие не торопится. Будет время размыслить и, может быть, еще раз беседовать о сем с Вами.

Вы вчера по глазам моим угадали болезненность, которая к вечеру сделалась было тяжкою, и не прошла еще ныне.

Здравие Вам и мир Господень.

Филарет, М<итрополит> Московский.
Дек. 22, 1837

№ 7

Благодарю Вашему Высокопреподобию, что помогаете общим заботам. Вести о о. Палладии утешительны. Да возрастит Господь благое, и да обессилит искушения.

Для Валаамской обители желателен начальник, не наружный токмо делатель; но и духовный подвижник, могущий преподавать братии разум спасения. — Мысли и соображения Ваши будут мне полезны для моих размышлений; но не почитаю правильным войти в дело столько, чтобы я предложил в настоятели кого другого, не только в Св. Синоде, но и в беседе со Владыкою. О чем он спросит, о том и я с ним рассуждать не отрекусь.

Мир Господень Вам и Вашему во Христе братству с любовию призываю.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Филарет, М<итрополит> Московский.
Окт. 31, 1838

№ 8

Константинопольский, бывший при Нектарии, после Карфагенского: потому что такой порядок во втором правиле Трулльского собора.

Церковь есть не только повсеместная, христиан православных всех мест объемлющая, но также и всевременная. Посему греческое наименование Кафолической, в котором нет понятия о месте, и которое потому заключает под собою всеобщность места и времени, — лучше выражает наименование повсемественной Церкви.

Слова Лютера так ужасны и гнусны, что не знаю, хорошо ли осквернять ими православную страницу, и не лучше ли сказать читателю: посмотри такую-то книгу, а я не хочу писать диаволо вдохновенных слов.

Примечание к правилу о Ангеловцах посылал я к Вам вчера: но как Вас не застали, то отдал Архимандриту Платону, который хотел ныне рано послать в типографию. Потребуйте листа с примечанием.

Вот и конец Карфагенского собора.

Ноябр<ь> 5, 1838.

№ 9

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Уважаю избравшего Вас посредником, так как и все семейство его; и желаю исполнить его желание. Но боюсь решительно обнадежить в исполнении, потому что мы не имеем власти перемещать по произволу, как имеют светские начальства. Ежели бы мне сказали причину, то, вероятно, дали бы мне более силы исполнить дело, которым [утешить] добрых и уважаемых людей искренне желаю.

Призываю Вам благословение Божие, молитвам
Вашим себя поручаю.

Филарет, М<итрополит> Московский.

Москва.
Сент. 22, 1841

№ 10

Преподобнейший Отец Архимандрит!

До того занимала меня мысль, что долго не отвечаю на два занимательные письма Ваши, что на сих днях, во сне, кто-то

мне сказал о Вашем приезде, и на вопрос, где Вам остановиться? — я ответствовал: у меня. Пока нет сего наяву, я доволен моим ответом во сне, который не без правды и в том отношении, что за сим получил я Ваше третье письмо.

Жаль, если и доброе направление нынешнего Валаамского Игумена не довольно врачебно для принесенных в обитель болезней. Ваши посещения и сношения должны помогать сему, при доверенности и полномочии от высшей власти.

От подначальных немало зла монастырям. Кажется, надобно подумать, чтобы некоторые обители особенно образовать в качестве исправительных, с приличными правилами и способами.

Мысль переложить книгу Аввы Дорофея на язык более общеупотребительный, да поможет Вам Бог в действии, со вниманием, чтобы язык был и прост и точен.

Мудрование и деяния монаха Порфирия стоили ль труда, который Вы употребили на изложение их? Как уже довольно давно было видно, что он не подчиняет своего мудрования Вашему руководству, то, по моему мнению, давно пора освободить Вашу обитель от его самочиния и Петербург от его поучений.

На себя, по-прежнему, жалуюсь Вам, как на болезненного и потому мало деятельного. Вот, мой и Ваш праздник приближается, и я еще не знаю, в силах ли буду предпринять путь в Лавру.

Мир и благословение Божие с любовию Вам призываю.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Филарет, М<итрополит> Московский.

Москва.
Сент. 22, 1841

О. Казначею мое доброе воспоминание и поклон.

Откровенная и стремлением к добру одушевляемая беседа М. М. А. оставила во мне доброе воспоминание. Господь да утешит Его утешением временным и вечным.

№ 11

Хотя Вы запрещаете мне, Преподобнейший Отец Архимандрит, писать, однако я не могу на приятные черты братолюбием водимой руки не отвечать подобным образом. Очень утешительно мне общение Ваше с моим смирением, и для меня не только приятно,

но, надеюсь, и назидательно было бы разделить с Вами молитву и беседу и видеть устроение братии Вашей. Но невольник я и моих занятий и моих немощей, и потому не в силах Вам обещать того, от чего отказываться отнюдь не желаю. Желание и благодарность мою примите, а исполнение да строит Господь. Благословение Божие и мир Вам и братии Вашей с любовию призываю.

Филарет, М<итрополит> Московский.

СПб.

Мар<т> 10, 1842

Письма святителя Игнатия к святителю Филарету (Дроздову)*

№ 1

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Когда имел я счастье быть у Вас и Вам благоугодно было спросить, не имею ли усердия участвовать в Цензуре духовных книг, — то внезапность вопроса не дозволила мне представить на благорассмотрение Вашего Высокопреосвященства удовлетворительного ответа. Сими строками хочу пополнить оный.

Нахожу деятельность цензора весьма для себя отяготительною и по душе и по телу. По телу: должен я по крайней мере в неделю раз ездить в Петербург, для общих совещаний с прочими членами цензурного комитета. Весьма часто должно будет мне являться для объяснений к членам Святейшего Синода, в случае их нездоровья или отлучки должен повторить приезд. Для человека, живущего в Столице и пользующегося здоровьем, сие удобно и легко; но мне при сильном расстройстве нерв, загородному жителю, до безмерия отяготительно. За каждую поездку в город плачу дорого; должен лежать целые сутки, так ослабну, так заломит все кости! По душе: решился я принять монастырскую жизнь не для цели честолюбия земного, ниже для цели пострижения; напротив должен был не без сильной душевной борьбы отказаться от честолюбивых видов и призраков, являвшихся мне во всем блеске в мирской моей жизни. Если присовокупить к сему любовь моих родителей, то могу сказать: сколько сделал я пожертвований многоценных, дабы наследовать уединенную келлию, то село, на

* Письма № 1 и № 2 — РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 2. Письмо № 3 — РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 11. Впервые опубликованы в ПСТ.

коем скрыт бесценный бисер! Десять лет уединяясь (более или менее) в келлии и отвлекая ум мой от многообразности и многочисленности предметов — уже чувствуя, что многие воспоминания во мне замерли,— не могу без очевидного бедствия душевного вдаться в море забот внешних, суждений, прений, выездов,— в жизнь путешественника. Самым пребыванием в Сергиевой Пустыне до зела отягощаюсь,— и единственно потому не утруждаю просьбою о увольнении из оной Государя Императора, чтобы не быть перед Ним до конца неблагодарным — молчу до времени, ожидая, что перст Божий укажет мне приличное к уединению время. О сем прилежно молю Господа. — Изволили также спрашивать: чем я занимаюсь? Позвольте, нет у меня лишнего времени. Не говорю уже о том, сколько оного похищает у меня слабость тела, монастырские заботы,— а паче всего выезды.

Прошу и убеждаю Ваше Высокопреосвященство: как милостивое расположение Ваше и доверенность внушили Вам мысль возложить на меня упомянутую должность, так оное же милостивое расположение и внимание к слабостям моим, к душевному направлению и к покорнейшей просьбе да убедят Вас оставить грешного Игнатия плакатися о гресех его. Довольно, предовольно для осуждения моего на страшном Суде Христовом собственных грехов и Настоятельского ига, недостойно носимого. — Прошу святых молитв и прощения за многословие.

Архимандрит Игнатий.

21-го декабря 1837

Его В<ысокопреосвященст>ву,
Филарету, Митроп<олиту> Московскому

№ 2

Ваше Высокопреосвященство!
Милостивый Архипастырь и Отец!

Позвольте мне и в единонадесятый уже час поздравить Вас с пресветлым праздником Воскресения Христова и приветствовать радостнейшим приветствием: Христос Воскресе.

С того времени, как узнал я, что Вы должны провести нынешнее лето в Петербурге, не могу не беспокоиться насчет Вашего здоровья, коим запасаетесь Вы в продолжение лета на целый год. Кажется, Сергиева пустынь относительно воздуха могла бы заменить Москву, более других окрестностей Петербургских, если б Вы благоволили провести в оной нынешнее лето. Комнаты

сухие, при Вашей неприхотливости весьма достаточны, кухня особенная, стойла для шести лошадей, навес для кареты, для Секретаря особенная, отдельная и поместительная комната, для келейника также, земляники в саду предовольно.

Прошу Вас и молю, Высокопреосвященнейший Владыко, не отриньте сего усерднейшего приглашения!

Не нужно говорить, сколько братия и я были бы утешены Вашим присутствием. Нашу радость разделили бы все те, кои к Вам привержены и кои готовы Вас встретить, заботиться о Вашем летнем пребывании, как бы о верном залоге вашего здоровья.

Высокопреосвященнейший Владыко! Прошу Вашего Архипастырского Благословения и молитв. С истинным высокопочитанием и преданностью честь имею быть Вашего Высокопреосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
30-го апреля

№ 3

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Здесь нашел я молодого Иеромонаха Даниила с весьма хорошими способностями, но с пьянственною слабостию, за которую он исключен из Киевской Академии, на Коневце он ведет себя довольно воздержанно. Я предложил ему заняться переводами святых Отцов, и с утешением увидел его готовность к таковому труду. Наше монашество крайне нуждается в книге св. Аввы Дорофея, которая, по мнению Нямецкого Паисия, есть первая книга, долженствующая быть в руках новоначального. Эту мысль разделяло все опытное монашество, и даже сам Феофан Новоезерский[1], хотя дух Новоезерского братства был и есть совершенно противный духу этой книги, основывающей все здание добродетелей монашеских на откровении помыслов. В Сергиевой Пустыне я распространял сколько мог сию книгу, покупая для нее и издаваемую с оною книгу Ефрема Сирина; несмотря на то, что имеем до двадцати экземпляров, и еще нуждаемся; в особенности новоначальные отягощаются наречием Словенским. Как сочинение Аввы Дорофея находится у меня в Голландовой библиотеке на Греческом и Словенском языках, так думал бы я занять Даниила переводом оных на Российский язык, разуме-

ется, в пользу казны, если труд сей найдет покровительство Вашего Высокопреосвященства, о чем прошу милостивейшего уведомления хотя чрез моего Казначея: ибо зная множество занятий Ваших, я не желал бы, чтоб Вы утруждали для меня многотрудящуюся руку Вашу. Теперь занимаюсь пересмотром книги св. Исаии Отшельника, и очень утешаюсь обильною духовною пользою, от оной точащеюся. О, когда бы наши монашествующие вместо газет и жизни Наполеона занимались Дорофеем, Исаиею, Макарием и прочими деятельными Отцами.

За тем поручаю себя и братство Отеческой любви, Архипастырскому благословению и молитвам Вашего Высокопреосвященства, с глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейший послушник

А<рхимандрит> Игнатий.

Август 1841 г.

Имею честь представить Вам новоизбранного Казначея Сергиевой Пустыни Иеромонаха Игнатия.

[1] *Феофан Новоезерский* — о нем см.: Т. 1. С. 467–471.

II

Святитель Филарет (Амфитеатров), Митрополит Киевский

И белое покрывало главы
требует чистоты сердца —
а украшенное цветами напоминает
об украшении души всеми
христианскими добродетелями.

Филарет, Митрополит Киевский

Н. С. Лесков в своей повести «Мелочи архиерейской жизни» приводит слова, сказанные Государем Императором Николаем I: «О церковном управлении много беспокоиться нечего: пока живы Филарет мудрый [Дроздов] да Филарет благочестивый [Амфитеатров], все будет хорошо»[1].

Святитель Филарет (в миру Федор Георгиевич Амфитеатров; 17 апреля 1779 — 21 декабря 1857) родился в селе Высоком Орловской губернии в семье священника. В 1798 г. окончил

[1] *Лесков Н. С.* Собрание сочинений: В 11 т. Т. 6. М., 1957. С. 457.

Орловскую семинарию и в том же году был пострижен. В 1802 г. он ректор Орловской семинарии, в 1804 — Оренбургской, в 1810 г. — Тобольской семинарии; в 1814 г. инспектор Петербургской Духовной академии и в этом же году — доктор богословия, в 1816 г. — ректор Московской Духовной академии. В 1817 г. он архимандрит Ново-Иерусалимского монастыря; в 1819 г. — епископ Калужский, в 1825 — Рязанский, в 1826 г. — Архиепископ. В 1828 г. переведен на Казанскую кафедру, в 1836 г. — на Ярославскую. С 1837 г. он Митрополит Киевский.

За время преподавания в Московской академии он из своих академических лекций составил полную систему Догматического Богословия. С этого времени между ним и ректором Петербургской Духовной академии Филаретом (Дроздовым, будущим Московским Первосвятителем) «утвердилась та внутренняя искренняя духовная связь, которая во всю жизнь их продолжалась неизменно».

В период пребывания Преосвященного Филарета (Амфитеатрова) на Калужской кафедре Оптина Пустынь нашла в нем «на веки незабвенного благодетеля». Задумав создать там скит, он поручил настоятелю игумену Даниилу выбрать на пасеке удобное для него место (на котором постоянный благодетель Пустыни купец Брюзгин построил келлии) и пригласил туда монахов, известных своей подвижнической жизнию.

На Ярославской кафедре Преосвященный Филарет пробыл всего семь месяцев: с 17 сентября 1836 г. по 18 апреля 1837 г. Все это время он должен был находиться в Петербурге, как член Синода. Епархией он управлял заочно, тем не менее занимался ее делами достаточно усердно, как это видно на примере Югской Дорофеевой пустыни. Именно в это время началась его активная переписка с архимандритом Игнатием Брянчаниновым по поводу перехода в Югскую пустынь иеромонаха Варфоломея, рекомендованного последним для занятия там настоятельской должности[1]. В последующие годы переписка между Митрополитом Киевским Филаретом и архимандритом Игнатием носила чисто дружеский характер: к опубликованным ранее 13 письмам Митрополита Филарета в настоящем издании добавлено еще одно из «Полного жизнеописания святителя Игнатия».

Святитель Игнатий писал: «Преосвященный Филарет, Митрополит Киевский, пастырь, имеющий помазание благодатное, сказал мне следующие благодатные слова: «Те наставники похваль-

[1] См.: Т. 1. С. 346–348.

ны, которые приводят не к себе, а к Богу». Еще он писал: «Сей Архипастырь есть лучший из всех Российских Архиереев». Помимо других положительных качеств, Преосвященный Филарет отличался необыкновенной, «истинной», добротой и неподдельным «смиренством». Н.С.Лесков в указанной выше повести приводит ряд примеров этой его доброты. Святитель Игнатий тоже писал о нем: «Добрый старец». В жизнеописании святителя Игнатия имеется рассказ об одном случае, характеризующем Филарета Киевского: «Однажды архимандрит приехал навестить Митрополита. Последний, встретив его и пригласив сесть, с нерешительностью говорит ему: “Не знаю, сознаться ли?” — “В чем?” — спросил, улыбаясь, архимандрит. “Да вот, опасаясь возношения по причине почестей от человеков, ради смирения себя, сшил себе мухояровый[1] подрясник и сего дня обновил его”. Архимандрит взял полу этого подрясника, плюнул на нее, растер и сказал Высокопреосвященному: “В золоте ходите, но думайте о Церкви! В этом послушание Ваше и смирение Ваше”. И по его совету Митрополит снял мухояровую одежду»[2].

За семнадцать лет до кончины, в 1840 г., Митрополит Филарет (Амфитеатров) принял схиму с именем Феодосий. Но схимником он был только в частной жизни, скрытой от посторонних глаз. В общественной жизни он до конца оставался Митрополитом Киевским.

Письма святителя Филарета (Амфитеатрова) к святителю Игнатию*

№ 1

Преподобнейший Отец Архимандрит,

Возлюбленный о Господе брат!

Очень жалею, что болезнь Ваша так долго продолжается и так долго лишает меня удовольствия видеть Вас. Молю Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, да возвратит вам здравие Ваше, на подвиги Святого Великого поста, с наступлением коего, яко вожделеннейшего для душ наших времени, усердно поздравляю Вас.

Настоятель Югской Дорофеевой пустыни по прошению его на сих днях уволен от должности Строителя. На время поручил я

[1]*Мухояр* — дешевая бумажная ткань с примесью шерсти или шелка. ‖ [2] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 205.

* Богословский вестник. 1913. Март. С. 405–417.

управление оною Петровскому игумену Киприану, доколе прибудет к нам из Белобережской пустыни отец иеромонах Варфоломей. Сделай милость, брате, напиши к нему братолюбное увещание, чтобы он, возложивши упование свое на Господа Бога, не отрицался от звания свыше на попечение о братстве Святыя обители Югския. Прошу известить меня, не пишет ли он к Вам о своем согласии. Ежели бы он пригласил с собою сколько ему угодно братии по сердцу своему, я бы принял всех с совершенною любовию. Весьма желательно насадити виноград истинно монашествующих во вверенной мне пастве, отрасли его прострутся и на другие страны Севера. Помогите мне в сем деле Господа ради. На второй неделе поста я хочу просить Святейший Синод прямо определить о. Варфоломея настоятелем Югской пустыни, но боюсь, не отказался бы. Дайте мне Ваш совет — ибо Вы хорошо знаете сего старца. Призывая на Вас и на всю святую братию Вашу — благословение Божие с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию имею честь навсегда пребыть

Вашего Высокопреподобия усерднейший слуга

Филарет, Архиепископ Ярославский.

1 марта 1837 г.

№ 2

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Возлюбленный о Господе брат!

Извольте и письмо мое приложить к о. Варфоломею для удостоверения его — известить его, что на путевые издержки к нему имеет быть прислано надлежащее количество денег с избытком. Призываю на Вас благословение Божие.

Вашего Высокопреподобия усерднейший слуга

Филарет, А<рхиепископ> Ярославский.

3 марта 1837 г.

№ 3

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Любезный о Господе брат!

Из прилагаемого при сем письма изволите увидеть, что о. Варфоломей пожелал принять на себя послушание настоятельства в Югской пустыни. Почему я и определил его в сие звание согласно указу Святейшего Синода. Прошу Вас ободрять его надеждою на всесильную помощь Божию. А я с своей стороны

поручу его в особенное покровительство нового Ярославского Архипастыря — исполненного ревности по благочестии.

Призывая на Вас благословение Божие с пастырскою любовию есмь и пребуду

Вашего Высокопреподобия усерднейший слуга

Филарет, М<итрополит> Киевский.

28 июня 1837 г.

№ 4

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Любезный о Господе брат!

И белое покрывало главы требует чистоты сердца — а украшенное цветами напоминает об украшении души всеми христианскими добродетелями. Помолитесь, отче, со всею любезною о Христе братиею, да служение мое Церкви святой непостыдно явится пред лицем Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Об о. Варфоломее и теперь напишу к Преосвященному Ярославскому — и всегда буду его помнить за его послушание истинно иноческое.

Призывая на Вас благословение Божие, с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию имею навсегда пребыть

Вашего Высокопреподобия усерднейший слуга

Филарет, Митроп<олит> Киевский.

№ 5

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Возлюбленный о Господе брат и сослужитель!

По ходатайству Вашему исполню все, что от меня будет зависеть. Служителей олтаря Господня надлежит ободрять как в награду трудов, так и в поощрении другим. Всем сердцем разделяю с Вами крест Ваш. Господь Бог и Спаситель наш Иисус Христос, единая радость и надежда наша, Собою освятивший нам грешным крестный путь и жизнь вечную, да ниспослет в доброе и благочестивое сердце Ваше утешение Святаго Духа. Любящим Бога вся поспешествует во благое.

Призывая на Вас и на вверенную Вам обитель благословение Божие, с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию есмь и пребуду дондеже есмь

Вашего Преподобия усерднейший богомолец

Филарет, М<итрополит> Киевский.

О Ските Нила Сорского не нахожу пути ходатайствовать по известным вам причинам. Надлежит отложить до благоприятнейших обстоятельств.

7 июня 1837 г.

№ 6

Преподобнейший Отец Архимандрит Игнатий!

Любезный о Господе брат и сослужитель!

Искреннейшую приношу Вашему Преподобию благодарность за память о моем недостоинстве при наступлении нового лета благодати Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Благочестивое писание Ваше я получил с душевным удовольствием — большей радости не имам, возлюбленне, как видеть братий во Христе Иисусе, преуспевающих в подвигах иноческой жизни вечной и созревающих к наследию жизни вечной. Благодарю Господа Иисуса Христа, надежду нашу, подавшего Вам силы к благодушному перенесению скорби Вашей. Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Небесное. Взирающе на Начальника и Совершителя веры нашея Иисуса, иже вместо предлежащей Ему радости претерпе крест. За Ним последовали целый облак преподобных, празднуемых ныне Церковию, для указания и нам грешным пути, ведущего в Царствие Небесное. А у моего недостоинства всегда пред глазами святые пещери, благоухающие Духом Святым — в них же почивают толикое множество преподобных Российския Церкви угодников Божиих нетленные честные мощи. Взирая на них, окаеваю наше суетное житие, так далеко отстоящее от их подвижнической святой жизни — как земля от неба. Помолись, брате боголюбезный, да сподобит Господь по немалейшей части коснуться богоугодного их жития — доколе не воззвани будем в вечность. Приветствую Вас с наступлением вожделеннейшего для иноков времяни святыя и освящающия Четыредесятницы. Дай, Господи, совершить Вам подвиг святого поста в молитвенном духе и в радости святых сретить светлый праздник Воскресения Христова.

Призывая на Вас и на вверенную Вам обитель благословение Божие, с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию есмь и пребуду

Вашего Преподобия усерднейший слуга

Филарет, М<итрополит> Киевский.

8 февраля 1841 года

№ 7

Преподобнейший Отец Архимандрит Игнатий!

Возлюбленный о Господе брат и сослужитель!

Приношу Вашему Преподобию искреннейшую благодарность за память о моем недостоинстве. Доставленное братом обители Вашей Отцом Игнатием письмо получил и прочитал с духовною радостью — видя Ваше преуспеяние в иноческой жизни в терпении и благочестивых подвигах. Подвизайся, брате, на сем крестном пути, взирая на образ жизни Преподобных и Богоносных отец наших, проложивших наш путь ко спасению.

Призывая на Вас и на вверенную попечению Вашему обитель благословение Божие, с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию имею пребыти навсегда

Вашего Преподобия усерднейший слуга

Филарет, М<итрополит> Киевский.

21 июля 1841 года — Киев

№ 8

Преподобнейший Отец Архимандрит Игнатий!

Возлюбленный о Господе брат!

Писание Ваше ко мне получил я от смиренной рабы Божией Авдотьи Терентьевой[1]. За любовь Вашу к моему недостоинству приношу Вам искреннейшую благодарность. Первая, всегдашняя, теплая, хотя и недостойная молитва моя к Господу Богу и Спасителю нашему Иисусу Христу и Пресвятой Богородице, Заступнице нашей усердной, — о матери нашей Православной Церкви, породившей нас Духом Святым и воспитавшей нас в уповании в наследие жизни вечной. Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею Кровию. Он, Всеблагий, всевидящими и милосердными очами своими призирает на Церковь Свою, воинствующую на земли, волны мира сего часто восстают на святый корабль сей — обуревают, но не потопляют. Кормчий его иногда представляется покоящимся — но всегда бодрствует, — и под Его всемогущим мановением после бурей всегда настает тишина велия. Вот моя вера. Недоведомыми судьбами Божиими приведенный на святыя горы Киева — едино прошу от Господа еже жити ми в небеси подобном доме Пресвятыя Богородицы, зрети ми красоту Святыя обители Ее, посещати храм Святый Ее вся дни живота моего. Аще кто ино что любит, да любит себе якоже хощет —

нам же прилеплятися Господеви благо есть — мне же зело честни друзи Твои Боже — их же святые и нетленные мощи почивают во святых пещерах благодатныя горы Киевския.

Призывая на Вас и на вверенную попечению Вашему обитель благословение Божие, с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию есмь и пребуду

Вашего Преподобия усерднейший слуга и богомолец

Филарет, Митрополит Киевский.
14 июля 1842 г.
Киево-Печерская Лавра

[1] Митрополит пишет об Авдотье Терентьевне Лесниковой. О Лесниковых см.: Т. 2. С.161, 582–583.

№ 9

Преподобне и прелюбезне Отче и братие!

За память твою о моем недостоинстве усерднейшую приношу благодарность. Сорок четыре раза отпраздновал я день иноческого Ангела моего, но по бедности души моей едва ли когда я начну истинно иноческое житие по Бозе, хотя и вельми сего желаю. Святыя пещеры, в которых покоятся священные останки толикого множества истинных Ангелоподобного жития подвижников, всегда пред глазами моими — но как далеко суетное и преисполненное грехов житие наше от их преподобного и святого жительства! Яко же небо отстоит от земли, тако их подвиги от нашей окаянной лености. Да покрыет их молитвенное о нас ходатайство пред Богом крайнее наше недостоинство.

Душевно радуюсь о тебе, брате, что и в неуединенном месте по возможности сохраняешь уединение — которое для монашеской жизни столько же необходимо, сколько душа для тела. Преложение на русский язык монашеских правил Нила Сорского прошу прислать ко мне. Может быть, с помощию Божиею, можно будет сделать из них полезное наставление для монашествующих, в котором настоит большая нужда.

Очень жаль, что в таких юных еще летах расстроилось зрение твое, может быть такому расстройству и то между прочим причиною, что в короткое лето окружены Вы морем — а в долгую зиму необозримым пространством снега — наподобие савана, покрывающего мертвую природу. Для сохранения зрения Премудрый и Преблагий Творец покрыл землю зеленью.

У нас до первого числа декабря трава зеленелась, да и теперь снегу почти нет. А как солнце проглянет — тотчас и открывается зелень, а в начале марта ожидаем открытия благотворной весны, девять месяцев наслаждается зеленью зрение наше. А у Вас — дай Бог не уметь считать. Впрочем, советую Вам в бесконечные Ваши осенние и зимние ночи читать Евангелие самой крупной печати, читать непрерывно, не думать, что уже оно тебе известно, нет, брате; опытом узнаешь, что чем более будешь читать в молитвенном духе — тем более будет возбуждаться жажда к чтению, даже иногда и сном не прерывается чтение — недаром сказано в Писании: Расшири уста твоя, и наполню я. — Уста моя отверзох, и привлекох дух. Разумей яже глаголю, да даст тебе Господь разум о всем.

Приветствую тебя со всею во Христе братиею с наступающим великим праздником Рождества Христа, Спасителя нашего, и с новым летом благодати его. Поручаю себя молитвам вашего братства и призываю на всех вас благословение Божие.

Вашего Преподобия усерднейший богомолец

Филарет, Митрополит Киевский.
15 декабря 1842 года
Киев

Прошу доставить по адресу известной вам богобоящейся рабе Господней письмо.

№ 10

Воистину Христос Воскресе!

Прими и от моего сердца, брате возлюбленне, любящего тебя любовию Христовою, взаимное приветствие с продолжающимся еще праздником Воскресения сладчайшего Иисуса Христа, надежды нашей, жизни нашей, света нашего, радости и славы нашей. От всего сердца молю Воскресшего из гроба Бога и Спасителя нашего, да сотворит Он доброе и благочестивое сердце твое во всегдашнюю обитель с нею мира, превосходящего всяк ум, своея жизни, и света и радости — среди сени смертныя, и тмы и скорбей века сего разрушающегося. Зело радуюсь, видя из писания твоего преуспеяние души твоей в жизни по Бозе. Не ослабевай, брате, в подвигах благочестия и добродетели шествуя путем живым, обновленным для нас Самим Господом нашим Иисусом Христом, и углаженным толиким множеством святых подвижников, свидетелей истины. Хорошо очень, что сердце твое напоилось писаниями

святых отец, самым опытом постигнувших и нам, грешным, указавших путь жизни духовной и спасения. Все они советуют идти сим путем шаг за шагом, с нижней ступени начиная, не переступая восходить по лестнице, ведущей на небо. Храни, брате, сие их наставление — и Господь Бог поможет совершить тебе безмятежно подвижническое течение в Царствие Небесное.

Очень благодарен твоему преподобию, что так благонамеренно утешаешь мое недостоинство в истинно крестных скорбях моих. Помолитесь о мне — не о том, чтоб избавиться от них — ибо я зело желаю, чтоб крестные скорби продолжились до кончины моей во всеконечное очищение бедной души моей от скверн греховных, но о том, чтоб крестоношение мое было благоприятно Господу Богу и Спасителю моему Сладчайшему Иисусу Христу.

Со времени моего свидетельства истины я нахожу для себя великое приобретение, что Промысл Божий поставил меня в необходимость всевозможного уединения и беспрестанной молитвы. Желал бы всеохотно сложить с себя бремя паствы — но на сие ожидаю изволения Пастыреначальника вечного Господа нашего Иисуса Христа, которое, кажется, не замедлит последовать. Впрочем, во всем буди воля Его святая!

Предпосылаю твоему преподобию и вверенной твоему попечению обители благословение от святыя горы Печерския — и от всех Преподобных Печерских,— желая всем во Христе Иисусе Господе нашем братиям блаженнейшей части наследия жизни Преподобных и Богоносных Отец наших Антония и Феодосия, первоначальников монашествующих в России.

Вашего Преподобия усерднейший богомолец

Филарет, Митрополит Киевский.

3 мая 1843 года,

День памяти преподобного Феодосия Печерского.

№ 11

Преподобный Отец и возлюбленный в Господе брат!

Усерднейшую приношу твоему преподобию благодарность за память о моем недостоинстве в день Ангела моего. Несумненно надеюсь, что по любви твоей во Христе Иисусе, Господе нашем, надежде нашей, в день святого Филарета не забыл в молитвах твоих Филарета многогрешного. Вот уже четыредесят пять крат отпраздновал я день иноческого своего Ангела — а иноческой по Бозе жизни еще не начинал. А время кончины

временной и начало вечной жизни очень-очень близко. Пребывание моего недостоинства на святых горах Киевских и почти беспрестанное взирание на преподобных подвижников, Богоносных отцев Печерских, почитаю неизглаголенною для меня грешного милостию Божиею — но воспоминая их святые безмятежные подвиги, окаеваю наше суетное и бесплодное житие. Ах, как бы желательно хотя опоследние дни странствования на земли посвятить истинному безмолвию в молитве и богомыслии. Хотя по благости Божией в месте святе здесь довольно имею времени для молитвы, оградив себя от всего, что не принадлежит к необходимым делам службы — но все еще весьма трудно собранным быть для молитв святых. Преподобный Антоний, первоначальник наш Печерский, и тогда удалился в безмолвную пещеру, когда собралось только около двадесяти братий, — так преподобные дорожили безмолвием, зная опытом цену его неоцененную, что сотворим мы грешные среди мира многомятежного?

Очень душеспасительно беспрерывное чтение молитвенное Псалтири и Святого Евангелия. Самая беспредельная любовь Отца Небесного не могла даровать нашим душам лучшего дара, как сей великий дар Его милосердия.

Не преставай, брате возлюбленне, от сего сладостного подвига до конца жизни. Когда словеса Духа Святого вселятся в твое сердце, тогда молитва твоя соделается беспрестанной — не помешает ни пища, ни сон, ни дела службы. Много читал я святых книг, а теперь при старости Псалтирь и Евангелие, как сущность Ветхого и Нового Завета, составляют для души моей такое приятное и питательное чтение, что более и читать ничего не нахожу особенной надобности, а читаю только на досуге.

В нынешнее скудное в истинных монахах время затворник ваш действительно есть редкое приобретение. Не помню, когда он у меня был. Ежели молитва Иисуса Христа вселилась в его простое и доброе сердце, то ничего более ему и не нужно для душевной пищи. Очень жаль, что в нынешнее время сей образ молитвенного подвига почти везде оставлен. Возвратится ли когда-либо с неба на землю дух истинного монашества, сей венец истинного христианства! — соль земли.

По неиспытанным и всегда милосердым судьбам Своим Бог посетил тяжкою болезнию благочестивую рабу свою Параскеву Михайловну[1]. Всем сердцем молю Господа, да поможет сей доброй христианке на одре болезни ее.

Призывая на себя и на вверенную попечению твоему святую обитель с братиею благословение Божие, с братскою во Христе Иисусе любовию есмь и пребуду

Вашего Преподобия усерднейший богомолец

Филарет, Митрополит Киевский.
18 декабря 1843 года
Киев

Приветствую твое преподобие с праздником Рождества Христа и с новым годом.

[1] *Параскева Михайловна Толстая* — о ней см.: Т. 3. С. 402, 404–406.

№ 12

Преподобне и прелюбезне Отче и брате мой!

Христос Воскресе!

Приветствую тебя, возлюбленне, сим пресладким гласом истинно верующих в Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Приветствую от сердца, и всей душей желаю имать Совоскресшего нас мертвых прегрешениями, да радость Его будет исполнена и преисполнена в добром и благочестивом сердце твоем. Так преисполнена, чтобы сердце твое не имело нужды ни в какой земной радости. Чтоб и скорби, неразлучные на пути в Царствие Небесное, обращались для сердца твоего в источники радости во Христе Иисусе в скорбях Его и страданиях Его ради спасения нашего. Так возлюбленне, брате, сосуд, наполненный чистым, сладким животворным питием, — не впусти в себе посторонней какой бы то ни было жидкости. Буди же сердце твое все, все, все наполнено сладчайшим Иисусом Христом, жизнью нашею, миром нашим, радостью нашей, животворным питием и всеосвящающей пищей душ наших. Да уразумееши воистину общение страстей Его и силу Воскресения Его в душах наших. Тогда истинно вся уметы вмениши, да Христа приобрящеши. Ибо для того мы и оставили мир, да Христови сраспнемся и Ему Богу нашему воспоем. Смерти празднуем умерщвление, и адова разрушение, иного жития вечного начала. А житием сим те только соликоствуют, в сердцах коих живет и действует Святой Дух Христов.

Христос Воскресе! Брат наш боголюбезный о. Аполлос[1] благовременно прибыл в святую Лавру к великому покаянному канону. На пятой седмице Четыредесятницы Страстную Великую седмицу ежедневно литургисал с нами. Теперь переселился на

ближние пещеры к самим преподобным Печерским, по своему избранию. Пусть и молится о врачевании недугов своих и напитывается святым воздухом от благоухающих духом святым обителей угодников Божиих. У нас теперь и весна уже начинает благоухать первыми цветами. И аз многогрешный после долговременного отсутствия во время зимы привитал в любимой моей уединенной пустынке. Ах, как сколько жаждет душа моя совершенного удаления в сию пустынку на молитвенное безмолвие! Тут она обретает мир и питается Богомыслием, неразвлекаемым суетами мира. Но видно еще не приде время, а время мое близ суть. Призываю на вас и на вверенную попечению вашему святую обитель благословение Божие с искренним почтением и братской во Христе Иисусе, надежде нашей, любовью есмь и буду

Вашего Преподобия усерднейший богомолец

Филарет, М<итрополит> Киевский.

2 апреля 1844.

[1] *...боголюбезный о. Аполлос...* — О нем см.: Т. 2. С. 248–250.

№ 13

Возлюбленный о Господе Иисусе Христе брат,

Отец Архимандрит!

Приношу Вашему преподобию искреннейшую благодарность за память о моем недостоинстве в день Ангела моего. Примите и от моего сердца, любящего Вас, искреннейшее приветствие с Днем ангела Вашего, а паче с наступающим великим праздником Рождества Христа — Спасителя нашего и с новым летом благодати Его. Желаю и молю Господа Бога Сладчайшего Иисуса, чтобы пламенная к Нему любовь святого Игнатия Богоносца вселилась в доброе и благочестивое сердце твое, брате возлюбленне! С сею любовию и на севере не будет холодно твоей святыне. А как скоро почувствуешь холодность, возгревай немедленно сердце твое животворными словами Евангелия Господа Иисуса Христа. А имя Его сладчайшее и всеспасительное всегда носи в сердце твоем, да будет оно в сердце твоем начертано неизламою тростию Духа Святаго.

Многие милости аз, недостойный, получил от Господа Бога, но более всего благодарю Его благость за две милости: что избавил меня от юности от уз мира сего иночеством и что, неведомыми судьбами Промысла Своего, сподобил иметь жительство в святой обители Пресвятыя Богородицы, Милосердой Матери

иноков, при благоухающих Духом Святым пещерах преподобных отец наших Печерских.

Одно остается желание сердца моего, чтоб не лишиться части с ними в вечных обителях Отца Небесного. Желаю скорее разрешитися и быти со Христом. Четыредесят седьмый раз отпраздновал я духовно в уединенной пустыне моей день иноческого Ангела моего — пора к Отцу Небесному. Боюсь такой старости, в которой можно растерять и малый запас для вечности, а приумножить поздно. Воля Господня да будет во всех, но Господь едва ли что дарует нам без молитвы.

Не успел я написать к Вам с о. Аполлосом, ибо отправлялся в то время для обозрения епархии. Брат сей у нас вел себя весьма хорошо, может быть, что-нибудь получил и для души. Да благословит его Господь Бог на новом месте. Призывая на Вас и на вверенную Вашему попечению обитель благословение Божие, с искреннейшим почтением и пастырскою любовию есмь и буду Вашего преподобия усерднейший богомолец

Филарет, Митрополит Киевский.

16 декабря 1844 года

Киев

№ 14

Преподобне и Боголюбезне брате авва Игнатие!

Письмо твое получил на одре болезненном, на котором уже седьмой день. Не знаю, воздвигнет ли меня Господь Бог, или воззовет к себе. Одно и все мое желание быти со Христом, Ему же верой и правдой прослужих четверецесят седмь лет. Вчера Господь Бог сподобил меня получить разрешение от духовного отца моего во всех прегрешениях моих и приобщиться Святым Животворящим Тайнам Своим. Им же образом желает елень на источницы воднии, сице желает душа моя к тебе, Боже. Когда приду и явлюсь лицу Божию!.. Впрочем, это мое желание, а жизнь в руце Божией. Болезнь моя, кажется, не к смерти, может быть, от излишнего напряжения к исполнению дел службы и правил монашества. У меня нет викария уже четвертый месяц. А утомленные члены требуют покоя — вот приближается монашеский врач Святой Пост, — да уврачует Господь Бог душевные и телесные недуги наши.

Поручаю себя святым молитвам Вашим,

Ваш всегда усердный богомолец

Филарет, М<итрополит> Киевский.

19 февраля 1845 года

О письмах Ваших изволите быть совершенно спокойны — у меня обычай уничтожать их тотчас после ответа. Ни одно не существует. Не знаю, смогу ли я завтра принять графиню Гудович, ибо очень слаб и сильная боль головная. Ежели не смогу, то извините меня пред ней. А в терпении не пренемогайте. Господь близ — приидет и не укоснит и по терпению благих дел сторицею и седмидесят крат сторицею воздаст щедротами своими возлюбивших Его и благоугождающих Ему.

III

Высокопреосвященные Архиепископы Костромской Платон (Фивейский) и Ярославский Нил (Исакович)

Подобной любви я не встречал
ни в одном лице из духовенства.

Святитель Игнатий

13 октября 1861 г. святитель Игнатий прибыл в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии, предоставленный ему в управление после ухода на покой. «Положением своим я очень доволен. Монастырь уединен, стоит на сухом месте, весьма здоровом, при отличных источниках, близ самой Волги. Здесь можно сделаться чуждым миру», — писал он Н. Н. Муравьеву-Карскому[1] 16 ноября 1861 г. По словам его брата, Петра Александровича Брянчанинова, чувство довольства не покидало святителя Игнатия во все время его пребывания в Николо-Бабаевском монастыре. Этому чувству довольства, несомненно, благоприятствовали и внешние обстоятельства, а именно то, что обе кафедры — Костромскую и Ярославскую, с которыми Бабаевский монастырь должен был входить в различные отношения (с первой — по подчинению, со второй — по местоположению), занимали иерархи, которые и сами были людьми выдающимися, чуждыми мелких дрязг и интриг, от которых святитель Игнатий устал до изнеможения.

Костромской епархией в то время управлял Архиепископ Платон (в миру Павел Симонович Фивейский; 1809–1877) — воспитанник Московской Духовной академии, бывший ректор Московской семинарии, духовный писатель, монография которого «Православное нравственное богословие» выдержала пять изданий, а также написавший еще ряд сочинений: «Взгляд на

[1] О нем см.: Т. 3. С. 259–268.

историю Российской Церкви» (1834), «Историческое описание Троицкого Козловского монастыря» (1849), «Основание Переяславского Троицкого Данилова монастыря» (1853) и другие.

Судьба свела однажды архимандрита Игнатия и епископа Платона: в 1856 г. только что призванный на Новгородскую и Санкт-Петербургскую митрополию Митрополит Казанский Григорий намеревался хиротонисать архимандрита Игнатия во епископа в Новгороде, не зная, что это место уже было предназначено епископу Платону. Но это невольное столкновение интересов в дальнейшем никак не повлияло на их взаимоотношения. Хорошо знавший Архиепископа Платона профессор Московской Духовной академии П. С. Казанский писал ему 28 сентября 1861 г.: «О. Наместник как-то поручал мне передать Вам его совет — сохранять добрые отношения к Игнатию. Я не писал этого, потому что и без совета Вы будете так поступать».

Документов, характеризующих их отношения более подробно, не сохранилось, так как архив Николо-Бабаевского монастыря погиб в двух пожарах: в 1870 году сгорела монастырская библиотека и хранящиеся в ней документы, а через сто лет пожар, случившийся в Государственном архиве Костромской области, уничтожил остатки архива монастыря.

Однако все действия Архиепископа Платона в поддержку Николо-Бабаевского монастыря при жизни святителя Игнатия и после его кончины свидетельствуют о самых благожелательных отношениях с обеих сторон. Дополняют такое впечатление письма Архиепископа Платона. Так, в письме святителю Игнатию от 12 мая 1865 г. он писал: «Редко я по множеству дел моих могу снабдевать мою душу Святоотеческими писаниями. Вчера, улучив несколько минут свободных, взял в руки Добротолюбие и среди чтения Преп. Дамаскина Петра подали мне Ваши аскетические писания. Тотчас беру в руки их и слышу в них звуки Святоотеческой гармонии, наслаждаюсь духом древних Отцов. Некоторые из Ваших писаний мне были известны прежде. Раскрыл прежде всего: “Плач мой”. Так и чувствуется св. Ефрем. Примите, Владыко Святый, живейшую благодарность за доставление мне трудов Ваших. Да послужат они во благо Церкви, как труды Святителя Тихона, и да сподобит Вас Господь части Святителя Тихона и Преподобных и Богоносных Отцов. В Церкви Вы оставили памятник своего делания. Ныне же я рекомендую всей епархии писания Ваши. Да возродится во всём духовенстве жажда к приобретению и усердие к чтению Ваших подвижниче-

ских писаний»[1]. А в письме к Петру Александровичу Брянчанинову от 17 апреля 1870 г., поздравляя с праздником Святой Пасхи и называя его верующим и творящим сыном Церкви, Архиепископ Платон писал: «Как скоро дела и люди дают мне случай и возможность, то я беру в руки святоотеческие писания, в числе их и Преосвященного Игнатия. Читая их, я мысленно переносился к вам и свои мысли теперь хочу передать вам. Немного среди нас осталось таких архиереев, как Преосвященный Игнатий. Надобно память о его жизни сохранить для веков или имен последующих. На вас, достопочтеннейший Петр Александрович, лежит обязанность собрать все, какие только возможно, сведения о жизни и деятельности Преосвященного Игнатия. Вы знаете и места и лица, откуда можно получить сведения. Собирайте всякое сказание, всякое сведение. Обязанность эта возлагается на вас не связью только родственною с почившим, но и Церковию. Вас никто не может в этом случае заменить. Ни на час не откладывайте сего дела, возлагаемого на вас Церковию. Люди преходят, и ныне бывает сделать невозможно то, что вчера не стоило ничего сделать. Запишите, что сами слышали от покойного. Соберите и сохраните все письма его. Господь да поможет вам исполнить это послушание не только любви, но долга». Также и в письме от 22 ноября 1870 г.: «Вы знаете, как я дорожу писаниями богомудрого Святителя Игнатия, — и поймете, с каким нетерпением буду ждать от вас его "Отечника".

Между нами теперь уже немного таких старцев; уже другой дух веет, и поставляют нам в вину иноческое направление; а иночество есть сила и краса Православия и, могу сказать, жизнь. Не забудьте, достопочтеннейший Петр Александрович, мою просьбу о собрании всех доступных вам сведений о Преосвященном Игнатии. Если время и обстоятельства теперь не позволят всему явиться на свет, то все пригодится к другому времени. Вы обязаны принять на себя это послушание: не как брат только, но как православный христианин, желающий блага Церкви»[2].

Тем более благожелательными и дружескими можно назвать отношения святителя Игнатия с Ярославским Владыкою, Архиепископом Нилом, что на этот раз подтверждается письмами самого Святителя.

Высокопреосвященный Нил, Архиепископ Ярославский и Ростовский (в миру Николай Федорович Исакович; 1799–1874),

---

[1] *Соколов.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 2. С. 22–23. || [2] Там же. Ч. 1. С. 384.

по окончании в 1825 г. Петербургской Духовной академии был определен инспектором Черниговской семинарии и профессором богословских наук, а в 1828 г. перемещен на ту же должность в Киевскую Духовную академию. В 1830 г. назначен настоятелем Ярославского Авраамиева монастыря в сане архимандрита и ректором Ярославской семинарии. В 1835 г. хиротонисан во епископа Вятского и Слободского и впервые проявил свою апостольскую деятельность к просвещению иноверцев и возвращению в лоно Церкви отпавших от Православия. В 1838 г. переведен на Иркутскую кафедру, в подначалии которой была в то время самая обширная в мире территория от границ Китая до Северного и Великого океанов, включая северо-восточный угол и острова Америки. 13 апреля 1840 г. он был возведен в сан Архиепископа.

«И на новом поприще Владыко проявил себя достойным преемником святителя Иннокентия». Деятельность его в этом краю характеризуется огромной энергией, огромной увлеченностью и заинтересованностью в достижении поставленной цели — поднятия духовного, нравственного, а также и жизненного уровня населения, как православного русского, так и иноверцев. За период с 1838 по 1853 г. было построено множество церквей, в Иркутске построен новый семинарский дом, училище для девиц духовного звания, в 260 верстах от Иркутска основана Нилова пустынь, на содержание которой он пожертвовал значительную сумму и до самой кончины присылал пособие, также пожертвовал значительные средства на новый кафедральный собор в Иркутске. Для приведения богослужений в надлежащий вид им были выписаны пастыри из великорусских губерний, учреждены миссионерские станы и образованы миссионеры, из числа которых впоследствии прославился целый ряд протоиереев и в том числе выдающийся деятель Русской Церкви, Архиепископ Камчатский, а затем преемник Митрополита Филарета Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов). Благодаря этой активной деятельности Преосвященного Нила «раскол должен был приутихнуть, и за Байкалом образовались многолюднейшие приходы, основанные на правах единоверия».

Еще усерднее трудился он над обращением язычников, которых жило здесь более 400 тысяч: тунгусов, чукчей, камчадалов, якутов, бурятов и других. Для новообращенных им построено до 70 церквей. Особенной его заботой было дать им Священное Писание на родном языке. Для этого он изучил монгольский и бурятский языки и перевел некоторые богослужебные книги и

тексты (которые переложил на ноты выдающий музыкант А. Ф. Львов). «Этими трудами оставил по себе незабвенную память в Сибири».

24 декабря 1854 г. Высокопреосвященный Нил был переведен на Ярославскую кафедру. В Ярославской епархии он также энергично занимался строительством и обновлением церквей, особенно много сделал в этом направлении для Ростовского Кремля и митрополичьего дома, в Ярославле произвел капитальную перестройку архиерейского дома; число школ при монастырях и церквах при нем увеличилось до 311 при 6584 учащихся, библиотек при церквах — до 876 (больше, чем в любой из епархий России).

В 1856 г. Высокопреосвященный Нил был вызван в Петербург на два года для присутствия в Святейшем Синоде. За это время он удостоился принять участие в короновании Их Императорских Величеств Государя Александра Николаевича и Государыни Марии Александровны в Московском Успенском соборе, участвовал в освящении Исаакиевского собора. В 1867 г. он вместе с одиннадцатью архипастырями Русской Церкви приносил поздравление Митрополиту Московскому Филарету с пятидесятилетним его архипастырским служением, а 19 ноября того же года вместе с Киевским Митрополитом Арсением и шестью архипастырями участвовал в отпевании и погребении великого иерарха Московского, которого глубоко любил и уважал.

И в сане Архиепископа Ярославского Высокопреосвященный Нил продолжал заниматься переводами богословских книг на бурятский и монгольский языки. Также он занимался окончательной редакцией своей книги «Буддизм», которая была напечатана в 1854 г. и не потеряла своего значения поныне, как первое исследование на эту тему; а затем — оформлением своих дневниковых записей, сделанных во время поездки по Сибири, из которых составилась книга «Путевые записки Архиепископа Нила», вышедшая в свет в Ярославле в 1874 г. «Божий промысл, призвавший меня на чреду пастырского служения, указал мне поприще деятельности в дальних окраинах обширного Отечества нашего. От берегов Волги до Ангары, и от Лены до Нерчи, Шилки, Онона и Аргуни, был я странником и тружеником», — предварял он книгу. Написанная ярким языком, она легко читается и живыми картинами об обитателях, их нравах, их способах выживания, их отношениях к проповедуемой христианской вере, также и чиновничьем произволе в этих отда-

ленных от центра местах характеризует целую эпоху в истории Сибири. Книга свидетельствует о широкой образованности автора: иные картины он комментирует цитатами из латинских писателей, в некоторых случаях приводит строфы из Горация, которые тут же и переводит, сохраняя их стихотворную форму; а в других случаях приводит свою беседу с местными жителями на их родном языке, записанную русским алфавитом. «Достигли Иркутска, — заключает он книгу, — проведши в странствии девяносто пять дней».

Святитель Игнатий познакомился с Архиепископом Нилом еще будучи архимандритом Сергиевой пустыни. Так, упоминания о нем встречаются в его письмах к игумену Югской Дорофеевой пустыни Варфоломею. Например, в письме от 3 августа 1857 г. он сообщает: «С второго на третье число сего августа месяца Преосвященный Нил ночевал в Сергиевой Пустыне». Во время своего пребывания в Петербурге для присутствия в Священном Синоде Преосвященный Нил принимал участие в хиротонии архимандрита Игнатия Брянчанинова во Епископа Кавказского и Черноморского.

Переписка между ними возникла сразу же по приезде святителя Игнатия на Бабайки. Первое из сохранившихся 39 его писем, отправленное 15 января 1862 г., свидетельствует об уже установившихся отношениях, а в письме от 12 июня того же года епископ Игнатий благодарит «Милостивейшего Архипастыря... за ту любовь, за ту искренность, в объятиях коих я находился во время пребывания моего в Ярославле». Письмо это, кстати, уточняет дату, приведенную в Жизнеописании, поездки святителя Игнатия в Кострому и Ярославль. Другие письма свидетельствуют о благожелательном отношении Преосвященного Нила ко всей деятельности святителя Игнатия в монастыре, в частности, о его содействии в сборе средств на начавшееся строительство нового храма. В этом отношении примечательны письма от 14 и 23 февраля 1866 г., в которых святитель Игнатий советуется с Преосвященным Нилом по поводу найденного близ монастыря камня. Дело в том, что, будучи в Екатеринбурге, Преосвященный Нил посетил там «Фабрику шлифовальную, или гранильную, как ее здесь называют. <...> Из камней, наиболее употребительных на фабрике суть: разноцветные яшмы, агаты, порфиры, топазы, или точнее горные хрустали, и раухтопазы. <...> В качестве первостатейных показывают здесь ставки цирконовые, гранатовые, аметистовые».

Увлекшись здесь камнями, Преосвященный Нил собрал «замечательный по собранию и высокой ценности минералогический кабинет», завещанный им Санкт-Петербургскому университету. Конечно, Преосвященный Нил показывал свой минералогический кабинет епископу Игнатию, который мог оценить его по достоинству...

Последнее письмо святителя Игнатия к Преосвященному Нилу было написано 18 апреля 1867 г. — за 12 дней до кончины.

Письма святителя Игнатия к Высокопреосвященному Нилу (Исаковичу)*

№ 1

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Ризничий мой передал мне, что Ваше Высокопреосвященство изволили сообщить ему о расположении Вашем дозволить поступление в Бабаевский монастырь тем из воспитанников Ярославской семинарии, которые захотят вступить в оный. А я именно об этом хотел просить Вас при личном свидании. Спешу объяснить пред Вами предположения по сему предмету.

При настоящем развитии просвещения в России необходимо, чтоб и монашество, подвизающееся в монастырях, имело образованность, соответствующую своему назначению. Опыт доказал, что этого можно достигнуть, привлекши образованных юношей в братство. Пройдя послушания и вкусив плоды смирения, они соделываются полезными членами Христианского общества, фактически объясняющими пред ним пользу истинного монашества. В Оптину Пустыню Калужской епархии поступали любые кончившие курс семинарского учения и несколько кончивших курс в светских учебных заведениях. Приложив к образованию школьному практическое монашеское образование, они доставили Оптиной Пустыне, одному из беднейших монастырей, достоинство первого в России Монастыря в религиозно-нравственном отношении и подарили отечественно-духовной литературе многие переводы аскетических писателей. Многие благочестивые

* Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, ф. ЯМЗ-1542; письма переданы музеем издательству им. Святителя Игнатия Ставропольского при храме Сошествия Святого Духа на Апостолов на Лазаревском кладбище и этим издательством были предоставлены для публикации в ПСТ, т. 7 (М., 2007) и в настоящем издании.

люди ведут переписку с иноками Оптиной Пустыни и руководствуются их назиданиями.

Если Бог благословит, — мне желалось бы учредить и в Бабаевском монастыре пристанище для образованных людей, пристанище, соответствующее их потребностям. Они найдут вежливое обращение, простую, но тщательно приготовленную пищу, простое, но достаточное одеяние. Они найдут духовника (прибывшего со мною), который сообщит им первоначальные монашеские правила, научит откровению помыслов, отвержению собственных разумений и влечений. Для тех, которые окажутся достойными, вполне доступна беседа со мною. На сих основаниях я с любовию желаю принять тех кончивших курс в Ярославской семинарии, которые захотят посвятить себя иноческой жизни и соответствуют ей своим благоповедением. Также я готов принять и тех, которые, не кончив курса, но будучи достойны по поведению и способностям, пожелают подклонить себя под благое иго иночества. Я убежден, что Вашему Высокопреосвященству приятно будет содействовать моему убогому труду, имеющему целию общественную пользу.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

15 января 1862-го года

№ 2

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающею Всесвятою Пасхою и всерадостное приветствие: Христос Воскресе! Искренне желаю Вашему Высокопреосвященству вожделенного здравия и всех истинных и совершенных благ.

Зиму провел я весьма трудно, подвергаясь различным припадкам, из которых многие, конечно, последствие лечения минеральными водами. Когда наступит совершенно теплая погода, надеюсь предпринять путешествие в Ярославль для вожделенного мне свидания с Вашим Высокопреосвященством. Надеюсь воспользоваться и ответными советами Вашими по управлению монастырем, именно по устроению сношений со Св. Синодом, о чем и здесь предварительно прошу Вас.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
31 марта 1862-го года

№ 3

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

В надежде на Ваше милостивейшее расположение ко мне грешному, позволяю себе беспокоить Вас моею покорнейшею просьбою.

9 мая, в день Святителя Николая бывает в Бабаевской обители значительное стечение народа, а клиросных еще не имеется в достаточном числе. Посему, Ваше Высокопреосвященство, окажете истинное одолжение, если дозволите нескольким Вашим певчим прибыть в Бабаевский монастырь на этот день для вспоможения благолепному празднованию.

Очень благодарен Вам за письмо Ваше от 20 апреля! Вы справедливо относитесь о настоящем моем положении: оно нормально для меня по тому направлению, которое я принял еще в светском быту и в котором провел первые годы в уединенных общежительных монастырях. Пребывание в Сергиевой пустыне было для меня крайне отяготительным, а в последние годы сделалось, по причине усиливавшейся болезненности, невыносимым.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

всепокорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
29 апреля 1862 года

№ 4

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Так как настало благоприятное время для исполнения моего священного долга быть у Вашего Высокопреосвященства, то всепокорнейше прошу Вас, как многозанятого, уведомить меня, как занятого лишь болезненностию моею, когда могу посетить Вас, наименее отвлекая Вас от дел Ваших? Мне желалось бы исполнить долг мой в течение первой недели наступающего поста, потому что со второй предполагаю начать употребление вод железно-серных.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
3 июня 1862-го года

№ 5

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вашему Высокопреосвященству мою всесовершенную признательность за ту любовь, за ту искренность, в объятии коих я находился во время пребывания моего в Ярославле. Они излили в мое сердце, преисполнили его утешения. Милосердый Господь да воздаст Вам по любви Вашей!

Поручая себя Вашим святительским молитвам, с чувствами всесовершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
всепокорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
12-го июня 1862-го года

№ 6

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающими праздниками и Новым Годом и мое усерднейшее желание Ваше-

му Высокопреосвященству всех истинных и совершенных благ. По возвращении моем из Ярославля, вероятно, от влияния наступившей сырой погоды, я почувствовал себя весьма нехорошо и несколько раз признавал себя близким к смерти. При таковом положении здоровья настоящее мое уединение бесценно! Оно доставляет мне необходимое спокойствие по душе и по̀ телу.

Живу вполне отдельно от мира, и это доставляет мне приятнейшую возможность желать от искренности сердца всем Отцам и Братиям, труждающимся посреди мира, всех истинных благ. Все мы кратковременные странники на земле, и все, приобретаемое нами на земле, приобретается на кратчайший срок.

Поручаю себя и вверенную мне обитель Святительским молитвам и Благословению Вашего Высокопреосвященства. С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
17 декабря 1862 года

№ 7

Милостивейший Архипастырь и Отец!

С каких прекрасных слов начинается письмо Вашего Высокопреосвященства от 19-го июня ко мне недостойному. «Вина моя, говорите Вы, пред Вашим Преосвященством неизвинима». Как эта вина заключается в том, что Вы единожды навсегда насадили в Ваше сердце любовь ко мне грешному, которою я и утешаюсь и наслаждаюсь, то я от всего сердца желаю, чтоб вина эта пребывала во всей силе своей. По благости Божией Государю Цесаревичу посещение им Бабаевского монастыря было приятно[1]. В то время, как и всегда, я был очень слаб и сомневался, чтоб прием удался. Он удался по милости Божией. Справедливость требует, чтоб я засвидетельствовал должное о Бабаевском Игумене[2], который меня во всех отношениях успокоивает и которого опытность в подобных случаях, как прием Цесаревича, много послужила к устройству этого приема. Другие братия, особливо приехавшие со мною, способствовали устроению порядка. — Весьма утешительно сообщаемое Вашим Высоко-

преосвященством известие о том внимании, которое явил Государь Цесаревич духовенству и Церкви. Храм Святого Иоанна Предтечи особенно привлек его внимание. Особенно полезно предназначенному русскому Царю видеть близко положение всех сословий. Духовенство наиболее нуждается в этом, потому что прежде оно наиболее было устранено от Царских взоров.

В обитель нашу заезжал на днях Елагин, известный писатель, ревнитель православия, обличитель Герцена. Он сообщил сведение, что Преосвященный Кирилл переводится из Иерусалима в Казань по каким-то неприятностям с греческим духовенством, что в Иерусалиме русского епископа не будет, а будет архимандрит, и что назначается туда иеромонах Леонид Кавелин[3] из Оптиной Пустыни. Пишут сюда, что Муравьев[4], бывший Кавказский Наместник, вызван в Петербург, где квартира для него назначена в Зимнем дворце. Кронштадт укрепят превосходно. Войско русское доведено до величайшего усовершенствования, особенно стрелки. — Всё в руце Божией! Но и браням и слышанию о бранях подобает быти, по предречению Слова Божия. Человечество находится в падении, и потому не только частные люди восстают друг на друга, но и народы восстают один на другой. На Россию намереваются восстать многие народы, но ничего вредного не сделают, только разовьются силы и возвеличат ее, подобно тому, как сделал для нее Наполеон I. Если бы он не служил грозою для Европы и не отвлекал всего внимания ее к себе, то Европа не допустила бы Россию завладеть Финляндией, Бессарабией и Польшей.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, прося о продолжении Вашей ко мне о Господе любви, с постоянными чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.

7 августа 1863-го года

[1] О посещении Цесаревича Николая Александровича, старшего сына Александра II (скончавшегося 12 апреля 1865 г.) см.: Т. 3. С. 33.

[2] Будущий архимандрит Иустин (Татаринов И. Г.) — о нем см.: Т. 2. С. 265–277.

[3] *...иеромонах Леонид Кавелин...* — о нем см.: Т. 1. С. 518.

[4] *Муравьев* — о нем см.: Т. 3. С. 259–268.

№ 8

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Николаевский Бабаевский монастырь имеет необходимую нужду в построении новой соборной Церкви. А как к совершению такового дела собственные средства монастыря недостаточны, то оказалось необходимым прибегнуть к сбору. Не откажите, Ваше Высокопреосвященство, сборщику монастыря иеромонаху Паисию, сему письмоподателю, дозволить сбор в Ярославской епархии, чем окажете монастырю истинное одолжение.

Поручая себя и вверенную мне обитель Вашим Святительским молитвам, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

29-го августа 1863 года

Его Высокопреосвященству Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому,
Кавалеру.

№ 9

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

На отношение Вашего Высокопреосвященства от 1 ноября сего года имею честь известить Вас, Милостивейший Архипастырь, что я, сердечно сожалея о постигшей Вас болезни, готов послужить Вам помощию в рукоположении ставленников, насколько дозволит мое слабейшее здоровье.

При сем имею честь известить Вас, что препровожденный ко мне ставленник Николай Соколов рукоположен мною 5 ноября во диакона, а 8 — во священника.

Желая Вашему Высокопреосвященству скорейшего и полного выздоровления и поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугой

Епископ Игнатий.

8-го ноября 1863-го года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому
и Ростовскому и Кавалеру.

P. S. Прилагаю Вашему Высокопреосвященству следующую записку относительно лечения простуды, по моей искренней любви к особе Вашей и по желанию Вам скорого и полного выздоровления. Моя болезненность началась с простуды ног в 1823 году. С того времени постоянно чувствовал я себя хуже и хуже. В 1846 году в начале октября, при поездке по благочинию, я снова простудил ноги, причем они отнялись у меня. Шесть месяцев я не выходил из комнаты. Лечили меня различными натираниями, сассапарельным декоктом, сосновыми и серными ваннами. Лечением доставлено мне лишь некоторое облегчение; вместе доставлено и значительное истощение сил. В 1858 и 1859 годах пользовался я Кавказскими водами и купанием в море. Это лечение погнало из меня болезнь, произвело особеннейшее расслабление, но исцеления не доставило. По причине ужаснейшего изнеможения я оставил службу. На пути с Кавказа в Бабаевский монастырь я опять застудил ноги, что привело меня, можно сказать, в отчаянное положение.

Когда я уже не надеялся, чтоб какое-либо лекарство принесло мне пользу, тогда посетил меня некоторый житель Костромы и, узнав, что я страдаю от простуды, предложил мне лекарство, которым он излечился от подобной жестокой простуды по наставлению Костромского доктора Дидрикса. Об этом средстве сообщал мне еще в Петербурге доктор Стрелинского Дворца, но не мог дать мне основательного наставления в лечении, не имев опытов сего лечения, а знал о нем поверхностно, понаслышке. Здесь доставлено мне удовлетворительное наставление, и, к величайшему удивлению моему, средство оказалось наиболее действительным, наиболее удобным и легким, нежели все, доселе употребляемые мною средства. Действие его схоже с действием Кавказских вод, но несравненно сильнее, — производит не расслабление, а укрепление.

Средство заключается в следующем: взять самого крепкого хлебного спирта, настоять в тепле на обыкновенной поваренной соли, полагая по полной столовой ложке на стакан. Этим настоем обтирать простуженные места и все тело дважды в день, а когда болезнь облегчится, однажды на ночь.

Действие средства. Сперва в простуженных местах появляются боли, иногда появляется легкая сыпь и опухоли. Потом начинает идти обильный пот. Также является действие на желудок. После последних двух действий начинает ощущаться облегчение. Если безмерно усилится пот, то обтирание прекращают на несколько дней.

Обтирать должно не только больные места, но и все тело. Обтирание всего тела действует благотворно на всю организацию, уничтожая худосочие, от которого тело стяжает наклонность к принятию простуды. У Вашего Высокопреосвященства эта наклонность существует. Больные места можно обтирать чаще, примерно дважды в день, а все тело обтирать однажды.

№ 10

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Препровожденные ко мне ставленники Михаил и Александр Ширяевы рукоположены мною, первый во священника, а второй во диакона.

Извещая о сем Ваше Высокопреосвященство и поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
7 декабря 1863 года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому
и Ростовскому и Кавалеру.

№ 11

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Препровожденные ко мне ставленники, диакон Матфей Богословский и Анимподист Смирнов, рукоположены мною, первый во священника, а вторый во диакона.

Извещая о сем Ваше Высокопреосвященство и поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
16-го декабря 1863-го года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
и Кавалеру.

№ 12

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступлением праздника Рождества Христова и Новым Годом, и усерднейшее желание Вашему Высокопреосвященству вожделенного здравия, многих лет и всех благ, временных и вечных. С радостию услышал я, что Вы уже служите. От всей души желаю, чтоб случившаяся с Вами болезнь послужила средством к освобождению Вашего телосложения от дурных соков, и тем доставила Вам здравие лучше прежнего.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
20-е декабря 1863-го года

№ 13

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вашему Высокопреосвященству мою искреннейшую признательность за выраженное Вами расположение дозволить Попечительству Вашему промен билетов Бабаевского монастыря на наличные деньги, которые при настоящем положении сего монастыря, возникающего из развалин, нужны на сем основании во второй половине наступающего января 1864-го года. Я намерен поручить Настоятелю Бабаевского монастыря явиться к

Вашему Высокопреосвященству, при особом отношении от меня для действования по дальнейшему распоряжению Вашего Высокопреосвященства.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

24-го декабря 1863-го года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
и Кавалеру.

№ 14

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Препровожденный ко мне ставленник Николай Мухин рукоположен мною во диакона.

Извещая о сем Ваше Высокопреосвященство и поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

25 декабря 1863-го года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
и Кавалеру.

№ 15

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вашему Высокопреосвященству усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Праздников и Торжеством всех Торжеств, приветствуя Вас всерадостным приветствием «Христос Воскресе», и желая Вам всех истинных и совершенных благ от всесильной десницы Всеблагого Господа.

Поручая себя и вверенную мне обитель Святительским Молитвам Вашим с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
11 апреля 1864-го года

№ 16

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Прилагаемая при сем шелковая материя в количестве 19 аршин, отправлена была из Ставрополя Кавказского к настоятелю Толгского монастыря при жизни Преосвященного Иринея[1]. По ошибке посылка эта была доставлена ко мне. Посему я препровождаю вышеозначенную шелковую материю к Вашему Высокопреосвященству на Архипастырское распоряжение Ваше.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
Июня 10 дня 1864-го года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
и Кавалеру.

[1] *Преосвященного Иринея...* — О нем см.: Т. 1. С. 145–146.

№ 17

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Ярославская Духовная Консистория препроводила в Николаевский Бабаевский монастырь увольнительное свидетельство Петра Родионова, мещанина Московской губернии, города Подольска, с прописанием к ней Московской Казенной Палаты. Приятнейшим долгом моим считаю принести Вашему Высокопреосвященству мою совершенную признательность за таковое распоряжение Ваше.

Поручая себя и вверенную мне обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
8-е декабря 1864 года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
и Кавалеру.

№ 18

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим великим праздником Рождества Христова и Новым Годом при усерднейшем желании Вашему Высокопреосвященству вожделенного здравия и всех истинных и совершенных благ. Прошедший 1864-й год был весьма труден для меня. Со второй недели Великого Поста я почувствовал особенные болезненные припадки, которые продолжались все лето и держали почти безвыходно в келлии. Теперь принимаю декокт по совету одного из московских врачей, посетившего меня осенью. От декокта до сих пор чувствую особенное расслабление и какую-то сонливость, причем в значительном количестве отделяются золотушные и ревматические мокроты. Далее, что Бог даст, не знаю.

Вот! уже четвертый год провожу на Бабайках. Между тем на Кавказе совершились великие перемены, которыми могущество России возвеличено в значительной степени. Мне пишут оттуда, что на западной половине Кавказа, к Черному морю, где жили самые воинственные горцы, поселено более 100 000 казаков, а ничтожные остатки горцев добровольно сопричисляются к этим казакам и принимают Христианскую веру. Греки выходят значительными партиями из азиатской Турции и селятся на Кавказе. Рука Промысла Божия ведет Россию к ее важному политическому назначению, которое предвидят государственные люди Европы, которого трепещут, которому тщетно стараются поставить преграды. Ничего не возмогут они сделать. Исполин идет своим путем, а преграды попирает, как хворост.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
20-го декабря 1864-го года

№ 19

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Праздников светлым Воскресением Христовым! Примите мое всерадостное приветствие «Христос Воскресе» и сердечное желание Вашему Высокопреосвященству всех истинных и совершенных благ.

Зиму провел я очень трудно, наиболее в постели. Что принесет грядущее лето!

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
26-го марта 1865-го года

№ 20

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Судьба сделала Вас одним из первых ктиторов по построению Соборного Храма в Бабаевском монастыре. Также судьба даровала для построения этого Храма проект[1] самый удачный — проект, который, будучи новостию в Российской церковной архитектуре, вместе с этим заимствован, по характеру своему, с древнейших храмов Палестины. Наконец строится храм непостижимою Судьбою. Как он строится? Не могу дать ответа. Монастырь найден мною в состоянии разрушения, разорения и

в долгу, строение Храма начато при ничтожнейших средствах, но в настоящее время половина здания выведена вчерне, а к концу лета надеемся вывести под кирпич. Тут действует перст Божий и усердие благочестивых человеков. Не откажитесь, Ваше Высокопреосвященство, продлить Ваше покровительство мне и вверенной мне обители, которая уже много одолжена Вашим благосклонным вниманием.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
30-го июля 1865-го года

[1] Проектировал храм И. И. Горностаев (1821–1874) – академик архитектуры, племянник А. М. Горностаева, о котором см. примеч. на с. 268–269, а также: Т. 2. С. 539–543.

№ 21

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Не знаю, как и благодарить Ваше Высокопреосвященство за ту необычную в наше время любовь, которую Вы оказываете мне и вверенной мне Обители. Вы удивляете меня и вместе усугубляете во мне чувства благоговения и преданности, которые всегда питал я к Особе Вашей. С восторгом описывает мне Каллист Ваше Архипастырское внимание и действование.

Архимандрит Герман, бывший мой ректор на Кавказе, а ныне наместник Невской Лавры, просил меня о неоставлении его родственников ходатайством пред Вашим Высокопреосвященством. Надеясь на Вашу неизреченную милость, позволил себе беспокоить Вас просьбою, если она исполнима, о даровании диакону Владимиру Чистякову, женатому на родной племяннице Германа, священнического места в селе Рождествене, что в озерах, Даниловского уезда, на ваканцию, открывшуюся со смертию священника Николая Фарфоровского.

Прошу Ваших Святительских Молитв о мне грешном. По отбытии иконы Святителя Николая в Ярославль у меня особенно разболелась правая нога, всегда болевшая: едва брожу по

комнате. С чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
29-го сентября 1865-го года

№ 22

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

При вступлении моем в управление Николаевским Бабаевским монастырем я нашел обычай, по которому Чудотворная икона Святителя Николая подымалась издавна в некоторые села и деревни Ярославской епархии, лежащие за Волгою, против монастыря. О сем я имею честь относиться к Вашему Высокопреосвященству и получить Архипастырское разрешение Ваше на последование сему благочестивому обычаю. Ныне жители некоторых селений, в которых прежде не бывала икона, выражают желание принять ее. Представляя сие на благоусмотрение Вашего Высокопреосвященства, имею честь испрашивать Ваше Архипастырское разрешение на удовлетворение прошения овец паствы Вашей. Ответ Ваш — если благоприятно Вашему Высокопреосвященству дать его лишь словесно — покорнейше прошу сообщить подателю сего письма, Петру Александровичу, желающему лично как засвидетельствовать особе Вашей свое собственное высокопочтение, так и выразить пред Вами мою глубочайшую признательность за беспримерное внимание Ваше ко мне и ко вверенной мне Обители.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
10 октября 1865-го года

№ 23

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Не нахожу слов к выражению пред Вашим Высокопреосвященством моей искреннейшей благодарности за беспримерное

расположение и внимание Ваши, оказываемые Вами мне грешному. Христианская и пастырская любовь Ваша приносит и утешение и питание моему сердцу. Душевно радуюсь, что родственник отца Германа оказался достойным милости Вашего Высокопреосвященства.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
17-го октября 1865-го года

№ 24

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

По собрании должных сведений по делу о посещении города Ярославля Бабаевскою Чудотворною Иконою Святителя Христова Николая, имею честь представить о сем форменное отношение к особе Вашего Высокопреосвященства, поручая все вполне благоусмотрению и распоряжению Вашему. О том, что Икону приглашают в некоторые селения и уездные города Ярославской епархии, я не упомянул и предоставляю сказать или умолчать о сем в представлении в Святейший Синод Вашему Высокопреосвященству. Сделайте милость: не отяготитесь уведомить меня об отправлении представления Вашего в Св. Синод, чтоб я мог своевременно написать туда партикулярные письма и попросить о внимании к делу.

Поручая себя и вверенную мне обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
8-го ноября 1865-го года

№ 25

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

К немалому удивлению моему, в С.-Петербургском журнале «Домашняя Беседа», в выпуске 46-м от 13-го ноября, явилась статья «Праздник в Ярославле». Я очень пожалел об этом, признавая статью несвоевременною и вредною для дела. Компрометирует она и меня! Кто же поверит, что статья напечатана не только без согласия моего, но и без ведома, вполне противно моему духу? В статье ярко выставлено мое желание известности. Г-жа Самарина, родственница моя и писательница статьи, не в первый раз своим непозволительным вмешательством в дела Бабаевского монастыря угощает меня булыжником по лбу. Статью пусть понимает кто как хочет: я не виноват, если моею личностию распоряжаются самовольно другие и соблазняют людей, расположенных к соблазну; милосердие Божие да покроет меня и могущих соблазняться в этом обстоятельстве, да покроет самое дело! Но пред Вашим Высокопреосвященством я счел нужным объясниться.

Бесспорно, писательница имела в виду сделать услугу! Однако нельзя отвергнуть справедливости слов Крылова — баснописца: услужливый дурак опаснее врага. Очень верно! Многими опытами доказано мне это. Из известной статьи «Дня» Вы изволите видеть, как дух времени смотрит враждебно на церковную иерархию и усиливается закидать ее грязью. В наше время благоразумие и осмотрительность особенно нужны. Бесспорно, и уклонения и злоупотребления встречаются в церковном управлении, как они и везде были. Из этого не следует, чтобы ниспровержение иерархий было единственным средством исправления, как и чтоб для исправления нужны пасквили редактора и сотрудников «Дня» в духе протестантском. Для этого нужно средство, установленное и узаконенное Апостолами: Собор иерархов. Быв у Вашего Высокопреосвященства в 1862-м году, в начале лета, я сообщал Вам сведение, дошедшее до меня еще на Кавказе, что журналисты намерены сделать нападение на церковную иерархию. По мнению моему, статья «Дня» есть только звонный колокольчик, большой звон впереди. Искренне желаю, чтоб это мнение мое было ошибочным.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
26 ноября 1865-го года

№ 26

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим великим Праздником Рождества Христова и в самый день Праздника. Приятнейшим, сердечным ощущением переношусь к Вам и как бы лично приношу Вам это поздравление. В такое отношение Вы поставили меня любовию Вашею ко мне. Подобной любви я не встречал ни в одном лице из духовенства. Милосердый Господь да сохранит жизнь Вашу на многие лета в вожделенном здравии и да преисполнит ее всеми благами.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
25-го декабря 1865-го года

№ 27

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

При сем присылаю пресс-папье, сделанный из камня, найденного близ монастыря. Вы, как знаток, определите значение этого камня, необыкновенно плотного, но вместе мягкого и весьма удобного к отделке. Мы хотели сделать из него четыре столба под главный купол, но денег не хватило; много повалили его в бут. Также близ самого монастыря нашли гряду гранита, вроде сердобльского, голубого отлива, особенно приятного для глаз: из этого сделали цоколь под всею церковью в 13 вершков вышины. Надо Вам посмотреть эту церковь! Вы из первых ктиторов ее. К сему избраны Вы Божиею Матерью, во имя Которой строится храм, и которого Сама, не мы, Сдательница этого един-

ственного здания в здешнем краю. Извините за плохое письмо: вечером плохо вижу.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
14 февраля [1866 года]

№ 28

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

При почтеннейшем письме Вашем от 18-го сего февраля получена мною копия с представления Вашего в Святейший Синод. Не нахожу слов для достаточного выражения моей благодарности Вашему Высокопреосвященству за беспримерную отеческую любовь, которую Вы оказываете мне. Един Бог может вознаградить за такую любовь, да вознаградит Он Вас обильным излиянием щедрот Своих на особу Вашу.

Совершенно согласен с Вашим Высокопреосвященством, что найденный камень всего ближе подходит к яшме. В натуральном виде он имеет синий цвет. Когда его отполировали в первый раз — он сохранил этот цвет, но при дальнейшей полировке синий цвет исчез — и явился зеленоватый. Огромные камни этой породы лежали близ того места, где строится церковь; необходимость заставила повалить их в бут, который обошелся бы вчетверо дороже, если б возить для него камень из отдаленных мест. Драгоценность эту прежде продавали на щебенку! Теперь, по крайней мере, доставлено достоинство особенной прочности для бута по величине положенных в него камней. Имеющиеся в остатке камни хранятся закопанными в земле. Полагал бы я, если позволят средства и если Бог продлит жизнь, сделать в нижней церкви из этого камня ковчег и под него тумбу или полуколонну,— словом сказать, пьедестал, какой придумается. Разумеется, вся эта утварь должна выйти очень тяжелою; но в нижней церкви можно подвести под нее бут, на который и поставить пьедестал. Для формы самому ковчегу преподает мне идею часовня, выстроенная в С.-Петербурге архитектором Горностаевым[1] по заказу Государыни Императрицы. Эта часовня признается отлич-

ным архитектурным произведением; она выстроена по отъезде моем из Северной столицы. Вероятно Вы имеете памятную книжку на 1866-й год: в книжке часовня изображена на третьей гравюре. Впрочем, такая мысль по необходимости должна быть за горами: сперва следует заняться тщательным окончанием здания, а потом уже приступить к украшениям. Замышляемый мною ковчег должен обойтись далеко за 500 рублей. Если же состоится предположение, то ковчег этот будет истинною редкостию.

Ваше Высокопреосвященство приобрели обширные познания в геологии. Хотя я обучался ей систематически, но должен быть лишь Вашим учеником, и мог бы многому, многому научиться от Вас. Великое дело — основанное на теоретическом познании познание опытное.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
23-го февраля 1866-го года

[1] *...архитектором Горностаевым...* — А. М. Горностаев, дядя И. И. Горностаева; об А. М. Горностаеве см.: Т. 2. С. 539–543.

№ 29

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Уповая на особеннейшее благорасположение Ваше, позволяю себе беспокоить Вас покорнейшею моею просьбою. В ближайшее служение мое подобает мне произвести своего игумена во архимандрита, а архимандричий крест еще не прислан, почему сделайте одолжение, повелите из подведомственных Вам мест выдать таковый крест сему письмоподателю, моему келейнику, монаху Никандру, и позвольте подержать до присылки из Петербурга. Пётр Александрович пишет мне от 27-го февраля, что граф Толстой, прощаясь с ним, сказал между прочим о положительном назначении им награды по представлению Вашего Высокопреосвященства. Сие сведение да будет секретным между нами.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

2 марта 1866-го года

№ 30

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Праздников и Торжеством всех Торжеств — Светлым Воскресением Христовым. От души желая Вам вожделенного здравия и всех истинных благ, приветствую Вас всерадостным приветствием: Христос Воскресе.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувством отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.

18-го марта 1866-го года

№ 31

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

С совершенною благодарностию возвращаю крест, который не был употреблен, так как 19-го получен из Петербурга свой. Расписку моего келейника монаха Никандра покорнейше прошу повелеть выдать сему письмоподателю, казначею, иеромонаху Арсентию.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

20-го марта 1866-го года

№ 32

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

По особенной милости Божией, ко дню посещения Николо-Бабаевской Обители Их Императорскими Высочествами[1] я почувствовал некоторое облегчение от болезни и мог встретить Августейших Гостей, хотя не так, как встречают здоровые. Потухающие взоры мои оживились зрением на прекрасные лица Сынов Царя, на лица, подобные восходящему солнцу или расцветающей розе. И овцы паствы Вашего Высокопреосвященства, сопутствуя Их Высочествам, зашли в мои келлии, где я счел долгом моим доложить Государю Наследнику о их усердии: принято оно было весьма благосклонно.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

16-го августа 1866-го года

[1] 14 августа 1866 г. Николо-Бабаевский монастырь посетили Государь Цесаревич Александр Александрович (будущий Император Александр III) и Великий Князь Владимир Александрович.

№ 33

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мою искреннейшую, сердечную благодарность за все Ваши милости к Обители Святителя Николая Бабаевской и ко мне грешному, за милости, которым несть числа. При благодетельном содействии Вашем надеемся наружную кирпичную кладку окончить в грядущее лето 1867 года.

Благословите, Милостивейший Архипастырь, иеромонаху Каллисту посетить те села Ярославской епархии, которые были посещены им в прошедшем году, так как некоторые из этих сел уже и выразили желание принять Икону Святителя Николая.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
17-го октября 1866-го года

№ 34

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Петр Александрович отправляется в Петербург, где пробудет почти до Нового Года, а может быть, и начало его. Ранее, при свидании с Графом, я просил его о награждении Аполлинария Платоновича, о котором представление не имело успеха единственно потому, что Граф к тому самому времени сделан Министром народного просвещения и дела второстепенной важности оставил уже без внимания. Вероятно, Вы повторите представление Ваше. Я просил Петра Александровича наблюсти за этим делом. Если Ваше Высокопреосвященство имеете что присовокупить к сему, то не откажитесь сказать Петру Александровичу.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
22-го октября 1866-го года

№ 35

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим днем Ангела Вашего и усерднейшее желание Вашему Высокопреосвященству вожделенного здравия и всех истинных благ.

Приношу Вам, Святый Владыко, искреннейшую благодарность за благосклонный прием, сделанный Вами моему воспи-

таннику, Настоятелю Бабаевского монастыря. Любовь Вашего Высокопреосвященства служит для меня и утешением, и назиданием. Такая любовь в наш век эгоизма — истинное чудо. Зиждущийся соборный храм в Бабаевском монастыре устроился так более при содействии Вашего Высокопреосвященства.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
6-го декабря 1866-го года

№ 36

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим великим праздником Рождества Христова и с наступающим Новым Годом, при усерднейшем желании Вашему Высокопреосвященству многих лет, вожделенного здравия и всех истинных и совершенных благ.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
25-го декабря 1866-го года

№ 37

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Надеясь на Ваше милостивое внимание и неограниченное снисхождение ко мне, позволяю себе снова беспокоить Вас о вспоможении по построению Соборного храма в Бабаевском монастыре, о чем имею честь препроводить при сем форменное отношение.

В Петербурге заказан крест на большую главу, имеющую более пяти сажен в поперечнике и более четырех в вышину.

Крест бронзовый, в византийском характере; рисунок и в Питере считается новостию, хотя в сущности он — подражание древним образцам, подражание не слепое, усовершенствованное соответственно современному состоянию искусства. Копию [рисунка] с креста препровождаю к Вашему Высокопреосвященству. Взгляните с любовию, оком Ктитора, утешьтесь тем, что милосердый Господь благопоспешает делу, и возвратите рисунок подателю письма сего. Стропила для главы — железные; они уже сделаны в Петербурге. Удивляюсь, как зиждется этот храм при ничтожных средствах наших. Зиждет его невидимая Рука. Она посылает и благотворителей; между ними первое лицо — Ваше Высокопреосвященство.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
15-го февраля 1867-го года

№ 38

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за содействие, ныне оказанное Вами и постоянно оказываемое, созиданию Храма во имя Иверской Божией Матери в Обители Святителя Николая Бабаевской[1]. Движимый чувством искреннейшей благодарности, я и лично передавал и писал Г-ну Синодальному Обер-Прокурору о том, сколько я обязан Вашему Высокопреосвященству. Я позволил себе более того: я просил Графа принять и мое ходатайство в содействие представлению Вашему о том лице, которое было употреблено Вами для действий в пользу Бабаевского Монастыря. По сему последнему обстоятельству до сих пор не имею утешительного известия. Нашлись, к сожалению, противодействователи. Ныне, при встретившемся благоприятном случае, повторяю в четвертый раз мое ходатайство, и о последствиях его сочту долгом известить Ваше Высокопреосвященство.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувством отличного уважения и совершенной пре-

данности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
4-го марта 1867-го года

[1] Храм во имя Иверской иконы Божией Матери в Николо-Бабаевском монастыре был освящен 8 сентября 1877 г.

№ 39

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое всеусерднейшее поздравление с наступившим Праздником Праздников и Торжеством всех Торжеств: Светлым Воскресением Христовым. Приветствую Вас всерадостным приветствием «Христос воскресе», и усерднейше желаю Вашему Высокопреосвященству вожделенного здравия и всех истинных благ.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
18-го апреля 1867-го года

Приложение к разделу «Высокопреосвященные Архиепископы Костромской Платон (Фивейский) и Ярославский Нил (Исакович)»

Праздник в Ярославле[1]

17 октября Ярославль единодушно праздновал провождение святой, чудотворной иконы святителя Николая, привезенной туда из Бабаевского монастыря 12 сентября. В этот день ранее 6 часов утра начали собираться богомольцы в собор, и все улицы представляли непрерывную цепь идущих и едущих по этому направлению. <...>

[1] *Самарина.* Домашняя беседа. СПб., 1865. № 46. С. 1344–1345 (печатается с сокращениями); см. письмо Святителя № 25 к Высокопреосвященному Нилу.

Икону сопровождали пять человек из обители Бабаевской; их благоговейное служение, стройное пение и внимание ко всем без изъятия очаровали ярославцев и много способствовали усердию их. <...>

После поздней обедни в соборе, которую совершал Высокопреосвященнейший Нил с двумя архимандритами и другими сослужащими, несметное множество народа сопровождало икону к пристани. <...>

На берегу [у Бабаевского монастыря] стояло духовенство в полном облачении, ожидавшее святую икону; слышалось громкое, торжественное пение: *величаем тя, святителю отче Николае*. Минуты этой нельзя описать. <...>

Болезненный, но величественный старец, Преосвященный Игнатий, в полном архиерейском облачении стоял с кадилом среди лика поющих. Четыре диакона поднесли святую икону к владыке. Если бы сам угодник Божий, Николай, сходил тогда с парохода вместо святой своей иконы, то, кажется, вид Преосвященного Игнатия не мог бы быть больше проникнут сознанием святости и величия этой минуты: он был весь — молитва! <...> Против ворот обители совершена была лития, и икона внесена в храм и поставлена на своем обычном месте. Тогда Преосвященный стал на свое святительское место и начался молебен. По пропетии торжественного гимна *Тебе Бога хвалим* владыка обратился к присутствующим с следующею речью:

Боголюбивые граждане богоспасаемого града Ярославля!

Господь наш Иисус Христос обетовал, что чаша студеной воды, поданная во имя ученика Его, не останется без мздовоздаяния.

Вы, братия, приняв чудотворную икону святителя Николая, этого истинного ученика Христова, приняли, несомненно, самого великого Угодника Божия; честь, оказываемая иконе, относится к лицу, изображенному на иконе. Научают нас этому великие учители Православной Церкви.

Вы, братия, предложили ученику Христову не чашу студеной воды — предложили сердца, исполненные пламенной веры и любви. Любовь и веру выразили вы и осуществили действиями.

Пребывание святой иконы во граде вашем было непрерывающимся празднеством, которое изображалось непрерывающимся богослужением.

Обетовал Господь награду за чашу студеной воды, поданную во имя ученика Его; обетовал Господь воздать коемуждо по делам

его. В деснице Господа весы и мера самые верные, самые точные. Если не погубит мзды своея чаша студеной воды, для представления которой нужен лишь труд почерпнуть ее, тем более вознаградится усердие, выраженное в обилии и силе. Невозможно не совершиться этому: обетование произнесено всемогущим и всесвятым Господом.

Братия! да благословятся семейства и домы ваши! да благословятся житейские занятия ваши! Паче же да благословится и благопоспешится ваш подвиг о спасении душ ваших! Все земные приобретения и преимущества оставляет человек на земле, когда уходит с земли в вечность: в вечность вступаем лишь с добродетелями или грехами нашими. Братия! вращаясь в земных заботах, не забывайте о небе, не забывайте о часе исхода из земной жизни. В этот час опытно поймет каждый из нас всю справедливость слов Спасителя: *кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит!*[1] В этот грозный час что даст человек в выкуп за душу свою?

Выкупом запасаемся благовременно на земле: он составляется и постепенно накопляется жизнию по заповедям Евангелия. Аминь!

Все стояли с необыкновенным благоговением, внимая словам святителя, который, произнося с силою молитвенною свои благословения, осенял предстоящих. Надо было видеть в эту пору лицо его, говорившее сильнее и красноречивее всяких слов...

Мы приняли благословение нашего владыки, как благословение самого великого угодника Божия и чудотворца Николая.

---

[1] *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16. 26).

IV

Преосвященный Леонид (Краснопевков)

Это общение молитв необходимо для душ, которые больше или меньше симпатизируют между собою.

Святитель Игнатий

Когда в 1834 г. в Троице-Сергиеву пустынь настоятелем был назначен архимандрит Игнатий Брянчанинов, одним из первых его духовных сыновей оказался молодой моряк Лев Васильевич Краснопевков, в будущем известный церковный деятель Преосвященный Леонид. Беседы с архимандритом Игнатием, о которых он вспоминал до самой своей кончины, производили на него глубокое впечатление, они и привлекли его к монашеской жизни.

Лев Васильевич родился 16 февраля 1817 г.; его отец занимал должность Товарища Герольдмейстера. Образование он получил сначала в английском, затем во французском пансионе; в 1829 г. он поступил в Горный Кадетскиий корпус, но, не окончив его, определился в феврале 1834 г. юнкером в Балтийский флот, в 1836 г. произведен в мичманы.

Его знакомство с архимандритом Игнатием произошло совершенно естественным путем. Так он рассказывает о своей матушке, Анне Ивановне: «На утре жизни ея воспламенилась в душе ее вера в молитвенную силу Преподобного Сергия»[1]. Ее родные места у Яхромы, в 40 верстах от Троице-Сергиевой Лавры, которую она имела возможность часто посещать, способствовали укреплению и сохранению «до гроба пламенной веры в силу его молитв. <...> Как драгоценность соблюдала она в сердце святые впечатления первых лет своей жизни, проведенных в окрестностях Лавры... Мы, дети, слушали неистощимые рассказы о том, как она, бывало, хаживала пешком по обету к Преподобному Сергию, какие чудеса творил и творит Преподобный благодатию Божиею, как велики богатства Лаврской ризницы, как многолюдны и торжественны праздники, как в Посаде жители занимаются деланием затейливых игрушек и это рукоделие, по преданию, в те дни сохранившемуся в окрестном народе, ведет

[1] Здесь и далее: Дневник и Воспоминания Преосвященного Леонида. РГБ ОР. Ф. 149. К. 1–9.

начало свое от времен Преподобного, который, любя малых детей, дарил им разные деревянные вещицы своего рукоделия (что довольно вероятно, если вспомнить, что Преподобный был и древоделом)».

Выйдя замуж, Анна Ивановна переехала с мужем в Санкт-Петербург, но всегда уверительно говорила: «Не умру без того, чтобы не побывать в Сергиевой Лавре». Избранным местом ее паломничества в Петербурге стала Троице-Сергиева пустынь: «Было мне года полтора от рождения, когда подвергся я какой-то опасной болезни. Матушка отправилась со мною, больным ребенком, к Преподобному Сергию в Пустынь, куда и прежде и после того ежегодно ездила на богомолье. Я выздоровел и с тех пор не знаю, был ли хоть один год, чтобы я не посетил Сергиеву Пустынь, пока жил в Петербурге. Эти богомольные странствия были для меня приятнее всех удовольствий, и я чтил Преподобного как особенного своего покровителя».

В 1838 г. Лев Васильевич Краснопевков с благословения Высокопреосвященнейшего Митрополита Московского Филарета оставляет службу во флоте и поступает в Санкт-Петербургскую Духовную академию. О своем знакомстве с Митрополитом Филаретом он оставил весьма прочувствованные воспоминания: «Помню, что в первый раз приехал я сюда [в Александро-Невскую Лавру, где Митрополит Филарет жил во время своего пребывания в Петербурге] расфранченным флотским офицером, в узеньких саночках своих на шведской лошадке, в новенькой шинели с щегольским бобровым воротником, в треуголке циммермановского дела. Это было в генваре 1837-го. Тогда я не был еще известен Владыке. Счастье быть ему представленным ожидало меня к Великому посту того же года. То был ясный мартовский день, с освежающим к вечеру морозцем. Владыка узнал обо мне от Киевского Митрополита Филарета и пожелал меня видеть, встретил с ясным взором, с ласковым словом. “Вы так молоды (мне было ровно 19 лет) и уже пользуетесь таким доверием начальства”, — заметил он с тонко одобрительною улыбкою, когда на его вопрос, чем я занимаюсь, я отвечал: временным командованием лагерем в Петергофе. Указывая движением головы на мою подвязанную щеку, сказал: “Не надобно хворать военному человеку” — и перешел к разговору серьезному. Высказал свою примечательную для нашего времени мысль о классических языках, он лучший наш гебраист и отличнейший знаток языков греческого и латинского: “Надобно изучать эти языки настолько,

чтобы они были для вас орудием при богословских занятиях, чтобы могли читать Отцов в подлиннике". <...> На прощаньи я просил позволения бывать у него хотя изредка в толпе. "Только не в толпе, среди которой ничего нельзя сказать", — ответил милостиво Архипастырь, провожая до дверей своей гостиной».

Благоволение строгого пастыря Митрополита Филарета Лев Васильевич Краснопевков (будущий Преосвященный Леонид) сохранил на всю жизнь. По совету Митрополита он в 1840 г., после смерти отца, перешел в Московскую Духовную академию. Митрополит писал тогда наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию: «В Академию поступает чиновник из дворян Краснопевков. Это не то, что некоторые бывшие пред сим. Примите его со вниманием и дайте ему право узнать обитель и монашество». Тема академической диссертации Льва Васильевича «Жизнь Филиппа, Митрополита Московского и всея Руси» (опубликована в 1861 г.) определила на ближайшее время его служебную карьеру. По окончании Академии он был назначен преподавателем гражданской истории, катехизического учения и греческого языка в Вифанскую семинарию.

23 сентября 1845 г. Лев Васильевич был пострижен в монашество с именем Леонид, а 1 октября Митрополит Филарет произвел его в иеромонаха в Покровском (Василия Блаженного) соборе в Москве.

Преподавателем в Вифанской семинарии и застал иеромонаха Леонида архимандрит Игнатий Брянчанинов в 1847 г., во время посещения Москвы и Троице-Сергиевой Лавры по пути в Николо-Бабаевский монастырь. «Нашел в Вифанской Семинарии, — писал он своему наместнику 7 сентября 1847 г., — Иеромонаха Леонида, Профессора и Магистра из флотских офицеров, который в Петербурге бывал у меня. В посаде живет его матушка-старушка, которую он содержит своим жалованием. Иду из Академии к саду — встречает меня незнакомая старица, останавливает: "Ах, Батюшка, говорит, как я вам благодарна за сына моего: направление, которое вы дали в Петербурге, его руководствует в пути, им избранном, так благополучно; я мать Леонида". Он приходил ко мне вечером и как пред Духовником проверил всю жизнь свою со всею простотою и откровенностию».

Отец Леонид об этой встрече записал в своем дневнике следующее: «Я пришел в церковь уже перед концом обедни и занял уголок у южных дверей алтаря. Передо мною стоял, спиною ко

мне, архимандрит, стройный, высокого роста, с прекрасно расположенною линией плеч. "Это отец Игнатий",— подумал я. Это тот самый человек, имя которого так часто в продолжение пятнадцати лет было у меня на устах, человек, жизнь которого была для меня образцом жизни монашеской, но на которого я смотрел как на существо для меня недоступное, хотя мне и удалось побывать у него в Пустыни раза два или три после того, как зародилось во мне желание монашества.

Обедня кончилась; начали раздавать образа священникам для крестного хода. Архимандрит обратился ко мне, поздоровался и, заметив на мне магистерский крестик, сказал:

— Вы, вероятно, профессор здешней семинарии?

— И притом,— отвечал я с поклоном,— человек, некогда имевший счастие быть Вам известен, но которого Вы, вероятно, никак не припомните. Это было в Петербурге, десять лет назад, и притом я был в другом, именно в военном платье.

— Во флотском мундире,— прервал меня о. Игнатий,— очень польщен и чрезвычайно рад увидеть Вас и снова познакомиться с Вами.

Пока крестный ход продолжался, мы сидели в гостиной Митрополита. Отец Игнатий расспросил меня о ходе моей жизни после того, как расстался я с ним, и сказывал, что время от времени он вспоминал обо мне, и изъявил удовольствие, что я помню его. Когда отец Игнатий услышал, что я никогда ни на один день не переставал помнить его, всегда благодарный за те наставления, которые нашел для себя благодетельными и жизненными, он отвечал мне: "У меня, отец Леонид, будет просьба к Вам: не забывайте меня в своих молитвах. Это общение молитв необходимо для душ, которые больше или меньше симпатизируют между собою".

Я слышал, что архимандриту Игнатию со стороны духовных дали знать, чтоб он просился на покой. Это дошло до Великой Княгини Марии Николаевны, она стала просить Государя. Император предложил Императрице: "Ты давно не была в Сергиевской пустыни, съезди и скажи Игнатию, что я на покой его не пущу, а если хочет, пусть для поправки здоровья просится в полугодовой отпуск". Так и сделали, и отец Игнатий едет на Бабайки.

Я решился изъявить сожаление отцу Игнатию, что он оставляет обитель, которая без него должна будет возвратиться в свое прежнее состояние, и надежду, что его не отпустит Государь. Архимандрит ответил: "Я должен со своей стороны сделать все,

что требует от меня мой взгляд на самого себя. Управление нашей обителью чрезвычайно трудно. Это монастырь полуштатный, полуобщежительный и состоит совершенно в особенных отношениях. Например, обитель наша держится, главным образом, клиросом: иногда надобно было выискивать человека из мирян и держать его для хора, где он необходим. Впрочем, благодаря Бога, у нас есть внутри монастыря своя особенная духовная отрада: общение некоторых, с которыми мы более близки.

Монашество в настоящее время находится в тех условиях, в каких была Церковь Христова в века язычества. Это не корабль, а множество людей, рассеянных по треволнению житейскому, которые должны общением молитв, письменных и иногда личных сношений путеводствовать друг друга. Вы не найдете в нынешнее время ни одной обители в собственном смысле слова, ибо правила святых Отцов поражены, разъединены светскими указами; остались по местам монахи, они-то должны своим общением, святым и непорочным, восстановить монашество, для которого, когда угодно будет Богу, найдутся и обители".

Сквозь стеклянную дверь я увидел входящего нашего отца ректора[1] и сказал отцу Игнатию с замечанием: "Вот израильтянин, в нем же лести несть". Он отвечал, что уже наслышан о нем, и пошел рекомендоваться.

[На другой день.] Узнав от моей матушки, что я ищу случая увидеться с ним и живу для этого в Академии, архимандрит Игнатий обещал, как скоро найдет свободную минуту, прислать за мною.

После обеда я гулял с отцом Сергием в Пафнутьевском саду. С ударом колокола к вечерне мы отправились домой, а против кельи отца Игнатия встретили меня два посланных за мною. Отец Игнатий стоял у окна: благородный овал его свежего румяного лица, в легкой тени уже не прежних кудрей, очень памятен. Мы выпили по чашке чаю, после чего разговор едва завязывается, — он только успел узнать ход моего дела о монашестве и о совершенном слишком быстром расстройстве моих семейных дел, — как явились к нему с приглашением идти в ризницу, он стал было отказываться усталостью, просил обождать до завтра, но просили настоятельно. "Нечего делать — подай мне крест".

Он пригласил меня в спутники. У входа в ризницу стояли ризничий, казначей и о. наместник. Отец Игнатий был изумлен

[1] Ректор Московской Духовной академии в 1847–1853 гг. архимандрит Алексий (Ржаницын); о нем см.: Т. 1. С. 158.

и, вероятно, очень рад, что не дал отказа. Отец Антоний повел его через коридор на лестницу. Архимандрит Игнатий редко позволял себе замечания и вопросы, смотрел внимательно, но молча, без знаков удивления и восклицательных. На мою заметку, что по древним пеленам с изображением Преподобного Сергия другие думают обличить благословляющую руку раскольничью, отец Игнатий заметил: "Но большой палец большею частью не виден, и спор неразрешим. Изображали в те времена и так и этак, потому что не обращали на крестосложение, как на мелочь, никакого внимания, доколе не возникли споры".

Из ризницы повели нас в амбары хлебные, в пекарню, в хлебную, в странную, в больницу, в училище...

Отец Игнатий молчал. Наместник был решительно искренним пред своим гостем. При всей моей предрасположенности к отцу Игнатию я почти был не за него».

Отец наместник Троице-Сергиевой Лавры Антоний (в миру Андрей Гаврилович Медведев, 1792–1877), о котором упоминает отец Леонид, был личностью незаурядной. Происходил он из крестьян, самоучка. Служа помощником аптекаря, обучился у него и в 1812 г. получил формальное разрешение на занятия врачебной практикой. В 1822 г. постригся в Высокогорской Вознесенской пустыни. В 1824 г. совершил паломническое путешествие в Киев. 10 марта 1831 г. был избран Митрополитом Московским Филаретом в наместники Троице-Сергиевой Лавры и 15 марта возведен в архимандриты Вифанского монастыря. Он вполне оправдал выбор Митрополита, сделавшись его духовным отцом, другом и деятельным сотрудником. Несмотря на то что любил уединение и не раз просился на покой, пробыл наместником Лавры 46 лет и привел ее в состояние, достойное ее исторического значения. В течение 35 лет находился в переписке с Митрополитом Филаретом, 1681 письмо которого к нему изданы в четырех весьма объемистых томах.

29 июля 1847 г. Митрополит Филарет написал отцу Антонию: «Будет у вас Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий. Примите его братолюбно.

Заговорите с ним о афонском иеромонахе Иосифе, которого он видит не так, как вы мне показывали прежде»[1].

Однако что-то неблагоприятное произошло у отца наместника Антония с архимандритом Игнатием при их первой встрече.

---

[1] Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Троице-Сергиевой Лавры Антонию: В 4 ч. Ч. 2. М., 1878. С. 326.

«С Лаврским наместником Антонием я очень не сошелся, а поладил с Академическим Ректором Алексеем», — писал архимандрит Игнатий своему наместнику 7 сентября 1847 г. А в другом письме: «...понял и знаменитого Антония, который вполне наружный человек, имеющий о монашестве самое поверхностное понятие». Мнение архимандрита Игнатия об отце наместнике не изменилось и впоследствии. Тем не менее имя его самого дважды еще и через большие промежутки времени появлялось в письмах Митрополита Филарета к отцу Антонию, причем в рассуждениях по вопросам, которые сам автор писем считал весьма спорными. Так, 28 апреля 1852 г. Митрополит Филарет писал: «Вот еще письмо, которое, по милости Святославского, дошло до меня через год, и конечно, оставило писавшего в неудовольствии на мое молчание.

Видите, что о. архимандрит Сергиевой пустыни Игнатий написал книгу против книги Фомы Кемпийского и желает, чтобы я ее видел и побудил его к изданию ее в свет. Не надеюсь, чтобы, если прочитаю книгу, мог я написать о ней то, что понравилось бы ему. Мне странною кажется мысль писать назидательную книгу именно против Фомы Кемпийского. Мне кажется, всего удобнее продолжить молчание, в котором я до сих пор оставался невольно. Но сим дается ему причина к неудовольствию. Не читав книгу, если скажу, что не надеюсь быть с нею согласен, это будет жестко, а может, еще менее могу сказать мягко, когда прочитаю книгу»[1].

Здесь следует отметить, что святитель Игнатий очень отрицательно относился к книге Фомы Кемпийского «Подражание Христу»: «Книга "Подражание", — писал он, — есть не что иное, как роман, подыгрывающийся под тон Евангелия и ставимый наряду с Евангелием умами темными и не отличившими утонченного сладострастия от Божественной благодати»[2].

И второе письмо Митрополита Филарета от 23 января 1857 г.: «Давно не отвечаю вам, отец наместник, о слове Святителя Димитрия о Божией Матери: поклоняюся Твоему *безгрешному зачатию* от святых родителей. И теперь не надеюсь отвечать достаточно.

...Слова святителя Димитрия можно понимать о зачатии чистом от произвольного греха, ибо сие было после долгой чест-

[1] Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Троице-Сергиевой Лавры Антонию. Ч. 3. М., 1883. С. 144. || [2] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 187.

ной жизни в старости, не по желанию плоти, но в послушании предречению Ангела. Но не невероятно и то, что он понимал оные так, как о сем мудрствуют ныне на западе.

...При сем вспоминаю разговор мой с пустынским архимандритом Игнатием. Книгу о подражании Христу он так не одобрял, что запрещал читать. Я возразил ему, что святитель Димитрий приводит слова сей книги, оговариваясь, что Фома Кемпийский хотя иностранный купец, но приносит добрый товар. Архимандрит отвечал мне: мы не знаем, когда святитель Димитрий введен был в благодатное достоинство святого отца, и, может быть, указанное мною написал еще тогда, когда был просто благочестивым писателем или проповедником.

И св. Варсонофий Великий говорил, что святые Отцы под охранением благодати Божией писали чистую истину; однако между тем иногда, не оградив себя молитвою, писали мнения, слышанные от наставников, не строго испытанные, которые читающий без оскорбления святых Отцов может и должен отложить в сторону, не обязываясь принять оные.

Рассуждения о зачатии Божией Матери писать нужно ли, и полезно ли, сомневаюсь. Кажется, у нас довольно спокойно смотрят на вопрос о сем. Не возбудить бы распрей, которых разрешение трудно предвидеть»[1].

Но возвращаемся к записям отца Леонида (Краснопевкова) о продолжающемся его свидании с архимандритом Игнатием в августе 1847 г.: «На следующий день после обедни о. архимандрит позвал меня. Подали чаю и аккуратно нарезанный благословенный хлеб. Разговор завязался, и больше часа говорил он: я слушал в сладость. Вот содержание нашего разговора:

"Все в нашей деятельности,— говорил я,— должно быть направлено к истине и добру, и это двойственное стремление должно иметь выражение прекрасное..."

В следующем монологе заключается некоторый очерк ответов отца Игнатия на этот свод моих недоумений:

"Очень рад, что вижу Вас в чине монашеском и в сане священства. Это дает свободу и значение нашему собеседованию. В деле учения, отец Леонид, памятуйте слова Христовы: всяк книжник, наученный Царствию Божию, подобен человеку домо-

[1] Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Троице-Сергиевой Лавры Антонию. Ч. 4. М., 1884. С. 15.

виту, износящему из сокровища своего новое и ветхое (Мф. 13. 52). Не оставляйте науки светской, сколько она служит к округлению духовных наук: приложение к духовным, чтобы дать вопрошающему отчет в Вашем уповании. Идите своею дорогою, но помня о светской науке, что она должна быть для Вас только орудием, а о своих богословских системах — что одна система есть скелет правильный, твердый, но сухой и безжизненный. Благодарите школу, что она дала Вам его, и большего от нее не требуйте: она сообщила Вам все что могла.

Если мы будем говорить так образно — в том экземпляре скелета, который достался на Вашу долю, есть неполноты: спешите наполнить их. Думаю же, что все это немного займет у Вас времени. Потом Ваше дело — навести красу, дать плоть костяку и оживить новое тело духом. Для этого нужно постоянное упражнение в чтении Слова Божия, молитва и жизнь по заповедям Божиим. Молитва оплодотворяет упражнение в Слове Божием, и плод будет состоять в познании заповедей Божиих. Прочитайте св. Матфея и старайтесь жить по заповедям, изложенным в пятой, шестой и седьмой главах. Это жизнь простенькая. Апостол Павел велит узнавать, что есть воля Божия, благая и совершенная, и этим отсылает нас к начальным страницам Нового Завета, к св. Матфею, которого книга недаром занимает в нашем новозаветном каноне первое место.

Исполняйте заповеди деятельней, и незаметно перейдете к видению по Иоанну. Нечувствительно перейти на небо, если научитесь ходить по земле. Укрепляйте себя в жизни по заповедям посредством чтения семнадцатой кафизмы. Душа Ваша озарится, и Вы воскликните: “Закон Твой — светильник ногам моим и свет стезям моим!” (Пс. 118. 105) — заповеди Божии станут, как пестуны, повсюду ходить за Вами. Таким только путем Вы созиждите на камне свою духовную обитель, в которую снидет Животворящая Троица, в которой будете Вы безопасны от знойного дыхания страстей и от потопа всяких бедствий. Недостаток такого внутреннего делания [является] причиною того, что многие из наших ученейших священноначальников слабы духом, всегда боязливы и скоро впадают в уныние.

Изучайте Писание согласно с учением святых Отцов. Для этой цели полезно заниматься греческим языком: у нас так мало хороших переводов учительских Отеческих творений. Вы ознакомитесь с теоретическою стороною Отцов; в Деяниях Соборов

узнаете их жизнь, что особенно поучительно. Исследуйте также ереси: еретики становятся лукавы и жестоки сердцем и телом; поэтому сколько в историческом, столько и в психологическом отношении важно исследовать борьбу Церкви с этими домашними врагами.

Вообще, работайте Господеви, не спешите с этим самообразованием — скороспелки не имеют вкуса; труды не пропадут: Бог видит их и принимает. Люди бывают непомерно требовательны, Бог — никогда: Он знает наши силы и по мере сил наших налагает на нас требования, приемлет и сердце и чудесно восполняет недостатки. Делайте всё ради Бога. Сколько правило это важно в учении, столько же и в жизни...

Вы находитесь в положении сына, обязанного заботиться о семье своих родителей. Обязанность прекрасная; Вы захотели согласить с ней жизнь монашескую и избрали дорогу училищной службы. Святой Кассиан рассказывает с похвалою об авве А., который был вызван из своего уединения обязанностию сына и не потерял на небе мзды монаха. Будьте постоянны, спокойны. Формируйтесь в жизни общественной, и она совершит Вас; только помогаете ли родным, обращаетесь ли в обществе — все делайте для Господа, а не для плоти. Не смущайтесь от преткновений, но ведите жизнь сокрушенную, и научитесь смиренномудрию: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50. 19).

Затворничество опаснее может быть для Вас, нежели общество. Келья воздвигнет на Вас такую брань, какой Вы не вынесете, ибо душа Ваша еще находится под влиянием вещества, она еще не созрела. Идите своим путем, на время уединяйтесь, чтоб не дойти до рассеянности; потом выходите, да не одолеет Вас гордость и уныние. Выходите к обществу, как в свою школу. Будьте осторожны, но благоразумную осторожность отличайте от мнительности и мелочности. Возвратившись в келью, поставьте себя перед Богом в сокрушении и в простой сердечной молитве исчислите свои согрешения и смело и спокойно продолжайте свое внутреннее делание. Постоянное, но спокойное наблюдение за собою даст Вам способ приготовиться к верному отчету пред Богом, к исповеди плодотворной.

Скажу Вам, что мнение Отцов о самоиспытании и исповеди таково: мы получаем от духовника отпущение грехов содеянных, а не тех, которые находятся в нас в возможности наклонности к греху. Поэтому духовнику должно знать, в чем Вы и

как прегрешили. Покажите ему, в каких грехах, как фактах, выразилось греховное направление Вашей воли, откройте слабые стороны Вашей души чрез указание, какие грехи чаще поражали Вас, ничего не утаивайте, ничего не прикрывайте, не переиначивайте, но избавьте исповедника от перечисления пред ним всех мельчайших обстоятельств, всех подробностей, за которыми и сами Вы никогда не уследите. Духовник не поймет Вас, а себя Вы затрудните: оцеживая комара, проглотите верблюда. Заметив за собою грех, не забывайте его и со временем упомяните о нем на исповеди, представив в чертах существенных и полных, а в подробностях нехарактеристических, удобно ускользающих из памяти, принесите сердечное раскаяние пред Богом, повергнитесь пред Ним с сознанием своей мерзости и, *оставляя задняя, простирайтесь вперед* (Флп. 3. 13). Изгоняйте грех, не будет и подробностей грехопадения.

Не будьте мелочны в образе жизни. *Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего* (Рим. 12. 2) — это первое. Ищите всюду духа, а не буквы. Ныне напрасно стали бы Вы искать обителей. Их нет, потому что уставы святых Отцов поражены, правила их рассеяны светскими указами. Но Вы всегда найдете монахов и в монастырях, и в общежитиях, и в пустынях, и, наконец, в светских домах и светских одеждах городских — это явление особенно свойственно нашему веку, ныне не должно удивляться, встречая монаха во фраке. Поэтому не должно привязываться к старым формам: борьба за формы бесплодна, смешна; вместо того, чтобы побеждать и назидать, она раздражает противников или вызывает их презрение. Форма, как внешность, есть случайность, а случайность проходит, одна Истина пребывает во веки. *Истина свободит вы* (Ин. 8. 32), а Истина есть Христос: облекитесь во Христа, и Вы явитесь в самой лучшей, в самой древней и, вместе с тем, в самой современной одежде. *Христос вчера и днесь тойже и во веки* (Евр. 13. 8)".

Так говорил мне отец Игнатий, и мне особенно приятно было то, что в его словах было много нового, но было и довольно таких мыслей, которые, не будучи долею общественного мнения, давно были собственными моими. Я был рад увидеть их в таком человеке, как в верном зеркале. Я благодарил отца архимандрита за беседу, которая в Лавре святого Сергия была как бы продолжением той, которая ровно за десять лет до того была начата в пустыни святого Сергия.

Хотелось быть еще и еще с ним, но я знал, что он ожидает только приезда в Лавру графини Шереметевой, по ее просьбе, и сам спешит в дальний путь; к тому же и день почтовый. Он с приветом своего любезного слова и очаровательной улыбки и с благожеланием простился со мною. Я отдал ему от полноты души глубокий поклон; он поклонился, вижу, еще ниже, и кончилось тем, что мы пали друг другу в ноги. Он поручил мне отправить одну духовную книгу в Бородинский монастырь.

После приятно было слышать от А. В. Горского[1], что когда отец Игнатий в сопровождении его и отца ректора Академии ходил по академической библиотеке, то произвел самое приятное впечатление на Горского прежде всего своею необыкновенною кротостью, которая не ускользнула и от внимания других: *кротость ваша разумна да будет пред всеми людьми* (Флп. 4. 5). Он говорил мало, и, когда уже было совершенно очевидно, что все преимущество в знании на его стороне, и тогда он умел, чтобы не оскорблять чужого самолюбия, дать заметить, что это знание очень обыкновенное для стоявшего в его положении, так как он высказывал свои мнения большей частью о литературе аскетической. “Здесь,— говорил Александр Васильевич,— видно было, что он имеет не просто обширную начитанность, но глубокое понимание и основательную ученость: ибо он выражал свои мнения о некоторых переводах, где тотчас показал, что занимается предметом, как знаток дела и знакомый с древними языками”.

Отец Игнатий выписывает новое парижское издание греческих и латинских отцов Церкви.

— Вот какие есть у вас в монастырях архимандриты, — заметил я Амфитеатрову.

Но ведь это единственный!

Отец ректор Академии приказал молодым монахам быть на обеде в Вифании, именно потому, что там будет человек, от которого можно научиться, как обращаться и держать себя в обществе человеку духовному. И тут отец Игнатий взял всем: ученостью, аккуратностью, обращением».

В приведенном выше монологе святитель Игнатий упоминает об обязанности отца Леонида «заботиться о семье своих роди-

---

[1] *Горский Александр Васильевич* (1812–1875); в 1832 г. – профессор Московской семинарии; в 1833 г. – бакалавр Московской Духовной академии; в 1837 г. – профессор МДА; в 1860 г. – рукоположен во священника; в 1862 г. – ректор МДА; в 1864 г. – доктор богословия.

телей». Отец Леонид «был примерно почтительный сын и любящий брат». Ко времени его встречи со святителем Игнатием (1847) на его попечении находились его матушка — вдова Анна Ивановна и две младшие, болезненные сестры Олимпиада и Татьяна Васильевны. Кроме того, он всячески старался поддержать свою старшую, горячо любимую и рано овдовевшую (в 1849 г.) сестру Екатерину Васильевну Ушакову, а также младшего брата Александра Васильевича — в период его учебы и до тех пор, пока он окончательно не укрепился на выбранной им службе. Оба они — и Екатерина, и Александр — впоследствии были верными сподвижниками своего брата. Екатерина Васильевна, «высокообразованная особа, свободно владевшая английским, французским и немецким языками», поступила на службу классной дамой в Николаевский сиротский институт, в 1867 г. получила грамоту о награждении Мариинским знаком отличия беспорочной службы. В 1873 г. у нее случилось нервное расстройство, и отец Леонид привез ее в Московский Алексеевский монастырь к знаменитой игумении Антонии (Троилиной). По выздоровлении она стала деятельной помощницей игумении. Ее перу принадлежит «Краткий исторический очерк Московского Алексеевского монастыря» (Москва, 1877). В 1880 г. она постриглась с именем Леониды. Александр Васильевич по окончании в 1850 г. Московского университета по юридическому факультету поступил на службу в Московское общество сельского хозяйства. Заканчивал он службу в качестве директора народных училищ Московской губернии с чином действительного статского советника. Но до того времени, когда сестра и брат смогли сами себя обеспечивать и даже помогать младшим сестрам, содержание семьи было очень непростой обязанностью отца Леонида. Забегая вперед, следует сказать, что даже после того, как он стал ректором сначала семинарии, затем Духовной академии, его жалованья хватало лишь на самую скромную жизнь. Именно потому, как считает его биограф, начальство, зная его обстоятельства и желая ему помочь, предоставляло ему вне очереди настоятельства в монастырях.

Примерно через полгода после отъезда архимандрита Игнатия в Николо-Бабаевский монастырь в дневнике отца Леонида появляется еще одна относящаяся к нему запись: «Сейчас рассказывал мне Александр Васильевич [Горский], что он получил некоторые сведения от отце Игнатии от монаха из того места, в котором проживал отец Игнатий во время своего отпуска. Этот

монах и прежде бывал у отца Игнатия в Сергиевой пустыни, а потому имел доступ свободный к нему на Бабайках. В уединении Игнатий любил разделить свою грусть с добрыми старцами обители. Он прямо говорит, что причиною его удаления было то, что викарий Нафанаил во время своего всемогущества при Антонии обнаруживал в делах свое желание, чтобы монастырь Сергиевский перешел к нему. Это продолжалось, нечего было делать, как отступиться от монастыря, и он подал просьбу Митрополиту об увольнении от управления обителью и в то же время написал письмо Государю, в котором говорил, что так как управление монастырем принял он по особенной Высочайшей воле и начальствовал им, доколе был в силах, но теперь здоровье его не позволяет ему продолжать служение, то он решился просить увольнения, о чем подана просьба и духовному начальству. Чрез некоторое время Обер-прокурор докладывает Государю, что Синод предполагает уволить архимандрита Игнатия от управления монастырем, Государь не дал ответа. Синод велел Игнатию определеннее высказать свою просьбу, и сказано, чтобы просить на год. На этой просьбе Государь подписал: на полгода, по прошествии которого возвратиться к управлению монастырем. На Бабайках отец Игнатий получил очень любезное письмо от Наследника, в котором Великий князь говорит, что братия грустит по нем и все ждут его».

При покровительстве Митрополита Филарета служебная карьера отца Леонида совершалась весьма благополучно. В 1848 г. он был назначен бакалавром патристики в Московской Духовной академии; в 1849 г. — ректором Вифанской семинарии и настоятелем Московского Златоустова монастыря; в 1853 г. — ректором Московской семинарии, а затем ректором Московской Духовной академии; в 1854 г. отец архимандрит Леонид назначен настоятелем Заиконоспасского монастыря. Все годы он оставался доверенным лицом Митрополита Филарета, выполняя особенные его поручения.

Следующая его встреча с архимандритом Игнатием состоялась в 1856 г., когда архимандрит предпринял поездку в Оптину Пустынь, «чтобы соглядать собственными очами... лучший монастырь в России», в который мечтал переселиться, «чтоб хотя конец жизни провести на правах человека и для человечества в духовном и обширном смысле этого слова».

В мае 1856 г. он прибыл в Москву. «Перед тем как ехать, — записывает отец Леонид (Краснопевков) в своем дневнике, —

подкатила карета к крыльцу. Кто же? Отец архимандрит Сергиевской пустыни. Слышал я, что накануне он обедал у Владыки, и думал, как бы увидеть его, а он — как тут. Говорит, что он даже и Преосвященному митрополиту Новгородскому в числе лиц, которых намерен был посетить в Москве, именовал и меня. "Замечаю у вас седины уже", — сказал он мне; я взглянул на его волосы: они уже совсем убелены, короче и жиже прежнего.

— Я думал, что встречусь с вами на коронации.

— Зачем? Здесь и без меня много отцов архимандритов.

— Может быть, Государь пожелает.

— Он сам не вспомнит обо мне.

Когда отец Игнатий говорит о Церкви, вид его печален, как будто видит в ее будущности одно мрачное. Он приписывает часть зла Петербургскому духовенству, которое учит какому-то всеобщему христианству, помимо Церкви, а этому злу вина, по его мысли, в беспечности Митрополита Серафима. Отец Игнатий в тот же день уехал в Оптину Пустынь на шесть недель. Его ум, опытность, образованность, знание монашеской жизни высоко ставят его в монашестве. Отец Игнатий и отец Антоний — два корифея, разнохарактерные, но равно достойные.

Жаль, что между ними нет общения».

После этого их свидания между ними возникла переписка, из которой 17 писем святителя Игнатия были опубликованы в седьмом томе собрания его сочинений, а еще шесть обнаружены недавно в архиве Преосвященного Леонида. Свои письма Преосвященный Леонид скрупулезно вписывал в специальные альбомы, увы, с водопроникающей бумагой, из-за которой все записи расплылись и стали нечитаемыми. Из вновь обнаруженных писем святителя Игнатия первое написано в Оптиной Пустыни 17 июня 1856 г.: «Всемилосердый Господь, ущедряющий тварей своих тленными и нетленными благами, даровал мне, грешнику, нетленное сокровище — Любовь Вашу, да утешаюсь и укрепляюсь этим духовным даром во время многоскорбного земного странствования моего. Вы принесли это сокровище ко мне в Сергиеву пустыню. В 1847-м году я свидетельствовал сокровище мое в Сергиевой Лавре и нашел его не только сохранившимся, но и усугубившимся. Ныне, при подобном освидетельствовании, узрил сокровище паки и паки возрастшим». Видно, большим обаянием обладал отец Леонид, что любили его столь разные люди: любил его проницательный, изучивший досконально человеческую природу Митрополит

Филарет; любил его очень «простец» архимандрит Угрешский Пимен; полюбил его архимандрит Игнатий. Близкий и хорошо знавший отца Леонида человек[1] писал о нем: «Поэтическое настроение овладело душою [Преосвященного Леонида] в раннем возрасте, и близкие к нему могут засвидетельствовать, что это возвышенное настроение возрастало вместе с годами его и, соединяясь с глубокою, пламенною верою и любовию к Богу, сделало душу его до того нежною и впечатлительною, что разговор о предметах возвышенных всегда вызывал у него неудержимые слезы. Всего более любил он говорить о красотах природы, о дивном Промысле Божием и о жизни вечной. При таких беседах сердце его таяло, как воск, возбуждая и в других сердечное умиление. О мире невидимом говорил блаженный архипастырь: «Я скорее буду отвергать существование мира вещественного, видимого, нежели того мира, который вижу очами души»[2].

Кстати, в числе добрых знакомых отца Леонида были многие из людей, близких архимандриту Игнатию. Так, он дружил с семействами Николая Николаевича и Михаила Николаевича Муравьевых, был в дружеских отношениях с Андреем Николаевичем Муравьевым, дружил с А. С. Норовым, с Шереметевыми. Вообще оставался человеком светским, вращался в сливках общества. «Плавал в самых густых сливках»,— записал он в дневнике после одного из своих приемов. Записи в его дневнике пестрят именами представителей самых аристократических фамилий, включая членов Царской семьи. Всех их притягивали к нему его личные, не часто встречающиеся в монашеской среде качества: «Умная,— говорит его биограф,— и всегда благочестивая беседа, свободная и оживленная речь, отчетливая и выразительная дикция, приветливость и благородные манеры в обращении — всё это с первого раза привлекало любого собеседника к отцу Леониду и располагало в его пользу. Число почитателей его росло с каждой неделей, с каждым праздничным днем»[3].

В беседах со святителем Игнатием отец Леонид высказывал сомнения по поводу своего светского окружения. Святитель, прекрасно зная, в какой среде рос и воспитывался отец Леонид, зная также его искреннюю и глубокую приверженность монашеской жизни, отнюдь не осуждал его потребности бывать в

---

[1] Екатерина Васильевна Ушакова, в монашестве Леонида, — сестра Преосвященного Леонида. ‖ [2] РГБ ОР. Ф. 149. К. 1. № 2. ‖ [3] *Савва, епископ Харьковский.* Воспоминания о Высокопреосвященном Леониде. Харьков, 1877. С. 45.

обществе: «Затворничество опаснее может быть для Вас, нежели общество. Келья воздвигнет на Вас такую брань, какой Вы не вынесете. <...> Идите своим путем, на время уединяйтесь, чтоб не дойти до рассеянности; потом выходите, да не одолеет Вас гордость и уныние...»

Не осуждал отца Леонида за его великосветские связи и Митрополит Филарет. И хотя, как это видно будет позже, не все с одобрением относились к неумению отца Леонида отказаться от слишком светского образа жизни, но до самой кончины Митрополита Филарета он продолжал в этом смысле пользоваться полной свободой, совмещая ее с выполнением служебных обязанностей.

Впрочем, свои служебные обязанности отец Леонид ставил превыше всего. Записи в дневнике свидетельствуют, как тщательно он готовился к занятиям в Академии, как ночами готовил проповеди. «Он не знал меры своим трудам и подвигам», — говорит его биограф. Об этом свидетельствует и письмо Митрополита Филарета Обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому от 7 апреля 1861 г.: «...По мере уменьшения сил моих, при возрастающем множестве дел, увеличивается для меня потребность в сотрудничестве помощника моего по службе Епископа Викария. Преосвященный Леонид удовлетворяет сей потребности по делам епархиальным с таким усердием, благорассудительностию и деятельностию, каких можно было желать. Обозрение епархии производится большею частию чрез него; и он исполняет сие с особенною внимательностию. Он руководствовал комитетом о пособии церквам Могилевской епархии, которого успешное действование удостоено Высочайшего благоволения: и несколько лиц, участвовавших в сем деле, удостоены Всемилостивейших наград.

По сему признаю Преосвященного Леонида достойным Всемилостивейшего внимания Его Императорского Величества.

К ордену Св. Анны во 2-й ст. сопричислен он в 1856 г. По прежнему обычаю, он ныне может быть представлен к первой степени того же ордена...»[1]

Преосвященный Леонид отличался и другим качеством — «необыкновенною наклонностию жертвовать собою для других». Он не умел отказывать в просьбах и даже «из своего обширного знакомства с лицами высшего круга старался извлекать помощь для других».

---

[1] *Святитель Филарет (Дроздов)*. Мнения, отзывы и письма. М., 1998. С. 240.

Чрезмерная загрузка стала причиной его болезненности: «Он чаще и чаще начал страдать от разных недугов: от боли в ногах, от расстройства нервов и от сильных приливов крови к голове».

Летом 1857 г. отец Леонид перенес тяжелую болезнь. Затем тяжелым ударом стала для него кончина (23 сентября) его матушки. На этом фоне произошла новая встреча его со святителем Игнатием.

27 октября 1857 г. архимандрит Игнатий Брянчанинов был хиротонисан во Епископа Кавказского и Черноморского, 25 ноября он выехал к месту своей новой службы. По пути он несколько дней пробыл в Москве. Отец Леонид предложил ему остановиться у него. 22 ноября 1857 г. он записывает в своем дневнике: «Преосвященный Игнатий благодарит за приглашение, но говорит, что остановиться у меня в монастыре не может, ибо — продолжаю его словами — "не умею беречь денег и потому постоянно нуждался и нуждаюсь в пособии ближних. Промысл Божий постоянно давал мне благодетелей, так что я находился постоянно в нужде и постоянно в изобилии. Такое положение сопровождало меня и при посвящении моем в Епископа. Выехал я из Обители с 50-ю рублями, и то заемными, а добрые люди всем снабдили. Один из них взял на себя отправку моей библиотеки в Ставрополь, равно как и всего имущества моего, также взял на себя отправление меня собственно из Петербурга до Москвы; этот человек желает, чтоб я остановился в Москве в его доме". В конце письма: "Надеюсь в Москве часто видеться с Вами. Мне хотелось бы провести там 1-е декабря. Не знаю, что ожидает меня на Кавказе, но из Петербурга уезжаю с радостию"».

Следующая запись 28 ноября 1857 г.: «Преосвященный Игнатий был у Владыки 2 раза, вчера обедал у него и вечером навестил меня как больного. Он очень поседел, голова совсем белая, и с дороги или от изменения впечатления он показался мне не тем, кем я привык его видеть; вид его усталый, и разговор не вяжется. "Католики производят фанатиков папы, протестанты производят фанатиков протестантизма, русские производят священников, которые смотрят на свое дело как на промысел. Этой хладности вина в рационализме воспитания. Пора успокоить Церковь на ее извечном основании, на Предании: пусть Деяния Соборов во всей силе, деяния и писания святых, история Церкви самая подробная будут изучены основательно; пусть мысль осветится и просветится изучением слова Божия, так чтобы всякий знал у нас наизусть Евангелие и Псалтырь, чтобы великие

истины этих божественных книг ходили за нами, пред нами, над нами, одесную, ошую, озаряли мысль, согревали сердца. Пусть великие деяния Церкви возвеличивают дух, великие образы делателей винограда Божия восстанут пред нами во всей их жизненной силе, красоте и величии. Пусть сердцем почувствуют дети, к чему они готовятся, пусть воспитатели расположат к свободному избранию духовного звания. Пусть как первенцы Божии будут они отделены Богу в раннем возрасте, чистые и непорочные, пусть блюдут их от света мира за щитом своих стен и добрых правил, пусть отличаются от него самой наружностию и порядком жизни. И в полукафтанье можно побегать, когда дети знают, что они для здоровья резвятся". — Преосвященный очень легко оставил и Обитель, и Питер. Царь, обе царицы, Константин Николаевич с супругою принимали его. Александра Феодоровна подарила ему панагию золотую (с изображением Спасителя), обложенную синими камнями. Он был у меня в ней. Она очень плакала, и Государь прощался со слезами».

Митрополит Филарет о первом посещении его Преосвященным Игнатием писал 27 ноября 1857 г. отцу наместнику Антонию: «Сегодня был у меня новый Преосвященный Кавказский. Благодушествует и с решимостью принимается за дело. Уже избрал себе нового ректора семинарии и инспектора и секретаря для Консистории. Радуется о благоволении к нему владыки Новгородского. Но есть и скорбные вести, которые он подтверждает. О оптинских монахах, взятых в Иерусалимскую миссию, он думает, что их лучше бы удержать под опытным руководством старца Макария, чтобы употребить их для поддержания и распространения доброго монашества в России. Может быть, это и правда. Для Иерусалима могли бы найтись другие»[1].

3 декабря 1857 г. из Москвы отправились обратно в Сергиеву пустынь провожавшие епископа Игнатия друзья, а он перед отъездом в Ставрополь навестил еще раз отца Леонида. «В понедельник посетил меня Преосвященный Игнатий, и я представил ему отца Савву. Много любопытного слышал; много добрых уроков он преподал. Он рад, что расстался с Петербургом. В монастыре приезд высоких особ духовных и светских всегда производил на него мрачное впечатление. "Четверть века ездят в монастырь и не научатся спросить ничего, кроме: когда этот корпус отстроится, над кем этот памятник поставлен". Разговор

[1] Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Троице-Сергиевой Лавры Антонию. Ч. 4. С. 66.

духовный мог быть поддержан с А., с М. А. — можно было передавать неизвестное ей. <...> В монастырях самых лучших делание телесных добродетелей, а духовная жизнь неведома до того, что молитвы Иисусовой боятся.

Как быть? — спрашиваю я: я после болезни раздражителен и боюсь оскорбить, всякое объяснение приводит в трепетание сердце и в сильное волнение духа. Говорить ли?

Непременно. Если нас стесняет наше недостоинство и опасение сделать хуже, то это только от врага. Что мы грешны, это дело известное; но диавол хочет, чтобы к другим грехам приложили мы грехи нерадения в своей службе, потачку. Боимся раздражения; мы должны знать: мы не бесстрастны; боимся худых последствий от исправления,— лучше худые последствия от исправления зла, нежели худые последствия от небрежности, от попущения зла. При этом нужно приносить покаяние в том, что было страстного привнесено в дело, и положиться на Бога. Нужно и предварять дело молитвою, чтобы не из себя говорить, а из Бога: тогда трудное становится легким и говорится и принимается легко. *Кийждо в неже звание призван, в том да пребывает* (1 Кор. 7. 20), — продолжал он, как бы отвечая на мой вопрос: Бог поставил, посему на этом, а не на другом поприще должен я действовать. Произвольное (самочинное) смиренномудрие не спасает, а губит, а без смиренномудрия нет спасения. Как древнему Израилю заповедано было приносить жертвы только в Иерусалиме, так и духовный Израиль может правильную Богоугодную жертву принести только в сердце смиренном. Мы стеснены; но успокоимся мыслию, что мы в неволе египетской занимаемся "плинфоделанием, пока не послан будет к нам Моисей".

Но не должен ли я, спросил я, представить на вид начальству то, что я изменился со времени своего назначения, чтобы не было оно в неизвестности на мой счет: тогда оно ставило меня таким, а теперь я другой? Если хотите, сделайте это, но помолясь хорошенько, и если не будет препятствий, скажите; если же сказать не надо, то Бог воспрепятствует.

Советует сильно иметь настольную книгу аввы Варсонофия, который для начальника то же, что авва Дорофей для новоначального.

Преосвященный едет во вторник. Правило Преосвященного Игнатия с Божиею помощию прилагаю к делу, и удачно. Помолясь, начинал говорить, и принимаемо было с благодарностию».

Представленный Преосвященному Игнатию при этой встрече отец Савва — это в будущем известный доктор церковной истории, публикатор материалов, связанных с деятельностью Митрополита Филарета, автор «Воспоминаний о Преосвященном Леониде».

Отец Савва (в миру Иван Михайлович Тихомиров, 1819 — 13 октября 1896) — сын причетника Владимирской епархии. В 1850 г. он окончил Московскую Духовную академию; в 1848-м — пострижен; в 1850-м — синодальный ризничий, в 1851-м — магистр, в 1855-м — архимандрит, в 1859-м — ректор Московской семинарии, в 1861-м — ректор Московской Духовной академии и настоятель Высокопетровского монастыря, в 1862-м — епископ Можайский, в 1866-м — Полоцкий, в 1874-м — Харьковский, в 1876-м — Тверской, в 1880-м — Архиепископ, в 1894-м — доктор церковной истории.

Он тоже описал свою встречу с Преосвященным Игнатием: «В ноябре рукоположен был во епископа Кавказского знаменитый архимандрит Сергиевой пустыни Игнатий Брянчанинов — главный виновник монашества отца Леонида. Мимоездом чрез Москву он посетил своего духовного адепта, а последний не преминул познакомить меня со своим почтенным аввою. Я провел несколько часов в духовной беседе с новорукоположенным епископом и был очень доволен своим знакомством с такою замечательною личностию. Не очень, впрочем, долго Преосвященный Игнатий оставался на епископской кафедре: в августе 1861 года он уволен был согласно прошению, по расстроенному здоровью, на покой и поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, где занялся приведением в порядок и изданием в свет своих многочисленных сочинений содержания преимущественно аскетического. Летом 1865 года, когда я был викарием в Москве, Его Преосвященство препроводил ко мне с своим братом, который в одно время с ним был в Ставрополе губернатором, экземпляр своего произведения под заглавием “Аскетические Опыты”. При этом он поручил своему брату попросить меня сделать для него списки с житий святых Нифонта и Андрея, заключающихся в Макарьевских Четьи-Минеях. С своей стороны, я поставил долгом выразить Преосвященнейшему автору письменную благодарность за присланный мне дар и обещал исполнить его просьбу относительно списков с житий святых. На мое письмо Преосвященный Игнатий отвечал 1 июля того же 1865 года следующим посланием:

“Ваше Преосвященство, милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую признательность за благосклонное принятие труда моего, книги “Аскетические Опыты”.

Примите и покорную мою просьбу: не откажитесь предложить известным Вашему Преосвященству монашествующим и вообще аскетам эту книгу, предостерегающую от неправильного упражнения молитвою и от последствий такого упражнения”.

Обещанные мною списки житий святых Нифонта и Андрея не могли быть мною доставлены Преосвященному Игнатию раньше марта следующего 1866 года, так как жития эти очень обширны. По получении от меня списков Его Преосвященство писал мне от 3-го марта:

“Примите мою искреннейшую признательность за распоряжение Ваше о снятии для меня списков с подробных жизнеописаний святого Нифонта и святого Андрея. Эти жизнеописания очень важны в отношении к учению о духах; но не знаю, смогу ли воспользоваться Вашею милостию как должно: силы мои истощились до невероятности, и не только не могу заниматься письменным трудом, но даже и чтением. Знакомым моим в Москве я поручил выразить мою благодарность занимавшимся перепискою жизнеописаний.

Приношу Вашему Преосвященству усерднейшее поздравление с наступившим Праздником Праздников, при желании Вам всех истинных благ”.

Чрез год и один месяц после сего письма великий труженик и подвижник почил от своих трудов и подвигов: он скончался 30 апреля 1867 года»[1].

И в эту описанную выше встречу святитель Игнатий снова ощутил в отце Леониде родственную душу. Уже 5 марта 1858 г., едва успев устроиться в Ставрополе, он пишет ему: «Искреннейше благодарю Вас за ту братскую любовь, которую Вы оказали в бытность мою в Москве. Господь да сохранит сей союз между нами во все время нашего земного странствования, и да будет он залогом любви в вечности, той любви, которая уже не страшится перемены».

В дневнике отца Леонида упоминание о святителе Игнатии за время его служения на Кавказе встречается только раз: «4 фев-

[1] *Савва, епископ Харьковский.* Воспоминания о Высокопреосвященном Леониде. С. 62.

раля 1859 года — отец архимандрит Пимен принес мне благословение от Преосвященного Игнатия».

Вскоре после этой записи архимандрит Леонид (Краснопевков) был избран Святейшим Синодом и Высочайше утвержден во епископа Димитровского. «Да сохранит меня Бог от тщеславия»,— записал он в дневнике. А святитель Игнатий писал ему 4 мая 1859 г.: «Приношу Вам искреннейшую благодарность за письмо Ваше от 25 апреля. — Вы не ошиблись, почтив меня уведомлением о предоставлении Вам Епископского сана! Я искренно порадовался этой вести и уповаю на милость Божию, что Вы будете проходить великое служение, на Вас возлагаемое, во славу Божию, для существенной пользы святой Церкви».

В Жизнеописании Святителя говорится, что ему и на новом месте (как это было в 1834 г. в Сергиевой пустыни) пришлось много трудиться над возрождением находящегося в упадке епархиального хозяйства. Из переписки с Преосвященным Леонидом видно, что тот, как доверенное лицо Митрополита Филарета, был в курсе тех неблагоприятных отношений, которые встретили епископа Игнатия на Кавказе.

Чрезвычайное утомление, усилившееся болезненное состояние заставили его 24 июля 1861 г. подать прошение об увольнении, и 5 августа Государь его подписал.

Как водится, это событие породило разные домыслы. Вот, например, выдержки из нескольких писем профессора Московской Духовной академии П. С. Казанского[1] Архиепископу Костромскому Платону.

От 16 мая 1860 г.: «Брат Урусова писал к Авелю (иеромонах Лавры), что Ставропольский Владыка просится на покой, но что он убеждает его послужить. Не дивлюсь желанию Ставропольского, ибо он успел уже испытать, что более проиграл, чем выиграл принятием на себя сана архиерейского».

От 28 сентября 1861 г.: «Под управлением Игнатия Бабаевский монастырь бесспорно процветет. Но мы не слыхали, чтобы он вез с собою 12 иеромонахов. О. Наместник как-то поручал мне передать Вам его совет — сохранить добрые отношения к Игнатию. Я не писал этого, потому что и без совета Вы будете так поступать».

---

[1] *Казанский Петр Симонович* (ум. 1878) — богослов и историк; окончил курс Московской Духовной академии, в которой занимал потом кафедру всеобщей истории.

От 12 октября 1861 г.: «Преосвященный Игнатий объясняет свой отказ от епархии так: вот у меня голова в золотухе; не могу заниматься делами; дел десять просмотрю, а прочие лежат. ...Мне надоело быть в обществе, хочется и в уединении отдохнуть. <...> Но Игнатий в Москве еще; не вздумал бы просить себе Симонова»[1].

При отъезде из Ставрополя, как и при отъезде из Петербурга, у святителя Игнатия не было собственных средств, и ему снова пришлось прибегнуть к вспомоществованию. В Москве на этот раз он воспользовался гостеприимством Преосвященного Леонида. Но в Лавру он не поехал: «Преосвященный в Лавру не заглядывал. О. наместник сказал здесь Митрополиту, что проехала свита Преосвященного Игнатия. "Какая?" — спрашивает он. "Черный пес да иеромонах". Вероятно, Митрополит не удержался, чтобы не высказать этого Игнатию, и потому он мимошел Лавру».

Это была последняя встреча «на земли» святителя Игнатия с Митрополитом Филаретом и с Преосвященным Леонидом. Переписка продолжалась. В 1865 г. святитель Игнатий прислал Преосвященному Леониду первые тома «Аскетических опытов». Реакция Преосвященного Леонида видна из нижеследующего единственного его письма, которое удалось обнаружить в черновиках:

«Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

В Преподобном Сергии имею я молитвенника, заступника, руководителя, учителя. В Сергиевой Пустыне двухлетний младенец, получил я исцеление от смертной болезни и тогда же был ему поручен родительницею! Эта обитель была для меня стеклом, сквозь которое впервые смотрел я на жизнь монастырскую. Лица — ангелы. Вы — лица, в самом начале благосклонно внявшие моим желаниям монашеской жизни, оказавшие мне милость сочувствием, руководством, покровительством — все или из Настоятелей Сергиевой Обители, или из питомцев Сергиевых.

В Лавре я учился и учил богословию, там и пострижен, и теперь принадлежу той обители, в которой ежедневно воспеваем имя Сергиево. И вот наконец является предо мною книга, способная поучить меня житию с монашеством, и рождено это произведение Вашей мысли и пера в Сергиевой Пустыни!

---

[1] Богословский вестник. М., 1904. № 3. С. 577; № 5. С. 461, 463.

Молю Бога, да породит она во мне дух спасения и Вам да воздаст Господь за труды и за дар воспоминания о том, кто поставлен Вами в особенное утешение быть навсегда Вашего Преосвященства покорнейшим послушником»[1].

Последнее письмо святителя Игнатия Преосвященному Леониду было написано 4 марта 1867 г. Ответ отца Леонида не застал его в живых.

Брат Святителя, Петр Александрович Брянчанинов, писал Преосвященному Леониду 26 мая 1867 г.:

«Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Узнав от племянницы моей А. В. Жандр о том живом участии, которое Ваше Преосвященство выразили и словом и делом молитвенным к кончине брата моего по плоти, по духу — Отца — Преосвященного Игнатия, я счел долгом представить Вам как выражение моей душевной, глубокой благодарности описание обстоятельств кончины покойного Святителя.

Описание это, неудовлетворительное в литературном отношении, составлено не для печати, а исключительно для близких учеников покойного. — Достоинство его в том, что оно — собрание сведений, изложенных лицами, окружавшими покойного, под страхом ответа пред Богом за возможную для человеков точность поведания.

Выводы и заключения, принадлежащие мне, высказаны мною по той причине, что они — убеждения, общие всем нам, ученикам покойного Старца Епископа. — Мы веруем, что человек, до последней минуты жизни вещавший святое, благодатное разумение Отцов о глаголах живота вечного, по смерти своей не мог стать чуждым тем святым человекам, которые по глаголам этим — признали и исповедали Христа — Сына Божия.

Не смея беспокоить Высокопреосвященнейшего Филарета представлением священнейшей Особе Его экземпляра этого поведания и утомлять Его чтением довольно продолжительным и не довольно гладким, я просил бы, если Ваше Преосвященство изволите найти это возможным и уместным, — доложить на словах Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Митрополиту важнейшие, по Вашему усмотрению, факты из числа изложенных.

[1] РГБ ОР. Ф. 149. К. 6. № 2.

Испрашивая Ваших святых молитв и Архипастырского благословения, с чувством глубокого уважения и совершенной преданности, имею честь быть Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейший слуга Петр Брянчанинов»[1].

К письму приложен текст: «Обстоятельства кончины Епископа Игнатия (Брянчанинова), жившего на покое в Николаевском Бабаевском монастыре Костромской епархии», вошедший позже в Жизнеописание Святителя.

Преосвященный Леонид отвечал 12 августа 1867 г.: «Надобно было почтить Вашу печаль молчанием или кратким только словом ограничиться, пока свежа была рана, внезапно нанесенная Вашему сердцу кончиною Вашего брата по плоти, отца по духу. Рана так глубока, что и теперь прикосновение к ней не может не произвести болезненного ощущения; но теперь в молитве и смирении Вы, конечно, уже нашли врачевство и оно начинает производить свое действие. Поэтому решаюсь писать, не стараясь сдерживать сколь можно более слово. Потеря, Вами понесенная, должна бы признана быть потерею всецерковною. Вам виднее, как событие смерти Преосвященного Игнатия принято в православном русском обществе. Если и не довольно сочувственно, не должно сетовать. Смирение истинно православных епископов таково, что они ищут себе безвестности так же усердно, как дети мира ищут знаменитости. Поэтому неудивительно, что о них не широко ходит молва и не скоро оцениваются их заслуги. Зато их слава хотя медленно, но прочно утверждается и безопасно для их смирения, ибо большею частию по смерти (исключения бывают редки, хотя и бывают, как мы видели в день 5-го августа). И слава эта не есть предмет бесплодного праздного любования толпы, а источник назидания избранных душ. Я уповаю, что православные русские люди мало-помалу усвоят себе покойного Святителя. В его жизни и писаниях они постараются найти и найдут, что может быть общедушеспасительно.

Думается, что со временем могли бы Вы для пользы иночества извлечь из его писаний то, что особенно общедоступно, понятно и назидательно для тех иноков, кои человеческою мудростию не богаты, но духом в Бога богатеют, а также и то, что полезно для простых читателей мирян».

---

[1] РГБ ОР. Ф. 149. К. 11. № 61.

Всю первую половину этого, 1867 г. Преосвященный Леонид был занят подготовкой празднования 50-летия Святительского служения Митрополита Филарета, которое состоялось в августе, а 19 ноября этого же года великий Святитель ушел из жизни.

«Преосвященнейший Владыко,— писал Андрей Николаевич Муравьев Преосвященному Савве (Тихомирову) 3 декабря 1867 года,— Вы были на юбилее Жизни, а я на юбилее смерти нашего Благодетеля, и один не уступил другому своею торжественностию, которую опишу, хотя и с сжатым сердцем. Оставшаяся по нем пустота есть неисследимая бездна, которую испытуем только постепенно в ниспадении, ибо все перевернется. Сперва думали, что Преосвященный Леонид, по желанию покойного, будет заведовать Епархиею, но он не угодил в Москве великому Лагофету...»[1]

Преосвященный Леонид управлял епархией с 20 ноября 1867 г. по 25 мая 1868 г. — до прибытия нового Митрополита, которым в январе 1868 г. был назначен выдающийся церковный деятель Иннокентий Камчатский[2].

Из письма А. Н. Муравьева от 14 января 1868 г.: «Назначение Митрополитом Иннокентия есть истинное благословение Божие и при том прямое исполнение воли усопшего Владыки, ибо он мне говорил еще в октябре, когда речь зашла о Иннокентии, "что был бы весьма доволен, если бы занял по нем его кафедру, так как он его особенно любит и уважает". Действительно, один лишь Иннокентий из всех наших Архиереев от первого до последнего может по достоинству своего твердого и Апостольского характера заменить гений усопшего и быть истинным оплотом Церкви. Знаю, что некоторые ученые в Академиях желали бы ученого оратора и молчальника на деле, каких у нас много, но не так судил о нем Промысл Божий и человека по-видимому простого, но подвижника и создавшего, подобно Кириллу и Мефодию, язык Алеутский и Якутский для слова Божия, поставил на кафедру гениального Филарета как истинное духовное его чадо, им рожденное на пользу Церкви.

---

[1] РГБ ОР. Ф. 262. К. 36. № 108. ‖ [2] *Митрополит Московский Иннокентий* (в миру Иван Евсеевич Попов-Анненский-Вениаминов, 1797–1879) — сын священника Иркутской епархии; с 1821 г. — священник; с 1824 г. — миссионер в Америке, на острове Аналашка; с 1834 г. переведен в Новоархангельский порт; в 1840 г. принял монашество; 30 ноября возведен в сан архимандрита; с 1 декабря 1840 г. — Епископ Камчатский; с 21 апреля 1850 г. — Архиепископ; с 5 января 1868 г. — Митрополит Московский.

Москва очень этим утешена и Преосвященный Леонид также, который при нем остается»[1].

Андрей Николаевич Муравьев с первого знакомства и до этих дней был очень дружен с Преосвященным Леонидом, но теперь начал выражать неудовольствие им: «Жаль, что тревожат память усопшего печатанием его писем и документов в светских журналах и газетах, а тут и премудрый Сушков удручил изданием нелепых своих записок... И все это происходит пред глазами Преосвященного Леонида, это не делает чести его прозорливости, и я написал ему по сему случаю весьма сильное письмо». В других письмах он выражал неудовольствие отказом Преосвященного Леонида от предлагаемых ему епархий, «чтобы только не расстаться с Московским кружком, что я нахожу весьма неприличным»[2] и т. д.

Но 20 мая 1875 г. Преосвященный Леонид принял назначение его Архиепископом Ярославским и Ростовским и покинул Москву. В августе следующего, 1876 г. он сильно простудился в Толгском монастыре, так что опасались за его жизнь. В ноябре он побывал в Москве для совещания в Комитете по построению храма Христа Спасителя, а по возвращении в Ярославль в декабре отправился обозревать епархию. «Всех удивляет,— писал его биограф,— что в лютый мороз в открытых санях он ездит по епархии».

13 декабря он по приглашению архимандрита Иустина прибыл в Николо-Бабаевский монастырь. «Архимандрит с братиею встретили его в церкви Святителя Николая, где после краткой ектении он приложился к святым мощам и чудотворным иконам и, на общий поклон всей предстоящей братии, ответил им земным поклоном, затем неспешно преподал благословение свое осенением каждого отдельно. Потом перешел в больничную церковь Преподобного Сергия Радонежского, где слушал соборную панихиду по Преосвященном Игнатии; по окончании оной подошел к самой могиле, у которой земным поклоном приветствовал почившего»[3]. Затем, обратившись к братии, сказал: «Преосвященный Игнатий первый познакомил меня с монашеством, первый преподал мне начала и правила иноческой жизни, руководил меня к ней и утвердил в решимости оставить служение миру и вступить в монашество. Может быть, не все его советы исполнил я в точности и потому пришел сюда, чтобы

---

[1] РГБ ОР. Ф. 262. К. 36. № 108. || [2] РГБ ОР. Ф. 262. К. 36. № 108. || [3] Церковный вестник. М., 1877. № 1. С. 11.

испросить у него прощение. <...> Прошу вас, святые отцы, помянуть и меня так же, как вы поминаете Преосвященного Игнатия»[1].

Вечер он провел в обществе архимандрита Иустина и Петра Александровича Брянчанинова, в беседе с которыми между прочим сказал: «Преосвященный владыка Игнатий убеждал меня довольствоваться тою общею научностию, которую я имел при моем светском образовании, с тем, чтоб я исключительно посвятил себя изучению монашества».

На другой день с утра он обозревал сельские церкви своей епархии, возвратился очень довольный и до полночи беседовал с архимандритом Иустином и Петром Александровичем. А утром во время ранней литургии почувствовал спазмы в груди, поспешил в келлию и через 50 минут «отъиде ко Господу, успев принять таинства и покаяния, и причащения... по причащении громко и с чувством произнес: “Слава Тебе Боже... Тебе Боже”».

Из письма брата Преосвященного Леонида, Александра Васильевича Краснопевкова: «Призывая почившего к горнему Иерусалиму, Господу было угодно исполнить его пламенное желание — умереть посреди полной деятельности, в пустынножительном монастыре, принявши за три минуты до смерти Тело и Кровь Христовы, притом умереть у гроба Иерарха, который положил начало его монашеской жизни, умереть на дружеских руках его родного брата, Петра Александровича Брянчанинова»[2].

Тело почившего положили на стол и покрыли мантией епископа Игнатия.

Похоронен Высокопреосвященный Леонид (Краснопевков) в кафедральном соборе города Ярославля.

---

[1] Церковный вестник. № 1. С. 11. || [2] *Савва, епископ Харьковский.* Воспоминания о Высокопреосвященном Леониде. С. 329.

Преосвященный Леонид

Рождественская ночь[1]

На слова книги «Премудрость Соломона»:

Тихому молчанию содержащу вся, и нощи в своем течении преполовляющейся, всемогущее Слово Твое, Господи, с небес от престолов царских жесток ратник в средину погибельныя земли сниде.

(Прем. 18. 14, 15)

Над серебряной равниной,
Освещенною луной,
Древний храм златой вершиной
Блещет ярко предо мной.

Хладный воздух зимней ночи,
Темно-синий свод небес,
Бриллиантовые очи
Этих звезд, и мир чудес,
Что за ними созерцает
Сердце верою живой,
Все меня располагает
К умиленью пред Тобой!

В преполовеньи нощи чудной
От превыспренних высот
К сей юдоли нашей скудной
Слово Божие сойдет;
От престолов царских Ратник
Не мечом вооружен,
И не в медь закован латник,
Благодатью облечен.

Судия, но не каратель
В мир ниспослан от Тебя,
Он, погибших душ Взыскатель,
Сам за них предаст Себя;
Из-за яслей крест сияет,
Кровь струится... Иисус
Человека искупает
От греховных рабских уз.

[1] РГБ ОР. Ф. 149. К. 1. № 2.

Он — Младенец, научает
Чистоте меня Своей,
И с креста Он призывает
К распинанию страстей.

Яслям Агнца поклоняюсь,
Лобызаю крест святой.
Ночь преходит... озираюсь:
Звезды блещут надо мной;
Звонкий воздух разливает
Шумный колокольный глас,
Древний храм в огнях блистает...
Сладкий, мирный, дивный час!

Москва, 1875

Письма святителя Игнатия к Преосвященному Леониду (Краснопевкову)*

№ 1

Возлюбленнейший о Господе
Отец Архимандрит!

Всемилосердый Господь, ущедряющий тварей Своих тленными и нетленными благами, даровал мне, грешнику, нетленное сокровище — Любовь Вашу, да утешаюсь и укрепляюсь этим духовным даром во время многоскорбного земного странствования моего. Вы принесли это сокровище ко мне в Сергиеву Пустыню. В 1847-м году я свидетельствовал сокровище мое в Сергиевой Лавре и нашел его не только сохранившимся, но и усугубившимся. Ныне, при подобном освидетельствовании, узрил сокровище паки и паки возрастшим. Такое внутренное сознание души моей Вы могли усмотреть в той откровенности, каковая изливалась из моего сердца при беседе с Вами. Приезд мой к Вам считаю вместе и приездом Вашим ко мне: ибо свойствен такой расчет любви о Господе, чуждой расчетов по обычаям века сего. В тех расчетах, где является Бесконечный Господь, числа исчезают по известному Вам закону математики и вкупе богословия, признающему, что действия чисел и самые правила их уничтожаются, когда в состя-

* С № 1 по № 6 — РГБ ОР. Ф. 149. К. 13. № 31. Впервые опубликованы в ПСТ.

зание или, что все равно, в совокупление с ними войдет бесконечное.

В предлежащий мне приезд в Москву я непременно должен остановиться, по данному еще в Петербурге слову, у тех лиц, которые содействовали мне денежным пособием к совершению путешествия. Но, полагая ныне погостить в Москве дня три-четыре, намереваюсь, Господу споспешествующу во благое, быть у Вас, и пребыть у Вас по возможности дольше, в наслаждении Любовию Вашею о Господе.

Испрашивающий Ваших Святых Молитв Ваш преданнейший слуга и послушник

недостойный Архимандрит Игнатий
1856-го года 17 июня.

№ 2

Ваше Высокопреподобие,
Возлюбленнейший о Господе Отец Архимандрит!

С истинным утешением прочитал я Ваше письмо от 17 июля. Вы ни в чем не виноваты предо мною, кроме обилия любви Вашей, которой я недостоин. По поручению Вашему я писал о. Ювеналию Половцеву[1], чтоб он, когда будет в Москве, посетил Вас и поступил бы относительно Вас по-братски, т. е. приехал бы прямо к Вам и остановился бы у Вас. Этот человек — редкость в наше время: жительствует, безусловно, ради Бога, неся бремя превыше сил своих. В течение нынешнего странствования моего Господь даровал мне два однородных утешения: я видел Вас и о. Ювеналия; с Вами и с ним свободно изливалась убогая душа моя. Милосердый Господь да приложит Вам к милостям милости и да навершит их всесовершенною милостию: даром спасения и вечного блаженства.

Испрашивая Ваше благословение и поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий
1856-го года 23-го июля.

[1] *...о. Ювеналию Половцеву...* — О нем см. примеч.: Т. 2. С. 144.

№ 3

Ваше Высокопреподобие,

Возлюбленнейший о Господе!

Не видал я еще князя Николая Сергеевича Голицына по его возвращении в Петербург; но для меня особенно приятно было увидеть из письма Вашего, что Вы познакомились с этою душою, ищущею Христа и потому руководимою Божественным Промыслом к изящнейшей цели странствующего на земли человечества — наиболее по тернию.

Остерегитесь от лица, желающего поступить в Обитель Вашу[1]. Проницательный Святитель Московский дал Вам по этому предмету самый меткий отзыв.

Испрашиваю Ваших Святых Молитв!

Недостойный Архимандрит Игнатий

16-е ноября 1856.

[1] Иеродиакон Сергий, о котором в дневнике о. Леонида имеется следующая запись от ноября 1856 г.: «...но слова Владыки [Митрополита Филарета]: “Он был в Сергиевой пустыни; вряд ли оттуда хорошего легко отпустят” — заставили писать к о. Игнатию».

№ 4

Возлюбленнейший о Господе Отец!

Искренно благодарю Вас за письмо Ваше от 11 Декабря. Очень приятно было мне видеть из него расположение ко мне Святителя Московского. Полагаю, что вследствие отношений его с Преосвященным Григорием Петербургским последовало о мне представление от сего последнего в Св. Синод. Но един Бог ведает полезное человеку и обществу человеческому и потому устрояет судьбу человеков по своему премудрому Промыслу. Не знаю почему, когда не состоялось о мне желание Митрополита, я почувствовал неизъяснимую радость? Не лишил бы меня сан тех занятий в уединении, с которыми я свыкся и которые так нужны для вечности? Не приложил ли бы я в новом сане новых темных пятен на мою душевную ризу, еще нуждающуюся во многом омовении? Так или иначе, — во всяком случае да будет благословенна воля Божия! Будучи драгоценнее всех сокровищ мира для истинных рабов Божиих, да будет она драгоценною и для меня, грешного.

Сюда был вызываем Ювеналий из Оптиной Пустыни. Сперва его хотели присоединить ко мне. Наместнику моему хотели

предоставить настоятельское место, а место наместника дать Ювеналию, возложив на него и должность помощника по благочинию над монастырями, чтоб в этих должностях приготовить его к занятию моего места. Но и это не состоялось. На обратном пути своем из Петербурга в Оптину чрез Москву, вероятно, он был у Вас.

Здесь фигурирует новый Обер-прокурор[1]. Особенно нового ничего нет, потому что деятели остались старые. Заметно только то, что он уклоняется от благонамереннейших людей, с которыми прежде был на дружественной ноге, как, например, от Князя Голицына, который познакомился с Вами в Москве. Если можно заключать по этому началу о последствиях: то надо предполагать, что стремление светской власти к преобладанию над Церковию будет продолжаться.

Иеродиакон Сергий — уже здесь. Он желал вступить в братство Сергиевой Пустыни, но я отклонил его от этого намерения, представив, что на имеющиеся монашеские вакансии имеются послушники заслуженные и со способностями.

Испрашивая прощения в многословии и поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Арх<имандрит> Игнатий

17 Декабря 1856.

[1] *...новый Обер-прокурор.* — Толстой Александр Петрович (1801–1873), граф, в 1856–1862 гг. Обер-прокурор Св. Синода; подробнее о нем см.: Т. 2. С. 682–694.

№ 5

Ваше Высокопреподобие

Высокопреподобнейший и Возлюбленнейший Отец!

Приношу Вам искреннейшую признательность за любвеобильное письмо Ваше и поздравление меня, недостойного, с саном Епископа. Я вполне уверен, что Вы принимаете живейшее участие в этом событии, участие о Господе. Господь да вознаградит Вас за сие Своею благодатию, а мне да дарует проходить сие новое служение мое во славу Имени Его, во спасение души моей и во спасение ближних моих.

Замедлял я ответом моим Вашему Высокопреподобию по той причине, что не знал, где мне должно будет остановиться

в Москве. Вот в чем дело: не умею беречь денег и потому постоянно нуждался и нуждаюсь в пособии ближних. Промысл Божий постоянно давал мне благодетелей, так что я находился постоянно в нужде и постоянно в изобилии. Такое положение сопровождало меня и при посвящении моем в Епископа. Выехал я из Обители с 50-ю рублями, и то заемными, а добрые люди всем снабдили. Один из них взял на себя отправку моей библиотеки в Ставрополь, равно как и всего имущества моего, также взял на себя отправление меня собственно из Петербурга до Москвы; этот человек желает, чтоб я остановился в Москве в его доме. Изволите видеть, что мне невозможно отказать ему. И потому приношу Вам искреннейшую благодарность за христианское предложение помещения! Вместо сего надеюсь в Москве часто видеться с Вами. Мне хотелось бы провести там 1-е Декабря. Не знаю, что ожидает меня на Кавказе, но из Петербурга уезжаю с радостию.

Итак, до приятного свидания! С чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

1857-го года 19-го ноября.

№ 6

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший Отец Архимандрит!

Приношу Вам усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Праздников, Воскресением Христовым; вместе с тем искреннейше благодарю Вас за ту братскую любовь, которую Вы оказали в бытность мою в Москве. Господь да сохранит сей союз между нами во все время нашего земного странствования, и да будет он залогом любви в вечности, той любви, которая уже не страшится перемены.

Хотя здесь место новое и почти все надо заводить; хотя я страдаю от необычно суровой зимы, от особенного неудобства в помещении, но я спокоен и потому доволен. Климат действует на меня благотворно: чувствую значительное облегчение в геморроидальных припадках. Летом полагаю побывать на минеральных водах. — Уведомьте меня о здоровье Высокопреосвященнейшего Митрополита и о Вашем. Если случится с Вами какая перемена, не замедлите отписать о ней мне.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам и призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
5-е марта 1858 года.

№ 7

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь.

Приношу Вам искреннейшую благодарность за письмо Ваше от 25 апреля. Вы не ошиблись, почтив меня уведомлением о предоставлении Вам Епископского сана! Я искренно порадовался этой вести и уповаю на милость Божию, что Вы будете проходить великое служение, на Вас возлагаемое, во славу Божию, для существенной пользы святой Церкви.

На Вас лежит великая обязанность: примирять главные сословия отечества, которых разрознило Европейское учение. Влиянию этого учения много подчинились и духовенство и дворянство. Я читал с ужасом январские и мартовские статьи Казанского Православного Собеседника, в которых столкновение сословий выражено очень ярко. Церковь и духовенство пострадали, страдают и, кажется, должны пострадать от европейских учений, а не от какого-либо сословия. Я видел в Петербурге купцов, погостивших в Европе, и подивился тому удалению, той дикости, которые они начали являть к Церкви и духовенству. Видел там детей священнических, образованных по-европейски: то же самое! Здесь я познакомился с белым духовенством гораздо более, чем я был знаком в Петербурге, и нахожу, что между ними имеются самые добрые люди, что все вообще духовенство может быть направлено прекрасно, что оно очень девственно, что его погрешности и недостатки более грубы, нежели глубоки. Воля Ваша: нужно воспитание и направление более определенные. Труды на этом поприще принадлежат Вашему Преосвященству. Вы очень близко ознакомились с духовенством и с духовным сословием: Вам ясны те средства, при помощи которых оно может быть удовлетворено и сближено с другими сословиями, что необходимо для пользы Церкви, для пользы общественной. Благодарю Бога: здешнее духовенство

являет ко мне особенное расположение; но я стар, сформировался в монастыре и для монастыря, не могу проникнуть в быт духовенства так, чтоб я мог судить о нем вполне основательно.

Поручая себя Вашей братской о Господе любви и Вашим Святым Молитвам, с искренним желанием Вам всех истинных благ, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

4 мая 1859 года.

№ 8

Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

С сердечною радостию и благодарностию прочитал я письмо Ваше от 25-го мая, письмо уже Епископа, и пожелал Вам из глубины души моей всею полнотою моего желания, истинных и вечных благ и даров, свойственных истинным рабам и ученикам Христовым. Благодарю Вас и за святую икону, которая будет мне постоянно напоминать о Вас. Не прерывайте любви Вашей ко мне: я странствую по пути земной жизни весьма одиноко.

Ныне очень трудно найти истинного слугу Божия, хотя по наружности никакое время не обиловало так в слугах Божиих, как обилует наше время, провозглашающее о своей положительности (1 Сол. 5. 3). Есть много ведущих Бога и угодных Богу по свидетельству человеческому, но трудно найти засвидетельствованного Богом Боговедца и Богочтеца. Свидетельство Божие ясно как солнце, но мир слеп и потому не видит свидетельства Божия; не видя свидетельства Божия, он заменяет свидетельство Божие свидетельством своим и мнит удовлетворяться. Как хорошо поступали наши Древние Отцы Церкви Православной! они, обучившись наукам человеческим, воспринимали на себя иго Христово и на поприще самоотвержения, под руководством Креста Христова научились Божественной Премудрости, и соделывалась для них человеческая ученость уничиженною рабою, которую они употребляли в услужение Божественной Премудрости для преподавания этой Премудрости своим ближним.

Книжник, научившийся Царствию Небесному, может износить из себя и ветхое и новое, покорив ветхое новому и приспо-

собив к нему; а не научившийся, очевидно, может износить только одно ветхое, которое есть смерть и вражда на Бога, которое производит и на ближних свойственное себе впечатление, хотя бы и говорили им о Боге, хотя бы и чесало слух души, возбуждая в ней тончайшее прелюбодейное движение страстей, признаваемое многими за действие благодати. Спаси нас, Господи! Гибнем от себя, возлюбив собственные свои учения и отвергнув или мало ценя учение, ниспосланное нам Богом.

В настоящее время совершаю путешествие по западной половине моей Епархии, — по Черноморью, не так растленному, как другие места. Но и сюда проникло Европейское просвещение с блудом своим, а о казенных крестьянах и говорить нечего. Чиновники у них голые и голодные, кончили курс в разных университетах, веруют, кажется, в одни деньги; на корне зла вырастают все ветви зла. Что из этого будет? по всей вероятности, такие кончившие курс в университетах вскорости сделаются правителями и руководителями всего простого народа. Вот вам результаты, весьма скромно высказанные, практических взглядов на русскую землю.

Поручая себя снова Вашей Отеческой и братской любви, прося Ваших Святых молитв с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

22 июня 1859 года

Тамань.

№ 9

Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Несколько замедлил я ответом на письмо Вашего Преосвященства, желая сказать Вам что-нибудь удовлетворительное о Д. Вильямсе. Но здесь никто и ничего не знает о нем.

Приношу Вам искреннейшую признательность за попечения Ваши о «Слове о Смерти». Со мною часто беседуют о смерти мои недуги. Назидательна эта беседа! После нее мир со всеми его событиями представляется совершенно в ином виде. Око странника смотрит иначе, нежели око постоянного жителя.

Порадовали меня сведения, начертанные в письме Вашем о Угрешском монастыре. Спаси Господи отца Пимена, употребившего и употребляющего свои способности во Славу Божию! Ныне трудно найти монастырь благоустроенный! Во многих обителях воздвигаются различные здания значительных размеров, которые дают обители вид как будто процветания. Но это обман для поверхностного взгляда. Самое монашество быстро уничтожается. Душевный подвиг почти повсеместно отвергнут; самое понятие о нем потеряно. Этого мало! во многих обителях совершенно потеряна нравственность. Говорю так, имея под глазами самое печальное зрелище — Черноморскую пустыню, монастырь с весьма значительными средствами, расположенный на весьма уединенном месте. Имеются в здешней епархии два женских монастыря: в них нравственность хороша, но телесный труд и многопопечительность о вещественном развитии уничтожают душевное развитие.

Искренно желаю, чтоб реформы по духовным училищам достигли благих результатов. Весьма полезно воспитанников духовных училищ удалять, по возможности, от соблазнительных впечатлений мира и самому образованию дать характер более сильный и определенный, чтоб образование действовало не только на ум, но и на сердце, чтоб образованный в духовном училище воспитанник получал решительный характер православного христианина, приготовившегося служить Церкви от всей души. У нас выходит воспитанник с каким-то неопределенным направлением: он желает получить священническое место, если оно выгодно; если, по случаю, представится более выгодное место в приказных, то он нисколько не останавливается принять его. При беседах всегда слышишь на первом плане мысль о выгоде. Необходимо подробное преподавание Церковной Истории, чтоб воспитанники имели понятие о характерах исторических лиц и сами формировались по характерам истинных служителей Церкви. От преподавания, действующего исключительно на ум, происходит холодность к Церковному делу, и является по преимуществу материальное направление. По причине этой холодности у нас почти нет монашествующих из воспитанников семинарий. Нейдут в монастыри! не ощутили расположения **к самоотвержению, к духовному развитию**. От этого монастыри в большом упадке, будучи пристанищем для одной неграмотной ревности. Если б воспитанники семинарий шли в монастыри, то монастыри были бы совсем в другом положении. Буди воля Божия! Ничего не сделаешь против искушения.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
...1859 года.

№ 10

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающими Праздниками и Новым годом и вместе искреннейшую благодарность за письмо Ваше. Безымянка получена мною из Санкт-Петербургской Духовной Академии, но Лицо, которое там чернится этою безымянкою, оказывается доселе хорошим. Его сердце там не приютилось. К Московской Академии он относится с любовию и уважением. Мои отношения к Ректору те самые, какие вы описываете. К сожалению, о. Герман отверг те отношения, которые ему по той же системе следовало иметь Ректору к Епископу, отверг и ту любовь, с которою я его принял. Он счел нужным составить из лица своего оппозицию Епископу по епархиальным делам, под руководством некоего протоиерея, удаленного из консистории Св. Синодом. К счастию, о. Германа скоро перевели отсюда: без сего он сделался бы жертвою своей неопытности и увлечения. — Искренне благодарю Вас за уведомления о здравии Высокопреосвященнейшего Митрополита. Не мудрено, что прозорливый Старец ведет самую уединенную жизнь: из тишины своей келлии он видит те тучи, которые скопляются на горизонте.

Поручая себя Вашим Святым молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
25 декабря 1859 года.

№ 11

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Позвольте просить милостивого внимания Вашего к подателю сего письма, Алексею Петровичу Брянчанинову, моему родному племяннику, единственному сыну моего брата, здешнего

Начальника Губернии. Алексей Петрович желает вступить в Московский Университет. Не откажите ему в полезных наставлениях, в которых всегда нуждались молодые люди, а теперь, при умножении соблазнов, еще более нуждаются. Мой брат — самый религиозный человек; старался воспитать сына в страхе Божием, а теперь, отпуская из своего личного надзора, поручает его Богу и Божиим служителям.

Московские журналы открыли войну против монашества. Они называют его анахронизмом. Надо бы говорить откровеннее и сказать, что Христианство становится анахронизмом. Смотря на современный прогресс, нельзя не сознаться, что он во всех началах своих противоречит Христианству и вступает в отношения к нему самые враждебные. Это видят на самом опыте сельские священники: положение священников, особливо благонамеренных, становится самое трудное. Все это видит Бог. Да совершится воля Божия! Да покроет нас милость Божия!

О. Епифаний поживает благополучно. Я доволен им; кажется, и он доволен своим положением. Поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
4-го января 1860 года.

№ 12

Преосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь!

Почтенный Гражданин Первопрестольного Града Москвы Владимир Андреевич Сапелкин доставил мне некоторые сведения, относящиеся к раскольникам, находящимся на Кавказе, в среде Линейно-Казачьего Войска, и просил, чтоб ответ мой передал я ему чрез Особу Вашего Преосвященства. Исполняя такое Владимира Андреевича поручение, покорнейше прошу Ваше Преосвященство принять на себя труд о передаче нижеследующего ответа: «Я не имею никакого влияния на Казачье Войско и не имею никакого права вмешиваться в дела Войска. Но по хорошим отношениям моим с Атаманом Зудзевичем я передал ему частию сообщенные мне сведения». В прошедшем месяце посетил меня Главный Священник Кавказской Армии, Стефан Иванович Гумилевский, и говорил мне, что Главному Началь-

ству в Тифлисе известно появление в станицах лжеепископов из Австрии.

На этих основаниях я полагал бы весьма полезным войти в прямые сношения Владимиру Андреевичу с Главным Священником Кавказской Армии. Собственно в Кавказской Епархии раскольников весьма мало.

У нас совершается в значительных размерах переселение магометан в Турцию. Это очень ослабляет остающихся горцев, дает перевес Русским и успокаивает край. Вот одна весть, которую могу сообщить Вашему Преосвященству из отдаленных пустынь Кавказа.

Поручая себя Вашей о Господе любви, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

P. S. Епифаний поживает благополучно и трудится усердно. Я очень доволен им.

5 апреля 1860 года.

№ 13

Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившею Всесвятою Пасхою, мое усерднейшее желание Вашему Преосвященству всех истинных и совершенных благ и всерадостное приветствие: Христос Воскресе!

Сегодня имел истинное удовольствие получить письмо Ваше от 30 марта и приношу Вам искреннюю благодарность за милостивейшие заботы Ваши о моем убогом Слове. Сердечно радуюсь, что Слово Божие будет в общем употреблении на русском языке. Сего же дня получил я из Петербурга письмо от одного знакомого, который пишет, что высылает мне вновь изданное Евангелие. Слава Богу! Кажется, Дух Святый, сообщив Апостолам в день Пятидесятницы знание языков, со всею ясностию указал волю Божию, состоящую в том, чтоб Слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках...

На четвертой неделе Великого поста я очень болел летучею оспою. К принятию этой болезни меня приготовило употребление здешних минеральных вод. Эти воды на людей, пораженных застарелыми болезнями, действуют не во время летнего

пользования водами, а на следующую зиму и в течение всей зимы. Действие вод заключается в особенного рода болезни, которою изгоняется застарелая болезнь. Болезнь моя была очень сильна; упадок сил — необыкновенный. Пасхальную неделю провел в постели; на ней провожу и теперь большую часть времени. — Весьма благодарю Вас за известие о Высокопреосвященнейшем Митрополите. Всеблагий Господь да подкрепит его силы в настоящее трудное время, в которое начинают заигрывать многоразличные бури. Принимаю сердечное участие в Г-не Горском. Да дарует ему Господь и благоденствие и долгоденствие и да преисполнит его всех истинных благ.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам и о Господе любви, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

19 апреля 1860 года.

№ 14

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Праздников и мое усердное желание Вашему Преосвященству истинных и совершенных благ.

Письмо Ваше от 1-го декабря 1859-го года я храню как сокровище. Оно и есть сокровище. В нем показаны самые верные отношения Епископа к Ректору и Ректора к Епископу. Как эти отношения установил у себя и этих отношений постоянно держится мудрый и опытный Святитель Московский, то я счел обязанностию своею держаться их и держаться постоянно в сношениях моих с Арх<имандритом> Епифанием. На днях я счел долгом моим показать благодетельное письмо Архимандриту, чтоб он увидел из письма тот образ мыслей, который имеют в Москве о обязанностях Ректора пред его Епархиальным Архиереем.

Позволяю себе обеспокоить Ваше Преосвященство покорнейшею просьбою. Если Вы получили от о. Епифания какую-либо жалобу на меня, не откажитесь, ради любви о Господе, сообщить ее предварительно мне, в каком Вам благоугодно виде, чтоб и я мог что-нибудь сказать и тем отъять у жалобы односторонность. Этим Вы окажете обоим нам истинное благодеяние: мне доста-

вите возможность исправиться в моей погрешности и впредь быть благоразумнее, а о. Епифания Вы сохраните в благоприличных пределах необходимой для инока скромности, от попыток писать на своего Архипастыря нелепости и колебать в Епархиальном Ведомстве необходимую для него субординацию.

Поручая себя братской любви Вашей и прося Ваших Святых молитв, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

22 апреля 1861 года.

№ 15

Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Искреннейше благодарю Ваше Преосвященство за любвеобильное письмо Ваше от 17 июня. Милосердый Господь да воздаст Вам за любовь Вашу.

О. Ректор Епифаний написал просительное письмо к Г<-ну> Синодальному Обер-Прокурору о перемещении своем отсюда по неспособности выносить здешний климат. Я советовал написать ему и к Первосвятителю Московскому, что он, как говорит, и исполнил. И я писал к Его Высокопреосвященству, прося Его не оставить о. Епифания. Вместе с тем о. Ректор подал в Семинарское правление записку о своей болезненности; несмотря на эту болезненность, я просил его посещать меня от времени до времени, полагая, что моя беседа, не имеющая другого достоинства, кроме благонамеренности, может успокаивать дух его, в чем он очень нуждается. Усмотрев, что он приходит в совершенное исступление и самозабвение в то время, как подвергнется вспыльчивости, что в это состояние он приводится другими и не замечает того,— я заключил, что он не способен к должности Ректора. Недавно он сам высказал эту мысль: слава Богу, если он говорил искренно. Понять свою неспособность — великое благо! Очень понимаю, как Вы пишете, что один Первосвятитель старался и старается ввести в Высшую Иерархию новый элемент. Такое мнение разделял и наш покойный Митрополит Григорий. Но, кажется, одной Особе Вашего Преосвященства суждено оправдать избрание и мысль Московского Первосвятителя. Господь да осенит Вас своею благодатию, да укрепит Вас

Своею силою, чтоб Вы более и более доставляли утешение и подкрепление нуждающимся в нем и прибегающим к Вам за ними. Судьбы Божии бездна многа! И всякое поношение не лишено своих утешений, когда человек за свое положение воссылает благодарение Богу.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам, Вашей отеческой и братской любви, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

3 июня 1861 года.

№ 16

Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь!

Примите мою искреннейшую признательность за любвеобильный прием, оказанный мне Вашим Преосвященством. Вы произвели на меня самое благоприятное впечатление, которым наслаждаюсь и поныне.

Дорогу совершил я благополучно. Но последний день путешествия был труден, и простуда в ноге моей усилилась. По прибытии в монастырь через несколько дней слег в постель. Теперь лучше, встаю по временам с постели и сегодня начал уже немного заниматься письменностию.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий

24 октября 1861 года.

№ 17

Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь!

Благодарение, которое принес я Вашему Преосвященству за оказанное мне гостеприимство в Москве, пополняю повторением благодарения. Гостеприимство, оказанное мне, так преисполнено было любви, что по необходимости возбуждалось благодарением каждый раз, как ни вспомяну об этом гостеприимстве. Господь да спасет Вас!

Не откажитесь оказать покровительство подателю письма сего казначею Бабаевской Обители, если ему придется обеспокоить Вас какою-либо просьбою. Положением моим, дарованным мне неизреченною милостию Божиею, я доволен и предоволен. Кажется, и здоровье мое начало поправляться. Случившийся со мною припадок в Москве, повторившийся в сильнейшей степени здесь, он был последствием хронической болезни моей и лечения водами, доселе остался не без последствий. Спокойство и уединение в Бабаевской Обители неоцененные. Кому они нужны и даже необходимы, тот не может не радоваться такому приюту.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
12 января 1862 года.

№ 18

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

Примите мою искреннейшую признательность за одолжительное послание Ваше от 27 декабря. С особенным утешением прочитал и описание отношений Государя Императора и Государыни Императрицы к Высокопреосвященнейшему Митрополиту. Это добро есть добро общественное. Бог соединил Царей и Иереев для блага человечества, странствующего на земле, поручив первым устроять временное благоденствие общества человеческого, а вторым приготовлять это общество к переселению в вечность и к блаженству в вечности. Представители обоих служений должны находиться в единодушии, как призванные к этому единодушию Самим Богом, и из благочестивого единодушия своего действовать. Сатана всегда старается расстроить порядок, учрежденный Богом, обманывая человеков софизмами и употребляя самих же человеков к разрушению их временного и вечного благополучия. О! Как человек (сужу по себе) слеп и легковерен. С великим трудом он решается поверить Богу, с величайшей скоростию, очертя голову, как говорится, верит сатане.

Из уединения моего смотрю на мир, как на корабль, плывущий вдалеке, и исполняюсь желания, чтоб он плавание свое совершал под покровом милости Божией. О! да не предаст она

нас водительству лжеименного разума, этого источника бедствий человеческих.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам и о Господе любви, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
3 января 1863 года.

P. S. Приношу Вашему Преосвященству искреннейшую благодарность за милостивое воспоминание о ближних моих, которые сами будут благодарить Вас.

№ 19

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим праздником Рождества Христова и Новым годом и мое усерднейшее желание Вашему Преосвященству вожделенного здравия и всех истинных и совершенных благ. Вот уже третий год наступил с того времени, как я имел честь видеть Вас в Москве! С того времени и Вы успели похворать. Мое дело конченое; выздоровление, по причине совершенного истощения сил, произведенного сорокалетней болезнью, невозможно. Вашему Преосвященству искренно желаю восстановления здравия и сил для Вашей и общественной пользы.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
15 декабря 1863 года.

№ 20

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за благосклонное принятие труда моего, книги «Аскетические Опыты». Примите и покорнейшую мою просьбу: не откажитесь предложить известным Вашему Преосвященству монашествующим и вообще аске-

там эту книгу, предохраняющую от злоупотреблений в молитвенном подвиге, злоупотреблений, ведущих к самообольщению.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Епископ Игнатий
1 июня 1865 года.

№ 21

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше о мне и усерднейшее поздравление с наступившим праздником Рождества Христова и наступающим Новым годом, который желаю Вам препроводить в вожделенном здравии и благополучии.

Спаси Вас Господи за любовь Вашу к монашеству. Многие ныне жалуются на него, видя или отыскивая в нем разные недостатки; но монашество барометр, который, стоя в уединенной комнате, со всех сторон замкнутой, с точностию показывает состояние погоды на улице. Старые здания должно исправлять с большою осмотрительностию и знанием дела: иначе исправление может превратиться в разрушение. Буди воля Божия!

Прося Ваших Святительских молитв в подкрепление моих немощей душевных и телесных, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и

Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
27 декабря 1865 года.

Примите на себя труд передать мой усерднейший поклон о. Арх<имандриту> Пимену и искреннейшую благодарность за его воспоминание о мне.

№ 22

Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Благодарю Вас за воспоминание о мне и взаимно приветствую с прошедшими праздниками и наступившим Новым годом, от

души желая Вашему Преосвященству всех истинных и совершенных благ.

В настоящее время — так, как и в ноябре и декабре прошедшего года, — чувствую себя особенно больным и слабым, сижу лишенным способности заниматься не только письмом, но и чтением: посему и спешу закончить сии строки испрошением Ваших Святительских молитв в подкрепление немощей моих многих.

Вашего Преосвященства покорнейший послушник

Епископ Игнатий
10 января 1867 года.

№ 23

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Покорнейше прошу принять последние два тома, 3-й и 4-й, моих сочинений и покрыть любовию и снисхождением мои недостатки.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
4 марта 1867 года.

Письма к Преосвященному Леониду (Краснопевкову) от племянников святителя Игнатия

1. От Алексея Петровича Брянчанинова*

№ 24

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Милостивое внимание, выраженное в письме Вашего Преосвященства от 23-го декабря 1863-го года, к дядюшке моему Преосвященному Игнатию, исполнило сердце мое чувством живейшей благодарности к особе Вашего Преосвященства за новое доказательство Вашего Архипастырского благоволения ко мне, которым я прежде имел счастие пользоваться.

* РГБ ОР. Ф. 149. К. 11. № 60.

Не находя слов для выражения Вашему Преосвященству моей благодарности, я молю Бога, чтобы Он сохранил надолго дни Ваши для общества, в пользу которого Вы так благодетельно действуете, и пусть всеобщее уважение и любовь будут для Вас наградою за высокие христианские добродетели, которыми ознаменован каждый шаг Вашей земной жизни.

Испрашивая себе Вашего Архипастырского благословения и святых молитв, с чувствами глубочайшего высокопочитания и совершенной преданности имею честь быть Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца всепокорнейшим слугою

Алексей Брянчанинов

10-го января 1864-го года.

2. От Александры Васильевны Жандр*

№ 25

Ваше Преосвященство!

Преосвященнейший Владыка!

Милостивый Архипастырь!

Перед самым отъездом моим в Бабаевский монастырь получено было мною прилагаемое при сем письмо к Вашему Преосвященству от дяди моего, Петра Александровича Брянчанинова, и в письме записка, составленная им и заключающая «обстоятельства кончины покойного Преосвященного Игнатия».

Не желая беспокоить Ваше Преосвященство личным своим приходом в настоящее время, позволяю себе, однако, выразить письменно мою душевную благодарность за ту, истинно Пастырскую, любвеобильную милость, с которою Ваше Преосвященство приняли меня, немощную и скорбную. Благословение Вашего Преосвященства принесло мне Милость Божию утешением и облегчением той тяжкой скорби, в которую впала я по кончине Отца моего по духу; скорбь растворилась упованием, что, по слову Вашему: «Господь призывает каждого человека к Себе в самое благоприятное для каждого человека время», и тем более призыв Божий человека, всю жизнь свою посвятившего Богу, несомненно последовал в такое время, когда он достиг полноты духовной меры, ему предопределенной Богом.

То утешение, которое я сама получила от Вашего Преосвященства, заставляет меня просить Вас не оставить без слова письменного утешения — дядю моего Петра Александровича. Он

* РГБ ОР. Ф. 149. К. 13. № 7.

очень скорбит о своем сиротстве: и это понятно, потому что на земле у него не осталось другой такой опоры, такого Друга, такого духовного Отца и Наставника, какими был для него покойный Владыка.

Поручив себя Святым молитвам и Архипастырскому благословению Вашего Преосвященства, с чувствами совершенного благоговения и преданности, имею честь быть

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшею слугою

Александра Жандр
1-е июня 1867.

V

Письма святителя Игнатия к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Антонию (Рафальскому)*

№ 1

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Хотя и известен мне внушаемый Вам христианскими чувствованиями Вашими смиренный образ мыслей о дне Вашего Ангела, хотя радость его Вы растворяете воспоминаниями печальными, однако чада Ваши, овцы паствы Вашей, дарованные и врученные Вам Пастыреначальником и Божиим Агнцем, должны встречать и провождать сей день в духовном веселии, воссылая теплые молитвы к Господу, да продлит лета жизни Вашей в вожделенном здравии и благополучии для благоденствия Российской Церкви.

Так и мы, недостойные иноки обители Преподобного Сергия, молим о сем всемогущего и милосердого Господа; умоляем угодника его, чтобы он сильными молитвами своими о Пастыре нашем восполнил недостаток молитв наших. Воссылая таковые желания к Небу, не можем не обратиться и к Вам, Высокопреосвященнейший Владыко, с усерднейшим поздравлением, которое приносим с живейшими чувствами любви, благодарности, уважения! Примите с обычною Вам снисходительностию и благосклонностию сие приветствие от Настоятеля и братства Сергиевой Пустыни. Священным долгом моим было бы лично принести поздравление Вашему Высокопреосвященству, но болезнь не позволяет мне выходить из комнат.

Поручая себя и обитель Архипастырскому благословению и молитвам Вашим, с глубочайшим почтением и совершенной преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
17 января 1845 года.

Сер<гиева> Пус<тынь>
Его Высокопреосвященству Антонию,
Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 2.

№ 2

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Антонию,
Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому,
Благочинного монастырей Санкт-Петербургской Епархии,
Настоятеля первоклассной Троицкой Сергиевой Пустыни
Архимандрита Игнатия

Покорнейшее прошение

Всегдашнее болезненное состояние мое возросло в течение последних двух годов до такой степени, что я усматриваю себя совершенно не способным далее нести занимаемые мною должности Благочинного семи мужских и одного женского монастырей СПб. Епархии и Настоятеля первоклассной Троицко-Сергиевой Пустыни; а потому и нахожу нужным искать приюта в числе больничных такого монастыря, который бы по здоровому местоположению и благорастворенному климату способствовал к некоторому поддержанию и, может быть, исправлению моего расстроенного здоровья. На таковый предмет избирая для помещения своего Николаевский Бабаевский монастырь, состоящий в Костромской Епархии, осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшею просьбою:

Благоволите, Высокопреосвященнейший Владыко, снисходя к крайне расстроенному моему состоянию, исходатайствовать откуда следует разрешение об увольнении меня от занимаемых мною должностей Благочинного и Настоятеля и о дозволении поместиться как больничному в Николаевский Бабаевский монастырь Костромской епархии.

Во удостоверение же действительности моего болезненного состояния и что точно прописываемая мною мера есть для меня необходима, прилагаю при сем на благорассмотрение Вашего Высокопреосвященства подлинное Свидетельство пользовавшего меня Стрелинского Дворцового ведомства медико-хирурга коллежского асессора Бутузова, утвержденное Лейб-медиком действительным статским советником Арендом, данное мне сего года марта 17 дня.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.

Апреля 1 дня 1847 года

Высокопреосвященный Антоний (в миру Григорий Антонович Рафальский; 1789–1848) – с 1843 г. Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

Митрополит Антоний уже с первого дня своего заступления в должность был настроен недоброжелательно по отношению к архимандриту Игнатию Брянчанинову. Недруги постарались довести до его сведения последствия «Барантова дела»[1] в превратном виде и уверить, что запрещение выездов Архимандрита из Сергиевой пустыни действует поныне. Сложившиеся обстоятельства тогда разрешились только после доклада о них Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора А. А. Кавелина Государю Императору. Однако «зависть работала» над тем, чтобы обострить неприязнь Митрополита, которому и так не нравилось стремление настоятеля Сергиевой пустыни к более самостоятельной деятельности по собственным убеждениям. По инициативе Митрополита Антония Святейшим Синодом было составлено предложение о переводе архимандрита Игнатия настоятелем же в Соловецкий монастырь, чтобы под видом повышения удалить его подальше от столицы и от благодетельного участия в нем Государя.

Не все, однако, поддержали это предложение. В защиту Архимандрита подали голос Преосвященные Курский, Харьковский, Полтавский и другие, находившиеся тогда на чреде. Архиепископ Полтавский Гедеон[2] высказался следующим образом: «Мы хотим похвалу и украшение нашего монашества сослать по каким-то земным изветам и, подобно Синедриону, приговорить праведного к казни за то, что он по отношению к нам действует несогласно с нашими понятиями, не ждет нас по несколько часов в прихожей, когда не застанет дома, и делает тому подобные оскорбления нашему понятию о нашем достоинстве, понятию, которое не сходится с его понятиями о его обязанностях относительно нас».

При таких отношениях к нему со стороны начальства архимандрит Игнатий не мог оставаться в Сергиевой пустыни: отказывали нервы, подорвано было и без того слабое здоровье. 1 апреля 1847 г. он написал Митрополиту Антонию «Покорнейшее прошение» об отставке. Как известно, прошение это не поддержал Государь Император. Вместо желаемого увольнения архимандриту Игнатию был предоставлен для лечения одиннадцатимесячный отпуск в Николо-Бабаевский монастырь.

А через пять месяцев после его возвращения в Сергиеву пустынь Митрополит Антоний перешел в мир иной.

---

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 148–151. || [2] *Архиепископ Гедеон* (в миру Георгий Иванович Вишневский; 1797–1849) – с 1834 г. – епископ Полтавский и Переяславский, с 1844 г. – Архиепископ.

VI

Письмо святителя Игнатия к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому) и ответ на него*

№ 1

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Благосклонному и благочестивому вниманию Вашего Высокопреосвященства имею честь представить труд мой — книгу под названием «Аскетические Опыты». В книге изложены те понятия о духовном подвиге, которые почерпнуты мною в течение долговременного созерцания монашества как в живых представителях его, так и в писаниях святых Отцов.

По настоящему положению монашества в России и вместе по состоянию общества в духовно-нравственном отношении, ближайшее ознакомление и монашества, и общества с правильным образом подвижничества оказывается особенно нужным и полезным. Уважение к телесному подвигу, когда он предоставлен лишь самому себе, уважение, воздававшееся во времена простоты, миновалось. Миновалось оно по той весьма естественной причине, что монахи, занимающиеся исключительно телесным подвигом, не могут дать должного ответа в монашеской жизни ни себе, ни братиям своим, живущим посреди мира. Притом занятие телесным подвигом в той степени, в какой занимались им старинные монахи, ныне очень, очень ослабело по причине общего упадка сил и здоровья в человеке. Занятие это уже не воспроизводит атлетов, которые возбуждали бы удивление к себе, обнаруживая что-либо сверхъестественное.

Духовный подвиг образует истинных, сознательных монахов, и его-то вызывает, так сказать, на поприще деятельности современная образованность. Он, один он, может ввести в монастыри и поддерживать в монастырях строго нравственный порядок, доставляя братству точные, правильные, глубокие понятия о христианстве, доставляя братству разумную свободу, соединенную с разумным духовным подчинением. Образуя в братстве духовную силу и связь, он, один он, может облечь

* *Соколов*. Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 2. Приложения. С. 257–259.

монаха во всеоружие для отражения современных, враждебных Церкви учений, сообщая монаху ощущение гармонии между Евангельским учением и свойствами души человеческой. Он вводит монаха в правильное самовоззрение и истекающее из этого самовоззрения сознание своего падения и необходимости в Искупителе. Самый телесный подвиг, приведенный к нормальному значению своему подвигом духовным, действует в подвижнике с особенной благотворностью, которой он чужд, когда действует один.

Расположение и покровительство, оказываемые Вашим Высокопреосвященством монашеству, Ваше усердие и ревность к поддержанию его и к возведению в преуспеяние, предначертанное церковным преданием, внушили мне дерзновение представить взорам Вашим составленную мною книгу. Экземпляр ее, равно как и записку о местах продажи по цене ее — цена назначена книгопродавцом, отпечатавшим книгу на свое иждивение, — предоставит Вашему Высокопреосвященству мой родной брат, Петр Александрович Брянчанинов. Может быть, благоугодно будет Вашему Высокопреосвященству, по рассмотрении книги, оказать Архипастырское содействие к распространению ее в монастырях епархий Ваших.

Испрашивая себе Ваше Архипастырское благословение и поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейший послушник

Епископ Игнатий.

[март 1864 г.]

№ 2

...Получив сегодня 3 и 4 томы сочинений Вашего Преосвященства, спешу принести Вам искреннюю признательность за полезные труды Ваши, свидетельствующие о глубоком изучении Вами душеспасительного учения Богомудрых подвижников благочестия и истинных руководителей в иноческой жизни. Не могу не выразить при сем сам душевного сожаления, что слабеющие силы Ваши отказываются служить крепкому духу Вашему в продолжении подвигов на том духовно-ученом поприще, на кото-

ром мы давно не видали столь усердных тружеников. Благодать Божия, в немощех человеческих совершающая силу свою, да приложит Вам дни на дни и лета на лета на пользу Святой Церкви. Радуйтесь о Господе и помяните в молитвах Ваших уважающего Вас и искренне преданного слугу

Исидора, Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского.

7 апреля 1867 года

Высокопреосвященный Исидор (в миру Иаков Сергеевич Никольский; 1799–1892) – с 1844 по 1858 г. экзарх Грузии, 1858–1860 гг. – Митрополит Киевский; с 1 июля 1860 г. Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

Летом 1858 г. епископ Игнатий предпринял объезд восточной половины своей епархии. В первых числах августа он из Кисловодска прибыл в Георгиевск, чтобы встретить там Митрополита Исидора, перемещенного из Тбилиси в Киев. В Жизнеописании Святителя приведена его собственная дневниковая запись под 5, 6, 7 и 8 августа: «До двух часов ночи беседовал Митрополит со мною и гражданским губернатором генерал-лейтенантом Волоцким[1]. Говорил почти один Митрополит и единственно о предметах светских, говорил с большою охотою. 8-го он встал утром, в шесть часов, занялся со мною около десяти минут наедине разговором о предметах, касающихся Кавказской епархии и вообще Церкви. В это кратчайшее время он коснулся многих предметов, выказал по многим из них познания самые рядовые и даже самые недостаточные, направление ума с поверхностным взглядом и кавказскую самоуверенность. Ему лет шестьдесят – много с годом или двумя. Росту он менее, нежели среднего, но и не самого малого. Голова его сидит в плечах, шея очень коротка. В обращении мужиковат, но весьма сметлив – глаза так и бегают. Сметливостью своею он отличался постоянно на поприще своего служения. Силами еще очень свеж, хотя молва и провозгласила его повсюду весьма болезненным. Митрополит выразил свое неудовольствие на дворянство русское за медленность в увольнении крестьян»[2].

Епископ Игнатий рассказал Митрополиту Исидору, между прочим, что он, в целях поощрения преподавателей семинарии и наиболее достойных учащихся, приглашал их по вечерам в праздники для духовно-назидательных бесед. При этом им предлагался чай, фрукты или что-либо сладкое. Митрополит посчитал такое обращение с подчиненными слишком фамильярным и не постеснялся выговорить Епископу раздраженным тоном свои укоризны. Его тон был настолько неприличным, что присутствовавший при разговоре генерал-лейтенант Волоцкой вынужден был его успокаивать.

Свое раздражение против епископа Игнатия Исидор сохранил и тогда, когда занял место Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, что, конечно, усугубило желание Святителя уйти на покой. Однако литературные труды святителя Игнатия Митрополит Исидор, судя по его письму, принял очень благосклонно. Но узнал об этом Святитель за шесть дней до кончины.

[1] *Волоцкой Алексей Александрович* (1806–1875) — сенатор, генерал-лейтенант, губернатор Ставропольского края, вологодский уроженец, хороший знакомый святителя Игнатия еще с детства.

[2] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 219.

VII

Письмо святителя Игнатия к епископу Венедикту (Григоровичу)[1]

Его Преосвященству!
Преосвященнейшему Венедикту, Епископу Ревельскому,
Викарию С.-Петербургскому и разных орденов кавалеру
Первоклассной Троицко-Сергиевой Пустыни
Архимандрита Игнатия

Объяснение

Будучи спрошен Вашим Преосвященством относительно литографированного экземпляра переведенных на Российский язык с Еврейского Пророческих книг Ветхого Завета, о коем экземпляре указано, что оный находится у меня, имею честь отвечать следующее. Прошлого 1841 года, в каникулярное время Академии, приглашен был мною студент Духовной Академии Мичурин для переписания переведенной мною с Латинского книги Преподобного Исаии Отшельника. Когда он переписал книгу, то начал я прочитывать с ним оную для проверки, при сем чтении неприметным образом завязывался разговор, в коем он сказал мне, что у них в Академии переводятся разные места из Священного Писания на Российский язык и что оные лекции литографированы. Я пожелал иметь экземпляр у себя, каковый и доставлен был мне студентом Мичуриным в конце каникулярного времени, а как я имел другие занятия, то и начал чтение сего экземпляра не ранее как при наступлении осени, начал понемногу со Словенским. Нашедши же, что перевод сей различествует с Словенскою Библиею и потому может произвести вредное впечатление на начальных братий, имеющих свободный

вход ко мне в кабинет для чтения отеческих книг, мне принадлежащих и помещенных в открытом шкафе и таковом же налое, я признал за лучшее уничтожить литографированный экземпляр и предал оный сожжению, подобно как поступаю и с прочими книгами, от чтения коих ожидаю вредного влияния на братию. Для себя же в оной не видел я нужды, имея Священное Писание, кроме Словенского, на Греческом, Латинском и Французском языках. Из братии никто не успел узнать о сей книге, кроме монаха Иллариона, коему я поверяю надзор за [нрзб.] новоначальными и чтением их и в присутствии коего я предал сию книгу сожжению. Других же таковых литографированных экземпляров, кроме упомянутого одного, у меня не было и в настоящее время нет; также письменных переводов Священного Писания на Российский язык не имеется, о чем и имею честь донести Вашему Преосвященству.

Вашего Преосвященства покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 4.

Преосвященный Венедикт (Григорович) — викарный епископ, до конца 1833 г. замещал должность настоятеля Сергиевой пустыни. 1 января 1834 г., по указу Святейшего Синода, сдал пустынь архимандриту Игнатию Брянчанинову. Взамен ему было назначено содержание в 4000 рублей ассигнациями.

VIII

Письмо святителя Игнатия к Архиепископу Курскому и Белгородскому Илиодору (Чистякову)[1]

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую, сердечную признательность за милостивое, христианское участие в моих обстоятельствах! Видя такое Ваше участие, позволяю себе беспокоить Вас этими строками; по самому участию Вашему, примите их благосклонно, рассмотрите изложенное в них при свете духовного рассуждения, которым Господь одарил Вас.

В указе Консистории прописана мне следующая резолюция Преосвященного Викария С.-Петербургского с требованием от меня отзыва: «Консистория имеет спросить настоятеля Сергие-

вой пустыни Архимандрита Игнатия: не пожелает ли он воспользоваться временным отпуском для излечения, и в таком случае Архимандрит Игнатий в отзыве своем имеет рекомендовать то лицо, которому благонадежно может быть вверено исправление лежащих на Архимандрите обязанностей впредь до возвращения его по выздоровлении».

Каждое дело, по мнению моему, имеет свой естественный ход, от которого уклониться трудно, которому споспешествуют самые препятствия. Вы меня не осудите, если скажу, что вижу в делах человеческих невидимое, но мощное действие Промысла Божия, который, по учению преподобного Исаака Сирского, особенно бдит над оставившими суетный мир для взыскания Бога, Спаса своего; «Судьбы Твоя помогут мне», — воспевал боговдохновенный Давид.

В резолюции Преосвященного Викария я нашел и нахожу указание, чтоб я дал именно тот отзыв, который мною дан, отзыв, согласный с прошением о увольнении меня, поданным не в минуту душевного волнения, но надуманным годами и оттого имеющим характер твердости и основательности. Тем, что представляется мне указать на лицо, благонадежное для управления монастырем во время моего отсутствия, оставляются на мне заботы о благосостоянии монастыря и ответственность за все, могущее встретиться. При назначении такого лица мне невозможно обидеть моего Наместника устранением его от поручения; невозможно устранить его, потому что он один мог бы, при благоприятных обстоятельствах, поддержать Сергиеву Пустыню в том виде, в каком она теперь; невозможно и указать на него по известным к нему отношениям Преосвященного Викария, который может своими распоряжениями связать, исказить все его распоряжения, расстроить монастырь; а вину расстройства, им самим произведенного, возложить на Наместника. По подобным распоряжениям его Преосвященства и мне нельзя долее оставаться настоятелем Сергиевой Пустыни, если б даже болезненность моя не вынуждала меня к удалению. Сказав это, останавливаюсь распространяться! Весьма рад, что болезненность моя дает мне полновесный повод к удалению и избавляет от отвратительного многословия, долженствующего состоять из оправданий и обвинений, что так противно учению Христову, что мучит душу, хотя несколько вкусившую сладость мира, истекающего из соблюдения заповедей Кротчайшего Господа Иисуса Христа. — Резолюция Преосвященного Викария сохраняет по

самому естественному ходу дела, обнаруживающему, впрочем, залог сердечный, общий характер его поведения относительно меня. Это — фигура, это — слова, из которых образуется какая-то маска, при первом, поверхностном взгляде кажущаяся чем-то. Вглядитесь в нее поближе — увидите безжизненность, картон, белила, румяна, неблагорасположение, неблагонамеренность. Опять оставляю распространяться. «Да не возглаголют уста моя дел человеческих», да не пресмыкается мысль моя в земном прахе, да не блуждает в соображениях человеческих, темных и производящих одно смущение, «да помянет она чудеса Божии и судьбы уст Его, яко той Бог наш, по всей земли судьбы Его».

Скажу Вашему Высокопреосвященству просто и прямо: болезненность моя требует совершенного удаления моего из Сергиевой Пустыни навсегда. Обстоятельства содействуют к удалению. Вижу в этом судьбы Божии, вижу благодетельствующую мне руку Божию, ведущую меня в уединение — «да узрю грех мой и попекуся о нем». В глазах моих люди в стороне. Действует Промысл Божий, в деснице которого люди — орудия. Орудия слепые, когда благоволят о слепоте своей. От зрения Промысла Божия сердце мое сохраняет глубокий мир к обстоятельствам и людям. А мир сердца — свидетель святой Истины!

Когда в день преподобного Сергия Вы, святый Владыка, находились в Сергиевой Пустыни для священнодействия, тогда в духовной искренней беседе я сказал Вашему Высокопреосвященству, что имею непременное намерение уклониться от должности в безмятежное уединение. С этою целию оставил я мир. С этою постоянною целию совершаю двадцатый год в монастыре. Я всегда желал глубокого уединения, боялся его. Признавая себя не созревшим к нему, боялся самочинно вступить в него. Но когда указуется оно Промыслом Божиим, то благословите меня, грядущего во имя Господне!

Как уже оставляющий настоятельство Сергиевой Пустыни, могу с откровенностью сказать об отношениях сердца моего к этой обители. Четырнадцатый год провожу в ней — и ни к чему в ней не прилепилось мое сердце; ничто в ней мне не нравится. Только к некоторым братиям питаю истинную любовь! Кажется, едва выеду из Сергиевой Пустыни — забуду ее. Я занимался устроением ее, как обязанностью; принуждал себя любить Сергиеву Пустыню, как в Инженерном училище принуждал себя любить математику, находить вкус в изучении ее сухих истин, переходящих нередко в замысловатый вздор. Стоящая на юру,

окруженная всеми предметами разнообразного, лютого соблазна, обитель эта совершенно не соответствует потребностям монашеской жизни. Быть бы тут какому-либо Богоугодному заведению и при нем белому духовенству! Не по мысли мне монастырь — Сергиева Пустыня! И я ей был не по мысли: поражая меня непрестанными простудными и геморроидальными болезнями, производимыми здешними порывистыми ветрами и известковою водою, она как будто постоянно твердила мне: ты не способен быть моим жителем, поди вон!

Всякое решение Святейшего Синода приму с благоговением и благодарностью: уволят ли совершенно на покой, скажут ли, что увольняют впредь до выздоровления,— за все благодарен. Я мог однажды привести ее в некоторый порядок, другой раз к такому труду не способен! — Нужно было образовать сердца, воспитать новых монахов из юношей, ими заменить старожилов, окостеневших в своих навыках. Для этого нужно время, нужны годы, нужны нравственные и телесные силы: оне истощились: повторение такого же труда для них невозможно! Изможденное болезнями тело требует отдохновения, спокойствия; душа, насмотревшись на суету всего временного, хочет быть сама с собою; пред нею открывается вечность, она приготовляется в путь отцев своих, находит нужду, крайнюю нужду к этому приготовлению; сократилось, исчезло пред нею время остальной моей жизни. В вечность! В вечность! Туда — и взоры, и мысли, и сердце!

Некоторые стращают меня теми неудобствами, с которыми бывает сопряжена жизнь на покое не только настоятелей, но и Архиереев. Отвечаю: нет рода жизни без своих скорбей; но я высмотрел жизнь монастырскую подробно, не только сверху, но и снизу, проводивши многие годы послушником. Точно, пришлось видеть некоторых настоятелей, живущих будто бы на покое, но на самой вещи, на беспокойствии в полном смысле. Опять видел других настоятелей, для которых оставление должности и жительство на покое было средством к достижению сугубого спокойствия и по душе и по телу. В пример последних могу представить почившего в Бозе, известного по благочестию, отца Феофана, Архимандрита Новоезерского[2]: я имел счастие его видеть, имел счастие с ним беседовать. По моему мнению, заимствованному из учения преподобных Наставников монашества, утвержденному собственными наблюдениями, настоятель, живущий на покое, если возлюбит поучаться в Законе Божием, если изберет в жребий свой часть Марии, остережется от всякого участия в части

Марфиной, то проведет тихо, безмятежно дни свои, особенно в монастыре пустынном и общежительном. Есть у меня советник, которого советом я руководствуюсь в моем поведении при настоящих обстоятельствах. Пленяюсь его советом, увлекаюсь им! «Блаженни, говорит он, препоясавшиеся по чреслех своих к морю скорбей простотою и неиспытным образом любве ради, яже к Богу, и не давшии плещи. Сии скоро к пристанищу Царствия спасаются, и почивают в селениях добре потрудившихся, и утешаются от злострадания своего, и радуются во веселии надежды своея... Размышляющие же много помышления, и хотящии зело быти премудрии, и предающии себе обращениим помыслов и боязни, и предуготовляющиися, и презрети хотящии вредительныя вины, множайшии из сих при дверех домов своих выну седящи обретаются. Яко рекшии: Сыны исполинов видехом тамо, и бехом пред ними яко прузи. Сии суть во время скончания своего обретающиися на пути, присно хотящии быти премудри, положити же начала отнюдь не хотяще. Невежда же плавает с первою теплотою и преплывает, попечания о теле отнюдь не творя... Внемли себе, да не будет многость премудрости твоея поползновение души твоей и сеть пред лицем твоим: но на Бога уповая, с мужеством положи начало пути исполненного крове, да не обрящешися присно скуден и наг разума Божия. Бояйся бо и ждый ветров, не иметь сеяти... сего ради не упремудряйся излишнее отнюдь, но даждь место вере в мысли твоей, и поминай дни они многия, и будущия и неисповедимыя веки, сущия по смерти и суде, и не внидет некогда слабость в тебе... С мужеством начни всяко дело благо, и да не с двоедушием приступиши к нему, и да не усумнишися в сердце твоем о надежде Божией... Но веруй в сердце твоем, яко милостив есть Господь, и взыскающим Его дает благодать яко мздовоздаятель, не по деланию нашему, но по усердию душ наших и Вере. Глаголет бо: яко же веровал еси, буди тебе» (Св. Исаак Сирский. Слово 58).

Мое настоящее положение очень похоже на то, в каком я был при оставлении мирской жизни. Многие судили и рядили о нем; но редкие — при правильном взгляде на предмет. Отречение от мира может ли быть понято, истолковано теми, которые вполне пленены миром, погружены умом, сердцем, телом в наслаждения мира? Учение Отцов Церкви извлекло меня из мира: оно помогало в терпении скорбей от мира, оно зовет в уединение, чтоб там всмотреться в вечность прежде вступления в ее неизмеримые области. Читаю, вижу в себе, что, побыв в уединении, сделаюсь

окончательно неспособным ко всякого рода наружным должностям!.. уединение действует, как отрава: умерщвляет.

Вы являете столь обильное расположение ко мне, что я считаю излишним просить Вас о чем-либо. Открывая пред Вашим Высокопреосвященством мое состояние по душе и телу, я предоставляю все прочее на Ваше рассуждение. Вы, как имеющий практические духовные сведения, столь чуждые людям одного лишь светского образования и направления, можете оказать мне существенную помощь, сообщив моим обстоятельствам направление, соответствующее моим целям, облегчить мне стремление к ним, а потому и самое достижение их. Этим сделаете мне благодеяние неземное, благодеяние, столь достойное Святителя Христова, благодеяние, которому награда — на небеси!

Испрашивая Ваших святых молитв и Архипастырского благословения, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашим покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

мая 1847 года

[1] Письма Епископа Игнатия к разным лицам. Вып. 1. Сергиев Посад, 1913. С. 51–56.

[2] *Отца Феофана, архимандрита Новоезерского...* — О нем см.: Т. 1. С. 467–471.

Архиепископ Курский Илиодор (в миру Иван Борисович Чистяков; 179(?) — 2 февраля 1861) родился в селе Воскресенск Калужской губернии, в семье священника. В 1816 г. окончил Калужскую семинарию, в 1820 г. — Московскую Духовную академию и в этом же году пострижен. В 1821 г. — иеродиакон, затем иеромонах, в 1825 г. — архимандрит; в 1827 г. — ректор Новгородской семинарии и настоятель Антониевского монастыря; в 1832 г. — епископ Курский и Белгородский, 24 марта 1844 г. — Архиепископ. В 1860 г. уволен на покой.

В начале 1847 г. Архиепископ Илиодор, находясь на чреде в Святейшем Синоде, посетил Сергиеву пустынь и беседовал с архимандритом Игнатием. Он был одним из немногих, кто выражал сочувствие к архимандриту Игнатию, находящемуся в это время в тяжелых обстоятельствах (о которых он рассказывает в письме). 14 августа 1847 г., уже из Николо-Бабаевского монастыря, архимандрит Игнатий писал своему наместнику в Сергиеву пустынь: «При свидании потрудись сказать мой усерднейший поклон Высокопреосвященнейшему Илиодору и благодарность за его расположение ко мне». В 1857 г. епископ Игнатий Брянчанинов по пути в Ставрополь посетил по приглашению Преосвященного Илиодора Курск и 15 декабря служил там соборне литургию.

IX

Письмо Преосвященного Николая (Соколова), епископа Калужского, к святителю Игнатию Брянчанинову и ответ на него*

№ 1

Высокопреподобный Отец Архимандрит Игнатий!

Милостивый Государь!

По желанию Вашему послушник Алексей Герасимов, ныне уже иеродиакон Аполлинарий, с миром отпущен мною в Вашу святую обитель. Молодые, способные люди нужны бы и в здешних монастырях. Мое намерение было Аполлинария перевесть в свой дом. Но когда провидение воззвало его на поприще лучшее, то, не пререкая, умоляю Господа, да будет он, Аполлинарий, всегда угоден Вам и в пользу пустыни, вверенной управлению Вашему.

С искренним почтением имею честь быть
Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Николай, Епископ Калужский.

1835 года
сентября 18 дня
Калуга

№ 2

Ваше Преосвященство! Милостивейший Архипастырь!

Великодушная снисходительность Вашего Преосвященства, которую оказали, и уволив Аполлинария в Сергиеву Пустыню, и наградив меня почтеннейшими строками, непременно требуют от меня и сугубой благодарности. Приношу оную всеискренне! Принося, паки прошу Вашего Архипастырского благословения и святых молитв, коими благоволите осенить, имеющего честь быть с истинной преданностью и высокопочитанием Вашего Преосвященства всепокорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.

1835 года ноября 25 дня

С.-Петербург. Сергиева Пустынь
Преосвященному Николаю,
Епископу Калужскому

---

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 6.

Преосвященный Николай (Соколов; † 1851) — из ректоров Тамбовской семинарии, 8 июня 1831 г. возведен в сан епископа Дмитровского; 2 октября 1834 г. — Калужского.

X

Архиепископ Ириней (Нестерович)

Архиепископ Ириней (в миру Нестерович Иоанн Гаврилович; ок. 1785 – 18 мая 1864) — выпускник Киевской Духовной академии, в 1813 г. пострижен и возведен в иеромонахи; в 1817 г. — архимандрит; в 1820 г. — ректор Кишиневской семинарии; в 1826 г. — епископ Пензенский; с 26 июля 1830 г. — Архиепископ Иркутский.

Он запомнился современникам и вошел в историю из-за своего необычного поведения. Вскоре по прибытии в Сибирь у него произошли столкновения с иркутским полицмейстером Александром Николаевичем Муравьевым[1] и с генерал-губернатором Лавинским. 13 января 1831 г. А. Н. Муравьев писал своему доброму знакомому Степану Дмитриевичу Нечаеву[2], который в то время занимал должность Обер-прокурора Святейшего Синода: «Упомяну нечто о здешнем Архиепископе Иринее, который, с одной стороны, всеми силами старается исправить Иркутскую епархию. Употребляет на то средства, [которые] кажутся мне, неприличными архиерею, как-то: брань и шум во время служения, остановление обедни для разных мелочных замечаний и наставлений... даже выходя из границ благопристойности, сжимая кулаки и телодвижениями, походящими на драки и побои.

...Великий почитатель Фотия[3], архимандрита где-то в Новгороде, он бранит все, что не Фотий и не от Фотия»[4].

28 июня 1831 г. состоялось Высочайшее повеление об удалении Иринея от управления епархией. Заподозрив подлинность синодского указа по сему случаю, Преосвященный Ириней отказался выехать из Иркутска и даже начал сеять смуту среди населения. Пришлось прибегнуть к силе. «Государь желал, чтобы это поручение было выполнено быстро, решительно и без огласки, и поинтересовался у Бенкендорфа, нет ли у него способных для этого людей. Бенкендорф указал ему на Никиту Петровича

---

[1] О нем см.: Т. 3. С. 260. ‖ [2] О нем см.: Т. 3. С. 320–323. ‖ [3] О нем см.: Т. 1. С. 488–491. ‖ [4] Русский архив. М., 1893. Кн. 2. С. 135.

Брянчанинова[1], и, когда тот явился пред Государем, тот остался удовлетворенным, заметив: «Этот вывезет»[2].

Действительно, Никита Петрович прекрасно справился с поручением: благополучно доставил Архиепископа Иринея в Спасо-Прилуцкий монастырь Вологодской епархии, который был назначен для его местонахождения с 1200 рублей содержания в год, — да еще остался в дружеских отношениях с опальным архиереем.

Из приведенного ниже письма Архиепископа Иринея к архимандриту Игнатию Брянчанинову видно, что ему не хотелось оставаться в Спасо-Прилуцком монастыре, где он находился как бы в заключении. Но лишь через несколько лет начальство, на основании объяснений Иринея, пришло к выводу, что его поступки в Иркутске были вызваны временным помрачением умственных способностей. Ему было разрешено священнодействовать и дан в управление Толгский монастырь, в котором в мае 1862 г. его навестил Преосвященный Игнатий и где он скончался.

Письмо Высокопреосвященного Иринея (Нестеровича) к святителю Игнатию[1]

Ваше Высокопреподобие, почтеннейший Благодетель!

Пишу к Вам в самый важный день для Вас, в день Вашего Ангела Игнатия Богоносца. Да сияют дни Ваши славою Небес для славы Церкви Святой на земли, ходатайством у Господа Угодника Его Ангела Вашего. И блага Рождества Христа Бога нашего и милости Его в Новолетии да преизбыточествуют для Вас многие лета в такой мере, какою Богоносец Ваш обиловал во дни подвигов своих на земли.

Но, может быть, я утруждаю Вас. Еще выслушайте, Вы мой Благодетель, следовательно, не захотите не взять участия в важном обстоятельстве жизни моей. Мне бы хотелось преселиться на юг, а именно в Бессарабию, в Кишинев, к тамошнему Владыке, моему старому Благодетелю Димитрию[2]. Святитель Божий согласен принять меня в Архиерейский Дом свой для жительства. Он уже в преклонных летах, и я мог бы выполнять Его Богоугодные повеления: священнодействовать и вспомоществовать Ему в переводах на тамошний язык. Архипастырь писал от

---

[1] *Никита Петрович Брянчанинов* — пятиюродный брат святителя Игнатия. || [2] Труды Киевской Императорской Духовной академии за 1914 г. № 9–12. Киев, 1914. С. 81.

23 ноября сего 1838 года к Высокопреосвященнейшим Митрополитам Серафиму и Филарету, писал и я от 20 декабря сего. Оба мы просили Их милосердия. Для памяти Угодника Божия — Вашего ангела окажите мне благодеяние: исходатайствуйте по величию доброты души Вашей у сих великих Архипастырей — и далее у кого следует, — дабы я в Кишинев к Владыке Димитрию, ими же Христос Бог и Они возжелают судьбами мог быть перемещенным. Умоляю Вас, не оставьте моей всепокорнейшей просьбы и не откажите написать ко мне два-три слова.

Повторяя и душевные желания Вам всех благ от Господа, молитвами Угодника Божия Игнатия, и свою всенижайшую просьбу, с истинным высокопочитанием и глубочайшею преданностию имею честь быть Вашим всепокорнейшим слугою

Ириней, Архиепископ.
20 декабря 1838
Вологда, Спасо-Прилуцкий монастырь

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 46. Впервые опубликовано в ПСТ.
[2] *Димитрий Сулима* — в 1797 г. священник, в 1800 г. — протоиерей, в 1811 г. — епископ Бендерский; с 18 июня 1821 г. — Архиепископ Кишиневский. Скончался в 1844 г.

XI

Два письма Архиепископа Херсонского и Таврического Гавриила (Розанова) к святителю Игнатию и ответ Святителя на первое из них*

№ 1

Высокопреподобнейший Отец,

Любезнейший о Господе Сослужитель!

Поклон Ваш, приписанный мне в письме Вашем к Михайле Леонтьевичу[1], принял я с восхищением. Не витийствую, но говорю сие правдодушно.

Коль он чудодействен! Отодвинулась завеса, я узрел; и мгновенно перенесся от моря Черного к пределам моря Белого. Вхожу в скромный и благочинный приют незабвенного друга моего Александра Семеновича, просвещаюсь его беседою, услаждаюсь угощением; и доволен собою, как нельзя лучше. Но что это за юные нежные отрасли окрест нас? Что за птенцы голубиные? Что за прелестные Херувимы? Это милые детки друга моего;

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 17 и № 35. Впервые были опубликованы в книге «Странствование ко вратам вечности» (М., 2001).

в том числе и Вы, достопочтеннейший Отец! вот к каким предметам, к какому времени возводит мысль мою Ваш мне поклон!

И так, благодаря за оный, я ничего более не желаю, как дабы и впредь подобную радость Вы мне присылали. Свет Твой светится пред человеки; дела блистают и церковь славится чрез Тебя. Будучи вдалеке, я то тем яснее вижу и свидетельствую. Вторая причина для меня восхищаться Вашим меня воспоминанием.

К усугублению радости, ежели рассудите почтить меня и письмецом, то уведомьте о состоянии Вашего Батюшки. Родительница Ваша кончила свой век. Это мне известно. Но который Вы в ряду братцев ваших, как пчелки летавших около меня в саду, в оранжерее, по полям и по лугам? Где ненаглядный Сенюша? Один из братцев Ваших, служивший при Муравьеве адъютантом, посещал меня в Екатеринославле. Но время было кратко! Почему и не успел я извлечь из него нужнейшие и приятнейшие для меня сведения. Надеясь тем усладиться чрез сношение с Вами, о котором и прошу Вас, имею честь пребыть Вашего Высокопреподобия любезного о Христе брата Препокорный Слуга и почитатель

Гавриил, Архиепископ Херсонский и Таврический.

25 Генваря 1839
Одесса

Заутра, аще Господь сохранит, стукнет мне 58 лет, сколько Вам и Батюшке Вашему? Последний, думаю, мне ровесник. То самое и Павел Алексеевич Шипилов. Но за письмом и другое родится письмо; если все знакомое и милое исчислять. Отложу до Вашего ответа.

[1] *М. Л. Магницкий* (1778–1844) – деятель народного просвещения, поэт, публицист; со святителем Игнатием был знаком еще со времени учебы его в Инженерном училище.

№ 2

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь!

Доселе не могу опомниться от письма Вашего: я утешен, упоен утешением! Читаю письмо Ваше, перечитываю, радуюсь, и паки к чтению письма влекусь желанием ненасытно. Как! Ни дальность времени, ни перемена многих разнообразных обстоятельств, ни новые союзы дружбы не могли ослабить в Вас того милостивого, искреннего расположения, которое Вы получили к моему родителю и всему нашему семейству! Кажется, время, истребля-

ющее, по крайней мере весьма ослабляющее, впечатления, в Вас только дало им более жизни и силы. Это чудо, восхитительное чудо, Вы пролили в сердце мое радость небесную! Да вознаградит Вас Бог за чувство сладости райской, которое Вы излили в сердце мое письмом, дышущим любовью! Спешу уведомить Вас, что письмо Ваше застало Родителя моего в те минуты, как он хотел ехать обратно в Вологду из Сергиевой Пустыни, куда приезжал на две недели для свидания со мною после пятилетней разлуки. Он прочитал письмо, он рыдал от бесчисленных, разнородных чувствований, скопившихся в сердце, он просит Вашего Архипастырского благословения и молитв. Из детей я старший, Димитрий, который и прежде пользовался особенным Вашим расположением, о котором Вы говаривали Александру Семеновичу: уступите его в монашество! Ненаглядный Сенюша с другим братом служат в Семеновском полку. Четвертый брат, по старшинству вторый, есть тот, который имел счастие быть у Вас в Екатеринославле. Три сестры, две замужем, одна вдовствует. При вступлении моем в разряд Послушников, спешил я в Орловскую епархию, монашеством обильную, надеясь найти в ее Пастыре[1] и Покровителя, и Наставника. — Достигаю Орловских пределов и искомого не обретаю. Промыслу угодно было малыми скорбями доставить мне малую опытность, столько нужную в жизни, особенно монашеской. Мне от роду 32 года, родителю моему 54; столько же или немногим более Павлу Алексеевичу Шипилову, которого на днях ожидают сюда. Как родитель мой, так и Павел Алексеевич Шипилов уже старцы, покрытые сединами. Шипилова Елизавета Николаевна, лишившись двух старших детей, сына, онаго доброго и даровитого Алексея, убитого на сражении, и дочери, скончавшейся скоропостижно, крайне повредилась в здоровье. Одно ее утешение — единственный сын Леонид, коего едва ли Вы знаете. Вот малейшая часть моего отчета, которую Вам представляю, впредь надеюсь дополнить.

Сто крат повторяю мою благодарность за столь нежную память Вашу. Поручая себя Вашим молитвам и благословению, имею честь быть, Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

1839 года 15 февраля

Его Высокопреосвященству Гавриилу,
Архиепископу Херсонскому и Таврическому

[1] Т. е. в епископе Гаврииле – см. ниже.

№ 3

Высокопреподобнейший Отец,

Любезнейший о Господе сослужитель и Сомолитвенник!

Податель сих черт есть пламенный почитатель Вашего Высокопреподобия. Поелику же и мое к Вам усердие огню подобно, то при случае отъезда оного в С.П. я не мог не писать к Вам, достопочтеннейший. Предмет сие: Поздравляю Вас с настоящим Новым Годом. Сколько предлежит нам малитися, столко Вам расти и возвышаться, да дарует Господь.

Очевидный свидетель может Вам рассказать, что если спросить обо мне соизволите. А Ваше благополучие (в другом виде я не хочу представлять Вас) кто мне опишет, кроме Вас самих? И так о том прошу я Вас искреннейше, с тем, дабы Вы уведомили меня о состоянии Вашего батюшки, братцев и, если можно, всего того, чрез что и до сих пор мила мне Вологда.

Кичлив бы я был, если бы сказал, что по Петербургу мне ни посредник, ни благодетель не нужен. Позвольте мне впредь прибегать к Вам с моими просьбами и с надеждою благосклонного Вашего на них взора. Впрочем, имею честь быть, Высокопреподобнейший Отец, Вашего Высокопреподобия Покорнейший слуга и почитатель

Гавриил, Архиепископ Херсонский.

22 Генваря 1840

Одесса

Высокопреосвященный Гавриил (в миру Василий Федорович Розанов; 1781–1858) – в 1811 г. пострижен в монашество, в 1814 г. – ректор Вологодской семинарии, в 1820 г. – настоятель Толгского монастыря; в 1821 г. – епископ Орловский, в 1828 г. – Архиепископ Екатеринославский, в 1837 г. – Херсонский и в 1848 г. – Тверской. 15 февраля 1857 г. уволен на покой. Во время службы в Вологде и близ нее (1814–1820) дружил с семейством А. С. Брянчанинова, отца святителя Игнатия.

XII

Письма Преосвященного Феодотия (Озерова), епископа Старорусского, к святителю Игнатию*

№ 1

Ваше Высокопреподобие,

Любезнейший во Христе Брат!

Сердечно благодарствую Вам за любовь Вашу, и за нарядное выражение оной, и за писание, которые имел я честь вчера получить.

Прекрасно Ваше сравнение камышовой трости с состоянием нашего духа. С своей стороны присовокуплю к сему, что выпрямление большею частию зависит при непрестанно действующей на нас благодати Божией от нас самих. Что говорить о примерах?

Доселе с душевным услаждением воспоминаю я те часа с два — с три, которые провел я с Вами в Хутыни, расширяя душу откровенною Вашею беседою. После того я, кажется, доселе не говорил. Размыслите о таком состоянии человека — существа не бессловесного. Ну!

Еще приношу Вам благодарность мою за любовь Вашу, и с отличным уважением и братскою во Христе любовию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
Возлюбленнейшего брата
покорнейшим слугою

Феодотий, Епископ Старорусский.
19 августа 1840 года
Хутынь

P. S. Сбирался я писать к Вам ныне после Светлой недели и благодарить Вас за ласковое Ваше обращение с моим Казначеем. Но не знал, куда писать к Вам. О. Аполлос говорит, что в Стрельну. Сему теперь и следую.

№ 2

Ваше Высокопреподобие,

Любезнейший брат!

Некогда хвалили Вы мне Новоезерского монастыря Казначея. В прошлый Великий пост я его видел, и нашел соответству-

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 7.

ющим Вашему о нем доброму отзыву. Теперь рекомендую я его в Игумены Отенского монастыря. Посодействуйте сему; а о записке этой помолчите.

Ваш брат и верный слуга

Феодотий, Е<пископ> Старорусский.
26 сентября [1840]

P. S. Прошу передать мой добрый поклон о. Михаилу.

№ 3

Ну, дело важное сделано: Новоезерский Казначей утвержден Строителем Савоишерского монастыря. Не думаете ли, что цель сего письма есть благодарность Вам за содействие? Совсем нет. Иначе не был бы я Новгородец.

Уж и Питерцы — то народец! Вот проходит пятый день после торжества, а что там у Вас было, никто о том ко мне ни строчки. Такие! — Если мы не пишем, то совсем другое дело. Иногда написал бы, да хорошей бумаги нет. А на худой как писать к хорошим людям? — У Вас другое дело. Бумага — загляденье! Даже попросил бы, чтобы прислал кто такой бумажки, кабы не было стыдно. Посмотрим, не пришлют ли без спроса,— так, сами не догадались ли.

Что-то я опечален. От того так и пишется.

Ну, что делать? Видно, написать уж спасибо, что пособили сделать строителя. Спасибо! —

Ваш брат и верный слуга

Феодотий, Е<пископ> Старорусский.
10 декабря 1840

P. S. Покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие передать мое душевное уважение доброму о. Михаилу.

Высокопреосвященный Феодотий (Озеров, † 1858) — в 1823 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию; в 1837 г. — ректор Рязанской семинарии; с 11 июля 1837 г. — епископ Старорусский; с 7 августа 1842 г. — епископ Симбирский.

XIII

Архиепископ Туркестанский и Ташкентский Софония (Сокольский)

Единственное сохранившееся в архиве П. П. Яковлева официальное письмо святителя Игнатия Брянчанинова к архимандриту Софонии, будущему Архиепископу Туркестанскому и Ташкентскому, отнюдь не характеризует всех их взаимоотношений, описанных, в частности, их современником протоиереем Михаилом Путинцевым[1].

Архиепископ Софония (Сокольский, † 26 ноября 1877) по окончании Санкт-Петербургской Духовной академии в 1827 г. был пострижен в монашество и назначен инспектором Вологодской семинарии; с 1831 по 1835 г. он инспектор семинарий, а с 1835 г. — архимандрит и до 1847 г. ректор семинарий в разных епархиях; с 11 февраля 1848 г. он настоятель посольской церкви в Константинополе, с 2 октября 1855 и до 1860 г. — в Риме. 10 февраля 1863 г. он был произведен во епископа Новомиргородского и 12 ноября этого же года — Туркестанского и Ташкентского.

В 1828 г., будучи в Вологде, о. Софония познакомился и сдружился с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым. Особым поводом к их сближению послужила любовь к чтению святоотеческих творений. «Мечтою их было удаление в какой-либо глухой монастырь», где они желали трудиться в неизвестности, в самых тяжелых послушаниях. 28 июня 1831 г. иеромонах Софония подводил Дмитрия Александровича к пострижению.

Впоследствии Преосвященный Софония часто говорил: «Знакомство с Брянчаниновым было одно из памятных и дорогих для меня знакомств, по той искренности и задушевности, какою оно отличалось».

Мечтам о пустыне не суждено было осуществиться: обоих их ожидала святительская кафедра. «Преосвященный Софония до конца своей жизни простоял на страже Церкви Христовой среди многомятежного мира и умер в такой стране, где нет ни одной иноческой обители и где он был единственный монах».

В 1845 г., будучи членом Консистории, о. Софония навестил архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни. «Видя богатую обстановку его келлии, он спросил: “Что же, о. Игнатий? Где

---

[1] Душеполезное чтение. Апрель. М., 1878. С. 490.

наши мечты о пустыне, о строгих подвигах и лишениях?” Архимандрит Игнатий молча повел его в одну из отдаленных комнат своего настоятельского дома, и что же увидел там вопросивший? — Голые стены, одну небогатую икону с неугасимою лампадою пред нею, убогую рогожку на полу, и только! Архимандрит Софония понял этот безмолвный ответ своего друга: вся роскошь, все великолепие жизненной обстановки о. Игнатия были только наружные, в действительности же он был аскет в подлинном значении этого слова».

Письмо святителя Игнатия к архимандриту Софонии (Сокольскому)[1]

Ваше Высокопреподобие!

Досточтимый Отец архимандрит Софония!

Примите раскаяние грешника, смиренно преклоняющего главу свою пред Вами и пред прочими отцами членами Консистории той экспедиции, в которой Вы заседаете. Дело состоит в следующем: уволенный из казаков города Полтавы Иван Васильев сын Токаренко подал 30 января 1845 года прошение на имя Его Высокопреосвященства о определении его, Токаренко, в число братства Сергиевой пустыни. Обольстившись его отличным голосом — тенором, которого одного только нам недоставало, я нарушил свое правило, по коему раньше года не соглашаюсь изъявлять моего согласия на определение разночинцев в число братства вверенной мне обители. Я написал на прошении Токаренка свое согласие. А теперь, к крайнему моему оскорблению, этот... (не хочу употребить слова осудительного!) он начинает ломаться и просить выдать ему обратно его увольнительный вид! — Прошу у Вас извинения в моей опрометчивости; примите также на себя труд извинить меня пред прочими Отцами членами.

С чувством совершенного почтения и преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

Сергиева Пустынь
1845 года февраля 12-го дня

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 8.

XIV

Письмо Высокопреосвященного Смарагда (Крыжановского), Архиепископа Орловского, к святителю Игнатию[1]

Преосвященнейший Возлюбленнейший о Христе брат!

Усерднейше приветствую Вас с возведением в сан Епископа Российской Церкви и вступлением на боговверенную Епархию. От всей моей души желаю преуспеяния во всем благом как новопоставленному достойному Архипастырю, так и всей пастве Кавказской. Духовный луч Ваш долговременно напаяем был живою водой Евангельского учения и примером святых подвижников, и я совершенно уверен в том, что он при благодати Божией будет ныне произрастать самые благоуханные цветы для Церкви Христовой.

Премного благодарю за писание Ваше от 20-го прошедшего января и прошу снисходительного извинения в том, что не знал времени вашего проезда чрез Орел, отлучился я из дома только денька на три в Епархию. И нужно же было в эти именно три дня потерять мне драгоценнейшее с Вами свидание! Воля Божия да будет! Епархия Ваша несколько мне известна, особенно потому, что она подлежала некогда Астрахани, где я был пастырем и имел случай получить некоторые о Кавказе и Черномории сведения, притом и семинаристы Ваши учились еще при мне в Астрахани. Черномория, говорят, есть лучший угол в Вашей Епархии. Но вообще при небольшом количестве церквей — жатва многа, а делателей мало, Господь да умудрит и наставит Ваше Преосвященство, как устроять там Дом Божий, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины. Я с моей стороны знаю, сколь трудно пастырю в новооткрытых епархиях, ибо и сам открывал в Белоруссии Полоцкую епархию и квартировал в жидовском доме, претерпевал и все прочие происходившие от недостатка средств и людей злоключения. Уповаю, что Господь Милосердый оценит некогда мозолевые труды ваши, при насаждении в том краю православной Церкви.

О себе доложу Вам, что здоровье мое сокрушается уже и от старости, ибо имею шестьдесят два года от рождения, — близок предел земного странствования.

Помолитесь, Владыко святый, о нашем недостоинстве. А я, стоя у Престола Божия, не премину забвением святого имени и лица Вашего.

Прося продолжения Вашего к себе благорасположения, навсегда пребыть имею Вашего Преосвященства нижайшим благоприятным слугою.

Подлинно подписал

Смарагд Архиепископ.

г. Орел

1858 года, февраля 11 числа

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. 1924. № 171.

Высокопреосвященный Смарагд (в миру Александр Петрович Крыжановский, 1796–1863) — в 1819 г. магистр Санкт-Петербургской Духовной академии. В этом же году пострижен; в 1821 г. — инспектор Киевской Духовной академии; в 1824 г. — архимандрит; в 1826 г. — ректор Киевской семинарии, в 1828 г. — Вифанской, затем Киевской академии; в 1830 г. — ректор Санкт-Петербургской Духовной академии; с 20 сентября 1831 г. — епископ Ревельский, с 14 мая 1833 г. — Полоцкий, с 15 июня 1836 г. — Архиепископ, с 1837 г. — Могилевский, в 1840 г. — Орловский, в 1858 г. — Рязанский.

По свидетельству жизнеописаний святителя Игнатия, Высокопреосвященный Смарагд «был искренне благосклонно расположен» к нему, о чем свидетельствует и приведенное выше письмо.

Н. С. Лесков включил Высокопреосвященного Смарагда в число героев своих «Мелочей архиерейской жизни». Впрочем, он сам писал: «В доме у нас не любили черного духовенства вообще, а архиереев в особенности».

XV

Письмо святителя Игнатия к Преосвященному Алексию (Ржаницыну), епископу Тульскому[1]

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь, Отец и Брат!

Не знаю, как и благодарить Вас за любовь, оказываемую Вами мне недостойному: ею я утешен и тронут до глубины души. Тульские странники еще не прибыли сюда, а когда прибудут, то постараюсь устроить их так, чтоб они не сожалели о своем перемещении. В Кавказской Консистории имеется вакантное место помощника секретаря: не пожелает ли кто из кончивших курс в Тульской Семинарии, лице со способностями и нравственностью, занять это место. Если Ваше Преосвященство примите на себя

труд и отрекомендуете это место лицу благонадежному и нуждающемуся, то я приму его от руки Вашей с полною доверенностью и любовию. Простите моему дерзновению пред Вами: примите его, как знак моей искренной преданности.

Преосвященный Митрополит Киевский[2], в проезд свой чрез Кавказскую Епархию, окритиковал все мои действия, даже коснулся поведения моего. Сначала это огорчило меня, но после я, по милости Божией, успокоился, вспомнив, что я уже оканчиваю мое земное течение и что все такие огорчения облегчают мне ответ, уже для меня близкий, пред Страшным и Нелицеприятным Судиею. Человеку, чтоб не ошибаться в действиях своих, надо вполне отказаться от всякой деятельности. В противном случае человек, по естественной ограниченности и греховности своей, необходимо должен подвергнуться ошибкам, и подвергались все без исключения величайшие святые и величайшие гении. Признание себя непогрешающим есть самообольщение, требование непогрешаемости от ближних есть требование, чуждое смысла. Прошу всех моих ближних потерпеть многим моим немощам и недостаткам.

По великой милости Божией настоящим моим положением я очень доволен, хотя и встречаются неизбежные в земной жизни неприятности. Впрочем, эти неприятности вполне ничтожны пред неприятностями петербургскими. Меня огорчают, и я огорчаю! как быть: без этого обойтись нельзя. Духовенство, вообще, хорошо, и, кажется, ко мне довольно расположилось. В половине октября я перешел в домик мой, небольшой, но весьма удобный: он — в характере гефсиманских келлий московского Митрополита. И этому Старцу досталось от Исидора! но присутствовавшие не соблазнились на Филарета: им показались странными жесткие нарекания облагодетельствованного на благодетеля. В этом отношении точно так же действовал Исидор в Петербурге, когда посетил он столицу при перемещении своем из Московских викариев на Кафедру Полоцкую.

Испрашивая Ваше Архипастырское благословение себе и вверенной мне пастве и поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства
покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
12 ноября 1858 года

[1] Российский государственный исторический архив (С.-Петербург) (далее — РГИА). Ф. 832. Оп. 1. № 15.
[2] *Митрополит Киевский Исидор* — о нем см.: Т. 1. С. 136–137.

Преосвященный Алексий (в миру Руфин Иванович Ржаницын; 1813–1877) — родился в Вологодской губернии, там же окончил семинарию, затем окончил Московскую Духовную академию; в 1837 г. — пострижен в монахи Митрополитом Филаретом. В 1843 г. — ректор Московской семинарии и настоятель Заиконоспасского монастыря; в 1847–1853 гг. — ректор Московской Духовной академии; в 1853 г. — епископ Дмитровский, с 20 июля 1857 г. — Тульский, с 1867 по 1876 г. — Архиепископ Рязанский; в 1877 г. — Тверской и Кашинский. Преосвященный Алексий отличался прямодушием и редким энергичным характером. Много сделал для улучшения состояния сирот духовенства. Архимандрит Игнатий Брянчанинов познакомился с будущим Преосвященным Алексием в 1847 г., в бытность того Ректором МДА, и писал о нем: «...прекрасный человек, с которым я очень сошелся».

5 декабря 1857 г. епископ Игнатий по пути в Ставрополь приехал в Тулу, был весьма благосклонно принят епископом Алексием, литургисал и 7-го отправился дальше.

XVI

Переписка святителя Феофана Затворника со святителем Игнатием

№ 1[1]

Письмо святителя Феофана Затворника

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь!

Искреннюю приношу благодарность Вашему Преосвященству за дорогой подарок Ваш. — Он и без подарения подарок православным. Авось оживит заснувших. И сия благодать пробуждения да сопутствует всякой книжке и всякую душу да проникает при чтении ее.

При всем том добре, которое так веет от книг, содействовать распространению их поудержусь, пока не удостоверюсь в справедливости мнения о вещественности души. — Мысль сию считаю неправославной и опасной. — Приводимые Вами доказательства никак не убедительны. — Но вы убедились же ими. — И вот присматриваюсь к ним попристальнее, — не откроется ли в них какая-либо сторона, способная осветить во мне сей

темный предмет. Часто не видишь дела от необычности его. А для меня это новость первой руки. — Душа — эфирна. — Кто же это думает у нас, Богу молится, чает горняго и ради того отказывается от всего земнаго и вещественнаго? — С веществом, как его не утончайте, духовные явления совсем не вяжутся, и нигде мне не случалось слышать такого учения,— у мыслящих два приема: одни думают, что душа чисто духовна,— и светлая; а другие полагают, что она — сама по себе духовная — имеет световую оболочку, с коею не разлучается — ни в теле, ни вне тела. Подобная же оболочка и у Ангелов. Эти оболочки и суть то, что видится в Ангелах и душах отходящих. Разумные же духовные отправления и действия принадлежат чистому духу — душе. — Этой последней мысли я всегда придерживался. Заставляло придерживаться легкость объяснения явлений и видений. Но теперь поколеблен в ней и склоняюсь на первую, ибо нет нужды в сей оболочке. Ее может привлекать к себе сила духа — физическая, как преобладающая над всем вещественным, всякий раз, когда нужно — сие. — И дух — есть,— и сею бытовой стороной физической же, хотя чисто духовной стоит в ряду всех бытствующих — и на них действует, по мере дарованной ему силы в творении. — Всяко этого можно и не держаться; не в угоду однако ж вещественности души.

Се вам исповедь моя! Благословите и помолитесь о мне многогрешном. Совсем осуетился. — И очень часто порываюсь на вашу дорогу. — Когда бы то устроилось сие! — Не вижу ворот по моей близорукости. Иногда бываешь готов — за перо взяться и писать прошение о том; да что-то в груди поперечит. — И остаюсь при одном желании. — Будем сидеть у моря и ждать погоды. — А грехи так и тяготят,— а страсти так и бьют по бокам. Господи помилуй нас.

Всех вам благ от Господа желаю. С глубоким почитанием и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Феофан, Е<пископ> Владимирский.
28 мая 1865

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. 1924. № 171. Жизнеописание епископа Игнатия. Прилож. № 1.

№ 2

Ответ святителя Игнатия

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за откровенное письмо Ваше от 28 мая. Отвечаю на него с такою же откровенностию.

По вступлении моем в жизнь аскетическую и потом в монастырь хотя и случались со мною разные опыты, свойственные этому пути, но о душе и духах я имел понятие неопределенное, признавая и называя их по общему поверхностному пониманию бесплотными и невещественными; нужды входить в дальнейшее рассматривание не представлялось. Вступил я в монастырь в 1827 году, а начал заниматься Писанием и Отцами гораздо раньше,— можно сказать, с детства. С 1843 года, независимо от меня, необходимость заставила вникать подробнее и точнее в значение души и сотворенных духов. Справедливо сказал Антоний Великий, что это познание крайне нужно для подвижников. Особенно нуждаются в нем те подвижники, которые в подвиге своем введены перстом Божиим в брань с духами. Да и для всех оно имеет существенную пользу: лучше ознакомиться с миром духов прежде смерти, нежели при наступлении смерти, как ознакомились многие к величайшему удивлению и ужасу своему. В противность понятиям, заимствованным у западных мечтателей, опыт доказывает верность учения Отцов со всею решительностию. Темное и загадочное делается очень ясным и простым. — Что ж касается до слова **эфир**, то химия называет этим словом материю, совершенно отличную от газов, принадлежащих земле, несравненно тончайшую, но неопределенную, вовсе неизвестную человекам. Существование же ее признается по той необходимой причине, что пространство за земною атмосферою, как и вообще всякое пространство, не может быть чуждым материи. В собственном смысле — невещественен Один необъемлемый пространством — Бог. Духи сотворенные бесплотны по отношению к нам. Но естество их, как и естество души, пребывает неопределенным для нас по невозможности определить его. Наука признает невозможным определение нашего тела, равно как и всех тел, имеющих органическую силу — жизнь. Мечта Декарта о независимости духов от пространства и времени — решительная нелепость. Все ограниченное, по необходимости зависит от пространства.

Паства Ваша пользуется обильно назидательным словом и примером Вашим. Если Промысл Божий поставил Вас на свещнике,— зачем сходить с него без призвания Божия? Может быть, в свое время, откроется это призвание! Может быть, все обстоятельства единогласно выразят его! Тогда оставите мирно кафедру Вашу; тогда уйдете мирно в келлию — преддверие вечности. Пребывая в келлии, не будете тревожиться мыслию при келейных искушениях, что эти искушения последовали за предупреждение воли и указаний Божиих. Простите за слово любви!

Поручаю себя Вашим святительским молитвам. Силы мои и здоровье оскудели до крайности, до невероятия; но милосердый Господь отлагает призыв на суд Свой, ведая мою неготовность и даруя время на покаяние. С чувствами и проч.

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
4 июня 1865 года

Святитель Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров; 10 января 1815 — 6 января 1894) — сын священника, родился в Орловской губернии, по окончании Орловской семинарии поступил в Киевскую Духовную академию; пострижен в 1841 г.; в 1842 г. — магистр, в 1844 г. — бакалавр Петербургской Духовной академии. В 1847 г. был назначен членом миссии в Иерусалиме, в 1853 г., по возвращении, снова преподавал в Петербургской академии; в 1855 г. — архимандрит. В 1856 г. он настоятель посольской церкви в Константинополе, в 1857 г. — ректор Петербургской Духовной академии; в 1859 г. — епископ Тамбовский, в 1863 г. — Владимирский.

17 июня 1866 г. святитель Феофан, согласно поданному им прошению, был уволен на покой. Его уход поразил многих: ученейший богослов, талантливый иерарх Церкви, он отказался от успешной карьеры и явился как «истинный отшельник первых веков христианства», затворившись в тесной келлии в Вышенской обители, которую выбрал еще будучи епископом Тамбовским. Многие задавались вопросом, что вынудило его уйти в затвор в расцвете сил, в 52 года. Он сам объяснял, что поводом к этому послужило прежде всего желание беспрепятственно заняться духовно-литературным трудом на пользу Церкви и ближним, а для себя — желание быть наедине с Богом. В затворе прожил он 28 лет, первые шесть принимая посетителей, остальные — прекратив всякое сношение с миром, кроме письменного. Результатом его многолетних трудов стало собрание творений, составившее целую библиотеку.

Наиболее популярным и наиболее значительным его сочинением, по научной оценке православных богословов, было «Путь ко спасе-

нию» (краткий очерк аскетики). Этот труд, являющийся девизом всей его подвижнически-литературной деятельности, по его собственному признанию, создавался им при участии и под руководством святителя Игнатия Брянчанинова.

«Пусть ко спасению», а также и «Письма о христианской жизни» явились результатом научных занятий о. Феофана на кафедре Нравственного богословия в Санкт-Петербургской Духовной академии, о чем неоднократно свидетельствовал сам Преосвященный автор. В письме к одному из своих корреспондентов от 16 июня 1888 г. епископ Феофан писал: «Прочитали путь ко спасению. Добре... И еще прочитайте когда-нибудь. Тут все, что мною писалось, пишется и будет писаться. Это мои уроки студентам С.-Петербургской Академии. Конспект пересмотрен с о. Архимандритом Игнатием, — после бывшим Архиереем Брянчаниновым, и им одобрен. Это было в 46–47 годах». Из этих слов епископа Феофана можно видеть, насколько значителен был для этого ученого православного богослова авторитет не прошедшего богословской школы Епископа Игнатия, если он заявляет об этом спустя более 40 лет после преподанных ему советов. В другом месте, высказывая свой взгляд по вопросу о молитве и условиях приобретения молитвенного настроения, епископ Феофан, в обоснование своего взгляда, опять ссылается на авторитет Преосвященного Игнатия. А по общей оценке всей личности святителя Игнатия Преосвященный Феофан высказывает мнение о богоугодности жизни епископа Игнатия.

Приведенное выше письмо Феофана Затворника к Преосвященному Игнатию написано почти 20 лет спустя после их петербургских встреч и является ответом на присланные ему вышедшие из печати первый и второй тома «Аскетических опытов», а также «Слова о смерти». Из письма видно, что его автор сразу же не принял положение святителя Игнатия о том, что дух и Ангел, как явления тварные, суть эфирные тела.

Л. А. Соколов, подробно разбиравшийся в своей монографии в возникших разногласиях двух святителей, писал:

«Современник Преосвященного Игнатия по времени жизни, святитель Феофан Затворник имеет с ним немалое сходство в характере личности, в строе жизни и содержании и предметах духовно-аскетических писаний. Оба названные Святителя со дней юности и до смертного часа сохранили одинаковую склонность к духовно-созерцательной жизни; чуждаясь мира в его греховных сторонах, оба были готовы служить благу и душевному спасению человеческому; тот и другой подвижник сходны между собою со стороны любви к природе, ласки в отношении к людям, простоты жизненной обстановки, значения родственных связей, нестяжательности, аскетического образа жизни и постоянной склонности к отшельничеству. В жизни того и другого подвижника главным содержанием было совершение душевного спасения, уяснение христианской жизни и способов настроиться на нее; к этой главнейшей их жизненной цели направлено

было их доброделание внешнее и делание душевное; оба поддерживали и воспитывали свое христианское душенастроение непрестанным чтением молитвы Иисусовой, памятованием о смерти, вечных мук грешника, сознанием вездеприсутствия Божия, испытанием своей совести. То же ближайшее сродство замечается и в духовно-аскетическом характере и содержании литературных творений епископов Игнатия и Феофана, и, за исключением вопроса о природе духов, кажется — нет других вопросов и предметов православно-христианского ведения, в которых Святители-подвижники не были бы согласны между собой. <...>

Выступая в конце 1867 и 1868 гг. против мысли епископа Игнатия Брянчанинова о газообразности естества души и Ангелов и утверждая, что душа и Ангел не есть нечто телесное, а чистый дух, Преосвященный Феофан 1) свое решительное утверждение полной и чистой духовности духа направляет исключительно на сущность или естество духа, а не на его явления или феноменальную сторону бытия; 2) в этом решительном утверждении всего более имеет в виду возможные вредные результаты, недомыслия и заблуждения малосмысленных в богословии в руководстве взглядами Епископа Игнатия. Доказывая мысль о совершенной бестелесности, чистой духовности естества ангелов и души человеческой и в этом отношении расходясь с выводами автора “Слова о смерти” и “Прибавлений” к нему, Преосвященный Феофан в объяснение явлений Ангелов и душ умерших и живых людей, которые в изобилии отмечены Епископом Игнатием, также предполагал некоторую тонкую эфирную оболочку. В конце 1869 г., посылая свою книжку “Душа и Ангел — не тело, а дух” в Киев протоиерею Н. И. Флоринскому, Преосвященный Феофан пишет: “Спор о душе. Вся книга моя направлена к доказанию, что естество души и ангела не может быть вещественно. Но иное дело естество, иное — образ бытия. Кто не хочет принимать душу без оболочки, тот пусть допускает сию оболочку, помимо естества души, которое должно быть духовно. Допустив оболочку — тонкую, эфирную, получит форму и останется доволен!” <...>

Как видно, разногласие по вопросу о духовном мире между Епископом Игнатием и Феофаном ничуть не поколебало высокого почтения последнего к первому, что само по себе уже побуждает нас склониться к заключению, что и в указанном случае по вопросу о духовном мире мы имеем дело не столько с разногласием, сколько с недомыслием или недоразумением, которое легко могло быть совершенно устранено личною беседою или даже перепискою Епископов-подвижников, если бы оно возникло уже не после смерти Игнатия Брянчанинова»[1].

---

[1] *Соколов*. Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 2. С. 116–119.

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ И НАСТОЯТЕЛИ МОНАСТЫРЕЙ

I

Игорь Родченко

О письмах святителя Игнатия и игумена Спасо-Преображенского Валаамского монастыря Дамаскина

Письма святителя Игнатия Брянчанинова к настоятелю Спасо-Преображенского Валаамского монастыря игумену Дамаскину **впервые** были опубликованы в Полном собрании творений святителя Игнатия Брянчанинова, т. 3, с. 420–505 (М.: Паломник, 2002). Письма эти имеют несомненную духовную и историческую ценность. Они принадлежат перу выдающегося иерарха Русской Православной Церкви: богослова, аскета, духовного писателя, и свидетельствуют о его внутренней жизни. Они, как писал историограф Валаамской обители иеромонах Иувиан (Красноперов, 1880–1957), «открывают нам интимную сторону его души, его дорогое сердце, его чуткость и бережное отношение к душевной чистоте, его глубокую веру в Божественный Промысл и религиозное начало как главные факторы жизненных отношений, его благодушное перенесение всех жизненных скорбей, угнетений и клеветы»[1]. За тканью письменных свидетельств прослеживаются события, повлиявшие на историю Православия в Финляндии и на Кавказе. В них открываются малоизвестные факты промыслительного участия святителя Игнатия в судьбах Валаамской обители. Эти письма полезны нам не только

---

[1] Письма святителя Игнатия Брянчанинова к настоятелю Валаамского монастыря игумену Дамаскину. Копии. Архив Валаамского монастыря (АВМ). Ф. 12. Оп. 1. Л. 1.

как источник духовных назиданий и ценных биографических подробностей, но и как образец высокой эпистолярной культуры. Взаимоотношения святителя Игнатия и игумена Дамаскина представляют существенную страницу в истории русского монашества XIX в.

Игумен Дамаскин (Дамиан Кононович Кононов, 1795–1881), корреспондент святителя Игнатия, управлял Валаамским Спасо-Преображенским мужским первоклассным монастырем с 1839 по 1881 г. Подробное жизнеописание подвижника, впервые опубликованное в 1892 г. в Санкт-Петербурге, в последнее время переиздавалось дважды: «Духоносный пастырь Валаама. Жизнеописание и поучения игумена Дамаскина Валаамского (1795–1881)» (М., 2001); «Настоятель Валаамского монастыря игумен Дамаскин. Валаамский Патерик» (М., 2001). В 2007 г. издательством Валаамского монастыря опубликован объемистый труд «Валаамский избранник», в который вошли Жизнеописание; Поучения; Письма.

История монашества на Валааме имеет свою особую хронологию. Есть древность, освященная именами апостола Андрея Первозванного и преподобных основателей монастыря Сергия и Германа; есть «золотой век» расцвета, когда валаамскими иноками были будущие преподобные — Александр Свирский, Арсений Коневский, Савватий Соловецкий; есть трагическое столетие шведского владычества; есть период возрождения, строительства крепкого монастырского «фундамента» игуменом Назарием; есть эпоха Дамаскина, эпоха становления «Северного Афона» России...

Дамиан Кононов родился в 1795 г. в деревне Репенки Мичковской волости Старицкого уезда Тверской губернии. Его родители, Конон и Матрона, происходили из экономических крестьян. «Еще с юных лет Господь вдохнул избраннику Своему благие чувства — идти по пути заповеди Господней»[1]. В 1816 г. Дамиан совершил с товарищами паломничество в Киево-Печерскую Лавру. Через год, уже один, отправился он к соловецким чудотворцам, а на обратном пути посетил Ондрусову пустынь и Валаамский монастырь. На Валааме «одну или две ночи»[2] провел и поспешил домой. Летом 1819 г. вернулся в монастырь, осенью трудился за святое послушание, а на зиму поехал в родную

[1] Пустыня Валаам // Валаам Христовой Руси. М., 2000. С. 67. || [2] Замечательная жизнь настоятеля первоклассного Спасо-Преображенского Валаамского монастыря о. Дамаскина. Копия рукописи. АВМ. Ф. 2. Оп. 4. Л. 2.

деревню получить увольнение от общества и родительское прощальное благословение.

В 1820 г. Дамиан Кононов вступил в число валаамской братии, стал проходить разные послушания: был конюхом, рабочим нарядчиком, шил сапоги и рукавицы, охранял остров, работал в хлебопекарне. В 1825 г. 12 декабря на 31 году жизни принял монашеский постриг с именем преподобного Иоанна Дамаскина[1]. Все три рода иноческой жизни испытал монах Дамаскин: киновию, скит и пустынь. Весной 1838 г., на пятый год «исправления» послушания скитоначальника в скиту во имя Всех Святых, произошло их знакомство с архимандритом Игнатием Брянчаниновым.

Это было сложное для Валаамского монастыря время. Живший за штатом игумен Варлаам, бывший настоятелем Валаамской обители в 1830–1833 гг., и монах Иосия написали несколько доносов, в том числе на Высочайшее имя, в которых обвинили игумена Вениамина, управлявшего монастырем с 1833 г., в потакании якобы возникшей на Валааме масонской ереси и неспособности его к настоятельству. Часть братии поддержала их обвинения, часть осталась на стороне игумена Вениамина. Начались нестроения, развилась взаимная неприязнь. Дело было передано на рассмотрение в Святейший Синод. По предложению Обер-прокурора Синода графа Н. А. Протасова разобраться в причинах происходившего в монастыре было поручено настоятелю Свято-Троицкой Сергиевой пустыни архимандриту Игнатию. Его помощником был назначен строитель Череменецкого Иоанно-Богословского монастыря отец Серафим. Следствие продолжалось почти полгода. Обстоятельный и пунктуальный доклад архимандрита Игнатия по этому вопросу лег в основание донесения Митрополита Серафима Святейшему Синоду и определения Святейшего Синода «по предмету Валаамских беспорядков»[2]. Виновных в распрях удалили с Валаама, а подозревавшихся в ереси отправили в Троице-Сергиеву пустынь под надзор настоятеля «для испытания в образе мыслей и поведения»[3]. Во время исполнения поручения Синода архимандрита Игнатия назначили благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии, благодаря чему он приобрел еще большее влияние на решение дел на Валааме. Высокие церковные власти отнеслись к его деятельности с доверием, что выразилось

---

[1] *Иоанн Дамаскин* – сирийский подвижник VIII века. ‖ [2] *Соколов.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 2. С. 154. ‖ [3] Там же. С. 154.

в принятии синодального определения, которым поручалось архимандриту Игнатию рекомендовать кандидата, способного и достойного быть настоятелем Валаамского монастыря. Таким кандидатом был назван о. Дамаскин, единственный, по словам архимандрита Игнатия, «довольно искусный монах во всем Валааме»[1].

Избрание и назначение отца Дамаскина настоятелем монастыря совершилось в короткие сроки. Покинув Валаам в ноябре 1838 г. простым монахом, он возвратился в родную обитель в марте 1839 года игуменом. «Постепенно, но неуклонно и неустанно начал о. Дамаскин восстанавливать прежнее внутреннее благоустройство… и достиг своей цели, привел обитель в самое цветущее состояние. Братство ее возросло, нравственные силы ее развились, во внутреннюю жизнь ее вдохнут был Божественный огонь истинного подвижничества. Самое святое имя ее было прославлено до конца земли»[2]. Игумен Дамаскин управлял Валаамским монастырем 42 года. Он преставился 23 января 1881 г.

Публикуемый массив писем охватывает период с ноября 1838 г. по апрель 1867 г. Хронологически он делится на три группы, соответствующие этапам биографии святителя Игнатия: письма а) «Петербургского периода» (1838–1857), б) «Кавказского периода» (1857–1861) и в) «Бабаевского периода» (1861–1867). По преобладанию той или иной тематики письма можно условно классифицировать как «служебные» и «личные». К первым относятся в основном письма «Петербургского периода», времени, когда взаимоотношения о. Игнатия и о. Дамаскина определялись их служебным положением, иерархической подчиненностью настоятеля Валаамского монастыря архимандриту Игнатию, благочинному монастырей Санкт-Петербургской епархии. Этика служебных отношений, вопросы практической необходимости диктовали форму и содержание писем. В них нет никаких подробностей личной, внеслужебной жизни Святителя. Все они посвящены решению вопросов, возникавших в ходе управления валаамским братством. Вместе с тем по своему характеру письма проникнуты душевным расположением и

---

[1] Игнатий (Брянчанинов Дмитрий Александрович), епископ Кавказский. Жизнеописание, составленное неустановленным лицом. Конец 1870-х гг. 451 л. РНБ. Собрание отдельных поступлений. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 103. ‖ [2] Настоятель Валаамского монастыря игумен Дамаскин. Валаамский Патерик. М.: Изд. Валаамского монастыря, 2002. С. 27.

участием к настоятелю Спасо-Преображенского монастыря[1]. Понимая, с какими трудностями пришлось столкнуться игумену Дамаскину, архимандрит Игнатий советует, как поступать, утешает в скорбях и подкрепляет ободряющим словом. Обладая бóльшим опытом в управлении монастырем, он учит о. Дамаскина премудростям настоятельской должности, а иногда и отчитывает за допущенные ошибки.

С отъездом святителя Игнатия на Кавказ изменяется содержание посланий. Характер их отношений утрачивает необходимую по службе официальность и приобретает черты духовной дружбы. Епископ Игнатий сообщает многие подробности своего устройства на новом месте, делится сокровенными размышлениями о жизни земной и вечной, рассказывает о скорбях по болезненности, мучившей его.

Пребывая на покое в Николо-Бабаевском монастыре, владыка Игнатий не забывал Валаама, живо интересовался всем происходившим в обители. Последним посланием Святителя, отправленным на Валаам, стало его Пасхальное приветствие 1867 г. Ответное письмо игумена Дамаскина уже не застало адресата: земное странствие любимого наставника и благодетеля Валаама окончилось...

Из содержания самой переписки ясно, что до нас дошли не все письма епископа Игнатия Брянчанинова. Когда и при каких условиях часть эпистолярного наследия утрачена — неизвестно. Иеромонах Иувиан (Красноперов), ставший по призванию «валаамским летописцем», сообщал в «меморандуме», открывавшем папку с сохраненными письмами, следующее: «Ввиду исключительного интереса и значения писем святителя Игнатия Брянчанинова к настоятелю Валаамского монастыря, игумену Дамаскину, которого он воззвал к управлению сей обителью, хранившихся в архиве монастырской канцелярии вместе с письмами других лиц, письма эти в 1920 г. мною были извлечены из пачки писем за 1838–1867 гг. и выделены затем в особую нарочитую папку.

Всего было собрано писем святителя Игнатия — 54. Затем со всех этих писем сняли копии и сосредоточили в особом деле за № 32 — 1920. В этом деле сосредоточено также описание всех духовных и материальных благодеяний, оказанных приснопамятным святителем Игнатием Валаамской обители. Таким

[1] См. письмо № 3.

образом составился большой фолиант, в несколько десятков страниц, напечатанных на машине, оформленный в двух экземплярах, из коих один хранился в архиве, а другой — в канцелярии.

Все это сделано из чувства благоговения и глубочайшего уважения к Преосвященному автору названных писем — этой красы Русского православного иночества, деятельного учителя монашествующих не только в своих аскетически-богословских сочинениях, но и во всей его жизни, представлявшей дивную картину самоотвержения, доблестного служения долгу, борьбы со страстями, скорбями, болезнями и клеветами, не щадившими и этого Божиего избранника, — картину жизни строго иноческой, аскетической, истинно преподобнической.

"Письма святителя Игнатия Брянчанинова к настоятелю Валаамского монастыря, о. игумену Дамаскину, за 1838–1867 годы" № 32 — 1920 г. — так назывался этот исторический для нашей обители фолиант, утраченный в его двух экземплярах при эвакуации монастыря»[1].

По условиям мирного договора от 12 марта 1940 г. между Советским Союзом и Финляндией на отвод войск, вывоз имущества и сдачу территорий отводилось не более десяти дней, а для Валаама этот срок составлял три дня. Предстояло эвакуировать множество предметов церковной утвари, библиотеку, архив, весь монастырский провиант, рухлядный товар, лошадей и коров. Вся братия уже жила на материке, и эвакуацией занимались несколько специально приехавших иноков вместе с финскими солдатами и офицерами. Продукты и живность, по распоряжению военных властей, вывезли в первую очередь. Если бы не задержка со сдачей соседнего острова Мантисаари, отложившая появление советской администрации на два дня, то оставленных на Валааме ящиков с архивными документами оказалось бы гораздо больше.

После установления новой власти на островах примерно 300 дел были переданы в архив г. Петрозаводска. Среди них — машинописные копии писем святителя Игнатия к игумену Дамаскину в количестве 46 экземпляров[2]. Это один из тех фолиантов, которые считал утраченными иеромонах Иувиан.

Автографы писем находятся в Финляндии, в архиве монастыря «Новый Валаам». В 1984 г., по данным иеромонаха о. Пан-

---

[1] Письма святителя Игнатия Брянчанинова к настоятелю Валаамского монастыря игумену Дамаскину. АВМ. Ф. 12. Оп. 1. Л. 1. ‖ [2] Национальный архив Карелии (далее — НАК). Ф. 762. Оп. 1. Ед. хр. 2/9.

телеимона (Сархо), писавшего работу на тему «Епископ Игнатий (Брянчанинов) и Валаамский монастырь»[1], в финском архиве хранилось писем Святителя числом 55. В середине 90-х годов, когда возрождался наш Валаамский монастырь, настоятель Спасо-Преображенской обители архимандрит Панкратий (Жердев), благословил снять копии с памятных Валааму документов для пополнения собственного архива обители. С разрешения архимандрита Пантелеимона (Сархо), настоятеля Ново-Валаамского монастыря, эту работу проделал иеродиакон Онуфрий (Маханов). В архиве Валаамского монастыря, на подворье в Санкт-Петербурге, хранятся 52 копии писем святителя Игнатия к игумену о. Дамаскину. Это собрание легло в основу данной публикации. Письма сверены с машинописными копиями 1920 г. из Национального архива Карелии (НАК). К общему собранию добавлено одно письмо (от 25 сентября 1855 г. — № 24), опубликованное в 1995 г. игуменом Марком (Лозинским)[2] и три письма из собрания НАК (от 19 марта 1852 г. — № 20; от 9 января 1853 г. — № 22; от 16 ноября 1857 г. — № 35).

Искреннюю благодарность за бескорыстное содействие в подготовке материалов приносим Вере Петровне Новак (Архив Валаамского монастыря, г. Санкт-Петербург), Наталье Ивановне Пономаревой (Национальный архив Карелии, г. Петрозаводск) и Алексею Евгеньевичу Белоножкину (Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, г. Санкт-Петербург).

* * *

По сравнению с изданием 2002 г. в настоящем издании в данный раздел включены также письма игумена Дамаскина, значительно дополняющие сведения об их взаимоотношениях со святителем Игнатием, а также и об общей истории Валаамского монастыря в период его настоятельства. **Включение их стало возможным после выхода в свет в 2007 г. труда Издательского отдела Спасо-Валаамского монастыря «Валаамский избранник. Жизнеописание; Поучения; Письма игумена Дамаскина».** Ниже приводится краткий комментарий к опубликованным этим издательством письмам.

---

[1] *[Пантелеимон (Сархо), иером.].* Епископ Игнатий (Брянчанинов) и Валаамский монастырь. Машинопись. Библиотека Санкт-Петербургской Духовной академии. Р-1565. ‖ [2] Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, Епископа Кавказского и Черноморского / Сост. игумен Марк (Лозинский). М.; СПб.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 1995. С. 70–77.

Письма игумена Дамаскина публикуются впервые по архивным делам из архива Валаамского монастыря в Финляндии: Письма игумена Дамаскина за 1856–1867 гг. (дело № 56); Следствие, учиненное игумену Дамаскину по доносу некоторых братии; Переписка за 1863–1864 гг.; О посылке собрания видов местностей острова Валаама. Л. 15.

Письма расположены в хронологическом порядке: письмо игумена Дамаскина — ответ святителя Игнатия. При составлении переписки в деле № 56 были обнаружены еще несколько писем святителя за 1856 г.: 14, 27 февраля, 2 и 21 марта.

* * *

Всего в данном разделе помещены 60 писем святителя Игнатия и 33 письма игумена Дамаскина.

Переписка святителя Игнатия с игуменом Дамаскиным

№ 1

Получено 18 ноября 1838 года.

Честный монах отец Дамаскин!

Его Высокопреосвященство[1] желает лично Вас узнать, и потому усердную принесите молитву Господу Богу и святым угодникам, Сергию и Герману Валаамским[2], ничтоже сумняся, не медля нисколько, в предписываемый Вам путь отправляйтесь[3].

Архимандрит Игнатий.
Ноября 2, 1838.

[1] *Его Высокопреосвященство* — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (1763–1843), в миру Стефан Васильевич Глаголевский; Санкт-Петербургскую митрополию возглавил в 1821 г. Стоял во главе борьбы Церкви с мистицизмом и Библейскими обществами. Был противником перевода Библии на русский язык. Прославился как замечательный церковный администратор. Наряду с Митрополитом Московским Филаретом *(Василий Михайлович Дроздов; 1783–1867),* одним из самых выдающихся иерархов Русской Православной Церкви, и Митрополитом Киевским Филаретом *(Феодор Георгиевич Амфитеатров; 1779–1857)* — виднейшим представителем русского монашества, способствовал назначению о. Дамаскина настоятелем Валаамского монастыря.

[2] *Святые преподобные Сергий и Герман, Валаамские чудотворцы* — основатели Валаамского монастыря. Исторические сведения о них крайне скудны. Их житие считается утраченным. На сегодняшний день нет единого мнения о том, когда священноиноки основали монастырь. Согласно церковному преданию, они пришли на Валаам из «восточных стран» еще во времена равноапостольной княгини Ольги (X в.). Память их отмечается 11 июля (28 июня

ст. ст.), 24 сентября (11 сентября ст. ст.) и в 3-ю Неделю по Пятидесятнице вместе с Собором Новгородских святых.

[3] *...в предписываемый Вам путь отправляйтесь.* — Утром 23 ноября о. Дамаскин отправился в С.-Петербург. Протяженность пути между архипелагом и столицей составляла в те времена (до открытия пароходного сообщения) 295 верст. Из них около 40 верст по Ладоге до г. Сердоболя и 255 верст почтовым трактом вдоль западного побережья через г. Кексгольм в С.-Петербург. Как сообщает жизнеописание о. Дамаскина, он, «переночевав в деревне Парголово, 27 числа, в 10 часов утра, прибыл через Петербург в Сергиеву пустынь во время обедни и пристал здесь, по обычному своему смирению, на кухне. По окончании обедни архимандрит о. Игнатий, в этот день сам совершавший Божественную Литургию, узнав о приезде желанного гостя, тотчас же пригласил его к себе и вместе с собою повел в братскую трапезу. После трапезы радушный хозяин, побеседовав с почтенным гостем довольно продолжительное время у себя в покоях, приказал затем отвести о. Дамаскина в казначейские келлии отдохнуть с дороги. В Сергиевой пустыни в отведенных ему казначейских келлиях прогостил он два дня безвыездно. Затем 29 числа валаамский смиренный инок с о. архимандритом Игнатием отправились из Пустыни часов около восьми утра в Петербург...» (Духоносный пастырь Валаама. Жизнеописание и поучения игумена Дамаскина Валаамского. М., 2000. С. 28).

№ 2

Получено 23 апреля 1839 года.

Честнейший отец Игумен Дамаскин!

Два письма Ваши получил[1]. Диакона Ивана Николаева допрашивал, что он имеет донести, и когда он отказался, то, взяв с него подписку, препроводил в Зеленецкий монастырь, впредь до решения касающихся до него дел. Отец Осип подал Обер-прокурору письмо, чтобы переместить его в Софрониевскую или Саровскую пустыню; обещался сделать[2]. С присланною повесткою нечего делать, ибо почтамт не решится приказать Сердобольскому почтмейстеру[3] Вам выдать деньги, не зная обители ли они принадлежат или собственно игумену Вениамину[4]; почему деньги обратятся в то место, откуда присланы; и если они назначены для обители, то паки возвратятся уже с подписию, в коей Вениамин не будет упоминаться. План мой приехать к Вам весною едва ли не расстроился: ибо посылают меня в Новгородскую епархию, по некоторому важному делу[5] с одним из флигель-адъютантов, что задержит меня там почти целый месяц.

Затем, желая Вам мира и любви и прочих душевных благ, равно как и доброго здравия со всею во Христе братиею, остаюсь готовый к услугам сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.

Апреля 12 дня 1839 года.

[1] *Два письма...* — Письма о. Дамаскина за период до 1856 г. утрачены во время эвакуации Валаамского монастыря вглубь Финляндии зимой 1939–1940 гг.

[2] В первые годы своего настоятельства игумен Дамаскин столкнулся с оппозицией и неприятием его решений со стороны части старших братий, некоторых послушников и привыкших чувствовать себя вольготно «подначальных» (то есть лиц, находившихся в монастыре на епитимьи). Многим казалось несправедливым такое быстрое выдвижение простого монаха, не обладавшего какими-то особенными заслугами перед обителью. Поэтому о. Дамаскину пришлось «ворочать круто, без всяких постепенностей» (*Немирович-Данченко В. И.* Крестьянское царство. СПб., 1889. С. 216). Некоторые из братий покинули Валаам (среди них — *о. Осип*), некоторые писали доносы, а подначальные, не желая подчинятся новым, строгим порядкам, «даже не раз покушались на его жизнь» (Валаамская обитель. СПб., 1896. С. 38). Архимандрит Игнатий в своем донесении о положении дел в Валаамском монастыре в качестве важной меры для успокоения обители считал необходимым избавить Валаам от подначальных. Он называл 12 лиц, которых желательно было бы отправить в другие монастыри, где они могли бы принести хоть какую-то пользу. Среди таковых значился и *диакон Иван Николаев.* Спустя год, в 1840 г., диакон Иван Николаев в числе семи подначальных был выведен из Валаамского монастыря. Их отправили в монастыри Архангельской и Вологодской епархий. Потребовалось еще более 20 лет, чтобы добиться окончательного решения этой проблемы с подначальными. В 1859 г. последних из них переводят в другие монастыри и на Валаам более не посылают. Однако о. Дамаскин на этом не успокаивается и добивается в 1864 г., обратившись за помощью к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору, официального запрета от Святейшего Синода даже возможности в будущем присылать штрафных лиц на Валаам.

[3] *...Сердобольскому почтмейстеру...* — Город Сердоболь (с 1918 г. — Сортавала), ближайший к Валааму город на материке, через который монастырь поддерживал связь с миром. Пароходное сообщение с Санкт-Петербургом открыто в 1843 г.

[4] *...игумену Вениамину...* — Игумен Вениамин († 1845), бывший настоятель Валаамского монастыря, был переведен в Костромской первоклассный кафедральный Ипатьевский монастырь на иеромонашескую вакацию. Затем он один месяц управлял Железноборовским Предтечевым монастырем Костромской епархии. В 1841 г. назначен настоятелем в Авраамиев Городецкий Покровский монастырь, в 10 верстах от г. Чухломы Костромской епархии.

[5] В апреле 1837 г. в одном из монастырей Новгородской епархии был убит архимандрит Пахомий. Гражданские власти дважды начинали следствие, но обнаружить виновных не могли. В 1839 г. началось третье следствие. На этот раз Митрополит Серафим решил послать на следствие отца Игнатия, который пользовался у всех большим уважением. Прибыв на место, где совершилось убийство, Архимандрит своим участием дал делу правильное направление. В июне того же года дело закончилось, виновных нашли.

Зеленецкий монастырь — Зеленецкий Троицкий монастырь, основанный преподобным Мартирием в XVI в., расположен в 180 верстах от Петербурга (ныне действующий. Адрес: поселок Зеленец Волховского района Ленинградской области).

Софрониевская пустынь — Путивльская Софрониева пустынь Курской губернии. В XVII в. старец Софроний добился указа Патриарха Никона

о самостоятельности пустыни от Путивльского монастыря и своими трудами послужил возвышению обители. С тех пор пустынь называли Софрониевой или Софрониевской.

Саровская пустынь основана иноком Исаакием в 1706 г. Находится на границе Нижегородской и Тамбовской губерний.

Обер-прокурор — Обер-прокурор Святейшего Синода граф Николай Александрович Протасов (1798–1855).

№ 3

Получено 12 мая 1840 года.

Возлюбленнейший о Господе отец Игумен Дамаскин!

Письмо Ваше, и в другом пакете репорт, я получил. Пусть ветры бурные дышут и волны свирепые ударяют, но они не могут повредить храмине Вашей душевной, если основание оной будет постоянно утверждаться на твёрдом камени заповедей Христовых. Послушайте мирно, что скажу Вам от исполнения душевного к Вам расположения и участия.

Ваш репорт ко мне не имеет места: ибо содержит в себе жалобу на распоряжение Преосвященного Викария[1]. Поэтому, если дать ему какой-либо ход,— значит навлечь на Вас негодование Преосвященного и подвергнуть бóльшим неприятностям, нежели в каковые Вы теперь поставлены. Хотя и тяжко Вам перенести, и по внешнему нашему суждению представляется вредным для общества поощрение, или потачка, данная иеродиакону Иосифу[2], однако Промысл Божественный силен исправить всё, и из обстоятельств по-видимому неблагоприятных источить следствия спасительные, как из камня воду. Сохраните мир душевный молитвою и упованием, предоставя Богу то, что не в Ваших силах.

Сколько слышал я, следствие произведено отцом Амфилохием[3] порядочно. Думаю, слухам, изложенным в письме Вашем, нельзя вполне верить. Враг только того и ищет, чтобы кого поссорить. Посудите сами и уразумейте коварство вражие: отец Игумен Коневский также пишет ко мне, и из его письма я понял, что он сомневается о Вашей отлучке в Петербург[4] в то время, как он был для следствия на Валааме. Видите кознь врага! В житии святого Нифонта описывается, как враг пошептал двум мущинам, и они тотчас начали ссориться[5]. И здесь то же. Постарайтесь для общей пользы и для собственной душевной пользы примириться с отцом Игуменом Амфилохием, о чем и ему также пишу.

Изволите описывать о неблагонадежности иеромонаха Варсонофия[6], обнаружившейся при настоящем случае. Припомните,

что я вам говорил! Таковых людей, когда они пожелают выдти из монастыря, тотчас надо увольнять с миром; они могут на время скрыть своё неблагорасположение, но при первом удобном случае обнаруживают оное и часто причиняют вред, долго исцелиться не могущий.

Поздравляю Вас и всю возлюбленнейшую о Христе братию с Светлым Праздником праздников и приветствую радостным поздравлением: Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Любезнейший Батюшка! Апостолы Слова, пастыри церковные, настоятели обителей, словом, во всяком сане угодники Божии, посреде многих скорбей и искушений пасли вверенное им стадо. И се есть праздник любимца Божия, егда послет ему Господь дарование скорбей. Сию чашу Сын Божий испил и обещал всем Своим последователям. И потому возопил Апостол: благоволю в немощах моих, в скорбях и в теснотах. *Аще без наказания есте, прелюбодейчищи есте, а не сынове*[7].

Молим Господа, чтоб даровал нам в скорбях терпение и сохранил нас от великого бедствия — от ненависти к оскорбляющим нас.

Прошу Ваших святых молитв и молитв всего Вашего о Господе братства.

Остаюсь навсегда Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.

26 апреля 1840.

[1] *...Преосвященного Викария.* — Венедикт (Григорович), епископ Ревельский († 1850). Переведен из ректоров Санкт-Петербургской Духовной академии в 1833 г., назначен Архиепископом в Олонецкую епархию в 1842 г. Ревельская кафедра викарных архиереев с пребыванием в Санкт-Петербурге, учреждена в 1817 г.; в 1865 г. причислена к Рижской и Митавской епархии.

[2] *...иеродиакону Иосифу...* — Вот что пишет о нем архимандрит Игнатий в письме к Митрополиту Серафиму: «Ужасным и достойным сожаления образцом отчаяния служат два подначальных иеродиакона — Иосиф и Матфей. Никогда они не исповедуются и не причащаются Святых Тайн. Никогда, ниже в Светлый праздник Пасхи нельзя их понудить придти в церковь <...>. Лица их — подобные только случалось мне видеть между каторжанами в Динабургской крепости» (Игнатий (Брянчанинов Дмитрий Александрович), епископ Кавказский. Жизнеописание, составленное неустановленным лицом. Конец 1870-х гг. 451 л. Собрание отд. поступлений. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 90.) Иеродиакон Иосиф упоминается также в письме от 22 сентября 1842 г. Под «потачкой», данной иеродиакону Иосифу, следует понимать отказ в переводе его в другую обитель.

[3] *Отец Амфилохий* — игумен монастыря Рождества Пресвятой Богородицы на острове Коневец, в южной части Ладоги. Управлял обителью

с 1839 по 1859 г. В игумены определен из строителей Антониево-Дымского монастыря.

[4] *...он сомневается о Вашей отлучке в Петербург...* — За время своего настоятельства о. Дамаскин, помимо нескольких поездок в окрестностях Ладожского озера, несколько раз ездил в С.-Петербург, в том числе в 1840 г.; совершил поездку по Финляндии до Кюмени в 1847 г.; побывал в Москве в 1864 г.

[5] *В житии святого Нифонта...* — Из жития святого Нифонта, епископа Кипрского, память 5 января (23 декабря старого стиля): «Видно было Святому и то, как бесы ходят в народе и искушают людей, внушая им осуждение, клевету, ссоры и различные скорби. Однажды он увидел одного человека за работой; и вот пришел к нему бес и начал шептать ему на ухо; неподалеку работал другой человек; пришел бес и тому пошептал на ухо; тогда они, оставив работу, начали ссориться. Блаженный же, встав, сказал:

— О бесовский соблазн! Как ты сеешь вражду между людьми!»

[6] *О иеромонахе Варсонофии* известно, что его дважды командировали на флот для исполнения обязанностей корабельного священника. В 1844 г. архимандрит Игнатий разбирал дело об отказе иеромонаха Варсонофия от чередного священнослужения по болезни (застарелый перелом ноги). В результате разбирательства о. Варсонофий отказался от своих требований.

[7] Евр. 12. 8.

№ 4

Получено 18 августа 1840 года.

Почтеннейший отец Игумен!

Ежели нет особенно важных причин, по коим нужно удержать во вверенной Вам обители бывшего ризничего[1], Иеромонаха Александра[2], то потрудитесь подписать на просьбе его об увольнении в Киев Ваше согласие и с сею просьбою, изготовленною на имя Преосвященного Викария[3], отпустите просителя в Сергиеву Пустыню[4], снабдив его надлежащим билетом[5].

Также поспешите прислать ко мне просьбу монаха Константина[6], отправленную к Вам 13 числа прошедшего июля.

Архимандрит Игнатий.

Августа 9 дня 1840 года.

[1] *...ризничего...* — Ризничий заведует ризницей — хранилищем церковной утвари, священных облачений, напрестольных покровов, иных святынь, отданных в дар монастырю.

[2] *...Иеромонаха Александра...* — Сведения не обнаружены.

[3] *...Преосвященного Викария...* — Венедикт (Григорович), епископ Ревельский († 1850). См. примеч. к письму № 3.

[4] *...в Сергиеву Пустыню...* — Троице-Сергиева пустынь основана в 1735 г. духовником Императрицы Анны Иоанновны, архимандритом Троице-Сергиевой Лавры о. Варлаамом. Архимандрит Игнатий (Брянчанинов) был ее настоятелем с 1834 г.

[5] *...надлежащим билетом.* — Монашествующие могли отлучаться из монастыря в города и села своей епархии не иначе, как для общественной нужды и с паспортом (увольнительным билетом) от настоятеля. См. указ Святейшего Синода от 24 января 1740 г., Прибавление к Духовному Регламенту, п. 32.

[6] *...монаха Константина...* — Сведения не обнаружены.

№ 5

Получено 11 сентября 1840 года.

Ваше Высокопреподобие!

Отец Игумен Дамаскин!

Как Вы в настоящее время находитесь в городе, то и препровождаю к Вам послушника вверенной Вам Валаамской обители Апухтина[1], с тем, чтобы Вы распорядились, дабы оный по болезненности своей никуда не отлучался из часовни[2], кроме Невской Лавры[3] для присутствия у церковных служб и ходатайств о паспорте.

Благочинный, Архимандрит Игнатий.

1840, сентября 11 дня.

[1] *Послушник Апухтин.* — Сведения не обнаружены.

[2] *...из часовни...* — Часовня и каменное здание для монашествующих построены старанием игумена Вениамина в 1838 г.; проект епархиального архитектора Карла Брандта. В 1835 г. в эту часовню от купеческого сына Дмитрия Полежаева с помощью купцов, торговавших под Невским, пожертвована икона святителя Николая в позлащенной ризе, украшенной стразами, стоимостью в 6000 рублей ассигнациями. Здание сохранилось до наших дней. Принадлежит Валаамскому монастырю. Находится на Синопской набережной, д. 34, недалеко от Александро-Невской Лавры. Часовня освящена во имя иконы Всех Скорбящих Радосте.

[3] *...Невской Лавры.* — С.-Петербургская Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра, мужской монастырь; основана в 1712 г. указом Императора Петра I. В 1797 г. этот монастырь возведен на степень Лавры (действующий: С.-Петербург, наб. р. Монастырки, д. 1).

№ 6

Получено 20 марта 1841 года.

Преподобнейший отец Игумен Дамаскин!

Послушник Вашей обители Иоанн[1], получивший от Вас билет в С.-Петербург, прибыл ко мне; но я, видя, что нравы его еще не растленны и что вышел он единственно по сердечной брани, — притом, живя в другом месте близ вин ко греху[2], удобно может повредиться, — склонил его обратиться паки на Валаам.

Примите его благосклонно, он к Вам весьма расположен и, кажется, на Валааме будет не лишним.

Ваш усердный сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.
1841 года, марта 10 дня.

[1] *Послушник Иоанн* — сведения не обнаружены.

[2]*...близ вин ко греху...* — см. у Владимира Даля: «Вина — *начало, причина, источник, повод, предлог*».

№ 7

Получено 19 декабря 1841 года.

Ваше Высокопреподобие!

Честный отец Игумен!

Как в сем случае, так и во всех прочих, прошу Вас иметь в виду пользу и спокойствие обители Вашей, а не удовлетворение моего желания, которое теперь состоит в том, чтоб Вы изъявили согласие на принятие старца Пафнутия[1] в Вашу обитель. Примите ли, откажите ли, прошу поскорее меня уведомить. Желая Вам всех благ, остаюсь навсегда

Ваш усердный к услугам

Архимандрит Игнатий.
1841 года, ноября 18 дня,
Сергиева Пустыня.

[1] *...согласие на принятие старца Пафнутия...* — В 1840 г. указом С.-Петербургской Духовной консистории за № 6263 от 7 ноября предлагалось рассмотреть настоятелю первоклассного Спасо-Преображенского монастыря о. игумену Дамаскину прошение «Курской Епархии Глинской Богородицкой общежительной пустыни, монаха Пафнутия, о перемещении в число братства». На что о. Дамаскин в рапорте от 8 декабря 1840 г. ответил отказом «по довольно значительному числу братства, и на определение его сюда братство не согласно». Так как личное дело о. Пафнутия с этими документами хранилось в архиве Валаамского монастыря, можно сделать вывод о том, что старец Пафнутий был перемещен по его желанию на Валаам.

№ 8

Получено 9 октября 1842 года.

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший отец Игумен Дамаскин!

Письмо Ваше от 30 августа получил сего 19 числа сентября. О деньгах намереваюсь известить Вас особенным отношением;

а о прочих пунктах письма Вашего предлагал я Его Преосвященству Викарию. 1) На посвящение монаха Амфилогия[1] в иеромонаха. Он, Владыка, согласен; почему бумаги по сему предмету, Вами присланные на имя Митрополита[2], я ему представил при репорте и оные пущены в ход. 2) Послушник Иван Григорьев[3] подал о увольнении из духовного звания в первобытное, на что Владыка также согласен. 3) Василий Борисов[4] обещался здесь, в Сергиевой Пустыне, поговеть и приобщиться; посмотрим, что будет. Однако Преосвященному Викарию я о нем сообщил. 4) Присланныя бумаги о шалостях финляндских крестьян[5] представил я Преосвященному Викарию, который нашел за нужное по важности их войти в переписку с Финляндским Генерал-губернатором[6], почему вы немедленно с имеющихся у вас черновых бумаг, переписав набело, пошлите в Выборгское губернское правление; сие пишу Вам по приказанию Преосвященного. 5) О постройке ограды скитской нужно принять особенные меры, по следующей причине: ныне вышел закон[7], что если производиться будет в монастыре работа на монастырскую неокладную сумму в 5 тысяч и выше, то оную постройку производить по правилам строительным, то есть составить план и фасад с сметою по урочным реестрам и с справочными из присутственного места ценами представить на рассмотрение Святейшего Синода; по получении разрешения самые работы производить по журналам и представлять ежемесячные ведомости, а по окончании всего составить отчет и оный представить начальству. Если у Вас нет людей, знающих для составления всего вышепрописанного, то в Петербурге можно все сие получить тысячи за три, едва ли менее. А посему лучше так сделать: пусть г-н Набилков[8] подаст просьбу или письмо на имя Ваше, что он желает ограду выстроить на свой счет, не обозначая суммы; вы сие письмо представите при репорте за подписанием Вашим и старшей братии Преосвященному.

Вы не оскорбитесь, что иеродиакон Иосиф[9] к Вам обратно прислан, и в Указе воспрещено Вам высылать самоуправно людей из обители. Что делать! Такова настоятелей участь, особенно при перемене правления. Если прежде сия высылка снисходилась, то это по милости, а не по закону.

Усердно желая Вам всех благ, а для обители устройства, имею честь быть

Ваш покорный слуга и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.

22 сентября.

[1] ... *монаха Амфилогия...* — Сведения не обнаружены.

[2] Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Серафим (Глаголевский). См. примеч. к письму № 1.

[3] *Послушник Иван Григорьев...* — Сведения не обнаружены.

[4] *Василий Борисов...* — из цеховых С.-Петербурга. Определен в число послушников Валаамского монастыря в 1835 г. В 1844 г. перемещен в Старо-Ладожский Успенский монастырь.

[5] *...о шалостях финляндских крестьян...* — Местное прибрежное население немало досаждало обители браконьерством, намеренным уничтожением животных (разбрасывали отравленную приманку для лис), незаконной рыбной ловлей, попытками провоза табака и алкоголя на острова. При этом монастырь, особенно во время голода, как, например, в 1867 г., тратил крупные суммы на вспомоществование финским и карельским беднякам. За помощь финнам во время голодной зимы 1867 г. о. Дамаскину была объявлена благодарность от Государя Императора.

[6] *...Финляндским Генерал-губернатором...* — Меньшиков Александр Сергеевич (1787–1869) — адмирал, генерал-адъютант, светлейший князь; генерал-губернатор Финляндии с 1830 г.

[7] *...ныне вышел закон...* — В 1837 г. вышел закон «О распространении на Духовное ведомство правила о мелочных постройках и починках зданий, не превышающих 5000 руб.» (Полный свод законов Российской Империи, т. XII, отд. II, № 10580. СПб., 1837). Согласно этому указу, все постройки на сумму менее 5000 рублей производились под наблюдением местных духовных властей (для монастырей это благочинные). Соответственно, постройки, превышающие эту сумму, требовали контроля со стороны высшей власти — Святейшего Синода, а в столицах — лично Государя Императора. В 1841 г. в «Уставе о Духовных Консисториях» (Полный свод законов Российской Империи, т. XVI, отд. II, № 14409, ст. 44–60. СПб., 1841) в правилах о строительстве православных церквей говорится о необходимости вносить план и смету предполагаемого строительства в Строительную комиссию.

[8] *...г-н Набилков...* — Федор Федорович Набилков, купец из города Фридрихсгама Выборгской губернии. Его иждивением были построены новые братские келлии с оградою в скиту Всех Святых. Пожертвованная сумма составила 10000 рублей ассигнациями. По окончании строительства в 1844 г. Ф. Ф. Набилков с готовностью откликнулся на просьбу о помощи в сооружении нового скитского храма и пожертвовал 15000 руб. Ранее, в 1835–1836 гг., на его средства была построена церковь Живоначальной Троицы во внешнем каре монастыря.

[9] *...иеродиакон Иосиф...* — См. примеч. к письму № 3.

№ 9

Получено 24 сентября 1842 года.

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший отец Игумен Дамаскин!

Письма Ваши получил; и как прежде Вам писал, так и ныне повторяю, что при всякой перемене Правителя[1] бывает некоторая перемена и в управлении. Почему не дивитесь о возвращении к Вам иеродиакона Иосифа[2] и о выговоре за

присылку его в Консисторию[3]; это дело может поправиться и обойтись. Приездом Вашим повремените до возращения к вам о. Амфилохия[4], чтобы не встретить здесь какой неприятности. Разве после Рождества подыметесь с Валаама.

Слава Богу, водворяющему тишину в обители Вашей.

Кланяюсь всему братству Вашему и прошу святых молитв.

Архимандрит Игнатий.
19 ноября 1842 года.

О убытках, понесенных от разбитой соймы[5], на какое количество суммы, надо репортовать, хоть мне.

[1] *... перемене Правителя...* — По-видимому, речь идет о назначении нового викарного епископа Ревельского: 14 ноября 1842 г. им стал бывший епископ Старорусский Иустин (Михайлов). Служивший прежде о. Венедикт (Григорович) был поставлен Архиепископом Олонецким.

[2] *...иеродиакона Иосифа...* — Упоминается в письмах № 3 и № 8.

[3] *Консистория* — учреждение, ведающее судом и управлением епархией.

[4] *...о. Амфилохия...* — Вероятно, речь идет о братском духовнике о. Амфилохии.

[5] *Сойма* — речное и озерное судно с килем; длина 7–8 сажен, ширина — до 2 сажен, подымает от 3 до 5 тысяч пудов. Ладожская сойма, смотря по величине, имеет свои определения: легкая — самая маленькая; крючная, мережная, просолная и грузовая — самая крупная. В соймах без палубы, но с крышей перевозили богомольцев. Набирали сойму из сосны, вместо гвоздей доски сшивали нитью из древесного корня (см.: *Андреев А. П.* Ладожское озеро. СПб., 1875. С. 33–34).

№ 10

Получено 16 мая 1843 года.

Высокопреподобнейший отец Игумен!

Письмо Ваше имел честь получить и весьма сожалею, что к Вам присылают много подначальных[1], от которых нельзя ожидать ничего другого, как только расстройства обители. Я на сей предмет не могу иметь прямого влияния, а советую Вам обратиться с просьбою к Преосвященному Иустину[2], Пастырю доброму и благорассмотрительному. Если же я буду спрошен, то не премину сказать в пользу Вашей обители, в которой присутствие подначальных производит особенный вред.

Желая Вам и всей о Господе братии Вашей доброго здравия и душевного спасения, прошу Ваших святых молитв и остаюсь усердный к услугам

Архимандрит Игнатий.
1843 года, мая 6 дня.

[1] *...много подначальных...* — С конца 1830-х гг. по 1859-й включительно в Валаамском монастыре «состояло под надзором и на епитимьи девяносто человек духовного и светского звания, кроме этого количества не явилось к месту наказания 15 человек; всего, следовательно, 105 подначальных» (Национальный архив Карелии (НАК). Ф. 762. Оп. 2. Дело № 18. Л. 1).

[2] *...Преосвященному Иустину...* — Иустин (Михайлов), епископ Ревельский († 1879). Переведен из епископов Старорусских в 1842 г. Назначен епископом Костромским в 1845 г.

№ 11

Получено 27 декабря 1844 года.

Преподобнейший отец Игумен!

Письмо Ваше от 19 октября я получил. О подвозе вина и рому[1], равно и о строении пристани поручаю Вам, отобрав объяснение от иеромонаха Моисея[2], представить ко мне. Всё сие сделайте без огласки.

Благочинный Архимандрит Игнатий.

1844 года, ноября 9-го дня
Сергиева Пустынь.

[1] *О подвозе вина и рому...* — При игумене Дамаскине на Валааме был введен строжайший сухой закон. Любой алкоголь, табак были запрещены к ввозу на Валаамские острова. Эти правила распространялись на всех без исключения. Чтобы пресечь попытки контрабанды со стороны местных береговых финнов, на островке у входа в Монастырский пролив устроили «таможню». Процедура досмотра на этой монашеской таможне описана В. И. Немировичем-Данченко в его книге «Крестьянское царство» (СПб., 1889). Через несколько лет после введения таких строгостей сотни больных страстью «запойного озлобления» стали приезжать на Валаам в надежде на исцеление. Как писал Н. С. Лесков в путевых заметках «Монашеские острова на Ладожском озере» (СПб., 1874. С. 134): «по Руси гуляет много людей разного звания, которых отец Дамаскин “отчитал от беса пьянства”». Традиция борьбы за трезвость русского народа продолжилась и после смерти отца Дамаскина. Вот что отмечал студент-паломник, будущий Митрополит Вениамин (Федченков), в очерке «На Северный Афон»: «Между прочим, после внимательного наблюдения меня поразило следующее обстоятельство. Почти половина из пассажиров либо сизым носом, либо краснотой лица, либо истрепанной кожей и синяками под глазами или проще — запахом выдавали свое неравнодушное отношение к патриотической влаге. <...> В недоумении обращаюсь к одному молодому, трезвому парню:

— Почему это пьяных много или спившихся?

— Да они на Валаам едут тоже. Это постоянно здесь. Кто пропимшись, кто заблудимшись. — Не осилят себя дома-то, ну, едут на Валаам выдерживаться» (Странник. 1906. № 6. С. 753).

[2] *Иеромонах Моисей* — В 1842 г. за учиненные беспорядки этот иеромонах перемещен из Зеленецкого Троицкого монастыря на Валаам, под надзор. В 1844 г. отправлен в Введенский Островский монастырь.

№ 12

Получено ___ марта 1845 года.

Высокопреподобнейший отец Игумен!

Письмо Ваше от 21 февраля я получил. С удовольствием увидел, что обстоятельства и нужды Ваши изложены в нем с удовлетворительною ясностию, верностию и подробностию.

Таковое изложение, изображая Ваши мысли управления монастырем, может дать Вам особенный вид пред Вашим начальством, которое смотрит на Ваши бумаги **всегда**, а поверять Ваш образ действий может только **изредка**.

Суждение Ваше о иеромонахах я нахожу основательным. Требование иеромонахов на Флот[1], как государственная необходимость, должно быть Вами удовлетворено. Иеромонах Варсонофий[2], отказывающийся служить чреду в монастыре, не отказывается быть на Флоте. Трех иеродиаконов, которых желаете представить в иеромонахи, вышлете ко мне немедленно, ибо я должен аттестовать их знание в Катехизисе, которое, если найду недостаточным, то могу занять их здесь и приготовить, как должно. Представление о них напишите на имя Его Высокопреосвященства[3] и пришлите ко мне при репорте, потому что я должен на представлении Вашем сделать **подпись.** Постарайтесь сделать все сие нисколько не медля. В таковом случае новые иеромонахи могут поспеть в монастырь к тому времени, как некоторые выбудут на Флот.

Остается сказать о учении Катехизиса и Священной истории. Озабочивайтесь, отец Игумен, о приведении в исполнение воли Архипастыря. Нужно терпение, при котором и малоспособные могут изучить сии предметы, столько по себе важные и столько по ясности и немногосложности своей нетрудные, — хотя не скоро, не в полгода, не в год,— в два, в три года. Если Бог приведет летом быть в обители Вашей, то желаю подробно вникнуть в предмет сей, причем легко можно будет усмотреть, кто способен, кто не способен и кто представляется неспособным по упрямству или лености. Для последних можно придумать и наказание.

За тем поручая себя Вашим святым молитвам, имею честь быть готовый по услугам Вашим.

Благочинный — Архимандрит Игнатий.

1845 года, марта 5-го дня,
Сергиева Пустыня.

[1] *Требование иеромонахов на Флот...* — Флот нуждался в корабельных священниках. Потребность эта удовлетворялась за счет иеромонахов различных монастырей, в том числе и Валаамского. Эта практика была затруднительной для монашеских обителей, во-первых, потому что она лишала монастыри подготовленных иноков, исполнявших, как правило, чреду священнослужения, и заменить их было крайне трудно, а во-вторых, флотские экипажи по образу их жизни были далеки от привычной атмосферы монашеского общежития, и монах, проведший не менее семи месяцев на борту воинского корабля, неминуемо подвергался воздействию этой среды и, вернувшись в свой родной монастырь, своими рассказами, привычками мог внести нежелательное расстройство. В 1859 г. о. Дамаскин подал прошение на имя Высокопреосвященнейшего Митрополита Григория о прекращении посылки на флот валаамских монахов, начинавшееся словами: «С глубоким сокрушением сердца видя, как все более и более разливается во вверенном мне Валаамском братстве стремление к стяжанию собственности, сознавая, что главная причина такого опаснаго стремления происходит от представителей монашества — иеромонахов, командируемых на Флот для священнослужения...», и далее: «...возвращаются они в монастырь, но уже взгляд на святую жизнь постничества в них испорчен: корень возникавшей в них любви к подвигу поврежден» (Архив Валаамского монастыря (АВМ). Ф. 2. Оп. 4. Л. 3–4). Прошение было удовлетворено (Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Духовной Консистории за № 1830. АВМ. Ф. 2. Оп. 4. Л. 6).

[2] *Иеромонах Варсонофий* — см. примеч. к письму № 3.

[3] *...Его Высокопреосвященства...* — Антоний (Рафальский), Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский († 1848). Возглавил митрополию в 1843 г. До этого назначения был Епископом Варшавским.

№ 13

Получено 19 мая 1845 года.

Преподобнейший отец Игумен Дамаскин!

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Митрополит Антоний поручил Его Преосвященству, Преосвященнейшему Иустину1 осмотреть монастыри Валамский и Коневский. Его Преосвященство предполагает выехать из С.-Петербурга в сопровождении Благочинного Монастырей 5 июня, 10 служить в Коневском монастыре2, 11 рано утром оттуда выехать, с тем, чтоб 12 быть в Сердоболе. Ваш катер должен быть уже 11 в Сердоболе, чтоб при приезде Его Преосвященства не могло произойти ни малейшего замедления. Келлии для Его Преосвященства должны быть очищены настоятельские; равно и в Скиту должны быть приготовлены таковые же. Служить он намеревается у Вас 17, а на другой день рано утром от Вас выехать.

Встретит его в Сердоболе казначей[3], а Вы с братиею в облачении и с крестом на берегу. Крест должен быть положен на блюдо, так чтоб рукоять его приходилась против правой руки

Преосвященного. При отъезде Преосвященного Вам следует проводить его до Сердоболя.

Свита будет на пароходе.

Благочинный Архимандрит Игнатий.
15 мая 1845 года.

[1] *...Преосвященнейшему Иустину...* — См. примеч. к письму № 9.

[2] *...Коневском монастыре...* — Рождество-Богородичный Коневский мужской монастырь. Расположен на острове Коневец, в юго-западной части Ладожского озера. Основан в 1393 г. преподобным Арсением Коневским, бывшим прежде несколько лет иноком Валаамского монастыря. (Действующий: Ленинградская обл., Приозерский район, пос. Владимировка, о. Коневец.)

[3] *...Казначей...* — иеромонах Виктор (Кузнецов). См. о нём примеч. к письму № 15.

№ 14

Получено 20 июля 1846 года.

Высокопреподобнейший отец Игумен!

Приношу Вам сердечную мою благодарность за приглашение Ваше участвовать при закладке храма в Скиту Валаамского монастыря[1]; я бы удовлетворил желанию Вашему с большим удовольствием, но обстоятельства мои никак не позволяют мне оставить Сергиевой Пустыни в настоящее время, когда обитель сию посещает многочисленная и избранная публика.

Имея нужду видеть лично рясофорного послушника обители Валаамской Ивана Байкова[2], прошу Вас выдать ему билет до меня и обратно на 14 дней. Поелику же обстоятельство, по которому я его вызываю, требует, чтоб я имел о нем точные и полные сведения, то потрудитесь препроводить мне с оным Байковым его формулярный список, отметив правильнейшим образом его поведение.

Прося Ваших и братства Вашего молитв, имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
17 июня 1846 года.

[1] *...закладке храма в Скиту Валаамского монастыря...* — Скит во имя Всех Святых находится на острове Скитском, примерно в трех верстах от монастыря. На поляне, окруженной вековым лесом, стоит белоснежная двухэтажная церковь в византийском стиле. Небольшая скитская территория обнесена каменной оградой со встроенными восемью келейными корпусами. Это первый и до сегодняшнего дня самый крупный скит Валаамской обители. В XIX в. число насельников в нем доходило до 30 человек. Первоначальные

сведения о строительстве в Скиту относятся к 1789 г., и связаны они с просьбой игумена Назария к Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Гавриилу (Петрову) о строительстве новой каменной церкви: «Когда в обители жил преподобный Александр Свирский, имел уединенную келью не в дальнем расстоянии от монастыря, где после того построена была деревянная церковь во имя его, которая от долговременного стояния разрушилась, но чтоб оное место не пришло в забвение, то желаем на оном месте построить каменную небольшую церковь во имя Всех Святых» (*Мурашева Н. В.* Скит Всех Святых. Краткая историческая справка. Машинопись. Л.: Спецстройреставрация, 1984. С. 13). В 1793 г. церковь и семь корпусов на 18 келлий были построены, однако конструктивное решение жилых помещений оказалось неудачным. Корпуса стояли низко на земле, лишенные цоколя и крылец при входе. Нижняя часть до подоконников была выложена из дикого камня, далее до самого верха шел кирпич. Сырость легко проникала в келлии. Зимой помещения невозможно было протопить. Архимандрит Игнатий, впервые посетив Скит в 1838 г., в своем отчете о положении дел в Валаамском монастыре, написал: «Келлии в скиту необыкновенно худы и нездоровы; ни в одном Российском монастыре подобных я не видал. Полагаю непременно должным и весьма дешевым перестроить их...» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. С. 105). Игумен Дамаскин семь лет до своего настоятельства управлял этим скитом и хорошо знал условия жизни в нем. 31 декабря 1840 г. о. Дамаскин ходатайствовал перед Митрополитом Серафимом о постройке новых зданий и ограды в скиту (см. также примеч. к письму № 8). По окончании этих работ было решено перестроить и храм. При посредничестве о. Игнатия, проектирование храма поручили А. М. Горностаеву, академику архитектуры, служившему в ведомстве Строительной комиссии МВД. В 1849 г. по Высочайше утвержденному проекту А. М. Горностаева новый храм был построен. Нижнюю церковь во имя Всех Святых освещал 18 августа 1849 г. архимандрит Игнатий; верхнюю, во имя Всех Сил Бесплотных, 19 июля 1850 г. освящал Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Никанор (Клементьевский). Об А. М. Горностаеве см. также: Т. 2. С. 539–543.

[2] *...Ивана Байкова...* — послушник Иоанн Байков нес послушание в иконописной мастерской.

№ 15

Получено 21 декабря 1846 года.

Ваше Высокопреподобие,
достопочтеннейший отец Игумен!

Письмо Ваше имел честь получить; сердечно благодарю Вас за искренность Вашу ко мне недостойному. При таковом расположении души Вашей можно ожидать особеннейшей пользы для обители Валаамской.

Если Вы находите иеродиакона Макария[1] благонадежным в должности ризничьего, то можно произвесть его во иеромонаха и сделать или указным ризничим[2], или исполняющим должность ризничего. Очень согласен я на назначение Ваше иеромонаха

Виктора[3] Наместником[4], а иеромонаха Виталия[5] казначеем. Когда пожалуете в Петербург, то можно о всем этом сделать распоряжение и представление.

Конечно, Вы получили бумагу о определении указных духовников, что ныне сделано по всем монастырям. Отец Боголеп[6] совершенно не способен к исправлению должности духовника, как я лично удостоверился. Хотя многие из братий не расположены к жизни отеческой, но обязанность настоятеля и прочих властей состоит в том, чтоб и для таковых уготовать пристанище: спасение — искреннее покаяние. Невозможно требовать, чтоб все постигли путь отеческий! И в древние времена, когда настоятели были знаменосцы, многие из братства не решались и таковым явно святым настоятелям открывать свою совесть, как сие ясно видно из 4 степени святого Иоанна Лествичника, где описываемый настоятель в статье о покаявшемся разбойнике ясно объявляет св. Иоанну Лествичнику, что он имеет многих братий в обители своей, чуждающихся исповедания помыслов пред настоятелем, или, что всё равно, пред единодушным и открывающимся настоятелю духовником[7]. Посему советую Вам, как прописано в бумаге, новоначальных обители отдавать по избранию Вашему тому духовнику, в котором Вы находите более способности и опытности, а монашествующим предоставлять избрание духовника по совести и душевному расположению.

Представление к набедреннику[8] отца Амфилохия[9] я удержал до Вашего приезда в Столицу; Вам прилично самим замолвить о сем пред Высшим начальством, а я не отказываюсь подтвердить Ваше ходатайство. Вы сделали очень благоразумно, определив Гавриила[10] на другое послушание; скажите о. Пахомию[11] мое благословение за его труды для пользы Святой обители. Если представится случай, благоволите выслать ко мне книгу Преподобного Феодора Студита[12] для прочтения. Теперь я болен сильною простудой, от которой излечение требует значительного времени, а также и хранение себя после выздоровления потребует долгого уклонения от выездов; посему уединение, доставляемое болезнию, нахожу весьма удобным временем к прочтению глубоких поучений Студита.

Поручая себя Вашим святым молитвам с чувством совершенного почтения и преданности имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.

1846, ноября 30 дня.

[1] *Иеродиакон Макарий* — Отец Макарий (Ветлов), рукоположен в иеродиакона в 1844 г., в 1849-м наречен в иеромонаха.

[2] *Указной ризничий* — назначенный на эту должность указом Духовной консистории, следовавшим на имя благочинного монастырей.

[3] *Иеромонах Виктор* — отец Виктор (Василий Кузнецов), из мещан г. Фридрихсгама. В 1831 г. был определен в Валаамский монастырь, пострижен в монашество в 1836 г. Рукоположен в иеродиакона 3 февраля 1839 г., через три дня посвящен в иеромонаха. С 6 марта был избран братией и настоятелем исправлять должность казначея. На просьбу о. Дамаскина поставить иеромонаха Виктора наместником, видимо, был получен отказ, так как еще несколько лет о. Виктор продолжал исполнять послушание казначея. О. Виталий — кандидат на эту должность — был назначен ризничным. Впоследствии иеромонах Виктор стал наместником и нес это послушание 30 лет. Его можно считать учеником о. Дамаскина, так как еще в 1832 г., когда монах Дамаскин жил в уединении, в пустыни, тогдашний игумен о. Варлаам прислал к нему для духовного назидания двух послушников, одним из которых был будущий иеромонах о. Виктор.

[4] *Наместник* — «Наместник, в случае отлучки, болезни или смерти настоятеля, вступает в отправление его обязанностей» (*Серафим (Кузнецов)*, игумен. Мужской общежительный устав. М., 2000. С. 75).

[5] *Иеромонах Виталий* (Василий Оводов), из мещан г. Скопина. Исправлял должность эконома с 1844 г. В 1847 г. назначен указом на должность ризничного Валаамского монастыря († 1848).

[6] *О. Боголеп* — иеромонах Боголеп (Борис Крамцов), из мещан. Пострижен в монашество в Валаамском монастыре в 1793 г. С 1833 г. по 1842 г. отправлял должность братского духовника. За старостью лет (в 1846 г. батюшке исполнилось 83 года) освобожден от послушания братского духовника († 1847).

[7] Св. прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 4, ст. 12.

[8] *Набедренник* — первая награда, даваемая священнику, как знамение меча духовного, т. е. слова Божия, которым должен быть вооружен священник. Набедренник имеет вид четырехугольного, несколько продолговатого, плата, на котором изображен крест; носится набедренник при бедре с правой стороны.

[9] *О. Амфилохий* — братский духовник.

[10] *...Гавриила...* — возможно, речь идет о келейнике игумена Дамаскина Гаврииле Кобылине.

[11] *О. Пахомий* — монах Пахомий (Петр Пахомов), из мещан. Пострижен в монашество в Валаамском монастыре в 1836 г. Правил должность келаря.

[12] *...книгу Преподобного Феодора Студита...* — В письме Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму о положении дел в Валаамском монастыре архимандрит Игнатий сообщал: «...библиотека во внешнем каре, против собора, имеет много редчайших отеческих книг, частию старинной печати, частию письменных... В числе прочих книг углядел я письменный свиток Феодора Студита — это такая редкость, которую в первом монастыре встречаю» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Жизнеописание... С. 86). В описи святоотеческих книг библиотеки Валаамского монастыря указаны «Феодора Студийского игумена и исповедника Слова огласительные» — в $^1/_4$ д. л., две книги (Валаамский монастырь и его подвижники. СПб.: Изд. Валаамского монастыря, 1889. С. 205).

№ 16

Получено 28 февраля 1848 года.

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец Игумен Дамаскин.

Приношу Вам сердечную благодарность за Ваше воспоминание о мне и за присланный литографированный рисунок Скитской, вновь устроивающейся церкви[1].

Усерднейше желаю Вам преуспевать и в духовном и в вещественном устройстве обители Вашей. Местоположение Валаамского монастыря прекрасно в монашеском отношении, конечно, первое в России; но климат очень суров, — зловредно, разрушительно действует на здоровье. По этой причине должно постараться привести монастырские здания в такое состояние, чтоб оне противодействовали суровости климата. Келлии, где я останавливаюсь[2], прекрасны: очень сухи и противостоят сильным ветрам, устремляющимся с Ладожского озера на Вашу обитель. Но бóльшая часть келлий лишены этого достоинства, многие крайне сыры и, можно сказать безошибочно, более наветуют здоровье, нежели самый климат. Также — обитель нуждается в гостинице, которая была бы вне монастыря[3]. Вам предлежит много трудов! Да дарует Вам Бог силы совершить их во славу Его Святого Имени и для существенной пользы ближних.

О себе скажу Вам, что по причине болезни моей и лечения, почти с приезда моего в Бабаевский монастырь[4] я не выхожу никуда из келлии. Обителью я очень доволен: место необыкновенно здоровое, воды превосходные, каких редко можно встретить, и воздух благораствореннейший, ароматический. Предполагаю, аще Господь восхощет, возвратиться к концу мая в Сергиеву Пустыню, но не знаю долго ли позволит состояние моего здоровья нести общественную должность.

Прося Ваших св. молитв, также молитв братства Богоспасаемой Валамской обители, с чувствами искреннейшей о Господе любви имею честь быть

Ваш готовый ко услугам

недостойный Архимандрит Игнатий.

10 февраля 1848 года.

[1] *...литографированный рисунок Скитской, вновь устроивающейся церкви.* — Скорее всего, речь идет о рисунке архитектора А. М. Горностаева «Скит Всех Святых», вид с северо-запада, 1848 г.

[2] *Келлии, где я останавливаюсь...* — См. примеч. к письму № 62.

[3] *...в гостинице, которая была бы вне монастыря.* — До постройки новой гостиницы богомольцы останавливались в части южного корпуса внешнего каре, т. е. на территории монастыря.

[4] *Бабаевский монастырь...* — Летом 1847 г. архимандрит Игнатий получил отпуск по болезни. Одиннадцать месяцев он провел в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии.

№ 17

Получено 9 мая 1849 года.

Ваше Высокопреподобие!

Многолюбезнейший отец Игумен Дамаскин!

Приношу Вам и всей возлюбленной о Господе братии Вашей усерднейшее поздравление с Великим Праздником Праздников, желая Вам и им многих милостей от Господа, глубокого мира и духовного преуспеяния. Был у меня брат Авраамий[1] и весьма утешил своим душевным благим расположением, которое поведет его к истинным духовным благам. Я возблагодарил за него Господа. Многие опыты доказывают мне на самом деле сбытие заповедания Спасителева, повелевающего и свою душу, и души ближних стяжавать в терпении[2]. Слава Богу, посылающему благие помыслы человекам в окормление их и спасение!

Просящий Ваших святых молитв

недостойный Архимандрит Игнатий.

1849, апреля 25 дня.

[1] *Брат Авраамий* — сведения не обнаружены.

[2] Лк. 21. 19.

№ 18

Получено 2 января 1850 года.

Ваше Высокопреподобие,

возлюбленнейший о Господе отец Игумен!

Его Превосходительство г-н Почт-директор Федор Иванович Прянишников[1] ходатайствует об помещении в обитель вольноотпущенного Сергея Степанова[2], коего он рекомендует весьма хорошо в нравственном отношении. Полагая, что Сергей Степанов всего удобнее может быть помещен в обители Вашей и что для самой обители Вашей приобретенное знакомство и покровительство такого лица, каков г-н Прянишников, чрез помещение у Вас Сергея Степанова, будет очень выгодно, я предлагаю

Вам изъявить Ваше согласие на принятие Степанова, о чем и прошу меня уведомить с первой почтой. Копию с документов Степанова имею честь при сем препроводить на Ваше рассмотрение.

Поручая себя Вашим святым молитвам, имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
1849 года, декабря 22 дня,
Сергиева Пустыня.

[1] *...г-н Почт-директор Федор Иванович Прянишников...* — действительный тайный советник. За успешные реформы по почтовому ведомству был награжден орденами Станислава 2-й степени и Анны 2-й степени. С 1841 г. занимал должность директора Почтового департамента. В 1854 г. назначен членом Государственного Совета. Прославился своей благотворительностью. Известен как выдающийся библиофил. Секретарь масонской ложи «Умирающий сфинкс». Умер в 1867 г.

[2] *Сергей Степанов* — см. примеч. 3 к письму № 35.

№ 19

Получено 8 марта 1852 года.

Ваше Высокопреподобие,

всечестнейший отец Игумен Дамаскин!

Дошло до моего сведения, что монах Ефимий Головко[1] оказывается в обители Вашей излишним по проходимому им послушанию письмоводства, а также дальнейшее его жительство в Валаамском монастыре, по слабости его здоровья, делается несовместным; между тем некоторые другие обители здешней Епархии нуждаются в письмоводителях, знающих свое дело, то я Вас покорнейше прошу выслать ко мне монаха Ефимия, снабдив его билетом на 28 дней и прописав в том билете, что препятствий к перемещению его из Валаамской обители не имеется. Таким образом, избыточеством и излишком одних будет восполняться недостаток других. Брат Ефимия, Павел, находится в крайне болезненном состоянии и едва ли замедлит долго на земле; прилагаемое от него письмецо потрудитесь передать по адресу.

Желая Вам и святой обители Вами управляемой преуспеяние во всех благих, имею честь быть навсегда готовый и усердный ко услугам Вашим,

Архимандрит Игнатий.
3 марта 1852 года.

[1] *Монах Ефимий Головко* — отставной сенатский регистратор Емелиан Головко. Поступил в Валаамский монастырь в 1842 г., определен

в послушники в 1845-м. Пострижен в монашество в 1848 г. Со времени определения в послушники и до 1852 г. исправлял должность письмоводителя. В 1852 г. рукоположен в иеродиакона, в 1853-м посвящен в иеромонаха. В 1856 г. по собственному желанию перемещен в Троицкую Сергиеву пустынь. В своих письмах архимандрит Игнатий писал имя монаха «Ефимий»; в ведомостях Валаамского монастыря указано имя Евфимий.

№ 20

Получено 29 марта 1852 года.

Высокопреподобнейший отец Игумен Дамаскин!

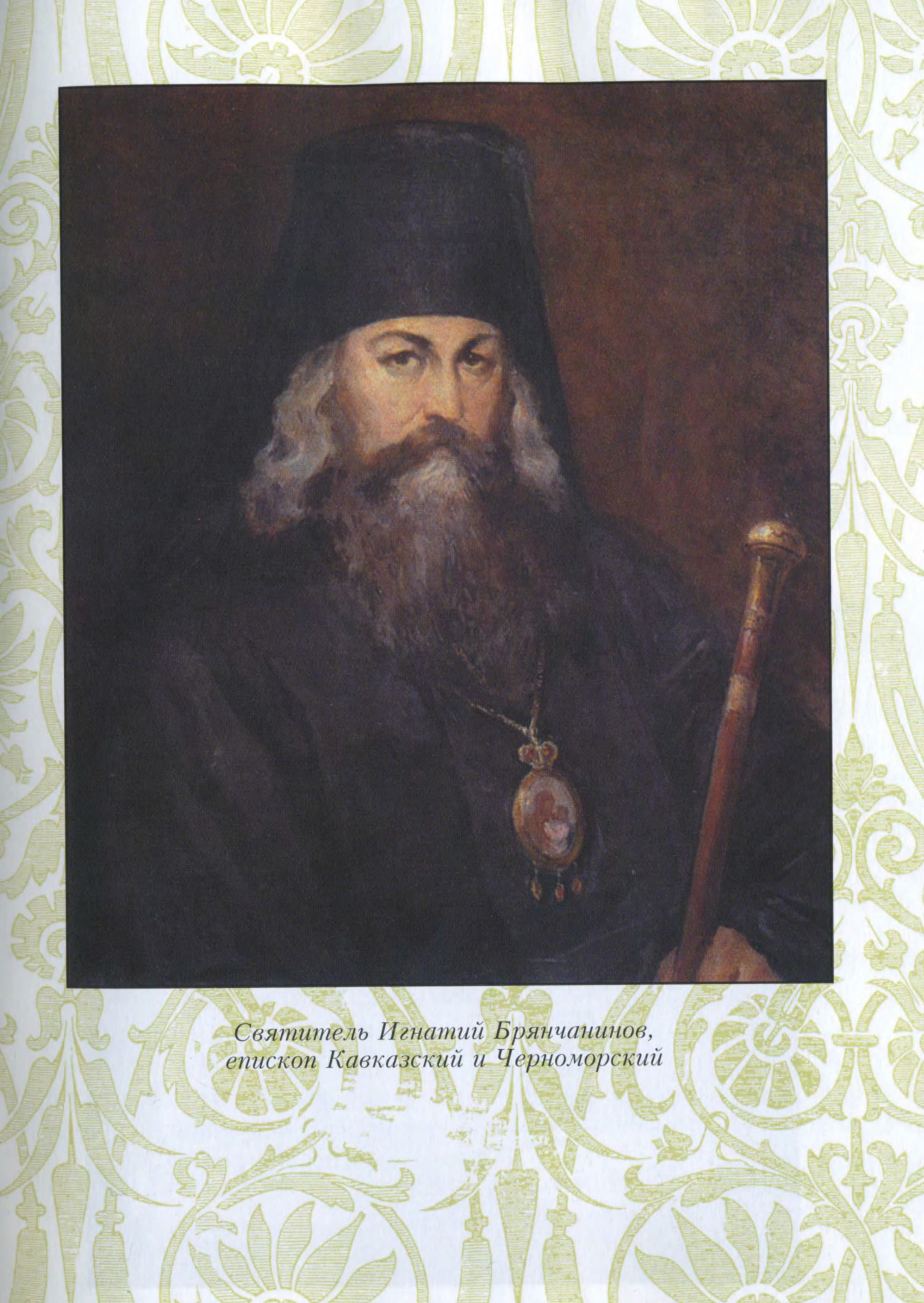
Получив письмо Ваше от казначея обители Вашей, я порадовался тому, что известие, дошедшее до меня относительно Евфимия, оказалось несправедливым.

Я с Вашим мнением вполне согласен, что полезные для обители люди приобретаются с трудом, а теряются весьма легко. Канцелярский порядок в Валаамской обители со времени заведывания канцелярией Евфимием сделался образцовым для других обителей, в чем я убеждаюсь из сравнения, получая бумаги из всех обителей об одних и тех же предметах и таким образом ясно видя достоинство каждого из монастырских письмоводителей. Обязанность настоятеля, и для общей пользы и для собственнаго спокойствия, — сохранять членов испытанных, по способностям и благонамеренности. Отец Виктор[1] сказывал мне, что Вы намерены представить Евфимия во иеродиакона: я весьма одобряю таковое Ваше намерение. Сделав это, Вы посрамите тех завистливых, которые думали лишить Вашу обитель и Вас полезного члена. Я полагаю, что Евфимий и не предполагает, кто бы мог иметь на него виды. Ныне много новых настоятелей, заботящихся о введении порядка в своих обителях и ищущих повсюду благонадежных братий, каковых ныне очень мало. За всем тем я считаю полезным, чтоб Вы отпустили на короткое время Евфимия ко мне: пусть увидит брата, который едва ли переживет вскрытие воды, столь трудное вообще для всех чахоточных. Сверх того, и моя грешная беседа может быть для него очень полезною. Может быть, Вы вместе с этим рассудите представить его и во иеродиакона. Это будет очень в тон: ибо Ваше действие само собою, при молчании Ваших уст, будет противоречить сплетням.

Желающий как Вам, так и святой обители Вашей всех истинных благ, остаюсь навсегда от всей души моей готовый к посильным услугам

недостойный Архимандрит Игнатий.

1852, марта 19 дня.

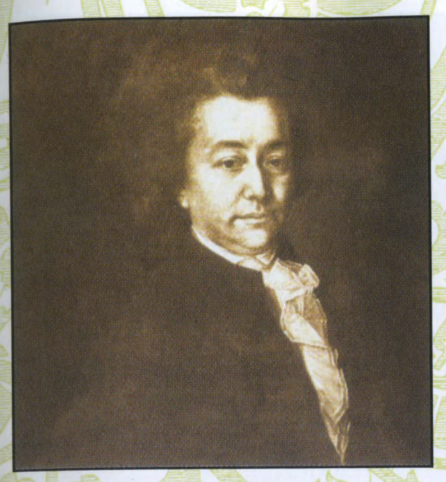

Святитель Игнатий Брянчанинов,
епископ Кавказский и Черноморский

Офицер
Дмитрий Брянчанинов

Усадьба Покровское – родовое имение семьи Брянчаниновых

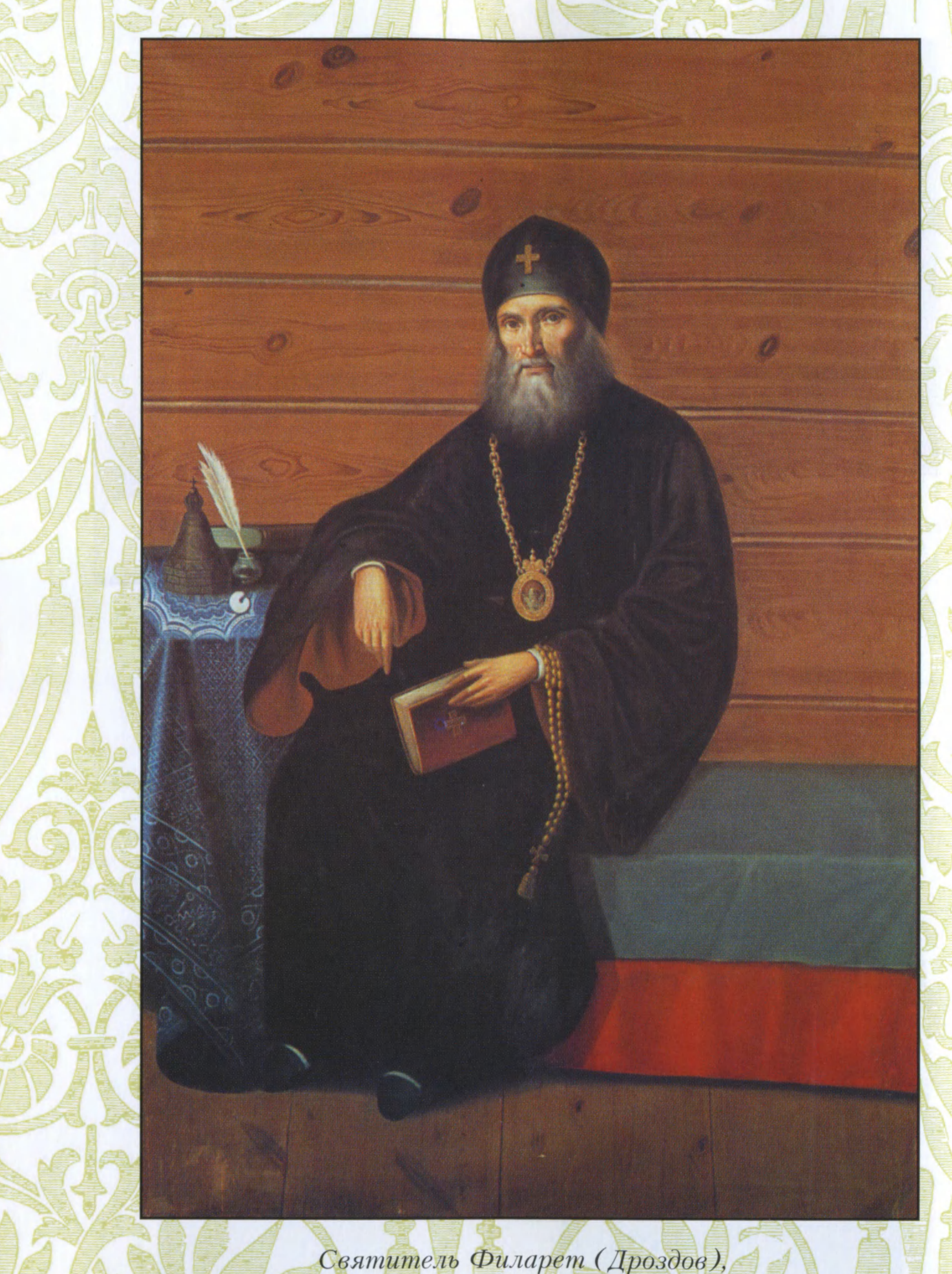
Александр Семенович Брянчанинов, отец святителя Игнатия

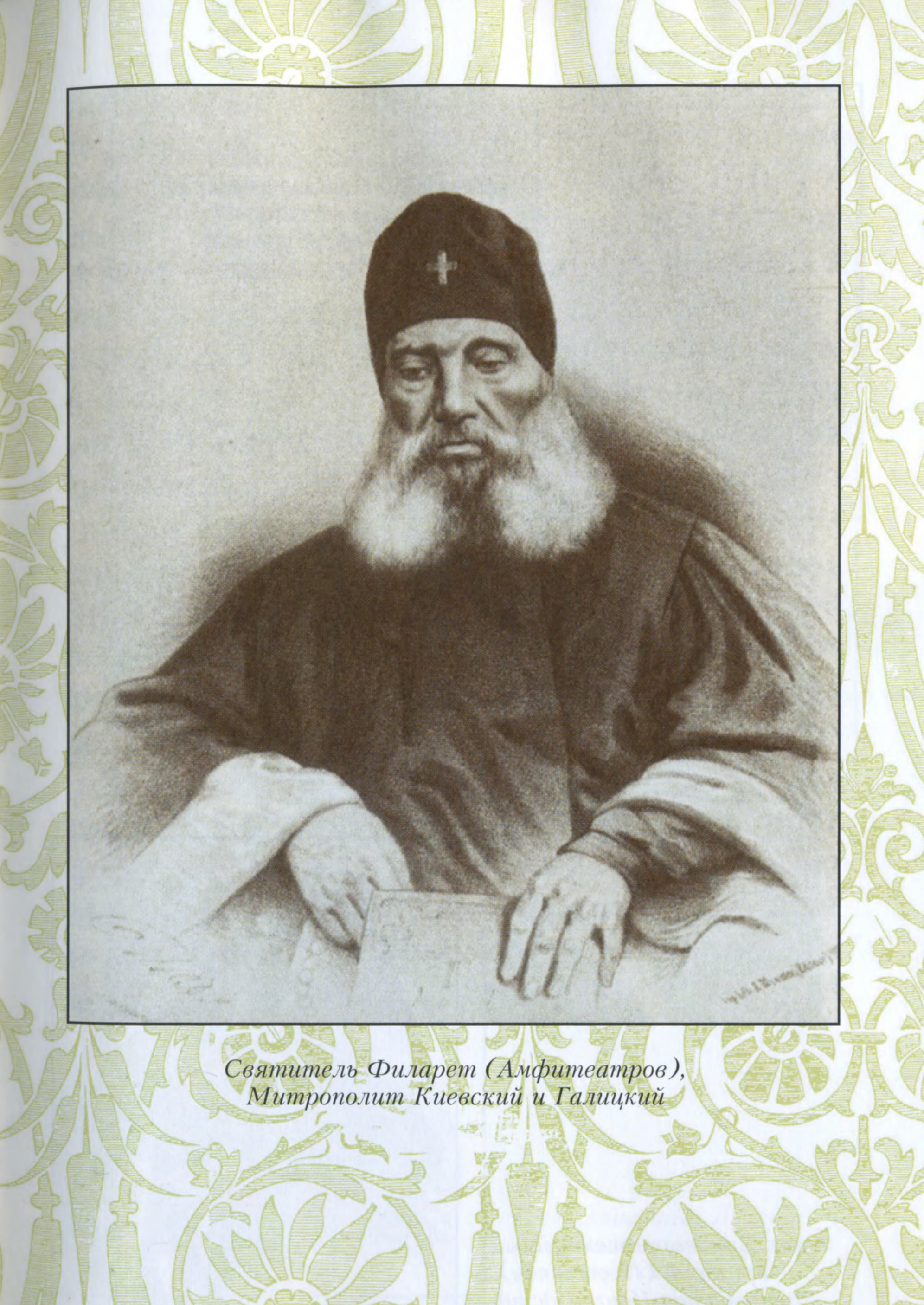
Софья Афанасьевна Брянчанинова, мать святителя Игнатия

Могилы трех последних владельцев усадьбы Покровское (из рода Брянчаниновых)

Святитель Филарет (Дроздов),
Митрополит Московский и Коломенский

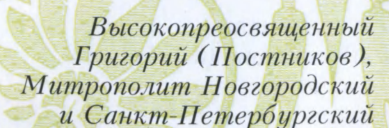

Святитель Филарет (Амфитеатров),
Митрополит Киевский и Галицкий

Высокопреосвященный Никанор (Клементьевский), Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский

Высокопреосвященный Григорий (Постников), Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский

Высокопреосвященный
Исидор (Никольский),
Митрополит
Новгородский
и Санкт-Петербургский

Преосвященный Леонид
(Краснопевков), епископ
Дмитровский

Троицкий собор
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

Свято-Троицкая Сергиева Лавра

Святитель Феофан Затворник

Высокопреосвященный Нил (Исакович),
Архиепископ Ярославский и Ростовский

Николай Александрович
Протасов

Александр Николаевич
Голицын

Александр Петрович
Толстой

Император Николай I

Императрица Александра Федоровна

Император Александр II

Императрица Мария Александровна

Святые врата Троице-Сергиевой пустыни

Схимонах Михаил (Чихачев)

Архимандрит Игнатий (Малышев)

Вид Введенской Оптиной Пустыни. Середина XIX в.

*Оптинские старцы:
схиигумен Антоний
и схиархимандрит Моисей
(Путиловы),
иеросхимонах Макарий
(Иванов)*

*Оптинский старец Леонид
(Наголкин), в схиме Лев*

Игумен Дамаскин (Кононов), настоятель Спасо-Преображенского Валаамского монастыря

Вид Валаамского монастыря. Первая половина XIX века

[1] *О. Виктор* — о. казначей; см. о нем с. 187.

№ 21

Получено 22 мая 1852 года.

Ваше Высокопреподобие, честнейший отец Игумен!

При сем удобном случае извещаю Вас, что Владыке[1] благоугодно было возложить лично на меня составление статистического и исторического обозрения монастырей Санкт-Петербургской Епархии[2], по каковому случаю я намерен препроводить к Вам в обитель Г-на Башуцкого[3], у нас проживающего, известного по своим сочинениям. Относительно же Ефимия, то я нашел, что он сохранил особенное усердие и любовь к Валаамской обители и к Вам. Вы очень благоразумно сделали, что представили его в Иеродиакона; этим Вы показали ему, что Вы имеете к нему отеческое расположение. Он здесь полечился и отправляется к Вам с новым усердием и обновленными силами для новых трудов.

Желающий Вам и вверенной Вам обители всех благ
готовый ко услугам

недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

1852 года, апреля 29 дня.

[1] *...Владыке...* — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Никанор (в миру Николай Степанович Клементьевский) — столичную митрополию возглавил в 1848 г., до этого был Архиепископом Варшавским. Умер 17 июня 1856 г.

[2] *...составление статистического и исторического обозрения монастырей Санкт-Петербургской Епархии...* — Указом Санкт-Петербургской Духовной консистории, от 12 февраля 1852 г. за № 651, во исполнение определения Святейшего Синода, постановлено поручить описание девяти епархиальных монастырей благочинному монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандриту Игнатию, при помощи архимандрита Зеленецкого монастыря Иннокентия. В прошении об увольнении от управления Троице-Сергиевой пустынью, поданном на имя Высокопреосвященного Никанора в начале мая 1852 г., архимандрит Игнатий писал: «Не лишним считаю присовокупить, что к составлению статистического и исторического обозрения С.-Петербургской епархии, возложенному Вашим Высокопреосвященством лично на меня, мною приняты должные меры. Как Сергиева Пустынь имеет в числе богомольцев известного литератора Башуцкого, по Высочайшей воле занимавшегося историческим и статистическим описанием С.-Петербурга, также чиновника Стратоновича, кончившего первым студентом курс в Могилевской семинарии и имеющего весьма хорошие литературные способности; напротив же того прочие епархиальные монастыри не имеют ни одного лица, способного к подобным занятиям, то мною и возложен разбор всех монастырских архивов и выписка из них на гг. Башуцкого и Стратоновича с тем, чтобы они посетили нынешним летом все монастыри и труд свой представили мне для окончатель-

ной работы...» (*Соколов*. Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 2. Примеч. к с. 190). Однако хотя в Валаамском монастыре г-на Башуцкого и приняли, но исторических материалов ему не дали. Таким образом, автором-составителем «Археологического описания...» стал архимандрит Игнатий.

[3] *Башуцкий Александр Павлович* (1803–1876) – литератор, издатель «Панорамы Петербурга» (1834), а также «Журнала общеполезных сведений» (1837–1847) и «Журнала иностранной литературы» в 1860-х гг. В «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова А. П. Башуцкий характеризуется так: «Природа одарила Башуцкого недюжинными способностями, разносторонними талантами, жаждой кипучей деятельности, но на его долю выпало во всем быть дилетантом, постоянно бросаться из стороны в сторону... Всю жизнь он провел в борьбе с собственной силой, собственной добродетелью, собственной волей, разумом и, в пределах земного существования, не успел достичь вечного, к чему так стремился». Возможно, что это излишне субъективная оценка личности Александра Павловича. Следует добавить, что Башуцкий был одним из немногих светских журналистов и литераторов, выступивших в защиту Церкви и монашества от нападок представителей либеральной печати, за что и удостоился от А. И. Герцена, наряду с В. И. Аскоченским и С. О. Бурачком, нелепого прозвища «богосаранча» и «богомокрицы» (*Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954–1966. Т. 14. М., 1958. С. 309). Возможно, А. П. Башуцкий являлся духовным чадом архимандрита Игнатия. В 1846 г. Александр Павлович вышел в отставку и поступил послушником в Троице-Сергиеву пустынь, откуда перешел в Череменецкий Иоанно-Богословский монастырь Санкт-Петербургской епархии и затем в Киев. Из монастыря ушел, в конце жизни увлекся гомеопатией, занимаясь бесплатным лечением бедного люда.

№ 22

Получено 1 февраля 1853 года.

Ваше Высокопреподобие,
честнейший отец Игумен Дамаскин!

О. Строитель Череменецкий[1] желает иметь в обители своей сего письмоводителя Валаамского монаха Евгения[2], на что и сей согласен. Как Череменецкая обитель[3] крайне нуждается в благонодежном брате, то я покорно прошу Вас изъявить Ваше согласие на увольнение монаха Евгения. Ваша обитель не оставляется Промыслом Божиим, и не оставится, уделяя же нуждающимся свое излишество, сторицею оное воспримет.

Просящий Ваших святых молитв

недостойный Архимандрит Игнатий.

1853 года, января 9 дня.

[1] *О. строитель Череменецкий...* – В 1849 г. назначен строителем Череменецкого Иоанно-Богословского монастыря казначей Зеленецкого Троицкого монастыря иеромонах Иакинф. В мае 1853 г. по болезни перемещен в Троице-Сергиеву пустынь.

[2] *...монаха Евгения...* – Евфимий Кузьмин, из крестьян. В 1845 г. определен послушником Валаамского монастыря, в 1851 г. пострижен в монашество. В Черменецкую обитель перемещен не был. В 1854 г. в Валаамском монастыре рукоположен в иеродиакона и в 1855 г. посвящен в иеромонаха. Трижды командировался на флот. В память войны 1853–1856 гг. был награжден наперсным крестом на Владимирской и медалью на Андреевской ленте.

[3] *Череменецкая обитель* – Череменецкий Иоанно-Богословский мужской монастырь, на острове Череменецкого озера, в 20 верстах от города Луги. По преданию, основан в XV в., при великом князе Иоанне III. (Действующий: Ленинградская обл., Лужский район, Скребловская волость, Череменец.)

№ 23

Получено 8 марта 1853 года.

Ваше Высокопреподобие,
честнейший отец Игумен!

За отъездом моим в Устюжну[1] мною поручено было Г-ну Башуцкому посетить здешние монастыри и собрать материалы для статистического описания. По сей причине он был и в Валаамском монастыре; но, по возвращении своем, объявил мне, что Вы приняли на себя **собрать материалы**. Ныне, оставляя наш монастырь, он объявил мне о том же **письменно**. Описание почти всех прочих монастырей приведено к окончанию, а о Вашем нет еще и начала. Между тем Епархиальное начальство уже спрашивало меня в начале нынешнего года о том, в каком положении находится описание. Чтоб избежать могущих возникнуть неприятностей за медленное составление описания, я счел нужным предложить Вам, чтоб возложить это специально на иеродиакона Ефимия. В особенности надо, чтоб он, составляя описание, собрал все материалы в одно и по порядку, дабы я, приехав к Вам ныне летом, мог удобно их пересмотреть.

Прося Ваших святых молитв, имею честь быть навсегда
готовый ко услугам Вашим

недостойный Архимандрит Игнатий.
27 февраля 1853 года.

[1] *Устюжна* – Уездный город Новгородской губернии при реке Мологе. В 1851 г. в Новгородской епархии возникло следственное дело «по доносу священника Александра Ивановского о противозаконных действиях помещика Страхова, и по встречному доносу последнего на священника за подстрекательство будто бы им крестьян Страхова к неповиновению» (См. рукопись: Игнатий (Брянчанинов), Епископ Кавказский. Жизнеописание, сделанное неустановленным лицом. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. С. 146). Учитывая сложность этого дела, в качестве старшего депутата от духовенства в следственную комиссию был направлен настоятель Троице-

Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий. Когда он 17 июля прибыл на место, оказалось, что комиссия уже закончила расследование и отправила донесение в Петербург. Однако о. Игнатий, рассмотрев производство дела и сняв копию с журнала комиссии, составил свое мнение, в котором он признал неправильным сам план действий следствия, обнаружив явное желание оградить от преследования помещика Страхова и, наоборот, обвинить священника Ивановского. По приезде в С.-Петербург архимандрит Игнатий представил к рассмотрению в Святейшем Синоде подробную записку с доказательством своих положений. Эта записка «была доложена Государю Обер-прокурором Синода, и новая следственная комиссия в 1852 г., по Высочайшему повелению, при участии архимандрита Игнатия как старшего депутата с духовной стороны, открыла истину свершившихся фактов и утвердила справедливость выводов и обвинений, сделанных архимандритом Игнатием на действия первой комиссии...» (Там же. С. 147).

№ 24

Ваше Высокопреподобие,
честнейший отец Игумен Дамаскин!

В сих строках продолжаю мою беседу с Вами, начатую в святой обители Вашей. По приезде моем в Санкт-Петербург, был я у Его Высокопреосвященства Митрополита Никанора. Он хотя ничего не сказал определенного относительно помещения. С моей стороны, намерение мое оставить настоятельство, к принятию которого я вынужден был необходимостию, есть намерение решительное. Остаток дней моих желал бы провести в Валаамской обители; только в случае невозможности поместиться в ней имею в виду Оптину Пустыню[1]. Последняя представляет больше выгод в материальном отношении: там климат гораздо благорастворённее, овощи и плоды очень сильны и в большем количестве, но Валаам имеет бесценную выгоду глубокого уединения. Сверх того, сухие и теплые келлии (так как я из келлии выхожу только в хорошие летние дни, а весною, осению и зимою почти вовсе не выхожу) могут и в материальном отношении много облегчить для меня пребывание на Валаамском острове.

Посему, предоставив Самому Единому Господу исполнить во благих желание раба Его устроить мою судьбу по святой Его воле, с моей стороны считаю существеннейшею необходимостию для благого начала и окончания этого дела войти в предварительное объяснение и соглашение с Вами, отец Игумен. Как лично я Вам говорил, так и теперь повторяю, что всё доброе, всё душеполезное, которое по милости Божией может произойти от сего начинания, вполне зависит от нашего единодушия о Господе, то есть единодушия Вашего и моего. Господь, сказавший

Своим ученикам в окончательные минуты Своего земного странствования: *Мир Мой даю вам, мир Мой оставляю вам*[2], силен и нам даровать Свой мир, если мы будем учениками Его, стремясь исполнить Его волю, а не свою. На сем камени мира, который сам утверждается на камени заповедей Христовых, основываясь, имею честь представить на благоусмотрение Ваше следующие мои рассуждения.

Во-первых, скажу Вам, что из всех известных мне настоятелей по образу мыслей и по взгляду на монашество, также по естественным способностям, более всех прочих мне нравитесь Вы. К тому надо присовокупить, что по отношениям служебным как я Вам, так и Вы мне давно известны. Сверх того, я убежден, что Вы не ищете никакого возвышения, соединенного, разумеется, с перемещением в другой монастырь, но остаетесь верным Валаамской обители, доколе Сам Господь восхощет продлить дни Ваши. Далее: как я выше сказал, по моей болезненности долговременной и сообразно ей сделанному навыку, я выхожу из келлии только в лучшие летние дни, а в сырую и холодную погоду пребываю в ней неисходно, то по сему самому жительство в Скиту было бы для меня более сродным и удобным. Самая тишина Скита, в которой навсегда воспрещен вход женскому полу[3], совершенно соответствует требованию моего здоровья и душевному настроению. Скит защищен отовсюду древами от ветров: это бы дало мне возможность поработывать хотя в летние дни, что существенно нужно по моему геморроидальному расположению; на ветру же я не способен трудиться, потому что при малейшем движении от крайней слабости покрываюсь испариной и подвергаюсь простуде. При Вашей опытности, Вам понятно, что вслед за помещением моим в Скит, многие захотят в оный поместиться. Следовательно, если Вам внушит Господь расположение поместить меня в Скит, то необходимо Вам снизойти немощи моей и, может быть, и других, подобных мне немощию. Испытав себя, я убедился, что одною растительною пищею я поддерживать сил моих не в состоянии, делаюсь способным только лежать в расслаблении. И Вы, конечно, замечаете, что и братия, в настоящее время живущие в Скиту, отягощаются такою малопитательною пищею[4], и к обеду наиболее приходят в монастырь. Удобное прежнему крепкому поколению соделалось неудобным для настоящего немощного поколения. Поелику же Вам небезызвестно, что суббота, пост и прочие внешние подвиги и наблюдения установлены для них, то не заблагорас-

судите ли ввести в Скит Валаамский постановления Оптинскаго Скита, основательность которых и благоразумная сообразность с немощию настоящего поколения доказывается тем, что Оптин Скит изобилует избраннейшим братством, весьма много способствующим и цветущему благосостоянию Скита и самого монастыря. Это избранное братство состоит из нескольких Настоятелей, живущих на покое, и из нескольких лиц образованного светского круга. Будучи слабее телосложением, нежели простолюдины, они не способны к сильным телесным трудам и подвигам, зато способнее к подвигу душевному и к занятиям, требующим умственного развития. Вам известно, что святыми Отцами подвиг иного судится по тому, что он имел в миру и к чему он перешел, вступая в монашество; по этому расчету лица вышеупомянутые, живущие в Оптином Скиту, перешли к большему лишению, нежели те, которые в монастыре имеют, пожалуй, пищу и одежду лучше, нежели какие они имели в миру. Так же Вам известно, что Отцы древнего Скита Египетского не считали уже того подвига подвигом, о котором узнавали люди, и оставляли этот подвиг, вменяя его в грех (патерик Скитский, в статье о Сисое Великом[5]). Так думали и поступали святые Отцы, желая приносить себя в жертву всецело Богу, а не человекоугодию и тщеславию. С сожалением я увидел, что некоторые журналы провозгласили печатно о строгости поста в Валаамском Скиту и решительную противуположность Евангелию, которое повелевает, чтоб пост и прочие подвиги благочестия совершались не только втайне (Мф. 6. 4), но и были скрываемы со всевозможною тщательностию. <...>[6] Св. Василий Великий[7] и, согласно с ним, другие св. Отцы утверждают, что если и нужно нам было иметь расслабленные тела, то таковыми сотворил бы их Бог; почему они заповедают меру поста именно таковую, какая необходима для обуздания плотских страстей, которая вместе с тем не расстроивала бы тех, но сохраняла их способными к исполнению заповедей Христовых или, проще сказать, к послушаниям и подвигам бдения, молитвы и коленопреклонений, к чему расслабленные тела окончательно не способны. Все сие предлагаю, возлюбленнейший Отец, на рассуждение Ваше, дабы Вы и подвиглись к нисхождению моей немощи и подобных мне немощию. Если нынешняя братия Валаамского Скита, состоящая единственно из простолюдинов, не в состоянии поддерживать силы свои исключительно растительною пищею и для укрепления сил своих стремится к трапезе мона-

стырской, то для истощенного моего телосложения и для телосложения людей неясного воспитания питание одною растительною пищею вполне не возможно.

Сначала и в Оптином Скиту ревность учредителей его устремлялась было к особенному строгому посту, но, усмотрев, что при такой строгости Скит должен остаться без братии, она смягчилась и дала устав для пищи более доступный, впрочем, все еще гораздо более строгий, нежели устав о пище, положенный церковию для схимника, живущего в монастыре. Однако, несмотря на таковое смягчение, мало, очень мало было охотников из многочисленнего братства Оптиной Пустыни для жительства в Скиту. Когда прибыл туда старец иеросхимонах Леонид[8] с несколькими учениками своими и настоятель предал ему Скит в духовное управление, тогда Скит начал населяться, и населяться преимущественно людьми некрепкого телосложения, искавшими спокойствия и уединения. Число живших в нем братии простиралось до 30 человек. Всему этому, и к состоянию Скита до прибытия о. Леонида и к состоянию его по прибытии Старца, я был очевидцем. Старец распростер благотворное влияние на самый Монастырь, поддерживая братию в расположении к настоятелю, укрепляя их в душевных бранях. Такое обилие окормления удвоило число братства в самом Монастыре и потому возвысило в нем порядок и привлекло в оный значительные пожертвования, при помощи которых Монастырь отстроился и, сверх того, обеспечил свое содержание. Потому говорю я Вам так подробно о Оптинском Ските, что цветущее его состояние и происшедшее от него благоустройство самаго монастыря — суть факты, а факты составляют самое верное доказательство.

Что же касается до самого общежития, то есть самого монастыря Валаамского, то я нахожу настоящее его устройство первым в России, далеко высшим знаменитых общежитий — Белобережского, Площанского, Софрониевского, даже Оптинского и Саровского[9]: потому что в этих монастырях, гораздо более близких к миру, иноки имеют несравненно более средств сноситься с миром, заводить с ним связи, иметь свое и тем отделяться от общего тела общежития. Общежитие Валаамское должно оставаться надолго в настоящем его виде: оно необходимо для натур дебелых, долженствующих многим телесным трудом с телесным смирением, косно, как выражается святой Иоанн Пророк, ученик Великого Варсонофия[10], войти в духовное, или, по крайней мере, душевное делание[11]. В материальном отноше-

нии братия Валаамского монастыря снабжены несравненно обильнее вышеупомянутых общежитий и одеждою, и пищею. В Пасху там братия не кушают такой ухи, какую кушают валаамские иноки в обыкновенный недельный день, также и одеждою братия Валаамского общежития снабжены гораздо удовлетворительнее, нежели братия означенных общежитий. Начертав пред Вами состояние Валаамского монастыря и Скита, какими они представляются моим взорам — взорам, впрочем, очевидца их — я перехожу теперь к начертанию моего грешного и недостойного лица пред сими святыми обителями. Вам известна моя немощь — мое происхождение и нежность воспитания. Для них принятие и того устава, который и Вам предлагаю по образцу Скита Оптина, есть уже великий подвиг и распятие. Предпринятие чего-либо большего превышает мое соображение. «Да не в смятении и отсечении житие твое,— говорит Преподобный Исаак Сирский[12] в 80-м слове,— и за вожделение мала труда да не останешься и престанеши от всего течения твоего. Яждь умеренно, яко да не всегда еси, и да не простреши ноги твоей выше силы, да не отнюдь празднен будеши».

За сим не угодно ли будет Вам обратить внимание на главу 36-ю иноков Каллиста и Игнатия[13] (Добротолюбие. Часть 2). «О рассуждении»[14], положенную ими сряду — после изложения телесных подвигов и уставопищия, подобающих безмолвствующим. Надо заметить, что овощи и плоды средней России несравенно сильнее северных, и произведения южной России столько же сильнее среднеполосных; плоды же и овощи Цареграда и Афона, где жили святые Каллист и Игнатий, равняются питательною силою рыбе северных краев и даже превосходят ее. «Тело немощное, — сказал св. Исаак Сирский в 85-м Слове,— егда понудиши на дела многша силы его, помрачение на помрачение в душу твою и смущение тем паче наносиши»[15]. Все сие предствляя на благоусмотрение Ваше, прошу Вас снизойти моей немощи и единодушных со мною братии, которым подвигов общежития не понести и которые могут понести подвиг скитский, по растворении его благоразумною умеренностию. Тем более, кажется, настоящего случая не должно упускать, что всячески, по прошествии непродолжительного времени, должно же будет учинить упомянутое снисхождение и изменение в уставопищии скитском, иначе никто не будет жить в Скиту. Стали немощны, Батюшка! Притом, как я выше сказал, устав Оптинскаго Скита «О пище» строже положенно-

го Церковию для схимника. Так, когда положено уставом употребление рыбы, она поставляется на трапезе; кажется, в течение сорока дней в году разрешается на сыр и яйца, масло скоромное и молоко. Как в Валаамском общежитии не употребляется молоко, то и в Скиту не должно вводить его; а прочее всё полезно бы ввести как для пользы телесной, так и для пользы душевной: ибо и св. Иоанн Лествичник вкушал от всего, дозволеннаго чину иноческому, с целию избежать душевных страстей тщеславия, мнения о себе, человекоугодия, тайноядения, лицемерства, лукавства, лжи, которые часто являются у подвижников по плоти и соделывают для них духовное преуспеяние решительно невозможным; Бог является простоте и смирению, и нельзя соединить служение Ему со служением славе человеческой.

Чувствую себя, по приезде в свой монастырь, столько же немощным, как чувствовал в бытность мою в святой обители Вашей. Но при удалении моем от должности и при перемещении в уединение Вашего Скита, может быть, по особенной милости Божией, дастся мне время на покаяние и я потянусь несколько годов. В таком случае Валаамский Скит может понаселиться расположенными ко мне иноками, как населился Оптин при пришествии туда о. Леонида.

На сие письмо мое покорнейше прошу ответа Вашего, сообразно ему буду заботиться о дальнейшем устроении сего дела. С понедельника думаю отправиться в Ладожский монастырь недели на три.

Вашего Высокопреподобия всепокорнейший послушник

подлинное подписал, Архимандрит Игнатий.

25 сентября 1855.

[1] *Оптина Пустынь* — Свято-Введенская Оптина Пустынь находится в четырех верстах от г. Козельска, на правом берегу реки Жиздры. Основание обители относится к концу XIV — началу XV в. По преданию, обитель основал покаявшийся разбойник Опта, нареченный в монашестве Макарием, почему ее называли еще Макарьевской. Первые документальные свидетельства монастырской жизни относятся к началу XVII в. Вплоть до первой половины XIX в. Оптина была одной из многих, ничем особенным не выделяющихся, бедных пустынек России. В пору изъятия церковных земель, по недостатку средств, она была оставлена за штатом, с трудом выжила и стала потихоньку укрепляться лишь с конца XVIII в., когда на нужды ее обратил внимание Преосвященный Платон (Левшин), Митрополит Московский и Калужский (1732–1812), поручивший архимандриту Макарию Брюшкову, настоятелю Песношского монастыря (1788–1811), привести Пустынь в порядок. Истинное

предназначение Оптиной открылось, когда в 1821 г. епископ Калужский Филарет (Амфитеатров, впоследствии Митрополит Киевский, 1779–1857) основал скит во имя св. Иоанна Предтечи, куда были приглашены из рославльских лесов первые оптинские старцы: Моисей и его брат Антоний. В 1829 г. к ним присоединился старец Леонид (Наголкин; в схиме Лев). Так начался период духовного расцвета Оптиной Пустыни. Старчество сформировало особый строй внутренней жизни монастыря и обусловило великое мировоззренческое влияние обители на русский народ и русскую культуру. Ныне действующий Ставропигиальный монастырь, Свято-Введенская Оптина Пустынь. Калужская обл., вблизи города Козельска.

[2] Ин. 14. 27.

[3] *...навсегда воспрещен вход женскому полу...* — Из правила девятого — «О приходящих в Скит богомольцах» устава Скита неусыпаемых (Всех Святых): «Женскаго же полу, как отцу Игумену, или без него кто монастырем управлять будет, никогда в Скит входу не позволять» (Устав Скита Всех Святых на острове Валаам. АВМ. Ф. 5. Оп. 1. С. 10–11).

[4] *...малопитательною пищею...* — Из правила четвертого — «О трапезе братской» устава Скита неусыпаемых (Всех Святых): «Трапеза в Скиту да будет всем общая и навсегда постная; рыбы и скоромного и молошного ничтоже да поставляется...» (Устав Скита Всех Святых на острове Валаам. АВМ. Ф. 5. Оп. 1. С. 5).

[5] *Преподобный Сисой Великий* († 429) был монахом-отшельником, подвизался в Египетской пустыне в пещере, освященной молитвенными трудами его предшественника — преподобного Антония Великого (память 17 января ст. ст.).

[6] Пропуск оригинала.

[7] *Святитель Василий Великий*, Архиепископ Кесарии Каппадокийской (ок. 330–379) — великий учитель Вселенской Церкви. Память 1 января ст. ст. и 30 января ст. ст. (в Соборе Трех Вселенских учителей).

[8] Об отце Леониде (Наголкине) см.: Т. 2. С. 7–11, 14–16.

[9] *...знаменитых общежитий — Белобережского, Площанского, Софрониевского, даже Оптинского и Саровского...* — Белобережская Иоанно-Предтеченская пустынь — в Брянском уезде Орловской губернии; Казанская Богородицкая Площанская пустынь — в Севском уезде Орловской губернии; Путивльская Софрониева пустынь — в Путивльском уезде Курской губернии; Оптина Введенская Пустынь — в Калужской губернии; Саровская Успенская пустынь — в Темниковском уезде Тамбовской губернии.

[10] *...святой Иоанн Пророк, ученик Великого Варсонофия...* — Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн Пророк жили в VI в., в царствование императора Юстиниана I (483–565). Они подвизались в монастыре аввы Серида в Палестине, близ города Газы. Память 6 февраля ст. ст.

[11] См.: Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. М.: Правило веры, 1995.

[12] *Преподобный Исаак Сирин,* епископ Ниневийский, жил в VII в. Вместе со своим братом поступил в монастырь Мар-Матфея. Ученость и высокий подвижнический образ жизни выделяли братьев, и им предлагали начальствование над монастырем. Преподобный Исаак, не желая этого и стремясь к безмолвию, ушел из монастыря в затвор. Брат его не раз убеждал его вернуться в обитель, но преподобный не соглашался. Однако когда слава о святой жизни преподобного Исаака распространилась повсюду, он был воз-

веден на епископскую кафедру города Ниневии. Видя грубые нравы жителей этого города, преподобный чувствовал, что не в силах исправить их, и, кроме того, тосковал по тишине отшельнической жизни. Все это тяготило святого мужа, и он, оставив епископство, удалился в скитскую пустыню. Здесь он жил до самой смерти, достигнув высокого духовного совершенства. Память 28 января ст. ст.

[13] *Каллист Патриарх и сподвижник его Игнатий* – Святитель Каллист II, известный под именем Каллиста Ксанфопула, подвизался в монастыре Ксанфопулов на Святой Горе Афон (по-видимому, в обители Пантократора). В 1397 г. был возведен на Патриарший престол и святительствовал при Мануиле Палеологе (1391–1425). Оставив управление Константинопольской Церковью, удалился на безмолвие. Вместе со своим сподвижником Игнатием Ксанфопулом составил «Сто глав об умной молитве», помещенные во второй части славянского издания «Добротолюбия». По утверждению их современника, святителя Симеона Солунского, святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы были удостоены Божественного осияния, как апостолы на Фаворской горе. Лица их «казались блистающими солнцевидно».

[14] См.: Иноков Каллиста и Игнатия Ксанфопулов наставление безмолвствующим, в сотне глав // Добротолюбие. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1993. Т. 5. Гл. 36. С. 354.

[15] См.: Аввы Исаака Сирина Слова подвижнические. М.: Правило веры, 1993. С. 411.

№ 25

Его Высокопреподобию,
Благочинному монастырей отцу Архимандриту Игнатию

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший отец Архимандрит!

Простите Господа ради, что я так долго замедлил доставлением частно потребованной Вами копии с дела о протоиерее Петре Левашове[1]. Причина тому: во-первых та, что наш письмоводитель[2] (которому собственноручно надо было переписать это секретное дело) был в С.-Петербурге, а возвратившись недавно в обитель, он должен был заняться приготовлением срочных отчетностей и донесений, а также и других весьма нужных бумаг. Еще прошу у Вас, Батюшка, великодушного отеческого прощения в том, что так худо писано это дело: зная, что Вы давно велели доставить его к Вам, письмоводитель без памяти торопился писать, так что в одне сутки только кончил всю переписку пред последнею минутою отправления почты. Все, что мы здесь посылаем, составляет об Левашове дело, которое находится в монастырской канцелярии; не успели Вам еще списать несколько листов с других секретных бумаг, адресованных к покойным Государю Императору Николаю и Графу Протасову. С будущею почтою непременно представим Вам и эти, содер-

жание которых вряд ли знает и наш Владыка; Левашов мне однажды дал их прочитать, а я списал с них копии.

После Р. Х. мы узнали, что к Вам еще поступило от Митрополита дело по другому доносу старцев здешней обители: иеромонаха Моисея, иеросхидиакона Ионы, иеродиакона Иоасафа и монахов Иоиля и Иоакима[3]. Мне кажется, что все подписи в этом доносе сделаны монахом Иоакимом, посему не найдете ли вы, Батюшка, нужным придумать причину, по которой можно было бы удостовериться в подлинности или подложности этих подписей и в случае подлога известить об этом Митрополита.

Вашего Высокопреподобия покорный послушник

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь
9 февраля 1856 г.

[1] *...копии с дела о протоиерее Петре Левашове.* — Дело № 12. 1849–1857 гг. О назначении в сей монастырь под надзор протоиерея Петра Левашова // Архив Валаамского монастыря в Финляндии, в дальнейшем — АВМФ. Ea:13. О нем см. примеч. к письму архимандрита Игнатия № 30.

[2] *...наш письмоводитель* — иеродиакон Герман.

[3] *...доносу старцев здешней обители: иеромонаха Моисея, иеросхидиакона Ионы, иеродиакона Иоасафа и монахов Иоиля и Иоакима.* — О них см. примеч. к письмам № 30 и № 38.

№ 26

Его Высокопреподобию, Благочинному монастырей
отцу Архимандриту Игнатию

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший отец Архимандрит!

Спешу доставить Вам копии с посланий протоиерея Петра Левашова, об которых я имел честь писать Вашему Высокопреподобию по прошедшей почте, а прочия требуемыя Вами копии с других дел описываются[1] и в четверг будут готовы и непременно к Вам отправлены.

Простите, Господа ради, и не забывайте в ваших св. отеческих молитвах Валаамскую братию и меня, грешного, истинно сыновне преданного

покорнейшаго Вашего послушника

Недостойнаго игумена Дамаскина

Валаам 13 февраля 1856 г.

[1] *...копии с других дел описываются* — то есть копии с окончательных решений по делам о лейтенанте Кирееве, иером. Мефодии, послуш. Иване Рыжкове и др. См.: Дело № 44, 1844–1845 гг. О находившемся под надзором отставном лейтенанте флота Николае Кирееве // АВМФ. Еа:7; дело № 41, 1845–1846 гг. О поведении и поступках иеромонаха Мефодия // АВМФ. Еа:8.

№ 27

Получено 21 февраля 1856 г.

Первоклассного Спасо-Преображенскаго
Валаамскаго монастыря Игумену Дамаскину

Имея нужду видеть вввереннаго Вам монастыря схииеродиакона Иону и монаха Иоиля, для личных со мною объяснений, предлагаю вам выслать их ко мне в Сергиеву пустынь.

Благочинный монастырей

Архимандрит Игнатий
Февраля 14 дня 1856 г.

№ 28

Его Высокопреподобию, отцу Архимандриту Игнатию,
Благочинному монастырей

Ваше Высокопреподобие,
вожделеннейший наш Батюшка, Отец Архимандрит!

В надежде на Вашу совершенно отеческую любовь к нашей св. обители я еще осмеливаюсь безпокоить Вас сим письмом, сообщая Вам сведения, которыя Вашему Высокопреподобию, может быть, пригодятся для пользы покровительствуемого Вами Валаамскаго монастыря. На днях посетив многих из братии, вместе с тем посетил я также и больничных, в числе которых находится и известный Вам старец схииеродиакон Иона[1].

Зная, что он подписан в известном Вам доносе, поданном Графу Орлову, я сердечно пожалел о таком грехе о. Ионы, тем более что этот 80-летний старец уже очень близок к смерти. Это чувство родило у меня мысль привести его к сознанию и раскаянию в этом его преступлении и таким образом хотя пред смертию разрешить его совесть, но он в осторожном с моей стороны разговоре об этом предмете тут же сказал мне, что ему и на ум никогда не приходило участвовать или подписываться в каком-либо доносе на меня. Посему неизвестно, кто составил и подписал этот донос, который есть плод семян, посеянных Левашовым.

Батюшка! На прошедшей почте получено в монастырь прилагаемое при сем в подлиннике письмо, по почерку на куверте, узнав, что оно написано хитрейшим врагом Валаамской обители[2], я, подозревая его коварство, в этот раз, против моего обыкновения, распечатал это письмо, и что же? Подозрение мое действительно оправдалось, как Вы сами можете видеть из приложенного письма. Верно, не без воли Божией мне пришло на ум распечать оное!

Много Вам труда и хлопот о нас! Один лишь милосердый Господь, помогающий Вам в этих подвигах, может достойно воздать Вам за это; мы же и слов не находим возблагодарить Вашу святую любовь.

Прося Ваших отеческих молитв мне, грешному, с сыновней преданностию честь имею пребыть

Вашего Высокопреподобия,
милостивейшаго Отца
покорнейшим послушником

Игумен Дамаскин
Валаам
20 февр. 1856 г.

[1] *...старец схииеродиакон Иона.* — О нем см. примеч. к письму архимандрита Игнатия № 30.

[2] *...написано хитрейшим врагом Валаамской обители...* — Речь идет об иеродиаконе Иоасафе. См. примеч. к письму архимандрита Игнатия № 30.

№ 29

Его Высокопреподобию,
Благочинному монастырей С.-Петербургской Епархии
отцу Архимандриту Игнатию

Рапорт.

Имею честь донести Вашему Высокопреподобию, что вследствие предписания Вашего от 14 текущаго февраля за № 70-м, 22-го числа сего же месяца Валаамскаго монастыря монах Иоиль с билетом, выданным ему от меня того же числа сроком на семь дней, из обители отпущен для следования к вашему Высокопреподобию; а схииеродиакон Иона объявил мне, что он по болезни и старости ехать в Троицкую Сергиеву Пустынь не может. Действительность причин, побудивших схииеродиакона Иону отказаться от исполнения требования Вашего Высокопреподобия, и я долгом считаю засвидетельствовать пред Вашим Высокопреподобием.

Февраля 24 дня 1856 года.

№ 30

Получено 3 марта 1856 года.

О секретном[1]

Ваше Высокопреподобие,

письмо Ваше и при оном замаскированное письмо иеродиакона Иоасафа[2] я получил. Письмо иеродиакона представлено мною Его Высокопреосвященству[3], так как оный иеродиакон подал Его Высокопреосвященству репорт, в коем он объясняет, что письма, или прошения, к графу Орлову[4] он отнюдь не подписывал, и если под оным прошением подписано его имя, то оно подписано другим лицом, а не им, Иоасафом, что он показывает по священству.

Постарайтесь выслать все лица, мною требуемые, по личному приказанию Его Высокопреосвященства. Если же, паче чаяния, схииеродиакон Иона[5] не может приехать, то пришлите ко мне его репорт с тем, что он словесно Вам объяснял, на имя Его Высокопреосвященства для доставления Архипастырю, по обету схимонашескому и священства. Но несравненно лучше, если б Вы могли схииеродиакона прислать ко мне: ибо, как видно, на одне слова этих людей, движимых лукавством и прочими душевными страстями, полагаться невозможно, так как иеродиакон Иоасаф сперва подал вышеупомянутый репорт Его Высокопреосвященству, а потом уже писал письмо[6] к Левашову[7], что видно из содержания документов и чисел их.

Надзор за перепискою, в особенности сомнительных лиц, имейте неослабно, на что Вы уполномочиваетесь Валаамским Уставом.

Испрашивающий Ваших молитв

Благочинный Архимандрит Игнатий.

26 февраля 1856 года.

[1] *О секретном* – секретная переписка 1856 г. была посвящена расследованию так называемого «Дела по доносам подначальных и некоторых братий». Предыстория событий, напомнивших о доносах и следствии конца 30-х гг., такова. В 1849 г. за «дерзость и распространение мыслей возмутительных против правительства и Государя» (Дело по доносам подначальных и некоторых братий. АВМ. Ф. 2. Оп. 4. Л. 80) в Валаамский монастырь бессрочно был прислан протоиерей Петр Левашов (обстоятельства его дела см. в примеч. № 7). Ожесточившийся, считающий себя несправедливо наказанным, о. Петр по прибытии на Валаам повел настоящую брань против игумена Дамаскина. Обладая способностью к убеждению, будучи человеком красноречивым и являясь в представлении своих единомышленников «мученически пострадавшим» (Л. 56), он собрал вокруг себя тех, кто был недово-

лен своим положением в монастыре, кто считал себя в чем-то обиженным, тех, кто не принимал строгостей Валаамского устава. В основном это были подначальные: разжалованный в рядовые арестант Николай Весела́го, перемещенный из Соловецкого монастыря; священник Авксентий Стратонович, попавший под надзор за нанесение увечий; иеродиакон Климент, сосланный на Валаам за пьянство и нерадение к церковной службе; иеродиакон Исаия — за пьянство и самовольную отлучку из монастыря и другие. Влияние этих «бунтовщиков», как называл их в своих донесениях о. Дамаскин, разливалось как смертоносный яд и на братию монастыря. В одном из прошений о. Дамаскин прямо заявлял, что «шайка самых искусных и закоснелых делателей зла, составившаяся из присланных сюда под надзор в течение последних шести лет, весьма повредила нравственность многих из живущих в монастыре» (Л. 79). В 1855 г., сочинив многостраничный донос, протоиерей Петр Левашов отправил его Высокопреосвященнейшему Никанору, Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому. В ноябре того же года в монастырь для расследования поданной ламентации прибыл игумен Аполлос — помощник благочинного монастырей о. Игнатия. Была опрошена братия, свой рапорт предоставил настоятель обители, донос был самым тщательным образом рассмотрен с фактической и юридической стороны, жалоба доносителей признана основанной на одних слухах и подозрениях, а сами доносчики попадали (согласно ст. 876 Свода законов, т. XV) в наказуемую категорию ябедников, затевающих тяжбы напрасно. Результаты докладывались епархиальному начальству. Ожидаемого доносчиками результата — перемещения игумена Дамаскина в другой монастырь под надзор — не произошло. Однако далее признания неосновательности поданной жалобы дело не подвинулось. Доносчики оставались в монастыре и «видя, что от высшего начальства донощику не сделано ни малейшего замечания, возомнили, что написанное в доносе совершенно начальством оправдано, а потому с большей смелостью стали развращать братство и вооружать оное противу монастырского начальства...» (Л. 79–80). Неизвестные лица, подписав очередной донос именами некоторых валаамских братий, отправили его графу Орлову (см. примеч. № 4), используя известность его как человека, отзывчивого на просьбы и жалобы и нередко входившего с различными предложениями в высшие инстанции. Рассмотрению обстоятельств этого послания и посвящено данное письмо.

[2] *Иеродиакон Иоасаф* — Его биографические данные не обнаружены. Во время работы следственной комиссии 1855 г. иеродиакон Иоасаф был одним из немногих, подавших жалобу на о. Дамаскина. Суть жалобы сводилась к обиде за найденные «года два тому назад, растворенным чулан свой и сломанными замки, как у дверей чулана, так и у двух сундуков, в которых находились каменотесные инструменты и разные вещи, и похищено полфунта чаю...» (Л. 5). Иеродиакон Иоасаф был одним из самых приближенных к о. Петру Левашову людей, о чем свидетельствует письмо, сохранившееся в Валаамском архиве.

[3] *...Его Высокопреосвященству...* — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Никанор (Клементьевский).

[4] *Граф Орлов* — Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809–1882), граф, тайный советник. С 1848 по 1852 г. состоял совестным судьей в С.-Петербурге. В 1862 г. избран Петербургским губернским предводителем дворянства.

[5] *Схииеродиакон Иона* — Иван Андрианов, из мещан. В 1822 г. пострижен в Валаамском монастыре, наречен Израилем. В 1828 г. рукоположен в иеродиакона. Пострижен в великую схиму в 1844 г.

[6] *...писал письмо...* – Письмо получено в монастыре 18 февраля 1856 г. вложенным в два конверта к разным адресатам, задержано настоятелем как присланное от подозрительного лица, вскрыто. Сделанная копия отправлена архимандриту Игнатию.

[7] *...к Левашову...* – Еще в 1828 г. протоиерей г. Бузука Оренбургской губернии о. Петр Левашов подал Царю послание, в котором описывал нравственное падение русского общества и требовал принятия срочных мер, грозя неминуемым Судом Божиим. Ответа не последовало. В 1848 г. о. Петр сочинил повторное послание, в котором вновь высказал мнение о бедственном положении дел в Российской Империи: «Всеавгустейший Монарх! Ещё раз приемлю дерзновение писать к Тебе... Отечество наше уже на пути, оплаканном пророком Иеремиею, мера нечестия переполнена...» Далее, обвиняя светские и духовные власти во многих прегрешениях, предупреждает Государя: «...не внимай советам льстивым; посади окрест престола твоего мужей верных и богобоящихся, а мужей таковых обрящешь, если сам будешь верен Господу, аще же ни, но ожесточишь сердце твое — Царство твое престанет быти в языке волий, приидет внезапу мятеж и низвращение подобно бури будет!!!» (Дело по доносам... АВМ. Ф. 2. Оп. 4. Л. 35–39). Неизвестно, дошло ли это послание до Императора Николая I. Протоиерей Левашов передал его через некоего «влиятельнейшего мужа». Спустя месяц о. Петр был вызван в Петербург. На него возложили епитимью, согласно которой он подпал под надзор и по собственному желанию выбрал местом жительства Валаамский монастырь. В предписании Высокопреосвященного Никанора игумену Дамаскину, полученном 5 февраля 1849 г., предлагалось «увещевать и убеждать его с кротостию духа, чтобы сознал и оставил свое заблуждение» (Дело протоиерея Левашова. АВМ. Ф. 2. Оп. 4. Л. 7). На протяжении нескольких лет о. Дамаскин, исполняя послушание докладывать каждую треть года о поведении поднадзорного, сообщал в 1853 г. о его «крайней дерзости и беспокойном характере» (Л. 13). В 1856 г. писал о том, что протоиерей Левашов «не оказывал никаких внешних дурных поступков, что же касается до внутреннего его состояния, то он и в настоящее время ещё одержим давно посетившим его недугом; т. к. не перестает судить о делах всех, даже высших светских и духовных властей, в которых он, как ослепленный крайней гордостию, видит только одну неправду и беззаконие...» (Л. 22). В 1857 г. протоиерей Петр Левашов был переведен под надзор в Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь.

№ 31

Получено 3 марта 1856 года.

По получении сего благоволите немедленно выслать ко мне вверенной управлению Вашему обители иеромонаха Моисея и монаха Иоакима для выслушивания справки по делу, касающемуся сих иноков.

Архимандрит Игнатий

Февраля 27 дня 1856 года.

№ 32

Получено 13 марта 1856 г.

Из репорта Вашего от 24 февраля за № 60 видно, что схиеродиакон Иона не может приехать в Сергиеву Пустынь для личных со мною объяснений по крайней его слабости и старости. Почему предписываю Вам самым секретным образом объявить схиеродиакону, что под просьбою к Графу Орлову на Епархиальное ведомство имеется его подпись, и ему как участнику в подаче сей просьбы следует объявить справку. Если, как Вы извещаете, схиеродиакон отказывается от своей подписи, то потребуйте от него по сему предмету репорт на имя Его Высокопреосвященства, по обету монашескому и священству, подпись же схиеродиакона Ионы должна быть засвидетельствована Духовником и другим благонадежным лицем из старшего братства.

Архимандрит Игнатий
Марта 2 дня 1856 года.

№ 33

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший о. Архимандрит!

Честь имею уведомить Вас, покуда партикулерно, что схиеродиакон Иона и монах Иоаким сего числа отправлены к вам, а иеромонах Моисей отказался по маленькой болезни, от которой, я думаю, скоро поправится, и тогда я объявлю ему, потому что он даже ко мне не явился в кельи. При сем нужным считаю представить Вам одно письмо, которое писанное к подозрительному и от подозрительного лица[1], я распечатал, прочитал и списал с него копию. Сейчас я вздумал прислать Вам и другое письмо от другого священника[2], бывшаго здесь под началом. Это последнее указывает, что я, грешный, никого из подначальных не обижал, всячески, сколько возможно, утешал, всякого увещавал оставить порочную жизнь, за которую они страдают.

Простите, Батюшка, и помолитесь о нас.

С сердечною к Вам сыновней преданностию

Вашего Высокопреподобия покорный послушник

Игумен Дамаскин
Валаам 5 марта 1856 г.

[1] *...писанное к подозрительному и от подозрительнаго лица...* — Письмо священника Николая Дмитриевского к протоиерею Петру Левашову.

Священник Николай Дмитриевский был прислан в Валаамский монастырь под начало 20 октября 1849 г. сроком на три месяца за пьянство.

[2] *...другого священника...* — Письмо священника Михаила Ярославского к игумену Дамаскину от 11 ноября 1855 г. Священник Михаил Ярославский прибыл в Валаамский монастырь под начало 22 января 1855 г. сроком на три месяца за пристрастие к пьянству. В частности, о. Михаил писал: «...думаю, что я никогда не могу забыть тех отеческих внушений, того сердоболия, того сердечнаго участия, которыми я пользовался от Вас, что одно уже так облегчало мое скорбное положение, что я почти не чувствовал тяготы его и мог в спокойствии духа возносить молитвы свои ко Господу и Его св. Угодникам. Мне и теперь памятны те сладостныя минуты духовнаго спокойствия и безмятежия, проведенныя мною под бдительным и неусыпным Вашим надзором; да будут они залогом будущих такоже духовно счастливых дней моих» (Дело № 56. Следствие, учиненное игумену Дамаскину по доносу некоторых братий. 1855–1857 гг.).

№ 34

Его Высокопреподобию
Благочинному монастырей С.-Петербургской Епархии
отцу Архимандриту Игнатию

Рапорт

Имею честь донести Вашему Высокопреподобию, что требуемыя Вами из Валаамской братии лица: иеромонах Моисей, схииеродиакон Иона и монах Иоаким с билетами, выданными от меня сроком на семь дней: первому от 8 числа за № 77, а последним от 5 числа марта за №№ 66 и 67, в те же числа мною из обители отправлены для следования к Вашему Высокопреподобию в Троицкую Сергиеву Пустынь.

Марта 8 дня 1856 г.

№ 35

О секретном

Честнейший отец Игумен!

Если Вы не отпустили еще художника Степанова[1] из Валаамского монастыря, то и не отпускайте до востребования. Здесь открыто, что он принадлежит к ревностнейшим сообщникам Левашова. Будьте к нему ласковы и постарайтесь отобрать от него как мою рукопись о Валаамском монастыре[2], так и всё, что он писал для Валаамского монастыря[3], расходуясь на счет сего монастыря. Но к отобранию надо приступить уже в то время, как получите предписание о его высылке.

Испрашивающий Ваших святых молитв

недостойный Архимандрит Игнатий.

1856 года 16 марта.

[1] *...художника Степанова...* — См. примеч. 3.

[2] *...мою рукопись о Валаамском монастыре...* — Известное сочинение архимандрита Игнатия «Валаамский монастырь»; впервые было опубликовано отдельным изданием в 1847 г. «Археологическое описание древностей Валаамского монастыря» составлялось в 1853 г. О какой из этих рукописей идет речь в письме, неизвестно.

[3] *...он писал для Валаамского монастыря...* — В эти годы игумен Дамаскин прилагает много труда для создания исторического описания Валаамской обители. Он откликается на предложение историка Соловьева С. В. собрать материалы в скандинавских архивах, редактирует сочинение Петра Васильевича Хавского — автора трудов по вопросам летосчисления, договаривается с Н. В. Елагиным, будущим составителем описания Валаамского монастыря издания 1864 г. Просит помочь многих образованных людей, проявлявших искренний интерес к Валааму. Возможно, часть такой работы с документами монастыря была поручена художнику Степанову.

№ 36

Ваше Высокопреподобие,
честнейший отец Игумен!

Управляющий Валаамскою часовнею[1] иеромонах Даниил[2] имеет отправить иеромонаха Моисея обратно в Валаамский монастырь.

Архимандрит Игнатий.
1856 года 20 марта.

[1] *...часовнею...* — См. примеч. к письму № 5.

[2] *Иеромонах Даниил* — Дмитрий Попов, из мещан. Пострижен в Валаамском монастыре 7 августа 1849 г. Исправлял должность келлиарха. Рукоположен в иеродиакона в 1850 г., посвящен в иеромонаха в 1852 г. Командировался на флот. В память войны 1853–1856 гг. награжден наперсным крестом на Владимирской и медалью на Андреевской ленте.

№ 37

Получено 24 марта 1856 года.

По личному приказанию Его Высокопреосвященства иеромонах Моисей, схииеродиакон Иона и монах Иоиль обращаются мною в Валаамский монастырь, а монах Иоаким оставлен до дальнейшаго относительно его распоряжения.

Архимандрит Игнатий
Марта 21 дня 1856 года.

№ 38

Получено 28 марта 1856 года.

Честнейший отец Игумен!

Означенные в Отношении иноки[1] оказали значительный успех в примирении своего духа вследствие сделанных им внушений. Потрудитесь с Вашей стороны поддержать такое их расположение.

Испрашивающий Ваших святых молитв

недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

22 марта.

[1] *Означенные в Отношении иноки...* — иеромонах Моисей, схииеродиакон Иона, монах Иоаким и монах Иоиль в начале марта 1856 г. были отправлены для следствия в Троицкую Сергиеву пустынь к архимандриту Игнатию. Монах Иоаким был «оставлен для дальнейшего относительно его распоряжения» (Дело по доносам... АВМ. Ф. 2. Оп. 4. Л. 68). Остальные вернулись в обитель.

№ 39

Получено 7 апреля 1856 года.

Конфиденциально

Ваше Высокопреподобие,

Валаамский отец Игумен Дамаскин!

Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнейший Митрополит, отдавая полную справедливость Вашим трудам по званию настоятеля Валаамского монастыря, в особенности в хозяйственном отношении, вместе с тем желает, чтоб духовное преуспеяние и мир в вверенной Вам обители паче и паче умножались. С сею целию Его Высокопреосвященству благоугодно приказать Вам следующее:

1. Чтоб, кроме Двунадесятых праздников и высокоторжественных дней, Вы служили в воскресные и значительные дни, так как с открытием пароходства[1] стечение публики в Валаамском монастыре очень возросло[2], да и самое поддержание усердия в братстве к молитве требует, чтоб настоятель подавал собою пример таковаго усердия по возможности частым служением[3].

2. Чтоб Вы, для сей же причины, по возможности часто были и в прочие дни недели, особливо в среду и пяток, у церковной службы, преимущественно же у Божественной Литургии.

3. Чтоб Вы ходили в братскую трапезу по крайней мере в праздничные и воскресные дни.

4. Чтоб для должности **старцев** Вы избирали монашествующие лица зрелых лет, а никак не молодых и не рясофорных послушников[4].

5. Чтоб Вы не держали оленя женского пола и других похотливых животных, которые этим свойством своим и его последствиями соблазняют братство[5].

На сие письмо мое покорнейше прошу почтить меня письменным ответом для представления оного Его Высокопреосвященству: таким образом ответ Ваш будет иметь характер обязательства пред Архипастырем в исполнении Вами его воли. Собственноручное письмо мое и конфиденциальность оного служат пред Вами доказательством милостивого внимания к Вам Его Высокопреосвященства и должны более и более поощрить Вас к полезным трудам для блага Валаамской обители, и нравственного и вещественного.

Благочинный монастырей Архимандрит Игнатий.
1856 года, марта 26 дня.

[1] *...с открытием пароходства...* — Первооткрывателем пароходного сообщения на Ладоге стал частный предприниматель Петр Николаевич Вышинский. В 1843 г. он пустил по маршруту Шлиссельбург — Коневец — Валаам — Сердоболь колесный пароход «Валаам», который, как имевший слишком медленный ход, был вскоре заменен на более быстрый «Петр Великий». В 1854 г. П. Н. Вышинский передал пароход г-ну Нобелю, отцу известного химика Альфреда Нобеля, владевшему механическим заводом в Петербурге. Дело семьи Нобелей в России потерпело банкротство в 1859 г. Пароход перешел во владение общества Северного пароходства. К тому времени на Ладожских линиях конкурировали Финское Ладожское общество и Компания Невского легкого пароходства. Лучшим пароходом у финнов был «Валамо», построенный в Англии в 1859 г., морской конструкции. Он принимал на борт до 280 человек.

[2] *...стечение публики в Валаамском монастыре очень возросло...* — Трудно установить точную цифру посетителей Валаама, так как основу их составляли береговые жители, добиравшиеся до островов на своих лодках и гостившие на Валааме не более трех дней. Что касается петербуржцев, то в «Предположении о учреждении пароходных сообщений по Ладожскому озеру» (СПб., 1842), в доказательство необычайной выгоды этого предприятия, сообщается, что «при всех неудобствах... на Валааме бывает в течение лета до 20 тысяч человек». Соответственно, с открытием пароходства эта цифра возрастала. В праздничные и особо торжественные дни, как, например, 28 июня (ст. ст.) — в день святых преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, в обители находилось до 4000 человек, а в приезд Государя Императора Александра Николаевича с Августейшим семейством в 1858 г. на пристани в монастырской бухте собралось не менее 6000 паломников.

[3] Игумен Дамаскин 1 октября 1856 г. писал Высокопреосвященнейшему Григорию (Постникову), возглавившему Санкт-Петербургскую митрополию,

поясняя причину несовершения им богослужений в некоторые «воскресные и значительные дни»: «...по принятому здесь местным Уставом столповому пению, совершаемому, как и чтение, неспешно, всенощные бдения с малыми вечернями, повечериями, их канонами и акафистами, в такие дни продолжаются 6, 7 и 8 часов, а обедни с молебнами 3 и 4 часа, так что из трапезы почти всегда выходят уже во 2 часу; между тем летом пароход с богомольцами на Валаам приходит по субботам в 1 часу, обратно же отправляется на другой день в 3 часу: по таким причинам, если бы я сам всегда совершал богослужения, то, не говоря уже о моей старости, слабости здоровья и усталости, я никогда не мог бы принимать богомольцев, сотнями приезжающих в обитель... Между тем принимать их у себя в келлии необходимо... для того, чтобы побеседовать о душевной пользе или, иногда, и о монастырских интересах...» (Дело по доносам... АВМ. Ф. 2. Оп. 4. Л. 76).

[4] *...а никак не молодых и не рясофорных послушников...* — Из рапорта игумена Дамаскина, поданного следователю игумену Аполлосу 19 ноября 1855 г.: «...всякому желающему спастися, а посему необходимо требующему руководства на пути спасения, назначал и назначаю старцев. Таковыми старцами первоначально были: духовник иеромонах Амфилохий (в схиме Антоний), монах Серапион (в схиме Серафим), монах Феофан (в схиме Феоктист) и монах Пахомий; по причине же слабости здоровья некоторых из них, а иных даже и крайней болезни, мною избраны другие, хотя, к сожалению, и не украшенные внешними сединами, но не менее нечуждые здравого учения, всегда поучающиеся в Отеческих книгах, сами внимательно жившие, и живущие под старцами, и посему могущие с помощию своих старцев о Бозе наставлять на добро смиренные души мною вверяемых им учеников... Чистота моего намерения видна и из того, что лучшие из вверенной мне братии во всех отношениях — это суть исключительно те, которые идут путем, Самим Богом предназначенным, путем средним, царским, путем старчества!» (Дело по доносам... АВМ. Ф. 2. Оп. 4. Л. 16–17).

[5] Северные олени водились на Валааме издавна. Не зная ружейного выстрела, не ведая опасности от людей, они, по воспоминаниям паломников, совершенно свободно чувствовали себя на островах. Впервые вопрос о заведении в монастыре «увеселительных животных» рассматривался на следствии 1855 г. В те годы по дорожкам нижнего сада разгуливали павлины, в искусственных прудах плавали лебеди, имелось также несколько лошаков (животное от осла и лошади) и «заморских свинок». Как докладывал о. Дамаскин в рапорте игумену Аполлосу: «Единственная цель заведения в монастыре этих животных была доставить некоторое невинное утешение братии» (Там же. Л. 20).

№ 40

Его Высокопреподобию Благочинному монастырей
отцу Архимандриту Игнатию

Ваше Высокопреподобие!

Приказания Высокопреосвященнейшаго нашего Владыки, объявленныя мне в письме Вашего Высокопреподобия от 26-го числа минувшаго марта, я принял совершенно за волю Божию и, будучи обязан безпрекословным послушанием к моему Архипа-

стырю, при помощи как Его Святительских, так и Ваших отеческих молитв, всеми силами постараюсь всегда исполнять оныя, а что можно было сделать в настоящее время, я уже исполнил; и покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие уверить нашего Архипастыря, что я, поощряемый Его истинно-отеческою милостию и вниманием ко мне, недостойному, для достижения единственной моей цели, т. е. для доставления вверенному мне братству всевозможных благ нравственных и вещественных, вменяю еще и более потрудиться, в моих же погрешностях и недостатках у ног Его Высокопреосвященства смиренно прошу заочного милостивейшего архипастырского прощения.

Прося Ваших св. молитв себе, грешному, и всей Валаамской братии, имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Игумен Дамаскин
Валаам, 12 апреля 1856 года.

№ 41

Благочинному монастырей Архимандриту Игнатию

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший и вселюбезнейший
Отец и Благодетель!

Благодаря Господа, по Вашему благословению и Вашими святыми молитвами, я благополучно русским берегом проехал в Валаамскую обитель и по прибытии сюда нашел здесь все по внешности спокойным.

Признаюсь откровенно, радовалось мое сердце при взгляде на монастыри С.-Петербургской епархии[1]. В каком все там отличном благоустройстве, и всем этим благоустройством они обязаны Вам. Благодарение Господу, под Вашим покровительством и распоряжением все цветет и плод приносит. Да вознаградит Вас Бог за Вашу многополезную деятельность.

Был я в обители Вашего помощника о. игумена Аполлоса. С каким удивительным тщанием и усердием построен у него новый дом для посетителей. Я не говорю только о его внешности, по которой он мог бы быть и в лучших улицах Столицы. Самое внутреннее расположение его комнат, их благоустройство во всех отношениях, прекраснейшее для проезжающих Начальственных особо, одним словом, все мне в них очень понравилось.

Отец Игумен говорил мне, что некоторые находят, будто построенный им дом очень велик и комнаты широки, потому он и предполагает перегородить комнаты. Весьма жаль. Это совершенно испортит все. Я, грешный, со своей стороны просил его подождать до приезда Вашего. Бога ради, Батюшка, поддержите его, Вы наш общий отец и благодетель.

Был в обители отца Игумена Израиля[2]. Какое там благоустройство, — не знаю, как и выразить, осталось только одно — благодарить Бога.

Проехал в Александросвирский монастырь. Отец архимандрит Павел принял меня очень ласково, ночевал в его келлиях. Он очень расположен к обители, предпринимает многое к ея улучшению. Монастырь из общежительного он сделал штатным. Не знаю, как ему Бог поможет. Обитель очень, очень поупустилась.

Долгом моим считаю поздравить Вас с днем Вашего Ангела. Я, грешный, и вся святая Валаамская братия, думаю, и все обители, Вами благоустроенныя, особенно в этот день пролили о Вас теплыя свои молитвы к Богу: да продлит Он жизнь Вашу для блага Святых обителей и для славы Имени Его Пресвятого, да даст Он Вам вся по сердцу Вашему и весь совет Ваш да исполнит!

Простите Господа ради, что я вдался в суждение о таких предметах, которые до меня не касаются; поверьте, все это происходило от искренняго к Вам расположения и сыновней преданности возлюбленному Отцу.

Имею честь поздравить Вас также и с наступающим праздником Рождества Христова и Новым годом.

С чувством глубокого уважения долг имею пребыть навсегда Вашего Высокопреподобия

Игумен Дамаскин

Валаамская обитель.
Декабря 20 дня 1856 года.

[1] *...на монастыри С.-Петербургской епархии.* — Эта поездка игумена Дамаскина по северным обителям, особенно посещение Старо-Ладожского монастыря, имела определенные цели. В 1856 г. игуменом Дамаскиным была предпринята попытка, увенчавшаяся в 1858 г. успехом, перенесения из Новой Ладоги Васильевского погоста на Предтеченский остров Валаамского архипелага старой деревянной церкви, построенной валаамскими иноками, спасавшимися от шведов в 1611 г. в Васильевском монастыре. Кроме того, игумен Дамаскин собирал древние иконы, колокола и другую церковную утварь, принадлежавшую валаамским инокам. «В 5 часов вечера приехали в Новою Ладогу

к купцу Луковицкому. 13-го числа в 9 утра отец Игумен изволил отправиться в церковь, отстояв обедню, и осмотрев церкви, коих две в летнем соборе, особенно обратил внимание на иконы Праотцов в верхнем ярусе, кои, как видно из записи, перевезены с Валаама во дни шведских нападений. Здесь же есть на колокольне колокол небольшой, это дар Бориса Годунова в Валаамскую обитель» (Поездки игумена Дамаскина в разные места 1849–1856 гг. // АВМ). См. письмо игумена Дамаскина № 61.

[2] *...отца Игумена Израиля.* — Игумен Островского Введенского монастыря в Новоладожском уезде, с 1859 г. — игумен Коневского монастыря. В книге «Православные русские обители» (СПб., 1910) на с. 189 приводятся сведения о монастыре: «Введенский монастырь расположен в 67 верстах от г. Новой Ладоги, на левом берегу реки Ояти. Когда и кем основана эта обитель, неизвестно: никаких сведений об этом не сохранилось. Но несомненно, что в XV веке монастырь уже существовал. В библиотеке обители сохранилась жалованная грамота Иоанна Грозного; следовательно, Островский монастырь был уже в это время известен в Москве и пользовался покровительством царей. Впрочем, до 1764 года он был приписан к Александро-Свирскому монастырю и лишь в этом году был сделан самостоятельным. Храмов два: в честь Введения и другой, двухэтажный: вверху в честь Богоявления и внизу в честь Преображения Господня. В этом последнем храме находятся могилы родителей преп. Александра Свирскаго: схимонаха Сергия и схимонахини Варвары».

№ 42

Получено 18 января 1857 года.

Ваше Высокопреподобие,
достопочтеннейший отец Игумен!

Приношу Вам искреннейшую признательность за поздравление меня, грешного, с Новым Годом, с которым равномерно и Вас поздравляю, желая Вам и вверенной Вам обители всех истинных благ. Я был весьма утешен Вашим дружеским письмом!

Для меня очень приятно, что Вы обозрели обители, находящиеся в Ладожском уезде[1]. И оне мало-помалу поправляются, по милости Божией, при тщании настоятелей. Новый дом в Николаевском монастыре[2] очень удался; внутренное его расположение, сделанное по моему убогому предначертанию, служит ясным доказательством, как важно в каждом здании внутренное расположение и какие оно доставляет удобства, что не всякий может понять при составлении плана, даже из архитекторов. Идея внутреннего расположения Николаевского дома похожа во многом на идею расположения Валаамской гостиницы[3]. Благодарю Вас за замечание о перегородках![4] Уже не в первый раз сбивают о. Аполлоса при этом строении. Оно воздвигнуто не без скорбей.

Весьма приятно было мне видеть о. Германа[5]. Мы побеседовали с ним, хотя весьма кратко, но о весьма важных предметах

и удовлетворительно. Надо, чтоб и прочие иноки Валаамские, при посвящении во Иеродиаконы и Иеромонахи, посещали меня. А то по делу, недавно поднятому Протоиереем Левашовым[6], упоминался Ионафан[7]; а я совершенно Ионафана не знаю, и потому ничего не мог сказать в его защиту.

Беседовал я 26 декабря о Вас с Обер-прокурором[8] и весьма порадовался его расположению к Вам. Вся наша жизнь так испещрена: то скорбь, то радость. Недаром прозорливый старец Иаков облек сына своего, долженствовавшего предуспеть в духовной жизни, пестрою одеждою.

Поручая себя Вашим святым молитвам с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Арх<имандрит> Игнатий.
1857 года, 12 января.

[1] *...Обители, находящиеся в Ладожском уезде.* — В начале зимы 1856 г. игумен Дамаскин, возвращаясь из С.-Петербурга на Валаам, проехал «русским берегом» Ладоги и посетил Старо-Ладожский Николаевский монастырь, в 13 верстах от города Новой Ладоги, на левом берегу реки Волхова; Островский Введенский монастырь на реке Ояти; Александро-Свирский монастырь в Олонецком уезде, вблизи р. Свири. См. письмо № 41.

[2] *Новый дом в Николаевском монастыре...* — Трехэтажный, каменный, крытый железом корпус, длиной до 13 сажен, шириной до 7 сажен. В верхнем этаже — библиотека, школа и жилые помещения; в нижнем — хозяйственные службы, кладовые. Дом устроен по Высочайше утвержденному плану на деньги благотворителей.

[3] *...Валаамской гостиницы.* — Монастырская гостиница на Валааме была открыта для богомольцев в 1852 г. Над проектом работал выдающийся русский архитектор А. М. Горностаев. В соответствии с замыслом, это двухэтажное неоштукатуренное здание рассчитано на сто номеров, в самом строгом стиле и с умеренными пропорциями. Высота келлий не более 4 аршин, широкая парадная лестница, просторные коридоры. Впоследствии, в 1874 г., к гостинице были пристроены два флигеля ещё на сто номеров, с двумя трапезными для женщин, банею и ретирадами; здание было оштукатурено. В 1900 г. надстроен третий этаж.

[4] *Благодарю Вас за замечание о перегородках!* — См. Письмо № 41.

[5] *О. Герман* — иеродиакон Герман. Из дворян Бессарабской области (Георгий Якиманди). Учился в С.-Петербургском Университете, по собственному прошению был уволен. В 1847 г. поступил в Валаамский монастырь. Переписывал бумаги, правил должность помощника эконома, затем был определен на должность монастырского письмоводителя. Пострижен в монашество в 1854 г.

[6] *...по делу, недавно поднятому протоиереем Левашовым...* — См. письма 1856 года.

[7] *...Ионафан...* — иеромонах Ионафан (Иван Дмитриев). Родился в Москве в 1816 г. Сирота, на попечении бедных родственников. Был отдан в Москов-

ский Воспитательный дом. Окончил ремесленную школу в ведении Императорского Человеколюбивого общества и был выпущен подмастерьем слесарно-механического цеха. Трудился на Петербургском Механическом заводе Берда и Старо-Чугунном заводе. В 1847 г. приехал на Валаам паломником и остался навсегда. С 1850 г. — штатный послушник; в 1851 г. — рясофорный монах; в 1852 г. назначен старцем для новоначальных; в 1854 г. пострижен в монашество; в 1855 г. — иеродиакон и в том же году посвящен в иеромонаха; с 1856 г. исполняет послушание казначея; в 1877 г. избран наместником монастыря. После кончины игумена Дамаскина, последовавшей 23 января 1881 г., Указом Святейшего Синода от 18 июля 1881 г. возведен на открывшуюся вакансию, посвящен в сан игумена и награжден палицею. Управлял Валаамским монастырем 10 лет. Во время его настоятельства на Валааме начато строительство нового Спасо-Преображенского собора. За 10 лет (1886–1896) был построен храм — вместительный, отвечающий потребностям богослужения на Валааме, своим архитектурным решением соответствующий значимости Валаамского монастыря — «Северного Афона». Внезапная болезнь и кончина, наступившая 20 января 1891 г., не дали о. Ионафану завершить строительство. Окончил работы по отделке внутреннего убранства Спасо-Преображенского собора следующий настоятель Валаама, игумен о. Гавриил (Гаврилов). Подробное жизнеописание о. Ионафана II (Дмитриева) содержится в издании Валаамского монастыря 1893 г.: «Настоятель Валаамского монастыря игумен Ионафан» и в изданном в 2001 г. Спасо-Преображенским Валаамским монастырем и издательством «Паломникъ» «Валаамском Патерике» (М., 2001. С. 83–108).

[8] *Обер-прокурор* Святейшего Правительствующего Синода граф Алексей Петрович Толстой. Занимал эту должность с 1856 по 1862 г. См.: о нем: Т. 2. С. 682–694.

№ 43

Благочинному Архимандриту Игнатию

Ваше Высокопреподобие,

всечестнейший и достоуважаемый отец Архимандрит!

Простите Бога ради, что так долго я замедлил уведомить Ваше Высокопреподобие о получении мною устава вверенного мне Валаамскаго монастыря, который Вы изволили препроводить ко мне через иеромонаха Германа.

Покорнейше прошу принять всеусердное поздравление с наступающею Св. Четыредесятницею, долгом моим считаю молить Господа, чтобы Он сподобил Вас в добром здравии течение поста совершить и в радости поклониться Св. Воскресению.

Поручаю себя и Обитель под кров святых молитв Ваших, долг имею пребыть навсегда

Вашего Высокопреподобия, всечестнейшаго Отца

Игумен Дамаскин

13 февраля 1857 года.

№ 44

Получено 23 февраля 1857 года.

Ваше Высокопреподобие,
честнейший отец Игумен!

Вверенной мне обители послушник Платон Яновский[1], из придворных певчих, имеющий диплом регента, имел несчастие подвергнуться пьянственной страсти. Дело сделалось вот как: сначала он поступил к нам в обитель из капеллы, потом придворные уговорили его поступить в регенты к Князю Барятинскому на Кавказ[2], где он и научился пить. Возвратившись к нам в монастырь, он не может поправиться, хотя и имеет желание, по причине множества соблазнов, коими окружена наша обитель. Я советовал ему для решительного исправления испытать себя в Валаамской обители. Обдумав сей совет мой, Яновский подал мне письмо, при сем прилагаемое. Из этого письма Вы можете увидеть, что Платон человек умненький и имеющий монашеское направление. Когда он не пьян, тогда бывает весьма кроток и благопокорлив. Не отриньте этой души, ищущей исцеления от своей греховной язвы в Вашей святой обители.

Если Вы согласны его принять, то я пришлю его к Вам с полугодичным паспортом; в таком случае потрудитесь меня уведомить.

Поручающий себя Вашим святым молитвам
Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.
1857 года, 15 февраля.

[1] *...Платон Яновский...* — О нем см.: Т. 2. С. 353–354.

[2] *...Князю Барятинскому на Кавказ...* — Князь Барятинский Александр Иванович (1814–1879). Герой Кавказских войн, кавалер орденов св. Георгия 4, 3, 2 степеней и ордена апостола Андрея Первозванного с мечами.

№ 45

Его Высокопреподобию, отцу Архимандриту Игнатию,
Троицко-Сергиевой Пустыни настоятелю и кавалеру

Ваше Высокопреподобие,
всечестнейший отец Архимандрит!

Некоторыя лица из вверенной мне братии и из находящихся здесь под надзором своим примером и советами стремятся ниспровергнуть все святое в обители. Побуждаемый моим долгом хра-

нить ненарушимость устава монастырского и преданий Отеческих, я вынужденным нашелся просить Епархиальное Начальство удалить отсюда этих носителей зла и нечестия в братстве.

В продолжение стольких лет управления моего Валаамским монастырем, опытно утвердившись, как бдительно Ваше Высокопреподобие изволите пещись о пользе вверенных Вашему благочинию монастырей, зная при том, как важны для нас во всяких нуждах помощь и покровительство Вашего Высокопреподобия, я прямым делом моим считаю и в настоящем случае объяснить Вашему Высокопреподобию содержание посланных от меня к Епархиальному Начальству донесений касательно удаления отсюда некоторых лиц и вместе с тем нижайше просить: благоволите, всечестнейший отец Архимандрит, Вашим предстательством поддержать, как и всегда, истинную пользу монастыря, которая в настоящее время необходимо требует очистить обитель от внутренних врагов ея.

Эти враги ея следующие:

Первый – виновник всех зол и смущений в братстве протоиерей Петр Левашов. Из первого доноса Вашему Высокопреподобию вполне известны его гибельный взор на вещи и высшая степень его возмутительности и ненависти ко мне, почему я излишним считаю описывать здесь вред, причиняемый им Валаамскому братству, так как описал я это Его Высокопреосвященству. Важность пользы удаления его отсюда Вашему Высокопреподобию очевидны, и Вы сами изволите знать, что пока Левашов находится в стенах обители, она не может вполне успокоиться.

Второй – перемещенный сюда из Соловецкой обители по Высочайшему повелению арестант, разжалованный в рядовые Николай Веселаго[1]. Этот человек – духа крайне возмутительного, жизни вольной, образа мыслей безнравственнаго, почему и словом, и примером в высшей степени вредит братству. Одна только черта, представленная мною на вид и епархиальному Начальству, что он на монастырском дворе громко ругал меня заочно разбойником и другими площадными словами и грозил мне показать, что он не Киреев, потому только, что ему было отказано мною в выдаче вина до опьянения; одна только эта черта может ясно представить Вашему Высокопреподобию буйство характера Веселаго, степень его непомерно дерзкого духа и всю опасность для обители от его здесь пребывания.

Третий – священник Авксентий Стратонович, присланный в монастырь до решения о нем дела, начавшагося по

причине увечья, нанесеннаго им чрез оружейный выстрел одной женщине, помешавшей ему совершить плотский грех. Этот человек, назначенный в клиросные труды, вовсе ничего не делает, только шляется по лесу и ловит птиц, в церковь почти никогда не ходит, в праздники и в будни поет мирския песни, разговоры ведет везде самые безнравственные и возмутительные, на замечания мои отвечает крайними грубостями и дерзостями, утверждает, что жить хорошо вовсе невозможно и что поэтому жития Святых — выдумки. Как вреден и гибелен этот взгляд священника-семинариста для малообразованного Валаамского братства? Как сильно этот человек может не только колебать, но даже и вовсе подорвать основы нравственности в братиях, не успевших утвердиться в духовном разуме? Это вполне понятно.

Четвертый — иеродиакон Климент, находящийся в явной дружбе с протоиереем Левашовым, даже просившийся у меня к нему на дух, что одно только ясно очерчивает крайнее его ожесточение, когда ему объявлено, что с Левашовым нельзя иметь сношения ни братиям, ни посетителям монастыря. Кроме того, иеродиакон Климент, ложно ссылаясь на болезнь, не занимается вовсе ни священнослужением, ни другими какими послушаниями, целый день ходит по лесу, будучи в совершенной праздности, едва раз в году бывает на исповеди и у св. Причастия, на увещания мои отвечает непомерными дерзостями, почему увещавать его я вовсе не в силах.

Пятый и шестой — монахи Иоиль и Флавиан, оба в высшей степени дерзкие и грубые, живущие в совершенной праздности, ближайшие сковники протоиерея Левашова, увещавать которых к исправлению, по причине явнаго их ожесточения, а последняго — и крайних дерзостей, вовсе невозможно.

И наконец — седьмой — иеродиакон Исаия, запрещенный в священнослужении и ношении монашескаго одеяния за самовольную отлучку из монастыря, также приверженец Левашова.

Все эти лица составляют одну шайку, разливающую свой яд на всю обитель. Со временем наведения в обители следствия по последнему доносу, наглость их и неуважение ко мне весьма увеличились: они полагают, что пункты этого доноса найдены резонными Епархиальным Начальством, почему явно говорят, что я буду сослан под начал. В лукавыя их сети падают слабохарактерные люди, при малых искушениях, неизбежных в иноческой жизни: и зло видимо сильно разливается.

Явная необходимость требует вывести их всех отсюда, что может, с помощию Божиею, молитвами Вашего Высокопреподобия, возстановить надлежащий порядок в монастыре.

В случае же невозможности удалить Левашова и Веселаго, как заключенных в обитель по Высочайшему повелению, я надеюсь, что и удаление Стратоновича, Климента, Исайи, Иоиля и Флавиана принесет много нравственной пользы монастырю, ибо и оно послужит лучшим уроком для тех, которые, слушая их увещаний, по-видимому, хотят идти их путем.

Об удалении Левашова и Веселаго я неоднократно репортами просил Епархиальное Начальство, об удалении Стратоновича и Климента репортами от 15 текущаго февраля просил Духовную Консисторию и об удалении их всех вообще секретным письмом от того же 15-го февраля просил Его Высокопреосвященство, прописав в надлежащей подробности все вышеизложенное.

Ваше Высокопреподобие, всечестнейший отец Архимандрит, отец и благодетель Валаамскаго монастыря, окажите, всепокорнейше прошу, Ваше содействие к водворению должной тишины в обители, доселе Вами хранимой и Вашими заботами возведенной на высокую степень благоустройства, приимите на себя труд походатайствовать об удалении отсюда ненавистников всякаго порядка и тлителей всего святаго и великаго в монастыре.

В несомненной надежде, что Вашим заступлением водворит Господь мир и спокойствие на Валааме, всепокорнейше прося Ваших святых молитв мне с братиею, долгом моим считаю пребыть

Вашего Высокопреподобия,
Всечестнейшаго моего отца и благодетеля
нижайшим послушником

Игумен Дамаскин
16 февраля 1857 года.

[1] *...разжалованный в рядовые Николай Веселаго* — отставной рядовой. 5 декабря 1854 г. перемещен из арестантов Соловецкого монастыря в Валаамский монастырь на бессрочное содержание. Осужден по Высочайшему повелению за ревностное участие в защите Соловецкого монастыря. В прошении Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому от 20 сентября 1859 г. игумен Дамаскин о бесчинствах в святой обители подначальных и поведении Веселаго сообщал: «Разжалованный в рядовые Николай Веселаго на монастырском дворе при братиях во все горло ругает Настоятеля самыми ужасными ругательствами; грозит зарезаться или утопиться, если его не выпустят

из монастыря; отличается безнравственностию и вольнодумством» (Дело № 47, 1859 г. По прошению Настоятеля об освобождении Валаамского монастыря от помещения в нем людей подначальных // Архив Валаамского монастыря в Финляндии. Еа:35. Л. 3).

№ 46

Его Высокопреподобию,
отцу Архимандриту Игнатию,
Троицкой Сергиевой Пустыни настоятелю и кавалеру

Ваше Высокопреподобие,
многоуважаемый и возлюбленнейший благодетель,
всечестный отец Архимандрит!

На днях отец Казначей сообщил мне, что препровожденное мною к Его Высокопреосвященству секретное письмо об удалении из вверенной мне обители некоторых зловредных бунтовщиков, по промыслу Божию, передано Владыкою для мнения Вашему Высокопреподобию.

Сердечно радуюсь и благодарю Господа, что дело такой важности находится в благодетельных руках Вашего Высокопреподобия. В продолжение стольких лет многократно видя все отеческое попечение Вашего Высокопреподобия о благе вверенных Вашему управлению монастырей, дерзаю уповать, что и ныне через Вас даровито изольются милости от Господа на Валаамскую обитель.

Смею уверить Ваше Высокопреподобие, что эти волки страшно терзают обитель, все хорошее и благое стараются ниспровергнуть и всех возмутить. Эти люди совершенно неисправимы, на минуту они оказывают как будто раскаяние и потом снова принимаются за прежнее, как, например, монах Иоиль. По отъезде его в прошедшем году из Сергиевой Пустыни, Вы изволили писать мне, что он послушался Ваших увещаний, но, Ваше Высокопреподобие, это он сделал коварно, ибо по возвращении на Валаам он хвастал пред своими единомышленниками, что так хорошо успел обмануть Ваше Высокопреподобие, что Вы даже дали ему Ваш экипаж съездить к его родственникам в Красное село. Точно так же в день своего приезда он меня просил о перемещении его в скит, будто бы с намерением удалиться от Левашова и других бунтовщиков, между тем тогда же почти всю ночь провел в беседе с ними в келлии Левашова.

Отправленный к Вам сего числа монах Флавиан еще хитрее Иоиля, дерзость же и возмутительность его духа и границ не имеют.

С нынешнею почтою препровождены мною к Вашему Высокопреподобию три рапорта: об отправлении монаха Флавиана, другой о перемещении отсюда монаха Иоиля и третий о таковом же перемещении иеродиакона Климента.

Этот последний хорошо известен Вашему Высокопреподобию, он на днях выехал с монахом Флавианом. Он, монах Иоиль, Флавиан, священник Стратонович, иеродиакон Исаия и глава их Левашов составляют нераздельную шайку. В их ежедневных и продолжительных собраниях одна беседа: как бы хитрее сложить донос на монастырское начальство и как бы кого уловить в свои сети.

Ваше Высокопреподобие, поверьте, что покуда этот народ будет в стенах Валаамской обители, она никак не может успокоиться. Поэтому моему сердцу очень прискорбно, что на рапорте моем о перемещении отсюда иеродиакона Климента, как частно уведомил меня о том отец Казначей, последовала следующая резолюция, утвержденная Его Высокопреосвященством: «Иеродиакона Климента лишить священнослужения, при старшей братии в исправлении нравственности взять с него подписку и об этом исправлении доносить Благочинному монастырей С.-Петербургской епархии».

Всепокорнейше прошу Вас, Батюшка, покуда указ о Клименте не пришел в обитель, благоволите оказать содействие об его изменении. Вам известно, что иеродиакон Климент и без запрещения лет восемь уже вовсе не занимается священнослужением и не проходит никаких послушаний и что притом взятие с него означенной подписки только более ожесточит его и принесет более вреда для святой обители, но вовсе не побудит его к исправлению.

Смею подтвердить, Ваше Высокопреподобие, что от вышеупомянутых лиц на Валааме ожидать исправления вовсе нельзя, они все до крайности ожесточены. Необходимость и польза обители требуют их удаления. Потому я всепокорнейше прошу Вас, батюшка, благоволите очистить Валаамскую ниву от этих страшных плевел, могущих заглушить всю пшеницу.

Поручая себя и обитель благотворному и многопопечительному предстательству Вашего Высокопреподобия, с нелестным чувством сыновней преданности и глубокого уважения долгом имею пребыть навсегда

Вашим всепокорнейшим послушником.

Игумен Дамаскин
18 апреля 1857 года.

№ 47

Благочинному Архимандриту Игнатию

Возлюбленный наш Батюшка,
всечестнейший и многоуважаемый о. Архимандрит!
Незабвенный наш Благодетель!

По последней почте получен у нас указ С.-Петербургской Духовной Консистории о перемещении отсюда иеродиакона Климента. С душевною радостию видя в этом перемещении начало очищения Обители от ея врагов и зная, что мы этим **обязаны Вам**, мы недоумеваем, как Вас и благодарить. Мы радуемся, только видя начало жатвы, и дерзаем уповать, что содействием Вашим Господь совершенно окончит ее.

Двадцать лет почти тому назад, как Вы очистили Валаамскую ниву от плевел[1]. Ныне оне опять возросли и пагубнее прежних. Умоляем Вас, возлюбленнейший Батюшка, для счастия Обители довершите Ваши труды. Если Вами не удалит Господь отсюда тлителей, то нам и не от кого ожидать помощи: с глубокою горестию сердца должны мы будем видеть конечное разорение нравственного порядка в монастыре, дорогаго плода Ваших многолетних отеческих попечений. Умоляем же Вас, возлюбленнейший Батюшка, сохраните Валаам!

С совершенною сыновнею преданностию, поручая себя и всю Обитель под кров святых молитв Ваших, долг имею пребыть

Милостивейшаго Отца и Благодетеля
покорнейшим послушником

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь, 12 мая 1857 года.

[1] *...очистили Валаамскую ниву от плевел.* — См. примеч. к письму свт. Игнатия № 2.

№ 48

Получено 30 мая 1857 года.

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший отец Игумен!

Почтеннейшие письма Ваши я имел честь получить, но останавливался некоторое время отвечать на них, ожидая, какие будут последствия той значительной переписки, которая возбуждена подначальными Вашими. Теперь эти последствия обнаружились[1]. Плодом их должно быть успокоение Валаамской оби-

тели и устранение присылки в оную подначальных. Желаю Вам воспользоваться даруемою Божиим Промыслом тишиною для нравственнаго преуспеяния вверенного братства Вашему наставлению и блюдению. Валаамский монастырь есть один из первейших монастырей не только в России, но и во всем мире, по удобствам своим к иноческой жизни. По служебным отношениям моим к сей обители я считал моею священною обязанностию охранять сие иноческое святилище. Таковые чувства мои к Валаамской обители и понятия мои о ней сообщаю всем, кому должно и полезно иметь о ней правильное понятие.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.

1857 года, 24 мая.

P. S. Приложенное письмецо благоволите отдать по адресу.

[1] *...эти последствия обнаружились.* — По всеподданнейшему докладу шефа жандармов князя В. А. Долгорукова Государь Император Александр Николаевич повелел отправить находившегося под строгим надзором в Валаамском монастыре протоиерея Петра Левашова в Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь. Предписание было получено в монастыре 1 июня, и на следующий день Петр Левашов покинул Валаам. 8 июня из монастыря был выведен другой известный подначальный — Николай Веселаго. Таким образом, затеянная подначальными борьба с о. Дамаскиным закончилась освобождением Валаамской обители от всех лиц, содержавшихся под надзором. Это произошло в 1859 г., когда острова покинули последние из находившихся под надзором.

№ 49

Благочинному Архимандриту Игнатию

Достолюбезнейший Батюшка!

Многоуважаемый наш Благодетель!

Простите, Господа ради, что опять обезпокоиваю Вас извещением о смутах в нашей Обители. Что делать? Покуда бунтовщики находятся на месте святем, нельзя ожидать спокойствия.

Третьяго дня известный Вашему Высокопреподобию разжалованный в рядовые арестант Николай Веселаго самыми площадными словами ругал меня в присутствии Келлиарха монаха Иринея[1] и помощника Эконома рясофорного послушника Павла Пятакова[2], грозил, что он непременно зарежется или утопится, если его продержат этот год на Валааме, говорил, что

он давно до меня добирается, и требовал, чтобы все это передано было мне.

Надобно сказать, Батюшка, что дерзость Веселаго развивалась постепенно. Сначала он до известной степени удерживал себя, должно быть, потому, что ожидал хорошей от меня аттестации; так как он подавал разным особам прошения о своем перемещении отсюда и справедливо мог рассчитывать, что от меня потребуется запрос об его поведении.

Теперь же он недавно получил письмо от своего родного брата — Помощника Попечителя Казанского Учебного Округа с известием о неуспешном ходе его дела, должно быть, заключил, что этот неуспех зависит от невыгодного моего об нем отзыва, и поэтому теперь от него надо ожидать крайних зол. Можно утвердительно сказать, что буйством он едва ли не превзойдет Киреева.

Последняя его дерзость есть только начало. Судите, Батюшка, какой будет соблазн для Святой Обители, если только эта дерзость повторится при посетителях монастыря в летнее время? — Говорю, Батюшка, это только дерзость, а от него надо ожидать несравненно худшаго, если он здесь останется, ибо он крайне ожесточился. Сделайте милость, Батюшка, не дайте хода неистовой злобе, благоволите походатайствовать о скорейшем перемещении Всеселаго отсюда, о чем рапортом моим от сего же числа просил я Его Высокопреосвященство.

Еще, Батюшка. Священник Стратонович недавно говорил послушнику Назарию Быкову, что в прошедшем году человек сто смутил он описанием здешних монахов и монастырской жизни на Валааме, а в нынешнее лето постарается смутить еще больше.

От этого народа, Батюшка, ожидать хорошаго решительно ничего нельзя. Образ мыслей у них самый развращенный, язык в высшей степени ядовит, и они здесь имеют полную возможность беседовать с братиею и посетителями, и страшный яд их разливается по всем концам России, ибо отовсюду приезжают богомольцы на Валаам. В других монастырях они не в состоянии были бы приносить столько вреда обществу, сколько с Валаама, и если бы потребовалось их здесь заключить, то здесь вовсе нет для того нужных укреплений.

Бога ради, Батюшка, ради преподобных Сергия и Германа, поспешите вырвать ядовитыя растения из почвы Валаамской.

Прося Ваших святых молитв мне с братиею, поручая Святую Валаамскую обитель Вашему заступлению, с чувством искренняго сыновняго расположения есмь и пребуду навсегда

Вашим покорнейшим послушником
Игумен Дамаскин
25 мая 1857 года.

[1] ...*Келлиарха монаха Иринея* — монах Ириней (в миру Иларион Родионов), в схиме Иоанн; из крестьян Ярославской губернии, подвижник благочестия. Поступил в Валаамский монастырь в 1835 г., определен в послушники 27 февраля 1843 г. 6 августа 1847 г. был пострижен в монашество с именем Ириней. С полным самоотвержением и совершенным отречением своей воли нес он все тяжелые послушания: обрабатывал поля, убирал и молотил хлеб. В течение 28 лет он нес еще одно тяжелое послушание, совершая поездки по озеру в г. Сердоболь с почтой и по другим монастырским делам. В этих поездках его жизнь многократно подвергалась опасности. Был одним из первых жителей Предтеченского скита, где с благословения игумена Дамаскина предпринял великий подвиг молчания, в котором провел 14 лет. 13 августа 1870 г. пострижен в схиму с наречением имени Иоанн в честь Предтечи Господня, небесного покровителя скита. Мирно скончался 7 августа (20 августа нов. ст.) 1894 г. Тело схимонаха Иоанна было погребено на старом братском кладбище. Отличительной чертой отца Иоанна была живая, горячая вера в помощь Господа Бога и Его святых угодников.

[2] ...*рясофорного послушника Павла Пятакова* — иеродиакон Памво. Поступил в Валаамский монастырь 31 мая 1852 г. 6 февраля 1854 г. определен в послушники. 19 ноября 1861 г. пострижен в монашество. После разных послушаний около четырех лет занимался монастырской канцелярией, проходил послушание по письменной части при экономской службе и правил должность келаря. 16 декабря 1862 г. рукоположен во иеродиакона. Около 23 лет занимался по синодичной части. Состоял корреспондентом главной физической обсерватории и наблюдателем на метеорологической станции, учрежденной в 1876 г. иждивением обсерватории на Валааме. Скончался 27 ноября 1883 г. См.: Ведомости Валаамского монастыря за 1883 г. // АВМФ. Ва:46.

№ 50

Благочинному Архимандриту Игнатию

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший, всечестнейший и многоуважаемый наш Благодетель!

Благодарение Господу — двух из главнейших врагов Святой Обители более нет на Валааме!

Вследствие предписаний Высокопреосвященнейшаго Владыки протоиерей Петр Левашов 2 числа, а рядовой Николай Веселаго 8 числа текущаго месяца вывезены отсюда. Радость сердца нашего неизъяснима!

Сознавая вполне, что виновник нашей радости, виновник водворяемаго спокойствия в мирной Обители есть Ваше Высокопреподобие, мы недоумеваем, как благодарить любовь Вашу за полезные в высшей степени для Святой Обители хлопоты Ваши.

Глубоко чувствуя всю важность многотрудной и многополезной деятельности Вашей, мы святым долгом поставляем себе в грешных молитвах наших к Господу всегда со слезами благодарности поминать незабвенное Имя Ваше, возлюбленнейший о Господе наш Батюшка.

Такое обилие любви Вашей дает нам смелость обратиться к Вам еще с покорнейшею просьбою: сердечно желали бы мы издать новую Вашу рукопись о Валааме. Если бы Господь возвестил Вашему отеческому сердцу пожертвовать ее Святой Обители: Вы бы нас весьма утешили.

Для Обители это было бы полезно во всех отношениях. Первое сочинение Ваше об этом предмете имеет многих читателей, оно напечатано уже вторым изданием[1] и многих познакомило и привлекло на Валаам. Если первое Ваше сочинение, Батюшка, так многополезно для Святой Обители, то надо думать о втором? Поэтому мы и просим Вас о пожертвовании нам новой рукописи. Если можно, Батюшка, утешьте!

Простите нам, Господа ради, за дерзновенность и безстудие наше. Великая наша к Вам о Христе привязанность дает нам эту сыновнюю откровенность.

Примите, Батюшка, наше уверение в чувствах совершенной к Вам преданности, нелицемерной любви и глубочайшаго уважения, с которыми за великую радость считаю пребыть навсегда

Вашего Высокопреподобия
милостивейшаго Отца и Благодетеля
покорнейший послушник

Игумен Дамаскин

Валаам, июня 9 дня 1857 года.

[1] *...напечатано уже вторым изданием...* — Первое издание: Валаамский монастырь. Очерк. Отпечатан был в 1847 г. в типографии К. Крайя за подписью И.И.И. Второе издание — Валаамский монастырь. Очерк, в типографии Г. Трусова в 1856 г. См.: Библиография трудов святителя Игнатия и литературы о нем / Сост. Т.Н. Семенова // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 4. М.: Паломник, 2002. С. 654.

№ 51

Получено 13 июля 1857 года.

Ваше Высокопреподобие,
честнейший отец Игумен Дамаскин!

Как Вы изволите видеть из приложенного при сем отношения, его Высокопреосвященству[1] благоугодно было приказать мне, чтоб я вызвал Валаамского иеромонаха Германа[2] для личных объяснений. Дело заключается в том, что Владыка намерен поручить о. Герману немаловажное послушание, в котором он может быть особенно полезным и для Вас и для Валаамской Обители и для себя, пребыв в духовном сношении с Вами. Благословите ему беспрекословно покориться воли Владыки: ибо чрез Архипастыря Сам Господь устрояет к общему благу.

Испрашивающий Ваших святых молитв
Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.
1857 года 8 июля.
Сергиева Пустыня.

[1] *...его Высокопреосвященству...* — имеется в виду Митрополит Новгородский и С.-Петербургский Григорий (Георгий Петрович Постников). Родился в 1784 г. Образование получил в С.-Петербургой Духовной академии. Был епископом в Ревеле, Архиепископом в Рязани, в Твери и в Казани. На С.-Петербургскую кафедру возведен 1 октября 1856 г. Умер 17 июня 1860 г.

[2] *...Иеромонаха Германа...* — См. примеч. к письму № 42.

№ 52

Получено 12 октября 1857 года.

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший отец Игумен Дамаскин!

Г<оспо>жа Екатерина Михайловна Зеленая[1] просит моего ходатайства пред Вашим Высокопреподобием, дабы Вы благоволили принять в число указных послушников отпущенного ею на волю ее крепостного человека Илариона[2], так как сей Иларион, по случаю наступающей ревизии[3], если не будет причислен по духовному званию, должен приписаться в мещане, на что нужны деньги, которых Иларион не имеет.

Прося Вас исполнить просьбу Г<оспо>жи Зеленой, если такое исполнение не нарушает благочиния и благосостояния

Обители, также прошу почтить меня ответом на сие письмо мое.

Поручающий себя Вашим святым молитвам

недостойный Архимандрит Игнатий.

1857 года, 28 сентября.

[1] *Г[оспо]жа Екатерина Михайловна Зеленая...* — Сведения не обнаружены.

[2] *Крепостного человека Илариона...* — Сведения не обнаружены.

[3] *...наступающей ревизии...* — «Ревизия (от позднелат. *revisio* — пересмотр), в России XVIII–XIX вв. — перепись податного населения. Замена подворного обложения в первой четверти XVIII в. подушной податью потребовала персонального учета податных сословий (крестьян, мещан, купцов). Подобный учет получил название ревизия, то есть проверка, и проводился периодически по назначению Правительства. Единицей учета мужского населения стала «ревизская душа», которая в ходе ревизии вносилась в именные списки — ревизские сказки. Ревизии учитывали также и большую часть неподатного населения — духовенство, отставных солдат и других. Всей территории Российской Империи ревизии не охватывали, не проводились в Польше, Финляндии и Закавказье.

№ 53

Епископу Игнатию

Ваше Преосвященство,

Преосвященнейший Владыко и Архипастырь!

Благодарим Господа, сподобившаго Вас такого высокого сана; вполне радуемся все Вашему возвышению, хотя и прискорбно нам, что мы лишились в Вас нашего Ангела, столько лет бдительно хранившаго нашу Святую Обитель и осыпавшаго ее всеми благами.

Ваше Преосвященство, во веки незабвенный благодетель Валаама, со слезами живейшей радости и тихой грусти приносим Вам наше усердное поздравление и убедительнейше просим Святыню Вашу поминать нашу худость в молитвах Ваших и не оставлять покровительством Вашим Вами возсозданную Валаамскую обитель.

Желанием желал бы я лично припасть к Архипастырским стопам Вашего Преосвященства, испросить Архипастырского благословения всем нам и с любовию облобызать Вашу Святительскую десницу, но соблюдение формальности испрошения билета на отъезд, краткость пребывания Вашего в столице и даже самое время года лишают меня к такому всякой возможности.

Покоряясь необходимости, я, отец Казначей[1], все мы заочно припадаем к стопам Вашим и просим осенить нас и Обитель

Вашим благословением, возлюбленнейший наш Батюшка, дорогой наш Владыко.

Молим Вас: примите чистосердечное уверение в чувствах искреннейшей преданности и любви, с которыми за священнейший долг и за приятнейшую обязанность считаю пребыть навсегда

Вашего Преосвященства,
Преосвященнейшаго нашего Отца и благодетеля
покорные и любящие дети с братией

Игумен Дамаскин.
Ноября 4 дня 1957 года

[1] *...отец Казначей* — иеромонах Виктор. О нем см. примеч. к письму № 15.

№ 54

Получено 24 ноября 1857 года.

Ваше Высокопреподобие,
честнейший отец Игумен Дамаскин!

Приношу Вам искреннейшую признательность за поздравительное письмо Ваше и за благие желания Ваши мне, недостойному[1].

Милосердый Господь Бог да сохранит Вас и вверенное Вам братство в благочестии и добродетели.

Прошу Ваших и всего братства Вашего молитв, да служение мое Святой Церкви будет благоприятно Господу.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший послушник

Игнатий
Епископ Кавказский и Черноморский.
1857 года, ноября 16 дня.

[1] *... за поздравительное письмо Ваше и за благие желания Ваши мне, недостойному.* — 27 октября ст. стиля 1857 г. архимандрит Игнатий был возведен в сан Епископа Кавказского и Черноморского.

№ 55

Получено 20 августа 1858 года.

Ваше Высокопреподобие,
честнейший отец Игумен Дамаскин!

Благодарю Вас за воспоминание о мне, грешном, и уведомление о посещении Святой обители Валаамской Государем

с Государынею[1] и Великими Князьями, также о посещении оной Преосвященным Митрополитом Григорием[2]. Вы справедливо заметили, что этот Архипастырь очень смиренного и простосердечного залога. К нему есть милость Божия, что видно из его книги к раскольникам[3]: такой книги не написать без содействия благодати Божией. Уж очень основательна, проста и любовна. Конечно, Вы её имеете; а если не имеете, то купите и прочтите. И для братии Валаамской она будет очень полезна.

О себе скажу Вам, что поживаю по милости Божией довольно благополучно. Епархия новая[4]. Ничего еще нет. И Архиерей, и Консистория, и Семинария странствуют по квартирам. Домик себе строю деревянный, весьма небольшой и весьма удобный, при церкви; из комнат в церковь ход; пред церковию комната, именуемая моленною, с окошечком в церковь; можно Архиерею слушать все службы в моленной, отворив окошечко. Спасение к самым дверям моим пришло, как некогда пришло оно в лице Лазаря ко вратам богача[5]. Церковь с домиком моим находится посреди большого сада, в коем множество фруктовых дерев, вдали от шума, и весьма напоминает Оптин Скит[6]. Здесь нет обычая у жителей посещать Архиерея иначе, как в великие праздники утром для поздравления: почему я пользуюсь таким уединением, какового никогда не имел в Сергиевой Пустыне. 24 года без двух месяцев я прожил в Пустыне, но никак не мог к ней привыкнуть! Не могу нарадоваться, что из нее вышел. Поберегите Вашего нового благочинного[7]; с ним лучше будет, нежели со всеми другими: придирок от него не может быть, и монашество довольно понимает. Пред отъездом моим я советовал другое, и на мой совет соглашались; но по отъезде моем, послышу, вышло иначе. Что делать! Случившееся случилось не без мановения или попущения Божия. В наш век, как я заметил, редко когда удается какое монашеское или чисто христианское намерение. Отовсюду возникают препятствия! — Напротив того: театрам и другим подобным заведениям — сильнейший ход; также обиде или какому другому злому делу — отвсюду поспешество. Видно: попускается людям то, чего они желают, яко одаренным свободною волею, по учению Апостола (2 Сол. 2. 10–12). И здесь жатва обширная, но жнецы от жатвы удаляются, и серпы у них отнимаются[8]: по этой причине весьма мало магометан, коих здесь множество, обращается в христианство, весьма мало раскольников присоединяется к Церкви. Видно, Господу угодно, чтоб мы сами научались терпению, смирению, покорности воле Божией

и внимали бы более своему собственному спасению. Это я говорю относительно моего положения.

В настоящее время нахожусь в Кисловодске, где принимаю ванны из минеральной воды, именуемой нардзан. Вода в этом обильнейшем ключе кипит как бы от содового порошка. Воды в сутки ключ дает 1 200 000 ведр. В 40 верстах от Кисловодска находится город Пятигорск, где имеют до 36° Реомюра[9]. В Исинтукской Станице находятся щелочные воды (в 18 верстах от Пятигорска); несколько в сторону, на 20 верст, в Железноводске находятся обильные теплые и холодные железистые воды. В другую сторону, верстах в 18, находится Лысая гора, из которой бьет ключ горько-соленой воды, имеющей свойство превосходного слабительного. Иные из гор несколько похожи на Валаамские, но гораздо выше[10].

Ивана Григориевича[11] постриг в монашество, нарек Иустином и посвятил во иеромонаха. И прочим делаю, что могу: нажили монахи своего Архиерея. Впрочем, монашеское мудрование весьма помогает и к действию благому на белое духовенство, уничтожая между членами его дух сутяжничества и сварливости, водворяя мир и единение.

Здоровье мое несколько поправилось от употребления сперва серных теплых, потом щелочных умеренных и наконец прохладных и холодных ванн из нардзана. Но по свидетельству здешних опытных людей, невозможно получить полного исцеления в одно лето от закоренелой долговременной простуды, какова моя, сопряженной с сильным расслаблением, от нее происшедшим. Буди воля Божия! Один климат здешний уже служит врачеванием.

Затем позвольте пожелать Вам, честнейший отец Игумен, благоденствия и долгоденствия и прочих всех благ, временных и вечных. Передайте мой усерднейший поклон всей о Господе братии Вашей. Прошу у Вас и у братии святых молитв в подкрепление моих немощей душевных и телесных; если кого оскорбил, у того прошу прощения, и всем заочно земно кланяюсь.

Недостойный Епископ Игнатий.

21 июля 1858 года.

[1] *...о посещении Святой обители Валаамской Государем с Государынею...* — В день преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, 28 июня 1858 г., Государь Император Александр Николаевич с Августейшим семейством, возвращаясь из поездки по северным губерниям, прибыли на Валаам. В восемь часов утра пароходы «Александрия» и «Стрельна» вошли

в монастырскую бухту и остановились у пристани. На берегу Их Императорские Величества встречали не менее 6000 человек. Среди них Финляндский генерал-губернатор Ф. Ф. Берг, благочинный монастырей архимандрит Игнатий (Малышев), казначей обители иеромонах Виктор. На экипажах процессия отправилась к часовне Знамения Пресвятой Богородицы, которая установлена недалеко от Святых Врат, на монастырской горе, где Высочайшие особы были встречены игуменом Дамаскиным, священнослужителями и прочей монастырской братией. В верхнем храме Преображения Господня была отслужена Божественная литургия, в нижней церкви Сергия и Германа — молебен Преподобным. После завтрака в настоятельских келлиях Государь Император и его Августейшая семья отправились на монастырском катере на Никольский остров, затем заливами в Скит Всех Святых и сухим путем, на экипажах, вернулись в монастырь. Пройдя пешком на восток от монастыря, посетили пустыньки о. Назария и о. Николая. По возвращении в обитель зашли в братскую трапезную, простились с братией и в сопровождении настоятеля спустились на пристань. В 3 часа пополудни отбыли в С.-Петербург. Об этом: Русский художественный листок. 1858. № 25–36; 1859. № 1–2; также: Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 1889. С. 243–244.

[2] *...о посещении оной Преосвященным Митрополитом Григорием.* — Также в 1858 г., за десять дней до Высочайшего посещения, Валаамскую обитель посетил Высокопреосвященный Григорий Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Владыка пробыл на Валааме три дня: служил Божественную литургию, посещал скиты и пустыни. 20 июня утром Архипастырь отправился на Предтеченский остров, где совершил освящение храма во имя Пророка и Предтечи Господня Иоанна. В 3 часа пополудни, благословив братию и гостей, Митрополит Григорий отбыл в обратный путь. См.: Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 1889. С. 287.

[3] *Митрополит Григорий (Постников).* Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь. Изложение в отношении к глаголемому старообрядству. В 2-х ч. СПб., 1854.

[4] *Епархия новая.* — Кавказская и Черноморская епархия была открыта в 1843 г. Первым Епископом Кавказским и Черноморским был Преосвященный Иеремия (Соловьев).

[5] Ин. 11. 1–46.

[6] «С первого дня пребывания в Ставрополе владыка Игнатий ощутил все тяготы неустроенности вверенной ему кафедры. Ветхая хижина, именуемая Архиерейским домом, пожертвованная 14 лет назад купцом Волобуевым для приюта первого Ставропольского епископа Иеремии, к тому времени стала разрушаться. Поэтому Святитель первые полгода проживал на частной квартире, безвозмездно предоставленной г. Стасенковым. Архиерейскому дому принадлежала Андреевская церковь (без причта), находившаяся на окраине города. Само место, именуемое Воробьевкой, было весьма удобным и живописным...» (*Прот. Михаил Моздор.* Святитель Игнатий (Брянчанинов), Епископ Кавказский и Черноморский. Ставрополь, 1999. С. 36). На собранные пожертвования (чуть больше 4000 рублей) рядом с церковью был построен на каменном фундаменте небольшой деревянный дом.

[7] *...Вашего нового благочинного...* — архимандрит Игнатий (Малышев). О нем см.: Т. 2. С. 256–265.

[8] Ин. 4. 35–38; Лк. 10. 2.

[9] *36° Реомюра* — 45° Цельсия.

[10] Самая высокая точка Валаамского архипелага находится на острове Лембос — 58,2 м.

[11] *Ивана Григориевича...* — О нем см.: Т. 2. С. 265–277.

№ 56

Преосвященному Игнатию,
Епископу Кавказскому и Черноморскому

Ваше Преосвященство!

Преосвященнейший Владыко и многовозлюбленнейший Архипастырь!

Всегда с особенною душевною радостию вспоминаем мы о Вас, Святый Владыко. Под богомудрым направлением и отеческим покровом Вашего Преосвященства мы все истинно блаженствовали. Все обители Санкт-Петербургской епархии приснонезабвенными заботами Вашими достигли полного процветания. А теперь, что будет с обителями, Бог знает, но только начала очень не радостны. Конечно, нам не долго жить, но жаль монашество, жаль монастыри.

Со слезами искренней признательности поминая любовь Вашу о Христе, Святый Владыко, не можем не поделиться с Вами скорбию сердец наших. Истинно уверены, что в любвеобильном сердце Вашего Преосвященства не изгладилась память о нас, грешных, и святые интересы жизни нашей близки и в настоящее время заботливому об истинном благе монашества Боголюбию Вашему.

За первый год благочинническаго обзора отец архимандрит Игнатий[1], наш Благочинный, сделал весьма невыгодный отзыв Высокопреосвященнейшему о состоянии нашего клироса. «Нельзя также не сознаться,— писал в своем донесении отец архимандрит,— что существует ощутительный недостаток в клиросном братстве в монастыре Валаамском. Так, при весьма значительном количестве всех монашествующих, их едва находится на клиросах по несколько человек, кои в состоянии прочитать канон во время утренняго пения. Такая малограмотность Валаамских клирошан доказывает, как мало обращается Настоятелем внимания на этот важный предмет церковного Богослужения. Пение очень неудовлетворительно, между прочими недостатками его допускается погрешность двугласия... пение стихословий и чтение канона совершаются с великой поспешностью... при усиленнейшем внимании нет никакой возможности понять смысл стихословий, ни самого канона».

Вследствие такого донесения Указом Духовной Консистории мне предписано обратить особенное внимание на улучшение грамотности клирошан и на тщательное исполнение церковного устава.

Сколько времени находились мы под многопопечительным смотрением Вашего Преосвященства и ни разу не получали ни малейшего замечания о нашем церковном порядке, а теперь в первый год и с какой невыгодной стороны представлен Владыке этот порядок? И как преувеличенно. Как неестественно объяснены все недостатки по Церкви! Прискорбны такие отзывы сами по себе, но еще прискорбнее они особенно потому, что отец Благочинный, в бытность свою, ни слова не говорил о замеченном им мнимом непорядке. Если бы он мне сказал что-нибудь, можно было бы объяснить ему причины, и тогда, по крайней мере, он мог несколько смягчить тон своего донесения, а то его объяснение Высокопреосвященному — повторение слов однажды обозревавшаго наш монастырь архимандрита Иннокентия. Крайне прискорбно, многовозлюбленнейший Святый Владыко, что отец Благочинный — очи митрополита — так неопытно смотрит на пустынный монастырь. Чего можно ожидать Валааму от таких ревизоров, особенно при последовавшем в настоящее время указе Духовной Консистории, которым, согласно предложению, сделанному Его Высокопреосвященством Консистории, предписано, чтобы Настоятели в делах монастырского управления, требующих разрешения Епархиальнаго Начальства, обращались предварительно к Благочинному монастырей, который, по собрании потребных сведений, имеет входить с представлениями в Консисторию или к Его Высокопреосвященству с присовокуплением своего мнения. Такое предписание совершенно разобщает Настоятелей с митрополитом и дает необыкновенную важность Благочинному в ущерб власти Владыки. Неужели Настоятели могут так объяснять свои нужды новоначальному Благочинному, как опытному Архипастырю? И может ли судить основательно о нуждах монастырских человек, новый в управлении, и чего доброго можно надеяться от таких распоряжений, при таком воззрении отца Благочинного на монастыри, какое выказалось в донесении его об обзоре им монастырей в прошедшем году. Вам известно, Святый Владыко, моя цель — это именно сохранить на Валааме дух монашества. У нас мало людей, способных к клиросу, мало людей грамотных. Люди со способностями обыкновенно ищут яже века сего, они не пожелают жить в Валаамской пустыне. Из кого

же нам образовать клирос? Не нам удивлять пением. Неужели, Владыко, Вы меньше их знали, чего требовать от Валаама, а они уже такие многоопытныя, даже, простите, Бога ради, досадно. Что же еще предлагают, Ваше Преосвященство? Переменить пророческия песни, положенныя Церковным уставом, на краткие припевы Спасителю, Божией Матери или Святому, и даже уменьшить число стихов канона. Грустно, прискорбно, незабвенный Владыко, видеть зарю неустройства в обителях. Сердце сжимается при мысли о том, что будет далее?[2]

Простите великодушно, святый Владыко, что мы обезпокоиваем Святость Вашу нашим писанием. С кем поделиться, кто другой поймет скорби наши, а разделенное горе есть пол горя, Ваше Преосвященство. Осмеливаемся делиться горем нашим с Вами, Владыко, в той непоколебимой уверенности, что по обилию любви вашей к монашеству, Вы не забыли и нас, грешных обитателей пустынного Валаама.

Делясь по чувству глубокого уважения и о Христе любви нашим горем с Вами, Святый Владыко, спешим поделиться и радостями. Первая радость. Господь помог мне испросить разрешение от Его Высокопреосвященства, чтобы прекращена была командировка Валаамских иеромонахов на флот. Можно ли без крайняго душевного вреда пустынному, малоразвитому, общежительному монаху находиться большую часть года в шумном обществе разгульных флотских офицеров? Не на погибель ли души своей и не на соблазн ли святой братии привезет он с собой в монастырь воспоминание о ликах и песнях экипажа и денежную собственность? Впрочем, и против этаго прошения, одобренного Епархиальным Начальством частным образом, словесно возражает отец Благочинный.

Вторая наша радость. Вследствие посещения Валаама Его Величеством в прошедшем году, на днях Высочайше пожалованы золотые наперсные кресты из Кабинета Государя Императора мне и отцу Наместнику, бывшему нашему Казначею Виктору. Такие же наперсные кресты пожалованы и бывшему Коневскому игумену о. Амфилохию и тамошнему Казначею.

Простите, Бога ради, Святый Владыко, что и вдали мы безпокоим Вас, безпокоим потому, что истинно, всею душею любим Вас и во веки не забудем всех милостей и забот Ваших о пользах монастыря.

Осмеливаюсь представить при этом, Владыко, несколько книжечек описания двух Высочайших посещений Валаама

Александром Благословенным и Его Боговенчанным и Превознесенным Племянником и несколько эстампов[3] Высочайшаго поезда по монастырскому заливу.

Все припадаем к Святительским стопам Вашего Преосвященства, просим осенить нас всех и обитель Вашим Архипастырским благословением, от преисполненного к Вам сердечного расположения и глубокой признательности желаем Вам доброго здоровья, многих лет и душевного спасения, убедительнейше просим Ваших святых молитв и на веки пребудем

Вашего Преосвященства

милостивейшаго Архипастыря

преданные дети и нижайшие послушники со всею о Христе Валаамскою братиею

Игумен Дамаскин

P. S. Сегодня получено предписание от отца Благочинного, чтобы, по препровождаемой от него форме, доставить к нему ведомость из синодальных журналов с 1839 по 1859 года о всех суммах, поступивших за вечное поминовение в монастырь, вместе с книгами. Работа гигантская, 400 листов в массе, а Бог знает, Святый Владыко, что за цель?

Валаам

июня 14 дня 1859 года.

[1] *...архимандрит Игнатий...* — О нем см.: примеч. 7 на с. 237.

[2] *...что будет далее?* — 19 июля 1859 г. благочинный архимандрит Игнатий (Малышев) после обозрения им Валаамского монастыря писал братии: «С душевным утешением заметил я достодолжное внимание Ваше при пении и чтении Божественныя службы. В особенности отдаю полную справедливость за неспешное, ясное и благоговейное пение по клиросам на всенощном бдении, во-первых, псалмов 140-го и 141-го "Господи, воззвах" и "Гласом моим ко Господу воззвах", равно "Пророческих песней" между читаемыми стихами или тропарями канона; во-вторых, за таковое же чтение кафисм: первой, второй и третьей и всего канона; допущаемой прежде погрешности двугласия более не существует; канонарх и чтецы исполняли свой долг назидательно.

Во время Божественной литургии Символ веры и молитва Господня пропеты вами также весьма ясно и удовлетворительно.

Принеся мою искреннюю, душевную благодарность вам, о. наместник и клиросные отцы и братия, надеюсь, что исполняемая вами священная обязанность будет исполняться и на будущее время неупустительно.

Небезызвестно Вам, что таковым исполнением Вы, кроме собственнаго дущевнаго спасения, будете виновниками небеснаго мздовоздаяния многочисленных душ, жаждущих слышания Слова Божия. Сим исполнением вы оправдаете ожидания любвеобильнаго Архипастыря нашего и питаемую к вам доверенность попечительнаго вашего отца Настоятеля» (см.: *Онуфрий (Маханов), иеродиакон.* Причал молитв уединенных. СПб., 2005. С. 192).

[3] *...несколько книжечек... и несколько эстампов.* — См. примеч. к письму свт. Игнатия № 57.

№ 57

Получено 30 августа 1859 года.

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший о. Игумен!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминанье о мне, грешном, за присланные книжки и эстампы[1]. Прошу передать всей братии мой усерднейший поклон и прошение их святых молитв.

Прошлого лета я лечился на минеральных водах, а ныне купанием в море[2]. Лечение, правду сказать, болезни разворочало и много из внутренности выгнало в наружу, так что и теперь покрыт сыпью, но особенного исцеления и укрепления еще не чувствую. **Когда Богу угодно попустить какое-либо искушение, то от такого искушения ничем оборониться невозможно, кроме терпения**. Рассматривая свою немощь, часто рассуждаю: не Епархиею бы мне управлять, а где-нибудь в скромном уголке грехи свои оплакивать. Весьма бы рад к Вам на Валаам, но телесная немощь не понесет тамошнего климата. А место! — единственное. Мне Кавказ меньше нравится, несмотря на то, что горы несравненно выше, и иные из них необыкновенно красивы. Воды нет: это лишает полного изящества здешние ландшафты; да и камень в горах, известняк и песчанник, а не гранит.

Искренно желаю Вам и святой обители, чтоб скорби, попущаемые Богом, по Его же милости проносились мимо яко мимоходящие тучи; а без скорбей, как видится, не обойтись до самого гроба. Они Архиереев и Царей досягают. Кому попустятся, того везде найдут; в самые высокие хоромы проникнут; никакие замки, никакая стража их не удержат. Один Господь — наше прибежище и наш щит от скорбей.

Снова поручая себя Вашим святым молитвам и любви о Господе, имею честь быть навсегда

Ваш покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

26 июля 1859 года.

[1] *...за присланные книжки и эстампы.* — Игумен Дамаскин отправил владыке Игнатию книги о посещении Валаама Царствующими особами. Это: «Государь Император Александр I на Валааме в августе 1819 года», издана

в Царском Селе в 1858 г., 25 страниц, и «Посещение Валаама Государем Императором Александром Николаевичем и Августейшим Его Семейством 28 июня 1858 г. », издана в С.-Петербурге в 1859 г., 15 страниц. Также им было послано несколько эстампов с изображением «Высочайшего поезда по монастырскому заливу», художника П. И. Балашова.

[2] *...а ныне купанием в море.* — «В 1859 г. Преосвященный Игнатий выехал из Ставрополя для обозрения церквей Черноморья в начале мая и вернулся в начале августа; более длительная остановка была только в Тамани. За это время Епископом было посещено свыше 100 церквей, совершено 17 литургийных служений, проезд исчислен в 1866 верст...» (*Соколов.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. II. Примеч. к с. 242–243).

№ 58

Получено 28 сентября 1859 года.

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший отец Игумен Дамаскин!

Искреннейше благодарю Вас за письмо Ваше от 30 августа[1], за слово о святой обители Вашей и о прочих обителях, в благосостоянии которых принимаю живейшее участие, чем могу; сердцем: ибо в святых обителях жительствуют слуги и други Господа моего, ихже недостоин весь мир.

Сколько могу понимать из собственного опыта и из поведания искусных иноков, — не может человек, желающий благоугодить Богу, подвизаться тем подвигом, которым захотел бы человек тот подвизаться по собственному своему избранию: он должен подвизаться тем подвигом, который предоставит ему Бог, един видящий непогрешительно способности человека. Сам же человек смотрит на себя почти всегда ошибочно. Опять: во прохождении того самого служения, которое нам назначил Бог, встречаются с нами не те обстоятельства, которые мы предполагали и которым бы следовало быть по логическому порядку, а обстоятельства вовсе неожиданные, непредвиденные, вне порядка, нарушающие порядок. Из всего этого с очевидностью явствует, что Господь ищет от нас не тех добродетелей и благоугождений, о которых мы благоволим и которые совершаем с приятностию, но таких, которые соединены с распятием себя, с отсечением своей воли и разума, хотя б наша воля и разум были самые святые и преподобные. Апостол Павел желал обратить весь мир к вере во Христа. Преизобильнейшая благодать, в Апостоле обитавшая, представляла такое намерение вполне возможным, а само намерение было преисполнено любви к ближнему и Богу, следовательно, было самое благое. Но Бог попустил,

чтоб на поприще проповеди, которое предоставлено было Апостолу Самим Богом, повстречали Апостола бесчисленные препятствия и лютейшие скорби. Это должно и нас утешать, *яко многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие*[2].

О себе скажу Вам, что моя главная скорбь происходит от моей болезненности, не допускающей исполнять моих обязанностей, как бы следовало; чувствую, однако, себя получше.

Призывая на Вас и на вверенное Вам братство благословение Божие и поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугой

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
13 сентября 1859 года[3]

[1] *Письмо от 30 августа 1859 г.* в архиве Валаамского монастыря, в собрании писем о. игумена Дамаскина не сохранилось.
[2] Деян. 14. 22; 2 Сол. 1. 5.
[3] В Национальном архиве Карелии, где хранятся машинописные копии писем святителя Игнатия, сделанные Валаамскими иноками в 1920 г., за этим письмом, от 13 сентября 1859 г., следует примечание: «...к письмам Преосвященного Владыки, епископа Игнатия, возглавляемым знамением Креста Господня: "Развевается знамя Креста над письмом моим: всегда слово мое выходит под этим знаменем! Слово мое — и возвещение мира, и провозглашение войны; призывает к храбрости, победе, завоеванию мира таинственное воинство Израильское: помышления и чувствования Христианина"». Это цитата из письма архимандрита Игнатия к Н. Н. Муравьеву-Карскому от 6 октября 1847 г. См.: Т. 3. С. 271.

№ 59

Преосвященному Игнатию,
Епископу Кавказскому и Черноморскому

Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко!
Многовозлюбленный Архипастырь!

Совсем забыли Вы недостоинство наше, Святый Владыко, прискорбно нам очень, очень прискорбно; должно быть, мы, грешныя, чем-нибудь прогневали Святость Вашу. Простите нас, Бога ради, простите, многовозлюбленный наш Архипастырь, незабвенный и дорогой благодетель Валаама. Здоровы ли Вы, Святый Владыко? Молим Вас, уведомите нас хотя кратким известием о драгоценном для всех нас здоровии Вашем. Мы, грешныя, соскучали, что Вы забыли нас.

Приближается день Вашего Ангела, Святый Владыко; позвольте нам, сущим далече, принести Вам наше усерднейшее поздравление с этим радостным днем, позвольте от полноты любящих Вас сердец пожелать Вам доброго здоровия, всех радостей вечного блаженства.

Поздравляем Вас, Святый Владыко, и с приближающимся светлым праздником Рождества Христова, и с днем Нового года. Преклоняя колена, просим Ваших Архипастырских молитв, лобызаем Вашу Святительскую десницу, просим осенить всех нас Вашим благословением, и с благоговейным чувством глубокаго уважения и сыновней искренней любви за священный долг поставляю себе пребыть навсегда

Вашего Преосвященства
нижайшим послушником и преданнейшим сыном
со всею о Христе братиею

Игумен Дамаскин.
Декабря 10 дня 1860 года

№ 60

Получено 28 января 1861 года.

Ваше Высокопреподобие,
честнейший отец Игумен!

Спаси Вас Господи за воспоминание Ваше о мне и поздравление. По милости Божией я Вас не забыл, но постоянно с любовию и благожеланием воспоминаю, чему служат доказательством постоянные мои ответы на все письма Ваши. И на будущее время не останавливайтесь уведомлять меня о себе, о врученном Вам братстве, паче же о лицах из него мне знакомых, равным образом о обители. Какие постройки Вы воздвигли после моего отбытия и какие намерены воздвигнуть?[1]

О себе скажу Вам, что поживаю благополучно под сению милости Божией. Случаются приятные обстоятельства, случаются и неприятные, весьма неприятные. Так как те и другие посылаются Промыслом Божиим, и в тех и других является к человеку неизреченная милость Божия: то понуждаюсь в тех и других мирствовать и благодарить Бога. Заметил я над собою, что при благоприятных обстоятельствах более бывает отрада по телу, и для тщеславия и самомнения открывается некоторый, почти незаметный ход; а при неприятных бывает более духов-

ное утешение, и человек с отвержением самомнения начинает прибегать к Богу и деятельно познавать Бога, яко многомилостив есть и всемогущ, и скор на помощь призывающим Его. Как и что Вы заметили в себе? — напишите.

Прекрасно сказал блаженный Иоанн Карпафийский[2] в своем Постническом слове о скорбях, посылаемых инокам, что они — суть **величайшая благодать Божия**.

Здесь я живу весьма уединенно, почти как затворник; но слух носится, имеющий значительную достоверность, что куда-то вскоре переведут в видах предоставить мое нынешнее место лицу более способному и достойному. Уповаю на милость Божию, что, по Его всесильному повелению и духовному рассуждению, даруется мне место удобное ко спасению и сообразное крайней моей немощи. Тело мое истощено продолжительными болезнями, кои во мне укоренились. Воды начали их гнать, отчего открылось сильное отделение гнилых золотушных мокрот. Такое положение весьма затруднительно.

Затем: поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
12 января 1861 года.

[1] *Какие постройки Вы воздвигли... и какие намерены воздвигнуть?* — Со времени отъезда о. Игнатия прошло чуть более трех лет (он покинул С.-Петербург 25 ноября 1857 г.), а на Валааме успели построить: двухэтажный каменный келейный корпус на Никольском острове (1858); Скит св. Иоанна Предтечи с двухэтажной церковью, деревянным келейным корпусом и четырьмя иноческими пустыньками (1858–1860); в 1860 г. приступили к постройке дома для водоподъемной машины и мастерских (окончен в 1864 г.). И это не считая возведения каменных крестов, постройки часовен и проведения самых обширных хозяйственных работ. С пожертвованием купцом Дмитрием Петровичем Краснощековым дома в Москве (1861) начала воплощаться в жизнь мечта о своем подворье и часовне во имя преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, в Первопрестольной.

[2] О *блаженном Иоанне Карпафийском (Карпафском)* почти ничего не известно. Полагают, что жил он в V–VI вв. Его «Сто увещательных глав к монахам, находящимся в Индии», писавшим к нему, входят в третий том Добротолюбия.

№ 61

Преосвященному Игнатию Кавказскому

Ваше Преосвященство,

Преосвященнейший Владыко!

Вселюбезнейший наш Святитель!

Здоровы ли Вы, незабвенный Владыко? Ваше драгоценное письмо от 12 минувшаго генваря я получил и возрадовался, что Вы не забыли нас, грешных обитателей валаамской пустыни, возрадовался душевно, что Вы поживаете благополучно под сению милости Божией: да покрывает же Вас выну эта всесильная и всеблагая сень, да хранит Она Вас во всяких обстояниях Вашей многотрудной и многополезной жизни! Искренно от глубины сердца благодарю Вас, Владыко, за Вашу память.

В тихой обители преподобных Сергия и Германа тихо; подначальных из духовного и светского звания, слава Богу, нет; братия поживают мирно. Отец Герман помаленьку привыкает благодушно переносить свою скорбь. Отец Ионафан определен на днях в монастырского казначея, отец Макарий[1] в братского Духовника вместо отца Игнатия[2], скончавшагося в больнице в С.-Петербурге в 1860 году. Схимонахи Сергий и Серафим отошли ко Господу[3]. МонахИриней, бывший келлиарх, безмолвствует уже другой год на Предтеченском острове.

В радостные дни благочиния Вашего, Владыко, на острове св. Предтечи хлопотал я поставить древнюю церковь Преображения Господня, которая построена была в первой половине XVII столетия в Васильевском погосте, близ Ладоги, иноками Валаамского монастыря, удалившимися тогда из обители, разоренной войсками Де ла Гарди[4]. Теперь она поставлена и в 1858 году освящена блаженной памяти Высокопреосвященнейшим митрополитом Григорием; в фундаменте ея устроена церковь во имя Трех Святителей, совершенно пещерная, маленькая, теплая. Эту я освятил в генваре 1860 года. На острове находится несколько уединенных пустынных деревянных келлий, в одной из них и безмолвствует монах Ириней, в другой подвизается схимонах Феоктист[5] — скитский, прочия ожидают ревностных обитателей, которыя, благодаря Господа, уже есть в виду. Так на этом острове воскресает пустынный скит, находившийся, должно быть, на нем во дни преподобного Александра, отчего и самый остров, думаем, назывался прежде Монашеским[6].

На Никольском острове при церкви свят. Николая, построенной иждивением Солодовникова, отстроен теперь каменный двухэтажный дом — четвертый скитский разсадник, после скитов: Большого, Свято-Островскаго и Предтеченскаго. В нем под покровом святителя посажено также несколько духовных летораслей.

Так Валаамская обитель пустила несколько пустынных ветвей. Благость Всеблагого да сохранит их и да возрастит в великия древеса. Впрочем, думаю, что благопоспешает милосердный Господь; дальнейшее — в руце Божией!

Недавно послал прошение Высокопреосвященнейшему Владыке о дозволении перекрыть крыши и купола Преображенского собора и колокольни новым белым листовым железом и поставить на них медныя позолоченныя через огонь кресты: все на счет благотворителей, из которых главным Василий Михайлович Никитин[7].

За кладбищенскою оградою, на монастырской горе, очищается место под каменный двухэтажный дом, в котором будут устроены разныя мастерския, пильная машина, кузница, баня и машина для подъема воды на гору для всего монастыря. Эта постройка уже разрешена; до 300 т. кирпича находится на месте для возведения стен; гранит и бут для фундамента готовы.

В память Высочайшаго посещения Валаама Их Императорскими Величествами в 1858 году я исходатайствовал разрешение построить мраморно-гранитную часовню на месте Знаменской, близ святых ворот[8]. Теперь послал план и смету ея в Петербург; думаю построение ея отдать подрядчику, который созидает в Новгороде памятник Тысячелетию России, нахожу выгоднее и удобнее.

В г. Сердоболе при Вас, святый Владыко, отводилось монастырю новое место, в 12 раз более старого, близ православной церкви. Теперь последовало Высочайшее соизволение на его утверждение за монастырем, и на него перенесено уже монастырское подворье.

Не знаю, чем благословит Господь? В Москве жертвуется дом в пользу обители; есть уже официальное известие. Желательно в сердце Православной России устроить Валаамское подворье и часовню во имя Валаамских угодников. Кажется, как будто исполняется это желание. Впрочем, буди воля Божия!

Простите, святый Владыко, что затруднил Вас моим письмом: любвеобильное вопрошение Ваше вызвало все его содержание.

Характер радостей и скорбей выражен Вами прекрасно: небольшой искус моей маленькой невнимательной жизни убеждает меня в верности сего выражения. Скорби, действительно, величайшая благодать Божия; оне источник главнейшей духовной мудрости и нравственного совершенства. Если кого хочет Господь упремудрить, то послет нань присно печали. Чаша скорбей — чаша Господня и дается возлюбившим Его как залог вечного блаженного упокоения. С живейшим усердием глубокого сыновняго расположения дерзаю поднести Вам, Владыко, несколько снимков Валаамской местности посредством фотографии монастырской. Примите, возлюбленнейший Святитель, благоснисходительно эти слабые плоды нового послушания.

Преклоняя колена, прошу Вашего Архипастырского благословения, святый Владыко, на меня, грешного, и братию. Прошу убедительнейше Ваших святительских молитв и с сыновнею преданностию и сердечною любовию за священную обязанность поставляю себе пребыть навсегда

Вашего Преосвященства
со всею о Христе братиею
нижайшим и преданнейшим послушником

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь
Июня 15 дня 1861 г.

[1] *...отец Макарий* — иеромонах Макарий, в миру Мартин Ветлов, из мещан г. Сычевки Смоленской губернии. 24 января 1827 г. определен в послушники монастыря и здесь пострижен в монашество игуменом Дамаскиным 28 февраля 1843 г. 18 августа 1844 г. рукоположен во иеродиакона, 1 февраля 1849 г. посвящен во иеромонаха. По поступлении проходил разные послушания: более двадцати лет трудился в слесарной мастерской, нес клиросное послушание, исправлял чреду священнослужения, многократно бывал на флоте для священнослужения. В должности духовника утвержден 3 апреля 1861 г. указом Духовной консистории. За свою усердную службу 20 июня 1858 г. награжден набедренником. 8 ноября 1864 г. на праздник Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных служил в скиту Всех Святых с настоятелем, а через два дня, 10 ноября, скоропостижно скончался 59-ти лет от рождения. Погребен на братском кладбище.

[2] *...вместо отца Игнатия...* — Иеромонах Игнатий, в миру Иван Максимов, из крестьян Выборгской губернии деревни Ювенсу. 28 декабря 1830 г. определен в послушники монастыря и здесь пострижен в монашество игуменом Ионафаном 27 ноября 1826 г. Рукоположен во иеродиакона 16 января 1827 г. и посвящен во иеромонаха 30 мая 1838 г. В обители проходил разные послушания: был келейником при игумене Ионафане, жил в Петербурге на монастырском подворье в Коломне; впоследствии занимался клиросным послушанием

и исполнял чреду священнослужения и обязанности братского духовника. За усердное исполнение своего служения 31 декабря 1854 г. награжден набедренником. В сентябре 1859 г. отец Игнатий отправился в Санкт-Петербург для лечения ноги, которая болела у него около года. Настоятель просил его не ездить, а потерпеть Бога ради, с упованием на милость Божию, и лечиться в монастыре. Но отец Игнатий настоял на своем. В Петербурге, не получая облегчения от частных врачей, в декабре лег в больницу и там 4 февраля 1860 г. скончался 65 лет от рождения от воспаления печени, к сожалению братии, без приобщения Святых Христовых Тайн. Погребен отец Игнатий на кладбище Александро-Невской Лавры.

[3] *...Схимонахи Сергий и Серафим отошли ко Господу.* — Подвижники благочестия монастыря. *Схимонах Сергий,* в миру Семен Иванов, происходил из крестьян Ярославской губернии. Поступил в Валаамский монастырь и определен здесь в послушники в 1804 г. при отце игумене Назарии. В монашество пострижен игуменом Иннокентием в 1811 г., а в 1826 г., по случаю болезни, облечен келейно в схиму. Первоначально проходил разные послушания, потом трудился на огороде, управлял скитом Всех Святых. В течение тридцати лет подвизался в пустыни, трудами, постом и молитвой благоугождая Господу. В церковь ходил ко всем службам, даже за день до своего отшествия. Отец Сергий был последним учеником игумена Назария. Со дня поступления в Валаамский монастырь в продолжение шестидесятилетнего своего пребывания на Валааме отец Сергий ни разу не покидал монастыря. Достигнув глубокой старости, схимонах Сергий стал изнемогать телом и последние три года провел в монастырской больнице. Хотя и изнемогал старец телом, но дух его всегда горел любовью к Богу, и он до самой своей кончины неленостно выстаивал все церковные продолжительные богослужения. Скончался тихо и мирно со всеми христианскими напутствиями 10 июня (23 июня н. ст.) 1860 г. Погребен схимонах Сергий на старом братском кладбище. *Схимонах Серафим,* в миру Исидор Филипов, из семьи зажиточных крестьян. В 1835 г. пострижен в монашество и наречен Серапионом, в этом же году принял схиму. По любви к Богу он оставил жену и все прелести мира. С первых дней поступления своего в монастырь жил в большом воздержании, чая не пил, тела своего никогда не омывал, в трудах и непрестанной молитве проводил свои дни. В храме Божием бывал на всех церковных службах. Отсечение собственной воли и желаний было в нем полное. Будучи старым и больным, он без особого благословения не брал даже просфоры. Случающиеся неизбежные скорби переносил в молчании, оправдывать себя не любил. В последнее время старец сильно болел. От плеча и до пояса со спины его сошла вся кожа. Страшная язва приводила в содрогание посторонних, но он не только не хотел лечить ее, но и нестерпимой своей боли не обнаруживал даже болезненным вздохом. В глухие ночи отец Серафим вставал с великим трудом на своем соломенном ложе на колени, медленно, с глубоким вниманием ограждал себя крестным знамением и полагал поклон, произнося молитву. В последние дни своей жизни он соборовался и несколько раз приобщался Святых Христовых Тайн. Дня за два до его кончины посетил его келлиарх монастыря иеродиакон Иона. Глаза старца были закрыты, лицо его сияло необычайной радостью, грудь высоко подымалась, из слов его можно было заключить, что он видит святых угодников Божиих. Произнося: «Владыка грядет, грядет Владыка!» — старец крестился, в величайшем восторге простирал руки и с живейшим чувством благоговения и любви взывал: «Господи мой! Сладчайший Иисусе Христе! Боже мой...» Когда

старец умолк, тихая радость почивала на его лице. На вопросы отца Ионы, как его здоровье и кто это «грядет», старец радостно и спокойно ответил: «Я здоров, очень здоров, мне легко. Это Господь наш Иисус Христос, про Него я говорил, что Он грядет». За несколько часов до кончины, когда старец был как бы в забытьи, он громко и внятно продолжал шептать: «Распныйся за мя, помилуй мя! Сладчайший Господи, помилуй!..» Так страдания Господа Иисуса были в живейшей памяти у отца Серафима, ими одушевлялся он в своем подвиге, крепко уповая на милость Божию. 2 февраля 1860 г., на 83-м году от рождения, отец Серафим тихо предал дух свой Господу. При омовении тела его не было уже того неприятного и тяжелого запаха, который был постоянно в келье старца и исходил от него самого. Окружающие с удивлением обоняли благоухание, шедшее от тела старца, не было уже и страшной язвы на теле, ее благолепно покрыла тонкая кожица.

[4] *Де ла Гарди* — шведский полководец, пришедший на Русь во время Смуты.

[5] *...схимонах Феоктист.* — Схимонах Феоктист (в миру Феодор Димитриев) был отставным квартирмейстером морской артиллерии. Определен в послушники Валаамского монастыря в 1828 г., в монашество пострижен с именем Феофан в 1835 г., в 1853-м игуменом Дамаскиным облечен в схиму. Проходил разные послушания: пономарем в храме преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, трудился в погребе, проживал при Санкт-Петербургской часовне. В церкви был при всех службах. Со времени поступления в монастырь не омывал своего тела, жил в большом воздержании. Терпение его было достойно удивления. Ноги у него были постоянно в больших язвах и распухшие, но отец Феоктист не только никогда не лечил их, но и не говорил ни слова о своей болезни. Притом во время службы не садился безвременно, кафизмы стоял. По принятии схимы отец Феоктист подвизался около восьми лет в скиту Всех Святых и около трех лет в пустыни на Предтеченском острове. Жизнь его протекала в молитве, трудах и памяти о страданиях Господа Иисуса Христа. Последние две недели своей земной жизни отец Феоктист провел в монастырской больнице. Однажды в больнице в отсутствие келейника, желая встать на ноги, отец Феоктист упал и сильно ушиб руку. Ему предложили полечить ее. «Нет,— отвечал старец,— что ее лечить, если и без нее ран-то довольно». Болея всем телом до такой степени, что, как выражался он сам на вопрос келейника о здоровье, «другому легче съездить в Москву, чем ему поворотить ногу», старец, однако, постоянно сохранял мирное расположение духа. Не имея сил поворотиться, он был доволен всяким положением, в которое только приводила его услужливость келейника. Эта крайняя нетребовательность старца удивляла келейника. «Батюшка,— говорил он,— что это ты всем доволен, что тебе ни сделаешь, все тебе хорошо?» — «Эх, возлюбленный, захотел ты угодить на больного»,— отвечал с улыбкой старец. Перед смертью отец Феоктист соборовался, исповедовался и приобщился Святых Христовых Тайн. Часа за полтора до кончины он попросил келейника посадить его и опустить ноги, и так, сидя, шепча молитвы, несколько раз оградив себя крестным знамением и опустив руки на колени, старец почил тихим сном смерти. Как привык он в дни своего подвижничества предаваться ночному отдыху, таким же образом благоволил Господь заснуть ему навеки. Погребен схимонах Феоктист на старом братском кладбище.

[6] *...назывался прежде Монашеским.* — Остров расположен в пяти км от монастыря. Прежде он назывался по-фински Серничан, т. е. Монашеский.

В 1855 г. на Монашеском острове была устроена небольшая часовня во имя Пророка и Предтечи Господня Иоанна с небольшой пустынью. С этих пор Серничан стали называть Предтеченским островом.

[7] *Василий Михайлович Никитин* — петербургский купец, один из самых щедрых благотворителей Валаамского монастыря. На его средства был построен храм прп. Александра Свирского на Святом острове (1855); новым белым листовым железом перекрыты крыши и купола Спасо-Преображенского собора, поставлены на них кресты медные, позолоченные сквозь огонь (1861); обустроен нижний храм во имя Трех Вселенских Святителей в Предтеченской церкви (1860); приобретен колокол для церкви Авраамиевского скита (1873) и сделано большое число малых пожертвований деньгами и продовольствием.

[8] *...мраморно-гранитную часовню на месте Знаменской, близ святых ворот.* — Часовня в память «Высочайшего посещения Валаама Их Императорскими Величествами в 1858 году...», построенная по проекту А. М. Горностаева, освящена в 1865 г. во имя иконы Знамения Пресвятой Богородицы, и поныне ее называют «Знаменской».

№ 62

Получено 5 августа 1861 года.

Ваше Высокопреподобие,

достопочтеннейший отец Игумен Дамаскин!

Искреннейше благодарю Вас за любвеобильное письмо Ваше от 15 июня и фотографическую съемку местностей Валаама[1], из которых многие очень знакомы мне. Часто помышляя о том, сколько душеполезно окончить жизнь в уединении, вдали от почестей, в покаянии и плаче, переношусь мыслию к Валааму, и ощущаю в душе стремление к его величественным пустыням; но в состоянии моего здоровья вижу непреодолимое препятствие к исполнению моего желания. Вы спрашиваете о моем здравии? только ныне летом начал чувствовать некоторое облегчение от болезни, так сильно было мое расстройство во всем организме. До сих пор принимаемыя лекарства и обильно употребленные воды минеральные производили только расслабление и гнали золотушную и ревматическую мокроту, которой из меня вышло много вёдр. Нет надежды, чтоб я получил полное выздоровление по преклонности лет моих; но и облегчение уже должен признавать великою милостию Божиею.

С особенною приятностию читал я преуспеяние святой обители в материальном отношении. Конечно, она при наружном развитии устрояется и духовно, несмотря на слабость сил душевных и телесных современного поколения. Не без причины Промысл Божий попускал Вам много опытов, из коих иные были очень горьки. Полагаю, что Вы сами теперь замечаете, что образ

правления Вашего много изменился и усовершенствовался: почему и духовное воспитание и окормление братства должно приносить более существенных плодов.

Потрудитесь передать мое благословение и усерднейший поклон всему братству Вашему, а равно и Василию Михайловичу Никитину. Весьма радуюсь его расположению к Валаамской обители.

Мой Архиерейский дом очень похож на скит; кругом в садах и розах[2]. Вид из моего кабинета несколько напоминает вид на гору за губою из окон тех келлий Валаамского монастыря, в которых я останавливался[3]. Живу уединенно, и должен благодарить Милосердого Господа за бесчисленные милости, на меня излиянные.

Призывая на Вас благоволение Божие и паки благодаря Вас за письмо Ваше, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
1861 года, 19 июля.

[1] *...фотографическую съемку местностей Валаама...* — Это «новое послушание» — так писал о. Дамаскин владыке Игнатию (Письмо от 15 июня 1861 г.) — впоследствии приобрело несомненное культурно-историческое значение. Отдельные снимки, альбомы с видами Валаама, фотопортреты старцев, картины монашеского труда — всё это свободно продавалось в монастырской лавке и сотнями экземпляров расходилось по всей России, являясь наглядным доказательством духовной и материальной мощи Валаама. Работами монастырских фотографов пополнялся архив Валаамской обители, сохраняя для потомков образы монашеской жизни на Ладожских островах. В начале XX в. в монастыре была уже «обширная фотографическая мастерская» (*Островская М.* Валаам. СПб., 1907. С. 28), которой заведовал монах-фотограф. Под его началом трудились несколько мальчиков-послушников. Для работы приобрели шесть лучших для того времени фотоаппаратов различных марок. Принимались заказы портретов от своей монастырской братии, выполнялись различные художественные работы. Нельзя при этом не отметить предусмотрительность, широту и практицизм мышления настоятеля о. Дамаскина, ведь в России фотография в ту пору была сравнительно новым явлением.

[2] *...похож на скит; кругом в садах и розах...* — Сравнение с Валаамским скитом во имя Всех Святых, возле которого были разбиты прекрасные цветники и устроен фруктовый сад.

[3] *...из окон тех келлий Валаамского монастыря, в которых я останавливался.* — В собрании писем святителя Игнатия (НАК. Ф. 762. Оп. 1. Ед. хр. 219) за этим письмом следует следующий комментарий, сделанный в 1920 г.: «Во дни благочиния владыки Игнатия над Валаамским монастырем,

при всяких приездах на Валаам, Владыка обыкновенно имел пребывание в келлиях, занимаемых ныне архивом канцелярии. Архив этот находился в другом помещении, а названные келлии оставались свободными на случай приезда отца Благочинного и других почетных посетителей». Зная план жилых и административных помещений Валаамского монастыря, можно с уверенностью предположить, что архимандрит Игнатий останавливался в келлиях юго-западной части внешнего каре.

№ 63

Преосвященному Игнатию Кавказскому

Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко!
Вселюбезнейший наш Святитель!

Преклоняя колена со всею братиею, прошу всеубедительнейше Вашего Архипастырского благословения, и, лобызая святительскую Вашу десницу от глубины искренняго, сыновняго, нелестного к Вам, святый Владыко, сердечнаго расположения, в радости душевной дерзаю общим голосом всего братства поздравить Вас с Монаршею милостию — сопричислением к ордену Св. Анны первой степени. Дай, Господи, Вам, незабвенный Архипастырь, вся за доброту сердца Вашего!! Да радует Вас Господь выну Своим благоволением и да подкрепляет силы Ваши Своею мощною Десницею, да возможете понести для всесторонней пользы Православных тяжкий крест Святительского служения, испить Чашу многоразличных скорбей Архипастырских до дна и, увенчавшись на земле сияющим венцом терпения, увенчаться горе диадимою нетления и вечной славы!!

Как здоровье Ваше, дорогой Владыко? Не забывайте, молю, нас, грешных, и будьте уверены, что с святыми чувствами нашего глубокого к Вам благоговения и сыновней преданности за священнейший и приятнейший долг вменял и вменяю себе пребыть навсегда

Вашего Преосвященства,
Преосвященнейшаго Владыки,
вселюбезнейшаго Святителя недостойным сыном и
всенижайшим послушником
со всею во Христе братиею

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь
Ноября 14 дня 1861 года.

№ 64

Получено 16 декабря 1861 года.

Ваше Высокопреподобие,

возлюбленнейший о Господе отец Игумен Дамаскин!

Всеблагий Бог, по неизреченной милости Своей, даровал мне то, чего я давно желал и о чем всегда помышлял. Общежительный монастырь Святителя Николая, именуемый Бабаевским[1], послужит мне тихою пристанию после продолжительного и опасного обуревания в житейском море. Обитель эта очень уединенна, на весьма здоровом, сухом месте, с превосходными водами. Братство — простое и с настроением монашеским. Вот причины, по которым я, соображаясь с своею немощию, просил себе сего монастыря для окончания в нем моего земного странствования. Мне предоставлены по отношению к Обители права Епархиальнаго Архиерея, то есть главное управление его; но она сохранила своего настоятеля, который управляет ею на правах настоятеля по докладам Епископу, подобно тому, как бы наместник в Лавре. Таковым распоряжением я весьма успокоен.

Устав монастыря схож на Валаамский[2]: ибо порядок здесь введен настоятелем, воспитанником Саровской Пустыни[3]. По времени этот порядок несколько изменился, даже слишком изменен другими настоятелями. Мне хочется в некоторой степени, наиболее в духовном отношении, восстановить Саровский Устав. По сей причине утруждаю Вас покорнейшею просьбою: прикажите переписать для меня Валаамский Устав, не славянскими буквами, но скорописью, лишь бы переписано было верно, без ошибок и пропусков. Также потрудитесь прислать при отношении, адресуя в Ярославль, чертежи гостиницы Вашей. Здесь все братские келлии пришли в ветхость и необходимо требуют перестройки: желаю, чтоб постройки здешния были сделаны прочно, с должною иноческою скромностию и удобством. По миновании надобности потщусь возвратить с благодарностию. Когда же откроется навигация, не откажитесь прислать низменную камилавку и клобук, какие Вы сами носите: мне они весьма нравятся, а нынешние модные, высокие, очень не нравятся.

Потрудитесь передать всем отцам и братиям Святой обители Вашей мое благословение и усерднейший поклон. Единственный сын моего родного брата, Ставропольского губернатора, поступил в монастырь[4]. Сперва он жил на Угреше[5], а в проезд мой чрез Москву присоединился ко мне и теперь живет при мне,

исправляя послушание письмоводителя. Настоятельское место здесь занял игумен Иустин[6], бывший на Кавказе экономом Архиерейского дома, а в Сергиевой келейником моим: ибо прежний настоятель[7], из вдовых священников, еще до приезда моего испросил себе другое настоятельское место. — Повторяю Вам, что я должен непрестанно славословить неизреченное милосердие Божие ко мне. **Временное, каково бы оно ни было, всё — временное, а кому Бог дарует время и способ к покаянию, тому дарует залог вечного, неотъемлемого, аще и сами не пренебрежем Божиим даром.**

Поручающий себя Вашим святым молитвам
Ваш покорнейший слуга

Епископ Игнатий.
16 ноября 1861 года.

[1] *Николаевский Бабаевский мужской монастырь*, согласно преданию, основан в XV в. иноком Троице-Сергиевой обители Иоанном. Монастырь находится на правом берегу Волги при впадении в нее реки Солоницы. Название «Бабаевский» получил от бабаек, или больших весел, которые употреблялись плотогонами вместо руля при вводе плотов из Волги в Солоницу. Бабайки за ненадобностью складывались на берегу. Чудесным образом на такой бабайке явилась икона святителя Николая. Сегодня святая обитель снова стала действующей. Адрес: Ярославская обл., пос. Некрасовский, Николо-Бабаевский мужской монастырь.

[2] *Устав монастыря схож на Валаамский...* — Устав Валаамской обители есть точная копия устава общежительной Саровской пустыни. Подлинник его был составлен на основании древних правил иноческой жизни в 1706 г. одним из первоначальных иноков Сарова, иеромонахом Исаакием, и утвержден в 1711 г. Местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским. На Валаам Устав принесен Саровским старцем о. Назарием, поставленным в 1781 г. настоятелем Спасо-Преображенского монастыря.

[3] *...ибо порядок здесь введен настоятелем, воспитанником Саровской Пустыни.* — Игумен Филагрий, управлявший обителью свыше 30 лет, в мае 1789 г. «вместе со своею немногочисленной братиею подал Костромскому епископу Павлу прошение о введении в обители общежительного чина и устава по образцу Саровской и Флорищевой пустынь. На основании положительной резолюции Преосвященного духовная Консистория указом от 6 февраля 1790 г. разрешила инокам Бабаевского монастыря ввести у себя общежительный порядок...» (Николаевский Бабаевский монастырь Костромской епархии. Историко-статистический очерк. Кострома, 1895. С. 41–42). Далее автор очерка указывает: «Едва ли игумен Филагрий успел во время своего управления монастырем ввести в нем общежительный устав; в том же 1790 г. он или скончался, или был переведен в другую обитель...» (Там же. С. 42). В установлении правил Саровского устава потрудился постриженник Валаама иеромонах Софроний, управлявший Николо-Бабаевским монастырем с 1791 г. по 1793 г.

[4] *Единственный сын моего родного брата, Ставропольского губернатора, поступил в монастырь.* — Алексей Петрович Брянчанинов (1843–1907), сын Петра Александровича Брянчанинова (1809–1891), жил некоторое время в Николаевском Бабаевском монастыре. Впоследствии служил по гражданскому ведомству, достиг высокого положения — стал сенатором, товарищем Управляющего делами Комитета министров, почил в чине тайного советника.

[5] *...на Угреше...* — Николаевский Угрешский мужской монастырь, основанный благоверным князем Дмитрием Донским на месте чудесного явления ему иконы святителя Николая Чудотворца (Николо-Угрешский ставропигиальный мужской монастырь, действующий. Расположен: Московская обл., Люберецкий район, г. Дзержинский).

[6] *...Игумен Иустин...* — О нем см.: примеч. 11 на с. 238.

[7] *...прежний настоятель...* — Вскоре после приезда Преосвященного Игнатия в Бабаевский монастырь его прежний настоятель, игумен о. Парфений, управлявший обителью с 5 октября 1859 г., по собственному прошению был перемещен в Николаевскую Надеевскую пустынь Костромской епархии.

№ 65

Получено 13 января 1862 года.

Ваше Высокопреподобие,
честнейший и возлюбленнейший о Господе
отец Игумен Дамаскин!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за поздравление Ваше, за благожелание и любовь Ваши ко мне, грешному. Господь да вознаградит Вас в сем и будущем веце.

О себе уведомляю Вас, что я в высшей степени доволен моим настоящим положением, устроившимся для меня не иначе, как по мановению и милости Бога. После тяжких трудов и многих скорбей посреди современного человеческого общества сладок покой в тишине уединения. По высказанному мною удобству (т.е. по уединению) обитель Бабаевская подходит к Валаамской, даже, извините, превосходит ее. Зимою никого не бывает по отдаленности городов и трудности проезда; я прибыл сюда 14 октября, и с сего числа по 1 января 1862 года у меня было только пять посетителей — господ на самое короткое время. Летом пристает пароход, и не один, на 15 минут, в течение коих богомольцы едва успеют отслужить молебен, и должны спешить обратно на пароход. Братство благомыслящее, с строгим общежительным направлением; общежитие заведено было, как и на Валааме, воспитанником Саровской Пустыни. Вам бы, о. Игумен, летом побывать у нас! При нынешних средствах сообщения это не отнимет у Вас ни много времени, ни много денег. Вы можете преподать нам много полезных советов, а мы постара-

емся по ним исправить здешний чин, который несколько уклонился от введеннаго первоначально. Причиною тому были настоятели иного направления.

Прошу передать мой усерднейший привет и убогое благословение всему вверенному Вам братству. Поручая себя Вашим святым молитвам и о Господе любви, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.
1 января 1862 года.

P. S. Вероятно, Вы получили мое письмо, писанное уже отсюда. Я надеюсь, что изложенные в нем просьбы Вы не откажетесь исполнить. Мой адрес: в Ярославль.

№ 66

Преосвященному епископу Игнатию (на Бабайки)

Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко!
Незабвенный Святитель!

Драгоценныя письма Ваши, одно от 16 ноября прошедшаго 1861 г. и другое от 1 текущаго января, имел я счастие получить с великою радостию: с великою радостию именно от того, что из них я узнал, что Вы в высшей степени довольны своим положением, устроившимся для Вас не иначе, как по мановению и милости Бога. Благодарю Господа, устрояющаго путь Ваш по сердцу Вашему, и молю Его неизреченную благость, да и всегда благопоспешает Вам во всем всеблагая Его Десница, молю я, недостойный, молит и вся святая братия и поминает Ваше незабвенное имя, вписанное во всех синодиках монастырских навечно во главе благодетелей Монастыря.

За священный долг и за сердечное удовольствие от имени всего братства приношу Вам, премноговозлюбленнейший Владыко, наше усердное поздравление с наступившим Новым летом и общее искреннее желание Вам многих лет благоденственного и мирного жития и, по скончании жития, вечного радования в селениях Праведных!

От всего сердца благодарю Вас, Святый Владыко, за многоприятное приглашение — в уединенное, тихое место Вашего нынешняго сладкого покоя, так бы и полетел посмотреть на Вас

и насладиться Вашею сладкою беседою... Если бы возможно; если бы Господь сподобил нас видеть Вашу Святость на Валааме и, к величайшей нашей радости, лично получить Ваше Архипастырское благословение: доставьте, Владыко, нам это глубокое духовное удовольствие, посетите, убедительнейше прошу, в приближающееся лето, облагодетельствованную Вами пустыню; как бы рады были все мы, если бы дождались этого счастия! Дай Господи!

План гостиницы, вместе с этим письмом, препровождается к Вашему Преосвященству; копию с устава в возможно непродолжительном времени поспешу Вам представить. Простите, Бога ради, сладчайший Архипастырь, что замедляю исполнить Ваше священное для меня желание; время отчетности да извинит пред многою снисходительностию Вашею мою неисправность.

Камилавку и клобук — низенькие, при открытии навигации поспешу доставить к Вам, святый Владыко, со всею готовностию и удовольствием, только заблаговременно благоволите прислать ко мне мерку и пояснение: теплую или холодную нужно камилавку, и бархатную или из сукна?

Преклоняя колена, прошу Вашего Архипастырского благословения, Ваших святых молитв и под их священным кровом за священный долг вменяю себе пребыть навсегда

Вашего Преосвященства,
Преосвященнейшаго Владыки
нижайшим послушником и
преданным сыном

Игумен Дамаскин.

Валаамский монастырь
Генваря 17 дня 1862 года

№ 67

Преосвященному Игнатию (на Бабайки)

Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко!
Возлюбленный наш Святитель!

С сердечным удовольствием, исполняя священное для меня желание Вашего Преосвященства, имею честь представить при этом точную проверенную копию устава вверенной мне Валаамской обители, прося вторично извинить меня за вынужденную обстоятельствами медленность в ея представлении.

Наступили дни святаго Великого поста: помолитесь, молим, достовозлюбленнейший Архипастырь, чтобы провести нам эти душеполезныя дни в подвигах поста и молитвы и, скончав течение их, в радости сердца поклониться святому Христову Воскресению. Позвольте пожелать и Вам, святый Владыко, от глубины преданных Вам сердец — совершить святую Четыредесятницу в добром здоровьи и радостию велиею возрадоваться в светлый день святыя Пасхи.

С глубоким благоговением и искреннею сыновнею любовию преклоняя колена и смиренно прося Вашего Архипастырского благословения, за непременный долг поставляю себе пребыть навсегда

Вашего Преосвященства
со всею о Христе братиею
нижайшим послушником

Игумен Дамаскин.

Валаамский монастырь
Февраля 18 дня 1862 г.

№ 68

Получено 24 марта 1862 года.

Ваше Высокопреподобие,
достопочтеннейший отец Игумен.

Приношу Вам искреннейшую благодарность за письмо Ваше от 17 января и за присланный проект гостиницы, которым я еще не мог воспользоваться, ибо за монастырь еще не выходил, и своей (Бабаевской) гостиницы не видал. По болезненности сижу безвыходно в келлии; в церкви мог быть только четыре раза во всю зиму. Говорят, что гостиница большая, двухэтажная, каменная, а так бестолкова, что для пристанища имеет покоев очень немного. Спаси Господи за приглашение на Валаам! Нет, родной мой: **видно, я простился навсегда с Валаамом**, — так сужу по болезненности моей. **Надо собираться в путешествие иное: уже не по водам, а по воздуху. На все свое время, и за все слава Богу**.

О камилавке и клобуке. Прикажите их сделать по мерке Вашей благословенной главы: такие клобук и камилавка будут стоять здесь в рухольной для образца и памяти. Велите одну камилавку сделать такую, какие носятся под клобуком, а другую такую, какая носится в служении. Здесь вводим многое по

Валаамскому и Саровскому образцу. Столбовое пение заведено; откровение помыслов старцам заводим, особливо для новоначальных; старожилов же не принуждаем. Местом я очень доволен, а паче тем, что меня никто не беспокоит. Это крайне нужно мне.

Благословение Божие да почиет над Вами и над Святою обителию. Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

27 февраля 1862 года.

№ 69

Преосвященному епископу Игнатию (на Бабайки)

Ваше Преосвященство,

Преосвященнейший Владыко!

Вселюбезнейший и дорогой Святитель!

С сердечною радостию за священнейший долг поставляю себе поделиться с Вами, Святый Владыко, радостию, которою благословил милосердый Господь в прошедшем году нашу обитель. Я поспешил бы со всею готовностию поделиться с Вами ею тогда же, но остановило меня именно то, что вся Финляндия, и как часть ея, и наш монастырь, в отношении своей корреспонденции и других сношений с 1860 г. подвергаются хлопотливым правилам, установленным для заграничных государств, по которым, между прочим, все книги, эстампы и проч. цензуруются в Св. Синоде. Так, теперь при посредстве пароходов, спешу поделиться нашею радостию. Она следующая: в 16 день августа прошедшаго года неожиданно пожертвован в нашу обитель портрет святителя и чудотворца Тихона, писанный с натуры Никандром, сыном Задонского помещика генерала Бехтеева. Этот портрет от о. Никандра перешел к его родственнику — статскому советнику Есепову, от г. Есепова — к нянюшке его и от мужа нянюшки, 92-х летняго старика, — в нашу обитель[1].

Приняв этот портрет, благоговейно, с великою радостию, как бы благословение на нашу обитель новоявленного Чудотворца, и отлитографировав с него изображение, несколько эстампов этого изображения подношу при этом Вашему Преосвященству,

как выражение моей глубокой признательности к Вам, незабвенный Владыко.

Клобук и камилавка, сшитые, по Вашему поручению, по мерке моей грешной головы, препровождаются при этом к особе Вашей.

18 числа минувшаго февраля при письме я отправил к Вам, Святый Владыко, точную, проверенную копию монастырского устава, — не знаю, изволили ли Вы получить ея? Думаю, не задержана ли она в своем шествии цензурою? Если изволили получить, будьте так добры, благоволите уведомить.

На днях получил я частно уведомление, что Св. Синод утвердил за Валаамским монастырем пожертвованный в его пользу дом в благословенной Москве и в скором времени представит свое разрешение на утверждение Государю Императору.

Около 70 именитых Московских граждан доставили мне за своим общим подписанием письмо от 8 минувшаго апреля, в котором, изъявляя свое усердие на свой счет в Москве, на углу Сенной площади против Красных ворот построить часовню во имя Валаамских чудотворцев и при ней здание для помещения монашествующих, просили представить их предложение на благоусмотрение Высшаго Начальства. Составив план и фасад предполагаемой часовни, собираюсь представить его нашему Высокопреосвященнейшему Владыке для дальнейшаго следования[2]. Помолитесь, святый Владыко, чтобы благословил милосердый Господь это начинание для многосторонней пользы святой обители.

Преклоняя колена со всем братством, всеусерднейше прошу Вашего архипастырского благословения, Ваших святых молитв, и за священнейший долг вменяя себе пребыть навсегда с искренними чувствами сыновней преданности и глубокого благоговения

Вашего Преосвященства
Преосвященнейшаго Владыки
нижайшим послушником

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь
Мая 24 дня 1862 г.

[1] АВМ. Ф. 2. Оп. 9.

[2] Весной 1862 г. игумен Дамаскин писал в «Дом Московскаго градскаго общества»: «Более семидесяти человек из именитых московских граждан, движимые светлым чувством усердия к Валаамской обители, письменно пред-

ложили ей с участием по силе каждого из них и других известных им лиц на свой счет построить в городе Москве часовню во имя преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, избрав место для построения часовни на углу Сенной площади, против Красных ворот, при соединении двух улиц, ведущих на Разгуляй и к С.-Петербургской железной дороге» (О построении часовни... АВМ. Ф. 5. Оп. 4. Л. 6). Однако, рассмотрев дело, Постоянная комиссия о пользах и нуждах общественных при Московской городской общей думе пришла к выводу, что уменьшение Сенной площади на 75 кв. саженей стеснит ее в отношении проезда и торговли, кроме того, Сенная площадь, как место купли и продажи, окруженное гостиницами и трактирами, неприлично для дома молитвы, требующего благоговейной тишины. В силу этого настоятелю Валаамского монастыря игумену Дамаскину в приобретении земли для строительства часовни было отказано. См.: Указ. дело. Л. 8. В том же 1862 г. Св. Синод утвердил за монастырем пожертвованный ему купцом Краснощековым дом в Москве для устроения подворья.

№ 70

Получено 27 июня 1862 года.

Ваше Высокопреподобие,
достопочтеннейший отец Игумен!

Литографированные изображения святителя Тихона мною получены, и за доставление их приношу Вашему Высокопреподобию мою совершенную признательность. Спасет Вас Бог за труд, который Вы приняли о напечатании их. Также получена мною и другая посылка: камилавка и клобук, за что также много благодарен. — Здоровье мое, отец Игумен, очень плохо. Настала благоприятнейшая погода, здешнее место — прездоровое, воды — отличные, рыба — всегда свежая; но всё это мало помогает.

Прося Ваших святых молитв и призывая на Вас и на вверенную Вам Обитель обильное благословение Бож́ие, имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
13 июня 1862 года.

№ 71

Получено 9 июля 1862 года.

Возлюбленнейший о Господе,
отец Игумен Дамаскин!

Приношу Вашему Высокопреподобию мою искреннейшую признательность за воспоминание Ваше о мне, грешном, и за письмо Ваше от 24 мая. Сердечно радуюсь преуспеянию святой обители

Валаамской, для которой нужно, по её обширности и многочисленному братству, по особенному удобству ее к иноческой жизни, усиление способов к устроению и содержанию, да всякое вещественное довольство имуще, возможет преизобиловать она духовным благорастворением. Извините моей забывчивости, этому признаку старости и изнеможения, я полагал, что извещал Вас о получении копии с монастырского Устава и благодарил за доставление ее. Исправляю ныне мою погрешность принесением Вам искреннейшей моей благодарности. Проекты гостиницы мною обращены к Вам при посредстве десятника Вашего Павла[1].

О себе уведомляю, что чувствую себя весьма слабым по здоровью; положением же моим весьма доволен. Ожидаю Вашего посещения, что Вам весьма удобно будет сделать при поездках Ваших в Москву, каковые поездки, вероятно, окажутся необходимыми по случаю устроения часовни Вашей в Москве.

Призывая обильное благословение Божие, достопочтеннейший отец Игумен, на Вас и на вверенное Вам братство, испрашивая Ваших святых молитв, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
5 июля 1862 года.

[1] *...десятника Вашего Павла.* – Под присмотром десятника Павла Антоновича Смирнова построены все капитальные здания Валаамского монастыря в 40–50-х гг. XIX в. Это и храм Всехсвятского скита, и церковь на Никольском острове, и гостиница, и странноприимный дом, и деревянная церковь на каменном фундаменте Предтеченского скита... За усердие этот десятник был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте. Работая в летний сезон на Валааме, зимой он уезжал на родину. Был Павел Смирнов из крестьян и жил, вероятно, по соседству с Николо-Бабаевским монастырем.

№ 72

Преосвященному Игнатию (на Бабайки)

Ваше Преосвященство!
Дорогой и незабвенный Владыко,
всемилостивейший наш Архипастырь и отец!

Давно, очень давно не имею я, недостойный, великого счастия получать радостной вести о Вашем драгоценном здоровьи и о том, что мы, грешныя, еще живы в Вашем молитвенном воспоминании. Теперь при удобном случае, поднося Вам заздравную просфору,

убедительнейше прошу: утешьте, незабвенный Владыко, унылых чад Ваших: скажите, что Вы здоровы, что грехи наши еще не скрыли нас от святых очей Ваших, и благословите нас всех, заочно преклоняющихся пред Вами на горах Валаамских.

Дни наши, Ваше Преосвященство, идут, благодаря Господа, в мире и тишине. Я, грешный, и известныя Вам братия: о. Герман и прочия, молитвами Вашими, здоровы. Старец наш, иеросхимонах о. Антоний[1], почил о Господе 19 минувшаго июля. Кончина его была без страданий; пятнадцать же последних лет жизни были безпрерывным страданием: помолитесь, Владыко, об упокоении со святыми души его.

В августе месяце, на прехвальный праздник Преображения Господня, обитель осчастливил своим посещением наш Первосвятитель, Высокопреосвященнейший Исидор, митрополит Новгородский и С. Петербургский[2]. Не осмеливаюсь утруждать Вас подробностями этого радостного события: оне изложены мною на страницах «Странника» в сентябрьской книжке этого журнала, — я полагаю, что Вы уже успели их прочесть.

Этими немногими строками, за неимением больших, оканчиваю мое смиренное писание и, преклоняя колена, лобызая Вашу Святительскую десницу с чувствами искренняго благоговения и сыновней любви, за священный и приятный долг поставляю себе пребыть

со всем братством
Вашего Преосвященства
нижайшим послушником и недостойным сыном

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь
Октября 14 дня 1862 г.

[1] ...*Старец наш иеросхимонах о. Антоний* — подвижник благочестия. В миру Антоний Брелихов, происходил из мещан города Феодосии Таврической губернии. Поступил в Валаамский монастырь в 1818 г., в монашество пострижен в 1824 г. игуменом Ионафаном с именем Амфилохий. Проходил разные послушания: был столовщиком, переплетчиком, келлиархом и библиотекарем. Жил в пустыни. По посвящении в 1840 г., исправлял чреду священнослужения и обязанности братского духовника. В 1849 г. был поражен параличом, у него отнялась вся левая сторона. В этом положении он пробыл около пятнадцати лет, до самой кончины. Во время болезни в 1851 г. принял схиму с именем Антоний. Тяжкую свою болезнь отец Антоний переносил с величайшим терпением и совершеннейшей преданностью воле Божией. Не имея возможности повернуться без помощи келейника, старец в течение своей болезни не произносил ни одного слова ропота, не слышно было от него ни малейшей жалобы

и на неисправность своего келейника. Часто он оставался долгое время один в келье, имея нужду в его помощи. Посетил как-то больного отец игумен. В это время пришел к нему и монах Палладий. «Слава Богу, что вы здесь, батюшка,— сказал отцу игумену вошедший отец Палладий. — Я желаю побывать на родине, благословите меня». — «Спроси у старца,— ответил настоятель,— что он тебе скажет». И, обратясь к отцу Антонию, продолжал: «Скажи ему, батюшка, есть ли воля Божия побывать ему у своих». Долго отказывался больной, говоря: «Не мое это дело, а настоятеля», но наконец, убежденный отцом игуменом, сказал: «Как мертвец из гроба не выходит, так монах из монастыря». — «Помолись обо мне, батюшка,— просил старца один брат,— чтобы Господь дал мне здоровья. Очень болею и часто, и потому скорблю». — «Видишь, я сам болен,— отвечал отец Антоний брату,— но не молюсь, чтобы Бог дал мне здоровья, а прошу только, чтобы во всем была святая воля Всеблагого Бога нашего». Перед кончиной за неделю отец Антоний стал особенно ослабевать. Видно было, что близок переход его в вечность. Он угасал и уже не мог принимать пищу. За два дня до кончины он вдруг поправился, стал особенно весел, много и необычно беседовал со своим келейником, говорил особенно твердо. Часа за полтора до кончины пришли к нему больничные старцы, подняли его, посадили, обложив подушками, и, сидя, склонив голову и тихо вздохнув, скончался он 19 июля 1862 г. 78 лет от рождения. Окружающие не заметили его кончины. Иеросхимонах Антоний погребен на старом братском кладбище.

[2]4 августа 1862 г. на Валаам прибыл *Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор*. Около трех часов пополудни сигнал из пушки парохода «Валамо» возвестил о приближении корабля. У Монастырской пристани Владыку встречал наместник монастыря иеромонах Виктор, а у Знаменской часовни — игумен Дамаскин со старшей братией. По ковру из свежих полевых цветов владыка Исидор прошел к соборному храму, где у раки преподобных Сергия и Германа был отслужен молебен. После праздничной литургии был совершен молебен, и Митрополит Исидор освятил позолоченные кресты для куполов Спасо-Преображенского собора, пожертвованные благотворителем В. М. Никитиным. Владыка Исидор посетил скит Всех Святых. Осмотрев церковь и скитские постройки, архипастырь посоветовал настоятелю игумену Дамаскину составить описание обители, включив в него историю с древнейших времен, жизнеописания настоятелей, братии, пустыньки игумена Назария и схимонаха Николая. Так по благословению Митрополита Исидора была начата работа над первым изданием книги «Валаамский монастырь и его подвижники», вышедшей в 1864 г. Над могилой старца Николая Митрополит благословил игумена Дамаскина построить часовню: «Вот здесь надо часовню построить. Бог благословит, построй». На следующий день Митрополит Исидор осмотрел монастырскую ризницу, библиотеку, посетил многочисленные мастерские.

№ 73

Получено 5 декабря 1862 года.

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший отец Игумен!

Достопочтеннейшее письмо Ваше от 14 октября имел честь получить 17 ноября от Павла десятника, который рассказом

о Вас и о Святой Обители пополнил краткость письма. Между прочим, он утешил меня известием, что Вы ныне зимою располагаетесь побывать в Москве и при этом посетить Бабаевский монастырь. Милости просим! Сердечно буду рад видеть Вас, вероятно, в последний раз в сей жизни. Что отвечать Вам на вопрос Ваш о моем здравии? Постоянно чувствую себя весьма слабым, а по временам и очень больным. Настоящим приютом моим я вполне доволен. Слава Богу за настоящее! Слава Богу за прошедшее! И относительно будущего возлагаемся на милость и волю Божии. Призывая благословение Божие на Вас и на вверенное Вам братство и благодаря за постоянное памятование о мне, грешном, письмо сие сокращаю в надежде скорой личной беседы.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
18 ноября 1862 года.

№ 74

Преосвященному Игнатию (Брянчанинову)

Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко!
Вселюбезнейший и дорогой наш Архипастырь!

С великою радостию имел я счастие получить драгоценное Ваше письмо от 18 ноября прошедшаго года. Содержание его опечалило меня и возвеселило и много попользовало. Опечалило, что Вы постоянно чувствуете себя весьма слабым, а по временам и очень больным; возвеселило исполненное высокого Христианского духа Ваше слово «Слава Богу и за настоящее!» При таком настроении все фазы жизни прекрасны; и такое слово — лучший маяк на жизненном пути, оно меня возвеселило и попользовало.

Да, если бы Господь сподобил меня, грешного, лично облобызать Вашу Святительскую десницу и насладиться Вашею беседою, как бы я возрадовался и возблагодарил Господа. Вы, святый Владыко,— незабвенный благодетель Валаама, и увидеть Вас — это для меня более, чем увидеть родного отца. Но грехи мои разлучают между мною и Вами, и Богу одному известно,

когда откроется мне возможность припасть к стопам Вашим, Владыко. Я думаю, Вы знаете, архитектор Горностаев скончался[1]. Это обстоятельство очень затрудняет меня. Он составил план часовни и по смете на постройку назначил 48 тысяч руб. Не видал еще я плана, но пугает уже и одна смета. Если еще план несостоятелен, то не знаю, что и делать? В Москве идет молва о Валаамской часовне, некоторые из москвичей спрашивают о положении дела о постройке; а оно еще и не начиналось. Помолитесь, убедительнейше прошу, святый Владыко, чтобы Господь благословил святую обитель успехом в ея важном предприятии, и меня, грешнаго, сподобил бы узреть Святость Вашу.

В обители, благодаря Господа, Вашими святительскими молитвами все тихо и мирно; главное — подначальных нет. Озеро наше особенно неспокойно, до сих пор еще нет через него зимняго пути. Сильныя ветра носят по нему широкия льдины из стороны в сторону. Такое положение нашего Нево попрепятствовало мне благовременно поздравить Вас с Новым годом. Теперь от всего сердца и от имени всего братства поздравляю Вас, святый Владыко, со вступлением во дни Нового лета и вместе с тем с наступлением святаго Великого поста. Чего пожелать Вам, незабвенный Владыко, от полноты любящих Вас сердец? Дай Бог, чтобы всегда дивное слово Ваше «Слава Богу за настоящее!» не сходило с уст Ваших. Чего попросить от обилия Вашего архипастырского расположения нам, недостойным? Помолитесь, дорогой Архипастырь, чтобы то же слово Ваше начерталось неизгладимо в сердцах наших. С ним мирно переплыть можно и поста великую пучину, и возрадоваться неизъяснимо в светоносный день светлого Воскресения, и хранить ненарушимое спокойствие во всех обстояниях жизни.

С глубоким благоговением и сыновнею преданностию, преклоняя колена, прося Вашего архипастырского благословения и святых молитв, за священный долг поставляю себе пребыть навсегда со всем братством

Вашего Преосвященства
нижайшим и усерднейшим послушником

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь
Февраля 9 дня 1863 года.

[1] *...архитектор Горностаев скончался.* — Горностаев Алексей Максимович (1808, Ардатовский у. Нижегородской губ. — 1862, Санкт-Петербург) —

архитектор, один из основоположников национального направления в русском зодчестве. Академик архитектуры (1838), профессор Академии художеств. Проекты для Валаамского монастыря и Троице-Сергиевой пустыни, выполненные по инициативе св. Игнатия Брянчанинова, обозначили новый этап в его творчестве. В нескольких сооружениях Валаамской обители наиболее ярко проявился талант зодчего — умение сочетать постройки с их природным окружением, русский стиль — с элементами романского и византийского: церкви Всех святых (1845–1850), свт. Николая (1850–1853), прп. Александра Свирского (1855), св. Иоанна Предтечи (1858–1860); Знаменская часовня (1858). Гражданские сооружения в русском стиле на Валааме (Водопроводный, странноприимный дома, келейный корпус Никольского скита и др.) близки стилистике К. А. Тона. Выразительными примерами творчества Горностаева являются также Спасская часовня Гуслицкого монастыря в Санкт-Петербурге, церковь св. Иоанна Златоуста в Старой Ладоге, соборы в Святогорском монастыре и в Гельсингфорсе (Хельсинки). См. также: примеч. 1. на с. 71.

№ 75

Преосвященному Игнатию на Бабайки

Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко,
дорогой наш Архипастырь!

Составив летопись Валаамской обители и, начертав ее, за безсилием слова, карандашем, священнейшим и приятнейшим долгом поставляю Вам, вселюбезнейший наш Святитель, Ангелу-хранителю Валаама и главному виновнику его процветания, поднести при этом слабые начатки плодов монастырских[1]. Примите, молю, незабвенный Владыко, это смиренное приношение чисто сердечной сыновней любви к вам Валаамского монастыря и поминайте нас, убогих, в молитвах Ваших. Ах, как я желал бы, недостойный, взглянуть на Вас, Владыко. и сподобиться Вашей сладкой беседы: но грехи мои разлучают меня от вашей Святости, и не знаю, когда благоволит милосердый Господь посетить мне Ваше мирное жилище?.. Буди воля Божия!

Со всем братством принося искреннейшия поздравления с приближающимся праздником святыя Пасхи, прошу Ваших Архипастырских молитв и благословения и навсегда пребуду с чувствами глубокого благоговения и сердечной преданности

Вашего Преосвященства
нижайшим послушником

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь
Марта 16 дня 1863 г.

[1] *... слабые начатки плодов монастырских.* — Собрание видов местностей острова Валаам. См. примеч. к письму свт. Игнатия № 76.

№ 76

Получено 4 мая 1863 года.

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший отец Игумен!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за постоянное памятование Ваше о мне, недостойном. Как письмо Ваше от 16 марта, так и виды Валаамскаго монастыря[1] и острова я имел истинное удовольствие получить, полюбовался, и с сердечным сочувствием перенесся мыслию к жителям этих чудных мест. Мною поручено Ивану Ильичу Глазунову[2] доставить Вашему Высокопреподобию отпечатанные мои скудоумные сочинения[3]: прошу принять их, как знак любви и памяти.

Очень сожалею, что Вы не пожаловали ныне зимою в Бабаевский монастырь. Силы мои и здоровье постоянно оскудевают; также и Ваши годы уходят. Если не увидимся в здешней жизни, то да дарует нам милосердый Господь радостно увидеться в будущем веке.

Призывая благословение Божие на Вас и на вверенное Вам братство и прося Ваших святых молитв, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

21 апреля 1863 года.

[1] *...виды Валаамского монастыря...* — «Собрание видов местностей острова Валаама, рисованных с натуры художником П. И. Балашовым. Изданное усердием Валаамского настоятеля игумена Дамаскина с братиею. 1863 г.» — название альбома из 26 литографий, впечатление от которого известный русский художественный критик Н. П. Собко выразил одним словом: «Роскошно!» (Черновые записи к «Словарю русских художников». ОР РНБ. Ф. 708. Ед. хр. 201).

[2] *Глазунов Иван Ильич* — книгопродавец-издатель (1826–1889). В его типографии на Большой Мещанской ул., д. 8 в С.-Петербурге вышло в свет первое собрание трудов «...Архимандрита Игнатия, ныне Епископа, жительствующего на покое в Николаевском-Бабаевском монастыре». Купец 1-й гильдии с 1849 г., потомственный почетный гражданин. С 1857 по 1861 г. состоял членом С.-Петербургской городской думы. Комиссионер хозяйственного управления при Св. Синоде, Императорской Академии наук, Департаменте народного просвещения и Министерства государственных имуществ. С 1883 г., когда

семья Глазуновых была возведена в потомственное дворянство,— надворный советник. Погребен в Троице-Сергиевой пустыни.

[3] *...отпечатанные мои скудоумные сочинения...* — Какие именно сочинения были посланы о. Дамаскину — неизвестно. Исходя из даты написания письма, можно предположить, что это могли быть: «Поучения» (СПб., 1863. 353 с.); «Слово о смерти» (СПб., 1862, обложка 1863 г. 144 с.); «Слово о чувственном и о духовном видении духов и совещание души с умом» (СПб., 1863. 103 с.). Эти и другие сочинения святителя Игнатия продавались в книжной лавке И. И. Глазунова.

№ 77

Получено 22 октября 1863 года.

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший отец Игумен!

Покорнейше прошу Вас дать знать десятнику Павлу Иванову[1], чтоб он на пути своем на родину навестил меня: имею особенную нужду видеть его.

Желаю Вам и обители всех истинных благ. Новые формы, вводимые в крае[2], да послужат к усугублению благосостояния, в которое приведен Валаамский м<онасты>рь.

Конечно: при таких обстоятельствах потребуется усугубление и Ваших забот.

Прося Ваших святых молитв и призывая обильное благословение Божие на Вас и на братство Ваше, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим слугою

Е<пископ> Игнатий.

2 октября 1863-го года.

[1] *...десятнику Павлу Иванову...* — В монастырских документах того времени встречается имя десятника Павла Смирнова (см. примеч. к письму № 71), а должность десятника, судя по отчетности в получении продуктов, исполнял один человек. Исходя из этих фактов, можно предположить, что это одно и то же лицо.

[2] *Новые формы, вводимые в крае...* — В духовном отношении Валаам принадлежал России, но по гражданскому определению он подчинялся административным органам Великого княжества Финляндского. Конец 50-х — начало 60-х гг. XIX в. — это время реформ в истории Финляндии. Изменения, происходившие в политической жизни Северной провинции, влияли на положение православных монастырей, Валаамского и Коневского. На протяжении полувека, со времени вхождения в состав России, в Финляндии неизменно сохранялись ее законы, утвержденные еще Шведскими королями. Многие из положений этих законов давно вошли в противоречие с действительностью.

Высочайшим манифестом от 29 марта / 10 апреля 1861 г. в Финляндии была созвана Выборная комиссия из депутатов четырех сословий для предварительного обсуждения вопросов, по которым правительство надеялось выслушать мнение представителей сословий до созыва сейма. Работа Комиссии вызвала национальное воодушевление в финском народе. Государь Император Александр II, считая необходимыми законодательные изменения и уважая традиции своих финляндских подданных, повелел 3 сентября 1863 г., созвать в Гельсингфорсе сейм земских чинов Великого княжества Финляндского. Представители четырех сословий рассматривали 48 вопросов, вынесенных на обсуждение сейма. Среди депутатов не было ни одного православного, хотя их насчитывалось до 48 000 на 1 700 000 жителей. «*Мы слышали,* — писала газета "День" (1863. № 47), — *что некоторые города избрали из своей среды православных депутатов, но таковые не были приняты на том основании, что настоящий сейм созывается по статусу 1771 года, где не обозначены православные в числе жителей Финляндии*» (*Бородкин М.* История Финляндии. Время Александра II. СПб., 1908. С. 174–175). Между тем на сейме рассматривались вопросы, напрямую затрагивающие интересы православного населения края, например, Церковный устав. С одной стороны, результаты деятельности сейма благотворно повлияли на духовное и материальное развитие Великого княжества, с другой — они вели к обособлению Финляндии от России.

№ 78

Преосвященнейшему Игнатию (на Бабайки)

Ваше Преосвященство,

Преосвященнейший Владыко!

Вселюбезнейший, дорогой и незабвенный Святитель!

И поныне Вы все Ангел-Хранитель Валаама, заботливо и предусмотрительно пекущийся о его благосостоянии. Благодарим, благодарим, благодарим Вас премного за такое обилие Вашего родственного о нас промышления, о котором напомнило нам драгоценное Ваше письмо от 2 текущаго октября. Только, простите, святый Владыко, грешным умом моим я не могу постигнуть силы Вашей Ангельской вести. Мнится мне, что она говорит о благовременности возобновления вопроса об отчислении монастыря от Финляндии, или напоминает только, чтобы монастырь был внимательнее к преобразованиям Княжества, могущим быть в ущерб интересам монастырским. Во всяком случае, весть Ваша пробудила меня, я буду стараться смотреть во все глаза, но не надеясь на основательность моего тупаго зрения, я прошу Вас убедительнейше, вселюбезнейший Архипастырь, не оставлять меня Вашими всегда благими советами, которые передать мне найдет нужным благодетельно зоркое Ваше око.

В обители у нас, Вашими молитвами, все идет мирно; все свои, злобных пасынков нет, из формуляра за текущий год, милостию Божиею, даже выпали позорныя подначальныя листы.

Дело о построении часовни в Москве не увенчалось успехом: буди воля Божия. Думе показалось, что часовня стеснит площадь[1].

Здание с машиною для подъема воды[2] почти окончено. Машина паровая уже движит колеса разных мастерских. Подъем воды занимает теперь нашу мысль: от горизонта воды вверх по всей горе до самаго здания. Из кирпича выведен светлый свод, в котором должны лежать трубы. Этот свод спешили окончить до заморозков и, слава Богу, окончили 13-го октября, недели за полторы до получения Вашего письма. Десятник с помощниками выехали из монастыря. Так я не мог передать ему приказания Вашего Преосвященства. К декабрю месяцу предполагаем поднять воду — помолитесь. Молю, святый Владыко, об успехе.

В минувшем июне месяце, на празднике памяти преподобных и богоносных Отец наших посетил обитель Преосвященный Леонтий[3], викарий С. Петербургский; совершал здесь два раза Божественную литургию. Это в праздник самих Угодников и в праздник св. апостолов Петра и Павла. Особенно торжественно было шествие святаго Владыки крестным ходом, по обычаю в Петров день, кругом монастыря. На кладбище была заупокойная лития. Святитель кадил тихия могилы братии — это было умилительно. Преосвященный осматривал все пустынныя наши селения и все хозяйства, остался, по-видимому, всем доволен. Были разныя слухи о последствиях его обозрения, теперь все стихает.

Как здоровье Ваше, незабвенный Владыко? Вы ни слова не сказали о нем, а оно для нас драгоценно. Дай Господи, чтобы оно было хорошо. Прошу убедительнейше Ваших святительских молитв, чтобы мы были хороши, прошу Вашего архипастырского благословения мне, грешному, со всем братством, приемля его заочно, несчетно целую Вашу Святительскую десницу и навсегда с чувством искренней сыновней преданности и о Христе любви за священный долг вменяю себе пребыть

Вашего Преосвященства
нижайшим послушником

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь
Октября 27 дня 1863 года.

[1] См. примеч. к письму № 69.

[2] *... Здание с машиною для подъема воды...* — Издавна в монастыре ощущалась необходимость облегчить, насколько возможно, добывание воды. Обыкновенно воду носили из озера по крутой скале, высота склона которой более 85 метров. Дело было чрезвычайно трудное, особенно в ненастную осеннюю погоду, в гололедицу и зимой, во время большого снега или при обледенении ступеней. Был и другой путь, которым по высокой и крутой горе возили воду бочками, что также было нелегко. Только при игумене Дамаскине удалось устроить водопровод, присоединив к нему разные хозяйственные заведения. В 1860 г. нарвский купец Павел Иванович Орлов пожертвовал на устройство водопровода 10000 рублей серебром. Архитектором А. М. Горностаевым был составлен подробный план здания. Построили его за четыре года. Оно и теперь стоит на северной стороне монастыря, на берегу крутой гранитной скалы, возвышающейся над поверхностью омывающего ее озера на 85 метров. По смете на постройку трехэтажного водопроводного дома потребовалось около 60000 рублей серебром. Водопровод устроили так, что вода добывалась с помощью паровой машины из колодца, сообщающегося с озером через специальную трубу. Труба находилась на 10,5 метров ниже уровня воды и принимала ее на расстоянии 8,5 метров от берега. Ширина колодца — 8 м^2. Он был сделан в гранитной скале посредством взрывных работ. Паровая машина, устроенная в верхнем этаже, свободно поднимала воду и за час доставляла, при малом ходе, 20 сороковых бочек. В 1865 г. от водоподъемного дома по чугунным трубам общей протяженностью 320 метров вода подавалась в монастырь и снабжала в изобилии все жилые здания, кухню, погреб, хлебную и больницу, гостиницу, конюшню, а также сады и огороды. Та же машина давала энергию для мельницы, распилки леса на доски, приводила в действие токарные станки. В водопроводном доме были устроены прачечная с особым бассейном, баня для немощных братий и рабочего народа, численность которого летом на Валааме достигала 400 человек. В нижнем этаже — кузница на четыре горна, в которой особого внимания заслуживали усовершенствованные мехи. Машина была принесена в дар обители купцом, потомственным гражданином Игнатием Ивановичем Забегаевым-старшим. Вся постройка здания и установка машин совершалась средствами Валаамской обители, с помощью благотворителей, под непосредственным наблюдением и руководством игумена Дамаскина.

[3] *...посетил обитель Преосвященный Леонтий...* — В миру Иван Алексеевич Лебединский (1822–1893), с 1860 до 20 декабря 1863 г. — епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 1891 г. — Митрополит Московский и Коломенский. Впоследствии, будучи Митрополитом Московским, говорил валаамскому настоятелю игумену Гавриилу, бывшему у Владыки, что он, будучи викарием, защищал игумена Дамаскина от напрасной клеветы и даже сам пострадал за него.

№ 79

Получено 16 декабря 1863 года.

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший о. Игумен!

Спешу отвечать Вам на письмо Ваше от 27 октября. Вам необходимо **тщательнейше** наблюсти за **отношениями**, в которые дол-

жен быть поставлен Валаамский монастырь при разрешении настоящего вопроса. Вы, при **тщательном наблюдении и ходатайстве**, можете приобрести значительные выгоды для обители. Люди, много получающие, много дают. Эти минуты надо ловить. В противном случае можно встать в такие стеснительные обстоятельства, из которых после не выйдешь.

Мое здоровье — слабое. По комнатам с трудом похаживаю. Из комнат выхожу весьма редко, единственно в церковь, к Литургии. Летом изредка выхожу в рощу и на поле. За всё слава Богу, и на всё — свое время.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Епископ Игнатий.

26 ноября 1863 год.

№ 80

Преосвященному Игнатию (на Бабайки)

Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко!
Незабвенный и дорогой Архипастырь!

Наполненныя опытности Ваши советы во все время моего управления Валаамским монастырем были законом моей деятельности, я дорожил ими и дорожу теперь. Слово последняго письма Вашего от 26 ноября: «необходимо тщательнейше наблюсти за отношениями, в которыя должен быть поставлен Валаамский монастырь при разрешении настоящаго вопроса», будет для святой обители спасительным маяком при нынешнем плавании Финляндии по реформам. Спаси Вас Господи, незабвенный Владыко, что так все еще близки интересы Валаама к Вашему любвеобильному сердцу. Все это глубоко начертывается на скрижалях искренней признательности к Вам обитателей гор Валаамских. Спаси Вас Господи!

От полноты любящих Вас сердец священным долгом поставляю себе со всею братиею поздравить Вас с минувшим днем Вашего Ангела, с прошедшим праздником Рождества Христова и с приближающимся Новым годом и искренно пожелать Вам здоровья и спасения.

В обители, благодаря Господа, Вашими архипастырскими молитвами, мирно и благополучно: в нынешнем месяце поднята вода на монастырскую гору. Событие радостное, тем более, что посещавшия монастырь инженеры признавали невозможным по законам механики подъем воды на гору, если машина водоподъемная будет находиться на вершине горы, и она действительно находится на горе, даже на три сажени от верха горы, во втором этаже самого здания; однако же молитвами св. Угодников, на высоту 38 сажень в шесть минут подымается вода до баков.

Разныя слухи, о которых умолчал в письме к Вашему Преосвященству, носившиеся вследствие обозрения монастыря Преосвященным Леонтием, обратились в факты.

На меня возложена должность Благочинного над Валаамским и Коневским монастырями[1], и я представлен к награде — наперсным крестом, бриллиантами украшенным. Так на западе моей старости возвеличил Господь, сотворил милость Свою с Валаамом. Благодарение Его неизреченному Милосердию. Помолитесь, молю, святый и дорогой Владыко, чтобы осуществившаяся Ваша мысль о благочинии над монастырями, по благости Божией, увенчалась возможным успехом в исполнении.

Преклоняя колена со всем братством, прося Вашего архипастырского благословения и святых молитв, лобызая Ваши святительския руки, навсегда с чувствами благоговения и сыновней любви за священный долг вменяю себе пребыть

Вашего Преосвященства,
Архипастыря и Отца
нижайшим послушником

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь
Декабря 27 дня 1863 года.

[1] В 1863 г. Валаамский монастырь был отделен от общего благочиния и о. Дамаскин, будучи настоятелем обители, стал также и благочинным ее, с подчинением его же благочинию Коневского монастыря.

№ 81

Получено 15 февраля 1864 года.

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший отец,
Игумен Дамаскин!

Приношу Вам искреннейшую признательность за воспоминание Ваше о мне и поздравление с Праздником Рождества Христова

и Новым Годом, с каковыми равномерно поздравляя Вас и вверенное Вам братство, желаю Вам всех истинных благ.

Поздравляю Вас со спокойным положением, дарованным милостию Божиею чрез посредство Архипастырей. Искренно желаю, чтоб это положение послужило ко благу обеих обителей, и Ваше служение принесло плод, благоприятный Богу.

Точно! Вам нужно особенно озаботиться о том, в какое положение будет поставлен Валаамский монастырь при настоящей реформе в Финляндии[1]. При таких реформах обыкновенно всякая страна заботится об том, чтоб упрочить **основания** своей национальности, то есть чтоб народ сохранил свой язык, свои обычаи, свою **религию**, и по этой причине всегда пребыл бы **отдельным народом**. С стремлением упрочить свою религию естественно соединено стремление уничтожить влияние других религий на свою страну. И потому Вам необходимо, нисколько не медля, самим лично побывать в том месте, где происходят совещания, и мерами любви склонить, чтоб Вам была открыта мысль о Православных обителях. Затем такими же мерами любви склонить совещавающиеся лица, чтоб они не сделали ничего отяготительного для обителей. Иногда какая-либо безделица может быть чрезвычайно отяготительною и расстроить не только спокойствие, но и благосостояние монастыря. Гораздо лучше обделывать такие дела соглашением, нежели столкновением. Притом, когда все будет утверждено Высшею властию: тогда трудно, а может быть, и невозможно что-либо изменить.

О себе скажу Вам, что благодарю и славословлю Господа за настоящее мое положение. Чем долее живу в устранении от шумного и суетного мира и дел его: тем более и более чувствую, что дух мой успокоивается. Слабость телесных сил постепенно умножается, почему из комнат выхожу очень редко; иногда служу, но глас мой едва слышен по причине ослабления груди и легких, а длинных молитв на молебнах вовсе и читать не могу. На всё свое время. Время начинать земное странствование, время быть на средине его и время оканчивать его.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на братство Ваше, поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.
4 февраля 1864 года.

[1] *...при настоящей реформе в Финляндии.* — Сейм земских чинов Великого княжества Финляндского, который уже тогда многие в Финляндии называли парламентом, работал с 3 сентября 1863 г. по 3 апреля 1864 г. Подробнее — примеч. к письму № 77.

№ 82

Преосвященному Игнатию на Бабайки

Ваше Преосвященство,

Преосвященнейший Владыко!

Незабвенный наш Архипастырь!

Сердечно желал я много припасть к стопам Вашего Преосвященства, в радостной надежде на осуществление этого желания отлагал душевную потребность письменной беседы с Вами, дорогой Владыко, отлагал, отлагал... а теперь не знаю, как и чем начать и окончить ее!

Начну искренним от сердца словом — простите! Простите, святый Владыко, за мое продолжительное, неизвинительное сыну молчание. Оно произошло не от забвения: могу ли забыть Вас, незабвенного благодетеля Валаама, оно сложилось из разнообразных причин и предположений, между тем как сердце мое многим желало поделиться с Вами.

Вашему Преосвященству небезызвестно, что я, грешный, получил орден св. Анны второй степени. Вот первая радость мне — старику на пороге могилы. Этою радостью собственно для святой обители, как вещественным выражением процветания Валаама, хотел я порадовать Вас, как главного виновника всех его радостей, как дражайшаго отца, вполне сочувствующаго интересам сына, но уехал потом на Коневец, потом в Петербург, наконец, в Москву...

В Москве необходимо было мне обозреть наше подворье, чтобы понять его значение для монастыря. Как следствие этого обозрения, в настоящее время почетный гражданин Феодор Ильич Тюменев[1], купив угловой дом подле подворья, жертвует его монастырю для построения на месте его часовни, если дозволят, если же не дозволят, то безусловно в монастырскую пользу. Из Москвы порывался в благословенныя пределы Ваши, собственно к Вам, дражайший Владыко, на Бабайки, но, признаюсь, дух бодр, плоть немощна — измученный визитами в Москве, убоялся трудностей каменистаго пути. Вот непростительная вина моя, в которой заставляла совесть немедленно испросить у Вас прощения. Быть так близко у присновожделенной для меня цели

и по немощам не достичь ея: это мне невыразимо горько. Нужно было хотя просить прощения... появились первыя печатныя листы описания Валаама...

Это описание, из материалов монастырских составленное, издано Николаем Васильевичем Елагиным[2]. Этого описания я ждал, чтобы поднести экземпляр его Вашему Преосвященству. Дождавшись не более двух недель, спешу исполнить при этом удобном случае потребности моего сердца. Припадая к святительским стопам Вашим, прошу убедительнейше во всем великодушнаго прощения, руками искренней сыновней любви поднося вам описание Валаама, прошу прочесть в нем святыя чувства чистосердечной преданности и глубокого уважения, с которыми за священнейший долг вменяю себе, лобызая Вашу святительскую десницу, благословляющую преклонившихся пред Вами всех нас, обитателей валаамской пустыни, пребыть

Вашего Преосвященства,
дражайшего Архипастыря и Отца
со всею о Христе братиею
любящим и покорным сыном

Игумен Дамаскин

Валаамский монастырь
октября 5 дня 1864 года.

[1] *...почетный гражданин Феодор Ильич Тюменев* — рыбинский купец, хлеботорговец, потомственный почетный гражданин. Один из постоянных благотворителей Валаамского монастыря, духовный сын игумена Дамаскина. На средства Ф. И. Тюменева были возведены церковь и келейные корпуса, в том числе и корпус для благотворителя в скиту во имя преп. Авраамия Ростовского. Похоронен в 1893 г., рядом с женой, на старом братском кладбище.

[2] *...издано Николаем Васильевичем Елагиным.* — «Валаамский монастырь» (СПб., 1864). Автором этой книги был иеромонах Пимен (Гаврилов), окончательную подготовку и редактирование книги выполнил Н. В. Елагин. О нем — в примеч. к письму свт. Игнатия № 83.

№ 83

Получено 15 января 1865 года.

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший отец Игумен!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Великим праздником Рождества Христова, равным образом и с получением Монаршей милости, о чем я узнал только из письма Вашего, потому что ни газет, ни журналов не читаю за крайнею

слабостию здоровья и зрения, выносящего самое умеренное чтение, и то лишь при дневном свете. Благодарю Вас за присланное печатное, подробное описание Валаамского монастыря! В каком прекрасном переплете прислали Вы мне описание той обители[1], которую я особенно люблю и уважаю по особенным удобствам ее к монашеской жизни!

Павел посетил меня 22 ноября, прислав прежде письмо Ваше и посылку. Благодарю Вас за намерение посетить меня! Хотя не видал я Вас телесными очами давно, но сердечными зрю присно, и особенно благодарен Вам за то, что Вы принадлежите к тем весьма немногим личностям, которые, расставшись со мною по телу, остались в единении по любви.

Поручая себя Вашим святым молитвам и призывая благословение Божие на Вас и на вверенное Вам братство и обитель, коей желаю преуспеяния и развития в духовном и вещественном отношениях, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.
20 декабря 1864 года.

[1] *...описание той обители* – «Валаамский монастырь» (СПб., 1864) – книга издана за счет монастыря. Составил описание Николай Васильевич Елагин (1817–1891). В те годы он исполнял должность цензора в С.-Петербурге и писал сочинения духовно-нравственного и историко-биографического характера. Его перу принадлежат: «Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской» (1853); «Очерк жизни князя П. А. Ширинского-Шихматова» (1855); «Письма о христианской жизни» (1858); «Дух и заслуги монашества для Церкви и государства» (1874) и некоторые другие. Ненавидимый либеральной критикой, Николай Васильевич всю свою жизнь защищал монашество. Оно являлось для него высшей формой нравственного совершенства. В архиве Валаамского монастыря сохранилась часть переписки между игуменом Дамаскиным и Н. В. Елагиным. В одном из писем о. Дамаскин подробно отвечает на просьбу Елагина о вступлении в число братства монастыря. Жизненные обстоятельства помешали исполнению этого желания.

№ 84

Преосвященному Игнатию на Бабайки

Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко!
Милостивый Архипастырь,
незабвенный и Святой Отец!

Давно, давно следовало мне припасть к архипастырским стопам Вашего Преосвященства с искреннею душевною благо-

дарностию за присылку Вашего дорогого, истинно аскетического сочинения в пустынную нашу обитель. Прежде всего, простите за долговременное молчание, потом приимите, молю, нашу глубочайшую признательность за Вашу память о Валааме, незабвенный и дорогой Владыко.

Как здоровье Ваше? С каким бы восторгом узрел я священную особу Вашу! Не знаю, сподобит ли Господь когда-нибудь. Так хотя в этих малых строках утешаю мое сердце, воображая, что как бы беседую с Вами, присно дорогой Архипастырь и Отец.

Поздравляю Вас с тихими днями святаго Великого поста и от всей души желаю в добром здоровии и радости достигнуть и поклониться святому Христову Воскресению.

Со всею братиею целуя Ваши архипастырския ручки, преклоняя колена и прося Вашего святительского благословения и молитв, с чувством неизменной сыновней любви и душевной преданности, за долг священнейший вменяю себе пребыть навсегда

Вашего Преосвященства
нижайший послушник

Игумен Дамаскин

Валаам
17 февраля 1866 года.

№ 85

Получено 30 марта 1866 года.

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший о. Игумен Дамаскин!

Приятнейшее письмо Ваше от 17 февраля получено мною 5 марта. Принося Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне, поздравляю Вас с текущею четыредесятницею и с наступающим Праздником праздников — Светлым Воскресением Христовым.

Здоровье мое было потрясаемо с детства многими тяжкими потрясениями, а потому в старости не может уже поправиться, и постепенно разрушается более и более. Особливо истощание сил — необыкновенное! По этой причине почти не выхожу из келлии и ничем не занимаюсь. Взирая на окончательную участь многих знакомых и родственников, проведших жизнь среди мира в служении ему и внезапно восхищенных смертию, благодарю Бога, приведшего меня в монастырь. Хотя в монастыре живу

весьма недостаточно; но в миру, наверно, жил бы еще хуже, и, занявшись суетностию, не получил бы никакого живого понятия о Боге.

Родственная Валааму Саровская пустынь приняла с особенною благосклонностию «Аскетические Опыты»[1]. Туда выписано одиннадцать экземпляров.

Если вздумаете посетить Бабаевский монастырь, то я желал бы, чтоб Вы пожаловали в то время, как Собор будет окончен вчерне, что, уповаю, совершится в лето 1867 года[2]. Желаю сего с тою целию, чтоб Вы, увидав в натуре сие здание, воздвигли подобное еще в лучшем виде на горах Валаамских[3]. Храм имеет особенные удобства в отношении к требованиям монастырского Богослужения.

Поручая себя святым молитвам Вашим и вверенного Вам братства, призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.
7 марта 1866 года.

Мой адрес: в Ярославль, а не в Кострому.

[1] *«Аскетические Опыты»* — В 1865 г. в типографии И. И. Глазунова вышли первые два тома собрания сочинений епископа Игнатия — «Аскетические опыты».

[2] Об окончании строительства Собора см.: Т. 2. С. 273–274.

[3] *...подобное еще в лучшем виде на горах Валаамских.* — В 1873 г. игуменом Дамаскиным с братией был заказан проект нового соборного храма на Валааме. Творение петербургского архитектора М. А. Щурупова оказалось грандиозным и дорогим. Его смета должна была составить примерно 600 тысяч рублей. Воплотить в реальность созданный проект не удалось: не хватило средств. Через два десятилетия преемник о. Дамаскина, игумен Ионафан, начал строительство собора по проекту другого архитектора — А. Я. Силина.

№ 86

Получено 16 апреля 1866 года.

Недавно писал я к Вам: и паки пишу, побуждаемый моею убогою любовию к святой обители Валаамской, которой вы Настоятель, и к святой обители Коневской, которой Вы — Благочинный. Обратите внимание на письма мои, которые писал я к Вам по приезде моем в Баб<аевский> монастырь. *Блюдите, како опасно ходите,* сказал Апостол (Еф. 5. 15).

Нахожусь в крайнем изнеможении и прошу у обеих обителей, паче же у их Настоятелей, чтоб помолились о мне, грешном и болящем.

Недостойный Епископ Игнатий.
4 апреля 1866-го года.

№ 87

Преосвященному Игнатию на Бабайки

Ваше Преосвященство!
Преосвященнейший Владыко,
добрый и незабвенный Отец!

Немедленно по получении от Вас известия о важности реформ Финляндских для наших обителей я принял с моей стороны возможныя меры предосторожности. Я просил людей, поставленных на передовой страже Православия в Финляндии, а именно: Выборгского о. протоиерея и о. благочинного священника церкви Сердобольской, известить меня немедленно о всем, могущем касаться интересов монастырских, что откроется на Финляндском сейме и о чем только дойдет до них один слух. Оба эти лица заверили меня письменно в полной их готовности исполнить своевременно мою просьбу. До сих пор еще не слыхать ничего; не знаю, что будет далее? Может быть, тишина и служит предвестником бури? Буди воля Божия! Думаю, если финляндцы и готовят удар монастырям, то этот удар будет окован в глубокой тайне и разразится неожиданно. Молитесь, молитесь, сладчайший и драгоценный Владыко, да не внидем в напасть!

Валааму можно ли не молиться о Вас, можно ли не поминать приснолюбезное имя Ваше?! я и Вы записаны у нас во всех разрядах для поминовения, убежден, что теми же святыми чувствами признательности движет к Вам и Коневец. Да даст Вам Господь по Вашему сердцу.

Глубоко Вам благодарен за все со всею о Христе братиею.
Душевно Вам преданный
Ваш нижайший послушник

Игумен Дамаскин
Валаам 23 апреля 1866 года.

№ 88

Преосвященному Игнатию на Бабайки

Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко,
милостивейший Архипастырь,
незабвенный и дорогой наш Святой Отец!

Недавно изданы Валаамом две книжечки — «Слово любви» и «Царская часовня»[1], с ними, собственно, как выражение всегдашней о Вас памяти обитателей гор Валаамских и их нелестного чувства к Вам сыновней любви, спешу в Богохранимыя Ваши пределы, примите их благоснисходительно, назабвенный святый Владыко, и порадуйте нас вестию о Вашем драгоценном здоровьи и пребывании.

Просящия Ваших святых молитв
всею душею Вас любящия
со всею братиею

Игумен Дамаскин
Валаам
1 сентября 1866 г.

[1] Первая книга — *«Слово любви»* Н. А. Благовещенского, автора книги «Афон. Путевые впечатления» (Изд. Валаамского монастыря, СПб.: Тип. журн. «Странник», 1866); выдержала 6 изданий. Вторая книга — *«Царская часовня на Валааме»* (Изд. В. М. СПб.: Тип. журн. «Странник», 1866) — о постройке в монастыре часовни в память посещения обители Государем Императором Александром II с Его Августейшим семейством в июне 1858 г. Автором статьи, послужившей основой этого издания, был сам игумен Дамаскин (авторство установлено по письму Епископу Игнатию).

№ 89

Получено 30 октября 1866 года.

Ваше Высокопреподобие,
возлюбленнейший о. Игумен Дамаскин
со всею о Христе братиею!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за любвеобильное воспоминание Ваше о мне и за присланные книжки. Здоровье мое весьма слабо. Иногда сделается полегче, а иногда так тяжело, что и смерть представляется близкою. Вообще же чувствую необыкновенное истощание сил, что есть естественное последствие весьма продолжительного болезненного состояния. Уединенным местом жительства и прочею обстановкою я весьма

доволен и благодарю Господа, даровавшего мне положение, столько соответствующее немощи моей, душевной и телесной. Прося Ваших святых молитв и призывая обильное благословение Божие на Вас и на все возлюбленное братство Ваше, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.
17 окт<ября> 1866 г.

№ 90

Преосвященному Игнатию на Бабайки

Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко!
Дорогой и незабвенный наш Архипастырь!

С прошедшим днем Вашего Ангела, с прошедшим праздником Рождества Господа нашего и с наступающим Новым Годом, общим голосом всего Валаамского братства приношу Вам усерднейшее поздравление. Дай Господи Вам, дорогой и незабвенный Владыко, и здоровья и благоденствия: это здесь, на земле странствия, и вечнаго блаженства там, в горних селениях Христова Царствия!! Мы всегда молим о Вас, всегда поминаем святое имя Ваше: **Вы так заботливо, так отечески хранили Валаам, своими попечениями Вы возрастили его** — это начертано неизгладимо и на наших сердцах, и на страницах истории.

Как Вы поживаете, Ваше Преосвященство? Порадуйте нас хотя кратким словом о Вашем пребывании.

На Валааме все мирно. Новостей нет. На Коневце тоже, милостию Божиею, все благополучно. Недавно освящена Коневская часовня в С. Петербурге. После пожара, бывшаго там, который окончился у пределов часовни, она выстроена вновь прекрасно, как церковь, даже смущает собою священников Владимирского храма. Также надо отдать честь о. Израилю, он много старается в пользу обители; много поправок значительных произведено при нем по монастырю, а часовня — венец его трудов. Упражняясь в хозяйственном отношении, Коневец преуспевает и в отношении нравственном. Не так резок теперь контраст между Валаамом и им (конец письма отсутствует в архиве Валаамского монастыря).

Письмо от 30 декабря 1866 г.

№ 91

Получено 23 января 1867 года.

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший о. Игумен Дамаскин!

Приношу Вам и вверенному Вам братству искреннейшую благодарность за любвеобильное воспоминание Ваше о мне и, взаимно поздравляя Вас с прошедшими праздниками и наступившим Новым Годом, усерднейше желаю Вам от всещедрой десницы Господней всех истинных благ.

Утешаюсь благою вестью о благосостоянии святых обителей, Валаамской и Коневской. Мое здравие очень расстроено, а милосердый Господь даровал по такому состоянию здоровья и положение спокойное в уединенной Бабаевской обители.

Поручено брату моему доставить в Санкт-Петербургскую часовню Валаамского монастыря **две остальные части** моих убогих сочинений[1], что должно последовать в марте месяце или в конце февраля; прошу принять их благосклонно, а мне выслать **один** экземпляр описания Валаамского монастыря, потому что присланные Вами мною подарены добрым людям.

Прошу у Вашего Высокопреподобия и у вверенного Вам братства благоприятных Богу молитв о мне, грешном и болящем. Призывая на Вас и на вверенную Вам обитель обильное благословение Божие, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим слугою,

Епископ Игнатий.

10 января 1867 года.

[1] *...две остальные части моих убогих сочинений...* — «Аскетическая проповедь епископа Игнатия, жительствующего на покое в Николаевском Бабаевском монастыре Костромской епархии» (Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1866); и «Приношение современному монашеству...» (Собрание сочинений. Т. 4. СПб., 1867).

№ 92

Получено 22 апреля 1867 года.

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший отец Игумен!

Приношу Вам и братству святой обители Вашей усерднейшее поздравление с наступающим Праздником праздников, с

Светлым Воскресением Христовым. Приветствую Вас всерадостным приветствием «Христос Воскресе» и желаю Вам всех истинных благ во времени и в вечности. Вместе с этим очень благодарю Вас за присылку печатного описания обители Вашей и других брошюр, изданных Валаамским монастырем[1]. В начале Великого Поста посетил меня Ваш десятник Павел. С приятностию услышал я от него некоторые подробности о Вас и о Валаамском монастыре.

Поручая себя Вашим святым молитвам и молитвам вверенного Вам братства, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий[2].

10 апреля 1867 года.

[1] *...печатного описания обители Вашей и других брошюр, изданных Валаамским монастырем.* — «Валаамский монастырь» (исторический очерк. СПб., 1864). Среди присланных брошюр могли быть описания Сяндемской Успенской и Ондрусовой Николаевской пустынь, изданных усердием настоятеля игумена Дамаскина в 1856 г., сочинения о посещении Валаама Царствующими особами, упоминавшиеся в письме от 28 сентября 1859 г., а также повторно брошюры «Слово любви» и «Царская часовня на Валааме».

[2] Рядом с именем святителя Игнатия поставлен крест и дата: 30.IV 1867 г.

№ 93

Преосвященному Игнатию на Бабайки

Ваше Преосвященство!

Преосвященнейший Владыко,

милостивый, дорогой и незабвенный архипастырь и Святой Отец!

Общим голосом всего нашего о Христе глубоко Вам преданного братства на Ваше всерадостное приветствие «Христос воскресе!» ответствуем исполненным несомненной веры: «воистину воскресе!» От искренняго сердца желаем Вам, святый Владыко, и здоровья, и мира душевного, и спасения души. Премного благодарим, недоумеваем, как благодарить за все обилие Вашей отеческой к нам, недостойным, любви. Письмо Вашего достоуважаемого братца Петра Александровича о доставлении Ваших трудов в часовню имели радость получить, самих же книг еще не получили. Целуем Ваши святительския ручки, просим убедительней-

ше не оставлять нас воспоминанием в Ваших архипастырских молитвах и осенить нас всех Вашим благословением.

Всею душею Вас любящия,
Вам всеусердно преданный,
со всею братиею нижайший послушник

Игумен Дамаскин

Валаам
25 апреля 1867 г.

Святитель Игнатий Брянчанинов

ВАЛААМ

Великолепна буря на Ладожском озере, когда при ясном небе, при сиянии солнца порывистый ветер передвигает влажные холмы по поверхности глубокого, широкого озера. Эта необъятная поверхность вся усеяна холмами лазуревого цвета с белоснежными, серебристыми гребнями. Смятенное бурею озеро представляется одушевленным.

При такой буре в 1846 году, в первых числах сентября, ехал я из Коневского монастыря в Валаамский на пароходе, носящем имя острова, на котором стоит последний монастырь[1]. Ветер был очень свежий; быстро неслись под небом белые облака отдельными группами, как стада птиц, совершающих свое переселение осенью и весною. Величественна буря на открытом озере; и у берегов она имеет свою красу. Там свирепые волны — в вечном споре с ветрами, гневаются, грозно беседуют между собою, а здесь они — в ярости на землю, с замыслом дерзновенным. «Смотрите, как лезет волна на берег», — говорил сопровождающий меня коневский старец. Точно, волна «лезет» на берег. Это прямое выражение ее действия. И лезет она с упорством не только на берег отлогий, на огромную скалу гранитную, стоящую отвесно над бездною, от начала времен мира смотрящую спокойно на свирепые бури, как на детские игры. На сажень, на две сажени подымается волна по скале и в изнеможении упадает к ее подножию в мелких брызгах, как разбитый хрусталь; потом снова начинает свою постоянно упорную, постоянно безуспешную попытку.

[1] Пароход этот именуется «Валаам». С открытия судоходства на Ладожском озере до осеннего бурного времени пароход дважды в неделю ходит в Валаамский монастырь, отправляясь каждый раз из Шлиссельбурга. [В данной повести примеч. свт. Игнатия Брянчанинова. — *Ред.*]

Несколько лет тому назад я видел бурю на Ладожском озере при пасмурной погоде. Тогда картина теряет много живописности. Воды окрашены серым цветом; пена не серебриста, мутна и желтовата; мгла суживает раму зрелища; нет ни того движения, ни того разнообразия,— словом, нет той жизни. Нужны лучи солнца для оконченности этой сериозной, полной вдохновения картины. И самое солнце как прекрасно, когда глядит с чистого, недосягаемого неба на бурю земную!

Остров Валаам — бесспорно, живописнейшее место старой Финляндии. Он находится на северной оконечности Ладожского озера[1]. Подъезжаете к нему — вас встречает совершенно новая природа, какой не случилось видеть путешествовавшему лишь по России: природа дикая, угрюмая, привлекающая взоры самою дикостию своею, из которой проглядывают вдохновенные строгие красоты. Вы видите отвесные, высокие, нагие скалы, гордо выходящие из бездны: они стоят, как исполины, на передовой страже. Вы видите крутизны, покрытые лесом, дружелюбно склоняющиеся к озеру. Тут какой-нибудь пустынник вышел с водоносом в руке почерпнуть воды и, поставив на землю водонос, загляделся на обширное озеро, прислушивается к говору волн, питает душу духовным созерцанием. Вы видите огражденные отовсюду гранитными, самородными стенами заливы, в которых спокойно дремлют чистые, как зеркало, воды, в то время как в озере бушует страшная буря; здесь спрятался галиот или сойма от крушения, ждет в затишьи попутного ветру, а хозяин судна уже с равнодушным любопытством смотрит на яростные, ревущие волны озера, недавно хотевшие разрушить его судно, в которое он вложил все достояние, всю судьбу свою и своего семейства. Вы плывете по излучистым проливам, где часто две противоположные стены сходятся так близко, что оставляют лишь тесный проход для одного галиота. Вы опускаете лот, измеряете глубину в этой узине: глубина тут — многие сажени. Вы входите с северной стороны в губу, далеко вдавшуюся во внутренность острова; плывете по этой губе: с правой стороны — дремучий лес на каменных, громадных уступах, выходящих отвесно и навесно из темных вод. Этот лес и эти камни отражаются густою тенью в водах

---

[1] Остров Валаам от ближайшего берега в двадцати пяти верстах, от финляндского города Сердоболя в сорока, от Коневского монастыря в восьмидесяти; в окружности имеет около тридцати верст; принадлежит к Санкт-Петербургской епархии, а по гражданскому распределению к Выборгской губернии Великого Княжества Финляндского.

губы, отчего тут воды особенно мрачны и ландшафт принимает самый грозный вид. Губа постепенно расширяется и наконец образует овал значительного размера. Вы отторгаете взоры от этой картины, необыкновенной, наводящей на душу невольный ужас, но ужас приятный, с которым не хочется расстаться; обращаетесь к противоположной стороне: пред вами — обширный монастырь на высокой, длинной гранитной скале, как легкое бремя на плечах гиганта. Скала прежде покрывалась беловатым мхом. Монахи счистили мох; теперь гранит свободен от седин, висевших на смуглом челе его; он величествен и грозен в обновленной юности и наготе своей. Из трещин скалы выросли липы, клены, вязы; по скале вьется плющ, а под скалой разведен фруктовый сад, над которым колеблются и шумят зеленеющие вершины дерев, как бы готовых низринуться на сад, но удерживаемых далеко ушедшими в скалу корнями. Разительная, великолепная картина! Как приятно видеть селение человека, его руку, клочок земли, политый его пóтом, украшенный его трудами, среди огромных масс дикой, могучей природы! Пристаете к гавани, выходите на берег: по крутому скату горы устроена гранитная лестница; по ней подымаетесь к монастырю, стоящему на вершине горы, на обширной площади. На эту площадь с южной стороны ведет крутая отлогость; к западу, к губе, площадь обрезывается отвесною скалою.

План монастырских зданий состоит из двух четвероугольников, из которых один помещается в другом. Поднявшись по гранитной лестнице на площадь, вы идете по аллее к святым вратам, находящимся в наружном четвероугольнике; против этих ворот — другие, во внутреннем четвероугольнике. Входите в них: перед вами на правой стороне — соборная церковь Преображения Господня, в верхнем этаже; в нижнем — Валаамских чудотворцев Сергия и Германа, где и мощи их почивают под спудом. Собор соединяется посредством галереи с теплою церковию Успения Божией Матери; в галерее помещается ризница. На другой оконечности, составляющей собою юго-восточный угол, — церковь святителя Николая. На левой стороне, противоположной той линии, на которой стоят храмы, — келлии настоятеля и некоторые братские. Против вас — братская трапеза и кухня; а в той линии, в которой врата и где, предполагаю, вы стоите, — келлии чредных иеромонахов. Над святыми вратами наружного четвероугольника — церковь Петра и Павла. В линии этой с левой стороны — гостиница; с правой — келлия духовника и обширная рухольня (так в монастырях

называется кладовая) монастыря. В противоположной линии — больница монастыря со значительным числом келлий, в которых помещаются все престарелые и увечные. При больнице — церкви, в верхнем этаже — Пресвятыя Троицы, в нижнем — Живоносного Источника. В линии, обращенной к губе, с одной стороны — продолжение гостиницы, с другой — канцелярия монастыря. В восточной линии с одной стороны — продолжение рухольни, с другой — монастырская библиотека, сравнительно с другими монастырями богатая, имеющая довольно рукописей, почти исключительно состоящих из творений святых Отцов, писавших о монашеской жизни. Для истории Валаамского монастыря не найдется в этой библиотеке обильных материалов. Она собрана в конце прошедшего и начале нынешнего столетий; древние рукописи уничтожены, как и все древнее в Валаамском монастыре, пожарами и шведами. Нет здания на всем острове, ни даже часовни, которым бы исполнилось хотя сто лет.

Основание и существование монастыря Валаамского с достоверностию относится к глубокой русской древности: к такому заключению приводят некоторые исторические факты. Преподобный Авраамий, основатель и архимандрит Ростовского Богоявленского монастыря, пришел еще язычником в Валаамскую обитель в 960 году после Рождества Христова, там крещен и пострижен в монашество[1]. В Софийской летописи сказано: «Лета 6671 (1163 после Рождества Христова) обретены были мощи и перенесены преподобных Отец наших Сергия и Германа Валаамских»[2]. Другой летописец упоминает, что в 1192 году игумен Мартирий построил каменную церковь на Валаамском острове[3]. Местное предание, подкрепляемое этими и подобными им скудными до нас дошедшими сведениями, признает преподобных Сергия и Германа греческими иноками, современниками равноапостольной великой княгини Ольги. Если принять в соображение ту решимость, с какою древние иноки стремились к глубочайшему уединению, то удобство, которое Валаамский остров доставляет ныне, тем более доставлял тогда, для такого уединения,— надо согласиться, что переселение сюда греческих иноков не заключает в себе ничего странного и несбыточного.

[1] Рукописное житие святого Авраамия Ростовского и Словарь Российских святых. ‖ [2] Словарь Российских святых. ‖ [3] Рукопись библиотеки Валаамского монастыря. Может быть, архивы Финляндии доставят со временем сведения, более определительные и подробные для истории Валаама, нежели какие доставляются источниками, ныне известными.

Во все исторические просветы, в которые от времени до времени проявляется существование Валаамского монастыря, видно, что иноки его проводили жизнь самую строгую, что там были и общежитие и отшельники, и всеми иноками заведовал игумен. Здесь в четырнадцатом веке жил несколько времени преподобный Арсений Коневский, совершивший дальнее странствование на святую Афонскую гору и положивший начало монастырю Коневскому. Сюда во второй половине пятнадцатого столетия вступил юношею преподобный Александр Свирский: он занимался первоначально трудами в общежитии, потом безмолвствовал на Святом острове, в тесной пещере, неизвестно — природной ли или иссеченной в скале. Святой остров — каменная гора; подымается она из озера, оканчивается к северу высоким утесом и принадлежит к группе малых островов, которыми в разных местах обставлен главный остров, как планета своими спутниками. В первой половине пятнадцатого столетия жил здесь некоторое время преподобный Савватий Соловецкий, перешедший впоследствии для глубокого уединения на Белое море, на дальний север, в пустыни Соловецкого острова, дотоле необитаемые. Он искал там того же и с таким же мужественным самоотвержением, чего искали греки Сергий и Герман на Валаамском острове, находя свой Афон и свой Олимп слишком многолюдными, хотя это многолюдство и составляли лики иночествующих[1].

Не раз Валаамский монастырь подвергался опустошению от шведов; не раз иноки его падали под острием меча и землю, орошенную пóтом молитвенным, орошали кровию мученическою; не раз пылали святые храмы и хижины иноческие, зажженные рукою врага или неосторожности. Но местность Валаамского монастыря, его многообразные удобства для всех родов иноческой жизни скоро возобновляли в нем черноризное народонаселение. Валаам назначен, освящен в место богослужения как бы самою природою. Предание древнее, но, кажется, имеющее основание, говорит, что в то отдаленное время, как страна эта была во мраке язычества, здесь совершалось поклонение

[1] Пребывание на Валааме преподобных Арсения, Савватия и Александра — достоверные факты, сохраненные в их жизнеописаниях. В жизнеописании преподобного Свирского, написанном учеником его Иларионом, сказано с достаточною подробностию и великою похвалою о подвижничестве Валаамских иноков, а в житии преподобного Арсения — что в монастыре было многочисленное братство.

кумирам[1]. Когда взглянешь на эти темные, глубокие воды, на эти темные, глухие леса, на эти гордые, могучие скалы, на всю эту величественную картину, беспрестанно изменяющуюся и беспрестанно живописную; когда прочитаешь в ней глубокое поэтическое вдохновение, сравнишь с роскошною местностию Валаама скудную местность окружающей Финляндии,— скажешь: «Да, здесь должен был жестокосердый и воинственный скандинав изменять свои бранные, суровые думы и ощущения на благоговение; здесь должна была душа наполняться всем, что возносит душу человеческую к высшим ощущениям, доставляемым религиею». То же предание приводит сюда святого апостола Андрея, пришедшего, по сказанию Нестора, из Киева в Новгород и путями морскими возвратившегося в Южную Европу, где в Ахаии ожидал его венец мученический. Он говорит, что Апостол по реке Волхову достиг Ладожского озера, чрез озеро достиг Валаама, обратил в христианство жрецов, обитавших на нем, и основал Церковь Христианскую. Это предание называет Сергия спутником Апостола, по отшествии его — наставником этих стран в христианстве.

Что мудреного? *Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их*[2], — свидетельствует Писание о путешествиях Апостолов. Их труды принадлежали не какому-нибудь одному народу — всему человечеству; заботливое внимание их, любовь их сердца привлекались не образованностью, не гражданским устройством и силою — привлекались бедствием падшего человека, был ли он скиф или варвар, иудей или эллин[3]. Почему же не прийти святому апостолу Андрею к праотцам нашим, славянам, и соседям славян, скандинавам? Почему не посетить ему место, освященное для богослужения народного,— там не насадить Богопознания и богослужения истинных? Почему не допустить мысли, что Сам Бог внушил Апостолу это высокое, святое намерение, дал силу к исполнению его? Дикость, малоизвестность страны, дальность, трудность путешествия не могут быть достаточною, даже сколько-нибудь сильною, причиною, чтоб отвергнуть это предание. Немного позже времен Апостольских ходили путями этими целые воинства: почему же не пройти ими Апостолу, водимому десницею Божиею и ревностию Апостольскою?

---

[1] Рукопись библиотеки Валаамского монастыря, ссылающаяся на древнюю рукопись, именуемую «Оповедь». || [2] *По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их* (Пс. 18. 5). || [3] Кол. 3. 11.

Вот уже предание не темное, не сомнительное, а верное, чисто историческое. Монашеская жизнь на Валааме и восточное исповедание веры христианской в стране той процветали гораздо ранее и сильнее, нежели сколько мог бы заключить путешественник при поверхностном посещении края, при кратковременном взгляде на него. Надо посмотреть попристальнее, надо пожертвовать довольно времени, прислушаться внимательно к рассказам и Валаамских иноков, и прибрежных жителей, из них извлечь сведение, достойное быть внесенным в скрижаль истории, достойное внимания современной образованности, памяти образованного потомства. Столько развивалась иноческая жизнь на Валаамском острове, что перекинула побеги свои чрез озеро, на противоположный берег, на котором стоит теперь Сердоболь. На том берегу было двенадцать скитов, основанных Валаамскими иноками, находившихся под управлением и духовным руководством игумена Валаамского. Жители берегов исповедовали православную восточную веру, заимствовав познание ее из монастыря Валаамского; по берегу до самого Кексгольма стояли храмы православные. Корелы[1] этого берега Ладожского озера были православны, как православны теперь корелы противоположного берега, жители Олонецкой губернии. У тех и других — один язык, с самым малым изменением, не препятствующим понимать друг друга, беседовать друг с другом; была у них и одна вера. Но пришло злополучное время — финны склонились к учению Лютера. На местах, где красовались православные храмы, где совершалось богослужение православное, где Божественная Литургия роднила небо с землею, — ныне стоят лютеранские кирхи, оглашаемые лишь тощею проповедию холодного пастора. Он, говоря народу в проповеди своей одно поверхностное, ученое сведение об Искупителе и Его нравоучении, говорит каждый раз как бы надгробное слово над утраченною истинною живою верою и Церковию этими людьми и местами. Кроме устных преданий, единогласно свидетельствующих о факте, есть еще ему живое свидетельство. Это — целые селения финляндцев, тысячи финляндцев, исповедующих поныне православную веру. Для них богослужение отправляется на славянском языке, по нашим церковным книгам, нашими священниками, которые произносят только поучение народу на его родном языке, финском. Трудно ли было шведам, при этой простодушной вере,

[1] Карелы *(совр.)*. — *Ред.*

ввести здесь лютеранизм? Им стоило только изгнать или убить священников русских и заставить лютеранского пастора маскировать своею проповедию страшную потерю, которая от времени и оттого, что не была вполне понята, забыта.

Надеюсь, что это сведение будет приятно многим! Едва ли многие знают, что в недрах Финляндии еще живо Православие, что оно не вновь насажденное, — живет там исстари, остаток общей древней христианской религии, заменившей язычество. Многие из нынешних прибрежных финнов сохраняют любовь к Церкви предков, отторгнутых от нее обманом и насилием. Они желали бы возвратиться в ее спасительное недро; но никакой голос не призывает их, и — они машинально влекутся в кирху Лютера, как бы по продолжающемуся еще действию насилия.

Когда же совершилось злосчастное превращение? — Религиозная участь финляндского берега — в союзе с участию Валаамского монастыря, из которого, видно, всегда текла, как из сердца, религиозная жизнь для всей страны этой, — процветала и умалялась сообразно тому, много ли или мало сообщал ей сил Валаамский монастырь. В начале семнадцатого столетия шведский полководец Понтус де-ла-Гарди, причинивший столько зла России, разорил обитель Валаамскую; церкви и келлии предал пламени, иноков — острию меча; некоторые убежали, унеся с собою мощи святых основателей монастыря. Подобной участи подвергся и левый берег Финляндии: православные храмы сожжены; священнослужители убиты или изгнаны; распространен между жителями лютеранизм, последователи которого дышали еще фанатическим пристрастием к своей лишь родившейся вере, готовившейся умыться в крови Тридцатилетней войны. Достойно замечания, что селения, сохранившие православную веру, находятся не на самом берегу Ладожского озера, не на пути завоевателей, но глубже в Финляндии, за горами, за болотами, естественными оградами страны: там затаились, спаслись они от взора и религии протестантов. В это время многие финны перебежали в Россию для сохранения веры: встречаете их потомков православных в Новгородской и Тверской губерниях.

Когда Промысл оружием Петра Великого карал шведов за то, что они, вступив в Россию как союзники, вероломно попрали Закон Божий и права народные, из союзников превратились в врагов и завоевателей, тогда Валаамский монастырь перешел обратно, вместе с Карелиею, под родной ему кров Русской державы, сиротствовав под державою чуждою около столетия.

С 1717 года, по призванию победоносного императора, иноки Кирилло-Белозерского монастыря пришли на пепелище бывшей Валаамской обители; опять сооружен там храм Божий, поставлены келлии. В царствование императрицы Елисаветы Петровны все строение, которое было деревянное, истреблено пожаром. Императрица возобновила монастырь на казенное иждивение. Строение, как и прежде, было воздвигнуто деревянное. Я видел рисунок этого монастыря; мне он понравился. По моему мнению, деревянное строение идет к обители пустынной, какова Валаамская. Утешают взор хижины иноческие смирением своим, когда они срублены из дерева! Удобны они для занятий иноческих: сохраняют здоровье, наветуемое здесь сырым климатом, резкими ветрами, самою пищею, подвигами, расположением духа, утончающим, измождающим плоть. Быть бы в Валаамском монастыре большому каменному соборному храму, который бы совмещал в двух этажах теплую и холодную церкви, ограде каменной, которая бы защищала внутренность монастыря от ветров, но именно келлии могли бы быть деревянные, стоя в довольном расстоянии одна от другой, для безопасности в случае пожара, они окружали бы церковь со всех сторон. Прекрасно это расположение: при удобствах, им доставляемых, оно изображает, что жители таких хижин, обращенных к храму Божию, имеют единственною целию служение Богу, признали себя странниками на земле, признали одною своею потребностию — Бога, а потом вокруг Скинии Его поставили свои кущи. Так расположено строение в Глинской пустыни, в Белобережской, в Оптином скиту и некоторых других.

Восстановление Валаамского монастыря производилось медленно, с успехом скудным. Он оставался долгое время малонаселенным. Не привлекались туда любители уединения по той причине, что для восстановления обители употреблены были иноки, не довольно обогащенные знанием иноческой жизни. Недостаточно для нравственного и духовного благосостояния обители одного уединения, хотя уединение и составляет одно из главных, основных условий этого благосостояния: при уединении необходимо духовное руководство и наставление для братии; без них уничтожаются все выгоды, доставляемые собственно уединением. Напротив того, духовное руководство и назидание переносят выгоды уединения в обители, стоящие среди селений и многолюдных городов. Так процвели монастыри, находящиеся внутри и в окрестностях Константинополя; они про-

извели знаменоносных Отцов, равнявшихся духовными дарованиями с Отцами — воспитанниками пустынь бесплодных[1].

Проницательно заметил главную, основную нужду Валаамского монастыря митрополит С.-Петербургский Гавриил. Для удовлетворения ей он вызвал в 1785 году из Саровской пустыни славившегося духовными познаниями и опытностию старца Назария, вручил ему настоятельство Валаамского монастыря. Митрополит принял святую обитель в особое архипастырское покровительство и оказывал ей вспомоществования и правительственными распоряжениями, и материальными средствами. Быстро начал возникать, шириться Валаамский монастырь, наполняться и принявшими, и желающими принять обеты иноческие. Устроились и общежитие, и скит; явились и пустынножители, и отшельники. Сам игумен Назарий имел отшельническую келлию, туда удалялся он иногда на целые недели, чтоб внимательнее посмотреть на себя, подробнее высмотреть в себе человека, потом из собственных живых опытов и наблюдений почерпать наставления для подчиненных, руководить их к исправлению нравов и преуспеянию, указанных в Евангелии. Отец Назарий, постриженник и воспитанник Саровской пустыни, был наполнен впечатлениями этой обители, осуществлял их с раболепною точностию в Валаамском монастыре. Здания в Саровском монастыре все каменные, — и он начал возводить в Валаамском монастыре каменное строение. Внутренний четвероугольник выстроен им, наружный — его преемниками. Щедроты императоров Павла Петровича и Александра Павловича обеспечили вещественное продовольствие монастыря; он по степени — первоклассный, управляется игуменом, который избирается братиею, утверждается митрополитом С.-Петербургским.

По устройству своему, в монашеском отношении, Валаамский монастырь — верный снимок с монастырей первенствующей Церкви Христианской. Он имеет монашествующих всех видов восточной Православной Церкви; имеет и общежитие, и скит, и пустынников, и отшельников. Главный монастырь, о котором мы говорили, вмещает в себе собственно общежитие. Иноки, обитающие в нем, участвуют в общем богослужении, в общей трапезе, имеют общую одинаковую одежду, трудятся в послушаниях частных и общих. Исчислим виды послушаний.

Первое послушание — служение настоятеля, которое возлагается на него всем братством, на которое благословляется, в котором

[1] Преподобный Нил Сорский. Предисловие к Словам.

утверждается он епархиальным архиереем. Это не есть начальство сего мира. Это — бремя легкое и вместе тяжкое. Эти рамена должны носить немощи всего братства. Какая крепость должна быть в раменах этих! Какое нужно иметь настоятелю великодушие, какое самоотвержение, нужно полное забвение своего *я*, чтоб эта угловатая и резкая буква не ранила, тем более не убивала никого из ближних. Второе послушание — послушание наместника, которого уже избирает настоятель с совета братии, а утверждает епархиальный архиерей. Наместник — главный помощник настоятеля по всем отраслям монастырского управления. Третье послушание — казначея, который имеет смотрение за суммами монастырскими; четвертое — ризничего, заведывающего ризницею. За ризничим следуют духовники: кроме них, никто из иеромонахов не может принимать на исповедь ни братии, ни посетителей монастыря. Подобно наместнику, казначей, ризничий и духовники утверждаются епархиальным архиереем и составляют вместе с наместником так называемый *собор,* или *старшую братию*, приглашаемую настоятелем на совещание и к участию в некоторых важнейших делах, представляемых на усмотрение епархиальному начальству, которое в таких случаях делает предписание настоятелю со старшею братиею. Дальнейшие послушания: чреда священнослужения, отправляемая всеми иеромонахами, кроме наместника и казначея, и иеродиаконами. Пономари выбираются из монашествующих и послушников самой чистой и скромной жизни. Способные к церковному чтению и пению назначаются для крылосного[1] послушания. В крылосном послушании участвуют некоторые иеромонахи и иеродиаконы в свободное время от священнослужения. Для прочих послушаний назначаются монахи и послушники. Упомянем и об этих послушаниях, чтоб познакомить читателя по возможности с организациею монастыря. Некоторые из братий занимаются шитьем ризницы церковной и одежды для всего братства; другие шьют обувь; иные находятся при кухне, хлебне, просфорне и трапезе; иные занимаются столярною, кузнечною и слесарною работою, другие ловят рыбу; еще другие трудятся в садах, огородах, на полях; некоторые моют белье — словом сказать, Валаамское общежитие удовлетворяет самой большей части своих требований. Каждое такое отдельное занятие называется *послушанием*. Судя по нужде, иное послушание исправляет один брат, а иное исправляют многие. Так при библиотеке, при аптеке, при погребе нахо-

[1] Клиросного *(совр.)*. — *Ред.*

дится по одному уже испытанному брату. При кухне, при прачечной, при рухольной и при других подобных имеется по нескольку братий, из которых главный обыкновенно в общежитии Валаамском называется *хозяином*, а прочие его *помощниками*. Есть послушания, называемые *общими*, как-то: приготовление дров, уборка сена, молочение хлеба, саждение, поливка и уборка огородных овощей. На эти общие послушания употребляются братия, не способные к послушаниям частным, при которых, как ясно видно из сказанного, нужно большее или меньшее знание поручаемого дела. Когда кто-либо из желающих поступить в обитель бывает принят, то сначала он посылается на послушания общие, где удобнее высматриваются его характер, навыки и поведение; если впоследствии он окажется способным к какому-нибудь частному послушанию, его определяют в число помощников и, уже после многих лет и испытаний, поверяют соответствующую познаниям или ремеслу его отдельную часть. Все братия, в особенности *новоначальные* (новоначальными называются недавно поступившие в монастырь), находятся в частом сношении с духовниками; на этом-то сношении основано и держится нравственное благоустройство младшего братства; в преуспевших оно поддерживается сверх того внимательным чтением Отеческих писаний и прилежным хождением к Божественным службам. Библиотекарь выдает, по распоряжению настоятеля, книги, соответствующие душевному устроению каждого. Братия, находящиеся в послушаниях, бывают во все праздничные дни при всех церковных службах; в прочие же дни недели приходят к утрени и, отслушав ее до шестопсалмия, идут на труды свои, а после вечерней трапезы участвуют в общем вечернем правиле.

Богослужение отправляется по церковному уставу — состоит из утрени или всенощной перед праздником, двух Литургий — ранней и поздней, вечерни и правила, которое совершается после ужина и заключается в чтении молитв на сон грядущим, помянника и в нескольких поклонах. Напев употребляется *знаменный*, или так называемый *столбовой* — старинный русский. Тоны этого напева величественны, протяжны, заунывны; изображают стоны души кающейся, вздыхающей в стране своего изгнания о блаженной, желанной стране радования вечного, наслаждения чистого, святого. Так! эти самые тоны, а не иные должны раздаваться в этой обители, которой самые здания имеют образ темницы, назначенной для рыданий, для плача о своем плене, для дум глубоких, для размышлений о вечности. Эти тоны — в гармонии с дикою, строгою природою, с громадными

массами гранита, с темным лесом, с глубокими водами. Эти тоны то тянутся плачевно, тоскливо, как ветер пустынный, то постепенно исчезают, как эхо среди скал и ущелий, то гремят внезапно. Они то с тихою скорбию приносят жалобу на греховность, выражают томящую и снедающую скорбь по причине греховного бремени, то, как бы от невыносимой тяжести этого бремени, от ударов греха, начинают вопиять и призывать помощь неба: тогда они гремят! Величественное *Господи помилуй* подобно ветру пустынному: так оно плачевно, умилительно, протяжно! Падший человек ощутил, при помощи уединения и самовоззрения, свое падение, увидел его в себе, убедился в нем и предался непрестанному стенанию в надежде помилования. Песнь *Тебе поем* оканчивается протяжным переливающимся звуком, постепенно стихающим, теряющимся незаметно под сводами храма, как теряется эхо в пространстве воздушном. Когда же братия запоют на вечерне, *Господи, воззвах к Тебе, услыши мя,* то звуки сперва как бы исходят из глубокой пропасти, потом с быстротою и громом исторгаются из нее, несутся к небу, несут туда мысль и желание, пламенные, как молния; тогда они гремят! Художник найдет в пении валаамском много негладкостей, недостатков в исполнении, но он же и признает в нем полное преобладание благоговения и набожности, необыкновенную энергию, которая и умиляет, и потрясает душу. Здесь все должно быть важно, грандиозно. Все веселое, легкое, игривое показалось бы странным, уродливым. Не устрашитесь от этого сказания, сказания правдивого. Не подумайте, что здесь живет, может жить только несчастие. Нет! И здесь есть свое утешение: утешение плачущих, возвещенное в Евангелии.

Отдельных храмов в Валаамской обители — семь. Из них собор отличается пред всеми красотою и внутренним убранством; в иконостасе его нижний ярус икон покрыт серебряными ризами. Умножение числа церквей, отчего нет ни одной, не исключая и соборной, которая бы вмещала всех живущих в Валаамском монастыре, пестрая роспись соборного храма и трапезы служат образчиками первоначального, не очищенного образованностию вкуса русского человека, жителя Европы и соседа Азии. Вместо такого числа храмов гораздо было бы лучше, если б одно обширное здание вмещало в себе теплую и холодную церкви, чему пример в Коневском монастыре. Могла бы быть еще церковь при больнице. Таким образом вполне удовлетворялось бы неудовлетворяемое ныне существенное требование монасты-

ря, состоящее в том, чтоб вся братия и посетители могли помещаться в церкви и принимать участие в богослужении. Не так рассуждали строители обители. Их усердие нуждалось в отдельных храмах: Святителя Николая, Апостолов Петра и Павла, Живоносного Источника. И стоят эти храмы без богослужения, которое отправляется в каждом только однажды в год, в праздник храма. Но и в храмовый праздник отдельной церкви Пресвятыя Троицы не может быть отправляема в ней служба Божия по крайней тесноте; правится она в соборе.

По окончании Литургии немедленно все идут в трапезу, на которой поставляется пища простая, но здоровая, удовлетворительная, по указанию церковного устава, то есть в праздничные дни рыбная, в обыкновенные дни с маслом, а в среды и пятницы, в будни Великого поста — без рыбы и без масла, из одних растений. Во время трапезы наблюдается глубокое молчание, и звучный голос чтеца возвещает собранному братству самоотвержение, добродетели, подвиги святых угодников Божиих. Ужин бывает после вечерни: во время него равным образом производится душеназидательное чтение. В дни великих праздников за час до вечерни поставляется в трапезе общий чай, что Валаамские старички назвали *утешением*. Трогательно видеть, как спешат к этому утешению с деревянными чашечками в руках дряхлые, едва могущие ходить, пришедшие в младенчество старички; их стынущая кровь жаждет оживиться кипящею водою. Много в обычаях Валаамского монастыря простоты, патриархальности. Приятно и умилительно отзываются эти обычаи родною нашею стариною, стариною русскою, в которой наблюдатель часто встречает простодушное и священное соединенными.

Ризница монастыря украшена щедрыми вкладами государя императора Александра Павловича, питавшего особенное расположение к Валаамской обители, которую в 1819 году он благоволил осчастливить своим посещением. В 1844 году посетил ее великий князь Константин Николаевич и в память посещения своего пожаловал ей богатые сосуды. Посреди площадки, образуемой внутренним четвероугольником монастырских зданий, на которой живет какое-то особенное, тихое, благоговейное чувство, монахи воздвигли мраморный памятник с надписью. Надпись возвещает современникам и хранит для потомства события: посещение обители государем императором Александром Павловичем и великим князем Константином Николаевичем. Надпись в соборной церкви указывает место, на котором Александр

Благословенный стоял во время богослужения, не обременяясь продолжительностью богослужения монастырского. Надпись в гостинице указывает те покои, в которых останавливался Государь. Мраморный четвероугольный камень с надписью, обсаженный цветами, стоит в саду на том месте, с которого великий князь Константин Николаевич снимал виды монастыря. Точно такой же камень поставлен на другой стороне залива, в лесу, под густою сению елей и сосен, на месте, где Великий Князь оканчивал свой рисунок, начатый в саду, откуда вид монастыря особенно величествен и живописен. Ставя эти камни и высекая эти надписи на камнях, монахи Валаамские выражали чувство своего сердца, то чувство любви и преданности к Царям и Царственному дому, которыми во все веки истории русской отличалось наше духовенство.

Одежда иноков Валаамских, как и пища их, проста, но удовлетворительна. Она и материалы к ней хранятся в рухольне. Рухольня — ряд комнат, в которых сложены сукна, нанки, полотна, нитки, кожи, сшитое белье, готовые рясы, подрясники, мантии, шубы, и все это — в значительном количестве. Рухольный имеет книгу, в которой записывает, что кому из братий выдано. Изношенная одежда возвращается в рухольню, вместо нее выдается новая. Поступающему в монастырь из мира отпускаются нужные белье, одежда и обувь. Валаамская рухольня может во всякое время снабдить всем нужным до ста человек. Такие запасы по всем отраслям хозяйственности необходимы в Валаамском монастыре по многочисленности братства, по отдаленности от городов, наконец, потому, что весною, когда ломает лед, и в особенности осенью, когда он становится, сообщение с берегом затруднительно и даже невозможно в течение длительного времени. Озеро между Сердоболем и Валаамом замерзает, но не ранее половины января; до того времени бесчисленные ледяные глыбы странствуют в разных направлениях по всему водному пространству, и судно, которое решилось бы пуститься в озеро, непременно должно быть окружено и затерто льдами.

Библиотека монастырская имеет все книги, нужные для снискания полных сведений в монашеской жизни. Кроме напечатанных на славянском и русском языках, находятся многие рукописные. Перечислим достопримечательные рукописи. Первое место между ними по редкости своей должны занимать *Оглашения* преподобного Феодора, игумена Константинопольской Студийской обители, или *Беседы его к братии*. Книга эта значи-

тельного объема. Польза ее признана Церковию: уставом церковным положено в известные дни Великого поста читать ее в церкви на службах церковных[1]. Это постановление касается собственно монастырей. Беседы Студита дышат любовию, которую он питал к братству своему: он называет их отцами своими, и наставниками, и братиями, и чадами; учение его необыкновенно просто, доступно для понятия всех, особенно идет для иноков общежительных, как имеющее исключительным предметом различные обязанности и обстоятельства общежития. Есть рукописные книги Отцов, описавших подвиг умной молитвы. Таковы: Григория Паламы, Каллиста Антиликуди, Симеона Нового Богослова, преподобного Нила Сорского, русского писателя. Есть книги для руководства жителей скита, пустынников и отшельников: таковы Патерики, книга знаменитого наставника безмолвников Исаака Сирского; книга *Цветник* священноинока Дорофея, русского писателя, жившего, как видно из самой книги, во времена Патриархов[2]. Сделаем из последней книги, облегчая понимание славянского языка переводом на русский, некоторые выписки, как по нравственному и аскетическо-

---

[1] Устав церковный. Понедельник Святой Четыредесятницы. ‖ [2] Цветник, гл. 54, об иноческом общежитии. В этой статье, очень обширной, священноинок говорит между прочим, что в общежитиях непременно должно последовать преданию святых Отцов, учредителей иноческого общежития; те, которые преступают предание святых Отцов, не узрят света Христова. Священноинок завещает намеревающемуся вновь устроить монастырь, чтоб он исходатайствовал *благословенную грамоту у Святейшего Патриарха* и оградил монастырь *благословением Патриарха*. Цветник был особенно уважаем отечественными иноками, упражнявшимися в возвышеннейшем монашеском подвиге. По этой книге обучился Иисусовой молитве знаменитый соловецкий подвижник Иисус Голгофской; по ней обучился Иисусовой молитве преподобный Иоасаф Каменский, Вологодский чудотворец, как видно из рукописного жития его. Последнее обстоятельство показывает, что священноинок жил во времена первых Патриархов и достиг смут отечественных, как об этом можно заключать по кратким указаниям на современность, встречающимся в его книге. Выписки сделаны здесь из книги, напечатанной в Гродне в 1687 году православными, двадцать лет спустя по низвержении Патриарха Никона, с соблюдением старинной орфографии. Что книга напечатана православными, доказывается читаемым в ней завещанием: относиться за благословением к Святейшему Патриарху, чего раскольники никак бы не допустили. Признаем нужным это замечание: орфография книги, как указал опыт, может навести сомнение относительно православия книги при поверхностном взгляде на нее, тем более что при таком взгляде очень легко укроется ее существенное значение, по которому писатель назвал ее Цветником. Цветник — по преимуществу собрание и объяснение изречений древних Отцов, без наименования этих Отцов. Надо знать Отцов, чтоб узнать выписки из них в сборнике.

му достоинству книги, так особенно потому, что писатель — наш соотечественник, нами забытый. Лишь какой-нибудь пустынник читает и перечитывает эту вдохновенную книгу, исполненную драгоценных духовных советов. Пусть раздастся и для нас голос священноинока из гроба, куда похоронило его наше забвение. Этому голосу, вещающему глубокие истины, прилично раздаться из строгой Валаамской обители.

«О, любимый мой читатель,— так начинает свою книгу священноинок,— хочешь ли, покажу тебе нечто честнее чистого злата и серебра и многоценнее бисера и камня драгого! Ты ничем не возможешь найти и купить Царства Небесного, будущей радости и покоя, как только этим. Это — уединенное чтение и слушание со вниманием и усердием святых книг Божественного Писания. Невозможно, невозможно спастись тому, кто не будет часто читать Боговдохновенного Святого Писания. Как птица без крыльев не может возлететь на высоту, так и ум без книг, одними собственными помышлениями, не может домыслиться, каким образом получить спасение. Чтение в уединении и слушание со вниманием и усердием святых книг Божественного Писания — родители и начало всех добродетелей и всякого благого дела: потому что все добродетели рождаются от них, от них начинаются. Уединенное чтение и слушание со вниманием и усердием святых книг Божественного Писания, с целью деяния и своего спасения, рождают всякую добродетель, служат источником благ, отгоняют от нас всякую греховную и злую страсть, всякое греховное похотение, желание и действие, свое и бесовское. Святые Отцы признают уединенное чтение и слушание со вниманием и усердием святых книг Божественного Писания старейшиною и царем над всеми добродетелями...» Под Божественным Писанием священноинок разумеет не одни священные книги Ветхого и Нового Завета, но и писания святых Отцов; в этом случае он выражается так же, как и преподобный Нил Сорский. Такое начало имеет необыкновенную, драгоценную важность: им признает священноинок необходимость неотступно держаться не только догматического, но и нравственного предания Церкви; им он вступает в союз единомыслия со всеми аскетическими святыми писателями Восточной Церкви. Все они единогласно утверждают, что для непогрешительного шествия путем иноческих подвигов необходимо руководство писаниями святых Отцов, что это — единственный способ спасения, остающийся нам по умалении духовных наставников. С самых первых слов священ-

ноинок ставит читателя на стези правые, святые, безопасные, предписанные и благословенные Церковию, дает ученику своему характер определительный сына Восточной Церкви, вводит его в духовное общение со святыми иноками всех веков христианства, устраняет от всего чуждого, от всего поддельного. Как превосходен характер сына Восточной Церкви! Как он прост, величествен и свят! Протестант холодноумен; римлянин — восторжен, увлекает, уносится; сын Восточной Церкви проникнут святою истиною и кротким миром. Первые два характера — земные; последний нисшел с неба и предстоит нашим взорам в Евангелии. Этот характер воспитывается в православном христианине чтением Священного Писания и творений святых Отцов; христианин, напитываясь этим чтением, соделывается наперсником Истины и причастником подаемого Ею Святого Духа.

Проницательно взглянул священноинок на современное ему монашество; драгоценно сделанное им замечание: «Часто удивлялся я тому, — говорит он, — как святые древние Отцы в короткое время достигали спасения, приходили в совершенство, обретали благодать, а в нынешние времена мало спасающихся! Но вот чем все святые Отцы достигли совершенства и спасения, обрели благодать, сподобились дара чудотворения: они от всей души последовали всем словам и заповедям Господа, более всего старались соблюдать их, всегда их имели в уме своем... Во-первых, должно сохранять заповеди Христовы, потому что Святое Евангелие — уста Христовы, ежедневно нам глаголющие, а потом сохранять предания святых Отцов, исполнять делания, заповеданные ими, сими деланиями утруждать тела свои... Без исполнения заповедей Господних, святых, священных и светоносных, предания и правила наши суетны... Не сохраняющий заповедей Господних повреждает и погубляет труды свои великие, лишается совершенства, спасения и благодати. Не сохраняющий заповедей Господних и не устраивающий внутри себя места для благодати не может придти в совершенство и приять благодать. Чужд духовной мудрости, кто упражняется в подвигах телесных, а небрежет о заповедях Господа! Ничто наше не приятно Богу без исполнения заповедей Господа. Как тщательно и неуклонно сохраняли их святые Отцы, так и нам должно сохранять их, сколько силы наши позволяют...»[1] Душеполезнейшее наставление! Записать бы его каждому иноку, заботящемуся о

[1] Цветник, гл. 6.

приготовлении себе блаженной вечности, на скрижалях сердца неизгладимыми письменами.

Прекрасная душа священноинока говорила от избытка сердца и изливалась часто с непринужденным, пленительным красноречием. Некоторыми местами его украсились бы страницы лучших писателей. Как изящны следующие строки: «Когда мы изработываем живот бессмертный, то не должно бояться напастей, скудости в телесных потребностях, ни самой смерти. Сказал Господь: *Не пецытеся убо глаголюще, что ямы, или что пием, или чим одеждимся, всех бо сих языцы* мира сего *ищут,* некрещеные, не знающие Бога: *весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех. Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам*[1]. И так Он дал обещание! Я,— говорит Он,— пища тебе и одежда; я послужу Тебе в немощи твоей, как отец и мать и друг задушевный. Я доставлю все, что нужно тебе, и поработаю тебе благодатию Моею. Ты только веруй Мне вседушно и несомненно, служи Мне твердо и надейся, что могу исполнить обещанное Мною»[2].

Совершились над священноиноком слова Боговдохновенного Давида, который сказал: *Отрыгнут устне мои пение, егда научиши мя оправданием Твоим*[3]. Когда сама Божественная благодать, вселившись в сердце, начнет научать его закону Духа, тогда человек делается вдохновенным. Оживают его мысли и чувствования новою жизнию Духа, беседа его носит печать возвышеннейшей поэзии. Таковы многие места писания священноинока и между прочими начало 11-й главы, где он беседует к душе своей: «Возлюбленная душа моя,— говорит он,— не отлагай года за год, месяца за месяц, времени за время, дня за день, не проводи их в тщетном ожидании! Чтоб не пришлось тебе воздохнуть от всего сердца, поискать могущего участвовать в твоей скорби, и не найти его. Ах! сколько тогда начнешь терзаться, сколько плакать, рыдать и сетовать, раскаиваться бесполезно! Ты можешь сегодня сделать добро: не отлагай его на завтрашний день! Ты не знаешь, что родит день завтрашний. Не постигнет ли тебя в эту ночь какое бедствие? Ты не знаешь, что несет

---

[1] *Не заботьтесь и не говорите: «Что нам есть?» или: «Что нам пить?» или: «Во что одеться?» Потому что всего этого ищут язычники, потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6. 31–33). — *Ред.* ‖ [2] Цветник, гл. 10.‖ [3] *Уста мои произнесут хвалу, когда Ты научишь меня уставам Твоим* (Пс. 118. 171). — *Ред.*

за собою день, что несет ночь. Душа моя! Ныне время терпения скорбей! Ныне время исполнения заповедей Господних и добродетелей отеческих! Ныне время плача и рыдания, слез,— рождающих сладость и радость! О, душа моя! если истинно хочешь спастись, возлюби скорби, как прежде ты любила наслаждение; живи, умирая ежедневно. Скоро проходит житие наше и исчезает, как тень облака, производимая солнцем. Дни жизни нашей разливаются, как дым на воздухе...» *Цветник* — одна из возвышеннейших аскетических книг; этим достоинством она приближается к знаменитой книге Исаака Сирского. Два писателя Русской Церкви писали об умном делании: Нил Сорский и священноинок Дорофей. Книга первого — весьма полезное руководство для начинающих подвиг безмолвия, а второго — для преуспевших и приближающихся к совершенству. Учение об умной молитве изложено в *Цветнике* с необыкновенною ясностию, простотою, окончательностью. Повсюду видны обильное духовное преуспеяние и здравый смысл русского человека, упрощевающий мудреное, излагающий возвышеннейшее духовное учение с необыкновенною естественностью, чрезвычайно внятно и — изящно! В особенности таковы его поучения: о чистоте сердечной, умной и душевной, о бесстрастии, о помрачении ума, о трезвении ума, о святой чистой молитве. По возвышенности и святости этих предметов, для которых есть свое время и место, мы не дерзаем делать выписок; желающего познакомиться с ними отсылаем к самой книге. Сказывают уже много заглавия поучений. Для таких-то духовных упражнений преуспевшие иноки переходят от общежития к жизни скитской и отшельнической.

Скит Валаамского монастыря находится от главной обители в трех верстах. Путь к нему — и водою, и берегом. Надо спуститься из монастыря по гранитной лестнице к гавани. Здесь садитесь на катер и тем же заливом, которым прибыли в монастырь, плывете далее, в глубину острова, в скит. Залив то суживается, то расширяется; вы непрестанно видите с обеих сторон ландшафты, изменяющиеся в формах, сохраняющие тон угрюмый. Наконец въезжаете в большой овал, окруженный отлогими берегами, на которых растет много березок, рябин, клену; скалы почти скрылись от вас; кое-где вдали из-за елей и сосен выглядывает камень. Воды овала не мрачны: в них приятно отражается синева небес. Зеленеющие луга, испещренные и благоухающие бесчисленными дикими цветами, утешают взор. Здесь нет ветру, того сурового порывистого ветру, который редко

стихает на возвышенной открытой площади, где стоит главный монастырь. Здесь все так гостеприимно, радушно! Вам легко; вы чувствуете, что отдыхаете. И делается вам понятным, что дикая природа с ее картинами, наводящими ужас, на которые вы непрестанно доселе смотрели, привела ваши телесные и душевные чувства в напряжение. Вы поднимаетесь по отлогому лугу излучистою тропинкою, входите в чащу леса: пред вами, внезапно, уединенный скит. Посреди скита — каменная двухэтажная церковь в византийском вкусе; вокруг церкви отдельные келлии братий, также каменные, и каменная ограда. Скит со всех сторон в лесу; в нем — необыкновенная тишина. Совсем другое чувство обдает вас, когда взойдете в скит, нежели при входе в монастырь. Там все дышит жизнию, жизнию строгою; здесь же — какое-то непостижимое спокойствие, как бы спокойствие скончавшихся блаженною кончиною. В скиту отправляется богослужение дважды в неделю, в воскресение и субботу; в прочие дни братия безмолвствуют по келлиям, занимаясь молитвою, чтением, богомыслием и рукоделием, а в храме один инок совершает чтение Псалтыря и поминовение почивших братий и благотворителей Валаамской обители. Это чтение и поминовение совершаются непрерывно день и ночь, для чего братия, живущие в скиту, чередуются. Пища предлагается в общей трапезе; она гораздо скуднее монастырской, почти исключительно растительная. На Пасху и в прочие великие праздники скитские братия приходят в монастырь, участвуют с монастырскою братиею в богослужении торжественном и вкушают с ними в общей трапезе праздничную пищу, не превышающую никогда и в самом монастыре четырех перемен. Уха, еще другое блюдо рыбы, кусок пирога — вот признак великого праздника на трапезе Валаамских братий. Сковрадо-пряжения[1] исключены из числа их яств: они признают их лакомством, для себя непозволительным. В скиту живет до двенадцати братий или немного более. Дорога из скита к монастырю сухим путем также ландшафтна: идет по берегу залива по рощам, по холмам и горам, и часто начинают стучать колеса экипажа на голом граните.

---

[1] *Пряжение* — наиболее древний вид жарения в русской кухне. Он возник в конце XV — начале XVI в., в то время как жарение в его современном виде стало применяться на столетие позже. Самого слова «жарить» не существовало в русском языке до XVI в., а говорили — «пряжить» и жареное называли «пряжмо». Пряжение происходит сразу же в толстом слое перекаленного масла — не менее одного сантиметра толщиной, а то и полутора-двух сантиметров. — *Ред.*

По разным местам острова в глухом уединении, при опушке леса на холмике или на маленьком лугу среди леса, стоят одинокие хижины пустынников, срубленные из бревен. Число пустынников весьма невелико. Жизнь отшельническая может быть дозволена только самым опытным в иночестве, зрелым по возрасту и духовному разуму. Пустынники, подобно скитской братии, приходят в монастырь на великие праздники.

Посетители монастыря помещаются в гостинице. Есть особенный приют и для нищих, которыми богата эта часть Финляндии. Нищим дозволяется быть на Валааме в течение двух суток и пользоваться трапезою, нарочно приготовляемою в их приюте, а на дорогу дают каждому два куска ржаного хлеба. И для этого-то подаяния стремится за сорок, за пятьдесят верст финляндец в монастырь Валаамский! Летом, лишь очистится путь к озеру, многие десятки челноков ежедневно приносят нищих по бурной пучине к монастырю. Уезжают одни; на место них приехали уже другие. Зимою, лишь станет лед, целые стаи их пускаются пешком в трудное путешествие, несмотря ни на лютость мороза, ни на дальность пути. Идут полуобнаженные по льду! Идут и старцы увечные, и дети, и женщины с грудными младенцами. Нередко находят на ледяной степи замерзшие трупы этих бедняков, думавших уйти от голоду, убитых морозом.

Нельзя, наконец, не принести дани слова больнице Валаамской, которая служит спокойным приютом не только для изветшавших и недужных Валаамских иноков, но и для иноков всей Петербургской епархии. При больнице есть отдельная церковь, отдельная трапеза, особенная прислуга и небольшая аптека, снабженная самыми нужными медикаментами.

Валаамский остров с принадлежащими ему малыми островами — не что иное, как цельный, поднявшийся из Ладожского озера камень, возвышенностями которого образуются скалы, горы и утесы, а углублениями — заливы, проливы, озера. Вы убедитесь в этом измерениями глубины озера. В заливах, проливах, на всем пространстве между главным островом и мелкими островами, глубина эта — пять, десять, в самых глубоких местах — двадцать сажен; но едва вы выехали на чистое озеро, глубина в сотне шагов от берега простирается уже на семьдесят, на сто сажен, доходит почти до двухсот. Почва — повсюду сплошной камень, покрытый слоем растительной земли на четверть аршина, местами и более. Редко в малом количестве, не на дальнюю глубину, есть песок и глина. Слой земли, покрывающий *луду,* — так Валаамские иноки называют свой

камень — особенно плодороден: близ монастыря разведены два фруктовых сада: один под скалою, на которой стоит монастырь, другой по правую сторону гранитной лестницы, ведущей от гавани в обитель. В этих садах яблони свежи, сочны, свидетельствуют о доброте грунта, а яблоки, созревающие разве однажды в десять лет, приносят жалобу на климат, на слабость здешних солнечных лучей. В этой жалобе участвуют с ними крупные арбузы и дыни, растущие на огородах Валаамских; они очень сочны, но сок их мертвый: солнце не нагревает в нем сладости. Огородные продукты весьма хороши; их родится значительное количество, достаточное для всего многочисленного братства, для многих рабочих, живущих в монастыре, для многих посетителей монастыря. Сеют в некотором количестве рожь и овес; но главный запас хлеба покупается в С.-Петербурге и доставляется в монастырь на его галиотах. Сена накашивается довольно. Лесом остров изобилует; преимущественно здесь растет сосна, потом ель; гораздо в меньшем количестве береза, клен, липа. Благодарность им! Они смягчают нежным цветом своих листьев угрюмость скал и темной, вечной зелени елей и сосен. В долинах, где слой земли толще, лес крупнее; но на горах, где слой этот тонок, лес мельче; он не может достичь должной высоты; корни его тщетно ищут углубиться в землю; их встречает *луда,* они стелются, переплетаются по ней для собрания необходимой себе пищи, и не находят ее. Зато на горах почти исключительно растет одна наименее прихотливая и разборчивая на почву сосна. Что сказать еще? Смотрю на воды, на необъятные массы вод Ладоги, древнего Нева, издревле славного бурями своими и боями варяга с славянином; и они, эти глубокие пространные воды, согласны с уединенным, полным вдохновения строгого островом, чтоб на острове, в ограде вод, спасалось, сберегалось иноческое общество. Они ограждают его и пространством своим, и бурями, и льдами. Они в необъятных недрах своих содержат и питают бесчисленные стада различных рыб, предавая их в льстивые сети, готовят на трапезу пустынников блюдо, в котором всю цену составляют не приправы, не искусство, а обилие и свежесть припаса!

Когда легкий монастырский катер при попутном приятном ветре уносил меня из Валаама, я был болен. К ощущению болезни пришли многие другие ощущения. Взор мой с безотчетливою грустию, в которой было какое-то наслаждение, обратился к Валааму, приковался к нему. Подозреваю, не был ли то взор прощания навсегда! Безмолвно смотрел я на Валаам с катера, пока катер шел заливом. Я поднимал голову то к той скале, то к

другой скале: иначе нельзя было смотреть на них, так они высоки. Могучая природа, всегда наводившая на меня ужас, всегда глядевшая на меня лишь строго и сурово, показалось — дружелюбно улыбнулась. Или улыбку эту дало ей солнце, пустившее тогда живоносные лучи вдоль залива, на воды, на камни, на лес густой. Кайма гранитного утеса, на котором стоит монастырь, обнесенная решеткою, была унизана братиею. Тут были и мужи зрелые, окрепшие в боях с собою, и юноши, лишь вступившие в обитель, которых ждет еще борьба, и старцы дряхлые, покрытые сединами, которых сердце и мысль уже спокойны, которым сплетен венец и вырыта могила. Им мало было того, что они радушно приняли, успокаивали странника: им нужны были еще проводы, смешанные с скорбию любви, растворенные слезою сожаления о разлуке. Раздавался величественный звон колоколов монастырских, и вторили ему с разных сторон ущелья каменных гор многоголосым эхом. Вышел катер из залива, как из высокостенного замка, остались утесы на своих местах, явилось взору обширное озеро, вдали чуть виден был берег Сердобольский; по другим направлениям берега нет — синева вод сливается с синевою неба. Подняты паруса; быстро понесся катер по отлогим волнам. Скоро мы достигли противоположного берега; оттуда я оглянулся на Валаам: он представился мне, на своих обширных, синих, бесконечных водах, как бы планетою на лазуревом небе.

И точно, так он далек от всего! Он как будто не на земле! Жители его мыслями и желаниями высоко поднялись от земли! Валаам — отдельный мир! Многие его иноки забыли, что существует какая-нибудь другая страна! Вы встретите там старцев, которые со своего Валаама не бывали никуда по пятидесяти лет и забыли все, кроме Валаама и неба.

Воинство духовное! блаженные жители острова священного! Да снидет на вас благословение неба за то, что вы возлюбили небо! Да почиет на вас благословение странника за то, что вы возлюбили странноприимство! Да услышатся молитвы ваши Богом, да приятны будут Ему хвалебные песнопения ваши: потому что молитвы и песнопения ваши полны благоговения священного! Да будут благословенны житницы ваши и имущество ваше: потому что нищий всегда находит у вас и укруг хлеба, и лоскут одежды для прикрытия наготы своей! Братия! Благую часть вы избрали! Не озирайтесь вспять, не привлекайтесь снова к миру какою-нибудь суетною, временною приятностию мира! В нем все — так шатко, так непостоянно, так минутно, так тленно! Вам

даровал Промысл Божий отдельное, удаленное от всех соблазнов селение, величественный, вдохновенный Валаам. Держитесь этого пристанища, не возмущаемого волнами житейского моря; мужественно претерпевайте в нем невидимые бури; не давайте благой ревности остывать в душах ваших; обновляйте, поддерживайте ее чтением святых Отеческих книг; бегите в эти книги умом и сердцем, уединяйтесь в них мыслями и чувствованиями, — и Валаам, на котором вы видите гранитные уступы и высокие горы, сделается для вас ступенью к небу, тою духовною высотою, с которой удобен переход в обители рая.

Странник, писавший эти строки, в них изливший свои чувствия к вам и вашему жилищу, странник, не раз посещавший обитель вашу с сердечною заботою о ней, о благополучии ее и вашем, испрашивает себе жизни в молитвенном воспоминании вашем до гроба — и за пределом гроба.

1847 г.

II

Ольга Шафранова

Угреша

Люди, подобные отцу Пимену, великая редкость: это самородки золота.

Преосвященный Леонид (Краснопевков)

8 сентября 1847 г. архимандрит Игнатий Брянчанинов писал из Николо-Бабаевского монастыря, где находился на лечении, наместнику Сергиевой пустыни: «В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и Бородинской. Угрешский отец Игумен думает на покой. Его казначей и другой иеромонах, друг казначея, — точно наши Сергиевские; казначей знаком был со мной в Лопотове монастыре, заимствовал от меня направление в монашеской жизни и сохранил его доселе».

И отец Игумен, и отец казначей, о которых говорится в письме, были давними знакомцами святителя Игнатия. Отец игумен Иларий (в миру Илья) родился в 1796 г. в городе Молога Ярославской губернии; в 1817 г., пожелав посвятить себя монашеской жизни, поступил в Белобережную пустынь, затем перешел в Коневский, а в 1821 г. — в Соловецкий монастырь, где в

1823-м пострижен архимандритом Макарием. В 1824 г. перешел в Александро-Свирский монастырь, 5 марта этого же года посвящен в иеродиакона, 20 ноября 1829 г. рукоположен в иеромонаха. Некоторое время он подвизался в Рославльских лесах вместе с тамошними пустынножителями Моисеем и Антонием (Путиловыми), будущими основателями скита в Оптиной Пустыни.

В Александро-Свирском монастыре отец Иларий познакомился с прибывшими туда в 1828 г. старцем отцом Леонидом и его учеником Дмитрием Александровичем Брянчаниновым, с которым очень подружился. После перемещения отца Леонида в Оптину Пустынь отец Иларий подал прошение о переводе его туда же, и в 1832 г. он был принят в число оптинского братства.

Отца казначея Пимена (в миру Петра Дмитриевича Мясникова) можно назвать еще одной[1] замечательной личностью, притянутой в ранней молодости в орбиту будущего святителя Игнатия. Он родился в Вологде 10 августа 1810 г. у родителей из торгового сословия. Его восприемником был известный вологодский купец и благотворитель Скулябин, чей богадельный дом («Скулябинская богадельня») в полуразрушенном состоянии по сей день стоит на берегу реки Вологды. Родители воспитывали детей в религиозном настроении. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что, кроме Петра, монахиней стала одна из его сестер, Арсения; она 46 лет подвизалась в Горицком монастыре и скончалась 20 апреля 1875 г. У Петра Дмитриевича желание уйти в монастырь проявилось очень рано, и родители ему не препятствовали. К 22 годам он из всех известных ему монастырей Вологодской епархии выбрал Новоезерский Кириллов и поступил туда в июне 1832 г., когда еще был жив знаменитый старец Феофан Новоезерский[2].

О Дмитрии Александровиче Брянчанинове Петр Дмитриевич Мясников впервые услышал от вологодского приходского священника отца Александра Юшкова, крестившего младенца Димитрия в селе Покровском и дружившего с его родителями. «В первый раз, — пишет отец Пимен в своих Воспоминаниях[3], — довелось мне увидеть Брянчанинова на набережной реки Золотухи: я был на левом береге, а он шел по правому. Как сейчас вижу его: высо-

[1] То есть наряду с М. В. Чихачевым и П. П. Яковлевым, статьи о которых помещены в т. 2 настоящего издания. ‖ [2] О нем см.: Т. 1. С. 467–471. ‖ [3] Здесь и далее: «Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше» в «Чтениях в Имп. о-ве истории и древностей Российских при Московском университете» (М., 1876. Кн. 3 и 4 и 1877. Кн. 1).

кого росту, стройный и статный, русый, кудрявый, с прекрасными темно-карими глазами; на нем был овчинный тулуп, крытый нанкою горохового цвета, на голове послушническая шапочка. Это было во время зимы 1830 г. ». Вскоре они познакомились. Случилось это во время одного из приездов Дмитрия Александровича из Глушицкого монастыря в Семигородную пустыню: «В прощеное воскресенье я был у обедни. Когда я пришел в церковь, Брянчанинов был уже там и стоял в настоящей церкви за правым клиросом, а я стал налево за столбом, под аркой. Во все время обедни Брянчанинов ни разу не обернулся и, следовательно, не мог видеть, что кто-либо стоит за ним. Ему поднесли просфору, и, когда по окончании обедни служащие и братия пошли в придел совершать установленное молебствие, которое бывает после литургии, Брянчанинов оглянулся и, подошедши прямо ко мне, дал мне просфору и, спросив, где я остановился, сказал мне: "Я к вам приду". Мы совершенно друг друга не знали и до этого никогда не разговаривали. Я был поражен от удивления».

Казалось бы, чем мог заинтересовать Дмитрия Александровича, получившего прекрасное светское образование дома и в Инженерном училище и с юности проникшегося учением святых Отцов, Петр Дмитриевич Мясников, единственной учительницей которого была «портниха Пелагея Егоровна», обучившая его грамоте? Конечно, тем же, чем и его образованные товарищи, М.В.Чихачев и П.П.Яковлев, духовным родством, притянувшим их друг к другу с первой встречи. Когда Петр Дмитриевич пришел в гостиницу, Брянчанинов был уже там, а после трапезы он прислал за Петром Дмитриевичем келейника Игумена и пригласил его к себе. Целый день и целую ночь провели они в беседе духовной, которая произвела на Петра Дмитриевича сильное впечатление и еще больше утвердила его желание поступить в монастырь.

28 июня 1831 г. Дмитрий Александрович был пострижен Преосвященным Стефаном в вологодском кафедральном Успенском соборе в мантию с наречением его Игнатием. Так как родители не хотели принимать новопостриженного инока, Петр Дмитриевич пригласил его к себе (затем он нашел приют у своего дяди и крестного отца, Дмитрия Ивановича Самарина). 5 июля Преосвященный Стефан рукоположил отца Игнатия в иеродиакона, 20 июля — в иеромонаха, 6 января 1832 г. назначил его строителем Пельшемского Лопотова монастыря.

В том же 1832 г. Петр Дмитриевич навестил строителя Игнатия в его монастыре. «В то время, — пишет он, — монастырь был

весьма беден, опущен и во всех отношениях в большом упадке. Кроме каменной церкви, все прочее строение было деревянное и ветхое, а настоятельская келья, и вовсе разрушавшаяся, была в таком состоянии, что новый строитель принужден был разобрать ее, и временно, пока строилась другая келья, он поместился в сторожке у святых ворот.

Посетив его в Лопотове монастыре на первой неделе Великого поста, я застал его живущим в этой сторожке, она была по одну сторону святых ворот, выстроенных наподобие башни с тесовой остроконечной крышей, весьма обветшавшей, а по другую сторону ворот была деревянная братская трапеза и поварня. Войдя к о. Игнатию, я нашел его сидящим у большого стола за самоваром, перед ним лежали простые черные сухари и какое-то начатое стихотворение, которое он, вероятно, писал во время чая, чтобы и это время не пропадало даром; келья была не просторна, и стены от времени совершенно потемнели».

При отъезде Петра Дмитриевича отец Игнатий снабдил его письмами в Оптину Пустынь — к старцу своему отцу Леониду и к отцу Иларию, который в это время был в Оптине ризничим и к которому Петр Дмитриевич спустя некоторое время поступил послушником.

Став строителем, а затем игуменом Лопотова монастыря, отец Игнатий неоднократно приглашал отца Илария перейти к нему. Тот колебался, да и старец отец Леонид ему не советовал, но в конце концов решился на перемещение. Однако к тому времени, когда он и его послушник прибыли в Вологду, произошли события, направившие их путь совсем в другую сторону. Пока отец Иларий колебался, Митрополит Московский Филарет предложил игумену Игнатию настоятельство в Николо-Угрешском монастыре и вызвал его в Москву. Указ Святейшего Синода об этом перемещении состоялся[1], и отец Игнатий официально стал 82-м настоятелем Угрешского монастыря, но не попал туда, а по Высочайшему повелению прибыл в Санкт-Петербург и был назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни с возведением в сан архимандрита. Прибывшие в Вологду отец Иларий и Петр Дмитриевич, не застав там того, кто их вызвал, остались не у дел. К этому периоду относится их знакомство с Павлом Петровичем Яковлевым: «В половине февраля 1834 года в проезд мой из Кирилло-Новоезерского монастыря чрез город Вологду

[1] 10 ноября 1833 г.

в Ярославское и Костромское мои имения имел я удовольствие встретиться с о. Иларием и Петром Дмитриевичем Мясниковым у Г-на Рындина Стефана Дмитриевича; приятно побеседовали; вместе отобедали и после вторичной беседы распростились в предположении встретиться в Петербурге.

Но их, как впоследствии оказалось, ожидала Москва с Угрешскою обителею»[1].

Однако пока положение их было отчаянным, о чем они и сообщали архимандриту Игнатию в письме от 14 января 1834 г. Отец Иларий писал: «Сими строками, во-первых, доношу Вашему Высокопреподобию о моем ничтожестве, я, Слава Господу Богу, при всех моих немощах по ходу моего прошения прибыл в ваше отечество в г. Вологду благополучно с братом Петром Дмитриевичем 23 прошлого декабря. Явился к Его Преосвященству 24-го числа, был владыкою крайне ласково принят. Но, к крайнему моему недостоинству за мои тяжкие грехи и гордость, вас, моего отца, не удостоился лично видеть, ниже Лопотовой обители. А вместо того попал в место открытое и словущее по важности города, в Свято-Духову обитель под покровительство к известному Вам, моему теперешнему настоятелю отцу Г-ну Амвросию. В сем-то Святом месте благоволил Господь за недостоинство мое коротовать мои дни при всех моих немощах Д. и Т.[2] вместо желаемого покоя. Сего нового года Генваре месяце 12 числа прочитан мне указ по резолюции Его Преосвященства в вышеупомянутое место вечного братства впредь до усмотрения с наблюдением моего поведения... Содрогаюсь сердцем, как мне, бедному горюну, будет продолжать время и окормлять свое житие, изнеженному и без приборов душевных, по такому хаосу и юдоли. В сем-то, Люб<езный> Батюшка, положении нахожусь, к присутствию Духа только и питаюсь надеждою милости Божией и Вашего Высокопреподобия внять на мою горькую участь исходатайствовать мне у Преосвященного Владыки своим письмом прежнюю свободу билета, если соблаговолите, в вашу Епархию и обитель прибыть вместе с братом Петром Д., который также по приезде сюда находится в недоумении, куда себя девать по кратости времени до ревизии[3], и его участь по расположению к Вашему Высокопреподобию остается нерешима. А если у Вас, батюшка, места заняты, то благословите нам определиться в другой Епархии, я надеюсь, что вас Преосвя-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 4. || [2] Душевных и телесных. || [3] См. примеч. 3 на с. 233.

щенный уважит, а меня уж и на глаза к нему не пущают». А Петр Дмитриевич приписал: «Простите, батюшко, что я дерзаю вас беспокоить семи строками слов: прибыли в Вологду с отцом Иларием благополучно, но, наше нещастие, вас уже не застали и находимся оба в немалом смущении о нашей участи горькой. А как мы узнали верно о вашей участи, то я ныне припадаю к стопам Вашего Высокопреподобия и прошу сделать со мною милость: своему ближайшему соотечественнику, и помня ваши отеческие милости и любовь, то и не выступаю из вашей воли и нигде не расположился по своей воле остаться, кроме вашего благословения: а как ближатся границы моей свободы, то надо гденибудь главу приклонить, то и прошу вас, как истинного отца моего, дайте мне какое решение; если я не достоин быть вашим рабом, то благословите, куда мне определиться».

С другой стороны, Митрополит Филарет, после назначения отца Игнатия настоятелем Сергиевой пустыни, спрашивал его, не знает ли он кого-нибудь вместо себя для настоятельства в Угрешском монастыре. Архимандрит Игнатий рассказал Митрополиту об отце Иларии. Уже на следующее утро после этого разговора Митрополит отправил запрос к Преосвященному Стефану в Вологду[1]. Совет оказался удачным: отец Иларий понравился Митрополиту Филарету и, несмотря на некоторые свои особенности и постоянное желание отказаться от должности, приняв монастырь 15 марта 1834 г., настоятельствовал в нем 18 лет.

Монастырь ему достался не в лучшем состоянии. Посетивший его в октябре 1837 г. Митрополит Филарет сказал: «Во всей епархии нет у меня беднее и хуже ваших церквей». О своих трудностях по восстановлению монастыря и переживаниях отец Иларий подробно сообщал архимандриту Игнатию в живописных письмах. Архимандрит и сам переживал в это время не меньшие трудности по воссозданию Сергиевой пустыни, но ему хотелось узнать и о монастыре, который предназначался ему Митрополитом Филаретом. И отец Иларий очень подробно описал его в письме от 15 ноября 1836 г. Также, доверяя вкусу отца Илария, архимандрит Игнатий поручал ему иногда приобретение церковной утвари и икон у московских мастеров, которых ценил, по-видимому, больше петербургских.

Снова встретились они через 18 лет, когда архимандрит Игнатий посетил Угрешу по пути в Николо-Бабаевский монастырь.

[1] См. письмо Митрополита Филарета к архимандриту Игнатию от 15 февраля 1834 г. на с. 23.

Монастырь ему очень понравился: «Мил, уединен — монастырь Угрешский», — писал он. Понравилась и тамошняя братия: «В четверток был в Угрешской обители, которая, несмотря на близость свою к Москве, посещается Богомольцами мало и потому очень уединенна. С душевным утешением увидел я там некоторых монашествующих, провождающих жизнь внимательную, в страхе Божием. Они очень хранятся от монашествующих города Москвы, не презирая их, но избегая расстройства душевного, которого никто так скоро сообщить не может, как брат, живущий нерадиво. <...>

В пятницу был я в Кремле для поклонения святыням. О. игумен Угрешский был моим путеводителем»[1].

Петр Дмитриевич Мясников прибыл в Николо-Угрешский монастырь вместе с отцом Иларием. В своих «Воспоминаниях» он пишет: «Келейническое послушание при отце Иларии я исправлял в продолжение пяти с половиной лет; келлии особой у меня не было, и я жил в передней за ширмами, которыми отгораживался угол и окно. За недостатком людей я имел несколько послушаний: я был 1) келейником настоятеля, 2) трапезным, 3) погребничим, а за неимением — келарем и 4) свечником.

Марта 26 1838 года в Лазареву Субботу я принял пострижение и из Петра переименован в Пимена. Осенью меня сменили в должности келейника, а меня перевели в одну из братских келлий. <...> 23 февраля 1839 года рукоположили в иеродиакона. В марте вступил в исправление казначейской должности, в 1840 году — в Иеромонаха».

В должности казначея, в которой отец Пимен был утвержден в 1844 г., и застал его архимандрит Игнатий при своем посещении Угреши. Отец Пимен произвел на архимандрита самое благоприятное впечатление. В случае увольнения отца Илария на покой, писал он, «я согласился с Пименом и другим иеромонахом, которые совершенно образовались по моим грешным советам и настоящие — Сергиевские»[2], об их переходе в Сергиеву пустыню.

Отец Пимен, бывший свидетелем всех событий во время пребывания архимандрита Игнатия в Москве, писал позже: «Митрополит Филарет обошелся с ним отменно приветливо, сделал ему самый почетный и радушный прием, неоднократно принимал его у себя и посещал в доме И. А. Мальцева, где он останавли-

[1] См.: Т. 2. С. 300. || [2] Т. 2. С. 303.

вался, и, пригласив его к себе на обед, собрал высшее московское духовенство, чтоб его с ним познакомить».

Свидание с отцом Игнатием пробудило у отца Пимена юношеские воспоминания, и он отпросился у настоятеля, чтобы побывать на родине в Вологде. Он отправился в 1848 г. на третьей седмице Великого поста и по пути заехал навестить в Николо-Бабаевском монастыре архимандрита Игнатия, у которого пробыл двое суток.

Прошло четыре года. Отец игумен Иларий несколько раз уже просил Митрополита Филарета отпустить его на покой, и в ноябре 1852 г. Владыка не стал его больше удерживать. После ухода на покой отец Иларий провел 11 лет в Гефсиманском скиту, несколько раз приезжал на Угрешу погостить; постригся в схиму с прежним именем Илии; 9 июля 1863 г. он скончался и погребен в Тарбеевской пустыни. Отпевал его отец Пимен.

На его место Митрополит Филарет уже 16 ноября 1852 г. назначил отца Пимена, который давно привлек его внимание своей неутомимой деятельностью. Первое, что сделал отец Пимен в своей новой должности, это ввел в монастыре общежитие, которого долго добивался Митрополит, но которому все годы сопротивлялся отец Иларий. С этого момента и до конца жизни Митрополит Филарет относился к отцу Пимену с исключительным доверием и благоволением. 6 октября 1853 г. он вручил ему игуменский посох, а в августе 1858 г. посвятил его в архимандрита.

Таким образом, в следующем свидании — в ноябре-декабре 1857 г. — встретились уже настоятель Николо-Угрешского монастыря игумен Пимен (Мясников) и епископ Кавказский и Черноморский Игнатий (Брянчанинов).

О свидании этом известно из записок П.П.Яковлева, который писал, что отец Пимен сопровождал епископа Игнатия в его поездке в Троице-Сергиеву Лавру. Присутствовал он и во время встреч епископа Игнатия с Митрополитом Филаретом.

В 1859–1861 гг. послушником в Николо-Угрешском монастыре был племянник Преосвященного Игнатия Алексей Петрович Брянчанинов. По возвращении дяди из Ставрополя он перешел к нему в Николо-Бабаевский монастырь.

В 1861 г. Преосвященный Игнатий по пути в Николо-Бабаевский монастырь заезжал в Москву и в Николо-Угрешский монастырь. Это было его последнее свидание с архимандритом Пименом.

Сомнений нет, что в длительные перерывы между свиданиями они переписывались, но, к сожалению, эти письма не сохра-

нились. Впрочем, сохранившиеся письма отца Пимена к другим лицам показывают, что он не очень любил их писать: их содержание сводится только к поздравлениям с праздниками или днем Ангела. Все же об одном из его писем епископ Игнатий писал 8 ноября 1862 г. брату Петру Александровичу: «Вчера получил письмо от Угрешского архимандрита Пимена; пишет, что его покровитель Пр<еосвященный> Леонид беседует с митрополитом о предоставлении мне епархии, что до них дошли слухи о впадении моем в уныние и проч. Я отвечал, что настоящим моим положением я вполне доволен и что болезненность моя делает для меня невозможным исправление служебной обязанности»[1]. А единственное известное письмо епископа Игнатия к архимандриту Пимену, помимо своего содержания, интересно и тем, что отец Пимен оставался в числе очень немногих лиц (родных братьев и сестер и Михаила Чихачева), к которым он до конца своих дней обращался на «ты».

С упомянутым в письме от 8 ноября 1862 г. Преосвященным Леонидом (Краснопевковым)[2] епископ Игнатий был знаком с самого начала своего настоятельства в Сергиевой пустыни. От него он получал иногда известия о жизни и деятельности архимандрита Пимена. Так, 22 июня 1859 г. он писал Преосвященному Леониду: «Порадовали меня сведения, начертанные в письме Вашем о Угрешском монастыре. Спаси Господи отца Пимена, употребившего и употребляющего свои способности во Славу Божию! Ныне трудно найти монастырь благоустроенный!»

Познакомился отец Пимен с отцом Леонидом, бывшим в то время ректором Московской Духовной семинарии, в 1855 г. и с тех пор считал его своим лучшим, даже «единственным» другом. А отец Леонид, будучи уже Преосвященным епископом Димитровским, писал о нем: «Люди, подобные отцу Пимену, великая редкость: это самородки золота». В мае 1873 г., когда архимандрит Пимен, осматривая очередное строение в монастыре, упал со стремянки и сломал ребро, Преосвященный Леонид написал ему письмо, в котором ярко характеризовал его деятельность: «Когда Вы из развалин восстановляли Угрешскую обитель и, с тугою душевною устрояя в ней общее житие, большую часть года, с забвением о себе, проводили на постройках, и возникали из-под рук Ваших эти благолепные храмы, красивые домы, изящные стены, расцветали сады, кто тогда мог вос-

[1] Т. 3. С. 84. || [2] О нем см.: Т. 1. С. 80–108.

стать на Вас за то, что изнуряете силы свои? Ваша осенняя болезнь была, конечно, следствием многолетних чрезмерных трудов и самозабвения для службы Церкви и монашеству; но кто же мог Вас укорить за нее? Все сострадали Вам, молили о Вас Бога и с трепетом ждали исхода необыкновенной болезни.

Увы! Теперешние Ваши страдания от переломанных ребер хотя не могут не возбудить к Вам сожаления, но тоже на всех устах производят улыбку, которую не хочется видеть. <...> Честна для десятника плотников и рана, и смерть от падения со стремянки, но для Архимандрита Пимена если не позор, то укор от всех любящих и уважающих его.

Есть у Вас, Возлюбленнейший, есть у Вас строительное дело повыше плотничьего и каменникова — строение душ».

Наступил 1867 год. В августе намечалось празднование пятидесятилетия святительского служения Митрополита Московского Филарета. Комиссией по подготовке празднования руководил Преосвященный Леонид. По совещании с ним архимандрит Пимен отправил письмо епископу Игнатию с вопросом, не пожелает ли он принять участие в работе Комиссии. В ответ епископ Игнатий писал 24 апреля 1867 г.: «Возлюбленнейший о Господе отец Архимандрит Пимен! Приношу тебе искреннейшую благодарность за воспоминание о мне, грешном, и за поздравление с Праздником Праздников, с которым взаимно поздравляю тебя, желая тебе всех истинных благ и приветствуя всерадостным приветствием: Христос Воскресе!

Равным образом очень благодарен тебе за уведомление, что 5-го августа сего года совершится пятьдесят лет служения Его Высокопреосвященства, Митрополита Филарета, в сане епископа. Весьма желательно, чтоб адрес Его Высокопреосвященству от общежительных монастырей был выполнен удовлетворительно. Самое дело показывает, что составление адреса должно быть поручено лицу: 1) знающему монашескую жизнь; 2) знающему действия Митрополита в пользу вообще монашества по Синоду; 3) знающему действия Митрополита по Московской Епархии; 4) знающему Его частные действия. Адрес может быть силен единственно по числу и достоинству фактов. Очевидно тут нечего делать писателю, вполне чуждому сведений по последним трем пунктам, хотя бы он и мороковал что-нибудь по первому.

Письмо твое полежало на почте в Ярославле, потому что распутица уничтожила на это время сообщение монастыря с городами.

Получил я письмо 23-го. В этот день я так ослабел, что слег в постель, едва дышащий. Когда я проезжал через Москву на Бабайки, то был несравненно крепче, нежели теперь, хотя и тогда был уже крайне плох. Служить вовсе не могу: нет груди, нет дыхания, нет ног, спина как бы сломанная. И келейным делом почти не занимаюсь, хотя зимою решительно не выхожу из келлии.

Прошу твоих святых молитв. Тебе преданнейший слуга Е<пископ> Игнатий».

Через шесть дней после этого письма святитель Игнатий отошел в вечность. А через шесть с половиной месяцев в вечность перешел Митрополит Филарет: «13 ноября,— писал архимандрит Пимен,— я был у Владыки по двум делам. Думал ли я, что больше не суждено мне видеть его живым. Печальная весть об его кончине достигла нашего монастыря 19-го к вечеру».

Позже он вспоминал: «Покойный Владыка [Филарет] оказывал мне лестное для меня доверие, в котором я вполне мог убедиться. Едва ли еще кто из настоятелей, исключая Лаврского Наместника[1], пользовался таким отличием».

До назначения нового митрополита временное управление Московскою митрополиею Высочайше было поручено Преосвященному Леониду, в то время епископу Димитровскому, викарию Московскому. 5 января 1868 г. на Московскую митрополию был назначен Высокопреосвященнейший Иннокентий, Архиепископ Амурский и Камчатский.

В судьбе архимандрита Пимена с этим назначением ничего не изменилось. В марте 1869 г. он отправился в Санкт-Петербург поклониться тамошним святыням. Во время пребывания он посетил и бывших знакомых святителя Игнатия: Татьяну Борисовну Потемкину, вдову графа Михаила Николаевича Муравьева, Пелагию Васильевну, сенатора П. И. Соломона, наместника Александро-Невской Лавры архимандрита Ювеналия (Половцова).

26 марта он поехал в Сергиеву пустынь, познакомился с ее настоятелем отцом архимандритом Игнатием (Малышевым)[2], который произвел на него сильное впечатление своими художественными талантами: отец Игнатий, писал он, очень искусен в живописи: у него много прекрасных икон и картин его работы. После беседы отец Игнатий поводил его по монастырю. «Пока мы ходили, уже стемнело. Вечером был у архимандрита в гостях князь

---

[1] Наместник Троице-Сергиевой Лавры Антоний (в миру Андрей Гаврилович Медведев; 1792–1877) — о нем см.: Т. 1. С. 85–87. || [2] О нем см.: Т. 2. С. 256–265.

Суворов, а после того пришел схимонах отец Михаил Чихачев, с которым вместе мы были некоторое время послушниками в Новоезерском монастыре в 1833 г. Ночевал я у Архимандрита и на следующий день возвратился в Петербург, еще походивши везде и поблагодаривши гостеприимного Настоятеля за его радушный прием и за предложенную хлеб-соль перед моим отъездом».

В 1871 г. судьба свела архимандрита Пимена с еще одним учеником святителя Игнатия, с знаменитым игуменом Черменецкого Иоанно-Богословского монастыря, поэтом и писателем отцом Антонием (Бочковым)[1], который, уйдя на покой, поселился в Угрешском монастыре. Было ему в это время 68 лет. В этом же 1871 г. Московское епархиальное начальство поручило общежительным монастырям посылать по очереди по одному иеромонаху для отправления треб в отделении Московской Чернорабочей больницы. «Наш монастырь, как монастырь Благочинного, — писал архимандрит Пимен, — должен был показать пример и первый начать чреду на этом новом поприще. <...> Первый, поревновавший выступить на это новое поле делания духовного, был один из достойнейших старцев нашей обители, бывший Игумен Череменецкого Богословского монастыря о. Антоний Бочков, жительствовавший у нас на покое. Как первый делатель, он установил надлежащий порядок при отправлении треб и как добрый пастырь положил душу свою за ближних». Архимандрит Пимен, зная о предрасположенности престарелого отца Антония к заболеваниям, отговаривал его, уверяя, что идти в больницу — значит «идти почти на смерть». Так и случилось. Отец Антоний заразился тифом и скончался в больнице 5 апреля 1872 г., пожертвовав собою «на благо страдавшей и умиравшей меньшой братии своей».

Здоровье самого архимандрита Пимена пошатнулось. В 1873 г. он перенес тяжелую болезнь, выздоровление после которой он считал «чудом».

Тем не менее, когда в 1875 г. 20 мая его друг, Преосвященный Леонид, был назначен Архиепископом Ярославским и Ростовским, отец Пимен предпринял большое путешествие в Ростов, Ярославль, Рыбинск, Югскую Дорофееву пустынь, Кострому и Бабаевский монастырь. «Выехав из Костромы в 10 часов утра, — писал он, — мы прибыли к Бабаевскому монастырю в 2 часа пополудни. От пристани до монастыря не более 100 сажен. Во время остановки парохода у пристани в часовне поют молебен.

[1] О нем см.: Т. 1. С. 400–432.

Отец архимандрит Иустин[1] принял меня весьма приветливо, как давнишнего и старого знакомого: неоднократно случалось ему бывать на Угреше. Потом пришел П. А. Брянчанинов (брат покойного Преосвященного Игнатия, жительствовавшего и скончавшегося в Бабаевском монастыре); он занимает келлии, в которых жил Преосвященный, и ведет жизнь самую тихую, уединенную, совершенно монашескую.

После обеда отец Иустин повел меня по монастырю, в котором я не был почти 30 лет, с 1848 года.

Мы осматривали новый собор, начатый еще до 1867 года, при жизни Преосвященного Игнатия. По своеобразности архитектуры и по величине здания едва ли еще где-нибудь есть подобное; самый верх и глава имеют вид царственного венца. Строение хотя и медленно, однако подвигается и приближается уже к концу. <...>

Вечер провел я втроем с Петром Александровичем и с отцом архимандритом, и разошлись довольно поздно.

Поутру, 30 сентября, я просил, чтобы мне отслужили молебен перед чудотворной иконой Святителя Николая, а панихиду у гроба Преосвященного Игнатия в теплой церкви я пожелал отслужить сам и служил ее вдвоем с иеродиаконом.

Пение за позднею обедней было столповое. <...>

После обеда я простился с отцом архимандритом и с Петром Александровичем и поспешил на пароход, отходивший в Ярославль».

21 октября отец Пимен возвратился в Москву; 22-го — в монастырь.

23 ноября 1876 г. Высокопреосвященный Леонид прибыл в Москву для совещания в Комитете по построению Храма Христа Спасителя; 2 декабря он возвращался в Ярославль. Отец Пимен провожал его: «Я все еще стоял у подъезда — как будто сердце тайно мне вещало, что уже более на земле не суждено нам видеться».

13 декабря Высокопреосвященный Леонид при обозрении епархии, по приглашению архимандрита Иустина, прибыл на Бабайки. В этот день в больничной церкви он слушал панихиду по Преосвященном Игнатии, затем рассказал собравшимся о своих встречах с Преосвященным. А 15 декабря неожиданно скончался.

Архимандрит Пимен получил известие о смерти Высокопреосвященного Леонида 16 декабря, 18-го он прибыл в Ярославль

---

[1] *Архимандрит Иустин* — о нем см.: Т. 2. С. 265–277.

и на Бабайки. Он сильно желал, чтобы покойный был погребен на Угреше. Но Московский Владыка сообщил, что определение Синода уже состоялось: «Где паства, да будет там и пастырь».

22 декабря отец Пимен вернулся в Москву, он был у викария, у Преосвященного Никодима и у градоначальника князя Долгорукова, «которому подал мысль испросить Высочайшее соизволение употребить на памятник Преосвященного из материалов, оставшихся от построения Храма Христа Спасителя. Что и осуществилось».

3 октября 1877 г. архимандрит Пимен писал Преосвященному Савве (Тихомирову):

«Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь и Отец

Зная Ваше всегдашнее расположение к покойному Преосвященному Архиепископу Ярославскому Леониду, спешу поделиться с вами только что напечатанною книжкою Его писем ко мне. Поэтому я и замедлил.

Вам желательно было иметь "Исторический очерк Николо-Угрешского монастыря". Препровождая к Вам и сию книгу, пользуюсь случаем просить Вас принять от меня еще книжицу "Мои воспоминания". При сем же прилагаю и фотографические виды монастыря.

Мне никогда бы не пришло и на мысль писать свои воспоминания, *ежели бы не требовал от меня сего весьма настоятельно покойный Преосвященный Леонид.*

Будьте снисходительны к писателю-самоучке.

Прошу Ваших Святительских молитв и Архипастырского благословения.

Вашего Преосвященства нижайший послушник

Угрешский архимандрит Пимен»[1].

В 1880 г. Николо-Угрешский монастырь праздновал свое пятисотлетие. Архимандрит Пимен отдал этому монастырю 45 лет своей жизни — почти десятую часть времени его существования. Но отдал или получил? Не должен ли он быть благодарен судьбе, направившей его сюда? В 1830 г. Божий Промысл свел будущего архимандрита, тогда еще никому не известного купеческого сына, с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым. Благодаря этой встрече отец Пимен не остался в провинциальной Вологде, а попал в монастырь, находящийся в непосредственной бли-

---

[1] РГБ ОР. Ф. 262. К. 38. № 68.

зости от Москвы и пользующийся большим вниманием Митрополита Московского Филарета. К тому же «прелестное,— по словам отца Илария,— местоположение» монастыря делало его еще более привлекательным и для его обитателей, и для богомольцев. Благодаря дружеским отношениям с отцом Иларием, а также особенностям его характера отец Пимен почти сразу же по прибытии был включен в делопроизводство монастыря, связанное с управлением им. Это обстоятельство очень скоро сделало его известным Митрополиту Филарету, что сказалось в его будущей карьере. Самозабвенное трудолюбие было сущностью отца Пимена. Это видно, в частности, и из приведенного выше письма Преосвященного Леонида. Но несомненно, что самозабвенный труд вдохновлялся особенной любовью архимандрита Пимена к своему монастырю. Это видно сейчас, когда, несмотря на все потери после 1917 г., монастырь снова приобрел такой прекрасный, такой благолепный вид.

Трудолюбие, привлекательные черты характера отца Пимена притягивали к нему многих замечательных людей его времени. Об исключительном отношении к нему Митрополита Филарета он сам рассказал в своих «Воспоминаниях», рассказал и о дружбе с Преосвященным Леонидом (Краснопевковым). Общение с этими выдающимися людьми, постоянное чтение сочинений святых Отцов, интерес к которым у него пробудил святитель Игнатий, способствовали интеллектуальному развитию самого архимандрита Пимена. Благодаря чему этот «ученик портнихи Пелагеи Егоровны» смог заняться еще и литературным трудом и весьма ярко написать свои обширные «Воспоминания». Причем для написания исторической части ему потребовалось привлечь материалы из различных источников. Об этом свидетельствует сохранившаяся в архиве переписка, в частности приведенное ниже его письмо к известному археографу Павлу Михайловичу Строеву.

Божий Промысл довел земную жизнь архимандрита Пимена до юбилея любимейшего его детища. В честь пятисотлетия монастыря осуществилась последняя мечта архимандрита Пимена: 9 августа 1880 г. состоялась закладка нового собора, который со временем станет вторым по величине после Храма Христа Спасителя в Московской епархии. На праздник приезжал архимандрит Иустин из Николо-Бабаевского монастыря.

Архимандрит Пимен был болен, 17 августа он скончался.

Ныне архимандрит Пимен прославлен в лике святых. Память его 17 августа (ст. ст.).

Переписка святителя Игнатия с игуменом Иларием

№ 1[1]

Ваше Высокопреподобие Милостивейший Отец
Архимандрит Игнатий

Во-первых, поздравляю Вас, Батюшка, яко Отца, со всерадостным праздником Рождества Христова, равно и с восприятием Вами Сана Отца новыя паствы по воле Божией и Монаршей. Желаю Вам о Господе радоваться и много лет здравствовать.

Сими строками, во-первых, доношу Вашему Высокопреподобию о моем ничтожестве, я, Слава Господу Богу, при всех моих немощах по ходу моего прошения прибыл в ваше отечество в г. Вологду благополучно с братом Петром Дмитриевичем 23 прошлого декабря. Явился к Его Преосвященству 24-го числа, был владыкою крайне ласково принят. Но, к крайнему моему недостоинству за мои тяжкие грехи и гордость, вас, моего отца, не удостоился лично видеть, ниже Лопотовой обители. А вместо того попал в место открытое и словущее по важности города, в Свято-Духову обитель под покровительство к известному Вам, моему теперешнему настоятелю отцу Г-ну Амвросию. В сем-то Святом месте благоволил Господь за недостоинство мое коротовать мои дни при всех моих немощах Д. и Т.[2] вместо желаемого покоя. Сего нового года Генваре месяце 12 числа прочитан мне указ по резолюции Его Преосвященства в вышеупомянутое место вечного братства впредь до усмотрения с наблюдением моего поведения.

Господи Боже и Создателю мой, сколько Человек ратует против Твоей судьбы своим стремлением, отсель грешный раб Твой на себе опытом дознал. Но уже опоздал искать, да будет Воля Твоя. В таковом-то моем положении я паче надежды нахожусь. Мало времени имею покойного, кроме горьких дум и слез кровавых до изнеможения и повреждения и остального здравия душевного и телесного. Многие здесь лица Духовные и Светские жалеют о моей таковой участи. Еще же я рассмотрел здешней Епархии горькие участи здешних монастырей, равно и правосудие Епархиального начальства. Содрогаюсь сердцем, как мне, бедному горюну, будет продолжать время и окормлять свое житие, изнеженному и без приборов душевных, по такому хаосу и юдоли. В сем-то, Люб<езный> Батюшка, положении нахо-

жусь, к присутствию Духа только и питаюсь надеждою милости Божией и Вашего Высокопреподобия внять на мою горькую участь исходатайствовать мне у Преосвященного Владыки своим письмом прежнюю свободу, билета, если соблаговолите, в вашу Епархию и обитель прибыть вместе с братом Петром Д., который также по приезде сюда находится в недоумении, куда себя девать по краткости времени до ревизии[3], и его участь по расположению к Вашему Высокопреподобию остается нерешима. А если у Вас, батюшка, места заняты, то благословите нам определиться в другой Епархии, я надеюсь, что Вас Преосвященный уважит, а меня уж и на глаза к нему не пущают. У Петра Д. гостил я довольное время и крайне их страннолюбием остался доволен, да и только здесь и благодетелей Странный обрел, а особенно при теперешнем моем положении. Петр Д. любезный друг и брат по Духу и телу, и если бы не он, то Господь знает, что со мной случилось. Сообщение обо мне пришло из Калуги скоро за мною. Старцы оптинские, батюшка, все живы и здоровы, кроме о. Серапиона, который определяется и находится в Сергиевой М<осковской> Лавре. Ему там спокойно будет. А прочие все вам кланяются и просят Ваших святых молитв. Батюшка, я здесь много просил видимых благодетелей сотворить со мною милость, но тщетно, то хотя вы окажите свою Отеческую Христианскую любовь и милость исходатайствовать мне от Владыки свободу к выпуску отсель из Епархии, чего прошу и молю Господа ради и челом бью. Еще меня, грешного, обрадуйте, равно и собрата моего Петра, своим писанием по получении сего нашего писания на имя отца его г. Мясникова. Чего будем ожидать с нетерпением. Поверьте, Отец мой, едва рука водила при чертании сих строк от туги сердечныя, подайте бедствующему крепкую свою руку помощи.

Засим остаюсь ко Вашему Высокопреподобию, милостивому моему отцу и покровителю, сыновнею преданностию нижайший послушник *Грешный Иеромонах Иларий.*

Его преподобию отцу Михаилу Васильевичу кланяюсь и прошу святых его молитв.

Ваше Высокопреподобие всечестнейший батюшка отец Игнатий, поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и с восприятием нового сана отца новыя паствы и желаю Вам о Господе радоватися со всею о Христе братиею. Простите, батюшко, что я дерзаю вас беспокоить семи строками слов: прибыли в

Вологду с отцом Иларием благополучно, но, наше нещастие, вас уже не застали и находимся оба в немалом смущении о нашей участи горькой. А как мы узнали верно о вашей участи, то я ныне припадаю к стопам Вашего Высокопреподобия и прошу сделать со мною милость: своему ближайшему соотечественнику, и помня ваши отеческие милости и любовь, то и не выступаю из вашей воли и нигде не расположился по своей воле остаться, кроме вашего благословения: а как ближатся границы моей свободы, то надо где-нибудь главу приклонить, то и прошу вас как истинного отца моего, дайте мне какое решение; если я не достоин быть вашим рабом, то благословите, куда мне определиться. Хотя я и не ожидал того, но надо повиноваться воле Божией и Вашему расположению. Засим остаюсь ко Вашему Высокопреподобию и милостивому отцу и покровителю всенижайший послушник многогрешный богомолец

Петр Мясников.

Его преподобию отцу Михаилу Васильевичу кланяюсь и прошу святых его молитв.

1834 года Генваря 14-го дня
Свято-Духов Вологодский монастырь.

Живу в обители в келлии с четырьмя человеками в одной, а всех 13-ть в деревянных старых келлиях.

Еще просим вас, батюшко, не можно ли нас уведомить с первой почтой.

[1] Письма № 1, 2, 3, 4, 6–10 – РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 41.

[2] Душевных и телесных.

[3] ...ревизии – см. примеч. 3 на с. 233.

№ 2

Ваше Высокопреподобие Милостивейший Отец
Архимандрит Игнатий

Отеческими Вашими молитвами и благотворениями к пользе ближнего и я, непотребный, милостию Господа Бога, Промыслителя нашего, удостоился странствию моему получить тихое пристанище обители Чудотворца Николая, Иерарха Мирликийского Угрешского. Святейший отец и Архипастырь мой, Высокопреосвященнейший Митрополит Филарет удостоил меня, непотребного, Своею милостивою резолюциею поступить мне в вышеозначенную Обитель в виде Настоятеля Управляющим, при-

нять мне Обитель с монастырским и церковным имуществом. По сему случаю по распоряжению Епархиального Начальства определено ввести меня в монастырь и быть свидетелем при принятии монастырского имущества Отцу Архимандриту Даниилова Монастыря Плато́ну. Принятие было в обители с церемониею и приведением меня к присяге. После сего свидетельствовали ризницу, приходо-расходные книги и прочие монастырские принадлежности. Введение в монастырь число было марта 14-го дня. Ризница с имеющейся прежней описью была поверена, но по случаю хищений и кражи состоит по наличности теперь не сходна, а вновь состоит только тетрадь, какие вещи налицо имеются по ризнице и книжной, денег от приходо-расходных книг осталось от прошлого года 7837 сер<ебром> 58 к<опеек>. В Опекунском совете билетов, по коим получаются проценты с 34-х с лишком тысяч; братии 11 человек. В Москве имеется каменное подворье, в двух флигелях занимаются торговыми заведениями, сбору всего в год 6 тысяч с лишком. Местоположение обители прелестное. Мирские селения со всех сторон отдалены. Строение каменное, вокруг ограда обнесена на версту. Прекрасный сад и прочие около Монастыря угодья. Москва-река протекает близ монастыря. Келлии Настоятельские веселые и пространные. Две церкви, ризница по месту богатая, братские келлии весьма достаточны и спокойны. Но по разным переменам начальников в братстве расстройство, и много требуется по обители и подворью поправок. Господа ради прошу, Батюшка, спомоществуйте мне, немощному, отеческими вашими наставлениями, в теперешнем положении вся надежда по Бозе на ваше покровительство.

Брат Петр Д. располагается с Божиею помощию здесь жить навсегда. На сих днях посылаю я его прошение на имя Архипастыря. В случае, Батюшко, заложите за него Высокопреосвященнейшему слово — а за посланное от нас из Вологды по приезде к Вашему Высокопреподобию письмо от нашего малодушия, скорбное отеческому вашему сердцу, просим простить нас, Господа ради. За изъяснением сего краткого и недостаточного по новости объяснения остаюсь к Вашему Высокопреподобию, милостивому моему Отцу, сыновнею преданностию со испрошением отеческих ваших молитв и благоволения, недостойный Ваш послушник, Управляющий Николаевскою Угрешскою обителию, недостойный *иеромонах Иларий.*

Ваше Высокопреподобие, если есть резон хоть чрез вашу особу испросить лично Благословение мне, убогому, у велико-

го Архипастыря моего, Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета, то потрудитесь, Господа ради, исходатайствовать мне, непотребному, его Святое Архипастырское Благословение.

Отцу Михаилу Васильевичу с глубочайшим почтением кланяюсь с испрошением Святых его молитв.

При сем и я прошу отеческого благословения и святых ваших молитв, низко кланяюсь, остаюсь недостойный послушник

Петр Мясников.
1834 Года Марта 19 дня
Николаевский Угрешский монастырь.

№ 3[1]

Ваше Преподобие!

Почтеннейший Отец Илларий!

Покорнейше Вас благодарю за воспоминание о мне многогрешном. Письмо Ваше получил и в Синод дать прошение Вам не советую. Если же подадите, то поступите совершенно против правил благоразумия, навлечете себе бóльшее неудовольствие и потеряете расположение Вашего Владыки, который может домашним образом привести в порядок обитель. Оставьте, оставьте Вашу мысль о жалобе в Синод, когда не хотите на старость лет испить горькую чашу.

Прошу Ваших Св. молитв и желая Вам благополучия и спокойствия имею честь быть

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий
1836 года марта 7 дня

(Приписка)

Пречестнейший Батюшка Отец Илларий!

При сем и я, последнейший, желаю Вам того, что и Отец наш Архимандрит советует вам, и свидетельствую Вам мое усерднейшее почтение

Недостойнейший купножитель Отца и Благодетеля и Богомольца

И. Евангел

[1] РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. № 1307. Святитель Игнатий имя Иларий писал с двумя «л».

№ 4

Ваше Высокопреподобие Милостивейший Отец
Архимандрит Игнатий

Отеческие писания Ваши от 14 и 25 чисел прошлого месяца с душевным удовольствием получил и многократно читал как приятную весть. Благодарил Господа, что искушению моему открылось избытие, отеческое ваше снисхождение и попечение о нас, убогих, воздействовало единственным средством к ходатайству примирения Святейшей Архипастырской души. За таковые Ваши нам милости и христианское расположение как немотствующие младенцы простым приветствием усердно вас, батюшка, благодарим и просим, чтобы вы и на предыдущее время снисходили в наших недостатках. За что вас Господь Создатель и Промыслитель наш не оставит Своею милостию. Теперь молитвами Архипастыря и вашими остаемся спокойны, задняя забывающе.

При сем, батюшка, доношу вам к сведению о устроении Николо-Угрешской обители. По прежним записям видно, что начальное основание и восстановление обители по случаю явления иконы Святого Чудотворца Николая — в лето от сотворения мира 6888-м году великому князю Димитрию Иоанновичу Донскому, шедшему с воинами на Мамая Татарского хана, — в обнощевании им близ места обители. Явилась ему честная икона Святителя Николая на дереве сосне, звездами окруженная, которая, сшедши до его с дерева рук, была им принята и увезена на место сражения. Когда же он, великий князь, возвратился с победою с побоища, то в знак благодарности Чудотворцу Николаю построена им прежде знаменитая иноком обитель, названа Угреша, потому что у него по выходе из Москвы от боязни Мамая угрелось сердце надеждою явлением иконы Св. Николая. Ограда с башнями и строение внутри было огромное каменное, которое впоследствии времени большая часть с двумя церквами сломано. А ныне существующее остальное, ветхая ограда с 7-ю башнями и 2-мя бойницами в Готическом вкусе, в окружности 380 сажен, местами к падению близкая. Соборная церковь Святителя Николая небольшого размеру ветхая, с пристроенным кругом крытым переходом с малою ризницею. Два корпуса двухэтажных глаголем. Служат теперь для обитающих необходимыми принадлежностями как местом молитвословия, так и жительства. По сломке огромных прежних церков-

ных и прочих в Обители служебных зданий нынешнего времени образованные начальники стянули по новому вкусу в одну массу: 1-е теплую церковь устроили в прежних Настоятельских покоях, которая теперь 2-я и последняя. Под ней же трапезу малую с кухонкою, к сей же церкви пристроили внове и колокольню. Тем теперь все здание в монастыре и заключается. А именно две церкви, в коих по одному настоящему престолу без приделов, два корпуса глаголем — в первом помещается настоятель в верхнем этаже, по ряду в одной связи теплая церковь — отдельно и колокольня. Назаворот корпус братских келлий, и соборная церковь Св. Николая стоит особо. В братском корпусе в верхнем и нижнем этаже есть два покоя, еще не устроены для жительства. Прочие внутри Монастыря строения незначущие и ветхие раскиданы в разных местах. 1-е древняя большая двухэтажная каменная гостиница ныне служит конюшнею и сараем для экипажей, а вверху поклажею сена; 2-е большой амбар, бывший Монастырскою кузницею, служит дровяным сараем, каменный. В нижнем этаже Настоятельских покоев устроен братский большой ледник и покой для хранения провизии, покой с ямником для огородных овощей и прочего. Лестница к Настоятелю внутри и пристроенное крыльцо для входа в теплую церковь. А для безобразия внутри обители осталось от разломки прежнего строения мусор, камни и кирпич великими грудами, требующий по времени потратить на очищение немалое иждивение. Украшение в двух церквах беднейшее. Ризница малого количества бедная и ветхая, а была прежде и богатая, которая в 1825-м году при бывшем Игумене Израиле ворами похищена. Как-то ризы, священные Стихари, Епитрахили, поручи, воздухи, орари, все были жемчугом и камнями драгими украшенные. Также серебряные ковчеги и вся утварь лучшая церковная похищена и так очищено, что на имеющиеся в наличности вещи церковные утвари и описи после покражи 12 лет нет, ведь все консистория по сие время дело решает. Предместник мой бывший игумен Аарон имеет, сказывают, до 60000 р. своих денег в Опекунском совете в процентах, то когда изломал на 12 сажен двухэтажного дорогого здания в 1828 г. по резолюции Его Высокопреосвященства Филарета Митрополита, так восхитился добычею железа и прочего, что хвалился Угрешскую обитель устроить по ветхости в приходскую церковь. Но хранимая Богом Обитель и после сего зажиточного лихоимца в существовании своем находится. Братства имеется, кроме Игумена,

15 человек, из коих 5 Иеромонахов, 2 иеродиакона, 3 рясофорных монаха и 5 послушников. Доход монастырю каждогодно от оброчных статей сбирается весьма достаточен. Из коих главнейший с подворья монастырского в Москве, состоящего в двух корпусах двухэтажных, ходячею здесь монетою 17 коп. [нрзб.] на 1 рубль — 6560 рублей в год. В оных же имеющаяся часовня — 700 рублей, из коих вольнонаемному часовенному 120 рублей в год. Мукомольная мельница в Бронницком уезде — 900 рублей. С монастырских лугов за траву и сено до 1000 рублей. Питейный дом на берегу Москвы реки 500 рублей. Постоялый двор тут же на берегу 550 рублей. Кузница 100 рублей. Монастырский пруд за одну воду платят 250 рублей. За огородную и пахотную землю 80 рублей. Две кружки, 1-я у монастырских ворот, 2-я — на берегу Москвы реки 285 рублей. Свечной продажи на 646 рублей ходячею монетою. По штату окладного жалованья третьего класса в год 1610 рублей ассигнациями. А всего приходу выправленному 1835-го года: окладного по штату 1610 рублей, неокладного монастырского с означенных оброчных статей ходячею монетою 11 571 рубль, всех 13181 рубль в каждый год. Сверх сего постоянного прихода бывает еще более или менее непредвидимый. С хранящихся же в Опекунском совете 30 000 рублей ассигнациями, положенных монастырем на бессрочное время, проценты не входят в состав вышеозначенного прихода, которые еще никогда не получались. В означенное 30 000 рублей количество — 10 000 рублей ассигнациями положено 1834-го и 1836-го годах. Означенная сумма началась скопляться чудесно с 1832-го года в постоянное устроение обители. А предмет на предбудущее время полезного ее обращения в доход предполагается на сию — перестроить вновь пришедший в ветхость двухэтажный корпус подворья в два же этажа каменный, длиною по улицам и на двор на $21\,^1/_2$-ю саженей погонных, а в ширину 4-х саженей, и можно надеяться, что по приведении сей полезной статьи в хорошее и прочное положение на будущее время Угрешская обитель удобно может настоящие свои развалины поправить. По прошению моему Архипастырь соблаговолил дозволить на перестройку, которая непременно и начало возымеет в будущем 1837-м году. План, фасад и смета выведена на постройку означенного корпуса с выправкою и другого — 58 000 рублей. Но мы надеемся, что к своей означенной сумме мало что по смете задолжаем. А расход в обители, введенный мною в 1834-м году, было 13 326 рублей в год, а в 1835-м —

10 581 рубль, да и в сем 1836-м году дойдет не более как до 11 000 рублей. Из сей трехгодичной суммы употреблено в большом количестве, во 1-х, на покрытие 4-х башен тесом и одной принадлежащей настоятельским келлиям железом с работою 1473 рубля, на окраску церковных всех в монастыре зданий на масле в два раза медянкою и мумиею 1298 рублей. 3000 рублей на перестройку с переноскою на другое место монастырских деревянных двух зданий, по случаю рушения берега монастырской земли. Сии вышеизъясненные строения состоят в оброчных статьях постоялого двора и питейного дома в расстоянии от обители в 300 саженях вниз по реке. Напромен 10 000 рублей на ассигнации 1400 рублей. А прочие расходы употреблены на братскую трапезу, каждый год выходит около 2000 рублей, на дрова в год 1000 рублей ассигнациями и более. Еще на устроение нового палисада в монастыре около сада. На устроение новой в башне над воротами с крыльцом кельи. На заведение всех вообще принадлежностей служащих по настоятельской келлии, конюшни, трапезы, кухни, подворью в Москве. В братских келлиях теперь немного осталось ветхих печей, полов и прочего. Но еще во внутренности и наружности всех монастырских строений много ветхостей, кои непрестанно дожидают своего времени поправки. Высокопреподобнейший Батюшка! Угрешский монастырь принят мною был расстроен по всем отношениям, первый мой предмет был собрать и устроить Братство. Сей пункт возвесть на степень немало труда и болезни требовал. 1-я неудобность здесь к собранию — враги и соперники Угреше — московские доходные монастыри. 2-я — Обитель была опозорена так, что гнушался и устам своим хороший человек воспомянуть о ней, да кто ж согласился бы прежде по новости, незнатности и юности Настоятеля доброй водвориться на сей хаос. Но что строит Промысл Божий? Из 12-ти прежних братии в $2^1/_2$ года моего правления только осталось 3-е, а сколько еще выбыло мною или правительством определенных негодяев, не нужно и поминать. Затем ныне обо мне в Москве разумеют монахи яко о кляузном Настоятеле и самым бессовестным крючком и не заслуживающим, кто бы доброй мог с ним жить. Но слава Богу, ныне в Угреше, кажется, откровенно можно похвалиться, живут построжее московских городских монахов, да и церковное служение идет у нас чиннее многих московских обителей. При сем еще вам, Батюшка, можно донести, что в 1835-м году из прежнего братства белый диакон, Николай Иванов, подал на

меня просьбу Государю Императору, выяснил нашей обители случившиеся какие-то непорядки и прочее. Материю его просьбы знает наш Владыка, которая покровительством Господним осталась без внимания и следствия. В оном же году на месте было два кляузных следствия о бывшем казначее и священнике, которые много потрясли невинных душ присягою, в том числе и брата Петра. Скучно было быть в таковой обители Начальником, но слава Богу о всем. Впоследствии окончания сих дел можно приписать Архипастырю отеческое великое снисхождение и милость. Везде меня как он, так и консистория своим судом выгородили от виноватого, а означенные кляузники теперь страждут в разных местах под строгим началом.

Земли в монастыре по межевым планам видно, что имеется удобной и неудобной 34 десятины, из сего количества удобной 17 десятин луговой и 8 огородной и пахотной, а прочая состоит из числа неудобной, как-то под монастырем, под прудами, под дорогою около монастыря, бечевником и половине реки, а из числа удобной с начала межевания в прошедшем, 1796-м году, по случаю рушения берега в полую воду подверглась большому изменению отнесением бечевника к ходу барок на означенную луговую статью. Особенно в течение прошедших трех годов каждогодно бечевник отнесен на монастырскую землю на 200 погонных сажен вдоль и 10 в ширину узаконенного расстояния бечевника. Братский доход с настоятелем получается в год: во-1-х, казенного окладного жалованья настоятелю 200 рублей да на стол 130 рублей ассигнациями; итого 330 рублей. Иеромонахам и иеродиаконам: а) казначею 35-ть, б) а прочим по 24 руб., в) на монашеской ваканции по 20 рублей. К сему приложить получаемые здесь по малочисленности кружечных доходов, из монастырской неокладной суммы узаконенных на выдачу резолюциями Архипастырей ходячею монетою в год: Настоятелю 100 рублей, казначею 130 рублей, Иеромонаху каждому 80 рублей, иеродиакону 70 рублей, монаху и послушнику 60 рублей. Кружечных, молебенных, халтурных и славленных в год — 845 рублей. Сия сумма не всегда бывает постоянна. Еще к сим прилагается в доход с хранящейся суммы в Опекунском совете, положенной вкладчиками на вечное время в поминовение родителей в разные годы 12 300 рублей. По 5-и и 4-е копейки проценты ассигнациями — 625 рублей в год. Итого Настоятелю с братиею кружечных и процентных разделить по чинам. Касательно же посещения обители богомольцами из Москвы или

из прочих посторонних мест, то решительно рекомендовать можно: их ни летом, ни зимою не бывает, кроме что в воскресный день приходят в церковь небольшим количеством из ближайших деревень крестьяне, а в прочие дни простые никого в церкви не увидишь. Только и царствует у нас по месту безмолвие и пустота, особенно зимою глубокое безмолвие, летом еще услышишь кричащих коноводов, тянущих по реке барки, которая от обители на юг во 150 саженях и более.

Плана у нас обители гравированного не имеется, а по времени постараюсь Вашему Высокопреподобию доставить. При сем батюшка осмелился приложить чертеж обители простой своеручный. По крайней мере сколько-нибудь вам можно будет уразуметь теперешнее ее расположение. Знакомых вам, Батюшка, из живущих здесь находятся: во-1-х, Иеромонах Серафим из Вологды, который при вас живал в Лопотове, теперь он по определению в 1835-м году исправляет в обители должность казначея; во-2-х, старец Афонский, крестоносец, Иеромонах Серафим; в-3-х, о. Петр Дмитриевич и Иван Иванович Хохол, кажется, Вам знакомые. Впрочем, все вас за доброту, по одному слуху, не только здесь у меня некоторые из братии знают, но и все московские старцы. Простите, что по слабости груди набело поленился написать. За сим остаюсь с нижайшею преданностию, кланяюсь низко и прошу святых молитв ваших.

Вашего Высокопреподобия Отца и покровителя нижайший

послушник Игумен Иларий
15 Ноября 1836 года
У<грешский> М<онастырь>.

№ 5[1]

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе о. Игумен Илларий!

Письмо ваше от 2 октября получил, — и сердечно пожалел о Вас, — тем более, что Вы испиваете ту чашу, которую пришлось бы мне пить, если б Промысл Божий не отклонил меня от Угрешской обители. Но, Вы сами знаете, где ни жить на земле, а искушения сносить должно. По-видимому, искушают нас человеки, но они без мановения Промыслителя и коснуться бы нас не могли. Итак, будем в скорбях наших предавать себя воле Творца нашего и себя почитать достойными скорбей — и почием. Исхождение из искушений не есть переменение мест, но предание себя

воле Божией и самоукорение и от сих терпение. Когда будем очень унывать от искушений и роптать на оные, то опасность та предстоит, чтоб не сделаться богоборцами, сказал один Святой Отец, как явно вооружающимися против попущений Промысла Божия, к нашей великой пользе и врачеванию Попущающего нам искушаться.

Простите, Батюшка! Я Вам как себе говорю, ибо я весьма часто скорблю, от своих похотений и страстей влеком и прельщаем, и за [нрзб.] грех ропота и малодушия и гнева,— и тогда только обретаю покой, когда предам себя всецело — воле Божией. Когда же забуду славословить Господа за все благодеяния Его и предавать себя Его святой воле и Промыслу,— тогда паки подымается буря и душа опять находится в опасности потопления в волнах малодушия и боязни. Если Вы скорбите, то недалече стезя Ваша от стези Угодников Божиих, кои, шествуя посреди многих скорбей и окрововляя ноги свои, достигли Града Небесного Иерусалима, в коем не слышат воздыханий скорбящих, но раздается глас непрестанного радования Наследников Царствия Небесного, наследовавших оное скорбми многими.

Отложим, отложим, Батюшко, желание безвременного покоя на земле, дабы получить оный вовремя, т. е. по смерти. Уготовим сердце все принять как от руки Божией, со благодарением и славословием. И еще потерпите в Вашей настоятельской должности, доколе будет можно. В совести Вашей Вы чувствуете, что монастырь не Вы разорили, а напротив, сколько было сил Ваших и умения поправили. Владыке, может быть, показалось точно тяжело глядеть на развалины монастыря, но он, как человек благоразумный, весьма может понять, что Вы устраивали подворье, как источник дохода, а из сего источника уже будете поправлять монастырь. И Москва не разом построилась! сказывают, будто есть таковая пословица. — Если же увидите по самой вещи, что невозможно Вам оставаться Начальником Угрешской обители, то ворота в Сергиеву Пустыню Вам отверсты и о. Петру,— если Господь потерпит грехам моим и буду еще Сергиевским Настоятелем. Но лучше мой совет и еще потерпеть, доколе можно,— и обновлением и устроением Монастыря оправдать Ваше избрание. Знаю малым своим опытом, каково разоренные монастыри поправлять. И здесь в Сергиевой с первого года тысячу из собственной кружки отложил в Монастырь, а последние два года и совсем почти кружки не беру, а всаживаю в Монастырь. И при всем том, куда ни посмотришь, везде гнило да валится.

Простите, Любезный Батюшка, потрудитесь, ответьте мне на письмо сие, как Вы решитесь. Прося Ваших молитв Святых, имею честь быть Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий
6-е октября 1837.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 17.

№ 6

Ваше Высокопреподобие Милостивый Отец
Архимандрит Игнатий

Великие Ваши Отеческие милости, изливаемые по всему, мне, недостойному, дерзновенно восставили поздравить вас, нашего Отца и благодетеля, с Высокоторжественным днем Христова Рождества. Из глубины сердечныя душевно желаем и молим Вседаровитого Господа, да продолжит Он жизнь вашу в славу Свою, и просвещение, и пользу иночествующим. Со многолетным здравием в мире.

При сем доношу Вашему Высокопреподобию, что благодарение Господу, при всех моих обуреваниях Душевных, сколько можно по силам моим, надежду имею на Волю и Промысл Божий. И от сего получаю немалую всегда награду. Чем больше сердце врачевать, как не сим лекарством? Не хочу вас, моего отца, оскорбить и не желаю, чтобы по своей воле, без вашей что учинить, даже до смерти усердствую послушание к вам иметь. И пусть я в прохождении Настоятельства, по делам своим бесчествуюсь.

За сим прошу Отеческого вашего мне, грешному, прощения и благословения. Кланяюсь вам низко с попечением, со испрошением ваших святых молитв.

Вашего Высокопреподобия милостивейшего моего Отца и покровителя недостойный послушник

убогий Угрешский Игумен Иларий
21 декабря 1837 года.

№ 7

Ваше Высокопреподобие Милостивый Отец
Архимандрит Игнатий

Долгом почел Вам, моему Отцу, донести о себе, посещением Божиим я с 6 Генваря сего года сделался от простуды

крайне нездоров, болезнь внутреннее воспаление, отчего лишился пищи и сна дней двенадцать, таковая слабость понудила меня выехать в Москву на нанятую квартиру и пользоваться от врачей лекарствами, и слава Богу, от опытного лекаря в четырнадцать дней получил от врачеств от болезни моей облегчение, теперь брожу хоть по комнате на ногах, только крайне слаб, лекарство принимаю теперь одно слабительное американское масло. Ныне из Москвы выехал я в обитель и нахожусь теперь в своих комнатах, пользуюсь свежим воздухом и доброю прислугою. У Правительства я, когда приехал в Москву, просил увольнения в больницу, которое меня уволило, снабдив пачпортом. Монастырь поручила Консистория казначею под присмотром благочинного монастырей. Повторяя Вашему Высокопреподобию еще, что я начал поправляться в своем здоровье и, слава Богу, пищу употребляю приличную один раз в день, и сном подкрепляюсь довольно. Покорнейше Вас прошу мне, больному, вописать утешительную хоть одну строчку. Мне теперича будет в великое утешение. Простите, что не своей рукой писал, весь слаб от прикладывания горчицы. Едва могу только свое имя подписать.

За сим остаюсь с высокопочитанием Вашего Высокопреподобия милостивейшего Отца нижайший послушник Угрешского монастыря

убогий и болящий Игумен Иларий,

прося вашего Отеческого благословения и святых молитв, низко заочно кланяюсь вам.

Февраля 4 дня 1838 года.

№ 8

Ваше Высокопреподобие Милостивый Отец
Архимандрит Игнатий

Великий день Воскресения Христа Господа Спасителя нашего восставил и меня, убогого, душевно поздравить вас яко нашего Отца с Пресветлым и всерадостным торжеством Христова Воскресения. Церковным гласом радостно возношу и приветствую Ваше Высокопреподобие — Христос Воскресе!

Из глубины сердечной желаем и молим Вседаровитого Господа, да продолжит он вашу жизнь для славы Своея Святыя, в просвещение и пользу иночествующим, со многолетным здравием в мире.

При сем Вашему Высокопреподобию доношу, что вашими святыми молитвами, благодарение Господу, живу благополучно и спокойно.

Всегда душевно памятуя невыразимые Отеческие ваши милости, с повержением себя к Отеческим вашим стопам испрашиваю всепрощения и благословения.

Вашего Высокопреподобия милостивого Отца и покровителя нижайший послушник Николо-Угрешский

убогий Игумен Иларий
Марта 23 дня 1839 года.

№ 9

Ваше Высокопреподобие Милостивый Отец
Архимандрит Игнатий

Почтенное писание ваше от 3 Апреля сего года имел удовольствие получить. Но крайне сожалею, что получил 16 числа того же месяца. Простите, Батюшка, вина по случаю худой от нас из Монастыря дороги, а оказии не было. О чем много я сожалею, разумея, что вам скоро в сделанном от вас поручении востребуется нужда. По получении письма немедленно по худой дороге отправился я для исполнения и узнания цен в Москву. О коих при сем доношу вам следующее: на Деках иконам цена начиная мерою вверх от 7-ми вершков, а ширина приличная, на Кипарисной Деке лучшей работы иконного письма в виде явления Святому Сергию Богоматери и двух Апостолов. На оном же в небольшом виде и образ Святыя Троицы — 18-ть ходячею здесь монетою по 25 копеек на каждый рубль Лажа; в 6-ть вершков цена 15-ть, 5-ть вершков 12-ть, 4 вершка — 10-ть. Такового размеру иконы писаны могут быть на Деке кипарисной. Означенного размера и доброты иконы, писанные на деке липовой, цены соотносят 7-ми по 13-ть, 6-ти — 10-ть, 5-ти — 7, 4-х — 5-ть.

Означенного таковогo разного размера и написания в одном лице в большом виде в пояс Христа Спасителя, Божией Матери и всех Святых дешевле 2 с иконы и размера. Письмо или кисть, если Вашему Высокопреподобию будет угодно, живописное, лучшее, то цены по размерам равные с иконописным лучшим. Среднее писание икон также низкое 2 и более цены состоят ниже. Сим иконам и по размеру цены означив, приступаю к дорогим. На финифть Московской работы в Серебряной оправе цены вам объясняю первого мастерства кисти [нрзб.] лучшей работы в означенной оправе с позолотою вокруг образа за рантом в овальном

виде $1^1/_2$ в окружности вершка – в таковом размере изображено будет явление Свт. Сергию Божией Матери с 2-мя предстоящими Апостолами и вверху образа сего изображено будет в малом виде Святая Троица. Таковому прекрасному виду цена ходячею здесь монетою, как выше объявлено, 50-т рублей за штуку, а в одном виде изображение Святыя Троицы доброты письма и размера $1^1/_2$40 рублей ходячею монетою. Нащет, Батюшка, письма на финифть изображение будьте покойны, также и в прочих. Я в таковом художестве хоть не знаток, но простите, посредством опытных людей, думаю, Вам услужу. И кажется, Москва вам доверие сделает более Петербурга. Между прочим, Вашему Высокопреподобию откровенно доношу, что 10-ть на финифти икон, как вы изволили написать, требуют на изделие времени изготовить их мастеру не менее месяца по причине, что готовых письма таковаго и размера в лавках нигде не имеется, особенно кисти Барсова, а требуют порядка на заказ. Ваше Высокопреподобие, если нужны вам на финифти Святой Сергий в пояс означенного размера и в оправе серебряной, также и более $1^1/_2$ вершка по размеру, здесь объясненному, то выразьте мне все подробно, также, не требуется ли вид Святой Троицы одной, без изображения Явления Богоматери Святому Сергию. Образ на финифти Святого Сергия в пояс, кажется, будет подешевле 50-ти. За сим ожидаю Вашего Высокопреподобия решительного согласия заказать и приготовить означенное вами поручение.

Вашего Высокопреподобия недостойный

послушник Игумен Иларий
18 Апреля 1839 года.

№ 10

Ваше Высокопреподобие Милостивый Отец
Архимандрит Игнатий

Отеческие ваши милости, изливаемые мне, по всему не заслуживающему вашего расположения, дерзновенно восставили поздравить вас, нашего Отца и благодетеля, с высокоторжественным днем праздника Христова Рождества; из глубины сердечныя душевно желаем и молим Вседаровитого Господа Бога, да продолжит Он жизнь вашу для славы Своея Святыя в просвещение и пользу иночествующим со многолетным здравием в мире.

При сем Вашему Высокопреподобию честь имею донести, что вашими Отеческими Святыми молитвами, благодарение Господу,

живу по-прежнему благополучно и спокойно. Всегда душевно памятуя невыразимые излитые вами милости, с повержением себя к отеческим стопам испрашиваю вашего всепрощения и благословения

Вашего Высокопреподобия милостивейшего Отца и покровителя недостойный послушник

убогий Игумен Иларий
Декабрь 22 дня 1841 года.

№ 11

Письмо игумена Илария к Оптинскому старцу преподобному Леониду (Наголкину)[1]

Преподобнейший и Боголюбивейший старец
Отец Леонид!

Отеческое ваше писание от 28-го Октября сего 1839 года с душевным удовольствием получил в свое время. Ваши святые молитвы и много исполненное доводов, от писания и учения Святыя Отцы и благоразумного вашего от самого опыта Христианского суждения, с желанием мне, убогому, душевной пользы, в тот же час от такового чтения согрелось в моей охладелой душе, таковым воспоминанием начальный залог доброе намерение и ревность — попечение и содействие ваше о снискании душевного моего спасения нет другого средства к получению чистоты, Богоугодного жития, и быть непорочным. Как нелестное о Господе послушание и быть лучше пасомым, руководимым и наставляемым, нежели самому обладаемому страстьми, других со вредом себе и ближнему путеводительствовать. И что отступление от истинного пути показывает добродетели оскудение. А виною по жестокости моего безумия, ослушание и небрежение ваших добрых советов терпеть мне находящие скорби на одном месте. Особенно всегда в памяти моей самовольный из О<птиной> пустыни выход. И что вы от сего всеми средствами и советами всегда удерживали. Но мне дьявол что предложил, следовать слепому случаю. Поэтому и решился исполнить — отлучиться от вас, примерных моих отцов, в Вологду. За таковой неразумный полет теперь собираю в возмездие плоды гнилые, и сколько улучил плотских мирских радостей, столько, увы, придется долг воздать в свое время горькими слезами. Доношу вам, Батюшка, естьли Господь устроит привести в благий конец мое

доброе предприятие оставить Настоятельство, то с помощью Божией располагаюсь за сей 1839 год отдать по монастырю отчеты и прочее все окончить, а в будущий 1840-й приготовиться. И не раньше дело надо будет начинать, как весною по приезде из Санкт-Петербурга нашего великого Владыки Митрополита в Москву. И тогда лично можно более успеть как в сложении Настоятельства, равно и определения для будущего жительства, из избираемых по моему желанию вечного братства обители. Из двух общежительных здешней Епархии Монастырей на первый случай предпринимаю для бедного моего жития, и именно Голутвинской пустыни, или Пешношинского Монастыря, в которой Господь благоволит, и Архипастырь известится. Ныне остаюсь, Батюшка, хотя и благодушным до времени, как еще не пришло по расположению моему время. Но уже иногда духом начинаю упадать и малодушествую, особенно когда размышляю, что и мне по-прежнему надо быть в числе рядовых монашествующих, и привыкать снова ко всему порядку, и быть в повиновении к Настоятелю,— келейку занимать небольшую. Словом, со всем сообразоваться обители чину; к тому ж быть поносиму и укоряему, даже и от меньших. Воображается, что немалый будет труд из Господина сделаться рабом. Но буди воля Божия на мне, убогом душою и телом, надеюсь, что Промысл всемогущего Творца не оставит своею милостию. Батюшка, простите. Еще утесняет сожаление об некоторых братии, сожительствующих со мною. Они, узнавши мое намерение, весьма оскорбились, у других и слезы навертывались, уязвляя мою душу и сердце жалостию еще более. Написал вам, Батюшка, что мог собрать моим омраченным миром чувством. Прошу вас Господа ради поминать меня в своих святых молитвах, да получу от Господа Создателя милость послабу моей многоболезненной и грешной душе, да понесу со благодушеством и терпением в находящих и будущих скорбех, которые неминуемы. Остаюсь к вам, моему о Господе отцу и благодетелю моей убогой душе, с Сыновнею преданностию, с пожеланием вам о Господе мира и радости о Святом Дусе. Кланяюсь вам низко и прошу отеческого всепрощения и благословения.

Остаюсь Вашего Преподобия милостивого моего отца нижайший послушник

Убогий Игумен Иларий

16 ноября 1839 года
писал на Угреше.

Прошу, Батюшка, засвидетельствовать от моей худости поклон и испросить в подкрепление святых молитв и благословения от святых Отец у о. вашего Игумена Моисея, о. Антония Скитского. О. Иоанну Старцу и Автору, о. Макарию Духовному иеромонаху, о. Макарию Грузинову, о. Иоанникию Старцу и всем в той святой обители Отцам и братиям низко кланяюсь с испрошением Святых их молитв.

[1] РГБ ОР. Ф. 213. К. 75. № 26. Ответ на это письмо см.: Т. 2. С. 162–164.

№ 12

Письмо архимандрита Пимена (Мясникова) к Павлу Михайловичу Строеву[1]

Милостивый Государь Павел Михайлович

Хотя я и не имею чести быть лично знакомым с Вами, тем не менее, зная по ученым трудам Вашим, сколько Вы собрали полезных сведений по части Отечественной истории, обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою сообщить мне для составления летописи Угрешской Обители те указания и заметки, которые могут служить к ее пополнению. В особенности же Вы обязали бы меня, ежели бы сообщили мне список настоятелей, составленный Вами, и, как я слышал, очень полный. Заранее уверен, Милостивый Государь, что Вы не откажетесь исполнить мою просьбу и поделитесь с Обителью, мне подведомственною, Вашими учеными исследованиями. Мне, конечно, приятно было бы видеть Вас в здешнем Монастыре и выразить Вам мою благодарность лично, но ежели Ваше здоровье лишит меня этого удовольствия, заочно желаю Вам выздоровления и, призывая на Вас благословение Господне, и остаюсь [нрзб.] о Вас молитвенником

Вашего Превосходительства

Покорный слуга

Угрешский архимандрит Пимен

1869 года 26 мая

Угреша.

[1] РГБ ОР. Ф. 291. № 2248. *Строев Павел Михайлович* (1796–1876) – археограф, член Академии наук с 1841 г.; издатель исторических и литературных памятников, тщательный описатель рукописей; составлял списки иерархов Русской Православной Церкви.

Публикация писем О. И. Шафрановой

III

Ольга Шафранова

Игумен Югской Дорофеевой пустыни Варфоломей

Батюшка дражайший!
Приехали Вы не на чужом,
видно, основании здать!
И не чужими трудами питаться,
а свой положить.

Святитель Игнатий

В числе многолетних корреспондентов святителя Игнатия Брянчанинова находились два инока, Варфоломей и Алимпий, отношения с которыми еще раз свидетельствовали о постоянстве его «сердечных о Господе чувств». При этом отца Варфоломея также можно включить в ряд тех монашествующих, судьба которых сложилась под непосредственным влиянием святителя Игнатия.

Познакомились они в апреле 1829 г. в Брянской Белобережной Иоанно-Предтеченской пустыни Орловской епархии, куда два молодых послушника, Дмитрий Александрович Брянчанинов и Михаил Васильевич Чихачев, прибыли в надежде найти пристанище после вынужденного выхода из Площанской Богородицкой Казанской пустыни. Несмотря на недолгое их общение, отец Варфоломей произвел на Дмитрия Александровича самое благоприятное впечатление, которое, судя по их переписке, он сохранил на всю свою жизнь.

Через месяц молодые люди переместились в Оптину пустынь, где еще раньше обосновался их старец, отец Леонид (Наголкин). Отсюда, из Оптиной пустыни, и началась переписка Дмитрия Александровича — святителя Игнатия с Белобережскими знакомцами. В первых письмах Дмитрий Александрович рассказывал им об известных событиях своей жизни до возведения в сан архимандрита и назначения настоятелем Сергиевой пустыни. А уже в письме от 8 ноября 1836 г. архимандрит Игнатий советует отцу Варфоломею принять на себя настоятельство в Югской Дорофеевой пустыни Ярославской епархии. В это время в Петербурге находился на чреде Архиепископ Ярославский Филарет (будущий Митрополит Киевский). По-видимому, архимандрит Игнатий рассказывал ему о положительных качествах отца Варфоломея, и Архипастырь пожелал заполучить его в свою епархию[1].

[1] См. письма Митрополита Киевского Филарета: Т. 1. С. 33–45.

Из писем видно, что отец Варфоломей обладал весьма нерешительным характером и был полон сомнений. Почти год пришлось архимандриту Игнатию убеждать его «не испортить нашего доброго начинания». Только к концу 1837 г. отец Варфоломей наконец решился и был назначен строителем Югской пустыни. Но к этому времени бывший Архиепископ Ярославский Филарет был уже Митрополитом Киевским, а нового Владыку отец Варфоломей заподозрил в неблагожелательном к себе отношении и собирался писать прошение об увольнении. И снова архимандрит Игнатий, проявляя удивительное терпение и заботливость, взял на себя улаживание этого дела.

В конце концов отец Варфоломей оказался весьма деятельным руководителем пустыни. Но святителю Игнатию еще не раз приходилось удерживать этого своего подопечного от опрометчивых поступков и улаживать у начальства их последствия.

Только дважды за всю их жизнь свиделись они снова. Первый раз в 1848 г., когда отец Варфоломей навестил архимандрита Игнатия в Николо-Бабаевском монастыре. Архимандрит Игнатий писал тогда своему наместнику в Сергиеву пустынь: «На днях посетил меня и оказал мне много любви Южский Отец Игумен Варфоломей». И другой раз, в феврале 1853 г., когда отец Варфоломей вынужден был приехать в Санкт-Петербург, чтобы объясниться перед Святейшим Синодом по поводу своего отказа от настоятельства в Соловецком монастыре.

Тем не менее отношения между ними оставались прежними. «Весьма утешаюсь,— писал архимандрит Игнатий отцу Варфоломею в 1845 г.,— видя, что Вы сохраняете прежнюю ко мне любовь; и я по милости Божией пребываю постоянно в тех же чувствованиях любви к Вам». Подобные слова неоднократно встречаются в письмах. Соответственно чувствам, и письма носили откровенный характер: иногда из них можно узнать подробности некоторых обстоятельств. Например, из письма от 17 мая 1840 г. видно, что в известном искушении, которое пришлось пережить святителю Игнатию из-за истории с французским посланником Барантом, определенную роль, хотя и непредумышленно, сыграл Андрей Николаевич Муравьев. Из писем от 30 ноября 1840 г. и последующих узнаем о работе Святителя над переводами книг святого Исаии Отшельника и святого Кассиана Римлянина. Из письма от 29 октября 1843 г. — о получении отцом Варфоломеем игуменского сана. В этом же письме Святитель сообщал «приятную для всего

монашества новость»: о решении четы графов Потемкиных восстановить Святогорский монастырь на Украине[1].

В переписке святителя Игнатия с отцом Варфоломеем упоминаются некоторые из братии Площанской Богородицкой Казанской пустыни. В этой пустыни молодые послушники Дмитрий Александрович Брянчанинов и Михаил Васильевич Чихачев провели зиму 1829 г. Здесь, с разрешения отца Леонида, они отделились от многолюдного собрания его учеников, жили уединенно, избегая празднословия, проводя время в богомыслии и молитве. Братия монастыря очень к ним благоволила. И они тоже запомнились братии своим добросердечием. Из переписки с отцом Варфоломеем площанцы знали, что архимандрит Игнатий сохранил это добросердечие и потом, став влиятельным настоятелем столичного монастыря. Поэтому они не преминули обратиться к нему за советом и помощью в возникшей настоятельной потребности увеличить штат в их пустыни. Суть дела видна из приведенных ниже писем площанских монахов и их Владыки. Результаты хлопот, скорее всего, были положительными, так как 31 января 1838 г. архимандрит Игнатий писал отцу Варфоломею: «Им [плащанцам] обещают прибавить штат».

Всего за 32 года известны 58 писем святителя Игнатия отцу Варфоломею. Последнее из них написано 23 апреля 1862 г.

Письма святителя Игнатия к игумену Югской Дорофеевой пустыни Варфоломею

№ 1

Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.

Дражайшие и Почтеннейшие Отцы!

Отец Варфоломей и Отец Алимпий!

Усердно желаем вам радоваться и здравствовать о Господе!

Приехав в Оптину пустыню, нетерпеливо хотели писать к вам; но моя болезнь, увеличенная путешествием, останавливала то, к чему влекло сердечное чувство. — Принятые о. Строителем весьма ласково, мы остались жить в монастыре: к сему побудили нас обстоятельства наши, монастырские и скитские.

[1] Подробнее см.: Т. 3. С. 466–469.

Келлии отведены нам наверху, в том деревянном флигеле, который находится против новой трапезы и составляет симметрию с настоятельскими келлиями. Михайло Васильевич ходит на клирос; — я, как больной, пристанищем моей надежды должен иметь не труды свои, не заслуги — милосердие и заслуги Богочеловека Иисуса.

Прежде всего описали мы вам свои обстоятельства, ибо нам представляется, что вы сопровождаете нас вашим участием, и мы бы виноваты были пред сим драгим и одолжительным участием, если б не удовлетворили оного, хотя несколько, описанием наших обстоятельств. Может быть, оно уже пеняло нам с снисхождением и упрекало с любовию за нашу медлительность...

Иисус уготовал добрым делам сторичные награды, и делающему добро излишни похвалы человеческие: и потому кратким, но искренним благодарением за вашу любовь, ласки, гостеприимство, удовлетворяя требованиям нашего сердца, оставляем все комплименты, сии наряды, в кои по большей части одевается нечистосердечие, — блудница-лесть.

Наконец, прося ваших святых молитв (особливо при служении Святыя Литургии) и благословения, честь имеем пребыть

Честнейшие Отцы!

Ваши недостойные послушники

многогрешные: *Дмитрий Брянчанинов и Михаил Чихачев.*

П. С. Вам кланяется с прошением святых молитв и благословения о. Митрофан, наш сосед по келлиям; бедный! — его мучит лихорадка.

Если это от нас не слишком дерзко, то просим вас сказать наш усердный поклон о. Моисею с прошением его святых молитв и благословения с благодарением за его ласковое гостеприимство.

Скажите наш поклон о. Феофилакту; также о. Иоасафу иеродиакону — не может успокоиться наша совесть от того, что мы уехали, с ним не простившись. Просим простить великодушно виноватых.

Новость. В Александро-Свирском монастыре скончался один монах; его похоронили подле покойного знаменитого о. Феодора, и при сем случае смотрели остатки сего Старца. И тело и одежда совершенно истлели, остались одни кости желтого цвета. Рассказывал нам сие о. Гавриил Иеромонах — Скитянин, читавший о сем в письме, пришедшем из Свирского к

о. Леониду, и, рассказывая, к словам *желтого цвета* прибавлял: *как воск*.

О чернилах. Для составления чернил берем $^1/_2$ фунта чернильных орешков и, раздробив на крупные куски, кладем в кастрюлю; и, налив $^3/_4$ штофа сивухи, оставляем стоять 2 суток (лучше на теплой лежанке); потом пережегши $^1/_8$ фунта сапожного купороса в печи на тарелке, кладем в кастрюлю и на угольках кипятим 1 раз, так, чтобы не сбежало; если же сбежат, то будут хуже. Остудив, сливаем. Так получаются чернила, годные для уставного письма. Вот они:

Злопомнящихъ молитвы, сеятка на камени

Слив сей первый номер чернил, на гущу наливаем столько чайной воды, сколько налито прежде было вина, и, положив столько же купоросу, кипятим раз до трех; получится второй номер чернил, годных для скорописания и для прибавления в первые, когда сии слишком сгустятся.

Сие письмо пролежало у меня в келлии, уже написанное с неделю. Сегодня вечером приехал послушник, бывший у вас для доставления о. Феофилакту его денег и вещей, и сказывал нам то, что вы ему приказали сказать и что я уже предугадывал, и на что потому написал ответ предварительно. — О. Антоний Скитский сказывал нам от вас поклон, за что благодарим всепокорно.

№ 2

Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

Ваше Преподобие!

Почтеннейшие Старцы!

Отец Варфоломей и Отец Алимпий!

Снова принимаюсь писать к вам; к сему побуждает меня любовь ваша, оставившая в моем сердце неизгладимое впечатление. — Уже писал я к вам по приезде моем в Оптину Пустыню; не знаю, мое ли письмо не достигло вас, или ваш ответ на оное не мог придти ко мне, а задержан был на каком-либо мытарстве. Не хочу входить в тонкое о сем исследование; не хочу назвать по имени того человека, которого можно б было подозревать не без основательных причин; обвиню Того, Кто повелел нам обвинять Себя, дабы мы умиротворялись и избегали

осуждения, человечески — правильного и неправильного; скажу: видно, так угодно Богу!

Хотя вы, вероятно, не нуждаетесь совершенно в нашем благодарении, но мы обязаны исповедать устами то, что чувствуем сердцем: и потому позвольте принести вам искреннейшую нашу признательность за ваши ласки, гостеприимство и любовь. Ваше собственное чувство может вас уверить, что сие пишем мы не из лести, но от избытка сердца.

Ныне живем мы в Вологодской губернии, где, по-видимому, можем избрать наивыгоднейшее и основательнейшее место для жительства. Однако и до сих пор здоровье мое при всех пособиях находится в весьма слабом состоянии. — Что сказать вам о нашем пребывании в Оптиной пустыне? Оно было довольно тягостно, и очень бы мы расстроились, если б не поспешили выехать. О. Митрофан был нашим добрым соседом; он раза два при нас хворал лихорадкою; обещали мы ему написать письмо, но никак не можем решиться; ибо и письма к голове козельскому Брюзгину, по-видимому, не доходят; сие заключаем из того, что пишем, а ответов не получаем. — Поелику письмо сие не должно быть в Козельской Почтовой Экспедиции, то я имею причину надеяться, что вы оное получите; и потому прошу вас не оставьте нас без ответа, если сия переписка для вас не тягостна. Мой адрес: в Вологду, Дмитрию Александровичу Брянчанинову.

В прошлом письме моем помещен был следующий анекдот:

В Свирском Монастыре, 1829 года, на святой неделе скончался рясофорный монах Израиль, бывший учеником Схимонаха Феодора. Пред кончиною своею просил он, чтоб тело его положено было при останках его Старца, что и исполнено. По сему случаю сделалось известным, что тело покойного о. Феодора совершенно истлело, также и одежды; остались одни кости желтого цвета; сие рассказывал нам о. Гавриил Скитский Иеромонах.

В том же письме описывал вам способ делать чернила, что и здесь повторяю: $^1/_2$ фунта чернильных орешков, раздробив их на куски, положить в чугунчик и налить $^3/_4$ штофа полугарного вина, дав постоять двои сутки на лежанке, вложив 3 или 4 золотника мелко истолченной камеди да $^1/_8$ фунта пережженного купороса; все скипятить на угольках, наблюдая, чтоб не сбежало; если сбежат, то хотя и будут хороши, но уже не таковы, как несбежавшие. Потом, остудив, процедить, чрез что

получится 1 № чернил, годный для уставного письма. — Оставшуюся гущу истереть, чтоб сделалась как тесто; потом налить полуштофом крепкой чайной воды и дать постоять столько же времени, потом, вложив 4 или 5 золотников камеди и $^1/_8$ ф. пережженного купороса, скипятить, как выше сказано; остудив и слив, получите 2 № чернил, годных для писания писем и для прибавления в 1 №, когда сей последний слишком сгустится.

Письмо сие писано 2-м номером.

Вот образчик и 1-го номера:

Злопомнение, Смерть, Жало, Ѡ.

Нарочно написал столь толстыми буквами, чтоб вы видели доброту сих чернил, кои при всем своем блеске нисколько не марают и весьма скоро сохнут.

Наконец, поздравляя вас с прошедшим праздником Рождества Христова и с наступающим новым годом, желая вам всех благ, прося ваших молитв и благословения, честь имеем пребыть Вашего Преподобия недостойные послушники

Дмитрий Брянчанинов
и Михаил Чихачев.

1829 года
Декабря 31 дня

№ 3

Преподобнейший и возлюбленнейший о Господе
Отец Варфоломей!

Приятнейшее письмо Ваше к большому моему удовольствию получил. Простите меня за мою леность, по причине которой не отвечал я Вам на последнее письмо Ваше ко мне в Лопотов монастырь написанное. В сей обители Вологодской местоположение низменное, атмосфера наполнена гнилыми испарениями; все сие с большим вредом действовало на мое здоровье, при слабом состоянии коего был я до избытка обременен трудами телесными. Прошлого 1833-го года в Мае месяце был произведен в Игумны. Между тем Государю Императору, коего был я воспитанником, угодно было приказать, чтоб разыскали и уведомили Его, где я нахожусь. В то время указом Святейшего Синода был я переведен в Московский Николаевский Угрешский Монастырь. Государь Император повелел Митрополиту вытребовать

в С.-Петербург, и потом дал мне Сергиевскую Пустыню, в которой нахожусь и поныне. При мне живет о. Михаил, и правит должность Головщика на правом крылосе. Здоровье моего тела в здешней обители немного поправилось; видно еще Господь дает мне время на покаяние.

Затем простите, Почтеннейший Отец Варфоломей; поздравляю Вас с наступающими праздниками, прошу святых молитв и честь имею быть

Вашим покорнейшим слугою и молитвенником

Архимандрит Игнатий.

1834 года
апреля 17 дня

№ 4

Ваше Преподобие!

Честнейший и Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Желаю Вам здравствовать и радоваться о Господе. По поручению Его Высокопреосвященства Архиепископа Ярославского Филарета имею честь спросить Вас, согласны ли Вы принять на себя настоятельство общежительной Южской Пустыни, находящейся в Ярославской Епархии?

Высокопреосвященнейший Филарет полагает, что столп нашей Православной веры есть монашество, а столп монашества суть общежительные монастыри. Но общежития севера, где наиболее похваляется телесный труд, стоят ниже по благоустройству своему общежитий южной России, где, при телесном труде, особенное внимание обращается на очищение души и благоуправление ее частым исповеданием помыслов и сердечных браней, частым советом с искусными [старцами], исследованием писаний Отеческих, — и, наконец, с множеством Божественного славословия. — Южская Пустыня есть один из лучших общежительных монастырей Российского Севера, — если не наилучший. По ее средствам она может содержать до двухсот человек братии; отстроена прекрасно; церкви в ней благолепно украшены; стоит на красивом месте, в здоровом климате. Недостает в ней порядка: ибо нет искусного Настоятеля. Благочестивый и добродетельный Пастырь Ярославский, всеми и более всех любимый за Христианское милосердие и непоколебимое православие, обратил на Вас внимательный взор свой, с полною надеждою, что в сей Пустыне порядок

будет Вами водворен, стекутся братия благоговейные, пустыня сделается рассадником монашества в Епархии — светилом, коего лучами будут обильно озаряться и прочие соседние обители.

Владыка полагает, что необходимо Вам взять с собою несколько единодушных братий из Белобережской Пустыни для первоначального устройства обители Южской. Вероятно, и Вы так думаете. Заботу о перемещении возложите на Высокопреосвященнейшего; с Вашей стороны благоволите только *уведомить меня письмом о Вашем согласии.*

Затем, в ожидании Вашего ответа имею честь быть с истинною моею к Вам преданностию

Вашим покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
1836 года ноября 8-го дня
Сергиева Пустынь

№ 5

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Продолжительная болезнь не позволяет мне и поныне быть в Петербурге. Между тем Владыка Ярославский очистил для Вас вакацию настоятельскую Южской Пустыни и, видя, что я к нему не еду по болезни, послал ко мне письмо[1], которое при сем к Вам препровождаю.

Письмо Ваше я возил к нему, на что он сказал, что все, что сочтет полезным и нужным завести о. Варфоломей, я готов одобрять и всеми силами поддерживать. — Я с своей стороны советую Вам никак не отказываться, ибо лучшего случая в жизни Вам не может представиться. Сей Архипастырь есть лучший из всех Российских Архиереев. Вы из письма его увидите, сколько он благонамерен и сколь хорошего он о Вас мнения. Путевые деньги он Вам вышлет. Я на словах ему сие говорил, да и ныне в письме напоминаю.

Не отказывайтесь от Вашего счастия, которое рука Божия Вам подает! Потрудившись в юности или в мужеском Вашем возрасте, вы можете ожидать приятного успокоения в старости — и самый духовный успех при сем может быть гораздо успешнее и обильнее. Я советовал Преосвященному Ярославскому, чтобы он предположение свое, приписанное в его письме, исполнил и вместе с сим послал бы вам путевые деньги.

О. Варфоломей, не испортьте нашего доброго начинания. Письмо Преосвященного Ярославского обратите ко мне.

Желая Вам доброго здоровья, прося святых молитв и скорого ответа, имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.
2 марта [1837 г.]

[1] См. письма Митрополита Киевского Филарета: Т. 1. С. 33–45.

№ 6

Ваше Преподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Извините — много не могу писать по болезни глаз, а присылаю письмо ко мне Ярославского Владыки, из коего увидите ход дела и окончание оного. Повторяю: не отвергайте подаемого Промыслом!

Простите! Прошу Ваших Святых молитв и имею честь быть

Ваш покорный слуга и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.
23-го марта 1837 года

№ 7

Христос Воскресе!

Ваше Преподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Честь имею поздравить Вас с наступившим Праздником Светлого Христова Воскресения! Митрополит Киевский Филарет благословляет Вам отказаться от Строительства Южской пустыни. Он Вам готовил Игуменский жезл по приезде Вашем в Ярославль; ныне же поговаривает о Архимандритском; исполнения сих слов добрейшего Архипастыря я усердно желаю! Его весьма тронуло Ваше последнее письмо ко мне, в коем Вы изображаете, что не желаете настоятельства южского, если Он не останется на Ярославской Епархии.

Желая Вам всех благ, имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.
1837-го года
26-го Апреля

№ 8

†

Ваше Преподобие!

Честнейший Отец Строитель Варфоломей!

Простите, что опять беспокою Вас своим писанием; но на это есть основательная причина. Вскоре должен быть сюда Преосвященный Митрополит Киевский Филарет, столько в Вас участвующий о Господе. Он будет непременно спрашивать у меня о Вас — и ему весьма странным покажется, что я о Вас ничего не знаю. Почему прошу покорнейше хотя малыми строками уведомить меня, довольны ли Вы настоящим Вашим состоянием, дабы я мог дать приличный ответ Вопрошающему.

Впрочем. — желая Вам всех благ от щедрыя десницы Господней и прося Ваших святых молитв, с истинным почтением и братскою любовию имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.

1837

15-го сентября

№ 9

Ваше Преподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Строитель Варфоломей!

Письмо Ваше имел честь получить — и вижу, сколь я виновен, что не писал к Вам ранее, ожидая от Вас по приезде письма, чем бы встретившиеся ныне неприятности могли быть предупреждены. Согреших, яко человек: прости Бога ради.

С часу на час ждем Киевского Митрополита, но его еще и до сих пор нет. Только что приедет, не премину представить ему икону и письмо Ваше. Относительно всех Ваших дел, кои могут здесь быть исправляемы, распоряжайтесь мною как указным послушником Югской Дорофеевской Пустыни. Желаю о Господе Вам послужить по силам. Когда Киевский Митрополит приедет и что мне скажет, то я немедленно постараюсь Вам отписать.

Батюшка дражайший! Приехали Вы не на чужом, видно, основании здать! И не чужими трудами питаться, а свои положить. И я, когда приехал в Сергиеву Пустыню, то не имел, где главу приклонить, должен был остановиться в постороннем доме и в нем жить первую зиму. Начиная с Соборной Церкви, все пред-

ставляло одни развалины. А с братиею пришлось не только слезы, но и кровь пролить. Что уж делать? Такова судьба настоятелей. И от Епархиального Начальства сперва досталось, так что запрещен был выезд из монастыря *мне самому.* А как то, что без скорби сделаешь, то непрочно бывает. И что посеешь, да слезами не польешь, то худо всходит. Простите, батюшка, моему пустословию. От избытка сердца и участия моего сие Вам сказал.

Усерднейшую приношу благодарность за присланную икону. Прошу Ваших Святых молитв, и с искреннейшею преданностью, имею честь быть

Ваш покорный послушник

Арх<имандрит> Игнатий.
1837 Окт. 14 дня,
Сергиева Пустынь

№ 10

Ваше Преподобие!

Честнейший Отец Строитель Варфоломей!

По приезде Его Высокопреосвященства Митрополита Киевского немедленно представил я ему Св. икону и письмо Ваше. За икону благодарит, а относительно настоящих обстоятельств немедленно намеревался писать к Вашему Преосвященному о принятии о. Алимпия, — к Орловскому же о отпуске о. Иоанникия и о. Анастасия, последних, может быть, решится перевести Синодским указом. Впрочем, просит Вас потерпеть. Если духовное сеяние, сказал он, не польется слезами, то нельзя ожидать рукоятей радостных.

Принося Вам благодарность за Икону и прося Ваших Св. Молитв, с истинною преданностию имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейший послушник

Арх<имандрит> Игнатий.
1837 Окт. 29-го

№ 11

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Варфоломей!

Письмо Ваше от 4 Декабря имел честь получить. Быв у Преосвященного Киевского еще до получения оного письма, говорил о Ваших обстоятельствах. Архипастырь сказал следующее:

«Преосвященный Ярославский мудреный человек, если я буду учащать к нему письмами о О. Варфоломее, то чтобы еще хуже не сделать. Это уже испытал я на опыте. Надо некоторое время: он сам увидит хорошую сторону о. Строителя и, будучи весьма монахолюбив, будет ему во всем помогать». — Отец Иоанникий оптинский уехал до получения приглашения Вашего побывать у Вас. Он и сам о сем поговаривал. Ныне у меня гостят о. Иоанникий, Площанский иеромонах, с казначеем Паисием — приехали хлопотать о штате для обители. Все еще не могу попасть с ними в город за нездоровьем. И о Архимандрите Сергии не имел возможности спросить у Киевского, хотя и был у него на праздниках, при многих других посетителях. Когда увижу наедине, то не премину спросить и Вам отписать.

Затем, поздравляя Вас с прошедшими праздниками Рождества Христова и Новым Годом, прося Ваших святых молитв, имею честь быть всегда

Вашего Высокопреподобия

покорнейший послушник и сомолитвенник

Арх<имандрит> Игнатий.

1838 года

Января 11-го дня

№ 12

Возлюбленнейший О. Варфоломей!

Письмо Ваше имел честь получить и Киевскому [Владыке] доставил.

Площанский иеромонах Иоанникий здесь был, а перемещаться к Вам отказался. Им обещают прибавить штат. Я еду сегодня или завтра на Валаам для водворения там, аще Господь поможет, тишины. А по приезде о. Анастасия зачнем хлопотать, надо, чтобы он сам просьбу прислал к Вам на имя Вашего Архиерея, — походатайствовать можно!

Сие уже второе писание после Нового года к Вам пишу. Замечаю, что одного из Ваших писем не получил — видно как-нибудь затерялось на почте.

Прося Ваших Св. молитв, имею честь быть

Ваш покорнейший послушник и сомолитвенник

Арх<имандрит> Игнатий.

31 января [1838 г.]

№ 13

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Строитель Варфоломей!

Сей письмоподатель изъявил мне желание определиться в монастырь. Но как для слабого его здоровья здешний климат оказался весьма вредным — да и штатное положение нашей обители по духу несовместным, то советовал я ему обратиться к Вам, — тем более, что он уроженец Ростовский, хотя формуляр его имеет пятно, однако оное хорошим его поведением и свидетельством лиц, коим он известен, может быть изглажено.

Прося Ваших Святых молитв, имею честь быть

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

28-го мая 1838 г.

№ 14

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Строитель Варфоломей!

Долго не отвечал я на последнее письмо Ваше. Но что и отвечать? Какую форму прошения в Св. Синод могу Вам доставить? Самое прошение Ваше о увольнении, если оного желаете, должно быть представлено Вашему Епархиальному начальству, которое, как здесь известно, Вами весьма довольно и, вероятно, при дальнейшем течении времени более и более располагаться во благо будет.

О себе имею честь уведомить, что в сие время довольно я похварываю; по слабости моего здоровья здешний климат имеет превредное на меня влияние. Не говоря о прочем, страдаю часто глазами, что лишает меня сладчайшего и полезнейшего занятия — чтения. Однако не думаю вдруг оставить все, дабы преждевременным уклонением от должностей не лишиться плодов духовных, доставляемых своевременным по воле Божией и ради Бога уклонением.

Письмо Ваше Высокопреосвященному Митрополиту Киевскому доставил; и он сожалеет о Ваших чувствах.

Затем, прося Ваших Святых молитв на подкрепление моих немощей душевных и телесных, имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

1838-го года

Июня 9-го дня

P. S. Готовый печатать письмо сие, получаю от некоторого своего знакомого письмо, в коем он пишет, что был у Преосвященного Ярославского, который относился о Вас с особенною похвалою, говорил, что Вам предстоит труд собрать новую братию, ибо настоящая избалована прежнею вольностию.

№ 15

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Варфоломей!

Поздравляю Вас с новым годом; виноват, что оставляю столь долгое время, не отвечая на почтеннейшее письмо Ваше. Но хотя и ленюсь писать, однако сердце бдит постоянно в любви к Вам. Хотя настоятельская должность и ввергает часто душу в попечения земные, особливо в нашей обители, которая, можно сказать, вновь устраивается, однако временем посылается воспоминание о вечном веселии и о вечном мучении.

Книжки Ваши надеюсь в скором времени к Вам переслать. О. Алимпию прошу сказать от меня усерднейший поклон и поздравление с Новым годом.

Прося Ваших Святых молитв, имею честь быть

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

4-е января 1840

Оптино-скитский монах Иоанникий едет в Петербург для сбора.

№ 16

†

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Воистину Воскресе Христос!

Приятнейшее письмо Ваше от 6-го мая я получил и усерднейше благодарю за Вашу откровенность, которая служит верным признаком истинного благорасположения и которой и впредь прошу не лишить меня. О. Иоанникий Оптинский, выехавший на днях из С. Петербурга, намеревался быть в Вашей Святой Обители, и расскажет с подробностию о моих обстоятельствах, о коих здесь уведомляю Вас вкратце. Точно — был воспрещен мне выезд из монастыря, но по причине совсем другой, нежели

о коей Вы пишете. Это за знакомство мое с посланником Короля Французского, что Государь Император нашел неприличным и достойным наказания, и к чему я принужден был насильственно Синодальным чиновником. Сие последнее обстоятельство Государю неизвестно, и я не нахожу нужным приводить в известность. О выходе некоторых из братий ночью из монастыря и отпоре ворот распространял здесь слухи о. Нафанаил Толгский; когда сии слухи дошли до меня, я тотчас произвел строжайшее исследование; оказалось, что была прислана в 12-ть часов ночью посылка тысячи на две в монастырь, то отворили ворота и ризничий принял вещи, не выходя из монастыря, и ниже из келлии. После сего случая, в коем о. Нафанаил обнаружил безрассудное бешенство, должен он был выйти из Сергиевой Пустыни, куда был принят единственно из милости по усильнейшим просьбам, а по принятии тотчас вооружился против благодетеля своего о. Казначея. Я бы сердечно рад был дать преимущество о. Нафанаилу по его сединам, — но способности его и нравственность сами собою поставили его ниже многих послушников. Наконец, о нерасположении ко мне Синодального Обер-Прокурора я ничего не могу сказать решительного. Принимает и поныне очень ласково, сам обещался ко мне приехать. Расположение же Государя Императора из последнего даже обстоятельства обнаружилось в полной силе. И мне остается только благодарить Господа Бога за все случившееся — видеть Его Божественный Промысл, бдящий о спасении души моей и сими малыми искушениями воспитывающий и окормляющий мое младенчество. Горе егда Вам рекут добре вси человецы — это опасно; а потерпеть маленькое поношение весьма спасительно. И потому стараемся предаваться воле Божией с благодарением, а погрешности свои при Всевышней помощи усердствуем по силе исправить.

Прося Ваших святых молитв, имею честь быть навсегда с искреннейшею моею преданностию

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

О. Алимпию свидетельствую искреннейшее мое почтение.

1840

Мая 17-го дня

№ 17

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Строитель Варфоломей!

Почтеннейшее письмо Ваше имел честь получить. Во-первых, сердечно благодарю Вас за радушное гостеприимство, в коем выразилось все обильное Ваше ко мне расположение. Во-вторых, имею честь известить, что немедленно просил я о ускорении хода дела Вашего в Святейшем Синоде и 24-го сего сентября получил известие: Св. Синод разрешил перестроить церковь Югской Дорофеевской Пустыни, о чем уже послан указ Преосвященному Ярославскому.

Прошу Вас засвидетельствовать мою искреннейшую признательность о. Алимпию и всей о Господе братии за любовь их. Поручая себя Святым Вашим молитвам, имею честь быть навсегда

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

29-е сентября [1840 г.]

№ 18

Ваше Высокопреподобие

Достопочтеннейший Отец Строитель Варфоломей!

Приятнейшее письмо Ваше от 16-го ноября получил и сердечно благодарю за братское и отеческое расположение Ваше ко мне. Надеюсь, что милость Божия дарует мне соответствовать оному. Сия Божия милость покрывает и меня, и обитель нашу доселе; хотя от времени до времени и подвергаюсь телесным недугам, а в душевных пребываю постоянно. В настоящее время занимаюсь переводом с латинского языка книги св. Исаии, отшельника Скитского, и весьма услаждаюсь духовно-благодатными изречениями сего Святого Отца. Аще Господь восхощет, намереваюсь оную напечатать, ибо на славянском и русском языках не случалось мне оной видеть, — а польза её должна быть необыкновенная. Преплачевный отец! Он современен Макарию Египетскому. Св. Исаак Сирин и Авва Дорофей на него ссылаются; есть на него ссылка и в книге великого Варсонофия. Может быть, в Вашей библиотеке имеется сия книга; в таком случае прошу уведомить и написать, сколько именно в ней слов или бесед и под какими заглавиями. Также надеюсь получить книгу Св. Кассиана Римлянина на латинском же язы-

ке, на коем он писал, и если благоволит Господь, то заняться и ее переводом. Во обители отстроился окончательно корпус братских келлий, чем братия очень успокоены; сельское хозяйство наше также доселе благословляется; если и впредь так благословится, то надеемся значительно иметь поддержку для устройства и содержания обители.

Благодарю почтеннейшего о. Алимпия за его воспоминание о мне; сердечно радуюсь возвращению его здоровья и усердно ему кланяюсь, прося Св. молитв.

Затем, — желая Вам доброго здоровья и всех благ, также прося Ваших святых молитв, с искреннейшею преданностию, имею честь быть навсегда

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

Нояб<ря> 30 дня [1840 г.]

№ 19

Возлюбленнейший о Господе

Отец Варфоломей!

Получа Ваше письмо, составил я из оного записку и вручил Муравьеву[1] для доставления и ходатайства пред Г<-ном> Сербиновичем[2]. Здоровье мое плохонько; почти всю зиму похварываю; однако же неизреченная милость Божия помогла привести почти к окончанию перевод с латинского книги Св. Исаии; весьма бы я желал сличить оный с имеющеюся у Вас рукописью, и потому покорнейше прошу переслать ко мне по почте; я постараюсь вскорости и сохранности Вам обратно и книгу и деньги за пересылку доставить. Некоторые добрые люди берутся на свой счет напечатать. По окончании сей книги, после Пасхи, аще Господь восхощет, желается приняться за перевод Кассиана Римлянина также с латинского; у меня все его сочинения, книга преполезная. Прошу Ваших святых молитв для подкрепления немощных моих души и тела.

Пожалуйста, не замедлите присылкою рукописи.

Остаюсь навсегда Вам преданнейший собрат

Архимандрит Игнатий.

1841 года
Марта 11-го дня

[1] О Михаиле Николаевиче Муравьеве см.: Т. 3. С. 260.
[2] О нем см.: Т. 3. С. 629.

№ 20

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Книгу Вашу св. Исаии отшельника, много оною попользовавшись, при сем препровождаю с сердечною благодарностию. Оконченный перевод мой переписывается набело, и, аще Господь восхощет, думаю отпечатать для общей пользы монашествующих; теперь с услаждением духа занимаюсь Кассианом, т. е. переводом его на российский язык. Сам будучи скуден и в деятельности христианской и в мудрости, очень рад, если буду в состоянии отверзть некоторые сокровищницы духовные, доселе запечатленные, переводом. Прошу Ваших святых молитв на подкрепление душевных и телесных моих немощей.

С сердечною искреннейшею преданностью имею честь быть навсегда

Ваш покорнейший послушник и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.

1841 года
19-го июля

О. Алимпию свидетельствую искреннейшее мое почтение.

№ 21

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Приятнейшее письмо Ваше от 23-го ноября я получил. Особенно утешили Вы меня, обнаружив расположение Ваше побывать в Северной Столице. Примите мое приглашение! Не говоря о том удовольствии, которое Вы мне доставите, небесполезно для Вас будет познакомиться лично с Филаретами, кои оба ко мне весьма расположены. Из них — Киевский читает ныне перевод Исаии отшельника и оною книгою восхищается, говоря, что непременно надо оную напечатать в самом большом количестве экземпляров. Очень согласен с Вами, что книга сия может принести особенную пользу душам и потому быть ходатайницею для меня милости Божией. Этой единственной платы ищу, а напечатание, аще Господь восхощет, и продажа оной будет производиться мимо меня. Кассиан, коего монашеских книг две, переводится; теперь дело на половине первой книги. Также драгоценнейшая монашеская книга! Имеющийся перевод

в Добротолюбии крайне сокращен. Статья *о духе чревообъядения,* названная в Добротолюбии *о воздержании чрева* и занимающая там полторы страницы, занимает в подлиннике до 40 таковых страниц, наполнена множеством нравоучительнейших повестей. Наименее сокращена статья о унынии. Послание к Леонтину Игумену составлено из двух отдельных бесед, сокращено, и притом Леонтин был Епископ, а не Игумен.

Получил я из Оптины письмо, скромное, о кончине отца Леонида[1]. Писали оное о. Макарий[2] и Иоанникий[3]. Некоторые мирские получили от других исполненное повествованиями о Пророчествах. Мы желаем себе и всем, ищущим истины, прозрения на грехи наши. — пророчества, что хотя сколько-нибудь вознерадим или вознесемся, то впадем в руки страстей и удалимся от Бога. Таковое прозорливство и пророчество могут нам принести существенную пользу.

Поздравляю Вас с наступающим праздником Рождества Христова и, прося Ваших святых молитв с обычною братскою любовью, остаюсь навсегда

Ваш покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

1841 год
декабря 22 дня

П. С. О. Алимпию свидетельствую мое усерднейшее поклонение, за память и любовь благодарение. Мой казначей приносит Вам искреннейшую признательность за благосклонный прием. Посылку — салфетку и полотно он мне доставил, благодарю усерднейше!

[1] Оптинский старец отец Леонид (Наголкин), в схиме Лев, перешел в вечность 11 октября 1841 г.

[2] Об отце Макарии см.: Т. 2. С. 16–18 и далее.

[3] Об отце Иоанникии см.: Т. 2. С. 133.

№ 22

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

По отправлении к Вам письма, был я у Киевского Митрополита, и между прочим сказал ему о намерении Вашем побывать в С. Петербурге и что я Вас приглашаю. Он весьма сему обрадовался и сказал: повторите ему немедленно приглашение и от меня, я желаю его видеть. Потом прибавил с обычною ему добротою много на счет Ваш, из чего я заключил, что Вам непременно

должно приехать. Почему и постарайтесь исполнить сие в скорейшем времени.

Итак, в надежде скорого свидания, имею честь быть с обычною моею преданностию

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

1841 года
декабря 27 дня

№ 23

Ваше Преподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Высокопр<еосвященнейший> Митрополит Киевский писал к Владыке Вашему и просил, дабы он соблаговолил уволить Вас в столицу, на что Ваш Архипастырь и изъявил согласие. Почему В. Митрополит поручил мне третицею написать к Вам немедленно, дабы и Вы поторопились и не мешкали. И потому решайтесь, ничтоже сумняся. Очень приятно мне видеть, что Ваш Архипастырь питает к Вам любовь, как это видно из письма его к Митрополиту.

Надеюсь скоро Вас увидеть и, насладившись взаимною любовию, проводить с миром к святым и преподобным отцам в обитель Божией Матери.

Ваш покорнейший слуга и сомолитвенник

Арх<имандрит> Игнатий.

1842
30 января

№ 24

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Письмо Ваше от 18-го февраля я получил. Будучи крайне недоволен Вашим отказом на мое приглашение, паче же не на мое точию, но на приглашение Высокопреосвященнейшего Митрополита посредством меня, — начинаю с Вами браниться. Благоволите выслушать с благодушием и утешьте исправлением Вашей погрешности. Что Вы хвалитесь неупустительностью в послушании, возложенном на Вас Св. Синодом? Суетна похвала сия, когда Вы не внемлете гласу Первенствующего Синодального члена, не повинуетесь его призыву, приводя пустые отговорки. Начный

в вас дело благое, и да совершит е, сказал Апостол. И Вам надо совершить послушание Ваше; а без доброго конца доброе начало не может принести никакого плода. Неужели Промысл Божий, приведший Вас в Югскую Пустыню, уже престал бдеть над Вами? Неужели Вы так думаете? Не предположив в Вас сих мыслей маловерия, чем объяснить Вашу шаткость, Ваше двоедушие? И едете, и не едете; и взяли паспорт, и ни с места! На что это походит? Таковая коловратность, таковое непостоянство простительно новоначальному, в Авве же отнюдь не простительна! Вижу! Вы испугались; Вы подозреваете, не повстречается ли Вам по приезде какое перемещение! Ваше тело возопило: не езди, мне здесь тепленько и мяконько, а то, пожалуй, они сунут тебя туда, где я замучусь от климата; да и над Алимпием сжалься: он здесь воскрес, а в другом месте могут к нему возвратиться прежние болезни. Так Вам советовало Ваше тело, а Вы его и послушались. Зело бо сильны ласкания тела, сказал Св. Исаак. Вы в послушании у Вашего тела, а не у Синода, как хвалитесь, думая меня, как глупого, обморочить. Кроме того, что Вы маловерием Вашим погрешаете пред Промыслом, еще впадаете и в другую немаловажную погрешность. Как судить о мнении Вашем относительно Преосвященного Митрополита? Значит — опасаясь ему доверить себя, Вы в нем не предполагаете ни любви, ни рассуждения духовного! Словом сказать — с какой стороны ни посмотрю на Ваш поступок, нахожу оный решительно безрассудным.

Итак, исправьтесь! Отложив все хохлацкое упрямство, еще же и мудрование с злохитростию, скорее приезжайте, возвергнув на Господа печаль твою, и Той тя препитает. Советую и Митрополита не прогневать: ибо ныне вакансий настоятельских много, и ему стоит только предложить в Синоде; тотчас полетит Указ, и дерзостный ослушник, по своему токмо мнению послушник, полетит с Юги на север оплакивать свое самонравие и непокорство. Сим кончаю мою брань, к которой бы не хотелось прибегать, да нечего делать, когда честь неймет.

Помирюсь с Вами при личном свидании! И бранюсь, а все-таки остаюсь

Ваш усерднейший слуга и собрат

Архимандрит Игнатий.

Марта 6-го дня

[1842]

№ 25

Христос Воскресе!

Возлюбленнейший о Господе о. Варфоломей!

Поставили же Вы на своем! Не приехали! А если б приехали, то, конечно б, не отказались принять Архимандрию и быть наместником в Киево-Печерской Лавре. Митрополит Киевский хорошо сделал, обратив внимание на достойного; я не раскаиваюсь в рекомендации, сделанной по совести. Но Варфоломея ни благохваление, ни гаждение не тронули! Что с Вами делать! Полюбилась Вам обитель Югская. Часто вспоминал о Вас Митрополит; четыре месяца, поджидая Вас, не давал увольнение своему наместнику; 3-го мая он выехал в Киев, с намерением побывать в Ростове.

Поздравляю Вас с прошедшим Великим Праздником Праздников и настоящею пятидесятницею, а за неприезд Ваш сим заочно мирюсь, всегда быв к Вам преисполнен мира и любви о Господе. О. Алимпию свидетельствую усерднейшее почтение.

Прося Ваших св. молитв, имею честь быть навсегда

Ваш покорнейший слуга и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.

7 мая [1842]

№ 26

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Особенно для сердца моего радостию было получение письма Вашего! За таковое доставленное Вами мне утешение, Господь да утешит Вас излиянием и действием в сердце Вашем Своея благодати; ибо, по словам святых Отцов, ключ духовных дарований дается любовию к ближнему, которую Вы, написав ко мне письмо, изъявили самым делом.

О себе уведомляю Вас, что, по милости Божией, нахожусь еще в живых и, несмотря на множество грехов моих, нередко наслаждаюсь несказанною радостию: ибо Господь наш Иисус Христос пришел грешников спасти. Аще Господь восхощет, намереваюсь завести в обители моей общежитие: ибо, по мнению моему, самые обстоятельства и души братий к тому созрели. Продолжаю заниматься и переводом святых Отцов, сколько допускают силы, а особливо сколько позволяют глаза, пришедшие в крайнюю слабость. О. Алимпию покорнейше прошу сказать мой усерднейший поклон.

Затем — прося Ваших святых молитв и продолжения драгоценной мне Вашей отеческой и братской любви, имею честь пребывать навсегда

Ваш покорнейший послушник и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.

1843

3 марта

№ 27

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший Отец Игумен!

Усерднейше поздравляю Вас с получением Игуменского сана, в котором Милосердный Господь да поможет Вам служить Святой Церкви с таковым же успехом, с каковым Вы проходили служение Ваше доселе, или и с большим. Что не писал я к Вам, то это потому, что уверен в Вашей любви ко мне о Господе, а особенной причины писать не повстречалось. Притом я стал ныне крайне слаб глазами, что приписываю действию здешнего приморского воздуха.

Как о приятной для всего монашества новости, извещаю Вас о следующем: конечно, известно Вам, что Императрицею Екатериною уничтожен монастырь Святогорский, что в Харьковской губернии на реке Северном Донце, имеющий превосходнейшее местоположение — самое пустынное. Императрица, упразднив обитель, отдала сие место известному вельможе Графу Потемкину. Года с два тому назад имение сие досталось его внуку, женатому на Княгине Голицыной. Оба они крайне добросердечны и привержены к святой Церкви, особливо она; отказавшись от всех светских увеселений, занимается обильным подаянием милостыни, упражняясь в чтении Святых Отцов и молитве. Ее глаза — как два неиссякающие источника слез. Сей чете Господь внушил восстановить монастырь, и она, испросив словесно дозволение у Государя, подала о сем просьбу в Святейший Синод, с тем, чтобы учреждена была общежительная пустыня по уставу Софрониевскому и Глинскому[1].

Относительно общежития в нашей обители, то я говорил о сем нашему новому Митрополиту[2], который, хотя крайне расположен к нашей обители, но не изъявил на сие согласия. Наше место крайне трудно; монастырь совершенно сквозной; в летнее время в соседство наше переселяется знаменитейшая публика

петербургская. Невольно рождается заботливость, приводящая в развлечение. И хорошо бы, если б неудобства сим оканчивались!

За сим желаю Вам доброго здравия и всех истинных благ. В моем расположении к Вам пребываю по милости Божией постоянным, и у Вас прошу того же. Поручая себя Вашим Святым молитвам, имею честь быть навсегда

Вашего Высокопреподобия покорнейшим
послушником и собратом

Архимандрит Игнатий.
1843 года октября 29-го д<ня>

О. Алимпию мой усерднейший поклон!

[1] О Потемкиной Т. Б. см. также: Т. 3. С. 463–469.

[2] Антоний (Г. А. Рафальский; 1789–1848) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский в 1843–1848 гг.

№ 28

Воистину Воскресе Христос!

Достопочтеннейший и Возлюбленнейший о Господе
Отец Игумен Варфоломей!

Взаимно и Вас поздравляю со всерадостнейшим Праздником Воскресения Христова, усерднейше желая Вам, чтобы Господь наш, Иисус Христос, пострадавший за нас и совоскресивший нас с Собою, излил на Вас обильно дары благодатные и устроил Ваши внешние обстоятельства в благопоспешество Вашему душевному спасению и временному благоденствию.

На все письма Ваши я всегда отвечал с постоянною аккуратностию; если же некоторые письма Ваши остались без ответа, то это от того, что их не получал. Какая бы могла быть сему причина? Кажется, Стрельнский Почтмейстер человек очень исправный и всегда без малейшей утраты доставлял в Монастырь письма. Нет ли в Ваших краях какой оплошности? О себе скажу Вам, что по милости Божией поживаю довольно благополучно. В обитель нашу прибыл на жительство Площанской Пустыни иеромонах Иоанникий, Вам довольно известный. Я утешен приездом сего старца и надеюсь от него пользы душевной как для себя, так и для вверенного мне братства.

Поручая себя отеческой и братской любви и прося Ваших святых молитв, с искренним почтением и сердечною преданностью имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.

Отцу Алимпию мой усерднейший поклон! С Отцом Ректором Вашим я виделся, но еще не беседовал.

1844 года
Апреля 27 дня
Сергиева Пустыня

№ 29

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший Отец Игумен!

Приношу Вам сердечную благодарность за приятнейшее письмо Ваше, в котором Вы поздравляете меня с радостнейшим праздником Воскресения Христова. Равномерно и я Вас поздравляю и на приветствие Ваше с веселием сердечным отвечаю: Воистину воскресе Христос!

Весьма утешаюсь, видя, что Вы сохраняете прежнюю ко мне любовь; и я по милости Божией пребываю постоянно в тех же чувствованиях любви к Вам, как и прежде был, радуясь благоустройству обители Вашей во славу Божию, к чести Христианства и монашества, к назиданию многих. О. Иоанникию передавал я от Вас поклон, за который он весьма благодарит Вас и свидетельствует Вам свое почтение с поклонением. Хотя мы оба находим здешнее место весьма шумным, но покоряемся воле Божией, поместившей нас обоих сюда совершенно для нас неожиданно. О себе уведомляю Вас, что живу довольно благополучно: много утешает Преосвященный Митрополит Антоний, муж, исполненный благонамеренности и правдивости. Также утешает и братство, в коем есть многие члены истинно расположенные пожить по Бозе. Здоровье мое становится год от году плоше. По зимам почти не выхожу из келлии; ноги чрезвычайно зябнут, а от сего прилив крови к голове и расслабление во всем теле. О. Алимпию прошу сказать от меня усерднейший поклон и поздравление с Праздниками.

Желая Вам всех благ от щедрыя десницы Создателя, поручая себя Вашим Святым молитвам и отеческой любви, с искреннейшею преданностию и почтением имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.

1845 года
8-го дня

№ 30

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец Игумен Варфоломей!

Усерднейше поздравляю Вас с наступившим Новым годом; желаю Вам вожделенного здравия, совершенного благополучия и многих лет.

О себе уведомляю Вас, что я здоровьем своим крайне порасстроился, все лето и осень хворал и теперь также хвораю. Буди воля Божия.

Прося Ваших святых молитв и поручая себя Вашей отеческой и братской любви с сердечною преданностию и почтением имею честь быть навсегда Вашего Высокопреподобия

покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

Января 1 дня
1846 года

№ 31

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец Игумен Варфоломей!

Не скорбите на меня, что я не мог побывать у Вас в обители на обратном пути моем из Бабаек в С.-Петербург, несмотря на мое крайнее желание побывать у Вас. Путь мой состоялся прямо из Костромы на Вологду. В Петербург я поспел в самый день срока моего отпуска.

Примите мою братскую искреннейшую благодарность за любовь, оказанную Вам мне недостойному, за посещение меня болящего и смердящего, за претерпение моих немощей. От Вашего Архипастыря получил я преблагосклонное письмо в ответ на мое, которое я писал ему из Бабаек, извиняясь, что уезжаю из того края, лично не простившись с ним. Потрудитесь передать мой усерднейший поклон о. Казначею Алимпию и всей о Хри-

сте братии Вашей. — Здесь, по милости Божией, все благополучно: посетившая и каравшая северную столицу холера значительно уменьшилась.

Испрашивая Ваших святых молитв и поручая себя Вашей отеческой и братской любви, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

1848 года
июля 12-го дня

№ 32

Ваше Высокопреподобие!

Многолюбезнейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам сердечную благодарность за добрейшее письмо Ваше! Примите мое усердное поздравление с наступившим великим Праздником Праздников! Приветствую Вас всерадостным духовным приветствием: «Христос Воскресе, воистину воскресе!» По милости чувствую значительное облегчение от обдержавшей меня простудной болезни, особливо с наступлением весны: обновляется юностию и бодростию жизнь моя, чего я желал для того, чтоб ревностнее и сильнее поработать Господу Богу, Которому работал доселе с крайнею леностию и небрежением. Причиною главною таковου уныния было недостаточное произволение; много однако ж способствовали ему болезнь и крайняя телесная немощь. Декокт сассапарельный я перестал принимать осенью в сентябре месяце, пользуюсь теперь ваннами, в которые кладут соли и мыла; также пользуюсь чистым дегтем, которым трусь и которым намоченные чулки ношу. Осталась слабость и сильная испарина, которою изнутри выходят остатки болезни. Но все еще не могу должным образом заниматься по причине сильной слабости: особенно писать очень трудно, потому что кровь кидается в голову. Преосвященный Митрополит Никанор[1] — пастырь добрейшего сердца и светлого ума, к монашеству весьма расположен, — шайку мошенников унял и обуздал, а между прочим, и Аполлоса, воспретив ему без своего ведома таскаться в Петербург, в котором Ладожский Строитель, кинув свой монастырь, проживал непрестанно, занимаясь разными пронырствами, приискивая себе места повыше и повеселее Ладожского, то в Риге, то в Херсонской Епархии,

впрочем, безуспешно. Жаль этого человека, который мог бы по способностям своим быть очень полезным человеком для монашества, а сделался пустым искателем приключений. Толгский Сергий переводится в число братства Александро-Невской Лавры. О Вашем Преосвященном многие здесь очень сожалеют и желают, чтоб он оставил свое намерение удалиться на покой. Он писал ко мне письмо, в котором говорил о Вас с многою любовию и, между прочим, поместил, что Вы отправились в Москву для совещания с медиками. От Графа Шереметева я получил письмо на Пасхе. В обители нашей — благополучно: некоторые благотворители предполагают выстроить при монастыре великолепную и обширную гостиницу каменную на место существующей дрянненькой и полусогнившей деревянной. Также другие благотворители думают обнести монастырь другою, обширною оградою. Удивляюсь я, — почему не получаете Вы моих писем! Особливо, питая к Вам сердечную любовь, я всегда аккуратно отвечаю. Это обстоятельство заставляет меня послать письмо сие страховым. Потрудитесь передать мой усерднейший поклон и поздравление с праздником Отцу Алимпию. Мои: Симеон (бывший Стефан) и Николай свидетельствуют Вам свое глубочайшее почтение.

Поручая себя Вашей Отеческой и Братской любви и испрашивая Ваших святых молитв, с чувствами искреннейшей о Господе преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1849 Апреля 18-го дня

[1] Никанор (Н. С. Клементьевский; 1787–1856) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский в 1848–1856 гг.

№ 33

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший и многолюбезнейший Отец Варфоломей!

Благодарю Вас за любвеобильное письмо Ваше и взаимно поздравляю Вас с наступившим Праздником Праздников, приветствуя Вас всерадостным приветствием: «Христос Воскресе!»

О себе имею честь известить Вас, что по возвращении из Бабаек очень долгое время я находился весьма в слабом состоянии до самого декабря месяца, в конце которого начал послу-

живать; летом 49-го года почувствовал себя лучше, а нынешнею зимою еще получше. Впрочем, здоровье мое вполне, так сказать, склеенное, а не цельное, и малейшее влияние воздуха, пищи, холода скоро и сильно меня расстраивает. По этой слабости весьма бы нужно и полезно было оставить настоятельскую должность, особливо в таком шумном монастыре, как наша Сергиева Пустынь, где влияние мира, развившегося во всей силе, подавляет все иноческое. Но надо потерпеть, доколе Господь, по милости Своей, устроит благоугодное Ему. Каково Ваше здоровье? Вы не говорите о нем ни слова. Желаю усердно, чтоб силы Ваши и силы о. Алимпия подкрепились во славу Божию и для пользы общей. Мои келейные усерднейше Вам кланяются и просят Ваших святых молитв. Затем — поручая себя Вашей отеческой любви с чувствами искреннейшей преданности и сердечного уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия искреннейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1850 года мая 3-го дня

№ 34

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе отец Варфоломей!

Приношу Вам сердечную благодарность за воспоминание Ваше о мне грешном. Точно, когда о. Архимандрит Александр отправлялся из Устюжны в Ваш край, я советовал ему заехать в святую обитель Вашу, посмотреть на устройство ее и познакомиться с Вами, чего, впрочем, за краткостью времени он не мог исполнить. Мое здоровье получше прежнего, но все еще не вышли из меня яды прежних недугов, и в самой Устюжне я был покрыт сыпью, которою у меня с некоторого времени выходят внаружу внутренние болезни. Здешнее место очень безпокойно и интрижно, не по моим силам. Посетителей много, и самых щекотливых: всем угоди, несмотря на то, что у многих из них бывают противоположные требования. Этим отнимается много времени, если не все; так будьте великодушны и простите, если за крайним недосугом и множеством письма случится не отвечать на письмо Ваше. Но несмотря на таковое мое молчание, я всегда содержу Вас в памяти, соответствуя отеческой и братской любви Вашей моею недостойною любовию. Примите на себя труд передать мой

усерднейший поклон о. Алимпию. Из Устюжны возвратился я в Петербург с 2-го на 3-е число августа в ночь.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1851-го года, августа 10-го дня
Сергиева Пустыня

№ 35

Ваше Высокопреподобие!

Всечестнейший отец Игумен Варфоломей!

Судьбы Божии — бездна многа. Я вижу в репорте Преосвященного Евгения желание не противоречить прежним о Вас репортам и собственным Вашим отзывам, тем более, как Вам уже теперь вполне известно, что в Ярославской Епархии ходят совсем другие слухи о здешних действиях, нежели каковы эти действия по истинному их значению. Впрочем, по сему репорту Святейший Синод еще может Вас оставить настоятелем Югской Пустыни, как свыкшегося с этим монастырем и его управлением, что новому настоятелю еще приобретать надо, — в особенности, если Вы партикулярно об этом просили. Сегодня 13-е, т. е. день доклада, и я получил Ваше письмо сегодня утром. Остается молиться Богу: ибо Вы уже у всех были и свою просьбу изложили, и начальство знает, чего Вы желаете. Из конца репорта Преосвященного не видно, чтобы он указывал именно на какой-нибудь монастырь для повышения Вас; также видно, что еще настоятеля на Юге нет: то, если не имеется вакансии Архимандричьей в виду у Св. Синода, весьма вероятно, что Вас, наградив саном, согласно представлению Архиепископа, отправят на Югу, чем и разрешится недоумение о настоятелях, прописанное в конце репорта. Впрочем, что Бог устроит — буди Его Святая Воля, которая часто отсекает нашу волю, как сия ни кажется нам по наружности правильною.

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.
Февраля 13-го дня

№ 36

†

Ваше Высокопреподобие!

Многолюбезнейший отец Варфоломей!

Поздравляя Вас с прошедшими и наступающими Праздниками, имею честь Вас уведомить, что известное Вам дело решено к совершенному обвинению доносителя, который, однако, оставлен в Вашем монастыре до решения другого дела, до него касающегося.

Желая Вам всех истинных благ и прося Ваших Святых молитв, с обычною моею преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

Мая 10-го дня

[1852 г.]

№ 37

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший отец Игумен Варфоломей!

По письму Вашему от 13-го июня я наводил снова справку, которую при сем и препровождаю на благорассмотрение Ваше. Я получил ее уже здесь в Устюжне, где нахожусь для переследования прежних дел. Письма у меня очень много: и потому извините за краткость сего письма.

Поручающий себя Вашим Св. молитвам

Вашего Высокопреподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

1852 года, 1-го июля

Устюжна — Железная

№ 38

†

Ваше Высокопреподобие!

Многолюбезнейший и достоуважаемый отец Игумен Варфоломей!

Конечно, Вам уже известно изречение о Вас Божественного Промысла! Пусть знают враги наши, и сама Ярославская

Консистория, какого мнения о Вас Святейший Синод. Соловецкий Монастырь составляет совершенно отдельное ведомство, и есть один из важнейших, а может быть, и самый важный пункт Российского монашества. Избирая Вас, Святейший Синод хочет, чтоб этот многолюднейший и уединеннейший Российский монастырь получил приличествующие ему характер и направление, чтоб дух и правила Преподобных Савватия и Зосимы снова возвеяли в их обители и образовали подвижников, достойных сего Святого места. Когда я узнал о Вашем назначении, то вспомнил предсказание одного из тамошних новейших подвижников — Феофана, претерпевшего многие и лютые биения от бесов, предсказание, что явится Настоятель в Соловецкой обители, который пойдет по стезям Зосимы и при котором процветет особенно обитель. Да дарует Вам Бог быть исполнителем сего пророчества. Граф Протасов[1] действовал при Вашем избрании как благороднейший человек и как ревнитель монашества. Вы найдете в нем усерднейшего помощника, готового содействовать Вам во всех благих начинаниях Ваших: это я слышал из собственных уст его.

В надежде скорого свидания, с чувствами глубочайшего почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

1852 года сентября 8-го дня

[1] *Граф Протасов* — о нем см.: Т. 2. С. 320, 580, 598, 637.

№ 39

Достопочтеннейший отец Игумен Варфоломей!

По получении Вашего письма я ездил к графу Протасову и сообщил ему Ваше расположение; но он никак не согласен на исполнение Вашего прошения, и поручил мне написать Вам, чтоб Вы непременно исполнили требование Святейшего Синода и возлагаемое им на Вас послушание. Если Вы чувствуете себя слабым по здоровью, то Святейший Синод не принуждает Вас оставаться долго в Соловецком, а год или два. Но Святейший Синод нуждается узнать, чрез посредство благонадежного человека, каким признает Вас, состояние сей отдаленной и важной обители. На Вас возлагается Святейшим Синодом поручение, заключающееся в ревизии самой подробной сего монастыря, каковой ревизии раньше года нельзя выполнить и по соверше-

нии которой, когда Вы доставите Св. Синоду подробные и точные сведения, то Св. Синод, в случае Вашей болезненности, будет иметь все время к избранию достойного Настоятеля. Таковы точные слова Его Сиятельства.

Егда бе юн поясашеся сам и хождаше, амо же хотяше: егда же состареешися, ин пояшет, и ведет амо же не хощеши.

Испрашивающий Ваших Святых молитв

недостойный Архимандрит Игнатий.
Сентября 22-го дня [1852 г.]

Такое же письмо послано в Рыбинск: ибо не знаю с точностию, где Вы находитесь.

№ 40

†

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Что мне отвечать на последнее письмо Ваше? На него и на все Ваши действия отвечают самые обстоятельства; а мне, по малоумию моему, следует только молчать пред зрелищем Ваших действий, потому что они для меня вполне непостижимы. Только смею рассуждать, и то единственно для себя, что Господь (сказавший: *кая польза, аще человек весь мир приобрящет, душу же свою отщетит*) возлюбил Вашу душу и дарует ей настоящим искушением, отрешившись от всего, наипаче приблизиться к Нему. Благоговейно смотрю на постигшую Вас скорбь и усердно желаю Вам невидимой победы над собою.

Прося у Вас прощения и испрашивая Ваших Святых молитв, имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
28 октября [1852]

№ 41

†

Ваше Высокопреподобие,

Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Письмо Ваше от 12-го ноября я получил. Судьбы Божии бездна многа, и истинно то, что кого Господь любит, того наказует.

Я, дорогой Батюшка мой, с благоговением взираю на постигшее Вас искушение и молю Бога, да дарует Вам силы перенести его по подражанию Святым, которые наследовали Царство Небесное многими скорбми. Хотя, по-видимому, и постигла Вас скорбь от человека, но по сущности она попущена Богом для Вашего усовершения. Я умиляюсь, смотря умными очами на скорбь Вашу, и думаю сам в себе: «Каково-то я понесу искушение, если Господу Богу угодно будет послать мне оное? И какое Господь пошлет мне искушение?» Так помышляя, соболезнуя о Вас, я полагал, что Вы уже получили Указ о увольнении Вас, и потому написал Вам, что самые обстоятельства отвечают. Прошедшего не воротишь; но Вы бы сделали гораздо лучше, если б пожаловали сами в С.-Петербург и объяснили пред Членами Святейшего Синода и пред Графом Протасовым Ваше болезненное состояние. Члены Святейшего Синода — все очень добрые Старцы, и Граф Протасов имеет самое доброе сердце; Вы бы могли у них все испросить. Но что делать? пролитого не воротишь. Это устроилось свыше: тут рука Божия, а люди только оружие. Причину сего события надо искать в Божием промысле о Вас; там она сокровенна. Без скорбей невозможно очиститься деланию нашему о Господе, и нам невозможно увенчаться венцом евангельским. Я вполне убежден, что Вы благодушествуете и преданием себя воле Божией и благодарением Богу стираете главу змею печали, ищущему поглотить Вас. Слава Богу за все! Слава Богу. Горькими врачевствами исцеляющему души, прибегшие к Нему, Всесильному Врачу. Испрашивающий Ваших Святых молитв

Ваш недостойный послушник

Архимандрит Игнатий.

1852 года, декабря 1-го дня

№ 42

Ваше Высокопреподобие,

Всечестнейший Отец Игумен Варфоломей!

Вскоре после отправления к Вам последнего моего письма в ответ на Ваше страховое, прибыл к нам сего 6-го числа брат обители нашей Алексей Николаевич Воскресенский, гостивший в течение двух месяцев в обители Вашей и пользовавшийся отеческою любовию Вашею. Он мне рассказал о скорби Вашей и о том, что Вы желаете его паки иметь у себя в обители для окончания бумажных дел. Я на сие с любовию согласен и, отпуская его к Вам, счи-

таю нелишним написать Вам сии строки, препоручив впрочем многое передать Вам и на словах. — Во-первых, слава Богу за все скорбное, случающееся с нами! Кому попускаются скорби, тот, значит, помянут Богом в царствии Его; а кто живет бесскорбно, тот забвен Богом. Я, Батюшка мой, по множеству грехов, в которые впадаю, и по множеству глупостей, которые делаю, никак не должен ни судить поступков ближнего, ни настаивать, чтоб сделано было так, как я предлагаю. Мне Алексей Николаевич сказывал, что Вы, по получении решения Святейшего Синода, увидели, что и Вам следовало бы поступить иначе, нежели как Вы поступили. Вам следовало пожаловать сюда и с покорностию испросить желаемое Вами у Святейшего Синода, который по уважению к Вам сделал бы все приятное для Вас, согласив возлагаемое на Вас послушание с Вашими нуждами. Но что Вы сделали? Вы соблазнили тех, которые ожидали Вас увидеть с назиданием для себя, с пользою для всего монашества. Особливо мне жаль Графа Протасова, который принял в Вас самое живое участие: он — лицо светское, имеющее на монашество и на всю Церковь Русскую особенное влияние; его надо очень беречь, — а в этом случае Вы не поберегли его, т. е. не поберегли самой души его. Вы меня простите, Батюшка мой, что я пишу к Вам так прямо: это делаю не в укоризну Вам, а чтоб Вы изволили увидеть настоящее положение дела. Как же Вам теперь поступить? Мой искренний совет: напишите извинительное письмо к Графу; он добрейший человек и ему приятно будет видеть Ваше иноческое смирение в письме.

Прочее Вам доскажет Алексей Николаевич. Затем прося Ваших святых молитв и земно Вам кланяясь, имею честь пребыть с обычною моею к Вам преданностию

Вашего Высокопреподобия недостойный послушник

Архимандрит Игнатий.
1852 года, декабря 6-го дня

№ 43

Ваше Высокопреподобие,

Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Письмо Ваше страховое, равно как и пущенное от 13-го января сего 1853-го года, мною получены; последнее, т. е. от 13-го января, получил я вчера, и вслед за ним письмо от одного моего знакомого Петербургского, который много заботится о Вас. Он мне пишет, что всего бы лучше Вы сделали, если б сами при-

ехали сюда. Таким образом, Вы попали на ту же самую мысль, которую высказал мой добрейший знакомый и которой, возложившись на Господа Бога, полагаю я, надо последовать. В случае, если решитесь приехать в Санкт-Петербург, то покорнейше прошу пожаловать прямо ко мне в Сергиеву Пустыню, откуда я Вам дам монашествующего, могущего для Вас приискать квартиру. Отзыв Ваш, копия с которого помещена в страховом письме, очень хорош; а в том, что Вы изволите писать о постоянстве чувств Ваших ко мне недостойному, я был и есмь вполне уверен; только сожалел, что писем Ваших никому показать было нельзя: ибо они, вместо того, чтоб возбудить в чтущем сострадание, могли только возбудить в нем соблазн. Но некоторые спрашивали — пишете ли Вы ко мне?

Теперь буду ожидать Вас в Петербург. Поручая себя Вашей отеческой любви, имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1853-го года, января 22-го дня

№ 44

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Нисколько не смущайтесь, но с миром отправляйтесь в путь, откланявшись Членам Св. Синода и Гр. Протасову. Поелику Члены Синода уже решили, чтоб Вам оставаться на Юге: что сие решение их перемениться не может в своей сущности, несмотря на перемену некоторых слов в определении. Я нахожу поступок Г. Войцеховича основательным. И то важно, что Вас оставляют на месте, а излишнее и неблагоразумное доброжелательство только может повредить делу.

Испрашиваю Ваших Святых молитв.

Вашего Высокопреподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
24 февраля [1853 г.]

№ 45

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Принося Вам усерднейшую благодарность за поздравление Ваше с Великим Праздником Праздников, изложенное Вами в

письме Вашем от 18-го апреля, и равным образом поздравляя Вас, сердечно радуюсь, что все исполнилось во благое по желанию Вашему и Вашего братства. Вашему Преосвященнейшему я писал письмо относительно Вас и о том, сколько Вы, быв и всегда ему преданы, ныне наиболее ощущаете в себе умножение сей преданности. Ответа нет. На жалобу О. Феоктиста я оправдываться не намерен; как его жалоба, так и мое оправдание должны быть лишь одним пустословием, как не могущие иметь никакого последствия. Потрудитесь передать мой усерднейший поклон О. Казначею Алимпию и прочим Вашим о Христе братиям; все наши свидетельствуют Вам свое почтение.

Прося о продолжении Вашей отеческой ко мне любви, с чувствами обычной моей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1853 года апреля 28-го дня

№ 46

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший Отец Игумен Варфоломей!

Имею честь рекомендовать в Ваше милостивейшее расположение сего письмоподателя Феодора Феодоровича Г-на Струговщикова, служившего и в военной, и в статской службе. Он желает избрать благую часть, отрекшись мира. Я бы с приятностию удержал его в Сергиевой Пустыне, но он избегает обширного круга знакомства Петербургского, почему и желает приютиться где-либо подальше от столицы. Он может быть очень полезным по письменной и деловой частям во всяком монастыре. По этой причине я счел приятнейшею своею обязанностию рекомендовать Вам Г. Струговщикова.

Испрашивая Ваших Святых молитв, с обычными чувствами моего к Вам сердечного уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1854 года 26-го марта

P. S. О. Казначею Алимпию свидетельствую мое искреннейшее почтение.

№ 47

Ваше Высокопреподобие,

Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

На почтеннейшее письмо Ваше имею честь отвечать, что переведен в Ярославль Архиепископ Нил[1] из Иркутска. В 1834-м году он был Ректором Ярославской Семинарии, и, быв здесь на чреде, произведен во Епископа в Вятку. Его считают одним из лучших и дельнейших Архипастырей.

Испрашивая Ваших Святых молитв, с обычною моею преданностию и почтением имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником.

Архимандрит Игнатий.

О. Алимпию — мой усерднейший поклон. Приложенное письмецо потрудитесь передать моему Наместнику о. Илариону.

[1] *Архиепископ Нил...* — О нем см.: Т. 1. С. 47–51.

№ 48

Ваше Высокопреподобие,

Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам искреннейшую мою благодарность за исполненное любви гостеприимство Ваше, оказанное Вами Наместнику моему, равным образом и за письмо Ваше и поздравление с Праздником, с которым равномерно и Вас поздравляю, желая Вам всех истинных благ. Примите на себя труд передать мой усерднейший поклон о. Алимпию. Прошу Ваших Святых молитв для поддержания умножающихся моих немощей душевных и телесных: крайне изнемогаю в силах, подвергаюсь новым припадкам, каких прежде не чувствовал, и вообще чувствую особенное истощание.

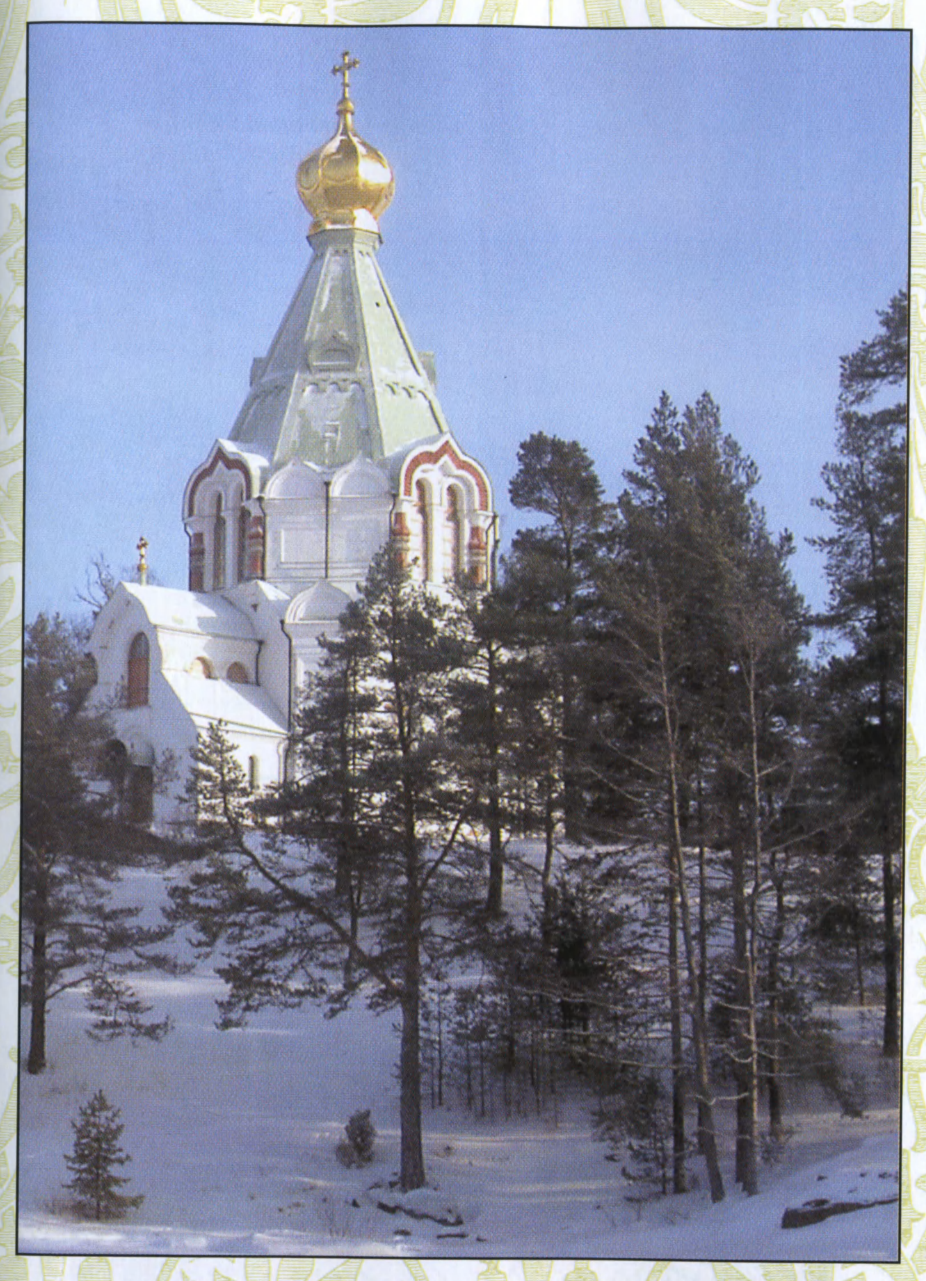
И паки прося Ваших святых молитв, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

1854-го года 4-го мая

Никольский собор Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.
Архитектор А. М. Горностаев

Игумения Мария (Тучкова), настоятельница Спасо-Бородинского монастыря

Вид Спасо-Бородинского монастыря

Архимандрит Фотий (Спасский), настоятель Новгородского Юрьева монастыря

Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская

Павел Степанович Нахимов

Вид Севастополя. Конец XIX века

Николай Николаевич Муравьев-Карский

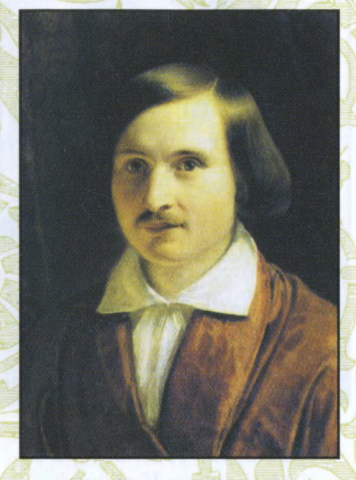

Андрей Николаевич Муравьев

Севастополь

Степан Дмитриевич Нечаев

Николай Васильевич Гоголь

Дмитрий Николаевич Шереметев

Татьяна Борисовна Потемкина

Свято-Введенский Толгский монастырь

Церковь Иверской иконы Божией Матери Николо-Бабаевского монастыря

Рака с мощами святителя Игнатия в Крестовоздвиженском храме Свято-Введенского Толгского монастыря

№ 49

†

Ваше Высокопреподобие,

Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам сердечную признательность за постоянное воспоминание Ваше о мне многогрешном, весьма оскудевающем в телесных и душевных силах. Нынешнее лето и осень провел я безвыездно в монастыре; по благочинию дан мне помощник, на которого и возложены разъезды. Граф Пушкин справедливо Вам передал, что у нас теплая церковь Преподобного Сергия, в которой Вы были, сломана, и строится на том же самом месте новая, имеющая быть втрое больше прежней и уже приводящаяся к окончанию. Прежняя была очень тесна. Гранит найден поблизости монастыря; из него вышли прекрасные колонны; также цоколь гранитовый и дверь высечена из гранита. По милости Божией нашлись добрые люди, которые помогают в постройках.

Отцу Наместнику моему предоставлял для прочтения письмо Ваше: он очень извиняется пред Вами! Постоянно сбираясь писать к Вам, за разными недосугами отлагал и отлагал до сего времени благодарить Вас за радушный прием. Он взял у меня рукопись Преподобного Нила Сорского, переложенную на русский язык, чтоб по ней исправить имеющуюся у него рукопись и препроводить к Вам. Отцу Казначею Алимпию прошу передать мой усерднейший поклон; отец Михаил и прочие братия, Вам знакомые, свидетельствуют Вам свое почтение и благодарят за воспоминание о них. Алексей Воскресенский вышел из нашей обители по причине одного весьма необдуманного письма, которое он решился написать в один важный светский дом. Наше место окружено соблазнами и жаль бедную братию, увлекаемую отвсюду окружающим соблазном. Приложенную при сем записочку потрудитесь передать Федору Федоровичу Струговщикову.

Прося Ваших святых молитв и благословения, с чувством искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

1854-го года 5 октября

№ 50

†

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший и Возлюбленнейший о Господе
Отец Игумен!

Приношу Вам сердечную благодарность за поздравление с Праздниками, днем моего Ангела и Новым годом; равномерно и Вас поздравляю, желаю Вам препроводить грядущую годину в вожделенном здравии и благополучии. О себе имею честь уведомить Вас, что по окончании сырой погоды и при наступлении морозов чувствую себя несколько получше в здоровье. Воскресенский переместился от нас в Старо-Ладожский Николаевский монастырь здешней же Санкт-Петербургской Епархии, где он очень доволен и где им довольны; там воздух и воды много лучше наших. О. Наместнику я передавал Ваш отзыв о его молчании: сознается в вине и просит у Вас прощения.

От оптинских старцев я уже давно не получал никакого отклика; некоторый иеромонах из Петербурга с подворья, прежде живший в Оптиной Пустыни, недавно был там на побывке и говорит, что О. Моисей и Отец Макарий очень постарели и обветшали. О. Михаил и прочие братия благодарят Вас за воспоминание о них и земно Вам кланяются. Достопочтеннейшему о. Алимпию потрудитесь передать мой усерднейший поклон.

Поручая себя и обитель Вашим Святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1854-го года 29 декабря

№ 51

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам искреннейшую признательность за отеческое воспоминание Ваше о мне грешном при наступившем Великом Празднике, с которым равномерно Вас поздравляю, приветствуя всерадостным приветствием: *Христос Воскресе!* Точно — как Вы изволите писать — бывший Синодальным прокурором Граф Протасов скончался, поболев самое краткое время. Долж-

ность Обер-Прокурора исправляет Тайный Советник Александр Иванович Карасевский; будет ли он утвержден в сей должности — неизвестно. Воскресенский точно поместился в Старо-Ладожском Николаевском Монастыре, где и он доволен, и им довольны; письмо же его к Вам оставьте без внимания. Не знаю — что-то сердце мое не извещается к этому человеку. Благодарю Вас за внимание Ваше к положению нашему относительно богослужения в продолжение зимы по случаю перестройки теплой церкви. Это положение наше было очень удовлетворительно: ибо под Собором в подвале устроены две пневматические печи, которые нагревали Собор вполне достаточно; почему всю зиму и производилось Богослужение в Соборе. Думаем, и следующую зиму служить тут же, а отделкою теплой церкви приостановимся на год, чтоб дать ей хорошенько высохнуть и вымерзнуть.

Примите на себя труд передать мой усерднейший поклон Казначею, Старцу Алимпию. О. Михаил и прочие братия благодарят Вас за воспоминание и взаимно свидетельствуют Вам свое почтение с поклонением. Прося Ваших Святых молитв на подкрепление многих моих немощей, имею честь быть

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
4 апр. 1855 года

№ 52

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Праздников и вместе с тем искреннейшую признательность за поздравление с оным. Письмо Ваше от 7-го апреля я имел честь получить и весьма радуюсь, увидев из оного, что Преосвященный Нил благоволит к обители Вашей. О полезных трудах Оптиной Пустыни и я имею отчасти понятие: ибо Старцы доставляют и мне издаваемые ими книги. Здоровье мое весьма слабо: особливо конец Великого Поста я провел безвыходно из комнаты. *Дние лет моих яко сень уклонишася*[1].

Что же касается до моего портрета, то я еще не собрался отлитографировать его; нужны на это порядочные деньги, а какие случаются, то издерживаются на другие необходимости, коих вблиз столичной обители немало. О. Михаил и прочие братия

свидетельствуют Вам свое усерднейшее почтение, каковое покорнейше прошу передать от меня старцу О. Алимпию.

Затем поручая себя Вашим Святым молитвам, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
1856-го года 14-го апреля

[1] Ср.: *Дни мои — как уклоняющаяся тень...* (Пс. 101. 12).

№ 53

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Примите мою искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше о мне в день моего Ангела, за поздравление с Праздниками и наступающим Новым годом. Равномерно поздравляя Вас, желаю Вам всех истинных благ, а между ними поправления Вашего драгоценного здравия.

По усилившейся болезненности моей я бываю редко в Петербурге. У Преосвященного Нила был однажды, но не застал его дома; он в Сергиевой Пустыне не бывал; встретился с ним однажды у Синодального Обер-Прокурора. Вам не должно беспокоится относительно неудовольствия, выраженного иеромонахом Антонием Бочковым[1] и его спутником Воскресенским. Антоний весьма болезнен, и Воскресенский болезнен: по такому расположению духа они бывают иногда недовольны ближними, потом же переменяются и бывают весьма довольны. Угодить им можно только при значительном терпении.

Сею весною провел я четыре недели в Оптиной пустыне. Спасет Бог Отца Макария! Им живут и дышат братия и посетители! Обитель по внешнему своему устройству сделалась весьма открытою, лес очищен, посетителей множество. Тамошний серный ключ принес мне значительную пользу. Книги Великого Варсонофия и Аввы Дорофея переведены на русский язык весьма удачно. Спасет Бог за такие общеполезные труды трудящихся отцев и братий!

Иеромонах Обители Вашей, состоящий в свите Преосвященного Ярославского, посетил в половине июля Сергиеву Пустыню; он мне очень понравился; но после я уже не видел его.

О. Алимпию потрудитесь засвидетельствовать мой усерднейший поклон, благодарность за воспоминание о мне и поздравление мое с Праздниками.

О. Михаил и прочие братия свидетельствуют Вам глубочайшее почтение и просят Ваших Святых молитв.

Испрашивая их и себе, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
27 декабря 1856

[1] Об Антонии (Бочкове) см.: Т. 1. С. 400–432.

№ 54

Христос Воскресе!

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше о мне и поздравление с Праздником Праздников и Торжеством всех торжеств, с которым равномерно поздравляя Вас, желаю Вам всех истинных благ временных и вечных.

Имею честь известить Вас, что я дважды был у Преосвященного Нила, на Рождество и на Пасху. На Рождество дома его не застал, а на Пасхе побеседовал с ним немного по той причине, что он торопился ехать визиты делать. Преосвященный обещался приехать ко мне в Пустыню; тогда поговорю ему о Вас. А только слухи и до меня доходили о Вашем любимце невыгодные, и не от светских, а от монашествующих: сие пишу в Вашу и его предосторожность, ибо я сам не только по слухам, но и на самом деле весьма худ. На вопрос Ваш о Митрополите Григории[1] скажу Вам, что он самый благочестивый и благонамеренный Пастырь, 74-х лет, но силами крепок, избрал себе весьма хорошего Викария Агафангела, который в мою бытность в Бабаевском Монастыре был Ректором Костромской Семинарии. На вопрос Ваш о Обер-Прокуроре также скажу, что он весьма благонамерен и к Церкви весьма расположен, почему и ожидают от него всего доброго, особенно когда он попривыкнет к делам. И у нас в монастыре имеется новость: бывший мой Наместник Иларион произведен во Игумена Владимирской Епархии

в третьеклассный Юрьевский Монастырь; на место его сделан наместником по моему представлению иеромонах Игнатий из фамилии купцов Макаровых[2].

О. Михаил и прочие братия свидетельствуют Вам свое почтение. О. Алимпию приношу мой усерднейший поклон, поздравление с праздником и благодарность за его о мне воспоминание.

Поручая себя Вашим Святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

1857-го года, 13 апреля

[1] Григорий (Г. П. Постников; 1784–1860) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский в 1856–1860 гг.

[2] Речь идет об отце Игнатии (Малышеве).

№ 55

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший Отец Игумен Варфоломей!

С 2-го на 3-е число сего августа месяца Преосвященный Нил ночевал в Сергиевой Пустыне. Во исполнение моего обещания я говорил ему о Вас; он отвечал мне, что он Вас уважает и знает за доброго человека. Следовательно, Архипастырь Ваш расположен к Вам, а мелких неприятностей с кем не случается.

Поручая себя Вашим Святым молитвам, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

3-го августа, 1857-го года

Сергиева Пустыня

№ 56

†

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший Отец Игумен Варфоломей!

Получив от Вас письмо и прочитав оное, я долго не мог поверить — точно ли Вы решились на тот поступок, который описан в письме. Неизъяснимою горестию исполнилось сердце мое,

увидев, что Вы начали процесс и тяжбу с Вашим Архипастырем. — Впрочем, я был у Преосвященного Нила и просил его, чтоб он растворил милостию ту меру вразумления, которую Вы сделали сами для себя необходимою. Советую Вам написать письмо к Высокопреосвященнейшему и просить прощения в Вашем увлечении.

Вот все, что я мог сделать полезного для Вас в настоящем случае. А теперь прошу Ваших молитв о отходящем из северной столицы в страну дальнюю.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
30-е октября [1857]

№ 57

†

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Бог, по неизреченной Своей милости и человеколюбию, даровал мне тихий приют для окончания в нем земного странствования моего во внимании себе и в покаянии. Вследствие моего всеподданнейшего письма к Государю я уволен от управления Епархиею, и мне предоставлен в управление Бабаевский монастырь. В этом отношении я нуждаюсь в совете Вашем: почему, когда узнаете, что я приехал в Обитель Святителя Николая, тогда не откажитесь оказать мне просимую услугу любви и поспешите посетить меня.

Призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
22 августа 1861 года

№ 58

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам искреннейшую признательность за воспоминание Ваше о мне и поздравление с Праздником Праздников — Светлым Воскресением Христовым, с которым равномерно

поздравляя Вас, желаю Вам всех истинных и совершенных благ.

По неисповедимым судьбам Божиим, во очищение грехов и греховности своей, я продолжаю чувствовать и болезнь и крайнее изнеможение. Слава Богу, наказующему во времени. Прошу Ваших Святых молитв, да даруется мне переносить наказание Господне с должною покорностию и с должным благодарением.

Прошу передать о. Алимпию мое благословение и благодарность за воспоминание. О. Иустин свидетельствует Вашему Высокопреподобию свое почтение и приносит поздравление с праздником.

С чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.

23 апреля 1862 года

Мой адрес: в Ярославль.

Приложение к разделу

«Игумен Югской Дорофеевой пустыни Варфоломей»

Письма монашествующих Площанской Богородицкой Казанской пустыни к святителю Игнатию[1]

1. Письмо казначея пустыни иеромонаха Илария

Ваше Высокопреподобие!

Почтенный Отец Архимандрит Игнатий!

Имея верную оказию доставить вам убогие строки мои и случай изустно уведомить о святой обители нашей,— я спешу, во-первых, принести искреннее мое поздравление, с коим молю Всещедрого Бога нашего да укрепит и поддержит вас десница Его на степени занимаемой Вами, и с каждым днем да произращает в сердце вашем любовь к вере, и да соделает вас достойным защитником Православной Церкви нашей; во что истинно верую, ибо сердце царево в руце Божией! Господь вас избрав повелел — и царь соделал! Нам же тем радостнее видеть в Вас

избранника Божия, что вы начало полагали в смиренной обители нашей, что можно сказать, из среды братства нашего возжег Господь светильник. Если вы помните бывшего при вас строителя отца Маркеллина, то за обязанность считаю уведомить, что он после продолжительной болезни волею Божиею умре, — должность же строителя исправляю я многогрешный, о коем также прошу не оставить в молитвах своих. Отец Макарий Иванов перешел в Калужскую Епархию к отцу Леониду, остальная братия свидетельствует почтение свое и молитв святых просят. Вот все, что мы имеем замечательного после вашего отбытия. Отец Архимандрит! Я покорнейше прошу и уверен, что вы не лишите меня ответа своего; брат же, доставивший письмо сие, есть Николай Петрович Демутье, служивший во флоте, а начало положил в нашей обители; по неимению же штата отходит от нас, которого покорно прошу не оставлять вашим расположением по делу нашему советом и пособием; дело же состоит в прибавке штата, который как и при вас был, если вы помните, и теперь состоит до тридцати пяти; на что трудили и Владыку нашего; но не предвидится, чтобы Преосвященный снисшел на просьбу нашу! А потому братия расходится, и есть ли еще продлится таковое положение наше, то обитель по времени запустеть должна. Вот скорбь наша! При возможности не откажитесь подвигнуться на столь благое дело, и тем более мы убеждаем вас помочь нам, что вы, зная обитель, можете судить, имеются ли какие средства с семью человеками поддерживать ее в таком цветущем состоянии, в коем более двух веков стояла и давала убежище притекающим ко Господу.

Ласкаясь надеждою в добром вашем расположении и мире к обители святой

С истинным почитанием имею честь пребыть Вашего Высокопреподобия!

Покорнейший слуга и богомолец смиренный

Казначей Иеромонах Иларий.

Мая 13 дня 1834 года

Вот краткое описание пустыни и необходимость в прибавлении штата.

Богородицкая Площанская Пустынь состоит Орловской Епархии в Севском уезде. Она седми-братская: получает в милостыню 300 руб., но братии в ней бывает от 80 до 100 человек, из числа коих есть много старых и слабых, не могущих нести

никаких послушаний. Главнейшее основание Пустыни особеннейше утвердил в 1619 году великий Государь Михаил Федорович благословением в оную двух больших местных икон: Спасителя и Божия Матери Казанския, доныне в церкви существующих, а для продовольствия пожаловал землю, в окружности оной Пустыни, — пашенную, сенокосную и лесную 2647 десятин, как то по записям значится. Внутри Пустыни выстроены 4 каменные церкви, крытые железом и украшенные надлежащим благолепием, братская каменная трапеза с келлиями и с выходом, два корпуса каменных келлий, один одноэтажный на 16 келлий, другой двухэтажный на 40 келлий, покрытый железом. Вне Пустыни — гостиный, конный и скотный дворы и в разных местах 2 мельницы. Каковое благоустройство Пустыни необходимо требует довольного количества людей, живущих в оной приукаженных, способных к исполнению разных и многих послушаний, а без прибавления штата она может прийти в беспорядок и разорение.

Почему мы, поколику братия могут продовольствоваться от доброхотных дателей и от земленных и мельничных выгод, не прося на содержание оной прибавления денежной штатной суммы, в прошлом 1832 году месяца августа, в таковом же смысле, просили своего Архипастыря представить Святейшему Синоду о прибавлении штата к 7-ми 23-х и 5-ти больничных человек, итого штат составит 35 человек монашествующих. По которому нашему прошению, в силу резолюции Его Преосвященства, Консистория давно уже справки кончила, но дело в Святейший Синод еще не послано.

Казначей иеромонах Иларий с братиею.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 4.

2. Письма строителя пустыни иеромонаха Анатолия

№ 1

Ваше Высокопреподобие

Отец Архимандрит!

Из почтеннейшего письма Вашего ко мне усматривается особенное Ваше благоволение к обители Площанской, за которое я от лица своего и всей братии обители моей приношу сим Вам чувствительнейшую благодарность; представление от Преосвященного нашего в Святейший Синод послано 1-го числа сего

месяца, предмет коего тот самый, который занимает Ваше ходатайство у начальства в отношении обители сей.

В надежде на уверение Ваше по сему случаю, сообщая Вам об оном, покорнейше прошу не отвергнуть моего с братиею желания о благоустройстве обители Площанской, которая навсегда оставит у себя благодетельное имя Ваше и будет воссылать ко Всевышнему о Вас усердные молитвы.

Затем пребывая к Вам с моим высокопочитанием и душевною преданностию, честь имею быть

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

Строитель иеромонах Анатолий.

Июня дня
1835 года

№ 2

Ваше Высокопреподобие
Высокопочтеннейший Батюшка
Отец Архимандрит Игнатий!

Всегда памятуя милостивое ваше благодеяние, первым долгом почитаю поздравить с высокоторжественным праздником всерадостным Рождеством Господа нашего Иисуса Христа, и праздновать оный с сердечным утешением желаю, и по милосердию Его все благоприятное полезное в жизни вашей получить, и усерднейше прошу святых Ваших молитв и благословения. — Обязанностию поставляю и уверен в вашем великодушии, и в надежде отеческого благорасположения смею беспокоить: небезызвестно вам, что мы утруждали прошением высшее начальство о прибавлении штата обители нашей, но благоугодно было Святейшему Синоду дать знать: по замещении недостающих пятнадцати человек монашествующих сказано во указе, чтобы вторично взойти прошением, если нужно будет. Но как на недостающее число замещены и теперь в немалом затруднении находимся: штат имеется на семь человек, по необходимости в другие монастыри, постригаться многие благонадежные послушники опасаются, ибо и штата малого избегают, посему достойных людей лишаемся. <...>

Посему и осмеливаюсь нижайше просить вашего благоразумного совета, можно ли будет вторично беспокоить Святейший Синод, и если милость ваша будет и незатруднительно для вас, наичувствительно смею просить достовернее узнать и настав-

лением вашим меня вразумить. И еще свое мнение позвольте предложить, не нужно ли из монашествующих от обители кого послать в С.-Петербург, как вы соизволите усмотреть. И во ожидании милостивого вашего уведомления; чем в старости моей много утешите, кои ваши великие благодеяния для меня с братией вечно будут незабвенны и отеческим благоустройством вы виновниками будете святой обители, которая навсегда будет воссылать ко Всевышнему Богу и к покровительнице Пречистой Богородице о вас усердные молитвы, и я навсегда пребуду к вам с должным нижайшим высокопочитанием и сердечною любовию

Вашего Высокопреподобия честь имею быть смиренным богомольцем

Строитель иеромонах Анатолий.

Декабря 17 дня
1836 года
Богородицкая Площанская пустынь

№ 3

Молитвами Святых Отец наших, Господе Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший Отец архимандрит!

Возлюбленный о врученной мне обители попечитель!

О. Игнатий!

Осчастливлен будучи благоприятным писанием вашим, посланным ко мне недостойному от 15 декабря 1836 года, которое, получа, читал с великою радостию, особенно сие:

Что ныне время Благоприятное к исполнению общего нашего по обители желания, о прибавлении штата, Ей тако! Ваше Высокопреподобие! Вам поручает Матерь Божия обитель сию, иметь ходатайство. Впрочем, и со стороны нашей — если что может воспоследовать к успеху, мы не отречемся всеми силами заслуживать и вам толикому Благотворителю во всей точности. А наконец я — о получении оного приятного известия, от руки Вашего Высокопреподобия писанного, — нимало не медля отправляюсь к **Его Преосвященству** с сим писанием, и что последует, то не умедлю вам описать, питая себя тою надеждою, что теперь меньше трудности к продолжению сего предмета.

И так припадая к стопам Вашего Высокопреподобия, имея и Помощницу и Ходатаицу врученной мне обители Заступницу усердную, чем могу довольно заслужить вам, разве что навсегда будет известно и в роды родов имя и ходатайство ваше!

С покорностию, во всем Вашему Высокопреподобию есмь и пребуду навсегда с братиею многопочитающий вас усердный богомолец Богородицкой

Площанской пустыни

Строитель иеромонах Анатолий.

30 декабря
1836 года

№ 4

Высокопреподобнейший батюшка

Отец Игнатий!

Приношу мою от души и сердца Вашему Высокопреподобию от лица и до земли благодарение за вашу ко мне убогому любовь и усердие, чтобы меня помнить, и прошу не забывать меня грешного в молитвах ваших святых, а я недостойный осмеливаюсь вас поздравить с наступающим торжественным праздником, и дай Бог вам проводить в душевном спасении и радости, и мне того же пожелайте, а я всегда об вас в недостойных моих молитвах по силам моим не оставляю и навсегда пребуду ваш богомолец,

грешный Вассиан

Апреля 10, 1837 года

Отцу Евангелу от меня усерднейшее почтение.

И от меня, пустынножителя, Вашему Высокопреподобию всепочтеннейшее почитание.

Иеромонах Анатолий.

№ 5

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший нам убогим и обители нашей Благодетель!

Отец Архимандрит! Отец Игнатий!

Благосостояние и польза нашей обители, содеянные посредством превознесенной особы Вашей, в прибавлении оной штата, породили в нас дерзновение к возблагодарению, коими до

избытка будучи преисполнены, воскипев паче меры пред незабвенным нашим покровителем. — Благоговея, во-первых, прославляя величие Божие и заступление Пречистой Его Матери, преблагословенной Владычицы, повергая общебратственно вам себя долу, в восторге сие наше смирение, которое происходит от чувствования сердечного, а не от каких-либо умствований и льстивых речений. — По получении только неожиданной радости мы с братиею, совершив бдение с благодарением Господу Богу и Заступнице усердной, прославляем и впредь будем прославлять Его милосердие. В таковых чувствованиях пребывая, и пребудем с благодарением навсегда и пред Вашим Высокопреподобием, и с желанием Вам благоденствия, здравия и всех благ о Христе Боже, не токмо в сей, но и в будущей жизни.

Вашего Высокопреподобия! Милостивейшего Отца! Всенижайшие послушники!

Орловской епархии в Севском уезде, Площанской Пустыни — Настоятель с братиею.

Строитель иеромонах Анатолий.
3 июня 1838 года

3. Письмо послушника пустыни Николая Чистякова

Ваше Высокопреподобие
Всемилостивейший Благодетель.
Отец Архимандрит.

Ваше Высокопреподобие, в письме к особе много уважаемой мною позволили удостоить меня весьма лестного отзыва, почему по совету той же особы беру смелость утруждать вас просьбою о принятии меня под покровительство Ваше. Решившись данные мне от Бога способности посвятить служению Церкви в звании монашеском, ныне прошу Вас удостоить меня принять в братство, окормляемое личным управлением вашим, в нем готов я употребить все мое старание, чтобы по указаниям вашим стараться к снисканию спасения вечного, единственной цели существования моего. — Изъяснив таким образом чувствования мои, обязанностию считаю доложить Вашему Высокопреподобию, что в вашем письме относительно меня упомянуто о регентстве, но я хотя нотное пение и знаю, но собственно регентом не бывал.

В заключение сего письма, предоставляя способ перевода моего из здешней обители благоусмотрению и силе влияния

Вашего, повторяю мою просьбу удостоить меня покровительства и молитв ваших святых, причем с глубочайшим почитанием и неограниченною преданностию имею счастие именовать себя

Вашего Высокопреподобия нижайший послушник

Николай Чистяков.
21 февраля 1844 года
Площанская пустынь

4. Письмо Никодима, епископа Орловского, к святителю Игнатию[1]

Ваше Высокопреподобие! Милостивый Государь!

Почтеннейшее и приятнейшее для меня письмо Ваше от 26-го Генваря 1838 года я получил 7-го числа минувшего февраля и замедлил отвечать Вам на оное, в чем прошу Вас великодушно извинить меня. Приношу Вашему Высокопреподобию душевную благодарность мою за принятое Вами ходатайство о прибавлении штатного числа монашествующих в известной Вам Богородицкой Площанской пустыне; благоволите чрез Ваше посредство начатое привесть к благополучному окончанию.

Обитель истинно прекрасная и благоустроенная. Я когда бываю в ней, всегда оною восхищаюсь.

За сим позвольте мне, Ваше Высокопреподобие, поздравить с приближающимся всерадостным праздников праздником светлого и живоносного Воскресения Христова и сердечно пожелать Вам вполне насладиться нетленными плодами оного. Позвольте еще надеяться продолжения Вашего благорасположения ко мне и в потребном случае адресоваться к Вам, чем обяжете меня быть навсегда пред Вами признательным и благодарным.

Поручая себя Вашим благоприятным молитвам с истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия Милостивого Государя

Покорнейший слуга и богомолец

Никодим, Епископ Орловский.
19 марта 1838 года
Орел

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 9.

IV

Сергей Исаков

Игумен Антоний (Бочков). Жизнь и творчество

В истории русской духовной культуры XIX в. еще много неизученного. Порою незаслуженно забыты деятели, оставившие свой след в духовной жизни русского общества того времени. К их числу относится и игумен Антоний (в миру Алексей Поликарпович Бочков; 14 марта 1803, Санкт-Петербург[1] — 5 апреля 1872, Москва), религиозный мыслитель и поэт, деятель Церкви, интереснейшая личность с любопытной неординарной судьбой.

Биография и творчество А. П. Бочкова до сих пор не были предметом специальных разысканий, немногочисленные краткие обзоры его жизненного пути полны «белых пятен», загадок[2]. В какой-то мере исследованы (главным образом автором этих строк) лишь ранние произведения Бочкова середины 1820-х гг.[3], но совершенно не изучено его позднее творчество 1850–1860-х гг., большей частью не опубликованное. Оно дошло до нас далеко не полностью; известно, к примеру, что «Записки» и дневники Бочкова то ли затерялись после его смерти, то

[1] Свидетельство, выданное Троице-Сергиевым монастырем А. П. Бочкову для поступления в монахи и метрическая выпись // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2. || [2] Первый биографический очерк А. П. Бочкова появился в 1874 г. в качестве предисловия к его книге «Русские поклонники в Иерусалиме» («Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (далее — *ЧОИДР*). 1874. Кн. 4. С. I–VIII) и принадлежал хорошему знакомому о. Антония, послушнику Николо-Угрешского монастыря Д. Д. Благово (впоследствии архим. Пимен; 1827–1897), скрывшемуся под астронимом * * *. Хотя автор очерка имел возможность воспользоваться утерянным позже дневником Бочкова и его монашеским послужным списком, тем не менее в его труде много ошибок и неточностей, которые мы можем выявить лишь при сопоставлении приводимых им данных с достоверными архивными или книжными источниками. Дополнительные биографические сведения о Бочкове можно найти в посвященных ему заметках А. А. Ивановского, А. А. Чумикова, кн. Н. С. Голицына, архим. Пимена (Мясникова) (библиографические данные их приведены в последующих примечаниях). К сожалению, они не освещают всех этапов жизни Бочкова, к тому же многие из этих сведений противоречат друг другу. Последний краткий биографический очерк А. И. Рейтблата (Русские писатели, 1800–1917: Биографич. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 322–323) тоже не лишен неточностей, не говоря уже о вполне объяснимой и извинительной в данном случае неполноте материала. || [3] См.: *Исаков С. Г.* О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х годов // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1960. Вып. 98. С. 158–170. См. также: Русская повесть XIX века. Л., 1973. С. 112, 117, 118, 131.

ли были уничтожены[1]. Многие стихи его известны нам только по упоминаниям в его переписке[2]. Тем не менее довольно много его произведений 1850–1860-х гг. сохранились в архивах[3], и по ним можно составить представление о позднем творчестве игумена Антония.

* * *

А. П. Бочков родился в Петербурге, в семье богатого купца, владельца знаменитых Бочковских бань, приносивших семье большой доход. Отец Алексея Поликарповича рано умер, и воспитанием его занимался дед, который постарался дать внуку хорошее образование. Он учился в одном из лучших иностранных пансионов в столице, где основательно выучил французский и немного научился немецкому и английскому языкам. Бочков уже в юные годы был прекрасно начитан, «превосходно рисовал... и имел дар весьма легко сочинять стихи»[4]. Талант художника, любовь к рисованию он сохранил до конца жизни: в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в Российском государственном историческом архиве в Петербурге хранятся папки с его рисунками[5]; рисунки пером или карандашом часто встречаются и в письмах Бочкова. Пробуждению же литературных интересов юноши способствовало и то, что в их доме проживала поэтесса Анна Петровна Бунина, с которой Бочков был знаком[6].

В 1822 или 1823 г. Бочков женился на дочери известного петербургского сахарозаводчика П. И. Пономарева, Анне

[1] О «Записках» о. Антония см.: *Чумиков А. А.* Алексей Поликарпович Бочков, в монашестве о. Антоний // Русская старина. 1889. № 2. С. 380. || [2] Прежде всего по письмам к монахине Марии (Елизавете Никитичне Шаховой), см.: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург) (далее – ИРЛИ). Сигн. 3589. 183 л. || [3] См.: Стихотворения о. Антония Бочкова // ИРЛИ. Сигн. 3577. 102 л.; Стихотворения игумена Антония // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. 113 л. || [4] *ЧОИДР*. 1874. Кн. 4. С. II. || [5] ИРЛИ. Сигн. 3582 (8 рисунков, главным образом с видами Череменецкого монастыря); РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 14 (16 рисунков, также в основном с видами Череменецкого монастыря). || [5] Письмо к монахине Марии (Шаховой) от 26 января 1864 г. ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 93об.; «...И дружба сохранит немногие листки»: (Письма игумена Антония (Бочкова) к монахине Марии (Шаховой)). Ч. I: 1862–1864 гг. Публ. Е. М. Аксененко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы / Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2009. С. 313–433 (далее – Письма игумена Антония). С. 331. || [6] Бунина Анна Петровна (1774–1829) – поэт, переводчица; из древнего дворянского рода, к которому принадлежал И. А. Бунин.

Прокопьевне (1805–1827). Родственные связи способствовали тому, что живо интересовавшийся словесностью молодой человек вошел в круг столичных литераторов, близких к А. Е. Измайлову, издателю журнала «Благонамеренный» (Измайлов входил в кружок С. Д. Пономаревой)[1]. Впрочем, литературные симпатии и антипатии Бочкова середины 1820-х гг. не во всем совпадают с воззрениями круга Измайлова. Бочков в эти годы идейно близок к декабристам. Он в восторге от произведений К. Ф. Рылеева и А. С. Пушкина, хранит у себя их запрещенные стихи[2]. Уже после восстания 14 декабря 1825 г. он через своего друга А. А. Ивановского, чиновника Следственной комиссии по делу декабристов, которому удалось изъять из бумаг комиссии художественные произведения и письма арестованных участников восстания, знакомится с ними[3].

Известно пять писем Бочкова к Ивановскому[4], который позже, в 1828 г., познакомил его с Пушкиным[5]. Эти письма поражают не только великолепным знанием их автором тогдашней русской словесности, тонкими и умными наблюдениями над ее явлениями, но не в меньшей мере горячим сочувствием делу декабристов, духом свободолюбия. «Письма Бестужева, мой любезный друг, — писал Бочков, — я читал почти со слезами. Мысль, что он погиб навсегда для нас и что эта потеря не скоро вознаградится, убивала меня. Его заслуги важны для нашей словесности... Бестужев первый привел их (молодых писателей. — *С. И.*) к одному алтарю, показал им благороднейшую цель: славу России, — и средство: пламенную любовь к родине и знание старины. Но “Полярная звезда” скоро закатилась. Бестужевы, Рылеев, Корнилович, Кюхельбекер — сколько надежд погибло!.. Бедные наши писатели! Как немилосердно клюет вас цензура. Святая наша инквизиция!»[6]

Письма Бочкова показывают, насколько вошли в сознание людей той эпохи литературные воззрения декабристов, нашед-

---

[1] Об этом кружке см.: *Вацуро В. Э.* Из истории литературного быта Пушкинской поры. М., 1989. ‖ [2] См.: *Бочков А. П.* Знакомый незнакомец, или Слова, сказанные кстати и некстати: Истинный анекдот // ИРЛИ. Ф. 3577. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 3–4об., 10об. ‖ [3] См. об этом: *Зильберштейн И. С.* [Комментарии] // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 57. ‖ [4] Четыре письма опубликованы в «Русской старине» («Русская старина». 1889. № 7. С. 113–125), одно — в «Литературном наследстве» (Т. 58. С. 53–57). ‖ [5] См. об этом: *Ивановский А. А.* Александр Сергеевич Пушкин. 21-го и 23-го апреля 1828 г. // Русская старина. 1874. № 2. С. 399. ‖ [6] Там же. 1889. № 7. С. 113.

шие выражение в статьях А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера и К. Ф. Рылеева. Бочков вслед за декабристами упрекает Карамзина, Жуковского и даже Пушкина в подражательности, в следовании иноземным образцам; величайшей заслугой писателей-декабристов он считает утверждение ими самобытной оригинальной русской литературы. Бочков выражает опасение, как бы после гибели декабристов литература не вернулась на путь подражательности. В соответствии со взглядами декабристов на комедию Грибоедова он не соглашается с известными замечаниями Пушкина в адрес «Горя от ума», хотя в то же время целиком солидарен с Пушкиным и опять же с декабристами в высокой оценке Крылова, которого пытается принизить Вяземский, превыше всего ставящий И. И. Дмитриева[1]. Кстати, высокую оценку «Горя от ума» и восторженное отношение к Грибоедову Бочков сохранил до конца своей жизни[2].

И проза Бочкова 1820-х гг., в которой он обращается к популярной в русской литературе тех лет ливонской теме, в сущности представляет собой подражание произведениям декабриста А. А. Бестужева-Марлинского. Это романтические повести «Монастырь св. Бригитты» и «Красный яхонт», опубликованные под криптонимом *Л. С.* в альманахе А. Е. Измайлова и П. Л. Яковлева «Календарь муз на 1827 год», путевые очерки «Письма из Ревеля» (Благонамеренный. 1826. Ч. 33) и «Екатеринентальский сад и церковь св. Николая в Ревеле» («Календарь муз на 1826 год»), напечатанные анонимно. Эти произведения и принесли Бочкову известность в литературных кругах[3].

Бочков явно следует за повестью Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке» (1823) и в своей сентиментально-романтической повести «Нарвская станция» (1827), оставшейся в рукописи[4]. Она относится к другой разновидности тогдашней русской повествовательной прозы — к жанру светской галантной повести. Можно говорить о формирующемся романтическом психологизме в повестях Бестужева и Бочкова, причем на их произведениях лежит столь характерный для романтизма налет лиризма, особого «настроения». Их повести

[1] Литературное наследство. Т. 58. С. 53–57. ‖ [2] См. письмо к монахине Марии (Шаховой) от 8 апреля 1864 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1об.). См. также другое письмо, относящееся к 1860-м гг. (Там же. Сигн. 3577. Л. 79об.). ‖ [3] См.: *Исаков С. Г.* О ливонской теме... С. 163–170. ‖ [4] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1–22об.

утверждают свободу чувства, величие любви и исполнены у Бестужева несколько более сильной, у Бочкова менее заметной критики большого света, надменности, бессердечности, а иногда и аморальности его представителей. Никакими особенными художественными достоинствами эта повесть Бочкова не обладает, но вместе с тем и не опускается ниже среднего уровня образцов русской повествовательной прозы тех лет.

Хотя Бочков печатался мало, да и то, что он напечатал, появилось анонимно или же под криптонимами *А. Б.*, *Л. С.* и *Л. Л.*, тем не менее в памяти современников он запечатлелся как удивительно талантливый и интересный человек. Ивановский, характеризуя примечательного молодого человека, писал: «Лучшая образованность и все возможные таланты: музыка, живопись, глубокий и многосторонний взгляд, увлекательный дар слова, редкая способность легко владеть возвышенным пером и в прозе, и в стихах; добрая, строго честная и высокая душа, лучший друг и родной, прекрасная наружность, умное, кроткое и привлекательное выражение глаз и лица; изящный тон и манеры и вместе с тем всегда щегольская одежда, радушное гостеприимство, независимое состояние — все, что так щедро было соединено в нем природою и фортуною»[1]. Ивановскому вторит Е. В. Аладьин, характеризуя Бочкова как человека, «пользовавшегося любовью и уважением своих сограждан — достойного любви и уважения добросовестных русских литераторов»[2]. В уже упомянутом очерке «Знакомый незнакомец» (1824), рассказывая историю знакомства автора с Ивановским, Бочков шутливо заявлял о себе: «Я, который сам писал в стихах и прозе и которого сочинения, в особенности письма, были читаны с восторгом; я, которого некоторые благомыслящие писатели сравнивали с Дельвигом, не последним стихотворцем своего времени»[3]. Более критически и сурово оценивал Бочкова А. А. Чумиков[4].

И вот наступило николаевское царствование, и для людей типа Бочкова оказались закрытыми пути к общественной да в какой-то мере и к литературной деятельности. Он, как и многие его современники, тяжело переживает изменения в обществе. К тому же Бочкову пришлось перенести страшный удар и в личной жизни — в 1827 г. умирает его горячо любимая

---

[1] Русская старина. 1874. № 2. С. 395. || [2] Православное Волковское кладбище. СПб., 1847. С. 29. || [3] ИРЛИ. Ф. 3577. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 2. || [4] *Чумиков А. А.* А. П. Бочков // Русская старина. 1874. № 3. С. 566.

жена. «Он долго грустил, был душевно болен и перенес и телесную тяжкую болезнь: нервную горячку... “Мне казалось, — рассказывал он впоследствии одному из своих знакомых, — что мои ноги вытягиваются как эластик и могут обвиваться, подобно веревке, около ножки стола”. Во время своего выздоровления он произнес мысленно обет, что ежели он совершенно выздоровеет, то пойдет в монашество»[1]. Но Бочков не сразу осуществил свой обет.

Служба его не устраивала, и он, как пишет Чумиков, «дабы не быть привлеченным к службе в столице, приписался к ревельскому купечеству, русская часть которого в то время не участвовала в городском управлении»[2]. Сначала Бочков, видимо, погрузился, как и некоторые его современники, в изучение философии, но, «прочитав все, что можно прочитать на французском языке, он охладел ко многим системам и умствованиям человеческим»[3]. Наступил период ипохондрии и разочарования во всем. Чумиков, настроенный не слишком благожелательно к Бочкову, замечает, что тот в Ревеле начала 1830-х гг. казался «скучающим», «не знающим, куда девать свою особу»[4]. Тогда, опять же, как и люди той поры, не находившие разрешения мучившим их вопросам жизни и бытия, Бочков обращается к религии, к христианству. Позже он сам так характеризовал сложный процесс своего духовного развития: «Борьба с врагом мысленным почти с самого раннего развития мысли; потом своевольство этой мысли и отступление ее от христианства; страшные борьбы и скорби, возвращение всею душою в лоно Церкви»[5].

Бочков, оставив малолетнего сына тестю[6], решает удалиться в монастырь. Однако его представления об истинном монашестве находились в явном противоречии с реальной практикой тогдашней монастырской жизни в России. «Ему, вследствие его слишком идеальных понятий о монашеской жизни, никак не уда-

[1] *ЧОИДР*. 1874. Кн. 4. С. III. ‖ [2] Русская старина. 1889. № 2. С. 378. ‖ [3] *Ивановский А. А.* Александр Сергеевич Пушкин. С. 395. ‖ [4] Русская Старина. 1889. № 2. С. 378. ‖ [5] Письмо к монахине Марии от 31 мая — 1 июня 1867 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 8. ‖ [6] Судьба единственного сына, Петра, еще одна трагическая страница в жизни Бочкова, за которую его осуждали некоторые из современников, в частности Чумиков. Петр Бочков, оставленный на попечении тестя, материально прекрасно обеспеченный, стал вести беспутную жизнь, транжирить деньги в Париже, позже тяжело заболел и умер после 8-летних тяжких страданий (см. письмо Бочкова к монахине Марии от 25 февраля 1869 г. — ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 14).

валось открыть для постоянного пребывания такой монастырь, который бы вполне удовлетворял его желаниям, и... по этой причине он перебывал в нескольких (вернее было бы сказать — во многих. — *С. И.*) монастырях», — писал А. А. Чумиков[1]. На это указывают и другие современники. «Долго присматривался он к монашеской жизни и к монастырскому строю, живя то в той, то в другой обители, но никуда еще не вступая, а пребывая везде как гость и богомолец. Он искренно любил монашество и составил себе о нем понятие по сказанию древних подвижников, а потому и не находил нигде осуществления созданного его мыслию первообраза»[2].

Эти обстоятельства нашли выражение в дневнике Бочкова: «Восстановление монашества, благолепия церковного и внутренних светильников — вот что бы видеть хотел я до кончины моей: мантиями покрытых ангелов и таинства неба в дольних храмах! Утреню тихую, молитвенную и полудень светлый, св<ятую> Литургию и вечер церковный, покаянный, умиленный, не грешный. И паки исшествие на глас Жениха, и паки уготовление ко гробу. Как вещественные занятия и попечения о теле отторгают человека от храмов Божиих! Нельзя ли и самое малое дело освятить молитвою, молчанием, умным деланием? Об этом пеклись преподобные отцы наши. За молитвы их, Господи, помилуй, вразуми, исправи и спаси мя, грешного!»[3]

Нет ничего удивительного, что странствия Бочкова по монастырям продолжались и после того, как он уже встал на стезю монашества. Когда же Бочков встал на эту стезю? Первый его биограф утверждал, что такие «хождения» по монастырям начались с 1828 г.[4]. Эта дата вызывает некоторые сомнения. Ведь сам Бочков обычно указывал на середину 1830-х гг., когда он порвал с мирской жизнью, перестал писать стихи и даже читать журналы[5]. Но, возможно, и до этого он посещал какие-то монастыри в поисках душевного успокоения.

Окончательно же Бочков вступил на монастырскую стезю в 1837 г., когда стал послушником Троице-Сергиевой пустыни близ Петергофа, где настоятелем в то время был архимандрит Игнатий (Брянчанинов; 1807–1867)[6]. Именно его Бочков счи-

---

[1] Русская старина. 1889. № 2. С. 378. || [2] *ЧОИДР*. 1874. Кн. 4. С. III. || [3] Там же. С. III–IV. || [4] *ЧОИДР*. 1874. Кн. 4. С. III. || [5] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1об. Ср.: Там же. Сигн. 3577. Л. 79об. || [6] См. о нем: *Здравомыслов К.* Игнатий // Православная богословская энциклопедия. СПб., 1904. Т. 5. С. 797–799.

тал своим «духовным отцом и первым наставником в монашеской жизни»[1]. Рассказав в одном письме о блужданиях своего духа, Бочков отмечал: «И потом как конфирмация после кровавосердечного крещения, как помазание Святого Духа — знакомство с Преосвященным Игнатием и св. отцами, до того мне вовсе неизвестными»[2]. История взаимоотношений Антония с Игнатием Брянчаниновым, с которым он позже долго находился в переписке, — это увлекательнейшая история многолетнего общения двух оригинальных личностей. Бочков чрезвычайно высоко ценил богословские и аскетические труды о. Игнатия, считал его лучшим духовным писателем современности, но вместе с тем не принимал некоторые черты его личности и упрекал за неумение и, как ему казалось, нежелание навести порядок в управляемом монастыре[3].

В свое время епископ Игнатий начинал свой монашеский путь как ученик знаменитого оптинского старца Леонида, сопровождая своего наставника в странствиях из Александро-Свирского монастыря в Площанскую, а затем в Оптину Пустынь[4]. В своих богословских трудах, в частности в знаменитых «Аскетических опытах», он весьма высоко отзывался об оптинских старцах Леониде и Макарии, ставя их в пример истинного монашеского жития[5].

Можно предполагать, что именно о. Игнатий привлек внимание Бочкова к Оптиной Пустыни и ее старцам. В «Летописи скита Оптиной Пустыни» под 1838 г. сказано: «В июне месяце 14-го числа прибыл в скит из С.-Петербургской Сергиевой первоклассной пустыни проездом из Киева рясофорный монах Алексей Поликарпович Бочков. <...> Расположился духом к скитской жизни и, съездивши в С.-П<етербург>, жил в скиту при келлии скитского начальника иеромонаха Антония. Весною 1839-го года перешел по своему желанию в обитель и трудился в послушаниях обще с братиею; а в июне того же 1839 поехал в Калужскую

[1] См. письмо иеромонаха Антония (Бочкова) к Новгородскому и Петербургскому Митрополиту Исидору от 13 марта 1861 г. // ПСТ. Т. 4. С. 529. || [2] Письмо к монахине Марии от 31 мая — 1 июня 1867 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 8. || [3] Черновик письма к неустановленному лицу (1860-е гг.) // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 78–79. См. также: ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 8–11об. || [4] См.: *А. Г.* Предисловие // Письма Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского, к Антонию Бочкову, Игумену Черменецкому. М., 1875. С. II–III; Домашняя беседа. 1867. № 24. С. 661–663. || [5] *Игнатий Брянчанинов, еп.* Сочинения. СПб., 1865. Т. 1: Аскетические опыты. С. 535–536, 542–543, 545.

Тихонову пустынь с старцем иеросхимонахом Львом[1], в которой и остался на жительство; но вскоре и оттуда выбыл в другую обитель в Северной России»[2].

В Оптиной Пустыни Бочков стал учеником о. Леонида. В какую именно северорусскую обитель отправился Бочков из Тихоновой пустыни, о которой он, между прочим, всегда отзывался высоко, ставя ее не ниже Оптиной[3], неизвестно. По крайней мере, с 5 сентября 1840-го по 27 февраля 1841 г. Бочков вновь проживал в Троице-Сергиевой пустыни[4]. Имеется не очень ясное свидетельство о том, что зимой 1841 г. он опять побывал в Оптиной (см. сообщение в его воспоминаниях об о. Леониде, что зимой 1841 г. он уехал из Козельска, близ которого, как известно, расположена Пустынь)[5]. Однако это посещение «Скитской летописью» не отмечено. Вообще же в эти годы Бочков посещал многие монастыри, но наибольшее значение для него, без сомнения, имело пребывание у о. Леонида в Оптиной Пустыни.

О. Леонид, как и его наставник о. Феодор и другой его собрат по монашеству, о. Клеопа, остались на всю жизнь для Бочкова образцом и примерами; он называл их великими старцами своего времени[6]. Причем, Бочков, по-видимому, стал одним из близких учеников о. Леонида. Он участвовал в утренних (фактически ночных) чтениях Евангелия в скиту у о. Леонида[7]. Старец ответил на 14 вопросов Бочкова; позже как вопросы, так и ответы на них о. Леонида были напечатаны[8]. Оптинский подвижник, шутя, называл Бочкова «последним римлянином», ведь он иногда высказывался в том духе, что мы переживаем последние

[1] К этому месту в «Летописи» сделано примечание: «Старец Лев (Леонид), по поступлении в Тихонову пустынь ученика его, иеромонаха Геронтия, строителем ежегодно посещал его с учениками для утверждения в духовных подвигах и, побыв около месяца, возвращался в Оптину». || [2] РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 32. || [3] См. его труд по истории монашества (без заглавия): РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 12. || [4] Свидетельство, выданное Троице-Сергиевым монастырем... // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1. || [5] [*Леонид (Кавелин), иером.*]. Историческое описание скита во имя св. Иоанна, Предтечи Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1862. С. 118. || [6] Послесловие к поэме «Живой плач» // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 98. || [7] [*Климент (Зедергольм), иером.*]. Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). М., 1876. С. 99. (По современным данным, автором этой книги был архим. Леонид (Кавелин), труд же иером. Климента впервые был издан уже посмертно: Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Одесса, 1890. — *Ред.*) || [8] Там же. С. 211–217.

времена монашества, которое падает из-за тех же причин, которыми доведена была до падения и Римская Империя, — из-за роскоши, изнеженности и человекоугодия[1]. К этим утверждениям Бочков неоднократно возвращался и позже.

После смерти о. Леонида Бочков взялся составить его жизнеописание. Не полагаясь на память, он тщательно собирал материалы об о. Леониде и, в частности, записал в Петербурге весьма интересные воспоминания архимандрита Иосифа о пребывании о. Леонида и о. Феодора на Валааме и в Александро-Свирском монастыре[2]. Эти сведения затем повторялись во всех биографических очерках о старце Леониде. Однако Бочков не довел свой труд до конца, хотя дважды принимался за него. Его записками позже воспользовались биограф старца Леонида иеромонах Климент (Зедергольм) и автор «Описания Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни» ученый монах Леонид (Кавелин). В их книгах приведены обширные отрывки из этих записок, в частности, описание кельи, учеников и окружения старца в скиту[3]. Записки Бочкова — своеобразный очерк личности и деяний оптинского подвижника. Судя по сохранившимся отрывкам, о. Леонид, его образ жизни, его речи произвели сильное впечатление на Бочкова и, вероятно, сыграли важнейшую роль в дальнейшей его судьбе. «Я скажу еще об одном особенном свойстве о. Леонида, — писал Бочков, — в его присутствии многие ощущали внутренний мир, успокоение сердечное и радость. Те помыслы, которые казались страшными, неодолимыми и непрестанно тревожили, исчезали при нем, как будто их никогда и не было. Это всего лучше известно монашествующим, страдавшим сими духовными болезнями, мало известными миру.

О. Леонид для многих был живая книга. Учил делом — что более всего действует на наши чувства и нас убеждает. Учил и словом — как понимать слово евангельское, как приводить его в исполнение и как врачевать им наши немощи»[4]. Во всем этом чувствуется нечто очень личное, пережитое и испытанное самим Бочковым.

---

[1] [*Климент (Зедергольм), иером.*]. Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). С. 101. || [2] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–14об.|| [3] См.: [*Климент (Зедергольм), иером.*]. Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида... С. I–II, 37–38 и др.; [*Леонид (Кавелин), иером.*]. Историческое описание скита во имя Иоанна, Предтечи Господня... С. 110–121. || [4] [*Леонид (Кавелин), иером.*]. Историческое описание скита во имя Иоанна, Предтечи Господня... С. 117.

О старце Леониде Бочков впоследствии неоднократно вспоминал и в своих письмах[1], и в сочинениях на духовные темы[2]. «Подобным быть» о. Леониду «было бы великою милостию Господа и Бога нашего», — признавался он монахине Марии в письме от 8 апреля 1864 г.[3]. Бочков посвятил оптинскому подвижнику стихотворение «Памяти отца Леонида» (другое название — «Плач на гробе отца»[4]), в котором создает яркий образ старца, рисует вполне достоверную картину его жизненной судьбы, его злоключений и преследований.

Сложивши иго тяжкого правленья,
Ты иго послушанья возложил;
Оставя явное богослуженье, —
Ты явно человечеству служил.
Я помню твои кроткие советы
И власть твою над сердцем и умом;
И как легко было давать обеты,
Когда ты был порукой пред Творцом.
И как легко тогда было спасенье,
Когда ты путь указывал детям:
Путь послушания, любви, терпенья —
Ты сам прошел по серным сим стезям.
Ты не носил личины фарисейства,
Открыт и прост и сердцем, и лицом;
Ты шутками учил твое семейство,
И дети были веселы с отцом[5].

Бочков и после кончины старца Леонида не раз бывал в Оптиной. Четыре месяца — с 11 июня по 11 октября — он прожил здесь в 1845 г., причем, как указывается в «Летописи скита Оптиной пустыни», «нарочито отложил выезд», несмотря на требование Архиепископа Полтавского Гедеона (Вишневского)[6]. Бочков вновь прибыл в скит Оптиной Пустыни 30 августа 1847 г., возвращаясь из Иерусалима. В начале сентября он вместе со старцем Макарием и монахом Петром

[1] См. письма к монахине Марии: ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1об., 110–110об. || [2] См. труд по истории монашества (без заглавия): РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 12, 15об. || [3] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1об.; *Письма игумена Антония*. С. 350. || [4] Под таким заглавием оно приведено в списке «Летописи скита Оптиной Пустыни за 1852–1860 гг.», где снабжено обширным предисловием в стихах и датировано 21 марта 1852 г. (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 19об.). || [5] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 110. || [6] РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 56об., 61. См. также: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4.

(Григоровым) навещает И. В. Киреевского в его имении Долбино близ Белева. И только 19 сентября, опять же вместе с о. Макарием, Бочков через Тихонову пустынь отправляется в Малоярославецкий монастырь[1], где в ту пору игуменом был о. Антоний, с которым иногда смешивали Бочкова, также нареченного в монашестве Антонием[2]. В Оптиной Бочков встретился с сосланным сюда за резкое обличение властей[3] валаамским игуменом Варлаамом[4].

К великим старцам своего времени Бочков относил и ученика старца Леонида Макария, с которым познакомился и близко сошелся в свои приезды в Оптину Пустынь. Именно ему Бочков прислал в 1852 г. только что цитированное стихотворение, посвященное о. Леониду[5]. Впоследствии он переписывался со старцем. Единственное опубликованное письмо о. Макария к Антонию Бочкову от 7 ноября 1859 г. свидетельствует о том, что последний все время поддерживал связи с Оптиной Пустынью и у него был широкий круг знакомств среди оптинских монахов[6]. Бочков высоко ценил не только личность и образ жизни старца Макария, но и его письма как образец прекрасной духовной литературы[7]. В письме к Сергию, прозванному Святогорцем (в миру Семен Авдиевич Веснин; 1814–1853), с которым Бочков находился в оживленной переписке, он утверждал, что «после о. Макария не останется старцев»[8]. Заметим, что Бочков написал предисловие к публикации писем Святогорца[9].

Вообще Оптина в представлении Бочкова была ближе всего к типу истинной обители[10]. И все же столь свойственный ему дух критицизма, вернее — сверхкритицизма, и вечной неудовлетворенности существующим, реальным приводили его (как, впрочем, и Игнатия Брянчанинова, и Сергия Святогорца) в 1850–1860-е гг. к убеждению, что и Оптина Пустынь тоже

[1] РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 94–94об. || [2] В частности, Н. К. Пиксанов приписал А. П. Бочкову книгу «Письма к разным лицам игумена Антония, бывшего настоятеля Мало-Ярославецкого Николаевского монастыря» (М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1869). См.: *Пиксанов Н. К.* А. С. Грибоедов и А. А. Бестужев. СПб., 1907. С. 9. || [3] Как считал игумен Антоний (Бочков). — *Примеч. сост.* || [4] [Вариант статьи о русском монашестве, ответ газете «День» (1865)] // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 28. || [5] РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 13об.–14. || [6] *ЧОИДР*. 1874. Кн. 1. С. 252–253. || [7] [Дополнение к статье о русском монашестве] // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 2об. || [8] *ЧОИДР*. 1874. Кн. 1. С. 247. || [9] Там же. С. 234–235. || [10] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 12, 27об.

далека от идеала, что и в ней много «внешнего», что Пустынь начинает «сдавать», «красоваться». «Желал бы я видеть где-либо настоящее скитское устройство, хотя эта христианская практическая философия: познание своей греховности и целение своей души, — не прививается к нам, русским, — писал Бочков в работе, относящейся к 1860-м гг. — К тому же монастыри с прославленною святостью: с иконами, с мощами, — привлекают мирских; и обитель безмолвия делается сначала молебным местом, потом ярмонкою. Цель скита совсем другая, но и в Оптиной пустыни — барыни, цветочки, нотное пение — дали какой-то особенный вид пустынному прекрасному просеку. Он стал некоею выставкою оленей за забором... <...> Если туда забралась суета, то где искать идеального скита?»[1] Эти критические высказывания, конечно, объясняются особенностями натуры Антония, о которых у нас еще пойдет речь.

Но вернемся к монашеской стезе Бочкова. Если верить его первому биографу, то до 1844 г. он в основном проживал в Сергиевой пустыни[2], хотя часто и в других монастырях, а также и в Петербурге у сына и тестя. В мае 1844 г. Бочков был по собственному желанию переведен в Троицкий Густынский монастырь Полтавской епархии, близ города Прилуки, но он там только числился, в действительности же находился при епископе (позже Архиепископе) Полтавском Гедеоне (Вишневском), к нему весьма благоволившем. В конце 1844 г. Бочков был пострижен Преосвященным Гедеоном в монахи с наречением ему имени Антоний[3]. Вскоре после этого он стал иеродиаконом и сразу же вслед за тем иеромонахом. 5 ноября того же года Бочков начал вести дневник. И, как пишет биограф, многое о. Антонию не нравилось «в среде, его окружавшей, где столько разнородных личностей приходит в общение, правильнее сказать, в столкновение друг с другом... Отец Антоний и по пострижении своем, как и прежде, все еще не мог найти для себя желаемого и переходил из монастыря в монастырь»[4]. По-видимому, в 1845 или 1846 г. Бочков переходит в небольшой заштатный Старо-Ладожский Николаевский монастырь[5], расположенный в Старой Ладоге на левом берегу Волхова и, согласно преданию, основанный еще

[1] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 36. || [2] *ЧОИДР*. 1874. Кн. 4. С. IV. || [3] В честь преп. Антония Сийского (память 7/20 декабря). || [4] Там же. С. VI. || [5] Староладожский Николаевский монастырь. СПб., 1862. С. 35.

в XIII в. в честь победы Александра Невского над шведами[1]. В 1851 г. в Старой Ладоге после 15-летнего перерыва Бочков вновь начинает писать стихи[2]. В декабре 1852 года он становится духовником Старо-Ладожского монастыря[3]. Вскоре после этого о. Антоний переходит в Тихвинский Богородице-Успенский Большой монастырь[4], но, видимо, в 1857 г. возвращается в Старо-Ладожскую обитель[5].

В эти же годы Бочков совершает три паломничества: в Палестину, в Святую Землю, а также посещает Афон. Датировка этих путешествий не совсем ясна. О. М. Бодянский датировал их 1847–1848, 1852 и 1857 гг.[6]. «Летопись Оптиной пустыни» уточняет: Бочков был в Палестине и в Иерусалиме в 1846–1847 гг.[7]. Вероятно, именно этими годами надо датировать первое путешествие о. Антония в Святую Землю. Не бесспорна и вторая, как, впрочем, и третья дата. Из письма Сергия Святогорца к Бочкову от 20 декабря 1851 г. как будто явствует, что он по пути из Палестины домой посетил Афон в 1851 г.[8]. С другой стороны, сохранилось свидетельство о том, что летом 1852 г. о. Антоний отправился на Афон[9]. В июне 1857 г. он ходатайствовал о разрешении поехать на год в Святую Землю и на Афон и просил выдать ему и его спутникам «паспорта в Иерусалим чрез Одессу и обратно чрез Италию и Австрию для удобнейшего возвращения по европейским путям»[10]. Из его стихов и поэм следует, что Бочков действительно побывал в Италии. Но если это так, то его путешествие надо датировать 1857–1858 гг.

Впечатления от путешествия в Палестину дали Бочкову материал для единственной появившейся в печати его книги — «Русские поклонники в Иерусалиме», написанной еще в 1850-е гг., но опубликованной уже посмертно — сначала в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (1874. Кн. 4), а затем, в 1875 г.,

---

[1] См. о нем: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1871. Вып. 2. С. 81–102. Среди жертвователей на монастырь мы видим сына и тестя Бочкова (см.: Там же. С. 102). Богатые родственники Бочкова обычно жертвовали немалые суммы на монастыри, где пребывал о. Антоний, да и он сам отдавал приютившей его обители положенный ему по наследству «пенсион». ‖ [2] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1об. ‖ [3] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2–2об. ‖ [4] См. о нем: Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого Большого монастыря, состоящего в Новгородской епархии, в городе Тихвине. СПб., 1859. ‖ [5] *ЧОИДР*. 1874. Кн. 4. С. VI. ‖ [6] Там же. С. IX. ‖ [7] РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 94. ‖ [8] *ЧОИДР*. 1874. Кн. 1. С. 236. ‖ [9] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3. ‖ [10] Там же. Ед. хр. 3. Л. 4.

и отдельно в издании того же Общества. «Простота и прелесть рассказа, теплота чувств и искреннее благочестивое настроение духа очаровывают читателя его повествований как о случившемся на море, так и о виденном им на материке Святой Земли, — писал о книге Бочкова Бодянский. — Внимая его рассказу, кажется, как бы сам присутствуешь при том, видишь своими глазами, слышишь своими ушами, идешь с ним же и его спутниками. Такова-то сила всякой естественности, прямоты и правды, чарующая сила простоты сердца, духа и слова!»[1] Книга помимо прочего интересна многочисленными этнографическими картинами и бытовыми подробностями жизни простых русских паломников, причем Бочков не скрывает и ее темных сторон. Книга Бочкова «Русские поклонники в Иерусалиме», наряду с книгами А. Н. Муравьева и А. С. Норова, достойна занять заметное место в обзорах русских «путешествий» в Святую Землю.

В эти годы, кроме Афона, который произвел на Бочкова сильное впечатление и где у него установились дружеские связи с иноком Сергием Святогорцем, он посещает и другие монастыри. В 1850 г. о. Антоний побывал на Валааме, где встретился со знаменитым юродивым Антоном Ивановичем Зиновьевым, которому позже посвятил целую поэму[2]. Все эти путешествия объясняются всё той же неудовлетворенностью Бочкова существующим укладом монастырской жизни и поисками «идеальной» обители. Как правило, эти поиски кончались новыми разочарованиями и убеждением, что «в России нет нигде места монаху»[3]. В одном более позднем письме к монахине Марии Бочков писал: «Если б я знал, что меня ожидает, то 40 лет тому назад пошел бы иною дорогою. Но теперь уже невозможно обратиться совершенно на путь Христов»[4]. Бочков приходит к выводу, что монастыри и монашество в их современном виде исчерпали себя и движутся к неминуемой гибели. И в этом убеждении он не был одинок — приблизительно к такому же выводу пришел и епископ Игнатий[5].

Эти пессимистические выводы были обусловлены прежде всего действительностью тогдашней российской монастырской жизни. Но известную роль тут сыграли и особенности натуры о. Антония, человека болезненно-впечатлительного, мягкого,

---

[1] *ЧОИДР*. 1874. Кн. 4. С. IX. || [2] Послесловие к поэме «Живой плач» // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 98. || [3] Письмо к монахине Марии от 4 декабря 1864 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 79; *Письма игумена Антония*. С. 407. || [4] Там же. || [5] См.: ПСТ. Т. 4. С. 533–534, 539–540, 543, 547–549.

мечтательного, все близко принимавшего к сердцу. Архимандрит Пимен (Мясников), так характеризовал Бочкова: «О. игумен Антоний был человек весьма тихого и кроткого характера, и с ним было бы жить весьма легко, ежели бы он сам имел поболее силы воли и не так легко смущался, иногда весьма ничтожными обстоятельствами. Он был человек от природы весьма умный, начитанный, имел обширную память, был приятный собеседник, человек воздержанный и любивший монашество (но мечтавший о невозможном, то есть о совершенной независимости монашества, как в первые века своего существования), и потому провел все время своего иноческого жития в отыскивании несуществующего и в стремлении к недостигаемому. Один из покойных Владык новгородских выразился о нем так: "О. игумен Антоний — сосуд драгоценный, но, к сожалению, совершенно разбитый. Он желал невозможного и иногда не умел пользоваться существующим в действительности и потому не мог нигде найти постоянного места для своего жительства, ни свыкнуться с одними и теми же людьми"»[1]. Это удачная характеристика инока-романтика, каким был о. Антоний; из нее видно, как относилась к Бочкову высшая церковная иерархия.

В 1859 г. о. Антония назначили настоятелем Введенского Островского монастыря, основанного в XVI в. и расположенного в Новоладожском уезде Петербургской губернии на реке Ояти. При вступлении в должность он обнаружил массу пропаж в имуществе монастыря, о чем и сообщил начальству[2]. В 1861 г. иеромонах Антоний был возведен в сан игумена, а в 1862 г. переведен настоятелем в заштатный Черменецкий Иоанно-Богословский монастырь, где исполнял эту должность до января 1868 г.[3]. До апреля 1871 г. он оставался в Черменецкой обители на покое, но вследствие конфликтов со своим преемником был вынужден покинуть ее[4].

Большая часть дошедших до нас произведений Бочкова относится именно к черменецкому периоду его жизни. По-видимому, именно здесь сложились наиболее благоприятные условия для его

[1] Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877. С. 209–210. Ср.: *Голицын Н. С., кн.* Иеромонах Антоний Бочков // Русская Старина. 1889. № 11. С. 373. || [2] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3–3об. || [3] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 2. С. 253–254. Приводимые в биографических очерках в *ЧОИДР* (1874. Кн. 4. С. VI) и в словаре «Русские писатели» (Т. 1. С. 323) даты ошибочны. || [4] Воспоминания архимандрита Пимена... С. 209.

творческой деятельности, почему этот период и оказался столь продуктивным.

Черемнецкий монастырь находится в Лужском уезде Петербургской губернии, в 20 верстах от города Луги, на острове Черемнецкого озера. Точная дата основания монастыря неизвестна, но в XV в. он уже существовал. Основание его связано с чудесным явлением иконы Иоанна Богослова, которая находилась в соборном храме монастыря. Обитель располагается среди красивой природы. Бочков в своем очерке, посвященном Черемнецкому монастырю, так его описывал: «Как нарочно для храма святого евангелиста Иоанна Богослова кинут небольшой островок на самую середину озера, осененный великолепными дубами, липами, вязами, кленами и неизбежными нашими березами. Из густоты деревьев белеется только тоненькая, осмигранная колокольня и чуть-чуть видны главы собора; стены, кельи — все потонуло в зелени... Сероватые стенки булыжного камня; крыши низменных деревянных зданий, крытые черным толем; кельи, притаившиеся у подошвы холма, — все сливается с роскошною, густою зеленью. Один только храм святого апостола господствует над всем, белея на высоком холме, природном своем пьедестале, и привлекая к себе внимание благочестивого поклонника...

Черемнецкий монастырь доселе богат одними видами... а собственно монастырь, содержимый в порядке, имеющий около сорока человек живущих (правда, среди них было только 8 монахов[1]. — *С. И.*), — есть самый бедный и последний во всей Петербургской епархии»[2].

Обитель в 1862 г., по словам архимандрита Пимена, «была в крайнем упадке»[3]. О. Антоний обновил и благоустроил монастырь: при нем был поновлен собор, построены каменный братский корпус и гостиница, а также ряд хозяйственных строений, добавлена часть каменной ограды[4]. «Но главного, внутреннего порядка, — вспоминал о. Пимен, — он не мог вполне достиг-

---

[1] См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 2. С. 252. ‖ [2] *И. А. <Антоний (Бочков), игумен>*. Черемнецкий Богословский монастырь // Домашняя беседа. 1866. № 7. С. 187. *И. А.* — криптоним А. Бочкова, не отмеченный у И. Ф. Масанова и расшифровываемый как «Инок Антоний» или «Игумен Антоний». Принадлежность очерка перу о. Антония сомнению не подлежит, поскольку в архиве Бочкова сохранился его рукописный вариант (см.: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 83–84об.). ‖ [3] Воспоминания архимандрита Пимена... С. 209. ‖ [4] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 2. С. 249–250.

нуть по своей чрезмерной доброте и доверчивости; он не имел людей, которые бы ему были преданы, а те, на которых он полагался, во зло употребляли его благорасположение. Чувствуя свою несостоятельность в деле правления, он тяготился настоятельством и по прошествии небольшого времени стал проситься на покой»[1]. К тому же Бочков стал сдавать физически. 1 марта 1865 г. он писал монахине Марии: «Здоровье мое плохо, лучше сказать, состав мой постепенно разрушается: ноги не могут выстаивать долго, зубы начали покачиваться… При первой неприятности все силы исчезают»[2].

В Черменецком монастыре Бочков вел оживленную переписку с монахиней Марией, с епископом Игнатием, с Н. П. Киреевской, общался с писателем А. П. Башуцким, читал многие журналы и газеты, следил за современной литературой (о чем свидетельствуют его письма к монахине Марии), кое-что печатал в «Домашней беседе» В. И. Аскоченского, с которым поддерживал личные связи, хотя его и не любил[3]. Сохранились свидетельства современников, посещавших Череменецкий монастырь: о. Антоний и в эти годы поражал людей своим умом, образованностью, эрудицией, красивой внешностью, «любезным обхождением» и своими «идеальными понятиями об истинном иночестве»[4].

В апреле 1871 г. Бочков переходит в Николаевский Угрешский монастырь под начало архимандрита Пимена (Мясникова). Этот старинный монастырь (основан во второй половине XIV в. Димитрием Донским на месте, где ему явилась перед походом на Мамая икона святителя Николая) расположен невдалеке от Москвы[5]. О. Антоний поселился в скиту. Сохранилось выразительное описание внешнего облика Бочкова в период его жительства в Угрешском монастыре, сделанное его биографом, собратом по скиту Дмитрием Благово[6]: «Не правда ли, что эта

[1] Воспоминания архимандрита Пимена. С. 209. ‖ [2] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 16об. ‖ [3] См. отзывы о В. И. Аскоченском в письмах к монахине Марии (Там же. Л. 88, 92об.–93; Письма игумена Антония. С. 324–235, 330). ‖ [4] *Голицын Н. С., кн.* Иеромонах Антоний Бочков. С. 373. Ср. отзыв Чумикова: Русская старина. 1889. № 2. С. 380. ‖ [5] См. о нем: Воспоминания архимандрита Пимена… С. 270–281; Исторический очерк Николо-Угрешского мужского монастыря. М., 1872. ‖ [6] Об архим. Пимене (Благово) — в то время послушнике Димитрии — игумен Антоний упоминает в письме к М. А. Башуцкой от 25 апреля 1871 г., где характеризует его следующим образом: «…московский дворянин, знающий многие языки… человек голубиного характера и еще стихотворец» (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 34).

голова чисто *античной красоты,* как говорят художники, и могла бы служить *типом* для изображения апостола? Вглядитесь в это высокое чело: сколько величия, спокойствия и богомыслия прочитаете вы на нем! Какая глубина и кротость во взгляде! Как прекрасен профиль! Как в целом все черты одна другой соответственны! Весьма немного, редко случается встречать такие *идеально-прекрасные* и *художественно-правильные* старческие обличия!»[1]

Мы подошли к трагическому финалу жизненной судьбы о. Антония и вместе с тем к ее самой героической странице, запечатлевшейся в памяти многих современников. В 1871 г. московское епархиальное начальство предложило монастырям направить в московские больницы иеромонахов для отправления треб. Некоторые из монастырей уклонились от этого дела[2], тем более что как раз в это время в Москве вспыхнула эпидемия тифа. О. Антоний одним из первых горячо откликнулся на призыв и в январе 1872 г. добровольно отправился в отделение для чернорабочих Старой Екатерининской больницы, хотя настоятель всячески отговаривал его от этого шага, представляя ему, что «идти на призыв в Москву — значило идти почти на смерть». Но о. Антоний «с мужеством и твердостью настоял на своем решении... Едва прибыв туда, в Екатерининскую больницу, он сразу же приступил к исправлению духовных треб для всех больных и умиравших от тифа, исправлял их ежедневно, еженощно, почти ежечасно, не имея при этом почти ни минуты покоя, отчего, конечно, истомился, ослабел, получил расположение к заразе, заразился и слег в постель»[3]. О. Антоний, не ограничиваясь лишь совершением треб, читал больным чернорабочим книги, наставлял их на путь истины[4]. О себе он говорил, «что во всю свою жизнь никогда не пользовался таким здоровьем и не был так покоен духом, как в это время»[5]. Однако болезнь взяла свое. Архимандрит Пимен хотел увезти больного обратно в монастырь, но тот отказался и лишь просил похоронить его в скиту Николо-Угрешского монастыря.

Антоний Бочков скончался в больнице 5 апреля 1872 г., как пишет Н. С. Голицын, пожертвовав «собою и своею жизнию на

---

[1] *ЧОИДР.* 1874. Кн. 4. С. I–II. ‖ [2] Воспоминания архимандрита Пимена... С. 206–207. ‖ [3] *Голицын Н. С., кн.* Иеромонах Антоний Бочков. С. 373. ‖ [4] См. об этом в письме к М. А. Башуцкой от 25 января 1872 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 16–17). ‖ [5] [*Леонид (Кавелин), иером.*]. Историческое описание скита во имя Иоанна, Предтечи Господня... С. 218.

благо страдавшей и умиравшей меньшей братии своей».[1] Похоронили его в скиту Николо-Угрешского монастыря, который так пришелся ему по сердцу.

Нам осталось охарактеризовать мироощущение, литературные воззрения и творчество позднего Бочкова.

В 1860-е гг. это личность в высшей степени сложная, даже противоречивая и в то же время весьма любопытная. В это время для мироощущения Бочкова характерна глубокая неудовлетворенность современным миром, современной цивилизацией в целом — в них он видит один сплошной хаос, новый Вавилон. Его в равной мере не устраивает и современная западная цивилизация, и положение России. Оценки Бочковым тогдашнего состояния мира, картины современной цивилизации окрашиваются у него в апокалиптические тона. Вот, например, его строки о России: «Со времен Романовых она, как тело, росла, ширела, боролась с болезнями внутренними и с наружными, а в наше время все соки уже истощены, все пришло в брожение, близкое к гноению и разложению», — пишет Бочков. Он находит, что в России все плохо: появились «партии», множится число нигилистов, дворянство и купечество разлагается, крестьяне пьянствуют. «Все напряжено так, что котел уже кипит, а между тем подбрасывается непрестанно к нему горючих материалов». Подобное, по мнению Бочкова, уже было в Европе перед 1848 г. Со всем этим связано и удаление от религии в обществе. Опыта Западной Европы и Америки Бочков также не приемлет. «Поэтому *я так полагаю* — конец близок», — писал он в середине 1860-х гг.[2]. «Для России я не предвижу ничего доброго от общего ослабления нравов. От обеднения

---

[1] *Голицын Н. С., кн.* Иеромонах Антоний Бочков. С. 374. || [2] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 106–109об. См. также размышление обобщающего характера в письме к Игнатию Брянчанинову от 15 июля 1862 г.: «...Все связи и опоры человеческого общества разрываются и падают, не представляя ничего в будущем, чем заменить разрушающееся; надобно с часу на час ждать развязок, разгадок этих человеческих драм, этих длинных историй, которые сочинялись мимо Господа, Творца всяческих. Все политические и финансовые склейки раскалываются в прах; ум человеческий, никогда еще столько не напряженный, утомлен до невозможности, соображая прошедшее и вперяясь во все телескопы во мрак будущего: повсюду тьма для правдивого философа. А между тем опьяненные XIX веком и его открытиями, обманутые ложным прогрессом легкомысленные юноши и старики, еще более презренные, вопиют о всеобщих надеждах и будущих завоеваниях науки! Какое-то бесовское восхищение, какой-то сатанинский праздник повсюду. Есть чему радоваться врагу человеческого рода!» (ПСТ. Т. 4. С. 542–543).

крестьян, от вырубки лесов, от расстройства финансов, от огромных окладов высших сановников... Народ еще многого не знает, что делается в высших сферах: когда узнает — будет худо», — рассуждал Бочков в письмах к монахине Марии[1].

В эту картину всеобщего разложения органически входят и современные монастыри, и современное монашество, да, пожалуй, и современная Православная Церковь в целом. Антоний, как и епископ Игнатий, взгляды которого он полностью разделял, были исключительно резкими и суровыми критиками современных монастырских порядков и монашеских нравов[2].

«Окидывая умом и глазами и Восток, и Россию, приходишь к тому убеждению, что правильное монашество сошло с лица земли», — писал Бочков[3]. «Монашество в последние 150 лет вследствие разных обстоятельств сделалось чиновничеством, не более; цель чисто мирская: возвышение, обогащение, position sociale[4]», — отмечал он в другом месте[5]. Эта критика переносилась и на все современное Православие: «Наше Православие, по моему слабому и темному взгляду, по букве обветшало. Но предсказано ли обновление наше? Может ли переформироваться соборами и веками установленное здание? Если нет, то времена близки... Человечество чает своего Избавителя; мы, православные, — Страшного Судию»[6].

При всей резкости критики Бочковым современных монастырей и монашества важно отметить, что он не выступал против монастырей и монашества вообще. Он лишь считал, что надо очистить монастыри от всего им чуждого, освободить от навязчивой опеки свыше, от ненужной регламентации всех сторон их жизни; надо вернуться к древним отеческим традициям монашеской жизни. Правда, зачастую о. Антоний сомневался в том, что это еще возможно, но все же иногда мелькает у него и иная мысль: «Россия глубоко в тайниках земли своей хранит источники благочестия и любви к монашеству; при первом ее потрясении они пробиваются и бьют столбом, как вода артезианского колодца или кавказские потоки... Рано или поздно при потрясении царства мы вспомним нам врожденное Православие,

---

[1] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 145об. || [2] См. примеч. 87. || [3] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 27об. || [4] Общественное положение (*фр.*). || [5] Записка о монашеской жизни (без заглавия) // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1. || [6] Письмо свт. Игнатию Брянчанинову 11 июля 1861 г. Ср. в статье «Душа русского во второй половине 1855 года» (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3).

и, конечно, не около воскресных школ и академий соберется народ русский»[1].

Критика Бочковым современных порядков, в том числе монашеских и церковных, ведется, конечно, с консервативных позиций. Он не приемлет технический прогресс, недоволен отменой предварительной цензуры[2], не в восторге даже от отмены крепостного права, верноподданнически восхваляет Николая I. И в вопросах религиозных о. Антоний ориентируется на прошлое, на древнее как исконное и истинное — требует следовать старинным монашеским порядкам, древнему иконописанию, древнему церковному пению, которое он высоко ценил: вообще, Бочков считал, что момент эстетический, момент красоты в Церкви очень важен, он способствует духовному воспитанию человека.[3]

Однако при всем том позиция Бочкова не лишена и своеобразного демократизма. Для него характерна защита низов, «униженных и оскорбленных», точно так же, как и острое ощущение социальных противоречий. Критика социальных пороков в современном обществе в трудах Бочкова неизменно направлена прежде всего против «сильных мира сего», барства, тех, кто у власти, и уже во вторую очередь против «испорченности» низов. «Что это за мир, где мы живем? Это полуад, — писал Бочков Марии Андреевне Башуцкой (супруге А. П. Башуцкого) 25 января 1872 г., незадолго до смерти. — Люди богатые живут в сумасшествии, если сравнить их прихоти с нуждами их братий меньших; а бедные погрязают во мраке неведения, дурных привычек и в грязи домашней. Выйти невозможно из этого состояния»[4]. Прочитав в газете «Весть», что во всех народных бедах виновато пьянство, Бочков пишет: «...вина не столько падает на народ, как на правителей народных. "Весть" указывает где-то, как самый сильный аргумент, что народ мог бы и заплатить подать, и сохранить остатки, если б не пропил не знаю сколько миллионов, по статистическим указаниям. А что бы ей указать, сколько пропито дворянством на "шампанском" и на других винах, в том числе и на простой водке, сколько миллионов вывезено за границу?.. И ныне, несмотря на крики "Вести", не демократия у нас правит и вершит дела, а родство, связи, покровительство, поблажки своему роду и племени, начиная от Сената до последнего

---

[1] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 13. ‖ [2] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 43. ‖ [3] Там же. Л. 20–20об. ‖ [4] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 17.

земского дела. Включим туда же и Синод, во всем поблажающий своей *всепоядающей* касте»[1].

Вот Бочков размышляет о расколе, и неожиданно ход его мыслей меняется: «А наше барство ничего не знает и знать не хочет. Их тянет в Париж магнитом, и туда уносятся все потовые и трудовые рубли простого народа»[2].Такого же рода демократизм заметен и в высказываниях Бочкова по вопросам литературы, и в его художественных произведениях.

Как человек искренне и глубоко религиозный, Бочков видит единственный путь спасения в религии, в верности христианству, но вся беда в том, что «семян к возрождению христианского общества нет уже в нашей крови, в умах наших и в обычаях»[3]. И конечные выводы Бочкова чаще всего смыкаются с уже отмеченными апокалиптическими мотивами: конец мира — близок!

Столь же сложны и противоречивы воззрения Бочкова 1850–1860-х гг. на литературу. В словесности он ощущал себя архаистом, «старомодным» автором, представителем того поколения, к которому принадлежали Ф. Н. Глинка и кн. П. А. Вяземский[4]. Его литературные симпатии и вкусы во многом определились еще в молодости, в 1820-е гг., при этом надо учесть, что эпоха та, с одновременным развитием и романтизма, и реализма, не отличалась внутренней цельностью. Это же можно сказать и о литературных взглядах Бочкова. С одной стороны, многие его поэтические декларации 1860-х гг. носят откровенно романтический характер[5], с другой — он чрезвычайно высоко оценивает Грибоедова и его комедию «Горе от ума», отдавая ему предпочтение даже перед Пушкиным[6]. Бочкову внутренне близка сатирическая линия: Фонвизин — Грибоедов — Гоголь. «Вот

[1] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 145–145об. || [2] Там же. Л. 131об. || [3] Там же. Л. 108. || [4] Там же. Л. 127об. || [5] См., например, поэтическую декларацию в поэме «Успенский монастырь» (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 67). || [6] Отметив, что в творчестве Пушкина он находит лишь отдельные замечательные вещи, которые, однако, все равно не достигают уровня Шекспира и Мильтона, Бочков далее пишет: «Один Грибоедов останется с маленькою своею комедиею величайшим русским гением, не парящим, но грозно держащим свое алмазное зеркало и перед Москвою, и перед нашим обществом: это всемертвящая, но великая истина, облеченная в живейшее слово поэзии, которое, как электрическая искра, проникла все и оживила все в нашей литературе. Доселе — как я писал Вам — Грибоедова еще не оценили по достоинству» (ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 79об.; Письма игумена Антония. С. 370). См. также в письме к монахине Марии от 8 апреля 1864 г.: Там же. С. 351.

пророки времен наших; и напрасно Гоголь устыдился своей ядовитой правды!»[1] — писал он, явно намекая на «Выбранные места из переписки с друзьями». Позиция для монаха-аскета уникальная и по-своему парадоксальная!

И все же Бочков не застыл на позициях своей молодости. С 1850-х гг. он внимательно следил за новейшей русской литературой, и его суждения о ней отличаются нестандартностью, свежестью и... сочетанием трудно сочетаемого. Бочков высоко ставит духовные стихи старика Ф. Глинки[2], ему импонируют обработки христианских легенд А. Н. Майкова[3], круг его литературных знакомств 1860-х гг. ограничивается в основном религиозными писателями — Игнатием (Брянчаниновым), А. П. Бащуцким и монашествующей поэтессой Марией (Шаховой). И в то же время он горячий и неизменный поклонник поэзии Н. А. Некрасова. «Очень рад, что вы прочли Некрасова, — писал он монахине Марии. — Это поэт современный: много правды, много теплого, неподдельного чувства в его прекрасных живых стихах: он глубже проникнут народным русским горем, нежели бывшие великие поэты, не знавшие народного быта и не слыхавшие этого великого стона, которым еще и доныне полна Россия. Освобожденный от невольничества и продажи крестьянин никогда не освободится от беззаконного суда; горе и стон не умолкнут до Страшного пришествия Христова»[4]. Одно из этических положений «Аскетических опытов» святителя Игнатия Бочков оспаривал ссылкою на... «Арину, мать солдатскую» Некрасова![5]

Бочков ценит И. С. Никитина и в то же время не приемлет В. Г. Бенедиктова, который «редко извлекал слезы, пленяясь сам собою, своею блестящею, рассыпною музыкою: это не Глинка поэзии. Но богатство и блеск его созвучий в свое время изумляли многих. Никитин своею эпитафиею (“Вырыта заступом яма глубокая...” — *С. И.*) превзошел все литературное — модное и салонное; плач его над своею могилою чистыми, верными звуками болящего сердца не литература и не сочинение, а истинная поэзия природы. Конечно, и у Никитина нет христианского вышеестественного чувства: верующий не сказал бы его бесподобных стихов; но как сын степей, он запел над собою

[1] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 29. || [2] Там же. Л. 71об.; Письма игумена Антония. С. 396. || [3] Записка о деятельности архимандритов Фотия и Феодосия (черновик) // РГИА. Ф. 1680. Оп 1. Ед. хр. 8. Л. 6. || [4] ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 24об. || [5] ПСТ. Т. 4. С. 555–556.

жалобным голосом горюющей птицы. Но христианство доселе и не имело поэта»[1].

Для Бочкова идеал — возвышенная религиозная поэзия, утверждающая великие христианские истины, однако в современной литературе ему ближе всего Некрасов и Никитин. Бочков высоко ставил романы Ф. М. Достоевского о петербургских трущобах[2] — это «верная картина модного Петербурга, который, как и утроба наша, исполнен нечистотами, хотя и покрывает их кринолинами»[3]. Во всех этих утверждениях проявляется глубокий стихийный демократизм Бочкова, не противоречивший его глубокой религиозности; и в то же время его симпатии склонялись к реализму, принципам которого он часто следовал в своих собственных произведениях.

Эти литературные симпатии и антипатии Бочкова, без сомнения, оказали влияние на его собственное творчество. Оно весьма обширно и многообразно. В 1850–1860-е гг. Бочков писал богословские произведения, труды по истории Русской Церкви и, главным образом, по проблемам монашества и монастырской жизни, в которых он предстает резким критиком современного их состояния и борцом за возврат к древним, «исконным» началам. Пишет он и всевозможные записки автобиографического характера, мемуарные портреты деятелей Церкви[4]. Из-под пера Бочкова выходят также публицистические статьи с критикой внутренних порядков Российской Империи[5]. Создает он и рассказы, тематикой которых является монашеская жизнь. Наилучший из них — «Сон болящей монахини Мелании»; в основу рассказа положено описание двух снов или видений героини, построенное на контрасте: первый сон — об идеальном прекрасном монастыре, второй — о некоей страш-

[1] Письмо к монахине Марии от 9 ноября 1864 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 70; Письма игумена Антония. С. 394. || [2] Из-за отсутствия кавычек в рукописи в понимание этого места вкралась явная ошибка, разделяемая, кажется, всеми цитирующими данный фрагмент. О. Антоний имел в виду, конечно, не романы Достоевского о «петербургских трущобах», а помянул рядом с романами Достоевского популярный роман В. В. Крестовского «Петербургские трущобы (Книга о сытых и голодных)» (1864–1867). — *Ред.* || [3] Там же. Л. 128. || [4] Помимо уже упоминавшихся выше очерков жизни и деяний о. Леонида, см., например, мемуарный портрет архимандрита Феофана Новоезерского (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 10–11). || [5] См., например, его статью «Душа русского во второй половине 1855-го года» (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–4), навеянную печальными событиями Крымской войны, где Бочков утверждает, что в России «сверху блеск, снизу гниль» (Там же. Л. 2).

ной тюрьме[1]. Но все же основную и наиболее ценную часть творческого наследия игумена Антония составляют поэтические произведения.

Поэзия Бочкова дошла до нас далеко не полностью и в свое время не попала в печать — осталась в рукописях, как и почти все его творчество[2]. Сам о. Антоний утверждал, что своих стихов «никогда не назначал для печати»[3], в чем можно и усомниться: в одном из писем к монахине Марии имеется указание на то, что Бочков все же посылал свои стихи в «Странник» и другие журналы, но там их отвергали[4]. Действительно, стихи Бочкова, как он сам признавался, «не в духе нашего времени» и относятся к «исключительному роду» в поэзии тех дней[5], то есть никак не вписываются в общее русло поэзии 1860-х гг., даже в картину тогдашней духовной поэзии, в той мере, в какой мы можем о ней судить по публикациям в «Домашней беседе» и в других подобных изданиях. Но тем интереснее они для нас.

Бочков, как мы знаем, писал стихи и в молодости, но тогда это были либо альбомные мелочи, либо переводы с французского. Если верить его собственным признаниям, с середины 1830-х гг. Бочков замолчал и лишь с 1851 г. вернулся к поэзии, написал несколько переложений из Четий-Миней[6]; к 1852 г. относится его стихотворение, посвященное старцу Леониду, «Плач на гробе отца». Основной же корпус дошедших до нас стихотворений Бочкова относится к 1860-м гг. Сохранились две большие подборки его стихов, в значительной мере повторяющие друг друга. Подборка, хранящаяся в РГИА, содержит 59 произведений, а подборка из Рукописного отдела ИРЛИ — 47, включая и отдельные отрывки из более крупных вещей.

Свою поэзию игумен Антоний воспринимал как поэзию христианскую и монашескую, которая еще отсутствует в России. «...Начиная со стихов Димитрия Ростовского и его современников и до сего дня и до меня грешного монашеская поэзия ничего

---

[1] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 5–9. || [2] Нам известно лишь одно стихотворение Бочкова, попавшее в печать: Св. Иоанн Богослов // Домашняя беседа. 1866. № 3. С. 73 (напечатано анонимно; в оглавлении автор обозначен криптонимом *И. А.*). См. рукопись стихотворения: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 82. || [3] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 26об. || [4] Там же. Л. 99. || [5] Там же. Л. 26об.|| [6] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 8. Впрочем, не совсем ясно, было ли в промежутке полное молчание — в одном из писем к монахине Марии Бочков упоминает, что в 1840 г. написал прозаическую поэму «Повилика, обвивающая дуб» (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 59). Текст самой поэмы см.: РГИА. Ф. 1680. Ед. хр. 12. Л. 59–62.

не произвела полного, соответственного духу своему. <...> ...Все рифмованные переложения Псалмов, разных священников, разных архимандритов, нотные и ненотные: все это... слабо и непоэтично до крайности»[1]. Отец Антоний признавался, что очень трудно заманить поэзию в монашескую келью, особенно в наше время.

При всем том у Бочкова почти нет религиозных, в традиционном понимании, стихов. «Христианскую философию и богословские откровения редко можно вылить в стихи», — написал он монахине Марии[2]. В другом письме конца 1860-х гг. он заметил: «...в последние годы моей жизни я отказался от попыток писать что-либо духовное, церковное, а перехожу в детство, хотя и не в евангельское: люблю шутки, смех и пустяки. К последнему роду принадлежат и письма мои»[3]. Поэтому монашеская поэзия Бочкова носит достаточно специфический, присущий ему характер.

Конечно, кое-что тут объясняется особенностями дарования, поэтической индивидуальности Бочкова. Он явно тяготел к описательной поэзии, к жанру поэмы или большого эпического стихотворения. У Бочкова почти нет чистой лирики (как и лирики философской), в немногочисленных его лирических стихотворениях всегда присутствует эпический элемент (см., например, стихотворения «Цветы от Вас кладу в альбом...» и «Ночная птица»). Он и сам осознавал эту особенность своего таланта: «Для меня картины легче лиризма. Истинный поэт соединяет то и другое»[4].

Многое в произведениях Бочкова навеяно его впечатлениями от тогдашней монашеской жизни и отражает тот дух критики, который мы отметили и в письмах, и в других работах о. Антония. Оттого-то так сильна сатирическая струя в его поэзии. Причем поэт даже тяготился своим сатирическим даром: «Страшно становится за себя и за ответственность пред Судиею, а удержаться не могу: сатира так и каплет с пера, и я премножество

---

[1] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 91; Письма игумена Антония. С. 360–361. Ср.: ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 70. || [2] Там же. Л. 1. Письма игумена Антония. С. 350. Ср. в том же письме: «...Я в себе чувствую способности более к юродству, нежели к премудрости» (Там же. С. 349). || [3] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 39–39об. Эти свои пристрастия Бочков обосновывал и примерами из мировой литературы: «Действительность представляет нам ежедневно сцены веселья после трагических: этим пользовался Шекспир и не забывал сам Омир. Поэтому я вмещал истинные анекдоты в свои фантазии» (Там же. Л. 127об.). || [4] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1–1об.; Письма игумена Антония. С. 350.

отгонял и уничтожил своих стихов в этом желчном роде. Разумеется, оправдаться могу лишь тем, что жизнь представляет несравненно более картин унижения, нежели возвышения. Петербургские трущобы и романы Достоевского чрезвычайно полезны не только праздным умам, но и самому правительству»[1]. Далее следует уже приведенный выше отзыв о романах Достоевского. Отвечая на призыв матери Марии писать в стиле плачей библейских пророков, Бочков заметил, что, увы, жизнь дает материал не для плачей, а для сатиры: «Теперь перенеситесь в *комедию* наших времен: курение дыма, пары, телеграфы, стук, треск; суета, болтовня, торопливость, пресса; журналы, всемирные названные опекуны и печальники человечества — всё стремится с шумом... <...> *Где* и *как* будет говорить пророк? <...> О чем ему говорить, о чем плакать? Не о Петербурге ли, где, *решительно скажу,* нет места Христу голову подклонить... <...> Поэтому и появляются наши Фонвизины, Грибоедовы, Гоголи. Вот пророки времен наших»[2]. «Вы любите капитальные труды... <...>. Я же не могу по слабости истощенного ума писать ничего возвышенного»[3]. Последнее утверждение, конечно, не совсем справедливо: Бочков умел писать и «возвышенно», когда обращался к высоким темам, к описанию природы, но, пожалуй, действительно наибольшие удачи его ожидали на другом пути.

Все поэтическое наследие игумена Антония можно разделить на эпические произведения, рисующие положительные начала в жизни, близкие авторскому идеалу. Эти начала автор ищет почти исключительно в прошлом. Сюда относятся поэмы и стихотворения на библейские и евангельские сюжеты («Гефсимания», «Новая жертва» и др.), на исторические темы (сохранившаяся лишь в отрывках большая поэма о восстании афонских монахов против турецкого ига в 1821 г.; «Тивериада»; «Мститель» и др.) и в особенности многочисленные обработки преданий о святых, частью заимствованных из Пролога, Четий-Миней и других древнехристианских источников, частью же из устных сказаний, слышанных самим автором в его многолетних «хождениях» по монастырям («Живой плач», «Тихвинский пещерник», «Вонифатий и Аглаида», «Старинные гусли», «Пустынник и Ангел», «Пролог», «Чудо святителя Николая о ковре», «Примирение по смерти» и др.).

---

[1] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 128. ‖ [2] Там же. Л. 29. ‖ [3] Письмо к монахине Марии (сер. января 1864 г.) // Там же. Л. 88об.; Письма игумена Антония. С. 325.

К этой же части творческого наследия Бочкова в известной мере можно отнести описательные поэмы и стихотворения, рисующие картины природы, церковно-исторические и архитектурные достопримечательности (поэмы «Зеленецкий лес», «Севастия», «Успенский монастырь», стихотворение «Черемене» и др.), хотя в них уже порою встречаются и сатирические нотки. Весь дух поэзии Бочкова, в сущности, лишен аскетизма, его стихи отличаются душевной веселостью, своеобразным приятием природы, стремлением увидеть в ней красоту божественного мира. Таково большинство стихотворений афонского цикла, навеянного неоднократными посещениями Святой Горы (среди стихов этого цикла один из шедевров лиро-эпики Бочкова — «Источник Богородицы»)[1]. К этой же части творчества Бочкова относятся переложения псалмов и стихотворения, написанные в стиле этих переложений[2].

Другую часть поэтического наследия Бочкова составляют сатирические и юмористические произведения, рисующие отрицательные стороны современной жизни, в том числе монашеской. Этот ряд сочинений — как бы противоположный полюс поэзии Бочкова.

Если в произведениях первой группы присутствует романтическое начало и элементы архаики, то в поэмах и стихотворениях второй группы сильнее ощущается реалистическое начало. Стиль и поэтическая образность произведений первой группы в большинстве случаев традиционны и в значительной степени ориентированы на поэзию 1820-х гг., на творчество Пушкина и Рылеева (встречаются прямые переклички с их поэзией)[3]. Есть отдельные и чисто романтические произведения («Евнух безжизненный, безбрадый...»). Особой архаичностью и старомодностью отличаются стихотворения аллегорического характера и притчи («Орлы и петухи», «Две птицы», «Искры света»), а также примыкающие к ним немногочисленные философско-моралистические опусы типа стихотворения

[1] ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 36–36об. ‖ [2] См., например, «Вольное переложение псалма 142» (Там же. Л. 24). ‖ [3] Возможно, именно к рылеевским «думам» восходит весьма любимый Бочковым жанр — стихотворение на историческую тему с обширными комментариями. Бочков и в 1860-е гг. продолжал интересоваться поэзией Рылеева, хотя и без прежнего чувства восхищения ею (см. его упоминание о чтении «думы» Рылеева «Михаил Тверской» в письме к монахине Марии от 25 мая 1864 г. — ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 23; Письма игумена Антония. С. 358). К декабризму как общественно-политическому движению Бочков в эти годы относился отрицательно.

«Слезы и желчь». В них особенно дает о себе знать устарелость вкусов Бочкова. Хотя в стиле и образности сатирических произведений Бочкова мы тоже иногда находим элементы архаики, нечто характерное для поры молодости поэта, все же тут больше точек соприкосновения с современной реалистической поэзией.

К числу лучших сатирических произведений Бочкова относятся поэмы «Ангел-странник»[1] и «Ангел-сборщик»[2] — о последней автор говорил: «...это есть любимое мое чадо»[3], — а также стихотворения «Ответ г. А. П. Б<ашуцко>му, будто бы видевшему меня в Петербурге»[4] и «Кавалер-архимандрит»[5].

Первые две поэмы весьма близки сюжетно и композиционно. В них ангел получает от Бога наказ посетить Петербург и видит в столице многочисленные картины неправедной, пьяной, сытой и развратной жизни столичного высшего света, богатого купечества и духовенства; их жизнь очень далека от норм и законов истинного христианства — Православия. В поэме «Ангел-сборщик» архангел Рафаил принимает облик сборщика-монаха. Ни в столичном храме, ни в обществе столичных богачей он не встречает сочувствия и помощи, и лишь среди бедняков, обитателей петербургских трущоб, кстати описанных весьма реалистично и красочно, ангел находит понимание и получает приношения на монастырь. В поэму включено очень характерное для Бочкова «пророческое» размышление о будущем России:

Что дальше будет — неизвестно:
Теперь у нас имперьялизм,
Хоть волю дали — все же тесно,
А заведем социализм —
Россию новую избавим
От византизма, от попов,
Господ, монахов передавим,
Монахинь так же, как клопов,
Ко удивленью всего света.
<...>

---

1 ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 66–70об. Ср.: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 43–44об. ‖ 2 РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 21–28об. ‖ 3 ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 61об.; Письма игумена Антония. С. 374 (письмо от 8 августа 1864 г.). ‖ 4 ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 34–35. Ср.: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 96–96об. ‖ 5 ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 35–35об.

Чтоб нищий одевался чище
Возьмем придворный гардероб,
А кто не даст нам даром пищи,
Тому, конечно, пулю в лоб[1].

В стихотворении «Кавалер-архимандрит» выведен «тип чисто российский и нигде кроме России невозможный»[2] — явно списанный с натуры образ архимандрита «из хохлов», гордого, чванливого, корыстолюбивого.

С обличением монашества, современной монастырской жизни, нравов белого духовенства мы встречаемся и в других произведениях Бочкова. Иногда, как, например, в юмористической поэме о монахе Панкратии, это составляет фон действия[3].

Бочков любил и жанр смешанного «фельетонного» обозрения в стихах, состоящего из отдельных, сюжетно не связанных друг с другом частей, среди которых есть и описательные картины современной жизни, и сатира, и отступления на исторические темы, и общие рассуждения. Таково, например, произведение под названием «Л. У. М.» (Ладожский Успенский монастырь)[4]. Начинается оно с описания праздника в женском монастыре в Ладожском уезде, описания, выдержанного в сатирическом язвительном тоне: прихожане в церкви заняты разговорами друг с другом и сплетнями, игуменья ведет себя как барыня, устраивает торжественный обед в монастырских хоромах для дворянства и купцов, где рекой течет шампанское, клико, водка. За этим как бы по контрасту следует переработка псалма, исполненная искреннего религиозного чувства, затем рассказ об истинном монахе — юродивом; выдержанное в высоких тонах описание монастыря на берегу Волхова, экскурс в историю, в эпоху Петра I, когда в один из здешних монастырей была заключена его супруга Евдокия; сюда же вставлены лирические отступления в романтическом духе, каков должен быть настоящий поэт, воспоминания о Ревеле, о церкви св. Олая и легендах, с нею связанных, и проч. Составные части этого стихотворного «обозрения» затем появляются и в виде отдельных самостоятельных произведений.

---

[1] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 23–23об. Ср. в другом стихотворении:

Чем кончим? Царством гильотины
Или по-русски топором? —

ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 29об. || [2] ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 35. || [3] РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 38–39. || [4] Там же. Л. 63–68об.

В этих «обозрениях» особенно заметен основной недостаток всей поэзии Бочкова — многословие, неумение писать кратко, обилие прозаизмов. Впрочем, он и сам сознавался в этом недостатке: «Стихи хотя и гладки, но не живы; иногда сбиваются на прозу»[1].

Как мы уже отмечали, многие произведения Бочкова до нас не дошли — мы знаем о них лишь по упоминаниям в письмах. Так, можно составить себе представление о содержании шутливой поэмы об отце Герасиме, валаамском иеромонахе (по пересказу содержания в письме к монахине Марии от 8 апреля 1864 г.)[2].

Технический уровень поэзии Бочкова достаточно высок, не ниже большинства духовных поэтов той поры. Его стих отличается «гладкостью», в нем почти нет нарушений ритма или рифмы. Правда, стих Бочкова характеризуется известной старомодностью, что ощущалось и самим автором, хотя он старался учитывать достижения новейшей русской поэзии. В письме к монахине Марии от 8 апреля 1864 г., упомянув о годах, когда он вовсе не писал стихов, Бочков заметил: «В эти 12 лет стихосложение уже так пошло вперед, что за ним мне следовать едва ли можно. Потом, когда начал читать новейшие журналы, то ужаснулся слабости своих трудов; не говорю о мыслях, но о конструкции. После Фета, Бенедиктова, Мея, Майкова, Некрасова все *усечения* сделались уже смешными: "преклоненны", "воспламененны" почти изгнаны из поэзии. Глаголы уступили место новым словам»[3].

Действительно, словесно-образная структура стихов Бочкова несет на себе отпечаток архаичности, как, впрочем, и русская духовная поэзия вообще. Но нельзя не отметить исключительно разнообразный ритмический репертуар Бочкова: у него встречаются самые разные двух- и трехсложные размеры, вольные ямбы, образцы народного стиха и — что совершенно уникально в поэзии середины XIX в. — подражания русской силлабике XVII — начала XVIII в. Это, конечно, не силлабический виршевой стих в чистом виде. Это тонкая и, как правило, удачная, неожиданно свежо звучащая стилизация под этот стих, которая иногда нужна автору для создания колорита древности, а иногда, наоборот, для создания комического эффекта, возникающего из противоречия между содержанием — современным и сатирическим — и формой его выражения (именно таков эффект употребления силлабики в шутливо-иронической поэме о злоключениях хромого

---

[1] ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1; Письма игумена Антония. С. 349–350 (письмо от 8 апреля 1864 г.). ‖ [2] Письма игумена Антония. С. 349. ‖ [3] Там же. С. 350–351.

монаха Панкратия в столице). Думается, что силлабика Бочкова должна привлечь внимание стиховедов.

Сам Бочков характеризовал свою поэзию как «анахронизм для нынешнего блестящего века». И все же его поэзия, на наш взгляд, любопытна и заслуживает всестороннего исследования.

Переписка святителя Игнатия с игуменом Антонием (Бочковым)* (1843–1867)

№ 1

Преподобнейший отец Антоний!

Сегодня получил я от любезнейшего сына Вашего, Петра Алексеевича, тетрадки Преподобного Нила Сорского. Тут житие и послания Нила и надсловие Иннокентия. Приношу Вам за них искреннейшую благодарность! И содержание тетрадок превосходно, и рука, которою написаны тетрадки, прекрасна. Как бы она была способна переписывать переводы на русский деятельных святых Отцов!

Петр Алексеевич вручил мне от Прокофия Ивановича сто двадцать пять рублей серебром на ризницу. Поблагодарив Прокофия Ивановича за пожертвование, благодарю Вас за ходатайство.

Поручая себя Вашим молитвам и братской любви, имею честь быть навсегда

Вам преданнейший *навс<егда>* недостойный

Архимандрит <Игнатий>.
1843 года 15 августа.

Покорнейше прошу сказать любезнейшему и почтеннейшему отцу Феофану мой усерднейший поклон. Василий Федорович был на днях у нас.

№ 2

Возлюбленнейший о Господе
отец Антоний!

Приношу Вам сердечную благодарность за воспоминание меня недостойного и за поздравление с Новым Годом, с которым равномерно Вас поздравляю, желая Вам всех истинных благ во времени и в вечности.

---

* РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Д. № 16. Л. 1а–61об.

Очень рад, что Старо-Ладожский край, нравившийся Вам и прежде, снова привлек к себе Ваши взоры. От души желаю, чтоб Вы обрели в нем покой по душе и по телу. Столько Вы странствовали! столько видели и испытали! Теперь — время рассмотреть виденное и испытанное, извлечь правильные результаты, полезные для Вас, полезные для тех, которые будут просить у Вас слова на пользу.

Поручаю себя Вашей о Господе любви и испрашиваю Ваших святых молитв о недостойном

Архимандрите Игнатии.
16 января 1848 года.

№ 3

Преподобнейший отец Антоний!

Письмо Ваше от 24-го августа я имел удовольствие получить. Я вполне сочувствую законоположению Святой Церкви, по которому священник не может принимать на исповедь без соизволения на то Епархиального Архиерея, по которому, следовательно, иеромонах Гавриил без разрешения Высокопреосвященнейшего Митрополита не мог бы принять на дух кого-либо из братий Николаевского монастыря, несмотря на Ваше соизволение и желание некоторых из братий; также если б я вздумал уполномочить Гавриила на духовничество от себя, то это с моей стороны было бы непозволительным и противозаконным самовольством. По этим уважительным причинам я взошел ко Владыке с представлением, что некоторые из Никольской братии желают иметь своим духовником иеромонаха Гавриила; на представлении моем последовала резолюция и на основании оной консисторский указ, дозволяющий желающим желаемое. Что ж касается до немощи о. Гавриила, то Вам известно, что немощь священника как человека отнюдь не препятствует совершению таинств, совершающихся по причине благодати священства, которою облечен человек, а не по причине собственных его достоинств, хотя и приятно видеть в одном лице соединение достоинств собственных с дарами благодати. Относительно Владимира и других братий, состоящих под моим влиянием,— я, несколько наученный 23-летним настоятельством моим, не спешу увлекаться направлением братий, особливо молодых, как к добру, так и ко злу. То и другое из направлений легко изменяются; чтоб упрочилось то или другое, надо время и время, а потому в человека надо вглядываться

и вглядываться, а потом уже составлять о нем решительное мнение. Особливо в наш век, при усилении соблазнов, надо очень поддерживать людей: и без того у нас в монастырях людей несколько способных очень мало; не говорю уже о вполне благонадежных — это величайшая редкость в самых благоустроеннейших монастырях. Наконец относительно Вас самих скажу: Владыке гораздо приятнее будет, если Вы останетесь в его Епархии; если ж Вы захотите перейти, то он отпустит Вас с любовию. Вам известно из Писаний святых Отцов, что и многосочные древа, часто пресаждаемые, теряют от пересадки свою силу, а сидящие в грунте постоянно и переносящие терпеливо ветры глубоко пускают в землю свои корни.

Испрашивающий Ваших святых молитв
недостойный

Арх<имандрит> Игнатий.
28 августа.

№ 4

Преподобнейший о<тец> Антоний!

По получении Вашего письма о. Иустином, я получил вскоре прошение Архимандрита Черноморской Пустыни о увольнении его. Предоставив дело воле Божией, я решился ходатайство мое пред Св. Синодом о увольнении нынешнего Настоятеля Пустыни соединить с ходатайством о назначении Вас на эту открывшуюся вакансию.

Все в руках Божиих: в этих руках и мы. Гораздо вернее положиться на Бога, нежели на человеческие умышления. «Ждый ветров, не имать сеяти», — сказал Преп. Исаак, и проч. (Слово 58). В настоящее время имеется вакансия; когда же ее не будет, то при всем желании сделать что-нибудь, не будет возможности сделать ничего.

И паки вручаю себя, Вас, Кавказскую Епархию и Черноморскую Обитель милости и воле Божией.

Прося Ваших святых молитв, имею честь быть
Вашим покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
3 октября 1860 года.

Честнейшему Иеромонаху о. Антонию.

№ 5

Письмо иеромонаха Антония (Бочкова) к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору[1]

Высокопреосвященнейший Владыко,

Милостивейший отец и Архипастырь!

Вашему Высокопреосвященству известно, что я представлен был в настоятели Черноморской Лебяжьей Пустыни. На это не было моего желания, а только покорность воле Преосвященного Игнатия, бывшего моего духовного отца и первого наставника в монашеской жизни. Но мнение мое — о чем спрашивал меня Преосвященный — было таково, что я и стар и болен для нового места и должности. Я осмелился напомнить Его Преосвященству о другом, более меня способном монахе, бывшем казначее Святогорского Харьковского монастыря, отце Вениамине, ныне живущем в Тихвинском нашем монастыре. Он моложе меня 20-ю годами.

Но Его Преосвященство, не взирая на мой полуотказ, представил меня: мне оставалось покориться его воле. Прошло 7 месяцев с первого дня предложения, и в это время здоровье мое сделалось еще слабее. И я узнал, что Его Преосвященство едва ли останется на Кавказе.

Потому я безгрешно могу отказаться от настоятельства Лебяжьей Пустыни.

Испрашиваю прощения Вашего Высокопреосвященства, что моим недостоинством утруждаю Ваше внимание и отнимаю хотя минуту времени, посвященного благу Святой Церкви. Простите, Владыко Святый! и не лишите меня Ваших Архипастырских молитв и благословения.

Вашего Высокопреосвященства,

Милостивейшего Архипастыря моего и Отца недостойный послушник, многогрешный

Иеромонах Антоний.

Марта 13-го 1861 года.

Писано в Тихвинском Богородичном монастыре.

[1] РГИА. Ф. 1660. Оп. 1. Д. № 16. Л. 5–6об.

№ 6

Возлюбленнейший о Господе
отец Игумен Антоний!

Поздравляю Вас с предстоящею Святою Пасхою, с возведением в сан Игумена, и благодарю Вас за уведомление о себе.

Прося Св. Синод о назначении Вас в настоятеля Черноморской Пустыни, я имел в виду доставить этой Обители такого настоятеля, в каком она нуждалась, а близлежащему женскому монастырю благочинного и старца. Но более того имел в виду ознакомить Вас с новым С.-Петербургским начальством, с тою целию, чтоб оно, узнав Вас как должно, употребило Вас для общей пользы. Исполнилось последнее из моих предположений; и я радуюсь, благодарю Бога, и желаю Вам приносить овцам Христовым душевную пользу. Полагаю, что по нынешнему времени, при управлении братством, в духовно-нравственном отношении, всего полезнее руководствоваться второю половиною книги Великого Варсонофия, начиная с ответов Авве Дорофею. По крайней мере, так я понял из моих скудных опытов.

Сердечно радуюсь, что труженицы Августа и Елизавета нашли в Вас единомудренного, сочувствующего им сподвижника. Бог да благословит Ваш духовный союз во славу Святого Имени Своего и в пользу душ, жаждущих услышать слово Божие, и при руководстве Его спасти души свои от нравственной смерти, которая настигнет всех, лишенных истинной пищи — Слова Божия.

Просящий Ваших святых молитв.

Ваш покорнейший слуга.

Игнатий, Епископ Черноморский.
18 апреля 1861 года.

№ 7

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший отец Игумен Антоний!

Спаси Вас Господи за любвеобильное письмо Ваше от 30-го апреля. Повторяю Вам: сердечно радуюсь, что Бог привел меня быть орудием к предоставлению Вам настоятельского сана и служения в месте уединенном, соответствующем Вашему настроению. Господь попечется о Черноморской Пустыне. Если же и Вы желаете быть полезным сей Обители, то примите на

себя труд известить меня, ктó назначен туда настоятелем; если ж никто не назначен, то снеситесь с о. Архимандритом Иннокентием, живущим на покое в Зеленецком, повестите его, что я желал бы видеть его Настоятелем Черноморской Пустыни, управление которою, при моем содействии, для него будет весьма удобно. Отзыв о. Иннокентия потрудись сообщить мне. В случае его согласия, прошу его написать мне письмо, на основании которого я мог бы ходатайствовать пред Высшим Начальством о его назначении. С о. Иннокентием я очень сошелся; мои отношения к нему остались прежними; уповаю, что таковы и его отношения ко мне. Черноморская Пустыня должна быть общежительным монастырем, но и до сих пор остается на штатном положении. Настоятель получает кружки от 2500 р<ублей> сер<ебром> до 4000 в год. Братию застал я лихую; но, при помощи различных тихих, простых, но сильных мер, они так унялись, что сделались смиреннее овец и тельцов.

О столкновении о. Феодора с Аскоченским я слышал кое-что, но и не любопытствую о подробностях. Все эти столкновения имеют общий характер. В бытность мою в Питере произошло столкновение между М<итрополитом> Филаретом и Павским, потом между им же, Филаретом, и Сидонским, и так далее. От этих столкновений для Церкви не было никаких результатов. Чтó Вы поняли, то Бог открыл Вам на поприще Богом установленного монашеского подвига, который отъемлется с лица земли по неисповедимым Судьбам Божиим, пред которыми надо нам благоговеть и безмолвствовать. На все свое время. Спасение и разные способы его были даром Божиим человечеству, а отнюдь не собственным изобретением человечества.

Предоставьте сына Вашего Богу, молясь о нем, и в молитве Вашей отдавая его Богу и поручая милости Божией. Богу все возможно. В молодость мою и Вашу было много соблазнов для юности, а ныне соблазны до бесконечности умножились, увлечение ими сделалось почти всеобще, а сопротивления им почти не видно. По этой причине современная юность меньше подвержена осуждению и заслуживает бóльшее сожаление и снисхождение. Весь мир как бы единодушно устремился на встречу какого-то особенного лица, гения, — на встречу великолепную и торжественную. Это очевидно. Лицо так будет замаскировано, что масса признает его Мессиею: что же дивного, если пророки его явились в образах пророков Мессии. Предуготовляется путь, путь мысленный для входа действу лжи (2 Сол. 2. 11) в умы и сердца.

Прошу Ваших святых молитв. Не оставляйте Ладожских Стариц, находящих в любви Вашей отраду в сиротстве своем и отдающих Вам полную цену.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
18-го мая 1861 года.

№ 8

Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший отец и Архипастырь!

Письмо Вашего Высокопреосвященства от 18-го мая имел я честь получить. Пишу сегодня отцу Архимандриту Иннокентию о Вашем предложении и выписываю для него слова, до него касающиеся, из письма Вашего. Не знаю, где он теперь находится, хотя и адресую в Зеленецкий монастырь; слухи пронеслись, что отец Архимандрит сбирался ехать на Восток.

Поручение Вашего Высокопреосвященства для меня очень почетно; кроме того, оно доставило мне честь получить ответ Ваш на письмо мое, которое того не заслуживало. Нижайше Вас благодарю и заочно целую руку, которая много трудилась и доныне трудится для блага и утешения меньших нас, нуждающихся в слове укрепления.

Мои наблюдения над монашеством наших времен согласуются с Вашим взглядом, но Вы, поставленные выше на забрала христианских градов, видите далее. Слова Ваши: *спасение и разные способы его были даром Божиим человечеству, а отнюдь не собственным изобретением человечества,* поразили меня глубиною мысли, которая объяла в одном выражении судьбы прошедшего и будущего.

Но что будет с нами, что будет с Россиею, которая до сего времени видит землю обетованную во Франции и Иерусалим в Париже? Я разумею верхний слой общественного течения; низший все еще близок к своей родимой земле, а средний еще доселе течет неопределенно.

Что будет с Иерусалимом Палестинским, куда влекутся теперь многие и куда открываются нетрудные пути? Где будет развязка непонятных дел человеческих и действий непостижимых Великого Творца? Вавилоном кто назовется? Лондон ли приморский, или наш Петербург, или другой будущий город прибрежный?

Я думаю, что вся блестящая доныне и промышленность и торговля померкнут пред кровавыми сценами, свойственными нашему полузверскому свойству более тихих и обдуманных расчетов. Америка показала уже, до чего доходит человек, когда интересы его затрагиваются!

Европейское христианство утратило апостольский квас, а наше православное — по моему слабому и темному взгляду — по букве обветшало. Но предсказано ли обновление наше? Может ли переформироваться Соборами и веками установленное. Если нет — то времена близки. Невозможно оставаться и римлянам и грекам в настоящем положении. Человечество часть своего Избавителя, мы, православные,— Страшного Судии.

В настоящем положении я желал бы оставаться в виде наблюдателя скорее, нежели деятеля. Но, к сожалению, в 24 года не нашел нигде твердой точки для наблюдений. Уповаю, что схима, которая не напрасно же называется высшим Ангельским образом, доставит мне, чающему избавления, христианскую свободу. А настоятельство доказало мне на опыте, что на нынешней почве не будет и не может быть плод древнего вкуса и вида. Монашество наше стремится, елико можно и где можно, подражать миру в манерах, словах, обычаях, забывая, что эта внешность часто прикрывает пустоту и бесхарактерность. Это направление я видел повсюду, а там, куда еще не достигло оно, вместо древнего благочестия стоит одна древняя грубость и мертвая буквальность. Едва-едва и кое-где найдется человек, ищущий спасения. Ретроградное же направление скита Гефсиманского, Гуслиц и тому подобных общественных *заведений* и заманок рано или поздно обратится к общему руслу, куда все течет теперь неудержимо.

Л<адожские> Старицы пишут о Волжском упраздненном монастыре, который желали бы возобновить Воложане. И м. Елизавета указует на волю м. духовницы. Конечно, их обстоятельства тесны, и очень тесны, и они вынуждают искать себе приюта, как и я грешный. Не знаю, что могу я сделать в этом деле, но доколе еще сохранилось ко мне некоторое доверие, то я постараюсь быть им помощником по старому имени моему, которое возвратить желаю.

<Иеромонах Антоний.>
11 июля 1861 года.

№ 9

Возлюбленнейший о Господе
отец Игумен Антоний!

Благодарю Вас за письмо Ваше от 11-го июля. К сообщенным Вами новостям присовокупляю нижеследующую:

Видя, с одной стороны, что я направлением моим разобщился с общим направлением, а с другой, находя совершенною необходимостию употребить остаток моей земной жизни на тщательное приуготовление к вечности, я подал от 24-го июля прошение об увольнении меня от управления Епархиею и о предоставлении мне в управление Николаевского Бабаевского монастыря Костромской губернии, на Волге. Прошение мое я подкрепил письмами. По ходу обстоятельств можно надеяться, что не откажут.

Полагаю, что избранное мною положение есть наиудобнейшее по характеру нашего времени, в которое надо предпочесть некоторое попечение совершенному беспопечению, столько способствующему внимать себе, чтоб сохранить независимость от лиц иного направления. Когда я послал прошение, то ощутил в душе особенные мир и радость. Потрудитесь передать о начинании моем Старицам. Прошу Ваших святых молитв и их молитв, чтоб начатое дело устроилось в пользу души моей, во славу Божию и по воле Божией.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

31 июля <1861 г.>.

№ 10

Возлюбленнейший о Господе
отец Игумен Антоний!

Благодарю Вас за доброе и умное письмо Ваше от 13-го августа. Вы смотрите на современность точно так, как и я смотрю на нее. К добродетелям и преуспеянию нашего времени очень трудно пристать человеку, сформировавшему свой образ мыслей по учению св. Отцов Православной Церкви.

21 августа я получил уведомление от 6 авг<уста> от Синодального Обер-прокурора, что мое желание удовлетворено. Дело решено в Синоде 5 августа. По частным письмам Указ может быть послан чрез две недели, следовательно, около 20-го августа. Я могу получить его около 1-го сентября: почему надеюсь

быть на месте моего покоя около 1 октября. Милостию Божиею мне даруется место самое удобное и по уединению, и по многим другим отношениям. Должен благодарить Бога за неизреченные Его благодеяния, излитые на меня с самого детства моего!

Буду ожидать Вашего отклика на новом моем месте. Адрес: в город Нерехту Костромской губернии.

Милосердый Господь да утешит Вас обращением к Нему добрейшего юноши Петра. Ваш сын по плоти да соделается Вашим сыном по духу: Богу все возможно.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
искреннейшим слугою

Епископ Игнатий.
28 августа 1861 года.

№ 11

Возлюбленнейший о Господе
отец Игумен Антоний!

Письмо Ваше от 8-го октября получил я по прибытии в монастырь, куда притащился 14-го, захвативши сильную простуду дорогой. Вы очень справедливо говорите, что настоящее мое положение есть самое благопотребное для меня. Я признаю его даром милосердого Бога, *скрывшего меня в тайне лица Своего от мятежа человеческого, покрывшего меня в крове от пререкания язык* (Пс. 30. 21)[1]. Особенные милости Божии изливаются *во граде ограждения*. Для мира это непонятно.

О Наполеоне III многие основательные люди рассуждают так, как рассуждаете Вы. Но предопределений Промысла Божия о России не изменит Наполеон III, как не изменил их Наполеон 1-й. Святые Отцы Православной Церкви (например, Св. Андрей Критский в толковании на Апокалипсис, гл. 20) предсказывают России необыкновенное гражданское развитие и могущество. Это чувствуют и иностранцы. Недавно один английский государственный человек, в собрании, в котором рассуждали, чтó бы предпринять против русских, воскликнул: «оставьте в покое этот народ, над которым особенная рука Судьбы, который после каждого потрясения, способного по видимому погубить его, делается сильнее и сильнее». После Севастопольской катастрофы, стоившей России 250 тысяч народа убитыми, в ней прибыло народонаселения более 6-ти миллионов.

Эти миллионы разместились все дома, между тем как Франция и Англия свои избытки должны постоянно выселять. Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обуявшая соль предвещает их и ясно обнаруживает, что народ может и должен соделаться орудием гения из гениев, который наконец осуществит мысль о всемирной монархии, о исполнении которой уже многие пытались. Святое Евангелие следующими чертами изображает воззрение Господа на современный Ему народ Иудейский: *Видев же народы, милосердова о них, яко бяху смятени и отвержени, яко овцы, не имущия пастыря* (Мф. 9. 36).

Если бы услышали это тогдашние духовные Иудейские, напыщенные ученостию своею и самым отчетливым знанием Закона, самым тщательным преподаванием его народу: что сказали бы они? Клевета, клевета! воскликнули бы они в один голос. Так заставила бы их выразиться слепота их. — Если Наполеон III вычистит помойную яму, в которую стягивается все лучшее из страны и извергается за границу, все скверное из-за границы и рассыпается на страну — невелика беда!

Прошу Ваших святых молитв да сосредоточу зрение мое на мертвеце моем. Благословение Божие да почиет над Вами.

Ваш покорнейший слуга

Епископ Игнатий.

26 окт<ября> 1861 года.

P. S. Мой адрес: в Ярославль.

[1] Ср.: *Скрыеши их в тайне лица Твоего от мятежа человеческа, покрыеши их в крове от пререкания язык* (Пс. 30. 21). — *Ред.*

№ 12

Высокопреосвященнейший Владыка,

Милостивейший отец и Архипастырь!

Я не решался скоро писать Вашему Высокопреосвященству после Вашего последнего письма. Вы заключили его значительным словом: пора сосредоточить свое зрение на своем мертвеце. Это было и наставление, и замечание, и пример.

Но в это время последовали некоторые дела, о которых, конечно, уведомили Ваше Высокопреосвященство Ладожские Старицы. В краткое мое пребывание в С.-Петербурге по монастырским делам удостоился я милостивого приема Архипастыря нашего и продолжительной беседы об Успенских несогласиях. Владыко поручил мне заехать к ним и примирить их. Получив-

ши такое трудное приказание, я отправился сначала к о. Благочинному поверить мои мнения его замечаниями. Он и опытнее, и практичнее меня, но судит строже: я по слабости душевной не могу жестоко судить ни единого человека. Изволите видеть, что от своего мертвеца должен я был заняться ссорами, не умирающими в Старой Ладоге.

Я писал В. П.[1] Исидору, что единое средство мира — развести несогласных, и указал на Ивановский монастырь, о чем уже предварительно Митрополита просили. Я рекомендовал м<атушку> Августу и сестру Елисавету в самых почетных для них выражениях, не говоря, впрочем, ни единого слова о Вас. Татьяна Борисовна [Потемкина] принимает участие в этом деле, потому что ее питомицы, главная причина несогласия. Поэтому есть надежда, что Ивановский монастырь послужит убежищем для изгоняемых стариц.

Ваше Высокопреосвященство, конечно, не отка́жетесь ходатайствовать за Ваших учениц.

Но вот главное мое беспокойство, о котором я могу Вам только сообщить. В сестре Елисавете заметил я какую-то экзальтацию, какую-то жестокость в суждениях об Настоятельнице. Например, сказывала она мне, что видела, не знаю, какими очами, что злой дух вселялся или входил в Игуменью, что она пьет и проч.[2] Все это быть может, но при начале монастыря следовало бы побольше иметь смирения. Оно есть могила или ров для основания здания. На высоту еще не скоро взойти можно. Поэтому я осмеливаюсь просить Ваше Высокопреосвященство напомнить Ваши советы умной Вашей ученице: не верить снам и видениям.

Кроме этого, есть тут и Марья Ивановна[3] с разными пророчествами. Она теперь во смирении: жить ей негде, и потому ищет места, хотя бы для этого пришлось сдвинуть двух настоятельниц. Она готовится в сборщицы и рано или поздно окажется тяжким бременем для м<атушки> Августы.

Этих предчувствий моих я не говорил Старицам. Они так умны, что советы мои для них излишни: иное дело Ваше слово.

О делах политических скажу вкратце. Новостей две: прибавка к сугубой ектении во всей Московской епархии, сделанная Митрополитом Филаретом без сношения со Св. Синодом: о еже милостиву и благоуветливу быти — до праведного прещения и помиловати ны. Вторая — слухи, что московские патриоты и экономисты предлагают объявить банкротство России. В Петер-

бурге идут совещания о финансах и все нет исхода: в виду одни бумаги и более ничего.

Простите, Владыко святый! Испрашиваю Вашего прощения, благословения и святых молитв. Заочно кланяюсь до земли.

Вашего Высокопреосвященства
недостойный послушник многогрешный

Антоний.
Декабря 6-го 1861.

[1] Высокопреосвященнейшему. — *Ред.*

[2] Все это подтверждается великими клятвами. Надобно сказать, что и настоятельница своими поступками и нелюбовию и к Церкви, и к монашескому сущему житию подает повод к заключению о ее бесновании.

[3] Бывшая коровница Никольская.

№ 13

Возлюбленнейший о Господе
отец Игумен Антоний!

Поздравляю Вас с наступившими праздниками и наступающим Новым Годом и искренно благодарю Вас за участие, которое Вы приняли в Старицах. По сей же почте пишу к Графу, не упоминая Вашего имени, и прося дать Августе настоятельское место с выводом из Ладожского монастыря. Я писал уже давно Потемкиной (в начале декабря), чтоб она приняла участие в положении Ладожского монастыря. Но пред Митрополитом, к сожалению, ходатайство мое не имеет места. — Об всем этом я умолчал в письмах моих к Старицам, опасаясь дамского язычка, которому легко сделать вред и себе и ближним.

Я не виню ни стариц, ни игумению. Обе стороны действуют в своем направлении. Я видел столкновение разнородных направлений монашеских в Валаамском монастыре, куда был сделан Игуменом из Новоезерского монастыря Вениамин, человек, не пивший вина, ходивший к службам и в трапезу неупустительно. Эти достоинства не имели цены пред Валаамцами, которые требовали от Вениамина недостававших ему монашеских познаний и начитанности, которые в нем видели мирянина, а не монаха. В 1829-м году, при жизни старца Феофана, я приехал в Новоезерск, пожив в Оптиной и Площанской: мне показались новоезерские монахи мирянами, несмотря на отличное благоустройство монастыря и порядок богослужения, который, однако, ниже Площанского и Белобережского. Я спросил монахов: ходят ли они к Старцу для совета и откровения помыслов. Отвечали: «никто

не ходит, за исключением Комаровского, а обращаются к Старцу за советом преимущественно Горицкие монахини и в большом количестве миряне». Беседовал я несколько раз со Старцем: он прямо отвергал душевное делание, как очень удобное к переходу в прелесть, и выказал очень малую начитанность. Проводил он жизнь постную; к службам ходил неупустительно; вставал до утрени за час и вычитывал в келлии правило; сложения был атлетического, росту малого. Сообразно собственному направлению он руководил и других: как новоезерское братство, так и горицкие чужды духовного делания; все их внимание устремлено на благовидность наружного поведения и на телесный подвиг. Известно, что таким жительством вводится в душу самомнение и развиваются душевные страсти, которых телесный делатель и заметить в себе не может, и даже не подозревает присутствия их. Ему нельзя избежать самомнения: ему нельзя не видеть своего благовидного поведения и своих подвигов и наружных дел. Но мытарь, грешный и не знающий за собою ничего, кроме грехов, заслуживший осуждение человеков, оправдан пред Богом за то, что от сознания говорил *в себе:* «Боже». — и проч., а фарисей не удостоился такой милости Божией. Эту милость да дарует Бог всем рабам Своим, работающим Ему и телесным и душевным подвигом. Только без душевного подвига к разуму Божию приблизиться невозможно, сказал Св. Исаак. Все человеки немощны: почему невозможно не проявляться немощам и в тех, которые занимаются душевным подвигом. Не следует же казнить за эти немощи, как постоянно стремятся к тому праведники, что видим уже и из Евангелия.

Просящий Ваших св. молитв
недостойный

Епископ Игнатий.
28 дек<абря> 1861 года.
Мой адрес: в Ярославль.

№ 14

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший отец Игумен Антоний!

Искреннейше благодарю Вас за письмо Ваше! Вообще Ваши письма принадлежат к тем крайне редким, в которых виден взгляд практический и проницательный.

С некоторого времени я начал часто обращаться воспоминанием к молитве святых трех отроков в пещи Вавилонской: *Согрешихом, беззаконновахом* и проч. Какое превосходное в этой молитве исповедание своей греховности и частной и общественной!

какое оправдание попущения Божия и благоговение пред Ним! какой верный взгляд на современников! Точно: утешение христианина заключается в истинном духовном разуме, находящемся в тесном союзе с верою и смирением, которым плотский и душевный разум противен. Судьбы Божии привели меня быть свидетелем одной из горестных сеятв плевелов, враждебных Церкви. Эта сеятва называлась громким именем Православия, подобно тому как и другие многие подобные действия уже облекались и прикрывались великолепными наименованиями христианских добродетелей. Тогда сеятва приводила меня в ужас; я предчувствовал, что последствия должны быть ужасны.

Искренне желаю Вам, чтоб новое место послужило для Вас спокойным приютом, удобным в возделании спасения. Черемецкий монастырь беднее Введенского, но климат в первом гораздо здоровее второго. — Моим приютом я очень доволен, но здоровье мое расстроено в высшей степени. Время — сойти с земного поприща; но неоплаканные грехи приводят к желанию побыть еще в юдоли душеполезных страданий и плача, чтоб избежать плача и страданий бесполезных и вечных. Старицы очень благодарят Вас за участие в их положении и очень ценят это участие. Дай Бог им обрести мирный приют.

Поручаю себя Вашим Святым молитвам и любви о Господе. Призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
27 июня 1862 года.

№ 15

Высокопреосвященнейший Владыка,
Милостивейший отец и Архипастырь!

Ваша христианская ко всем любовь и Ваше монашеское смирение всегда побеждали Ваши немощи телесные: Вы всегда готовы были дать ответ меньшим братиям своим о Христе; так и ныне в переписке со мною Ваше Высокопреосвященство забываете великое расстояние между Вами и мною; с одобрением приемлете мои нескладные письма и отвечаете на них с отеческою снисходительностию. Потому я осмеливаюсь говорить о том, что по живости моего характера меня занимает, — о нынеш-

нем положении Отечества нашего; для Вас же, занятого беседою со святыми Отцами, такие предметы могут быть только отвлечением от единого на потребу.

Достигнув какого-то академического тысячелетия, Россия видит... что видит она? Простой народ почти в язычестве, наполовину в расколе; высшее общество в безверии; пастырей церкви, лишенных доверия стада; повсюду разорение, бедность; на берегах Балтийского и Черного моря никому не нужные сады и дворцы, а между этими морями прежние и древние русские города, постепенно опустевающие; деревни с соломенными кровлями отданы на высос кровопийцам: жидам русским и иностранным, откупщикам, аферистам, фабрикантам, полиции; народ, отданный в жертву слугам сатаны, которые, сами того не зная, приближают царство отца своего с удивительною ревностию, поспешностию, изобретательностию. Друг пред другом стараются все устроить наирадостному для них появлению Антихриста. Бедная Россия!

В полтораста лет Россия что-то делала, куда-то зашла, и сама не знает, что и куда? Но устала, изнемогла, истощилась во всем: непременно надобно стать теперь, потому что шагу нельзя сделать вперед; надобно отдохнуть, собраться с силами, на что-нибудь опереться; — но где опора? Где цель нашего царства? Кто бы ни был *во главе движения* — ему следует стать, и, преклонив колени, помолиться тою древнею, святою молитвою Отцов наших, которую Ваше Высокопреосвященство указали. Едва ли не настает для нас царство Валтасара после царства Навуходоносорова?

Со времени Петра, этого русского реформатора, который *почти* ругался над православием (как открывают теперь новые акты, открытые в архивах), и при всех его полунемецких потомках Церковь только из политики поддерживалась, хотя Господь поддерживал ее иначе: бедами, холерами, чумами, Двенадцатым годом и своими [нрзб.], нам не явленными. В нынешнее время стали лаять на нее явно; а пастыри, не грозясь на псов, пугающих стадо, сами поют песни, только не Иерусалимские. При Александре I было что-то подобное, но тогда эти припадки безверия были не общими, а ныне своеволие и безверие сделались почти эпидемиею в полуобразованном нашем обществе, и надобно хоть неделю походить по Петербургу, чтоб узнать, что это за город?

К научению нашему, все дрессированное общество, от Англии и Америки до соседки нашей Пруссии, видит (если только видит!), что все связи и опоры человеческого общества разрываются и

падают, не представляя ничего в будущем, чем заменить разрушающееся; надобно с часу на час ждать развязок, разгадок этих человеческих драм, этих длинных историй, которые сочинялись мимо Господа, Творца всяческих. Все политические и финансовые склейки раскалываются в прах; ум человеческий, никогда еще столько не напряженный, утомлен до невозможности, соображая прошедшее и вперяясь во все телескопы во мрак будущего: повсюду тьма для правдивого философа. А между тем опьяненные XIX веком и его открытиями, обманутые ложным прогрессом легкомысленные юноши и старики, еще более презренные, вопиют о всеобщих надеждах и будущих завоеваниях науки! Какое-то бесовское восхищение, какой-то сатанинский праздник повсюду. Есть чему радоваться врагу человеческого рода! В праздники невские мосты стучат от колесниц, скачущих на пьяные сборища по островам; железные дороги недостаточны для царскосельских и павловских гуляк; по городу оставшиеся полунищие ходят артелями, шатаясь и срамословя, а в пустых церквах в это время на почтовой одиночке несется царь Давид.

Когда случалось мне бывать в Петербурге в праздничные дни после полудня, то я с каким-то темным чувством глядел на все окружающее, вовсе не христианское зрелище, и самого себя, свою одежду, с горькою печалию окаявал, яко вовсе не подходящую к этой модной грязи и столичной пыли. Монах на тротуарах Петербурга! Это самое жалкое по наружности существо. Каково было бы Самому Посетителю душ наших, если б Он благоизволил поискать Себе пристойного убежища? Едва ли сыщется и Лот, не только Авраам, в этом Содоме.

А Москва, забывая свою святую историческо-русскую наружность, всячески старается не отстать от Петербурга в модничаньи, даже неохотно слушает похвалы своему вековому Кремлю, а указывает на свои новые домы и лавки и прочие заведения суеты. Ей подражают и все губернские города. Избави, Боже! Можно дожить до такого времени, когда монастыри и церкви будут колоть глаза, напоминая Царство Божие анархистам и безбожникам, а колокола и теперь уже стали беспокоить слух, приученный к цыганским гикам, шарманкам и загородной музыке. И вот видимый всеми торжественный прогресс и его плоды, видимый в праздничный день или вечер праздничного дня, а другой цивилизации еще не видно.

На таких вечерних вакханалиях собираются и дружатся все — от профессора университета до безграмотного бурлака, от купца-

раскольника до нынешнего джентельмена. Поэтому, где дается воля страстям — туда стремятся все, как устремятся и некогда на праздники антихристовы. А где прибыток в виду, то к этой цели бегом бегут от старухи-барыни до ее лакея. Это гадкое зрелище видел Петербург при раздаче акций водопроводов, которые возвышали на один процент противу обыкновенного процента капитала. Ужасное и отвратительное позорище представляет наш мир XIX века, когда затронуты его интересы! Америка, восхваляемая, теперь показывает, что она такое в сущности. Калифорния учит, что можно жить без Бога и правительства. И вот цель нашей России! Избави и сохрани нас Господи! Лучше жить под игом татар с русскою и православною, свободною душою, лучше быть греками безотечественными, нежели с нашею мнимою славою дorебячиться до нашего жалкого времени.

Оставляю до следующих писем, что, казалось мне, могло бы остановить ход мнимого прогресса, хотя мнение мое наперед выставляю несбыточным. Прошу, Ваше Высокопреосвященство, простить меня и за это длинное письмо, в котором нового ничего нет, кроме разве выражения мыслей особенного, но эта особенность принадлежит всем. Каждый из нас изъявляет по-своему свои чувства.

О монастырьке своем скажу, что начал я исправлять кровли и покрыл почти все толем осмоленным; думаю сделать собор теплым: на все это ухлопал последние свои гроши, а не вижу в будущем поддержки ни внешней, ни внутренней. Если бы мы искали Царствия Божия — все приложилось бы нам, но, видно, худо ищем, когда помощи доселе еще не видно. Жизненное плавание мое близко к концу, и устал я, налегая на весла: все тина и тина, или беспокойное озеро: не выехал еще на тихое приволье, вдоль по реке и по течению. Буди воля Божия!

Испрашивая святых молитв и Архипастырского благословения с моею совершенною преданностию и сыновьим почтением честь имею навсегда остаться

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивого Государя и отца,
недостойным послушником
многогрешный

Антоний.
Июля 15. 1862.

Куда девались старицы Успенские — не знаю. Писал я им по адресу, но ответа не имею. Горька их участь. Но, видно, с нею и спасение. За чужие радости они не отдадут своей печали.

№ 16

Возлюбленнейший о Господе
отец Игумен Антоний!

Благодарю Вас за письмо Ваше от 15-го июля. На первые строки его скажу Вам в ответ, что постепенно приближаясь к исходу из гостиницы земли, постепенно теряю сочувствие к временной расстановке в ней человеков, и стремлюсь соединиться духом воедино со всею о Христе братиею. Думаю, что ныне я сблизился с Вами более, нежели когда-либо.

Милость Божия даровала мне тихий, весьма удобный приют, соответствующий и потребности душевного настроения, и потребности крайне расстроенного здоровья. Бабаевский монастырь гораздо уединеннее и Коневца, и Валаама. Безмолвие начинает действовать на меня благотворно, отвлекая очи ума от зрения на деющееся в мире и направляя их к созерцанию своей греховности и предстоящего Суда Божия. Все совершающееся совершается под недремлющими взорами Всеблагого и Всемогущего Бога, одно по воле Божией, другое по попущению Божию. *Горе миру от соблазнов* сказал Спаситель; *но подобает приидти соблазнам*, предрек Спаситель. Попущение соблазнов, как логичное следствие употребления произвольного человеками их свободы или воли и как казнь, сама собою вытекающая из злоупотребления воли (так как Богом и дана свобода воли, и вместе дан закон, как употреблять ее), должно созерцать с благоговением, покорностию, исповеданием своей греховности и правосудия Божия. Очень наставительна молитва святых трех отроков в пещи Вавилонской. Да совершается воля Божия! Да дарует милосердый Господь спасение немощным, от них же первый есмь аз, которые имеют какое-либо произволение, хотя и самое немощное, спастись.

Если узнаете что о Церкви, не откажитесь известить: я ни с кем переписки не имею о сем предмете, да и не всему и не всем можно доверять. Может быть, и сами Вы когда-либо (напр., при поездке в Москву) захотите навестить и старинного Вашего знакомого. Я с особенною приятностию увидел бы Вас в Обители Святителя Николая Бабаевской.

Просящий Ваших святых молитв
недостойный

Епископ Игнатий.
22 июля 1862 года.

P. S. По полученному мною сегодня письму от Стариц видно, что они решились приютиться в Тверском Крестовоздвиженском монастыре.

№ 17

Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший отец Игумен!

Приношу Вам искреннейшую признательность за воспоминание Ваше о мне, грешном. Письмо Ваше от 20-го дек<абря> имел честь получить 2-го января. Поприще нового года да даруется нам благополучное, по неизреченной милости Божией.

Мнение Ваше о монастырях вполне разделяю. Положение их подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых апреля: снаружи снег — как снег, а под низом его повсюду едкая весенняя вода; она съест снег при первой вспомогательной атмосферической перемене. Важная примета кончины монашества: повсеместное оставление внутреннего делания и удовлетворение себя наружностию напоказ. Весьма часто актерскою наружностию маскируется страшная безнравственность. Истинным монахам нет житья в монастырях от монахов актеров. За такое жительство, чуждое внутреннего делания, сего единого средства к общению с Богом, человеки делаются непотребными для Бога, как Бог объявил допотопным прогрессистам. Однако Он даровал им 120 лет на покаяние.

Мною поручено книгопродавцу г-ну Глазунову представить Вашему Высокопреподобию экземпляр моих сочинений, — когда они выйдут из печати. Прошу принять благосклонно и быть снисходительным к моему скудоумию.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

3 янв<аря> 1963 года.

№ 18

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший отец Игумен!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне. Вам 61 год, и мне 57. Лета [будто] бы не большие!

Но я уже оканчиваю жизнь мою, потому что *зли быша дни мои*, по выражению Патриарха Иакова. Здоровье у меня от природы слабое: трудностями жизни оно сокрушено. Величайшая трудность была нравственная: в новоначалии моем я не мог найти монаха, который был бы живым изображением аскетического учения Отцов православной Церкви. Желание последовать этому направлению, по причине сознания правильности его, поставило меня в положение оппозиционное по отношению ко всем и ввело меня в борьбу, из которой перстом Божиим, единственно перстом Божиим, я выведен в Бабаевское уединение, если только выведен. И на отшедшего, как видите, подымают голос; и подымают его по той же причине: по причине уклонения от учения Святой Церкви и принятия понятий противных, даже враждебных этому учению.

Относительно монастырей я полагаю, что время их кончено, что они истлели нравственно и уже уничтожились сами в себе. Вам известен отеческий путь, состоящий в духовном подвиге, основанном на телесном подвиге в разуме. Опять Вам известно монашество русское: укажите на людей, проходящих этот подвиг правильно. Их нет. Существует по некоторым монастырям телесный подвиг, и то более на показ людям. О<тец> Макарий Оптинский решительно отвергал умное делание, называл его причиною прелести и преподавал одно телесное исполнение заповедей. Но св. Исаак С<ирин> говорит, что телесное делание без душевного — сосцы сухи и ложесна бесплодны: это видно на воспитанниках Оптиной пустыни. Но о. Макарий в наше время был лучшим наставником монашества, действовал по своим понятиям, с целию угождения Богу и пользы ближним, при значительном самоотвержении. Если б, как Вы говорите, и решились восстановить монашество, то нет орудий для восстановления. Нет монахов! а актер ничего не сделает. Дух времени таков, что скорее должно ожидать окончательных ударов, а не восстановления. Спасаяй да спасает свою душу, сказали святые Отцы.

О моем уклонении от общественного служения не жалейте и не думайте, что я мог бы в нем принести какую-либо пользу. По духу моему я решительно чужд духа времени, и был бы в тягость другим. И теперь терпят меня милостиво единственно потому, что нахожусь в дали и глуши.

В «Домашней Беседе» помещен отзыв на критику Матвеевского единственно с целию огласить учение Отцов православной Церкви для остающихся чад ее.

Спаси Вас Господи за любовь и внимание, которое Вы оказываете монахине Марии Шаховой. И на ней можно видеть, как направление по учению святых Отцов в наше время нетерпимо. Не терпят его от того, что чужды ему, не знают его, не изучали его, нисколько не занялись им. Говорят, что ныне в книжных лавках обеих столиц вовсе прекратился расход на духовные книги, или он так мал, что можно признать его прекратившимся. Всему, что сказано в Писании, подобает быть.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Е<пископ> Игнатий.

21 февраля.

Очень верно изобразил первомученик Стефан болезнь своих современников (Деян. 7. 51). Ненависть к Святому Духу является от принятия противного духа, который может вкрасться неприметно при действии свойственного себе слова.

№ 19

Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший отец Антоний!

Вы угадали: письмо Ваше пришло ко мне на Страстной неделе. Благодарю Вас за воспоминание и приветствую с Светлым Праздником. Когда увижу вас лицом к лицу?

О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок. Отживает оно век свой вместе с христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить некому. Для этого нужны мужи духоносные, а ныне, даже водящихся отчасти писаниями Отцов, при объяснении их душевным разумом, каков был о. Макарий Оптинский, и<х> нет. Правда: и ныне некоторые разгоряченные верхогляды, даже из оптинских, берутся за поддержание монашества, не понимая, что оно — великая Божия тайна. Попытки таких людей лишь смешны и жалки: они обличают их глубокое неведение и судеб Божиих, и дела Божия. Такие умницы и ревнители, что ни сделают, все ко вреду. Заметно, что древний змий употребляет их в орудия умножения в монастырях житейской многопопечительности и подьяческого характера, чем решительно уничтожается дух монашества, исполненный святой простоты. — Надо

покориться самим попущениям Божиим, как это прекрасно изложено в молитве святых трех отроков, ввергнутых в пещь Вавилонскую.

В современном монашеском обществе потеряно правильное понятие о умном делании. Даже наружное благочинное поведение, какое введено было в Опт. Пустыне о. Леонидом и Макарием, почти всюду оставлено. Вы правду говорите, что и в юности моей не нашел старца, который бы удовлетворил меня; но это можно еще приписать и тому, что я не искал как должно, не умел искать, не имел достаточных средств на то. Удовлетворительнейшее лицо, с котором пришлось встретиться, был монах Никандр, просфорник Бабаевского монастыря, муж благодатный. С ним беседовал и в 1847 году. Он достиг высшего преуспеяния в умной молитве, проходил этот подвиг очень просто, естественно, не был в славе у человеков. Прежде умное делание было очень распространено и между народом, еще не подвергшимся влиянию Запада. Теперь все искоренилось, осталась личина благочестия; сила иссякла. Может быть, кроется где-либо, как величайшая редкость, какой-либо остаток прежнего. Без истинного умного делания монашество есть тело без души. Наступила весна: не замедлит наступить лето и жатва. О монашестве о. Никандр понимал так же, как понимаю и я. Называл он монастыри пристанями, по назначению, данному им от Бога; говорил, что эти пристани обратились в пучины, в которых вредятся и гибнут душами многие такие люди, которые посреди мира проводили весьма хорошую жизнь. Некоторым, вопрошавшим его, советовал остеречься от вступления в монастырь. Надо знать существенно нынешнее положение монастырей, которые могут еще показаться для верхоглядов местами спасения. По крайней мере, в избрании монастыря должно быть чрезвычайно̀ осторожным и осмотрительным.

Если вздумаете посетить меня, то привезите с собою стихотворения Ваши. Из них читал я одно. В ожидании этого приятнейшего времени, прошу памятствования Вашего о мне в святых молитвах Ваших. С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
21 апреля 1864 года.

№ 20

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший отец Игумен Антоний!

Искренне благодарю Вас за посещение меня, грешного: этим посещением доставлено мне сердечное утешение. Особенно признателен Вам за то, что Вы захотели познакомить меня со стихотворениями Вашими, с Вашим прекрасным талантом, которому даю всю справедливую цену. Мать Мария, по отъезде Вашем, еще прочитала мне некоторые сочинения Ваши. Все дары Бога человеку достойны уважения. Дар слова несомненно принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово. Слово человеческое, подобно Слову Божию, постоянно пребывает при отце своем и в отце своем — уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно. Слово человеческое ведомо одному уму, из которого оно постоянно рождается и тем выражает существование ума. Существование ума без слова и слова без ума мы не можем представить себе. Когда ум захочет сообщиться уму ближних, он употребляет для этого свое слово. Слово, чтоб приобрести способность общения, облекается в звуки или буквы. Тогда невещественное слово делается как бы вещественным, пребывая в сущности своей неизменным. И Слово Божие, чтобы вступить в общение с человеками и спасти их, вочеловечилось.

При основательном взгляде на слово человеческое делается понятною причина строгого приговора Господня, которым определено и возвещено, что человеки дадут отчет в каждом праздном слове. Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях — наставление и спасение человеков: какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления! — Святой Григорий Богослов писал стихами с возвышенною, глубоко благочестивою целию: доставить христианскому юношеству чтение и образцы в поэзии, сделать для них ненужным изучение языческих поэтов, дышащих сладострастием и прочими страстями, дышащих богохульством. Искренне желаю и для Вас цели Богослова, находя Вас способным в известной степени удовлетворить этой цели, — и мзда Ваша будет многа на земле и на небе. Возложите на себя иго этой цели, как обязанный в свое время представить отчет в данном Вам таланте Подателю его. Возложите на себя *труд*

достигнуть этой цели. Займитесь постоянно и смиренно, устранив от себя всякое разгорячение, молитвою покаяния, которою Вы занимаетесь; из нее почерпайте вдохновение для писаний Ваших. Затем подвергните собственной строгой критике писания Ваши, и, при свете совести Вашей, просвещенной молитвою покаяния, извергните беспощадно из Ваших сочинений все, что принадлежит к духу мира, что чуждо духу Христову. *Горе смеющимся ныне!* Это — слова Христовы! это — определение, исшедшее от Бога! Невозможно устранить их никаким словоизвинением. Судя себя и рассматривая себя, Вы увидите, что каждое слово, сказанное и написанное в духе мира сего, кладет на душу печать свою, которою запечатлевается усвоение души миродержцу. Необходимо в таких словах, исторгнутых увлечением и неведением, покаяние. Необходимо установить в сердце залог верности Христу, а отпадения сердца от верности, по немощи нашей, врачевать немедленно покаянием и устранением от себя действий, внушенных неверностию, соделанных под влиянием духа и духов, нам льстящих и вместе жаждущих погибели нашей.

В воображении моем уже рисуется книга стихотворений Ваших, Ваших песнопений, достойно именуемых и священными, и изящными. О! да увижу событие ожидания моего, да возрадуюсь о нем радостию духовною! — О себе не говорю Вам ничего: Вы увидели больше, нежели сколько могу сказать. И паки благодаря за труд, принятый Вами для посещения меня, призывая на Вас благословение Божие и прося Ваших святых молитв, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою.

Е<пископ> Игнатий.
11 августа 1864 года.

№ 21

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший отец Игумен!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающими праздниками и Новым Годом. Вместе с тем прошу у Вас прощения в продолжительном молчании, причиною которого то, что я от болезненности сам не свой.

Несомненно то, что в стихотворениях Ваших встречается то чувство, которого *нет* ни в одном писателе светском, писав-

шем о духовных предметах, несмотря на отчетливость стиха их. Они постоянно ниспадают в свое *чувственное,* и святое духовное переделывают в свое чувственное. Душа не находит в них удовлетворения, пищи. Как прекрасен стих в «Аббадоне» Жуковского! и как натянуто чувство! очевидно: в душе писателя не было ни правильного понимания описываемого предмета, ни истинного сочувствия ему. По причине неимения истины он сочинил ее и для ума и для сердца, — написал ложную мечту, не могущую найти сочувствия в душе разумного и истинно образованного, тем более благочестивого читателя.

Мне очень нравился метод Пушкина по отношению к его сочинениям. Он подвергал их самой строгой собственной критике, пользуясь охотно и замечаниями других литераторов. Затем он беспощадно вымарывал в своих сочинениях излишние слова и выражения, также слова и выражения сколько-нибудь натянутые, тяжелые, неестественные. От такой вычистки и выработки его сочинения получали необыкновенную чистоту слога и ясность смысла. Как они читаются легко! в них нет слова лишнего! Отчего? от беспощадной вычистки. Почитав Ваши стихотворения и дав в себе сформироваться впечатлению от них, нахожу, что и Вам необходим этот труд. Как ваши сочинения легко читаются! сказал Пушкину его знакомый. От того, отвечал Пушкин, что пишутся и вырабатываются с великим трудом. Смею сказать, что и я стараюсь держаться этого правила.

Мой сборщик, умный монах, лет 50-ти, возвратился с Кавказа и с приволжских губерний. На Кавказе принят был очень радушно, но насбирал мало по причине оскудения страны от неурожаев, а паче по причине общего и быстрого охлаждения народа к Церкви. Ему говорили мои знакомые: только три года Владыка от нас, а ему не узнать бы теперь народа, так он переменился. В Саратове Преосвященный подписал книгу для сбора на месяц; после этого сборщик был принят только в два дома; в каждом дали ему по 15-ти коп<еек> сер<ебром>. Между тем строится в городе огромный театр, как бы некий Кафедральный Собор. Приезжающие сюда богомольцы из других губерний сказывают, что монастыри, содержащиеся подаяниями, приходят в крайний упадок, по причине изменения, последовавшего в направлении всего народа. Живем в век быстрейшего прогресса.

Прося Ваших святых молитв и призывая на Вас благословение Неба, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
16 декабря 1864 года.

№ 22

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший отец Игумен!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за письмо Ваше от 1-го февраля. Удивило меня поздравление Ваше с поправлением моего здоровья, тем более, что получено мною такое поздравление от многих. О, когда бы это было справедливо хотя в некоторой степени и мне дана была хотя некоторая деятельность келейная, — келейная, не более того. Дело в том, что с половины сентября принимаю лекарство, которое очень гонит золотушные и ревматические мокроты, но вместе с тем производит крайнее изнеможение и отнимает все способности и всю возможность заниматься. Судя по обилию отделяющихся мокрот, можно заключать, что естественно последовать облегчению от болезни, хотя некоторому, по окончании курса лечения.

Удивило меня и то, что Вы помните день моего рождения! Спаси Вас Господи!

Воля Божия да совершается над нами. На земле нет прочного мира: такой мир на небе. Европейские народы всегда завидовали России и старались делать ей зло. Естественно, что и на будущее время они будут следовать той же системе. Но велик Российский Бог. Молить должно Великого Бога, чтоб Он сохранил духовно-нравственную силу нашего народа — православную веру. По крайней мере мне, при страшной немощи моей, желалось бы в покаянии закрыть глаза, доколе не умолкло в храмах Божиих славословие Бога.

Прошу и Ваших святых молитв о мне, грешном, и о всем православном народе нашем. Благословение Божие да почиет над Вами и над вверенным Вам братством. С чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Е<пископ> Игнатий.
13 февраля 1865 года.

P. S. В С.-Петербурге оканчивается печатанием моя книга в 2-х томах под названием «Аскетические Опыты». Из нее читан был Вам разговор старца с учеником о Иисусовой молитве. Напечатание должно окончиться в последних числах февраля или первых марта. Потрудитесь поручить кому-либо принятие экземпляра, назначенного для Вас, от Петра Александровича, квартирующего у Знамения на Лиговке в доме Фридерикса, в меблированных нумерах Щербакова.

№ 23

Высокопреосвященнейший Владыко
Милостивейший отец и Архипастырь!

Нижайше благодарю Ваше Высокопреосвященство за ответ, которым Вы меня удостоили и за доверенность к моему взгляду на Ваши сочинения, взгляду помраченному и страстями и сопребыванием с миром, который уничтожает нашу духовную зоркость своею пестротою. Только чистая и тихая вода отражает небо. Обозреть здание, весьма высокое, надобна лествица; основание здания глубокое, твердое и со многими тайниками нельзя поверить без светильника и путеводной нити. Страшно взглянуть вниз с безмерной высоты, и нелегко чувствуется во глубине.

Не сознаю в себе достаточных сил для обозрения и оценки Ваших творений, потому именно, что никто из моих современников — писателей духовных по профессии и аскетов по жизни — не достигал столько той высоты отеческих писаний и ее глубины, как Ваше Высокопреосвященство. Об этом я говорил однажды бывшему Обер-прокурору графу Толстому. Он был несколько удивлен моими словами: тогда Ваши сочинения были менее известны, и то немногим и не все в совокупности. Теперь Его Сиятельство может поверить мои слова на самом деле, если только он читает духовные книги. Сознавая всегда великость Ваших духовных знаний и Ваших трудов, я всегда сознавал и в себе неспособность следовать Вашему примеру, и по причине моей жизни, протекшей до знакомства с Вами в мирской суете, и по моему несколько расстроенному воображению, которое всегда своими красками расцвечивало духовные очерки, требующие не яркости, а правильности и точности. Всегда мир в определенный круг православия вносил свои произвольные прибавки, и многого труда стоило покорить ум в простоту верования.

Зная духовную жизнь только из опытов над самим собою, я должен признаться в крайней незрелости, в бессилии управлять

самим собою, в незнании управления другими, в неимении той проницательности в различении добра и зла, которая в наши годы некогда давалась яко дар для пользы вверенных нам душ. И в духовной слепоте.

Посему, если осмелюсь сделать мои замечания, то предварительно прошу принимать их по мере моего незнания. Дозвольте начать.

На странице 649 1-го тома Вы говорите о Ваших скорбях и о человеке, которого называете врагом. Едва ли нам дозволено опытностию выставлять наши душевные страдания: мир радуется нашим скорбям и сознает нас уже побежденными, если мы испустили хоть единый болезненный вопль. Он забывает Иова, оправданного при дерзновении, и друзей его, обвиненных Небом, хотя они и являлись благорассудительными. Недавно попались мне стихотворения Некрасова, в которых есть стихи, близкие к моим мыслям. Это говорится о больном, забытом солдатике, умирающем в отпуску у матери: «Не любил, сударь, рассказывать он про жизнь свою военную; грех мирянам-то показывать душу, Богу обреченную; говорить — гневить Всевышнего; окаянных бесов радовать; чтоб не молвить слова лишнего; на врагов не подосадовать». Немота пред кончиною подобает христианину. В<аше> В<ысокопреосвященств>о, в отпуску и в родном доме Матери-Церкви, избитые испытаниями: покройте молчанием все претерпенное Вами. При 2-м издании можно выпустить с оговоркою, что это делается не из ложной осторожности, а [по] некотором размышлении.

№ 24

Христос воскресе!

Высокопреосвященнейший Владыко,

Милостивейший отец и Архипастырь!

Приношу мою убогую благодарность за богатое дарование Ваше: за два тома Ваших сочинений. Некоторые мне известны, остальные читаю со вниманием, учась из них многому, позабытому: нам так свойственно забывать душеполезное и помнить прежнее, малоназидательное, но оставившее в крови нашей свои aima-графические отпечатки! Простите, что написал греческое слово, связав его с греко-русским: иначе не могу выразить свою мысль. Кровяная наша душа, т. е. вся жизнь, движущая наше тело и получившая с детства внешние, здешние впечатления, образы мира сего преходящего, часто вовсе

забывает о своем тонком, чистом духе, высшем ее, забывает или не знает о тайне сердца своего, забывает благодатные, при крещении вдунутые в него Божии дарования, забывает часто до того, что человека делает всего душевным, а не духовным, и кровию своею, как густым непроницаемым туманом, окружает ум и предносит пред него свои образы и часто фантазии. Увы! как трудно облегчиться от этой кровавой густой плевы, как трудно сделаться кристаллом духовным, пропускающим лучи света!

В сочинениях Вашего Высокопреосвященства столь много сокровищ, утаенных от мира, столько недоступного для душевных, подобно мне людей, что немногие отдадут им истинную дань удивления. А между тем — это все приобретение Ваше и опытом и любовию к отеческим писаниям. В эти-то зерцала, отражающие Божественный свет, Вы часто смотрели: потому и на Ваших творениях он отражается.

Простите мою ненужную похвалу: чтобы сказать ее, надобно было слабый ум мой принуждать ко благому: он все носится по внешним предметам. Потому скажу для отдыха себе о внешнем. Печальная кончина Наследника[1], этого стебля царского древа, завявшего в иностранной теплице, не отогревшегося от чужого солнца, горько меня поразила *тем*, что он поник главою на чужой земле, на земле, всегда нам недоброжелательной, избранной Богом для казни нашей! Союзы царей Иудейских с царями Израильскими-Самарянскими никогда не благословлялись Богом. Не благословлялись никогда наши союзы с Франциею. Лечиться следовало бы или при своих святых мощах, или на Кавказе, а умирать на своей земле. *Смерть его* в Ницце, рано или поздно, *в будущее*, может быть, *царствование, может дать повод к самозванцам.*

В дни известия о Его кончине здесь была сильная снеговая буря, покрывшая на $^1/_4$ аршина землю снегом: что-то грозное предвещается с его лишением.

Моя скудная полуразвалившаяся обитель до сего времени едва-едва принимает некоторый, и то малоприличный, вид. Едва ли нам полезно восстановлять обреченное на близкое, быть может, разорение. Но воля Божия да будет.

Испрашиваю обители своей и себе, недостойному, Ваших святых Архипастырских молитв и благословения, с моею глубочайшею признательностию за Ваши милости и совершенным почтением честь имею быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнейшим слугою
многогрешный

И<гумен> Антоний.
Апреля 26/1865.

[1] Речь идет о старшем сыне Императора Александра II Николае Александровиче (1843–1865), наследнике престола, умершем при жизни отца. — *Ред.*

№ 25

Ваше Высокопреподобие,
Возлюбленнейший о Господе отец,
Игумен Антоний!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за письмо Ваше от 25-го мая и за отзыв Ваш об «Аскетических Опытах». К благодарности присовокупляю и просьбу. Постепенно читая «Опыты», не откажитесь записывать Ваши замечания. Укажите, что найдете неясным, неполным, неправильным, — и, в свое время, сообщите мне. Стараюсь воспользоваться замечаниями, чтобы сделать в книге пополнения и исправления, признавая эту книгу никак не моею собственностию, а достоянием христианского, православного общества.

Жаль Петербурга, не в первый раз страждущего от своего неглубокого моря. Прописываемое Вами о раскольниках напечатано не только в «Духе Христианина», но и в «Христианском Чтении» 1864 года, в декабрьской книжке. Обстоятельство это — величайшей важности.

Мое здоровье в обычном положении, а истощание, кажется, что умножается и умножается. О<тец> Игумен и Петр Александрович приносят Вам искреннейшую благодарность за воспоминание о них, заботятся о приведении монастыря в порядок и о упокоении меня. И здесь погода очень холодная. Только однажды я мог выйти в рощу.

Поручая себя Вашим святым молитвам и призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Е<пископ> Игнатий.
30 мая 1865 года.

№ 26

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший отец Игумен Антоний!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за сделанное Вами замечание относительно *некоторых выражений* на странице 649 первого тома «Опытов». С тою же искреннею благодарностию приму и дальнейшие замечания Ваши: книгу считаю не моею собственностию, а собственностию всего христианского общества, и, по этой причине, признаю за особенное одолжение — труд благонамеренных и знающих лиц, заключающийся в тщательном пересмотре «Опытов» и в сообщении мне замечаний, которыми постараюсь воспользоваться соответственно возможности моей.

В упомянутом Вами месте не говорится ни о каком лице именно: изложена *теория* святых аскетов, поверенная *практикою*. Теория эта необыкновенной важности, именно тогда, когда проверяется опытом. Это — поприще деятельной веры. Человек образуется этим положением: по этой причине на всем пространстве «Опытов» высказывается действие положения. Статья написана в 1847 году. Лица — деятели того времени — все вымерли; совершившееся приписано *повсюду* в «Опытах» устроению Промысла Божия и потому не относится ни к какой личности. Промысл Божий повсюду оправдан, а подвергавшийся скорбям повсюду обвинен. Смею думать, что подобное высказано многими Отцами,— даже апостолом Павлом в его посланиях, и совершенно в том же духе и смысле. Факты остаются фактами. Действия, оправдываемые по отношению к Промыслу Божию, не престают иметь свое значение в отношении к действующим людям, и зло нельзя назвать добром. Я переживал в Сергиевой Пустыне ту эпоху, во время которой неверие и наглое насилие, назвавшись православием, сокрушали нашу изветшавшую церковную иерархию, насмехались и издевались над всем священным. Результаты этих действий поныне ощущаются очень сильно. По милости Божией, желаю всем простить все — более — никого не считать провинившимся предо мною; но действия врагов Церкви и Христа желаю понимать и признавать тем, что они есть. Ведь и антихрист назовет себя Христом. Ведь и явление его должно признавать справедливым попущением Божиим; но самому лицу и его действиям цена — своя.

Положение, в которое приведена Церковь, ясно изложено в декабрьской книжке «Христианского Чтения», в статье: «Новые издания по расколу», страница 440.

О<тец> Иустин и Петр Александрович благодарят Вас за воспоминание о них. Вы говорите справедливо об о. Иустине. Я питаю к нему и чувство уважения и чувство благодарности.

Поручая себя Вашим святым молитвам и призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим слугою.

Е<пископ> Игнатий.

18 июня 1865 года.

№ 27

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший отец Игумен Антоний!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне; равным образом благодарят Вас о. Иустин и Петр Александрович. Вы не забыли и меньшую братию! спасет Вас Господь.

Замечаниями на «Аскетические Опыты» Вы сделаете мне истинное одолжение: потому что я признаю эту книгу не моею собственностию, а собственностию всех современных подвижников православной Церкви. По этой причине желаю пополнить и исправить ее по возможности моей, таким образом приготовить ее в более удовлетворительном виде ко второму изданию. По всей вероятности второе издание состоится не скоро, а может быть, дух времени сделает это издание и вовсе излишним: по крайней мере, я должен исполнить долг мой пред ближними. О статье «Дня» мне сказывали, что она есть памфлет протестантский, в котором повторены возгласы Лютера и братии. Мы так немощны, что не можем противостать никакому нападению: одна надежда на Господа Бога, обетовавшего пощадить Содом и Гоморру ради *десяти* праведников, если б они нашлись в этих городах. Здоровье мое почти в таком же положении, в каком Вы видели его; преуспеяние в болезненности заключается в крайнем изнеможении и в оставлении по причине этого изнеможения всех кабинетных занятий.

Прося Ваших молитв и призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.

P. S. В январе Петр Александрович полагает быть в Петербурге.

24 декабря 1865 года.

№ 28

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший о. Игумен Антоний!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне. Письмо Ваше тем особенно утешило меня, что сюда долетели очень преувеличенные слухи о пожаре в Вашем монастыре, и я опасался за здоровье Ваше. Если же сгорела одна, известная мне, гостиница, то потеря ничтожна. Заметно, что отовсюду подвигается буря на монастыри, которые, по своему существенному значению, пришли в состояние не лучшее Вашей сгоревшей гостиницы. Религия вообще в народе падает. Нигилизм проникает в мещанское общество, откуда недалеко и до крестьян. Во множестве крестьян явилось решительное равнодушие к Церкви, явилось страшное нравственное расстройство. Подрядчики, соседи здешнего монастыря, единогласно жалуются на утрату совести в мастеровых. Преуспеяние во всем этом идет с необыкновенною быстротою.

Архимандрит Епифаний известен мне по Кавказу: почему со всею решительностию могу сказать, что он не есть сочинитель статьи «Дня», подписанной буквами ZZZ. Или сваливают на него, или же он сам принимает на себя, находя это выгодным для себя.

Мы живем очень тихо, возложившись на Господа, Который и в самые времена антихриста будет руководить рабов Своих и уготовлять им места и средства к спасению, как это засвидетельствовано в Апокалипсисе.

О<тец> Иустин и прочие братия, воспоминаемые Вами, благодарят Вас за воспоминание и просят Ваших молитв. П<етр> А<лександрови>ч находится в Петербурге: ждем скоро сюда.

Поручая себя Вашим святым молитвам и призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Е<пископ> Игнатий.
18 февраля 1866 года.

№ 29

Возлюбленнейший о Господе отец Игумен Антоний!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне и за благие Ваши желания. Благодарят Вас за воспоминание о. Иустин и послушник Василий. Петр Александрович находится в С.-Петербурге для наблюдения за печатанием 3-го и 4-го тома моих сочинений. Прошедшая осень и нынешняя зима, доселе, были очень трудными для меня; особливо боль в нижней части груди и изнеможение не давали заниматься ни письмом, ниже чтением.

Утешаюсь вестию, что уединенная, скромная и живописная обитель Черемецкая восстановляется при попечительном и просвещенном управлении Вашем. Дух времени, подобно вихрю, завывает сильно, и рвет, ломает многое. Это предсказано Священным Писанием, которое в поведении и образе мыслей трех отроков, описанных Даниилом пророком, дало нам указание и пример для нашего образа мыслей и поведения.

Прося Ваших св. молитв и призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.
24 декабря 1866 года.

№ 30

Ваше Высокопреподобие,

Высокопреподобнейший отец Игумен Антоний!

Письмо Ваше пришло к самому дню моего рождения, которым заканчивается шестое десятилетие жизни и начинается седьмое. Благодарю Вас за постоянное памятование о мне! благодарю за поздравление!

Попущения Божии и отступление языческих народов от христианства, ради их язычества, предвозвещено Писанием. Богу угодно, чтоб мы жили в эти времена: почему подобает смириться под крепкую руку Божию и смиренномудрствовать, подражая смиренномудрию трех отроков, которых религиозное положение очень схоже на положение религии современное. О<тец> Иустин и Вася благодарят Вас за воспоминание о них. Петр Александрович находится в Петербурге, где оканчивают печатанием 4-й том моих сочинений, назначенный собственно для монашествующих.

Поручая себя Вашим молитвам и призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.
6 февраля 1867 года.

V

Ольга Шафранова

Архимандрит Феофан Новоезерский и игумения Феофания (Готовцева)

Я имел счастие его видеть, имел счастие с ним беседовать.
Святитель Игнатий

В письме к Преосвященному Илиодору, Архиепископу Курскому, святитель Игнатий, между прочим, написал: «Опять видел других настоятелей, для которых оставление должности и жительство на покое было средством к достижению сугубого спокойствия и по душе и по телу. В пример последних могу представить почившего в Бозе, известного по благочестию отца Феофана, Архимандрита Новоезерского: я имел счастие его видеть, имел счастие с ним беседовать».

Выдающийся подвижник еще екатерининского времени, архимандрит Феофан (в миру Феодор Соколов, 11 мая 1752 — 3 декабря 1832) в 19 лет удалился в Санаксарскую пустынь к отцу Феодору Ушакову[1], а после ссылки последнего в Соловецкий монастырь перешел в Введенский монастырь Владимирской

[1] *Преподобный старец Феодор Ушаков* (в миру Иоанн; 1718–1791) — великий подвижник, восстановитель Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря и Арзамасской Алексеевской женской общины.

епархии, затем, в 1775 г., ушел в Молдавию в монастырь Тисман, где был пострижен. Однако из-за усилившихся притеснений турок остаться там он не смог и в 1780 г. переместился в Софрониеву пустынь Курской епархии. Отсюда он был переведен в Александро-Невскую Лавру и, благодаря своему смирению и трудолюбию, взят в келейники к Митрополиту Гавриилу с производством в иеромонахи. Здесь он имел возможность объяснить начальству невиновность своего бывшего старца Феодора Ушакова, и тот по указу Екатерины II был вызван из ссылки и возвращен в Санаксарскую пустынь. В дальнейшем Митрополит Гавриил избрал о. Феофана в число советников при ученых Лавры, которым было поручено поверять сделанный Паисием Величковским[1] перевод на славянский язык Добротолюбия. Это избрание свидетельствовало о прекрасном знании о. Феофаном греческого языка, а также о его опытном разумении жизни духовной. В 1791 г. о. Феофан был поставлен во игумена Моденского монастыря Новгородской епархии, но в 1793 г., по прошению граждан белоезерских, переведен в Кирилло-Новоезерский монастырь, расположенный на острове озера Нового.

Кирилло-Новоезерский монастырь переживал в то время крайний упадок: братии было всего семь человек, здания все в полуразрушенном состоянии. Отец Феофан прежде всего ввел общежитие и новый порядок служения. Благоговейное богослужение, строгость жизни иночествующих, кротость и мудрость настоятеля скоро умножили число братии до 80 человек, привлекли богомольцев и благотворителей, среди которых были богатые купцы, а также лица царствующей фамилии. В 1799 г. о. Феофан был определен благочинным монастырей, в том числе Горицкого девичьего. В 1819 г. он был вызван в Петербург и возведен в архимандрита.

За 36 лет управления о. Феофаном Новоезерский монастырь был приведен в превосходное состояние, совершенно изменился его облик, вместо ветхих некрасивых строений были построены многие каменные здания, снаружи он был обнесен каменной стеной с шестью башнями. Еще более о. Феофан заботился о духовном устройстве братии, непрестанно поучая их наедине или в общем собрании. Не только в своем монастыре, но и в монастырях своего благочиния. Особенно много внимания уделял он сестрам Горицкого монастыря, с которыми вел активную пере-

[1] О нем см.: Т. 2. С. 19–20.

писку. «Поучения его, исходившие прямо из глубины сердца, могли трогать и самые ожесточенные души, не красотою и пышностию выражений, но тою сердечною умилительностию и силою, которые составляют истинное помазание духовное».

В 1829 г. из-за ослабления телесных сил и жестокой болезни ног семидесятисемилетний старец принужден был просить увольнения от должности. Но оставил он вместо себя своего на протяжении 27 лет ученика, игумена Аркадия, который продолжил его труды на благо монастыря.

В таком положении застали Новоезерский монастырь прибывшие туда в феврале 1830 г. молодые послушники, Дмитрий Александрович Брянчанинов и Михаил Васильевич Чихачев. С большим радушием приняли их и архимандрит, и братия. Забегая вперед, следует отметить, что именно здесь обрел будущий архимандрит Игнатий своего верного друга и сподвижника, Павла Петровича Яковлева.

В письме к матери, Софье Александровне, Дмитрий Александрович писал, что он и раньше слышал об о. Феофане и очень хотел познакомиться с ним: «...притом если б жил я где близ Вологды, то не было б мне покоя, пока не побывал бы в Новоезерском монастыре у отца Феофана,— теперь же это дело уже в шляпе». Однако после уроков отца Леонида (Наголкина) здесь ему показалось слишком просто: «Об Новоезерском много чрезвычайно слышал и мало из слышанного увидел; порядок в Белых берегах гораздо строже и лучше, всенощные ровнехонько вдвое дольше... Братия очень свободны в обращении... Виделся с о. Феофаном несколько раз, и он рассказывал о себе, что служил в штатской службе в Москве, будучи осемнадцати лет оставил мир, жил несколько времени в Санаксарской пустыне при о. Феодоре Ушакове, потом в Молдавии при Феодосии, а Паисия Нямецкого и не видел, десять лет был келейником митрополита Гавриила и 30 с лишком здешним настоятелем».

Скоро, однако, сырой климат Новоезерского монастыря начал оказывать пагубное влияние на здоровье Дмитрия Александровича, и уже в июне 1830 г. его, совсем больного, родители переправили в Вологду.

Сразу же после отъезда Дмитрия Александровича между ним и Павлом Петровичем Яковлевым установилась переписка. Особенно интересно письмо от декабря 1832 г., в котором говорилось о литературных трудах в Новоезерском монастыре. Архимандрит Феофан последние годы занимался

составлением жития о. Феодора Ушакова и редактированием своих «Бесед», а его ученики — жизнеописанием самого архимандрита Феофана. При этом, зная о литературных дарованиях Дмитрия Александровича, теперь уже отца Игнатия Брянчанинова, они пользовались его советами и исправлениями текстов. «Буди Вам известно, — писал он им, — что житие о. Феофана мною довольно тщательно переправлено, и, как Вам угодно, но поостерегитесь хорошее заменить посредственным. Знайте, что его нравоучение, в Житии помещенное, прибавкою, мною сделанною, такой получило вид, что для людей, имеющих вкус и знание, кажется весьма связным, простым и сильным отрывком. Сие нравоучение вместе с описанием его нравственности и кончины составляет всю красоту сего жизнеописания. Ограда же, ризница, аудиенции и проч. суть предметы, наименее занимательные в жизни человека, прославившегося возвышенною нравственностию, смирением и презрением всего суетного».

Всего четыре месяца пробыл Дмитрий Александрович в Новоезерском монастыре, но видно, что отец Феофан произвел на него глубокое впечатление: к воспоминаниям о нем не раз возвращался он на протяжении всей своей жизни. Так, в 1838 г., разбираясь по поручению Святейшего Синода с обстоятельствами в Валаамском монастыре, он в Рапорте на имя Митрополита Серафима приводил в пример «почтеннейшего старца о. Феофана Новоезерского», который «по подобию праведного Иова, предоставив занятие внешними предметами о. Вениамину, сам занимался непрестанно молитвами и словом Божиим». В 1847 г. в цитируемом выше письме к Архиепископу Илиодору он также ставил о. Феофана в пример, когда «настоятель, живущий на покое, если возлюбит поучаться в Законе Божием, если изберет в жребий свой часть Марии, остережется от всякого участия в части Марфиной, то проведет тихо, безмятежно дни свои, особенно в монастыре пустынном и общежительном», а в 1861 г. в письме к игумену Антонию (Бочкову) он, рассуждая о «разнородных направлениях монашеских», писал: «В 1829 году, при жизни старца Феофана, я приехал в Новоезерск, пожив в Оптиной и Площанской: мне показались новоезерские монахи мирянами, несмотря на отличное благоустройство монастыря и порядок богослужения, который, однако, ниже Площанского и Белобережского. Я спросил монахов: ходят ли они к Старцу для совета и откровения помыслов. Отвечали: “никто не ходит, за

исключением Комаровского[1], а обращаются к Старцу за советом преимущественно Горицкие монахини и в большом количестве миряне". Беседовал я несколько раз со Старцем: он прямо отвергал душевное делание, как очень удобное к переходу в прелесть, и выказал очень малую начитанность. Проводил он жизнь постную; к службам ходил неупустительно; вставал до утрени за час и вычитывал в келлии правило; сложения был атлетического, росту малого. Сообразно собственному направлению он руководил и других: как новоезерское братство, так и горицкие чужды духовного делания; все их внимание устремлено на благовидность наружного поведения и на телесный подвиг».

Кстати же, с некоторыми монахинями Горицкого девичьего монастыря святитель Игнатий был знаком. С двумя из них, в будущем проявившими себя великими подвижницами, он поддерживал дружеские о Господе отношения долгие годы. Первая — это матушка Феофания (в миру Александра Сергеевна Готовцева, в девичестве Щулепникова; 15 февраля 1787 — 16 мая 1866). В 1809 г. 15 января она вышла замуж за генерал-майора Семена Степановича Готовцева, а 8 августа этого же года он скончался от ран, полученных в сражении со шведами; через четыре года, 13 ноября 1813 г., умерла ее малютка-дочка Анна. Еще при жизни дочери Александра Сергеевна, посетив Новоезерский монастырь, познакомилась с о. Феофаном, а после ее кончины вела с ним переписку, находя в его письмах подкрепление и утешение в скорбях. В 1818 г. она окончательно решилась уйти в монастырь, выбрав для этого известный благочестием Горицкий. Она прибыла туда 9 марта и уже 16 сентября приняла постриг в рясофор с переименованием в Феофанию; в мантию она была пострижена почти через 20 лет — 8 ноября 1837 г. В то время игуменьей монастыря была Маврикия (Ходнева). Будучи сама из простых и малограмотна, «она получила от Бога особый дар управлять монастырем, и слава о ее подвижнической жизни привлекала к ней ищущих спасения от соблазна и суеты в уединении и молитве»[2]. Число насельниц в монастыре при ней простиралось до 600 человек. Она на первых порах с большим недоверием отнеслась к новоначальной Феофании, считая ее белоручкой. Но, увидев ее искреннюю готовность выполнять любые послушания, ее смирение и покорность, полюбила ее и сделала своей доверенной помощницей и советчицей.

---

[1] О нем см.: Т. 2. С. 247–248. ‖ [2] *Снессорева С.И.* Игумения Феофания (Готовцева). СПб., 1868. С. 41.

Уход Александры Сергеевны в монастырь произвел большое впечатление на ее родных. Через некоторое время в Горицкий монастырь прибыла ее старшая сестра, Анна Сергеевна, на третий день постриглась в рясофор, а через три года — в мантию, получив имя Маврикия; скончалась она схимонахиней восьмидесяти двух лет в 1855 г. Через год после Анны Сергеевны в монастырь поступили еще три их родственницы. Брат их, Петр Сергеевич Щулепников, пожелал поступить в Новоезерский монастырь, но, будучи слабого здоровья, не доехав, скончался в Горицком монастыре.

Душевной отрадой для монахини Феофании стало поступление в 1824 г. в монастырь воспитанницы графини А. А. Орловой-Чесменской[1] Марии Никитичны Крымовой (30 июня 1800 — 2 февраля 1866). Красавица, получившая прекрасное образование в Смольном институте, она тяготилась мирскими радостями и избрала Горицкий монастырь, потому что наслышалась о его строгом иноческом уставе и благочестивой жизни его подвижниц. Через несколько месяцев по прибытии она была пострижена о. Феофаном Новоезерским и ей дано было имя Варсонофии. Игуменья Маврикия определила ее под начало сестры Феофании, и она «пребывала в ее послушании и у нее в кельях, хотя и в разных комнатах, более сорока одного года».

Уединенность Горицого монастыря, руководство им игуменьей Маврикией, строгая жизнь в трудах — все здесь соответствовало идеалу иночества, к которому стремились монахини Феофания и Варсонофия. Но искушение подошло в 1845 г., когда был получен «указ строгий»: монахине Феофании к первому числу июля быть в Петербурге. В столице, по воле Государя Императора Николая I, должна была быть восстановлена женская обитель. Восстановительницей была избрана монахиня Горицкого монастыря Феофания (Готовцева). Матушке Феофании шел тогда уже шестидесятый год, но прозорливы были те, кто избрал именно ее для воплощения воли Государя в жизнь. «Велико было смятение в обители», много слез пролила сама Феофания и те, которым приходилось с ней расставаться. Игуменья «почернела от затаенной скорби». Но приказ начальства требовал исполнения.

С собою в Петербург матушка Феофания взяла монахинь Варсонофию, Юлию и Ермиону (бывшую горничную ее молодых

---

[1] О ней см.: Т. 1. С. 490–491. Т. 2. С. 485–486.

лет, Дуню). Немного позже, по распоряжению Митрополита Антония, к ней были присланы из Гориц еще двадцать монахинь. Церемония посвящения монахини Феофании во игуменью состоялась 28 октября 1845 г. Посвящал ее сам Митрополит Антоний.

Тяжело было всем прибывшим из благоустроенного Горицкого монастыря на пустом месте в равнодушном Петербурге. Много слез пролила игуменья, много слез пролили ее подопечные, но и много трудов положили они, прежде чем начал подниматься великолепный Воскресенский Новодевичий монастырь. Игуменья Феофания оказалась талантливым организатором, с огромным чувством такта, привлекавшим и благотворителей, и сотрудников. Главной ее помощницей и вдохновительницей в трудах была монахиня Варсонофия, не раз в тяжелые моменты выручавшая обитель своим умением находить новых жертвователей. Она же, сама обладавшая красивым голосом, помогала Игуменье в подборе и обучении клиросных для благолепного пения во время богослужений. Обе они сумели наладить в монастыре рукодельные мастерские, привлечь преподавателей для обучения сестер иконописи, золотошвейному искусству, выделки церковной утвари. Вышедшие из мастерских изделия становились лучшим украшением храмов.

Двадцать лет жизни отдали скромные труженицы монастырю. Для человеческой жизни это совсем немалый срок. Но смотря на результаты их труда, на вновь возникшие величественные храмы, на их своеобразную архитектуру, представляя, как прекрасно они выглядели изнутри, невероятным кажется, что все это было создано за такой короткий промежуток времени! Конечно, действовал Божий Промысл!

Есть все основания предполагать, что первый монастырь, с которым игуменья Феофания установила контакты по прибытии в Петербург, была Сергиева пустынь. Хотя бы потому, что там находился знакомый ей с детства, опытный в монастырских делах Павел Петрович Яковлев, советами которого она пользовалась во все время управления монастырем. Со святителем Игнатием (тогда еще Дмитрием Александровичем Брянчаниновым) она тоже могла познакомиться во время его пребывания в Новоезерском монастыре. Свидетельством того, что он был знаком с некоторыми монахинями Горицкого монастыря, являются его приписки в письмах к Яковлеву, когда тот приезжал в Горицы навестить свою матушку: «Потрудитесь передать мой

всеусердный поклон, во-первых, почтеннейшей родительнице Вашей матери Софии, во-вторых, достопочтеннейшей Г-же Игумении старице Схимонахине, и прочим о Господе знающим меня». Их знакомство могло продолжиться во время приездов игуменьи Маврикии и сопровождавшей ее Феофании в Петербург по делам монастыря.

Постоянная возможность личных встреч игуменьи Феофании и архимандрита Игнатия делала ненужной переписку. Поэтому более подробные письменные свидетельства об их взаимоотношениях отсутствуют. Но вот в 1847 г. архимандрит Игнатий удалился из Петербурга в Николо-Бабаевский монастырь. Уже в письме от 7 сентября к своему наместнику он пишет: «При свидании с Госпожею Игуменией Феофаниею засвидетельствуй ей, равно и матери Варсонофии мой усерднейший поклон»; в письме, написанном в октябре: «Потрудись поздравить Госпожу Игумению Феофанию с днем ее Ангела, когда он настанет, поручаю себя ее святым молитвам. — И мать Варсонофия, конечно, я уверен, не забывает меня»; от 25 декабря: «Отдай сам или чрез кого два экземпляра «Валаамского монастыря» в Девичий Петербургский монастырь Госпожам Игуменьи и Благочинной. Прошу их, чтобы они сами заглянули в эти тетрадки, но не давали никому»...

Близкие отношения с Сергиевой пустынью у игуменьи и благочинной Новодевичьего монастыря сохранялись и после отъезда епископа Игнатия из Петербурга на Кавказ. Искренняя дружба связывала их с преемником епископа Игнатия, архимандритом Игнатием (Малышевым). 3 февраля 1866 г. он сослужил двум святителям, Митрополиту Киевскому Арсению и епископу Нижегородскому Нектарию при литургии и отпевании усопшей матери Варсонофии. А 9 мая этого же года, за неделю до исхода самой игумении Феофании, он приезжал помолиться за нее. «Моих-то не оставьте!» — повторила она ему несколько раз.

Во все время последней болезни игумении Феофании при ней почти безотходно находился Павел Петрович Яковлев. «Она часто говорила, что он с детства своего готов был служить ей, как покорный сын матери своей... Собираясь с силами, передавала ему свои желания и распоряжения по делам монастырским, так как издавна привыкла пользоваться его опытными советами и готовностью служить ей по мере сил»[1]. Последняя просьба игуменьи Феофании к сестрам была: «Молитесь, чтобы наша

---

[1] *Снессорева С. И.* Игумения Феофания (Готовцева). С. 189.

обитель стояла до скончания веков!» Ее и их молитвами Воскресенский Новодевичий монастырь уже поднят в настоящее время из руин трудами их последовательниц и почитательниц, и снова занимает достойное место среди исторических святынь Санкт-Петербурга.

Письмо святителя Игнатия к игумении Феофании (Готовцевой)[1]

В терпении Вашем стяжавайте душу Вашу и души словесных овец Ваших, предавая их умственно Воле и Промыслу Божиим: мы, настоятели — не более как орудия промысла Божия. Мы, сами по себе, ничего не значим и, без особенной помощи Божией, не можем окормлять не только ближних, но самих себя. Таковое размышление будет доставлять спокойствие сердцу Вашему. Я говорю с Вами, как бы с самим собою. О непокоряющихся и не внимающих слову спасения, не надо очень печалиться; но, сказав им подобающее, предавать их воле Божией, которая может их обратить на правый путь чрез другие орудия и средства, которых в деснице бесчисленное множество. К несчастию нашего времени, точно, как Вы изволите говорить, многие, вступая в монастырь, занимаются одним земным и пребывают чуждыми монашеской цели и монашеского направления; сверх того, примером своим и влиянием потрясают и других неутвержденных. Что ж делать? Такое положение очень бедственно; но и это бедственное положение должно возлагать на волю Божию и от души признавать, что мы не заслуживаем другого положения, а если б заслуживали, то правосудный и милосердый Бог непременно даровал бы оное. Таковые размышления доставляют душе, истинно ищущей Бога, мир и спокойствие: потому что Слово Божие определило нам находить успокоение душевное в едином смирении и самоукорении. На ближних сильнее действует молитва о них, нежели слово к ним: потому что молитва вводит в действие самого всесильного Бога, и Бог творит с созданием своим все, что Ему благоугодно. Он отверзил сердечный слух для внимания словам Павла; а в тех случаях, когда не действовал перст Божий на слушателей, слова самого великого Павла оставались бесплодными. Будем, Достопочтеннейшая Мать, пасти вверенных нам овец прилежными и многими о них молитвами, верою, смирением, терпением, душеназидательным посильным и умеренным словом, чтоб слово учащаемое не произвело, по

замечанию некоторого великого Отца, отвращения к слову в слушателях. И Бог да покрыет нас.

[1] ОР РНБ. Ф. 1927. № 288. С. 277–279.

Письма архимандрита Феофана к Александре Сергеевне Готовцевой (игумении Феофании)

№ 1[1]

Ваше Превосходительство
Александра Сергеевна!
Милость Божия да будет с тобою!

Письмо Вашего Превосходительства с почты я получил сего октября, 9-го числа, в котором изволите объяснять прискорбность Вашу и тягостные чувствования, касающиеся до души Вашей, что сердце Ваше в беспрестанном волнении, мир становится несносен, леность устрашает принять на себя строгую жизнь ангельского образа, и боитесь смущения монашествующей жизни, на которую якобы без звания Божия положиться не должно. Когда думаете принять твердое намерение о перемене жизни, приходят в волнение все страсти и сильный ужас обуяет; требуете от меня наставление, что предпринять ко спасению Вашему? Я, рассматривая сии обстоятельства, решить оные затрудняюсь, а советую прибегнуть ко Господу Богу и просить от Него милости, яко всех окружающих Милосердаго Отца, пекущегося о спасении нашем, и воззвать к Нему: *Скажи ми, Господи, путь в оньже пойду, яко к Тебе взях душу мою! Господи, к Тебе прибегох, научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой*[2]. Господь Бог устроил ко спасению пути, и всякий избирал себе по своему усердию: спасались в пустынях, горах и в пропастях земных, в странничестве, в юродстве, в затворах и стоянием на столпах, но сии пути весьма жестоки и прискорбны; монастырская же жизнь устроена по воле Божией, по слову Спасителя нашего: *Идеже... два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*[3], кольми же паче в большем собрании? Еще монастырская жизнь Святою Церковью почитается и земным небом, где беспрестанно славословится Бог, как от Ангел на небеси; но как в большом собрании случаются между собою на малое время и смущения, потому что собираются из разных мест, разного воспитания, разных

нравов, и, не зная, как друг друга успокоить и друг друга тяготи понести, через то оскорбляются; но ежели кто имеет здравый разум, может сам успокоиться и других успокоить прощением и любовию. В обителях Святой Церковию по уставу положено иметь и приготовлять простую пищу, для того, чтоб удобно было снискать и чтоб не утрачивать время на излишнее попечение; также чтоб и одежда была простая, а к сему самая удобная, черного цвету, как для смирения, так и для немаркости. В прежние времена в монастыри вступали Царицы и Царевны, а в мужские — Цари и Царевичи как в других государствах, так и в нашем Российском и не боялись; и нельзя, чтоб не несли они прискорбия, а через то спасались. Бог зовет всех ко спасению обещания ради будущих благ. *Приидите*, — глаголет, — *ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы: возмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим*[4]. Ежели у Вашего Превосходительства к мирской жизни склонности нет, приступите ко Господу, поработайте Ему в сей кратковременной жизни; Бог больших подвигов не требует, а только кротости и смирения и чистоты душевной и телесной. *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят*[5]; для Бога немного потрудиться в здешней жизни, но воздаяния много, чего ум человеческий постигнуть не может. Бог истинен, и нет неправды в Нем, что обещал — исполнит, но избави Боже лишиться сего за слабость и неверие наше! Честна пред Господом смерть преподобных Его, в память вечную будет праведник, от слуха зла не убоится; напротив того: да исчезнут грешницы от земли и беззаконницы, якоже не быти им. Страшное прещение! Советую Вашему Превосходительству на первый случай, чтоб без привычки нетрудна казалась монастырская жизнь, попробовать таким образом: сперва попеременно поживите в Горицком монастыре (как в оной обители устав, соответствующий монашеской жизни, и церковное пение, и чтение порядочное), не переменяя своей одежды, и, когда скучно покажется, можете в доме побывать, пока привыкнете к оной жизни. Ежели невместно покажется, что делать уже, хотя и в доме дни свои провождать можете, и как Бог зовет к Себе, а не принуждает, равным образом и я Вашему Превосходительству предлагаю только мое мнение, а не утверждаю, а Вы, смотря свои силы, изберите путь, как я упоминал, по воле Божией. Итак, желая вашему Превосходительству всякого

благополучия, и да будет на Вас благословение Божие, пребуду Вашего Превосходительства усердный всех благ желатель и богомолец,

Кирилло-Новоезерский игумен Феофан.
16 сентября 1816 года

[1] *Снессорева С. И.* Игумения Феофания (Готовцева). С. 297.
[2] *Укажи мне путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою, Господи... к Тебе прибегаю. Научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Бог мой* (Пс. 142. 8–10).
[3] *...Ибо... двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18. 20).
[4] *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11. 28–29).
[5] Мф. 5. 8.

№ 2[1]

Сестрице Вашей Божие благословение и по просфоре Вам; письмо брата Вашего возвращаю.

Преподобнейшая мать Феофания, милость Божия да будет с тобою!

Письмо Ваше от матери Маврикии я получил, в котором пишете о душевном своем расстройстве и не знаете, что с собою делать, что приходите в худшее состояние, и даже до отчаяния, и просите меня, чтоб я Вас побранил. На сие Вам отвечаю: кто любит наказание и обличение и приемлет оное, тому может быть это врачевством душевным. Святой апостол Павел говорит в послании к Тимофею: *Всяко Писание богодухновенно и полезно (есть) ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию еже в правде, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован*[2]. Теперь уже доходит дело, по просьбе Вашей, и до того, что должно побранить Вас, но я Вам же сие поручаю: побраните Вы себя хорошенько. Скажите себе: «Феофания, кто ты? Земля, прах, пепел, пища червей, и как можешь противиться слову Божию, Небесному учению?»

Христос, Сын Божий, велит терпеть! *В терпении вашем стяжите души ваша,* а ты терпеть в случающихся скорбных приключениях не хочешь. Христос, Сын Божий, Сам изволил терпеть нашего ради спасения, будучи безгрешен. И так скажи еще себе: «Опомнись! Ежели в здешней жизни неприятные случаи приводят тебя до такого нетерпения, что порываешься

к отчаянию, то как будешь терпеть в будущей бесконечной жизни вечное мучение? Сходно ль оно с христианскою жизнью, а паче с духовною? Господь тебя призвал в служение Себе, вчинил тебя в число Ангельское, ввел тебя в свою небесную ограду, в святую обитель, но ты нечувствительна, чего ж тебе не достает? Только что преселения в Царствие Небесное? Потерпи со смирением, получишь, что Господь обещал. Занимаешься ты пустыми мыслями, оставляешь Господа Бога, надежду на Него не полагаешь, бежишь мысленно от лица Его, Он зовет: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы... и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим*. Еще скажите себе: «Феофания, смотри, что ты делаешь? Пренебрегаешь смиренные глаголы Создателя своего, приятное призывание: *Придите ко мне... Я упокою вас*. Что сего драгоценнее? Хотя б кто имел сокровище всей вселенной, может ли оно упокоить? Может ли дать Царствие Небесное? Но ничего вечного дать не может, а только что одно мечтание покажет к прелести, как находящемуся во сне. *Уснуша сном своим* и восставше *ничтоже обретоша в руках своих*[3]. Ежели, Феофания, — скажите себе, — не очувствуешься и не хочешь смирить себя и предать себя Господней воле, то услышишь страшное изречение Господа своего, Благодетеля, Отца Премилосердого: *Идите от Мене*... Куда ж? *Во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его*[4]. Страшное изречение благого, кроткого и Премилосердого Отца! Вот до чего нас доводит грубость, ожесточение, и окаменение, и нечувствие наше о всех излиянных на нас милостях! Я, с моей стороны, прошу Вас, признайте свою погрешность пред Господом Богом, падите пред лицом Его и скажите: *Не отвержи мене от лица Твоего и духа Твоего Святага не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего и духом Владычним утверди мя*[5]. Тогда услышишь благословенный глас: *Отпущаются греси твои*, будь в мирной жизни и тишине и к тому не согрешай. Нам довольно примеров: погрешали и святыи и получали прощение; были и великие грешники и грешницы, обратились ко Господу, раскаялись, Господь дал им жребий такой же, как и святым. Не смущайтесь, скажите себе пророческое слово: *Обратися, душе моя, в покой твой, яко Господь благодействова тя. Яко изъят душу мою от смерти, очи мои от слез и нозе мои от поползновения*[6]. Ежели приводит тебя в беспокойство резчик и позо-

лотчик, что ж делать? Тоже прибегнуть к терпению; Бог все исправит, хотя несколько и попозже, нежели как располагали своими мыслями. Не было ли к благому намерению попущения тщеславных мыслей, что вы успеете свой придел привести ко освящению прежде других, забыв просить помощи Божией? И так-то в свое время, назначенное Вами, и не исполняется, но исполнится. Помолитесь Господу Богу, чтоб вспомоществовал, и Бог поможет, а Вы свое старание прилагайте без смущения.

Итак, желая Вам спокойной жизни, пребуду Вашего преподобия усердный всех благ желатель

архимандрит Феофан.

Июля 11-го, 1821 года

[1] *Снессорева С. И.* Игумения Феофания (Готовцева). С. 323.

[2] *Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен* (2 Тим. 3. 16–17).

[3] *...уснули сном своим... не нашли... силы рук своих* (Пс. 75. 6).

[4] Мф. 25. 41.

[5] *Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отними от меня. Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня* (Пс. 50. 13–14).

[6] *Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя. Ты избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения* (Пс. 114. 6–7).

VI

Ольга Шафранова

Бородино

Теперь на Бородинском поле
верные дщери России совершают свой долг:
над прахом жертв любви к Отечеству
они принесли себя в жертву Богу,
заживо умерши для мира.

Святитель Игнатий

Летом 1847 г. святитель Игнатий, получив отпуск для поправления здоровья, отправился в Николо-Бабаевский монастырь. По пути он посетил несколько обителей. Так, 8 сентября он писал своему наместнику в Сергиеву пустынь: «В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и Бородинской. ...Бородинская Госпожа Игуменья приняла очень

радушно. Первый день занимался беседою с одною ею, а Степана тормошили сестры. На другой день некоторые из них познакомились со мною. А когда уезжал, то некоторые из них, провожая со слезами, говорили: мы с Вами — точно с родным отцом, как будто век знали. И я с ними породнился — есть такие прекрасные души,— многие с хорошим светским образованием».

Госпожа игумения Спасо-Бородинского монастыря, о которой пишет святитель Игнатий, это знаменитая Мария Тучкова, подвижническая жизнь которой производила сильное впечатление на всех, кто ее знал, начиная от Государя Императора до бедных крестьян из близлежащих сел.

В миру Маргарита Михайловна, она родилась 2 января 1781 г. у родителей, принадлежавших к самым аристократическим фамилиям. Ее отец, Михаил Петрович Нарышкин, и мать, Варвара Алексеевна, урожденная княжна Волконская, состояли в родстве с императорским домом и со всей старинной знатью России. И своих детей они воспитывали соответственно, готовя им блестящее будущее.

Жизнь, однако, распорядилась по-своему. После раннего и крайне неудачного замужества Маргарита Михайловна познакомилась и страстно полюбила гвардейского офицера Александра Алексеевича Тучкова. Но ее родители, несмотря на взаимную любовь молодых людей, целых восемь лет не решались дать согласие на новый брак дочери, и они поженились, когда ей исполнилось уже 25 лет. В это время шла война с Швецией. Не желая расстаться с мужем, Маргарита Михайловна сопутствовала ему, разделяя с ним всю тяжесть военных походов. Уже тогда проявились ее нравственные качества: она с большим сочувствием относилась к поселянам, стараясь облегчить их бедственное положение.

Наступил 1812 год. Маргарита Михайловна уже схоронила первого сына и только что отняла от груди второго, Николая. Сопутствовать мужу в таком положении она не могла, хотя ее преследовали вещие сны о его гибели при Бородине. Едва придя в себя после получения рокового известия, она отправилась на Бородинское поле. Но найти останки мужа среди огромного множества трупов ей не удалось. Тогда она решила на месте его гибели построить храм. Государь Император Александр I поддержал это начинание и прислал 10 тысяч рублей, а она продала все свои бриллианты. И уже в 1820 г. вновь построенный Спасо-Бородинский храм был освящен.

Через несколько лет новый удар поразил бедную вдову: ее сына Колю в 14 лет записали в Пажеский корпус, а в 15 лет он заболел и умер. Маргарита Михайловна похоронила его в новом храме. Решив больше не расставаться с дорогими почившими, она построила для себя небольшой домик — «сторожку». И к ней начали прибывать и селиться рядом другие вдовы и женщины, решившие оставить мир. Она принимала всех — богатых и бедных, больных и страждущих, никому не было отказа. Образовалась Спасо-Бородинская женская община. Маргарита Михайловна первая подала мысль ежегодно 26 августа поминать всех погибших на Бородинском поле. Для этого она приглашала духовенство окрестных сел. Постепенно образовался крестный ход, который был впоследствии утвержден. Так глубоко личная скорбь переросла в молитвенное служение в память всех воинов, отдавших здесь жизнь за спасение Отчизны.

Митрополит Московский Филарет (Дроздов) уделял много внимания Бородинской общине, он вообще имел большое влияние на Маргариту Михайловну. По его совету она в 1837 г. приняла малое пострижение. Он сам постриг ее с переименованием в Меланию. А в начале 1838 г. община была переименована в Спасо-Бородинский общежительный женский монастырь. При этом его основательница обратилась к Государю Императору Николаю Павловичу с просьбой утвердить ее вдовью пенсию в вечный монастырский доход. Государь выразил согласие и сверх того пожертвовал 25 тысяч рублей ассигнациями на каменную ограду и на церковь с трапезою.

28 июня 1840 г. Митрополит Филарет постриг мать Меланию в мантию с именем Мария и возвел ее в сан игуменьи.

В этом же году игуменья Мария Тучкова была восприемницей будущей Императрицы Марии Александровны, а в 1848 г. она опять была вызвана в Санкт-Петербург для участия в миропомазании Великой княгини Александры Иосифовны.

Знакомство игуменьи Марии Тучковой с святителем Игнатием произошло, вероятно, в 1840 г. во время ее пребывания в Петербурге. Потому что единственные письма из их переписки, сохраненные П. П. Яковлевым, относятся к 1841 г. Конечно, были и другие письма, особенно после посещения Святителем Спасо-Бородинского монастыря в 1847 г., но игуменья Мария предала огню всю свою переписку незадолго до кончины, случившейся 29 апреля 1852 г., а святитель Игнатий вообще писем

не хранил. Свое же впечатление от посещения Спасо-Бородинского монастыря он выразил в поэтической статье «Воспоминание о Бородинском монастыре».

Письмо настоятельницы Спасо-Бородинского монастыря игумении Марии (Тучковой) к святителю Игнатию[1]

Господи Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй нас грешных!

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленный о Господе Отец!

Помогшему Богу слава и благодарение! Прилагаю здесь свидетельство мира — благодарю Тебя, Отец мой, что удостоил меня послужить в сем богоугодном деле. Препоручаю себя твоим молитвам и пребуду к твоей святыне преданная

Мария,
Спасо-Бородинского монастыря настоятельница
10 октября 1841 года

Адрес: Ее Высокопреподобию, настоятельнице Спасо-Бородинского девичьего монастыря, честнейшей г-же игумении Марии. Милостивой государыне. Московской губ. В гор. Можайск.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 12.

Письмо святителя Игнатия к настоятельнице Спасо-Бородинского монастыря игумении Марии (Тучковой)

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейшая о Господе Мать Мария!

Сегодня посетила меня честнейшая Сестра обители Вашей и вручила вожделенное письмо Ваше, со вложением письма г-жи Ярославовой. Между прочим, она сказала, что Вы не узнали руки моей в прежнем письме моем: это моя вина! Рука моя очень ослаблена болезнями, может быть, несколько повреждена скоростью, письмом уставным; сам вижу, что имею какой-то непостоянный почерк; но письма всегда пишу собственноручно.

Скорое, — лучше: быстрое исполнение моей просьбы доказывает мне, что я не ошибся, обратившись с просьбою к любви Вашей. Слезы пролились, и лились долго из глаз благодарного и тронутого многоразличными чувствами О. Марка. Это случилось пред вступлением его в чреду Священнослужения, при коем он изольет благодарственные воздыхания пред Тем, Кто слушает воздыхания убогих и окованных скорбьми изводит на широту веселия. Я же, с того дня, как впервые увидел Вас, ощутил в сердце моем извещение, что Господь Вам вложит любовь Свою ко мне. В сем извещении пребываю; водимый сим извещением написал к Вам. Особенно приятно мне, что Вы погружаете ум Ваш и сердце в учение Святых отцев, оным питаете себя и стадо.

Сестра Ваша поведала мне скорбное обстоятельство, приведшее ее в Петербург. Исмаилу обычно было обижать Исаака; а Отец Небесный лозу, приносящую добровольно плод, подрезывает невольными искушениями, да множайший плод принесет.

Приложенные письма всепокорнейше прошу доставить по надписям.

Повторяя искреннейшую мою признательность и поручая себя Вашим Св. Молитвам, с любовию о Господе остаюсь навсегда Ваш покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

18-го октября 1841

Серг<иева> п<усты>нь

Письмо святителя Игнатия к больной старице, вступившей в Спасо-Бородинский монастырь с двумя дщерями своими[1]

Простите, что за незнанием имени Вашего смею назвать Вас «Матушкой». В приезд мой в святую обитель Спасо-Бородинскую вы приветствовали меня с таким сердечным радушием, как бы родного сына, — припомните, когда г-жа игумения меня представила Вам на монастыре. Тогда Вы меня глубоко тронули! Вы мне сказали: «Мы вас ждали и ждали сюда». Ваши слова остались в памяти моей в противность обычаю моему: я — очень, забавно — беспамятлив.

Ублажаю Вас! Вижу над Вами какую-то чудную руку Божию! Сами Вы под крестом недуга; а дети Ваши — плод чрева Ваше-

го — подклонили рамена свои кресту Христову, отвергши иго мира, как непотребное! — Моя родительница много огорчалась при вступлении моем в монастырь; но на смертном одре, за несколько минут до кончины, произнесла: «Теперь, в этот час, у меня одно утешение: мой старший сын — в монастыре». Часто размышляю: какое неизъяснимое горе обымет на страшном суде Христовом тех родителей, которых гневно и грозно обличит и осудит нелицеприятный Судия за принесение чад их в жертву миру и миродержцу! — Какая ни с чем не сравнимая радость обымет тех родителей, которых этот Судия благословит и восхвалит за принесение чад их в жертву Богу, за приготовление их в жители светлого рая! — Эта радость Вас ожидает! Два венца ожидают вас: один за Ваши собственные скорби, другой за детей Ваших. Хороши — венцы блаженства! Не угодно ли Вам примерять их!.. В полное владение они даются в той жизни, а примерять их можно и здесь. Хотите ли? — По милости Божией — научу Вас, — как их ухватить (они тонки, духовны; не всякий знает, как они похищаются!) и как примерять. — Положите себе за правило ежедневно благодарить Господа за Вашу чашу, т. е. за недуги, за все скорби Ваши, за жребий дщерей Ваших; в особенности благодарением Богу отгоняются помыслы скорбные; при нашествии таких помыслов «благодарение» произносится в простых словах, со вниманием и часто. — доколе не принесется сердцу успокоение. В скорбных помыслах никакого нет толку: от скорби не избавляют, никакой помощи не приносят, только расстраивают душу и тело. Значит: они от бесов — и надобно их отгонять от себя. Отгоняются же скорбные помыслы «благодарением» Богу. «Благодарение» сперва успокаивает сердце, потом приносит ему утешение, впоследствии принесет и небесное радование — залог, предвкушение радости вечной. Будете благодарить — венчик примеряете. Мне бы хотелось увидеть на душе Вашей примерянный венчик Небесный, венчик радования духовного! — «Благодарение» — оружие, завещанное христианам Духом Святым чрез Апостола. «Благодарение» — Апостольское, Божие учение и предание. Благодарение Богу совершает чудеса и знамения! И зрятся эти знамения не очами телесными — несравненно превосходнейшими их очами душевными — и в душевной клети; там от Божественного прикосновения оставляет болезненный огнь скорби тещу Петрову — она начинает услуживать Господу. Петр — образ веры; теща его —

образ души, ближайшей родственницы Петру. Благодарение сильно Богом всесильным, Которому оно приносится! Благодарение сильно верою, которая одна, решительно одна, способна восприять и объять неограниченную силу Божию: у веры нет границ, как нет их у Бога и у всего, что относится к Богу. Разум, как ни разумен, — ограничен: не годится для дел Божиих. Все Божие, всякое знамение он встречает отталкиванием. «Как?», «Неужели?», «Почему?» — Прочь — непотребный, отверженный Богом!.. Придите — святая вера и буйство проповеди Христовой — спасите нас!

[1] См. о ней в письме к Т. Б. Потемкиной: Т. 3. С. 470.

Святитель Игнатий Брянчанинов

Воспоминание о Бородинском монастыре

На Бородинском поле верные сыны России совершили долг свой: твердо и мужественно противостали врагу многочисленному, водимому полководцем гениальным, усеяли поле трупами иноплеменников и трупами своими. Обширное поле битвы сделалось обширным кладбищем.

Теперь на Бородинском поле верные дщери России совершают свой долг: над прахом жертв любви к Отечеству они принесли себя в жертву Богу, заживо умерши для мира, — приносят непрестанную жертву молитв о себе и о павших на сражении сынах России.

Поэт! Ты прав; твой глаз постиг характер этого поля: ты нарек его «поле-море». Прочитав название новое, я не понял его, но когда пришлось мне взглянуть с высоты на Бородинское поле, — я тотчас увидел, что это поле — море. Оно обширно, как море; оно — всё в переливающихся, отлогих холмах, как в волнах. Были на нем и другие волны: несметные полки воинов. Утекли эти волны; утекли десятки годов после битвы знаменитой; стоит уединенно на поле смиренная обитель инокинь, как пристань на море.

Лились здесь слезы о павших под острием меча; лились здесь слезы о сраженных преждевременно телесною смертию. Лились слезы в уединении; уединение и слезы очистили око ума. Внезапно пред ним — неожиданное, незнакомое доселе зрелище: умерщвленная грехом душа! Тогда печаль земная соединилась с печалию духовною.

Маргарита прежде всех пришла на кладбище воинства русского, чтоб плакать над могилой храброго супруга; — принесла туда и прах сына, угасшего не на Бородинском поле, чтоб плакать над двумя могилами вместе. Она дала себе обет печали пожизненной, надела на себя черные одежды с тем, чтоб не снимать их никогда. «Буду плакать над гробами,— помышляла она,— доколе смерть не отрет слез моих, доколе гроб не примет и моего тела».

Бог близок к скорбящим; близок к ним свет Его, близко утешение Его. Маргариту озарило небесное просвещение: она произносит обет иночества, облекается в таинственный образ, принимает новое имя — и уже Мария плачет у гроба Спасителева. Камень скорби земной отвален от сердца: взорам души предстали радостные Ангелы, приносят кроткое утешение веры. По праву, Мария, ты держишь в руках твоих жезл настоятельства на поле Бородинском. Ты приобрела это поле мечом твоим — слезами. Возьми ими и небо.

Постепенно на обширное кладбище, к знамени иноческому Марии, стекались дщери земли русской; постепенно обитель стражей могильных обращалась в обитель молитвенников и служителей Бога. На самом редуте левого фланга, где сеча кипела всего ужаснее, где в знойный день битвы образовалась грязь от смешения крови с землею, где выросли горы трупов, ныне — Святая Церковь. В ней ежедневно приносится Бескровная Жертва о упокоении проливших кровь свою. Девы, умершие миру, воспевают надгробную песнь над витязями, умершими за Россию.

И часто, изможденные бдением и постом, старицы видят в тонком сне на жестких своих ложах: полки воинов вслед за полками возникают неизвестно откуда, идут стройно в уединенную обитель, входят в храм, проходят в святой алтарь, потом скрываются неизвестно куда. Робкие инокини решились приступить к являвшимся с вопросом, кто они. — «Мы те,— ответ был воинов,— за которых вы молитесь; приходим разделять с вами молитвы».

Бородинское поле, поле-море, поле великодушного подвига, убийства страшного,— тихое, безмолвное кладбище, оглашаемое лишь звоном монастырского колокола, сзывающим ежедневно в известные часы инокинь на молитвословие,— и голосом поселян, обрабатывающих землю, пресыщенную кровию! Как пристань тут — обитель; как полки — посевы хлебные; вместо киверов — колосья!

Благочестивые дщери России! Да поможет вам Бог совершать невидимый подвиг самоотверженья! Он помог братиям

вашим мужественно встать, встать грудью русскою против гордого супостата; Он да поможет и вам: Он — всесильный Бог.

15 сентября 1847 года.

VII

Ольга Шафранова

Архимандрит Фотий (Спасский)

«Политический деятель, патриот России» — так называли знаменитого архимандрита Новгородского Юрьева монастыря Фотия благорасположенные к нему церковные историки.

Архимандрит Фотий (в миру Петр Никитич Спасский, 1792–1838) родился в бедной семье, его отец был чтецом церкви Преображения Господня Спасского погоста Новгородского уезда. По окончании Новгородской семинарии он поступил в Петербургскую Духовную академию, но по болезни не смог ее окончить. Тем не менее его способности привлекли внимание ректора Академии, будущего Митрополита Московского Филарета (Дроздова), и Митрополита Санкт-Петербургского Серафима. В 1817 г. Филарет постриг Петра в монашество с переименованием в Фотия, и он был направлен преподавателем в Морской кадетский корпус. В 1821 г. он был назначен игуменом Деревяницкого монастыря, в 1822 г. — Сковородского, но в этом же году возведен в сан архимандрита и переведен в старинный Юрьев монастырь Новгородской епархии.

Особенно ярко архимандрит Фотий проявил себя как противник масонских лож и мистицизма, а также Библейского общества[1], возглавляемого министром духовных дел и народ-

[1] *Библейское общество* было основано в Англии в 1804 г. сектантами разного направления с целью распространения Священного Писания на разных языках среди людей разных вероисповеданий. В 1812 г. члены британского общества обратились к Александру I через князя А. Н. Голицына с просьбой дозволить им учредить в России Библейское общество для распространения в России Ветхого и Нового Завета между обитателями иностранных исповеданий. В тот же день разрешение было получено. Председателем Общества был выбран князь Голицын.

Самая темная сторона деятельности Библейского общества состояла в том, что его члены под влиянием английских учителей направляли все дело в сторону протестантизма. Английские методисты выражали надежду, что благодаря Обществу «Россия скоро будет наслаждаться благами Реформации». Вследствие этого направления Библейское общество сделалось средоточием всевозможных сект, действовавших в ущерб Православию. Не всё, однако, в деятельности Общества имело отрицательный характер. Например, пред-

ного просвещения князем А. Н. Голицыным[1]. По ходатайству поддерживающих Фотия Митрополита Серафима и графини А. А. Орловой-Чесменской, он был принят Александром I. Беседа с ним произвела на Государя Императора такое впечатление, что деятельность масонских лож в России была запрещена, а после повторной аудиенции в 1824 г. было упразднено Министерство, возглавляемое князем А. Н. Голицыным. Деятельность Библейского общества была приостановлена уже при Николае I в 1826 г. вследствие доклада Митрополитов Серафима и Евгения Болховитинова. Фотий писал тогда своему другу, архимандриту Симоновского монастыря Герасиму: «Порадуйся, старче преподобный, нечестие пресеклось, армия богохульная диавола паде, ересей и расколов язык онемел; общества все богопротивные, якоже ад, сокрушились».

Личность архимандрита Фотия вызывала разные чувства у его современников. С одной стороны, своей антимасонской деятельностью он нажил немало врагов, интриговавших и распространявших против него многие клеветы. Но в то же время его борьба за чистоту Православия, его настоятельская деятельность привлекали к нему большое число истинных почитателей из разных слоев общества. Поклонник архимандрита Фотия Андрей Николаевич Муравьев писал о нем: «Замечательно будет лицо его в летописях новгородских: кроме необычайности собственной его жизни, изнурительного поста при ежедневном служении, сорокадневного безмолвия в течение Четыредесятницы и других подвигов. <...> он действительно был

принятый им перевод и издание на русском языке Священного Писания многие находили весьма полезным. (По книге Митрополита Иоанна (Снычева) «Жизнь и деятельность Филарета митрополита Московского».) || [1] *Князь Голицын Александр Николаевич* (1773–1844) – друг Государя Императора Александра I, Министр духовных дел и народного просвещения, мистик, председатель Библейского общества. При его покровительстве были переведены и изданы книги, написанные проповедниками лютеранской и латинской церкви, что вызывало негодование в обществе. На одну из этих книг, «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению духа Христова», архимандрит Фотий написал «Обличительную апологию» и, кроме того, направил Александру I два послания, в которых доказал, что книга эта составлена для революции и навеяна сатанинским духом. 15 мая 1824 г. князь А. Н. Голицын особым указом был освобожден от должности министра и, по его просьбе, назначен заведующим почтового отделения. В 1839–1841 гг. он председательствовал в общих собраниях Госсовета. Занимался благотворительностью.

не только обновителем своей обители, но и настоящим архимандритом всех монастырей Новгородских, по древнему назначению настоятелей Юрьева»[1]. Следует также добавить, что архимандрит Фотий был известен и как писатель: при его преемниках в библиотеке Юрьева монастыря насчитывалось 24 книги его сочинений.

В числе близких к Фотию людей были известные государственные и церковные деятели. Его духовными дочерьми были княгиня Прасковья Михайловна Толстая — дочь М. И. Кутузова-Голенищева; вдова Г. Р. Державина, Дарья Алексеевна; дочь героя Чесмы, графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, и др. Памятником взаимоотношений с ними осталась их обширная переписка.

Среди почитателей Фотия было много богатых благотворителей, их усердие весьма способствовало обновлению Юрьева монастыря. С 1821 по 1831 г. архимандрит Фотий получил от них до 300 тысяч рублей. Но главной благотворительницей была А. А. Орлова-Чесменская[2]. Графиня Анна Алексеевна благотворила многим монастырям, в том числе и Сергиевой пустыни, которую она не раз выручала в трудных обстоятельствах. Однако с архимандритом Фотием и с Юрьевым монастырем ее связывали наиболее близкие духовные отношения. На Юрьев монастырь она истратила до 1832 г. около 700 тысяч рублей. Благодаря этим огромным суммам архимандрит Фотий поднял монастырь из развалин и превратил его в одну из самых богатых и прекрасных обителей России. Но, по словам А. Н. Муравьева: «Тот же поток щедрых даяний излил [он] на прочие убогие обители древней Славянской столицы. <...>

---

[1] *А. Н. Муравьев.* Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846. С. 215. ‖ [2] Услышав о ее смерти, князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов написал архимандриту Мануилу: «Мы утратили живой, поучительный пример древнего христианского благочестия, столь редкого в наши дни, но мы обрели крепкого заступника пред Престолом Божиим. Она не забудет нас в горней обители, как и здесь, внизу, она не забывала последнего из братьев во Христе, просившего о помощи. Здесь, в пучине жизни, волнуемой штормами опасностей, священная память о ней долго будет путеводной звездой, ведущей в мирную гавань спасения. Добродетели Графини, которые можно теперь открыть от завесы скромности, не боясь причинить ей вреда, долго будут служить нам уроком благочестия, тем более действенным, что он разрешает самую, пожалуй, трудную задачу: соединение строгой христианской жизни и внутренних усилий пред обязанностями, налагаемыми высоким положеньем в обществе и правилами приличия суетнаго света». См. о ней так же: Т. 2. С. 485–486.

И Святая София, священный залог славы Новгородской, сделалась также предметом его забот». Величайшей заслугой Фотия, считал А. Н. Муравьев, было «восстановление древнего чина иноческой жизни в своей обители и возбуждение чрез то духа молитвы... самый чин богослужения и церковные напевы отзывались давно минувшим и потому роднились с сердцем, невольно разжигая дух молитвы видением и слышанием древнего церковного быта».

Эти слова А. Н. Муравьева позволяют думать, что направление Фотия в руководстве монастырем было сродни тому, которое проводил в Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий Брянчанинов. Встречались ли они лично — об этом свидетельств нет. Жизнеописание Святителя отмечает только, что в 1832 г. заезжал в Юрьев монастырь и представился там настоятелю Михаил Васильевич Чихачев. Но, во всяком случае, графиня Анна Алексеевна, поддерживавшая дружеские отношения с Сергиевой пустынью, конечно, рассказывала своему духовному отцу о ее молодом настоятеле. И приведенное ниже письмо архимандрита Фотия к архимандриту Игнатию — от старшего к младшему — весьма благожелательно.

Посетил архимандрит Игнатий Юрьев монастырь в 1847 г. по пути в Николо-Бабаевский монастырь. 12 июля этого года он писал своему наместнику в Сергиеву пустынь: «...на последней станции к Новгороду пошел сильный дождь, провожавший нас до самого Юрьева. <...> В Юрьеве отец Архимандрит принял меня очень благосклонно; сегодня утром был у ранней обедни в нижней пещерной Церкви; обедню совершал отец Владимир с учеником своим иеродиаконом Виталием: они очень милы — вместе. Отец Владимир служит благоговейно, — как быть старцу; Виталий — с приятною простотою. После Литургии отец Архимандрит отправил соборне панихиду по почившем восстановителе Юрьевской обители. <...> Отец Владимир пришлет тебе два портрета отца Фотия и вид Юрьева монастыря. Один из портретов возьми себе; а другой портрет и вид обители вели обделать в бумажные рамки для моих келлий. Сегодня суббота; скоро громкий и звучный колокол ударит к всенощному бдению; думаю участвовать сегодня вечером и завтра утром в Богослужении, а завтра после обеда отправиться в дальнейший путь».

Письмо архимандрита Фотия к святителю Игнатию[1]

Радуйся, отче преподобне,
достоблаженне Игнатие!

Радуюсь о тебе и Христа Бога благодарю, что ты печешися о стаде твоем, любишь не токмо своих чад, но и приходящих милосердуешь недужных. Твоя любовь молит, дабы я принял к себе недужного, сущего во твоей обители: добро дело ты делаешь, что ты хочешь ему **бесному** исцеления у Бога: но я тебе благ совет скажу: такового рода люди преданы во власть врага свыше и враг их мучит зде, да не страждут там; нашего ради уцеломудрения дается таковому, каков и у тебя бесен есть, быть, да дух его спасется. Случается, что душа, всегда связанная таковых людей от духа нечистого, не имущая ничтоже благо делать, лишь бывает в некое время на своей свободе, тогда бывает в полном своем уме и действии и чище делает и видит, нежели кто из нас свободен будучи от лукавого и не терпяй искушения. Иного дух мучит, имея жилище свое в нем, а в ином вовсе не живет, но служит ин, яко раб сатане, и весь его есть, и сего ради не искушает, а бережет как своего, и разные люди разные суды о себе имеют, и приемлют зде себе искушение. Иные страждущие от бесов яко злато в огне не сгорают: а иные нестраждущие, лишь к ним враг приразится, яко сухая трава скоро сгорят от него, потребятся. А всякому свое время искушение приять грядет. И так по бесчисленным опытам скажу, милосердуя о себе самом: не связывайся николи с бесными: приходящего не гнушайся, не изгоняй, не бойся, не смущайся, но к нему и не прилепляйся: дух благий иногда влечет туда страждущего, куда он не чает попасть для его временного и вечного блага. Дух лукавый, ловец адский, идет часто таковыми уловить в сети свои не блюдущихся различно искушая, а Дух Святой, Небесный Ловец, предает врага в руки самых уловленных: и над бесом сбывается слово Писания: *ров изры и ископа яму, в ню же сам и падет*[2].

Теперь ты решение о твоем недужном видишь. И ты не должен держать, ни я не могу приглашать его, да не приидет на нас искушение. А искушение бывает зде велико и страшно, как ты и вообразить не можешь; аще не Сам Бог приспеет на помощь, то и недужный человек, и милосердуяй о нем без благодати могут погибнуть. Страшуся помыслить, что бывает, а неискус-

ство сего не знает: пусть бесный идет, куда его дух ведет; чудно состояние таковых бывает: можно сказать, ин многие лета проходит сквозь огнь и воду, и нигде не погибают, и обретают себе покой.

Я у себя многие образы имел неисповедимых таковых проходимцев земли. Бывает, что сатана и диавол во всех силах, знамениях и чудесах своих лестных является, да прельстит, искусит, погубит даже борющихся с ним: и многие яко кедры ливанские, великие в подвигах, высокие видением, сокрушаются пред духом силы вражной, когда яко буря восшумит, найдет сокрушаяй. Ничто наше за нас постоять не может, кроме благодати Христовой: бди и молися, отче святый, да не внидешь в напасть. Помни, что всех исцелений Врач не миновал пути, где бесны жили в гробах: но Святое Евангелие глаголет, что никтоже тем путем мог проходить, а не токмо исцелить: оно дает нам осторожность благоразумную, да не вдаемся в то, что свыше нас есть, надеющееся на себя. От сего ты видишь, богомудре Игнатие, что над бесным твоим дело не твое и не мое, а Божие: остави его на волю Божию, не связывай его, да не свяжешь себя: не привязывай его ко мне, да не привяжешь ко искушению меня: с Богом пути аще хощет да идет, куда дух его влечет. Он сам не знает теперь, куда идет: а Бог его приведет имиже весть судьбами и спасет и помилует.

Прошу святых твоих молитв ко Господу, да спасена будет душа моя, яко птенец от сетей вражиих, сущих от земли до небеси, и как же видел Антоний Великий.

Радуйся, смиренномудрие их проходит

Грешный Фотий.

1835 года
июля 24
Среда

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 26. Впервые опубликовано в ПСТ.

[2] Ср.: *рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил* (Пс. 7. 16).

Приложения к разделу «Архимандрит Фотий»

№ 1

Письмо святителя Игнатия к графине А. А. Орловой-Чесменской

Милостивая Государыня
Анна Алексеевна!

Господь, его же любит, наказует, и кому приуготовляет блаженную вечность, тому посылает скорби и болезни.

Поэтому тот, кому послана будет болезнь, должен проводить время в благодарении Богу, в славословии Бога. Благодарением душа содержится в терпении и мире и таким образом усугубляет мзду свою на небеси.

Благодарить Бога надо так: «Благодарю Тебя, Господи, Боже мой, за все, что Ты благоволил послать мне для очищения грехов моих. Буди воля Твоя».

Славословить Бога надо так: «Господи, слава Тебе за все совершающееся надо мною! Буди святая воля Твоя!»

Советую Вам в течение дня повторять почаще благодарение и славословие. С ними мало-помалу внидет в душу Вашу спокойствие и утешение, которые будут для Вас уже отселе залогом вечного утешения. Суетные же занятия отложите.

Примите мой усердный совет в утешении и спасении души Вашей. Духовное упражнение Ваше да будет благоприятно Богу, яко кадило благовонное, яко всесожжение тучное.

Ваш усерднейший Богомолец

н<едостойный> А<рхимандрит> И<гнатий>.
15 февраля 1847 г.

№ 2

Письмо святителя Игнатия к вдове Г. Р. Державина, Дарье Алексеевне[1]

Милостивая Государыня Дарья Алексеевна!

Присланные Вами 500 рублей ассигнациями, сумма, составляющая половину той цены, которую расположились внести в Сергиеву пустыню за ежедневное служение Божественной Литургии в течение года, мною получена. По субботам сия служба будет начинаться в девять часов, не раньше, не позже.

С истинным почтением имею честь быть Ваш покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.
1839, июля 1-го дня

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 18.

№ 3
О постриженнике архимандрита Фотия иеромонахе Аниките (Ширинском-Шихматове)

16 мая 1837 г. святитель Игнатий неожиданно получил письмо из Афин — от иеромонаха Аникиты.

Иеромонах Аникита, в миру князь Сергий Александрович Ширинский-Шихматов (1783–1837), — интереснейшая личность, оставившая по себе благоговейную память в России и на Востоке. Он родился у благочестивых родителей в принадлежащем им селе Дернове Смоленской губернии. Уже с детства отличался он незаурядными способностями, особенно легко давались ему иностранные языки — французский и немецкий. Также с раннего возраста он усвоил славянский язык, и любимым его чтением были псалмы и молитвы. В 10 лет он потерял отца. В 14 лет был принят в Морской кадетский корпус, из которого выпущен в 1800 г. мичманом и определен в Ученый комитет Коллегии при Адмиралтействе. С 1804 по 1827 г. он служил в Морском кадетском корпусе, откуда вышел в чине капитана 2-го ранга. Во время службы продолжал заниматься самообразованием, обучался английскому, латинскому и греческому языкам. Также увлекался поэзией, писал стихи патриотические и на евангельские темы. Его «Псалтирь десятиструнный», содержащий в себе преложения десяти псалмов, послужил поводом для избрания его в 1809 г. в действительные члены Российской Академии.

При всем том благочестивые уроки детства все больше проявлялись в образе жизни князя Сергия Александровича Шихматова: он учащал в Божии храмы, занимался благотворительностью, был необыкновенно воздержан. Еще в 1817 г. он познакомился со знаменитым архимандритом Юрьева монастыря Фотием и тогда же стал его последователем в противлении модернизации Православия. В этом он расходился со своими старшими братьями, Павлом и Алексеем Ширинскими-Шихматовыми. Братья считали, что Православие могло бы что-то заимствовать из практики иных христианских церквей

и иностранной религиозной литературы. Сергий Александрович писал им по этому поводу: «Осмелюсь заметить, что я сомневаюсь, полезно ли учиться совершенству веры из книг, писанных ересью, которой Дух Божий тайн своих открыть не может». Особенно братьям не нравилось сближение Сергия Александровича с архимандритом Фотием и его намерение вступить в Юрьев монастырь. Они полагали, что Юрьев монастырь — это место, где «имеют приют противные Церкви мнения». Сергий Александрович старался их переубедить: «Прошу поверить мне, что Юрьев монастырь не есть гнездо еретичества, а напротив хранилище православия церковного».

В ноябре 1827 г. он оставил службу и покинул столицу. Прежде всего он отправился на родину навестить матушку и как раз успел проводить ее в последний путь. «В первую же ночь он увидел ее во сне и на просьбу благословить его на иноческое подвижничество услышал: "благословить много, а дозволить можно"». В начале 1828 г. он переселился в Юрьев монастырь. Лето и осень этого же года, отпросившись у Фотия, он провел в благочестивом странствовании по древним русским святыням.

25 марта 1830 г., в день Благовещения, князь Сергий Александрович Ширинский-Шихматов был пострижен в монашество с переименованием Аникитою. 30 марта он был рукоположен в иеродиакона, 3 апреля — в иеромонаха. В его лице архимандрит Фотий получил очень ценного единомышленника и сотрудника, который помогал ему в его литературных трудах и переписке. Основным послушанием его было начальствовать в скиту. Ему предлагалось настоятельство в одном из монастырей. Но устремления Аникиты были направлены на Афон и ко Гробу Господню.

5 мая 1834 г., получив благословение архимандрита Фотия, он отправился в путь и, посещая все встречающиеся монастыри, прибыл в Воронеж. Здесь Архиепископ Воронежский и Задонский Антоний[1], знавший о литературных дарованиях Аникиты, попросил его написать житие святителя Митрофана[2]. Затем еще на

[1] *Антоний* (Смирницкий Авраамий Гаврилович; 29 октября 1773 — 20 декабря 1846) — Архиепископ Воронежский и Задонский; сын протоиерея, свою фамилию получил за смирный и тихий нрав; в сан Архиепископа возведен в 1832 г. Ныне прославлен Русской Православной Церковью.

[2] Открытие святых мощей Митрофана Воронежского состоялось на праздник Преображения Господня, 6 августа 1832 г. «Митрофан Воронежский! Человек необычной и удивительной судьбы. Проповедник истины Христовой и просветитель. Устроитель монастырей и святой праведник. Молитвенник и чудотворец. Один из самых любимых и почитаемых на Руси святых. Государствен-

восемь месяцев он задержался в монастыре близ Одессы из-за открывшейся в Константинополе моровой язвы. Таким образом, к Афонской горе он прибыл 7 июня 1835 г. Он поселился в Русском скиту святого пророка Илии, причем настоятель уступил ему свою келлию, которую ранее занимал строитель скита Паисий Величковский. Проникшись во время работы над житием Митрофана Воронежского высоким подвижническим духом этого нововявленного русского чудотворца, Аникита мечтал устроить и освятить на Афоне церковь во имя его. Для осуществления мечты он передал настоятелю скита значительную денежную сумму.

* * *

В 1828 г. князь Сергий Александрович Шихматов (будущий иеромонах Аникита), направляясь в Юрьевский монастырь, посетил по пути Оптину Пустынь, где встретился с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым (будущим святителем Игнатием). Об этой их встрече о. Аникита сам напомнил архимандриту Игнатию в своем письме. Больше их жизненные пути не пересекались. Уйдя в монастырь, затем отбыв в дальние края, о. Аникита о столичных новостях узнавал из писем брата, Платона Александровича Ширинского-Шихматова.

Сам князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1852) тоже был незаурядной личностью. Н. В. Елагин писал о нем: «К общему назиданию и украшению человечества являются в мире люди, которые, с ранних лет глубоко проникаясь истинно христианским благочестием, заботливо и непоколебимо хранят его во все дни своей жизни, как твердый залог небесного милосердия, помощи и силы».

Князь Платон Александрович поступил в Морской кадетский корпус в тот 1804 г., в который брат его, Сергий Александрович, был назначен тогда же кадетским офицером. Таким образом, годы учебы в корпусе младший брат находился под опекой и влиянием старшего, что усугубило их родственную и духовную близость.

ный муж и радетель о славе Отечества. Светильник веры, озаривший начало славных дел Петра I, рождение и первые победы молодой России. Пособник благоверному императору в строительстве кораблей и наставник в делах государственных и ратных. Святой угодник, заслуживший право — наряду с Андреем Первозванным, Николаем Чудотворцем, Пантелеимоном Великомучеником, адмиралом Федором Ушаковым — именоваться покровителем Российского Военно-морского флота!» (*Максимов Владимир.* Богу, Отечеству и Флоту // Акафист святителю и чудотворцу Митрофану, епископу Воронежскому. М., 2003).

В 1811 г. Платон Александрович был произведен в лейтенанты, в 1813 г. участвовал в заграничных сражениях, в 1816 г. по расстроенному в походах здоровью вышел в отставку и поселился в деревне. В 1820 г. он вернулся к общественной деятельности, но не на военную, а на государственную службу. Все эти годы он продолжал заниматься самообразованием, как и брат, писал стихи. В 1824 г. поступил в Министерство народного просвещения и оставался там до конца своих дней: более четверти века. 27 января 1850 г. был назначен министром народного просвещения. В отличие от старших братьев, младший брат Аникиты с почтением относился к архимандриту Фотию: в сентябре 1830 г. он со всей семьей целую неделю гостил в Юрьевом монастыре. Скончался он 4 мая 1852 г., успев перед кончиной написать небольшую книжицу: «О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в миру князя Сергия Александровича Шихматова» (СПб., 1853). Конечно, сообщая Аниките о столичных новостях, Платон Александрович писал ему и о влиятельном настоятеле Сергиевой пустыни, с которым находился в дружеских отношениях. А почему Аникита обратился именно к архимандриту Игнатию, об этом он сам достаточно подробно пишет в своем письме.

* * *

...30 июля этого же 1835 г. Аникита пустился в дальнейший путь к цели своего путешествия, сначала на корабле в Салоники, затем в Яффу и наконец 10 сентября прибыл в Иерусалим. «С наступлением осени, — писал он Платону Александровичу, — заключился я в храме Воскресения. Здесь, питаясь хлебом и водою, провел я четыредесять дней, и дни сии были для меня дни неба... Небесным восторгом горела душа моя, когда нечистыми устами воспевал я: Христос Воскресе из мертвых, при священнодействиях Божественных Таин там, во святилище гроба Живодавца, где Он воистину воскресе и нас совоскреси с собою».

7 апреля 1836 г. Аникита отправился обратно на Афон, но в Яффе узнал, что его назначили служить в церкви при посольстве в Афинах. Он выпросил себе на некоторое время отпуск, чтобы побывать еще раз на Святой Горе. Там он заложил в скиту церковь во имя святителя Митрофана, добавив к ранее пожертвованным суммам новые, полученные от благочестивых лиц.

По прибытии в Афины у Аникиты обострилась его старая болезнь. Болезненное состояние усугубило бедствие, постигшее скит на Афоне, о котором он пишет в письме святителю Игнатию.

6 июня 1837 г., накануне праздника Сошествия Святого Духа, он причастился и 7 июня скончался.

По истечении трех лет останки Аникиты, в соответствии с его завещанием, были присланы на Афонскую гору в скит святого пророка Илии. В мае 1842 г., при освящении церкви во имя святителя Митрофана, Воронежского чудотворца, останки ее основоположника торжественно при звоне колоколов и хорном пении «Святый Боже» были помещены там в нише стены у правого клироса и заложены мраморной доской с золотой надписью о дне кончины.

А ты, священный прах, до пакибытия,
Покойся в тишине глубокой, безнаветной.
Тогда возникнешь ты из тьмы и сени смертной,
Как огнезлатый, стрелы быстрейший луч,
Сверкающий струей из толщи черных туч,
Из гроба возблестишь во славе боголепной
И с плеском воспаришь, и с песнею хвалебной,
И сам себе дивясь в восторге торжества,
Поклонишься лицу благого Божества.

Из поэмы С. А. Шихматова «Ночь на гробах»

* * *

Следует добавить, что с кончиною князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова связь его семьи с Сергиевой пустынью не прекратилась. В 1869 г. вдова князя Платона Александровича, в память умершего сына Александра Платоновича, пожертвовала в Пустынь 8000 рублей, чтобы на проценты с этой суммы содержались там шесть человек больных: четверо из братий и двое из других сословий. Кроме того, она пожертвовала еще тысячу рублей, на проценты с которых должны были содержаться две лампады: одна в больнице, другая перед иконой Божией Матери и ковчегом со святыми мощами, завещанными княгиней в Пустынь после ее смерти.

Письмо афонского иеромонаха Аникиты к святителю Игнатию[1]

Получ. 16 мая 1837 года
(*рукой святителя Игнатия*)

Почтеннейший Отец Архимандрит,
Возлюбленный о Господе брат!

Предел положил еси, егоже не прейдут[2], — сказал божественный Псалмопевец о волнах морских и о днях скоротечной нашей

жизни, подобно волнам, один за другим к вечности стремящимся и о крутой берег смертности нашей всеобщей разбивающимся с большим или меньшим шумом. Как далеко отстоит каждый из нас от своего предела, хотя нам и неизвестно; но то мы знаем все, что все к оному близки, и нередко достигаем оного вдруг, тогда как полагаем себе быть на средине нашего течения. Премногие из преждеотшедших отцев и братий наших собственным своим опытом истину сию подтвердили (да мы бодрствуем на страже нашего жития) и между прочими недавно и нечаянно преселившийся от временных в вечная общий наш собрат и вашей иноческия ограды овча смиренное, отец Палладий. Не знаю, дошел ли до вас слух о его кончине, доставляю, чтобы вас о том уведомить верно и подробно, да воспоминается имя его в святой вашей обители во спасение души его при совершении умилостивительной о живых и мертвых бескровной жертвы.

Он был усерднейшим моим сомолитвенником на всех святых местах святого града и окрестных и потом на Святой Горе Афонской, на которую мы вместе возвратились из Иерусалима, на которой и расстались, по предположению нашему на краткое, но по суду Божию, на всегдашнее время. Он отправился в Царьград для исходатайствования себе нового пашпорта, имея намерение побезмолвствовать иночески на Святой Горе, а я поспешил, единственно из послушания вышнему нашему начальству, к назначенному мне паче всякого чаяния и вопреки воле моей, при здешней миссии месту. Из Царьграда писал он ко мне письмо при отъезде оттоле на Святую Гору, куда и прибыл 18-го сентября в скитскую Русскую нашу обитель святого пророка Илии, но неблагополучно: ибо на пути еще заболев, по прибытии своем почувствовал болезнь свою смертельную, и поспешил и сподобился облечения в великий Ангельский образ с переименованием в Павла, и 24-го числа того же месяца с покаянием отыде ко Господу, сделав при сем распоряжение остающимся крохам своего имущества. С кончиною его начались дни плача для обители святой, приявшей его в материнское недро, ибо вскоре из последствий печальнейших оказалось, что болезнь его была смертоносная чума, каковою он в Царьграде на отъезде своем заразился. От прикосновения к телу его при погребении и потом к оставшимся вещам его зараза в обители сделалась всеобщая, и первая жертва оныя был почтеннейший настоятель иеросхимонах отец Парфений (отец мой духовный, которого прошу усерднейше записать в Синодик вашей святой обители, равно как и схимонаха Феодора, вслед за

ним отшедшего, о коем еще будет слово), а потом и братия последовала за настоятелем, так что в краткое время 19-ть отцов легли в сырую землю, сами каждый себе заблаговременно изрывая в ней могилу, а 13-ть еще остались в живых, но еще трепещут той же участи, и находятся в карантинном оцеплении. Но впрочем, все меры осторожности приняты, дабы живые пребыли живы. Судьбы Божии суть бездна многа, но и в хорошие судьбы Его благи и нам не испытывать оные, а покоряться оным подобает со смирением и благодарением. Весть о сем нечаянно постигшем святую обитель Ильинскую Русскую Святогорскую (в которой я двукратно по два месяца пользовался во спасение души приятнейшим странноприимством) бедствии поразила меня до глубины сердца, и не скоро заживет сия сердечная моя язва, но буди имя Господне благословенно, и не только уповаю я, что посещение сие отеческое от Господа послужит во спасение братии умершей и живущей, но и несомненно верую, что молитвами святого великого нового нашего Заступника пред Богом святителя Митрофана будет началом обновления Святоильинской Святогорской обители, и утверждения и прославления.

Много слышал я доброго, как прежде от разных достоверных лиц, так и после, от покойного отца Палладия — Павла о вашем иноческом благочестии, которого начаткам и сам радостный был свидетель 1828-го года в Оптинской пустыни, которую сподобил меня Господь посетить на возвратном пути моем от поклонения святым Киевопечерским угодникам, а потому, радуясь о излиянном на вас свыше даре изобильныя благодати, яко возлюбленному о Господе брату, с братскою откровенностию поведаю вам желание моего сердца и прошу усерднейше к исполнению оного вашего спослешения, предоставляя, впрочем, совершенно воле вашей принять в том участие или нет, смотря по возможности, дабы в последнем случае совесть ваша нисколько не тревожилась. В вышеупомянутой свыше посещенной обители, в последнее мое в оной пребывание сподобил меня Господь, совокупно со старцем схимонахом Феодором, ныне уже в Бозе почивающем (как выше было сказано) заложить новый небольшой храм, но отдельный и особый, во имя великого угодника Божия Митрофана Воронежского; и как я должен был вскоре сюда отправиться, то, сделав с о. Феодором складчину из пожертвований благочестивых чтителей угодника из наших соотечественников, достаточную на построение заложенного здания священного, предоставил ему строить оное по контракту, от общего нашего имени с мастерами

заключенному. Материалы все были приготовлены, но зараза, не допустив начать строение, похитила и строителя, и других опытных старцев, на сие дело искусных. От оставшихся в живых братий получил я известие, что деньги, на строение определенные, целы и материалы также, и по снятии карантина можно приступить к строению. Причем они просят меня убедительнейше самому лично положить строению сему начало, равно и пособить им ко введению прежнего иноческого порядка в опустевшую их обитель, и просьбу их весьма бы желал я исполнить, особливо по отношению первой статьи, ибо я не оставлю употребить все силы к тому, чтобы заложенный во имя угодника Божия храм был состроен и освящен и оглашался бы славословием Божиим, особенно при совершении страшной Бескровной Жертвы. Господь помощник мне и Пречистая Его Матерь, последне явленному нашему Святому честь великую дающая, яко ему первому из всех наших соотечественных святых, на Горе Ее Святой, почитаему быти во храме, именем Его нареченном, и Сам Господень угодник [поможет] благое дело в честь его совершить с своим чудным пособием. Но как слава угодника Божия на Горе Святой Жребия собственного Царицы Небесной есть слава всех православных Россиян, а паче самого боговенчанного нашего помазанника Божия, которого царствование, как многими другими опытами благоволения Божия ознаменованы, так наипаче запечатлено явлением во дни его благословенные нового Ему и всему Царству Его заступника святителя Митрофана, от нетленных святых своих мощей реки чудес изливающего во благодеяние Царю и Царству православному. И как упоминаемая Ильинская Русская скитская обитель есть единственное на Горе Святой место, в котором при всяком богослужении, особливо же при совершении Божественной литургии, приносится Господу Богу моление о благочестивейшем нашем Самодержце и о всех поимянно высочайших Его кровных, то чести ради угодника Господня, и в милостыню усердным своим богомольцам, да преклонится благочестивейший наш Самодержец и все высочайшие Его кровные, щедрым даянием своим, новозаложенный храм святителю Митрофану, яко дом Божий, облечь в подобающее благолепие, да воспрославит их Господь и Пречистая Его Матерь, по предстательству Своего угодника, божественною Своею силою к благоденствию временному и к блаженству вечному. Вас же, яко по дару свыше имеющих дерзновение к Державным, сподобляет угодник Божий милости быть ходатаем по сему к славе его и славе Божией начинанию.

И потому при удобном случае, ежели, опять повторяю, найдете сие возможным к исполнению (а ежели нет, то будьте совершенно спокойны в совести своей, отказавшись от сего подвига), испросите щедроту Царскую и милость святой обители Ильинской, щедроту на совершение и украшение храма, милость призрения на ее запустение, чтобы по манию Царя нашего православного чрез посредство нашего посланника в Царьграде, обитель сия извне ограждена была покровительством турецкого правительства и к чести Русского имени пользовалась бы совершенною свободою от тяжких податей (каковыми праведно обложены от султана Афонские Греческие монастыри за участие их во всеобщем восстании греков против него и каковыми неповинно отягощаются и наши соотечественные отшельники) и внутри снабдена бы была довольством, дабы чада ея с радостию, а не воздыхающе, возносили бы ко Господу и к Пречистой Его Матери сердца свои и души, при воспоминании в частных и общественных молитвах своих высочайшего имени Царского и всех Царския крови ветвей и отраслей, в которых богоспасаемая Россия зрит надежду и залог будущего своего благополучия.

Таким образом, из вашей обители святой как проистекло несчастие Ильинскому Святогорскому скиту, так из вашей же обители да изнесется милость Божия и обновление благоденствия на все будущее время. В первом случае вы нисколько не виновны, во втором — предлежат вам венцы воздаяния свыше в сем мире и будущем, да будет имя ваше, яко создателя обители, воспоминаемо в ней в род и род с молениями о вашем спасении и с благословением от всех в ней иночествующих устным и сердечным. Не тощ будет труд ваш пред Господом; но по молитвам Царицы Небесной о вас, яко благоговейном чтителе святыни Ее храмов Святой Афонской горы, и по молениям святителя святого Митрофана о вас, яко о ревнителе прославления его на земли во спасение многих, не оставит Господь уделить милости Своя на вас и на святой вашей обители.

Ежели вы решитесь просить и свыше благоспоспешителя вам испросить щедрую монаршую милостыню на созидание и достойное украшение нового храма во имя нашего нового святого, так, чтобы он благолепием своим, во все концы Афона сияющим, свидетельствовал ныне и в будущее время всем во всех монастырях греческих иночествующим православным нашим собратиям грекам о благоговении благочестивейшего нашего дома Царского к святыне, яко подобает дому Господню, то не оставьте, к щедроте

милостыни исходатайствовать мне великую милость, необходимо нужную к исполнению предположительно зачинающегося строения, а именно ту, чтобы меня начальство духовное уволило от настоящего моего места с выдачею, по обыкновенному, прогонных на обратный путь в Россию и с позволением прежде сего возвращения пожить на Горе Святой с год времени для надлежащего приведения к концу новостроящейся святителя Митрофана церкви в обители св. пророка Илии, с доставлением ей возможного благолепия. Сие увольнение, как выше видели, необходимо мне нужно по причине смерти почтенного моего в строении сотоварища и других оной обители старцев, на которых бы можно возложить сие священное дело. И так как ныне Его Высочество Цесаревич изволит посещать, как сказывали мне, синодальные заседания, то имея к нему свободный доступ, вы удобно можете освободить меня от службы при здешней миссии, на послужение Господу и Пречистой Его Матери на Горе Святой сооружением храма в честь и память великого Их угодника. Вера чиста и нескверна пред Богом Отцем сия есть, еже посещати сирых и вдовиц в скорбех их, и нескверна себе блюсти от мира, по слову святого апостола Богобрата. И вы, соблюдающии сие, воистину чиста и нескверна от мира, строгим монашеским житием явите сие богоугодное дело веры посещения сирых и вдовиц в скорбех их. Ибо велия скорбь пришла на святую упоминаемую обитель, и воистину есть она вдовица, и воистину сироты суть чада ее. Посетите их утешением в скорби, для которого имеете вы от Господа способ и средство в дерзновении вашем у лиц Высочайших. Дело сие предыдет вам ко Господу и заступника нашего великого Митрофана молитвами, за труд ваш в пользу обители Святогорской, в которой имя его величится от соплеменных и от присных в вере, устроит вам обитель в дому Отца Небесного. Сего от сердца моего желая, прошу мне простить великодушно смелость моей к вам просьбы, которую ежели можно, не оставьте без внимания, а ежели можно, не поставьте мне в вину, ибо единственно по доверию моего к вам уважения, предложил я оную вашей любви о Господе. Во всяком случае, однако же, прошу вас всепокорнейше удостоить меня вашего ответа, каковый и благоволите препроводить ко мне чрез брата моего, имеющего доставить вам сии строки. Молю вас не забывать меня грешного во святых ваших молитвах ко Господу и ко святому Его угоднику преподобному Сергию, которого имя святое во святом крещении на мне грешном наречеся. Я же как сегодня при

совершении Божественной службы воспоминал вас в недостойных моих молитвах, тем и впредь не премину.

Призывая на вас и на всех чад ваших о Господе благословение Господне, с истинным уважением имею честь быть ваш нижайший слуга и недостойный сомолитвенник грешный

Иеромонах Аникита.
Февраля 8-го дня 1837 года
Афины

†

Скит святого пророка Илии на Святой Афонской Горе основан и построен знаменитым старцем Паисием, бывшим потом игуменом Нямецкого Молдавского монастыря; и теперь еще существует в скиту та самая келлия, в которой он яко настоятель жительствовал и занимался составлением драгоценнейшего для монахов ко внутреннему монашеству руководства, книги Добротолюбия. Греческие при монастырях скиты суть отделенные от обителей, но зависящие от них совокупления монахов, живущих хотя и на том же месте, но порознь каждый в собственной особой своей келлии, и токмо по субботам и воскресным дням собирающихся в общую церковь для отправления общего богослужения. Наш же Русский скит есть малый монастырь, в котором братия живут все вкупе, отправляя ежедневно совокупно все церковные службы и общими силами труждаясь в послушании для общего своего благосостояния, и находится в зависимости греческого Пантократорова монастыря.

Самое важное для скита Русского, в котором прославляется новый России заступник святитель Митрофан, ознаменовавший явлением свято-нетленных мощей своих и многоцелебных благоволение Царя нашего Небесного к царю нашему земному, и в котором токмо одном изо всех обителей на Святой Горе приносится Господу Богу и Спасу нашему и Пречистой Его Богоматери о православном Царе Русском и о всем его царском роде и о всем его богохранимом царстве всегдашнее усердное моление торжественное при службах церковных, — самое великое было бы благодеяние, ежели бы посольству нашему в Царьграде предписано было принять оный скит под особенное покровительство и войти в ближайшее рассмотрение нужд его, дабы удовлетворить оные и упрочить навсегда его благосостояние исходатай-

ствованием ему султанского милостивого фирмана, которым бы ограждались все его льготы и оставались неприкосновенными на будущее время. Се подвиг добр, имже подвизающийся приобрящет венец правды!

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 23. Публикация *О. Шафрановой*.
[2] *Ты положил предел, которого не перейдут* (Пс. 103. 9).

VIII

Ольга Шафранова

Друг архимандрита Игнатия Брянчанинова отец Исаия Никифоровский

Отец Исаия, монах Александро-Свирского монастыря Олонецкой епархии, а с 1846 г. — строитель Никифоровской пустыни, из всех друзей святителя Игнатия выделялся тем, что позволял себе выражать критические мысли о монашеском делании в Сергиевой пустыни. До своего прибытия в Александро-Свирский монастырь он побывал во многих монастырях, «жил в разных местах и имел беседу со многими». Он был одним из рискнувших посетить Святую гору Афон в то время, когда там особенно свирепствовали турки[1]. С Афона он вынес образ монашеской жизни, в сравнении с которым жизнь в русских монастырях казалась ему «Державой нынешнего времени», в которой разучились «жить по отцам». Знающие отца Исаию люди говорили, что он был выдающийся подвижник и делатель умной молитвы. Татьяна Борисовна Потемкина вспоминала, что он гостил в ее доме, когда приезжал в Петербург «хлопотать об отчислении своей пустыни от Александро-Свирского монастыря», что и удалось благодаря ее просьбе, обращенной к министру духовных дел князю А. Н. Голицыну. Она рассказывала о впечатлении, которое произвел на нее никифоровский старец: «Такого человека, каков был о. Исаия, я более не видала, в нем было что-то особенное, невольно привлекавшее к нему душу. По наружности был он весьма прост и молчалив, но зато, когда начнет бывало говорить, то всякое его слово звучало силою необыкновенною. Даже в молчании своем, одним присутствием своим имел он заметное влияние на ближних. Однажды было у нас довольно посетителей, в том числе одна моя родственница, весьма не расположенная к монашеству. О. Исаия тоже приглашен был к закуске: он поместился в дальнем углу залы и,

[1] То есть до заключения в 1829 г. русско-турецкого Андрусовского мирного договора.

по простоте своей, руками начал очищать рыбные кости поданного ему кушанья. Родственница моя, видимо, этим возмутилась. Старец, взглянув на нее пристально, взялся за вилку и нож. Взгляд его был так проницателен, что родственница моя долго потом не могла его забыть. По ее словам, точно сила какая коснулась ее тогда, потрясла все ее существо. <...> А как он молился! Бывало в церкви взглянуть на него не решалась я, потому что лицо старца при молитве точно озарялось светом неземным. Просишь бывало его, — помолитесь, батюшка, о том, о другом. "Для чего молиться о многом? — ответит он сурово. — Молиться нужно об одном, о спасении, о помиловании души, о прощении грехов; а прочее все, Господь сказал, приложится вам". Скорби наши о. Исаия считал сокровищами бесценными и всегда удивлялся моим иногда жалобам, говоря: "что за скорби теперь? вот будет скорбь, когда не увидим ей конца, — мука вечная. Пред этою скорбию всякая временная скорбь покажется шуткою"»[1].

В Александро-Свирском монастыре и состоялось знакомство святителя Игнатия с отцом Исаиею. 28 августа 1843 г. он писал П. П. Яковлеву: «В Свирском провел я время довольно приятно, познакомился с Отцом Исаиею, который приехал со мною и в Введенский». Они сразу почувствовали взаимное расположение. Из приведенных ниже писем видно, что Святитель неоднократно приглашал отца Исаию в Сергиеву пустынь. Интересно, что отец Исаия отговаривался, помимо плохого самочувствия, еще и тем, что беспокоился встретить там «устроение монастыря не Духовное, но душевное. А в Душевном делании только ум умножают, а Души не оживлят и живота не ощущают». Но 10 февраля 1844 г. Святитель писал одной своей ученице в Старо-Ладожский Успенский монастырь: «О. Исаия в настоящее время гостит у меня, и я утешаюсь, видя в нем обильную благодать Божию». И ей же, в связи с ее желанием переместиться в другой монастырь: «О. Исаия советует вам путь, который он сам проходил, на котором Господь покрыл его, но который вне общего закона и на котором многие могут преткнуться».

Старец Исаия еще раз навестил своего друга в тот свой приезд, о котором рассказывала Т. Б. Потемкина. 12 февраля 1846 г. архимандрит Игнатий писал отцу Макарию Оптинскому: «В настоящее время гостит у меня Отец Исаия, монах, а ныне Строитель Никифоровской Пустыни, которая на днях отделена от Свирского мона-

[1] Душеполезное чтение. М., 1870. Январь. С. 4; о Т. Б. Потемкиной см.: Т. 3. С. 463–469.

стыря и образован из нее скит. Он, возвращаясь из Афонской Горы, был в Площанской Пустыни, гостил там три дня, был принят Вами и покойным старцем Афанасием; он просил меня засвидетельствовать Вам от него поклонение с прошением Святых Молитв»[1].

Спустя четырнадцать лет святитель Игнатий снова вспоминал никифоровского старца. 10 августа 1860 г. он писал М. В. Чихачеву, делясь сомнениями относительно издания своих творений: «Мне старец Исаия говаривал: “Не пиши! Не для кого!”»

Письма отца Исаии, строителя Никифоровской пустыни, к архимандриту Игнатию*

№ 1

†

Честнейший Отец Архимандрит
и любезный о Христе Брат Игнатий
Благословите

Во-первых, воздадим благодарение Господу Богу, приведшему нас в познание Друг Друга, в известное время видеть и наслаждаться Духовною беседою и Единомыслием. Сколько я живу на свете, жил в разных местах и имел беседу со многими, но не нашел человека так по сердцу, как ты, Отец Игнатий.

Письмо твое я получил 28-го Октября и в нем читаю, как в сердце моем, все расположение Доброй Души Твоей. И очень сожалею о несогласии Отца Аполлоса: я ему писал и советовал всячески со смирением примириться с Вами; но ответа от него не получил. Что делать, это Вам явный пример, узнайте Державу нынешнего времени: что не можем жить по отцам. И те, которые имеют ревность ко спасению и веру к Настоятелю, пока еще новоначальные и малозначащие, до тех пор и мирно и хорошо. А как войдут в знание, тогда горе ученику и учителю с ним, виждь нонешний успех и разум.

Еще ты пишешь, что желал бы видеть меня в Вашей Обители; это аще и благое, и усердное желание, но неудобное оного исполнение. А потому и прошу тебя, Бога ради, увольте меня от сего послушания.

Во-первых, и лета мои не позволяют, также и слабость здоровья. А главное и самое нужное, удаление от Мира: вспомни, что я

[1] См.: Т. 2. С. 66.
* РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 47.

должен ехать во многолюдный Град С. П. и сколько я должен видеть разных обстоятельств, лиц и нравов; в моем к тебе путешествии.

Видеть строение Вашего монастыря; красно и согласно в нем поющих; все это хорошо по внешнему и для миру: но есть ли внутреннее устроение. Испытай и вижды нонешние успехи Духовной жизни; не Душевной, но Духовной. Если я приеду, то однако не надеюсь, чтобы мог пользовать кого своим советом. Да без веры и говорить нельзя всякому сие. Отцы Святые празднословием называют. И так кроме самого тебя не на что обратить внимания. А потому и прошу тебя Бога ради, если ты желаешь спокойствия моего, Душевного и телесного и любишь меня о Господе, в чем я и не сумневаюсь, то прошу тебя Бога ради, ты и сам этого не желай. А если приведет Бог имиже весть судьбами еще видеться с тобою, то я почту это за великое удовольствие. Если случится тебе проезжать на Валаам, прошу тебя покорно заезжай ко мне в Никифоровскую пустынь, с Валаама проселочными дорогами недалеко можно проехать, я бы лучше желал видеть тебя в пустыне, нежели в Петербурге, уведомь меня об этом.

Теперь я маленько свою келлию преустроил и не хочется расстаться с любимым мне безмолвием. Если же не случится тебе заехать, тогда аще Бог восхощет и живы будем, нешто весною вздумаю побывать к тебе, и на долгое время, месяцев на 5-ть или 6-ть к тебе на Духовный пир. Однако я думаю, что присутствием своим я не сделаю тебе удовольствия, а напротив, того тут могут быть большие неприятности, потому что если я увижу нестроение в твоем монастыре, то я по невежеству своему не умолчу. И тогда ты умаловеришься ко мне. А я и отсюда вижу, что устроение твоего монастыря не Духовное, но душевное. А в Душевном делании только ум умножают, а Души не оживлят и живота не ощущают.

Просим Ваших Святых молитв и благословения. Остаемся должныи Богомольцы *монах Исаия о Христе с братиею.*

Никифоровская Пустынь
13-го октября 1843-го года

№ 2

Всечестнейший Отец Архимандрит
и любезный во Христе брат Игнатий
Благословите

Приятнейшее письмо твое я получил 23-го н<оября> и благодарю тебя за простоту и откровенность. Ты все желаешь видеть

меня в вашей Обители, и я бы не отказался, но слабость здоровья моего не дозволяет. И теперь два месяца так болен, что иногда и живота отчаиваюсь, и это со мною случается почти каждую зиму. А летом мне легче бывает, как и сам ты видел. Тем-то я и обещался к вам летом побывать. И из твоего письма я вижу великое разшествие в понятиях и в деланиях и действиях молитвы схимонаха Василиска. Я и прежде ея знал и теперь прочитал. Ты пишешь, что он достиг до младенческой простоты. А я понимаю, что он младенческой простоты и не знал. То как в нем одном пункте мы имеем разнствие в понятиях, так и всего письма я объясняю вам, что чрез письмо о понятиях в точности невозможно уведомиться. А аще Богу угодно и живы будем, лично увидимся и изъяснимся. А нынче я весьма слаб здоровьем, едва дойду до церкви, занимается дух, и тому малое облегчение от присланного от отца Аполлоса риского бальзяну, и уже докончился, и отец Аполлос обещал к нам побывать, и вы его благословите и соблаговолите с ним мне прислать риского балзяну [нрзб.] и балзяной водки два полуштофика.

Остаюсь одолженный вами Богомолец и требующий ваших святых молитв грешный *монах Исаия, Иеродиакон Митрофан и вся о Христе братия*.

7 декабря 1843 г.

(Рукою свт. Игнатия: «От Исаии отшельника»)

№ 3

Ваше преподобие и о Христе брате Игнатий

Благословите

Объясняю вам о моем обстоятельстве. Ныне чувствую облегчение своей болезни, и, если Господь соблаговолит, желаю прибыть в вашу обитель для личного с вами свидания. И наслышан я, что весьма удобно и можно из домовой Канцелярии от Преосвященного нашего Венедикта чрез вас выслать мне пропуск или билет для прибытия к Его Преосвященству Венедикту. И если можете сделать чрез такой случай, весьма бы мне спокойно выбыть к вам. А форменно весьма будет затруднительно и медленно. И если эдаким случаем будет сделать невозможно, то поскорее попросите Отца Архимандрита Варсонофия, чтобы он меня соблаговолил отпустить к вам. И меня о всем уведомьте.

Остаюсь одолженный вам Богомолец и требующий ваших святых молитв грешный монах Исаия.

Еще отец Аполлос пишет, чтобы уведомить вас рекомендацией о Ладожском племяннике отца Герасима Петре Сергееве. Он

у меня жил прежде, и я с ним имел сообщение и ныне с ним и с его семейством часто имею и рекомендую вам. Они весьма поведения обстоятельного и верны и благонадежны.

24 д<екабря> 1843 г.
Н<икифоровская> Пус<тынь>

Публикация писем О. И. Шафрановой

IX

Письмо святителя Игнатия к Ростовскому архимандриту[1]

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Архимандрит!

Позвольте при сем удобном случае засвидетельствовать мое истинное высокопочитание и рекомендоваться в приятнейшее знакомство ваше.

Монастырские нужды заставили меня отправить на ярмарку Ростовскую рясофорного послушника обители моей, сего письмоподателя. Всепокорнейше прошу не лишить его покровительства и наставления Вашего; осмеливаюсь столь прямо препоручать его милостивому вниманию Вашему, ибо наслышан, что любовь ваша уготовляет гостеприимный приют всякому странному, — подобно древнему Аврааму, станноприявшему Ангелов.

Наставьте меня Вашими святыми молитвами, наградите отеческим благорасположением.

С истинным высокопочитанием имею честь быть Вашего Высокопреподобия!

Покорнейший слуга и смолитвенник

Архимандрит Игнатий.
10-го февр. 1836 г.
Серг. Пуст.

X

Письмо архимандрита Троицко-Зеленецкого монастыря Аарона к святителю Игнатию

Секретно

Ваше Высокопреподобие, отец Архимандрит.

Желаю Вам о предсладчайшем Господе радоватися!

По приказанию Его Высокопреосвященства Серафима митрополита, уведомляю Вас, отец Архимандрит: Паладий, наместник

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

Лавры, 9 августа подал просьбу — отказался от наместничества за болезнию, определить в Киево-Печерскую Лавру в больницу до выздоровления, и еда откроица ваканция монастыря. Потому вас просит Владыка посоветоваться: непременно к нему пожаловать сегодня 10 августа вечером хотя в девятом или десятом часу. В наместники избрать располагается о. ректора Антонова монастыря отца Анатолия Новгородского, который здесь на чреде, впрочем, ваш совет нужен Владыке.

Завтра Владыка поедет в Синод и хочет представить прошение отца наместника и с представлением на место его, а потому вы пожалуйте сюда ко Владыке на краткие часы, и пока назад можете обратится. Вот новость у нас какая. Я о сем сего дня получил сведение от Владыки самого, а братия вчерась знали: ибо я вчера не был во владыках, впрочем, вы можете из обстоятельств сами разуметь; при свидании лично с вами поговорить нужно.

Вашего Высокопреподобия Ваш доброжелатель и послушник, эконом Лавры

Зеленецкой архимандрит Аарон.
10 августа 1839 года

Архимандрит Аарон (А. Д. Петров; † 1844) — с 1821 г. иеромонах Александро-Невской Лавры, один из тех, к кому в годы учебы в Инженерном училище обращался за советами Дмитрий Александрович Брянчанинов (будущий архимандрит Игнатий). Возможно, что Митрополит Серафим после удачного выбора настоятеля в Валаамский монастырь в лице о. Дамаскина решил посоветоваться с архимандритом Игнатием и по поводу назначения нового наместника в Александро-Невскую Лавру. В 1842 г. наместником Лавры был назначен архимандрит Аарон.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 28.

XI

Письмо наместника Московского Симонова монастыря Феофана к святителю Игнатию

Радуюсь Высокопочтеннейший и вселюбезнейший Отец архимандрит! И паки реку радуюсь, яко всеблагая Премудрость Божия, ею же царие царствуют и сильнии пишут правду, избравши Тебя от чрева матерна служити преподобием и правдою Богу Богов и Господу Господей, оправдала над тобою реченное: *Аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой* (Ин. 12. 26). И сим

ли одним временным Богоизбранное и притрудное для нашей плоти и крови служение кончится! нет! да внемлет мир, наше смиренное и убогое служение часто порицающий, нам Бог отцев наших Сам глаголет: что мы избегшии сетей его и лова гибельного — **сторицею приимем и в сем веке и в грядущем**? Но Господи, кто верова слуху нашему? Оставляя миру бредить, якоже хощет: я без дара пророчества говорю прореченное: «Нынеже слыши рабе мой Иакове и Израилю, егоже избрах: Сице глаголет Господь Бог Сотворивый тя и Создавый тя из утробы, еще поможет ти: не бойся рабе мой Иакове, и возлюбленный Израилю, его же избрах. *Яко аз дам воду в жажду ходящим, в безводней, наложу дух мой на семя твое, и благословение мое на чада твоя, и прозябнут аки трава посреде воды, и яко верба при воде текущей»* (Ис. 44. 3–4).

В сии заочного разглагольствия минуты вся душа моя устремлена в твой мирный и Богоданный Пагод, чтобы сказать приветствие от чиста сердца и нелукавыя совести: *Возвеселися неплоды нераждающая, возопий и возгласи нечревоболевшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущая мужа, — разшири место кущи твоея и покровов твоих, водрузи не пощади продолжи ужи твоя, и колы твоя укрепи...* (Ис. 54. 1–2). **Ищущим первее Царствия Божия и правды его — вся приложится.**

Более сего сказать ничего не смею, разве только то, что я рад случаю, занесшему меня в Царственную столицу и ознакомившему меня по воле Святого Промысла с прекрасною твоею и боголюбезною душою, рад малой своей услуге в исполнении крошечной комиссийки, а более рад, что имел случай сказать таковым пытливым и не очень, кажется, чистым духом, как здешний Ав<ва> Сим<оновского> М<онастыря>, что Благий Промысл, немощная врачующий и оскудевающая восполняющий, — *полагает Тя не на падение, а на восстание многим во Израиле*. Кончу тем, что письмо Вашего Высокопреподобия доставило мне истинное утешение. По недосугам не прошу частых, а хотя бы в месяцы два или трие, единого слова, что Вы и любезный брат наш о. Михаил славословите на земле живых Господа Сия.

Вашего Высокопреподобия преданнейший и покорнейший слуга и послушник

С<имоновский> Нам<естник> Архимандрит Феофан

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 25.

XII

Письмо архимандрита Костромского Богоявленского монастыря Афанасия к святителю Игнатию

Получено 27 февраля

Его Высокопреподобию
Почтеннейшему Санкт-Петербургской
Сергиевой Пустыни настоятелю
Отцу Архимандриту Игнатию

С удовольствием спешу известить Ваше Высокопреподобие, что иеромонах Серафим во все время правления моего Костромским Бог. монастырем вел себя очень хорошо. От кротости нрава его ожидаю, что милостиво принятый в Вашу обитель ни Вам беспокойства, ни мне бесчестия не сделает.

Душевно благодарю Вас, что подали мне случай быть полезным брату моему, с особенным уважением имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

Архимандрит Афанасий.
Февраля 11, 1842

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 28.

XIII

Письма настоятеля Тихвинского Большого монастыря архимандрита Илариона к святителю Игнатию*

№ 1

Высокопреподобнейший и Боголюбивейший
Отец архимандрит!
Милостивый Благотворитель!

Всею душою благодарю Вас за Ваше доброе ко мне расположение — за присылку при письме донесения Вашего о монастырях, вверенных надзору Вашему. Сею услугою Вы много меня

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. Архимандрит Иларион, бывший наместник Сергиевой пустыни, вышел из нее в 1836 г.

одолжили, доставили мне легчайший способ подобным образом доносить. В знак благодарности прошу принять посылаемую при сем святую икону на кипарисе, а другую финифтяную икону посылаю тому, кто трудился, писал оную бумагу. Всеблагий, Милосердый Господь Бог да наградит Вас за Ваши благодеяния своими благодеяниями, временными и вечными.

Путь мой в Новгород был благополучен. Высокопреосвященнейший Архипастырь[1] принял меня по обыкновению своему благосклонно 10 сентября, поговорил милостиво, – и тогда же объявил желание будущим летом посетить обитель нашу. В тот день был я приглашен к нему на завтрак. А обедал с ним три раза: 1) у графини Орловой-Чесменской. 2) в Хутыне у Преосвященнейшего викария. 3) в Юрьеве у Архимандрита. 15 сентября в сей день там служил сам Высокопреосвященнейший, и мы (6 Архим<андритов>) с ним. Квартировал я в Юрьеве, где оказано мне было радушное гостеприимство. Там я гостил 6 дней и выдержал шесть обедов. Но после этих обедов так расстроился мой желудок, что я болен был более двух недель. 15 сентября я выехал из Новгорода; а Владыка 16 числа.

Старца Феодора Хлебникова я постриг в монашество в Ваш праздник, 25 сентября, и нарек его Сергием, по имени в сей день празднуемого святого. – Да вразумит и укрепит его Господь подражать сему Преподобному.

Поручая себя и впредь Вашему благорасположению и святым молитвам Вашим, остаюсь благодарным во всю остальную жизнь мою,

Вашего Высокопреподобия всегдашний богомолец

Старец Иларион Архимандрит Тихвинский.

28 октября 1843 года
Тихвин

[1] *Высокопреосвященнейший Архипастырь* – Антоний (Г. А. Рафальский; 1789–1848) – Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский в 1843–1848 гг.

№ 2

Высокопреподобный и Боголюбезный
Отец Архимандрит!

Смиренный и кроткий старец Ваш сообщил мне Ваше приятное для меня письмо в 5 день сего января. Благодарю Вас за доброе ко мне расположение, за поздравление с Новым годом.

И Вас, христолюбивейший Отец, поздравляю со вступлением в новое лето; и Вам желаю препроводить весь новый год и всю жизнь во славу Божию, — и в пользу ближних, в совершенном здравии и благополучии, — и в великодушном перенесении скорбей, неразлучных с нашею жизнью. Да исполнит Господь сие желание мое!

Поручив себя и впредь Вашей любви о Господе, и святым молитвам Вашим, пребыть имею во всю остальную жизнь мою

Вашего Высокопреподобия всегдашний богомолец

Архимандрит Иларион.
7 января 1844 года
Тихвин

XIV

Замечание епископа Игнатия на пове́дание архимандрита Макария, бывшего ректора Тверской семинарии, ныне цензора, что духи злые ему сказывали, что несметное число злых духов выпущено для борьбы против Церкви Православной, в единении с папизмом и магометанизмом

Нет сомнения, что действие духов — усиленное. Но поведаниям их верить невозможно: если они скажут иногда и истину, то для того, чтоб ею прикрыть коварство или заслужить доверенность и потом тем вернее нанести вред. В настоящее время главный труд их заключается в том, чтоб уронить все истинные идеи о Боге и о всем Божественном и возвеличить идеи о человеке в падшем естестве его, тем приготовить возвеличение того человека, который превозносится паче Бога по предречению св. Ап. Павла. Та же идея, которая сгубила человеков в раю! Только она теперь развивается обширнее. Какой папизм! Какое магометанство! Это — только маскировка; это — частные действия. Папа, Магомет служат предызображением антихриста; самый близкий его образ — Гришка Отрепьев.

XV

Письмо святителя Игнатия к Льву Александровичу (в монашестве Леониду) Кавелину[1]

†

Воистину Воскресе Христос!

Возлюбленнейший о Господе Отец Лев

Вы доставили мне истинное удовольствие письмом Вашим, в котором я нашел только одну погрешность, а именно, когда говорите, что не можете выражаться так свободно на письме, как выражаетесь лицем к лицу в искренней беседе. Я нахожу, что любовь и искренность Ваши равно проявляются из-под пера Вашего и из уст Ваших. С особенною приятностию воспоминаю то время, которое я провел в Оптиной Пустыни, созерцая души спасающихся в блаженном кивоте послушания. Ваше общество возбудило во мне живейшее сочувствие, которое питаю ко всем, принесшим себя в жертву Богу иноческою жизнию. Естественно, что та жертва, при которой оставлено наиболее земных видов, признается наиболее ценною. Люди, принесшие себя Богу в года свежей юности, образовав себя предварительно образованностию мира, впоследствии обучившись иноческой жизни, соделываются полезными для всей Церкви, не только для самих себя.

Сохраняйте меня в Вашей молитвенной памяти и причтите меня к числу людей, сердечно преданных Вам о Господе

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

1857 года

5 маия

Сергиева Пустыня

P. S. Поклон от Вас о. Михаилу я передал; он взаимно Вам кланяется и просит Ваших Молитв. Потрудитесь передать мой усерднейший поклон почтеннейшему Старцу Отцу Макарию и добрейшему нестарцу Отцу Ювеналию. В Тамбов назначен здешней Академии Ректор Епископ Винницкий Макарий, на его место назначается ректор Московской Академии; вся обстановка здесь изменяется — составляется в оном духе, уже не в [нрзб.]. Благочестие Митрополита Григория и назидательно, и утешительно.

[1] РГБ ОР. Ф. 148. К. 12. № 47. Впервые опубликовано в ПСТ.

Леонид Кавелин (1822–1891) – писатель, историк, выдающийся археограф-славист, библиограф, переводчик; с 1852 г. – послушник в Оптиной Пустыни, в 1857 г. пострижен; в 1857–1859 гг. – член Иерусалимской православной миссии, с 1863 г. – архимандрит и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме.

XVI

Письма цензора, архимандрита Фотия, к святителю Игнатию*

№ 1

Счастливым почитаю себя, что получил милостивое рукописание Вашего Преосвященства, сугубо счастлив, что выпал мне, – и верно, выпал от руки Божией, – благой жребий – прочитать произведения Ваши. Это было для меня – не труд, а приятнейшее занятие и наслаждение. Грехом считаю льстить, особенно – пред святительскою особою Вашего Преосвященства; не смею и вполне хвалить Ваших произведений, по своему убеждению, но не могу искренно не высказать моего впечатления, которое произвело во мне чтение их. Я поглощал их – так они отрадны и питательны: почему и держал их у себя более, нежели сколько должно было, – о чем может сообщить Вашему Преосвященству и Его Превосходительство Петр Александрович. Я учился от сих назидательных рукописей. Смею доложить Вашему Преосвященству, – двадцать пять лет платил я дань школе, бывши в это время и наставником тринадцать лет в двух академиях – Киевской и Казанской, – но в этих предметах есмь сущий невежда: такое уже у нас учение. Область аскетических предметов у нас – земля неведомая. Произведения Вашего Преосвященства первые в этой области, особенно в новейшее время. Великий и важный труд подъяли Вы, и многополезные, спасительные плоды предлагаете тем, кои ищут спасения.

3 марта 1864 г.

№ 2

Напитался от произведений Ваших духовною отрадою. Истинно поведаю Вашему Преосвященству, – да не будет ми льстити святительской особе, – по прочтении «Аскетической проповеди» и «Приношения монашеству» не имелось охотности к чтению,

* *Соколов*. Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 2. Приложения. С. 23–24.

кроме официальных, каких-либо других произведений, даже доброй литературы духовной: так произведения эти казались мелковаты и маловкусны по вкушении от духовно-сладких плодов.

3 ноября 1864 г.

XVII

Письма святителя Игнатия к настоятелям разных монастырей

№ 1

По прибытии моем в обитель Святителя Христова Николая, некоторое время останавливался я писать к Вам. Я ожидал, чтоб развлечение, которое в таком обилии стяжала душа моя во время продолжительного путешествия, мало-помалу утихло, будучи постепенно ослабляемо уединением. Нет! Не сбылись мои надежды! Продолжаю развлекаться, теряю драгоценное, невозвратимое, улетающее время, между тем как желал бы посвятить его всецело покаянию. Должен был погостить, и долго погостить, в Костроме, должен побывать в Ярославле, должен позаботиться о устройстве своих келлий: все это развлекает, вводит в душу попечение о земле, отводит от попечения существенно необходимого, попечения о небе. А всякое попечение о небе, если оно не одушевлено покаянием — мертво, неистинно. *«Беззаконие мое аз возвещу и попекуся о гресе моем»*[1], — воспевал Богодухновенный Давид.

Из-за того, что не могу отторгнуться от неотвязчивого, прилипшего ко мне развлечения, несправедливо же лишать Вас письма моего, на которое Вы имеете все право, как на дань, как на долг, возложенные Вами на мое сердце, оказав мне так много любви и доверенности. Вы и прекрасное словесное стадо Ваше часто являетесь очам души моей, являетесь так утешительно, так близко. Дух сокращает расстояние вещественное!.. Смотрю на вас — и говорю с сердечною любовию: «Господи, спаси их! Господи, благослови их! Господи, управь пути их к истинному благоугождению Тебе!»

При личном свидании нашем Вы мне сказали, что многие упрекают Вас за милосердие Ваше к ближним, находят его излишним, чрезмерным. Вы желали слышать мое мнение об этом предмете. В то время душа моя была омрачена пагубным развлечением; сердце грубело в ожесточении и нечувствии — неизбежных свойств сердца, при отсутствии покаяния. От покаяния рождается

умиление: умиление освещает клеть душевную, внося в нее свет духовный от Света Христа. Не было этого света в душе моей — нет его и теперь. Уединение дает, по крайней мере, возможность вспомнить о его существовании. Одно воспоминание о Свете уже просвещает! При таком воспоминании скажу Вам ответ мой, который при свидании был в одном молчании или в обещании отвечать письменно из уединения. Хочу исполнить теперь мое обещание! А тогда зачем было двигать бесплодно устами и языком из одних соображений ума? — В душе не было ответа.

Руководимый Евангелием, начинаю глядеть в глубины и высоты учения Христова. Приглашаю Вас: встанем на вершине горы святой, то есть погрузимся в покаяние и молитву; из них, из состояния, ими рождаемого, воззрим на чудеса Божии *в земле Египетстей, на поле Танеосе*[2], в стране нашего изгнания и плена. Умолим Господа, чтоб Он даровал нам увидеть эти чудеса: Он отверзает очи души — тогда они видят *чудеса от закона Его*[3].

Рассматриваю милосердие, заповеданное Господом: вижу бездну несоглядаемую, вижу высоту, уносящуюся от взоров. Он заповедует нам: *Будите милосерди, якоже и Отец ваш Небесный милосерд есть*[4]. Чтоб исполнить эту заповедь, надобно сделаться столько милосердым, сколько милосерд бесконечно милосердый Господь. *Широка,* Господи, *заповедь Твоя зело*![5] Кто возможет ее исполнить вполне самым делом? Разве тот, кто, объятый Духом Твоим Святым, оставил так свойственное младенцам хождение с трудом и крайнею медленностию по стези заповедей Твоих, — начинаем шествовать по ним исполинскими шагами, более лететь, нежели шествовать, — лететь на крыльях Духа. Но я, грешник, мрачный грешник, как ни взгляну на себя, всегда вижу смешение добра со злом, доставленное человеческому роду его праотцем, дерзостно и погрешительно вкусившим от древа познания добра и зла. Кажусь я людям милосердым; но, с точностию поверив себя, исследовав себя, нахожу в себе одну глупую личину милосердия. Милосердствует во мне тщеславие; милосердствует во мне пристрастие; милосердствует во мне корысть; милосердствует во мне плоть; милосердствует во мне кровь; но чтоб подвигала меня к милосердию заповедь Христова, чистая, святая, — этого я не нахожу в себе. Когда же я, мрачный грешник, опомнюсь на краткое мгновение и пожелаю быть милосердым сообразно заповеди Христовой, то вижу, что должен учинить сердцу моему ужасное насилие. Обли-

чается сердечный недуг мой святою заповедию! Убеждаемый ею, признаю себя, по естеству милосердого, жестокосердым, человеконенавидцем по отношению к Евангелию. Мое сердце согласно быть милосердым по движению крови; но быть милосердым по заповеди Христовой для него — распятие.

Так видя себя, сличая свое состояние с тем, которое начертано в Евангелии для ученика Христова, нахожу, что мне, имеющему естественное расположение к милосердию, не должно вверяться этому естественному расположению, должно умерщвлять его. Я обязан принуждать себя к милосердию сообразно заповедям Евангелия, хотя б это и было сопряжено с насилием сердца, носящего в себе заразу греха, общую всем человекам. Естественное милосердие, как произведение плоти и крови, не может быть Богоугодною добродетелию. Мало этого! Оно враждебно заповедям Евангельским! Для посещения и умерщвления его принесен на землю меч Евангельский. Водимые естественным милосердием пребывают во мраке под влиянием лютого, всезлобного миродержца.

Господь, Спаситель мира, во время пребывания Своего на земли, возвещал однажды ученикам Своим, что Ему должно идти во Иерусалим, там много пострадать, быть убиту и в третий день воскреснуть. Тогда верховный из Апостолов, святый Петр, движимый естественным милосердием, начал противоречить Господу. *Милосерд Ты, Господи,* — говорил он, — *не имать быти Тебе сие*[6]. На это изъявление сострадания, милосердия — естественных, Господь отвечал Святому Петру: *Иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая*[7]. Неужели в устах Богочеловека слово *сатано* было лишь укоризненное? Сохрани Боже допустить такое богохульство! Этим словом Господь изображает, что мысли и чувствования падшего человека находятся под властию сатаны, хотя по-видимому они и кажутся добрыми; действия человека по влечению его сердца сливаются в одно с действиями сатаны. Так повреждено горестным падением естество наше! *Тогда,* — повествует Евангелие, — *Иисус рече учеником Своим: аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю: а иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю*[8]. Должно умертвить то милосердие, которого причина — кровь; должно снискать то милосердие, которого причина, источник — светлая и святая заповедь Христова; она — *Дух,* она — *живот вечный.*

Вот обещанный мною ответ. Советую вам то, что признаю для себя необходимо нужным: отвергните милосердие, действующее в Вас от крови, иначе, от чувств сердечных, вдайтесь в снискание милосердия, возвещенного Евангелием, соделывающего человека Богоподобным. Пред Вами откроется необозримое поприще для подвига и течения. Какое бы Вы ни стяжали преуспеяние в милосердии, — оно покажется Вам ничтожным в сравнении с образцом милосердия, начертанным в Евангелии. Самое преуспеяние Ваше будет научать Вас смирению, приводить к нему. Таково свойство преуспеяния духовного! Напротив того — кто не отвергается себя, не погубляет души своей, действует по влечению чувств сердечных, от движения крови, тот непременно осуществляет свое *я*, видит добро в своих движениях, своих действиях, оживляет собственно себя, стяжевает мало-помалу высокое о себе мнение. Таковый, думая — преуспевает духовно, преуспевает лишь в лютом падении. Темная прелесть овладевает его душею; чуждый духовного жительства и разума, он погружается глубже и глубже в лжеименный разум и темную прелесть. Прелесть — справедливая награда того, кто возлюбил и почтил падшее естество свое, не восхотел состояния, о котором говорит св<ятый> Апостол: *Не ктому живу аз, но живет во мне Христос*[9].

...Опять переношусь крылами мысли и любви к Вам, к овцам Вашим, этим земным ангелам. Все они — такие откровенные, страннолюбивые, братолюбивые — Ангелы. Вы научили их быть такими! — Всем скажите от меня мой усерднейший поклон. — Когда некоторые из них провожали меня при отъезде моем из Святой обители Вашей, зашел разговор, между прочим, о том, какому изнеможению подвергаются крылосные от своего послушания. Я в свою очередь поведал, что по причине этого изнеможения установлена в нашей обители чреда для утрени и вечерни. Половина крылосных становится при этих службах на крылосе, а другая не становится. На следующий день поют отдыхавшие накануне, а певшие накануне отдыхают. У этих же служб приучаются к пению те из вновь вступивших, которые имеют голос и способность к пению. К Божественной Литургии и Всенощным приходят все. Понравилось братиям Вашим распоряжение, сделанное в Сергиевой Пустыне! Они признались мне, что некоторые из них чувствуют сильное изнеможение, даже самое расстройство в груди, за которым может последовать потеря способности петь и хронические болезни, быстро и прямо ведущие ко гробу. Этому привелось

мне видеть горькие примеры. Я обещал чадам Вашим замолвить о них в письме моем к их чадолюбивому Отцу, который — и мой Отец. А потому я пред ним — так дерзновенен!

[1] *Беззаконие мое я сознаю, сокрушаюсь о грехе моем* (Пс. 37. 19).
[2] Пс. 77. 12.
[3] Пс. 118. 18.
[4] Лк. 6. 36.
[5] Пс. 118. 96.
[6] *...будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою* (Мф. 16. 22).
[7] *...отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16. 23).
[8] Мф. 16. 24–25.
[9] *...И уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2. 20).

№ 2

Чрез мрачную, глубокую пропасть скорби, внезапно открывшуюся пред Вами, перенеситесь на крыльях веры! Не испытывайте волн недоверчивою стопою размышления человеческого — идите смело по ним мужественными ногами веры — и обратятся под ногами вашими мягкие, влажные волны в твердые мраморные или гранитные плиты. Тем более нейдут Вам робость и сомнение, при зрении моря скорбного, при зрении ветра крепкого, что призывающий Вас ходить по морю скорбей, отделяющий для таковогo хождения от прочей братии Вашей — Сам Господь. Это призвание есть вместе и блаженное избрание! Христос знаменует «Своих» печатью страданий! Он обрел душу Вашу благопотребною Себе и потому печатлеет ее Своею печатию! И стоит отдельно малое стадо, часть Христова, от множества прочих людей; Христовы держат в руках своих признак избрания их Христом — чашу Христову; на раменах их знамя — Христов Крест. Далеко, далеко отшатнулись от них сыны мира! Бесчисленною толпою, с шумом, в упоении странном, гонятся они за попечениями и наслаждениями временными. Время, в очах их, преобразилось в вечность! Они проводят жизнь бесскорбную, преуспевают в тленном, забыты Богом, не возбуждают против себя диавола: они угодны Диаволу — часть его. Чаша Христова отверзает вход в страну разума духовного, состояния духовного; вшедший туда и причастившийся трапезы утешения духовного соделывается мертвым миру, бесчувственным к временным скорбям и лишениям, начинает совершать свое земное странствование, как бы несущийся по воздуху превыше всего — на крыльях

веры. Оковы разума притягивают нас к земле — стране мучений; находясь на земле, мы невольно подвергаемся и мучениям: «приложивый разум приложит болезнь»,— говорит Писание. Вера подымает с земли, освобождает от оков, изъемлет из среды мучений, возносит к небу, вводит в покой духовный. Вшедшие в этот покой почивают прохладно, насладительно на роскошно постланных, драгоценных одрах Боговидения.

Примите эти строки, произносимые от сердечного участия, которое с первого свидания с вами возбуждено во мне вашею душою, носящей во глубине своей какой-то особенный залог, залог таинственный, Боголюбезный — залог Богоугождения. Примите эти строки из страны страданий, в которую я поселился очень давно: Богу не было угодно, чтоб шел я путем общим, обыкновенным! Он поставил меня на стезю отдельную, в страну совсем особенную,— и редко встречаю путешественника, идущего по этой стезе, посетившего эту страну, с которым бы можно было перемолвить слово на том языке, которым говорят в стране той и который сделался мне несколько знакомым, — утешительно звучит он для слуха души моей. В звуках его слышу что-то родное.

Что, между прочим, совершается в этой чудной стране? Там непримиримая война, там непрестанные битвы, сечи кровавые между Израильтянами и народами иноплеменническими. В числе иноплеменников восстают на Израильтян и Исполины, сыны Енановы, — скорби, приводящие нас в страх, в расслабление, в отчаяние. Соглядатай Израиля — разум, возвещает о них душе и ее силам: *видехом исполины, сыны Енаковы, и бехом пред ними яко прузи, и тако бехом пред ними. Не можем изыти противу языку сему, яко крепший есть паче нас*[1]. Точно! Размышление, основанное на обыкновенном ходе вещей, помышления собственно и единственно человеческие приносят *ужас земли, юже соглядаша, к сыном Израилевым*[2]. Но истинный Израильтянин, верный Богу, водится верою в Бога; он облечен во всеоружие. *Пожену враги моя*,— восклицает он,— *и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются. Оскорблю я, и не возмогут стати: падут под ногама моима. И истню я, яко прах пред лицем ветра, яко брение путей поглажду я*[3]. — Не одобряются в этой войне многие и тонкие размышления, которые силится ум, уповающий на себя, на свою силу, на число и высоту своих познаний, противопоставить напирающим толпам иноплеменников. *Сынове Ефремли наляцающе и стреляюще луки*,— возвещает пророк,— *возвратишася в день брани»*[4]. Не устоять

размышлению человеческому против густых полчищ иноплеменников! Собьют они его, переспорят, произведут в уме возмущение, в мыслях смешение — тогда на стороне их победа!

Для верного успеха в невидимой брани с князьями воздушными, с духами злобы, с темными миродержителями нужно взяться за оружия, подаемые верою, подаемые буйством проповеди Христовой. *Буее Божие премудрее человек есть: и немощное Божие крепчае человек есть*[5]. Странными и страшными кажутся для плотского разума стезя и учение веры; но едва увидит человек на самом опыте, увидит внутренним душевным ощущением могущество веры — немедленно и радостно предается ее водительству, как обретший неожиданно бесценного наставника, с презрением отталкивает от себя отверженную Богом премудрость человеческую.

Вот оружия, которые святое буйство проповеди Христовой вручает рабу Христову для борьбы с сынами Енановыми — мрачными помыслами и ощущениями печали, являющимися душе в образе страшных исполинов, готовых стереть ее, поглотить ее:

1-е — слова «Слава Богу за все».

2-е — слова «Господи! Предаюсь Твоей Святой Воле! Буди со мной Воля Твоя».

3-е — слова «Господи! Благодарю Тебя за все, что Тебе благоугодно послать на меня».

4-е — слова «Достойное по делам моим приемлю; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Эти краткие слова, заимствованные, как видите, из Писания, употреблялись преподобными иноками с превосходным успехом против помыслов печали. Отцы нисколько не входили в рассуждение с являвшимися помыслами; но, только что представал пред ними иноплеменник, они хватались за оружие чудное, и им — прямо в лицо, в челюсти иноплеменника! От того они были так сильны, попрали всех врагов своих, соделались наперсниками веры, а чрез посредство веры — наперсниками благодати, мышцею благодати, совершили подвиги вышеестественные. При явлении печального помысла или тоски в сердце начинайте от всей души, от всей крепости вашей произносить одно из вышеозначенных предложений; произносите его тихо, неспешно, не горячась, со вниманием, во услышание одних вас, — произносите до тех пор, доколе иноплеменник не удалится совершенно, доколе не известится сердце ваше в пришествии благодатной помощи Божией. Она является душе во вкушении утешительного,

сладостного мира, мира о Господе, а не от какой другой причины. По времени иноплеменник опять начнет приближаться к Вам; но вы опять за оружие и, как завещал своим воинам гениальный полководец Цезарь, метьте прямо в лицо врага: ни в какую часть тела так не тяжки, так невыносимы удары, как в лицо. Не подивитесь странности, ничтожности по-видимому оружий Давида! Употребите их в дело — и увидите знамение! Эти оружия — палица, камень — наделают дела более, нежели все вкупе собранные глубокомысленные суждения и изыскания богословов-теоретиков, сказателей букв — Германских, Испанских, Английских, Американских! Употребление этих оружий в дело постепенно переведет Вас со стези разума на стезю веры и этою стезею введет в необъятную, дивную страну духовного. Там трапеза манны сокровенной; к ней, по свидетельству Писания, Христос допускает одних победителей. Вы введены в невидимую войну для того, чтоб иметь случай соделаться победителем и в достоинстве победителя наследовать духовные сокровища. Все же это доставляет Вам Христос, возлюбивший Вас, явственно отделяющий Вас в число «Своих». Итак, уже с самого берега глядя на темное, глубокое море скорбей, на даль, где синева вод сливается с синевою небес, на эту безпредельную даль, пугающие ветры, прислушиваясь к гневному говору волн, к их плесканию однообразному и безчувственному, не предавайтесь унынию, не впустите в душу вашу море грустных дум. Тут гораздо более опасностей! В этом море потонуть гораздо удобнее, нежели в море скорбей наружных. Радуйтесь! — и паки реку: радуйтесь! Вы для того на берегу моря скорбей, чтоб преплыть в страну радостей: даль моря имеет противоположный берег, хотя и не видимый для очей человеческого разума. Этот берег — рай умственный, преисполненный духовных наслаждений. Достигшие этого блаженного берега забывают, в упоении наслаждением, все скорби, претерпенные ими на море. Становитесь бестрепетною ногою в легкую ладью веры, неситесь, как крылатый, по влажным буграм! Скорее, нежели предполагаете, нежели можете себе представить, перенесетесь чрез море, перенесетесь в рай. — Но между духовным раем и жизнию плотскою, душевною, обыкновенною, которою живут вообще все люди, положены в разграничение — как бы обширное море — крест и распятие. — В рай нет другого пути! Кого Бог хочет возвести в рай, того начинает сперва наводить на путь к нему — на крест. «Признак избрания Божия,— сказал некоторый святый аскетический писатель,— когда пошлют-

ся непрестанные скорби человеку». Претерпим умерщвление миру скорбями, чтоб сделаться способными принять в себя существенное оживление для Бога, явственным, вполне ощутительным действием Духа. Пожертвуем тлением для Духа! — Вполне отдайтесь Богу! Киньтесь в спасительную бездну веры, как бы в море — с утеса!

Людей оставьте в стороне, как орудие Промысла! — Эти орудия — слепые, сами по себе не имеют никакой силы, никакого движения! «Не имаши власти ни единыя на мне,— сказал Господь Пилату,— *аще не бы ти дано свыше»*[6], хотя Пилат, водимый суждением человеческим, признавал и утверждал (а в этом, без всякого сомнения, согласны были с ним и все водящиеся таким суждением!), что он имеет власть распять предстоящего ему узника и власть отпустить Его. — Не озабочивайтесь никакими сношениями с людьми, никакими оправданиями пред ними! Такие сношения и оправдания только нарушат мир сердечный — не принесут никакой пользы. Немощные люди — цветы, являющиеся на короткое время на поверхности земной! — Вы мечтаете о себе много, вы приписываете себе много, а вы — немощные люди! Вы почтены самовластием, а вместе с тем не престаете быть орудиями, слепыми орудиями, вполне орудиями! И того даже вы не видите и не ведаете, что вы — орудия! Вы самовластны — так! Вы не можете не принять мзды за дела ваши! Но в бесконечно мудрых судьбах Божиих эти самовластные суть действователи без малейшей власти, без всякой самостоятельности. *Иисуса Назорея,*— говорил святый апостол Петр Иудеям,— *Сего нарекованным советом и проразумением Божиим предана, приемше, руками беззаконных пригвождше, убисте*[7]. *Вем, яко по неведению сие сотвористе, яко же и князи ваши: Бог же, яже предвозвести усты всех пророк Своих пострадати Христу, исполни тако*[8]. В делах Промысла Божия люди — слепые орудия. Потому-то Господь не сподоблял людей, по видимому облеченных полною властию, никакого ответа! Потому-то назвал Он чашу, приготовленную злоумышленниками, демонами безплотными и во плоти, «чашею, подаемою Отцом».

Примите эти строки как отголосок души, искренне в Вас участвующей, сострадущей скорби вашей и усердно желающей Вам утешения от Господа.

[1] *...Там видели мы и исполинов, сынов Енаковых, от исполинского рода; и мы были в глазах наших [пред ними], как саранча, такими же были мы*

и в глазах их. ...Не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас (Чис. 13. 34, 32).

[2] Чис. 13. 33.

[3] *Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их; поражаю их, и они не могут встать, падают под ноги мои. Я рассеваю их, как прах пред лицем ветра, как уличную грязь попираю их* (Пс. 17. 38–39, 43).

[4] *Сыны Ефремовы, вооруженные, стреляющие из луков, обратились назад в день брани* (Пс. 77. 9).

[5] *...Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков* (1 Кор. 1. 25).

[6] *...Если бы не было дано тебе свыше* (Ин. 19. 11).

[7] *Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили* (Деян. 2. 23).

[8] *Впрочем, я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению; Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил* (Деян. 3. 17–18).

№ 3

Позволяю себе послать к Вам вновь вышедшую книгу «Житие и писания Молдавского Старца Паисия Величковского», того благочестивого и духовно просвещенного мужа, которому чада православной Церкви обязаны за перевод с греческого на славянский язык Добротолюбия, Исаака Сирского и других Отцов. В вновь вышедшей книжке, которую я давно знаю в рукописях, с особенною ясностию изложено учение, весьма приличествующее нашему времени — учение о Иисусовой молитве, о которой ныне по большей части имеют самое темное, сбивчивое понятие.

«Иные», считающие себя за одаренных духовным рассуждением и почитаемые многими за таковых, «боятся» этой молитвы, как какой заразы, приводя в причину «прелесть» — будто бы непременную спутницу упражнения Иисусовою молитвою, — сами удаляются от нее и других учат удаляться. Изобретатель такового учения, по мнению моему, — диавол, которому ненавистно Имя Господа Иисуса Христа, как сокрушающее всю его силу; он трепещет этого всесильного Имени и потому оклеветал Его пред многими христианами, чтоб они отвергли оружие пламенное, страшное для их врага, — спасительное для них самих.

Другие, занимаясь Иисусовой молитвой, хотят немедленно ощутить ее духовное действие, хотят наслаждаться ею, не поняв, что наслаждению, которое подает один Бог, должно предшествовать истинное покаяние. Надо поплакать долго и горько прежде, нежели

явится в душе духовное действие, которое — благодать, которое, — повторяю, подает един Бог в известное Ему время. Надо прежде доказать верность свою Богу постоянством и терпением в молитвенном подвиге, усмотрением и отсечением всех страстей в самых мелочных действиях и отраслях их.

Представляемая мною «книга» показывает непрелестный образ упражнения Иисусовою молитвою, состоящий в тихом произношении ее устами или и умом, непременно при «внимании» и с чувством «покаяния». — Диавол не терпит вони покаяния; от той души, которая издает из себя эту воню, он бежит прочь с прелестями своими. Проходимая таким образом Иисусова молитва — превосходное оружие против всех страстей, превосходное занятие для ума во время рукоделия, путешествия и в других случаях, когда нельзя заняться чтением и псалмопением. Таковое упражнение молитвою Иисусовою приличествует всем вообще христианам, как жительствующим в монастырях, так и жительствующим посреди мира.

Стремление же к открытию «сердечного духовного действия» приличествует наиболее, почти единственно инокам, — и то познавшим подробно борение со страстями, при удобствах, доставляемых местом и прочими обстоятельствами. — Если же «кто бы то ни был», движимый, по выражению святаго Иоанна Лествичника, гордостным усердием, ищет получить преждевременно сладость духовную, или сердечное молитвенное действие, или какое другое духовное дарование, приличествующее естеству обновленному; тот неминуемо впадет в прелесть, каким бы образом молитвы он ни занимался, псалмопением ли или Иисусовою молитвою. Это привелось видеть и на опыте. Упоминаемый в житии Пахомия Великого прельщенный старец, стоя по действию прелести на раскаленных углях босыми ногами, произносил молитву Господню «Отче наш». Причина прелести — не молитвословие, не псалмы, не каноны и акафисты, не молитва Иисусова, — нет! Сохрани Боже всякого от такового богохульства! Гордость и ложь — вот причины прелести! — Гордость и ложь, которых виновник — диавол. А он, чтоб свалить с себя вину, дерзостно и богохульно оклеветал Иисусову молитву, сам же встал в стороне, как ни в чем не повинный. Ныне многие хлопочут, остерегаются и других остерегают от молитвы Иисусовой, утверждая, что должно от нее удаляться, как от причиняющей прелесть; а о диаволе, настоящем виновнике прелести, ни слова — совсем забыли. Ах! какая явная хитрость диавола! как он прячется искусно!

Очень огорчает меня, что ныне так утерян людьми истинный духовный разум, а разные ложные, вполне ложные мысли, получили такую силу!

Книга Паисия имеет значительные недостатки в литературном отношении. Что до того? Часто смиренные пустынники, выходя из пустынь своих, лишь прикрытые рубищем, словом скудным и нескладным возвещали христианскому миру святую и спасительную Истину; напротив того, сколько видим книг, убранных звучными словами, блестящими мыслями, в стройном систематическом порядке, — а они заключают в себе яд, убивающий души!

№ 4

Старец Паисий не раскаивался, как разглашали некоторые, не вполне понявшие его слова и не имевшие определительного понятия о умной молитве, в напечатании книги «Добротолюбия», переведенной им с греческого на славянский язык. Он, проникая дух времени, предвидел вред многих легкомысленных и самочинных, имеющих повредиться употреблением великого блага умной молитвы во зло. Движимый духовною любовию и сострадением к человечеству, столько поврежденному грехопадением, что самые средства к своему спасению оно обращает в средства к большему осуждению, к умножению бедствий, нанесенных грехопадением, — Паисий огорчался и болезновал, подражая этим многомилостивейшему Господу Иисусу, Который проливал Свои всесвятейшие слезы о Иерусалиме, отвергшем Его, а потому не только отвергшем спасение, Им принесенное, но и навлекшем на себя и на чад своих лютейшие казни. — Такова была мысль Паисия! Такова была печаль его при напечатании Добротолюбия, о переводе и напечатании которого он положил столько трудов! Эта мысль и эти чувствования изображены им в письме его к Феодосию, Архимандриту Софрониевой Пустыни.

Не одно Добротолюбие употреблено во зло! Употреблены во зло Писания святаго Апостола Павла, как засвидетельствовал сам верховный Петр. Употреблено еретичествующими во зло все Священное Писание. Самое Божественное Евангелие употребили и доселе употребляют во зло, для погибели своей, многие миллионы протестантов, толкуя его неправильно и неблагочестно, по поводу будто бы его, удаляясь от единения со вселенскою Церковию, составляя отдельное душепагубное еретическое сонмище, которое они дерзают называть Церковию Евангельскою.

Апостол Павел свидетельствует, что они — Апостолы — Христово благоухание Богови в спасаемых и погибающих: овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот. Даже о Господе Иисусе Христе сказал Святый Богоприимец Симеон: *«Се лежит Сей на падение и на востание многих во Исраили, и в знамение пререкаемо»*. — Святый Исаак Сирский в 54-м Слове говорит: «Слово крестное погибающим юродство есть. Что из сего следует? — Поелику оное слово крестное казалось юродством тем, которые не ощущали силы сего слова, то долженствовало ли Павлу умолкнуть и престать от проповеди? Но и до сего дня крест служит поводом к претыканию и соблазну Иудеям и Еллинам. — Итак, должно ли умолчать, чтоб сии не соблазнялись? — Павел не только не умолчал, но так взывал: Мне да не будет хвалитися, токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа. Поведано здесь святым Апостолом хваление о Кресте не с тем, чтоб соблазнить других, но чтоб возвестить о великой силе Креста».

Божественное добро не должно быть отвергаемо, если некоторые или и многие употребили его во зло. Это надо отнести и ко Иисусовой молитве. Сам Иисус был камнем преткновения для многих; проповедь о Нем была камнем преткновения; Крест Его был камнем преткновения; как же Святейшему Имени Его не участвовать в тех же обстоятельствах? Из того, что могу я заключать по двадцатилетним наблюдениям современного монашества Православной Отечественной Церкви, находясь это время сам в недре его, даю следующий отзыв. Если находятся еще в наши времена, времена нищеты, глада и мрака в духовном отношении, иноки, имеющие отчасти истинное духовное рассуждение; то это те весьма немногие, которые, будучи просвещены умною Иисусовою молитвою, познали подробно свои страсти, действия лукавых духов и наконец действие Духа Божия, начинающегося с излияния в душу священного мира о Христе. Кто же при свете умной молитвы не узрел страстей своих, не познал действия лукавых духов и не вкусил, что такое мир Христов, соединяющий воедино ум, душу и тело, тот не имеет и понятия о духовном рассуждении, хотя и мнит иметь его, обольщаемый тщеславием. Таковое мнение свойственно всем, проходящим, так называемый Св<ятым> Симеоном Новым Богословом второй образ внимания и молитвы. При благонравии можно иметь рассуждение или разум и естественный, и деятельный, и образованный науками и чтением, как весьма основательно рассуждает

о сем Преподобный Григорий Синайский; но это еще — не рассуждение духовное! От такового разума отстоит духовное рассуждение, как небо от земли, и превосходнее его, как свет солнца превосходнее тусклого света ночных светил небесных.

№ 5

Что скажу на письмо Ваше? — Увы! Нетленной и блаженной святости не вижу в себе и следа! Не от действия благодатного смирения, но самым опытом, самыми грехопадениями моими убеждаюсь, что я грешен. Желал бы непрестанно зреть грехи мои и плакать о них; но окрадывают и омрачают меня забвение, рассеянность, нерадение мои! Вы изволите писать, что в письмах моих к Вам я не решался ни на какое слово, назидательное для Вас собственно. Как мог я решаться на него, имея тяжкое бревно во оке души моей, заграждающее от меня зрение грехов моих и преграждающее ток слезам моим? Говорю только вопрошающим, и то, когда уверен, что вопрошают искренно, по требованию души, а не мимоходом или по любопытству. И ныне, получив письмо Ваше, я умилился окаянным сердцем моим и беру перо для ответа Вам, единственно с тою надеждою, что милосердый Господь, видя истинную нужду души Вашей и веру Вашу, дарует слово полезное, а мне простит мое дерзновение по тесноте нынешнего времени, в которое весьма оскудело истинное духовное знание. Поелику же пишу к рабу Божию и ради Бога, то оставляю все соображения мира, чтоб, увлекшись каким-нибудь побуждением человеческим, не соделаться мне предателем души Вашей, прибегшей ко мне за советом о Господе, и имеющей обвинить меня пред Господом на Страшном Суде Его, если я в этом суетном веке поврежу совет мой лицемерством, лестию и человекоугодием.

Верую по преданию Церкви и с Церковию, что всякий православно верующий во Христа и исполняющий заповеди Его, а нарушение заповедей очищающий покаянием, — спасется. Так сказал Сам Господь юноше, вопросившему Господа, как ему спастись. Но есть еще и другая цель христианина, для которой в особенности назначаются иноки, цель, достигаемая и недостигаемая: христианское совершенство. — Путь к этому совершенству есть очищение себя заповедями Нового Завета, Евангелием, руководствуясь которым сын ветхого Адама может усыновиться Новому Адаму. *Всяк имеяй сию надежду*, — говорит св<ятый> Иоанн Богослов, — *очищает себя, якоже Он чист есть*[1]. — Но Новая заповедь *широка есть зело!*

Говорит новая заповедь: *Кто хочет приобрести душу свою, да погубит ю*. Что значит погубление души? — Отвержение действий по собственным чувствам и понуждение себя к действию по заповедям Евангельским. Евангелие действующему таким образом сообщает свой разум и свои ощущения, принадлежащие к естеству нового человека, обновленного по подобию Создателя и Искупителя нашего. В этом состоит принуждение и насилование себя, предписываемое Евангелием. Это значит совет, так часто повторяемый Святыми Отцами: «Даждь кровь и приими Дух». Отсеки от себя свойства падшего естества и привей к себе свойства естества, обновленного Христом.

Не только «плоть», но и «кровь» Царствия Божия не наследят. Но как *Царствие Божие внутрь нас есть*, то должно из этого заключать, что доколе возбуждаются и сопровождаются в нас сердечные ощущения движениями крови, дотоле мы чужды духовного действия, истекающего от Бога. При духовном, Божественном действии кровь умолкает и бывает «тишина велия». Тот святой мир, который не в нашем падшем естестве, но дарован и даруется Господом, мир, превысший всякого ума, нисходит в душу. Он изливает священное спокойствие в ум, сердце и тело раба Христова, соединяет сии три воедино и представляет их Христу, погруженных в бездну смирения, приведенных в состояние о Христе. Это состояние принадлежит естеству обновленному.

Приглашаемый Вами преподать Вам совет душеполезный, совет о Господе, отвлекаю внимание от смердящих язв души моей и, обращаясь к Вам, говорю Вам ради Бога с сердечным плачем следующее.

У Вас пылает естественный огнь, и кровь Ваша жива. По этой причине нет места в сердце Вашем для того Божественного огня, который ввергнуть в нас пришел Господь и которым потушается огнь естественный. «Глаголяй обоя имети, — говорит св<ятый> Иоанн Лествичник, — прельсти себе». В Вас — движения, именно зависящие от крови; они препятствуют явлению движений духовных, держат душу Вашу в темноте и каком-то нерешенном состоянии, Вами ощущаемом, но не понимаемом. Не понимаемом, потому что таковые движения могут сообщать только мнение знания, а не самое знание, ясное, точное, как истинное. Оттого-то совесть Ваша, когда Вы рассматриваете себя и вникаете в себя, отвечает Вам невнятным, страшным голосом самомнения. Вы нуждаетесь в утешении: да утешит Вас — Истина!

В двух отношениях рассмотрим предмет, о котором теперь беседуем: в любви к ближнему и в действии умной молитвы.

Вы живы для человеков, Вы любите их огнем естественным. — Оттого и человеки для Вас живы, а Христос — мертв. (Не смутитесь словами моими: выше я отличил спасение от совершенства, оставив говорить о первом как по милости Божией для Вас верном, говорю о пути ко второму, о очищении.) Во 2-й части Добротолюбия, в книге иноков Каллиста и Игнатия, в главе 37-й приводятся следующие слова Великого Варсонофия: «Еже не вменитися в человецех, сотворит тя вселитися во граде, а еже умрети от всякого человека сотворит тя наследовати град и сокровища». Не убойтеся этой смерти; от нее рождается новая жизнь. Когда оживете новою жизнию, то увидите, что жизнь, умерщвления которой требует от нас Бог, — есть смерть. Это та смерть, которою умер Адам немедленно по вкушении от запрещенного древа, ожив в смешанные познания и ощущения добра и зла. Скажите Богу о всех родственниках ваших живых и почивших, скажите о братиях обители вашей, о всех любимых Вами: «Господи! Это все Твое, а я кто?» Точно, все это — Божие; Божие не будем похищать себе. И мнимо любимым нами вернее быть Божиими, нежели нашими. Не правда ли? Если правда, то примем правду во спасение. Умрем для естественной любви к ближнему и оживем новою любовию к нему, любовию в Боге. Тогда умрем естественною, смешенною любовию к ближнему, когда «не сменим себя», по совету Великого Варсонофия, в «человецех», когда оплюем себя, как некую мерзость. Послужим ближнему в служении нашем, не как отцы чадам, но как рабы Господам, как непотребные слуги Святым Ангелам. Этого и Павел хотел: и он так мыслил! *Не себе проповедуем,* — говорил он Коринфянам, — *но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса Господа ради*[2]. Божие отдадим Богу. Не будем мнением присваивать себе Божие: от нашего мнения Божие не сделается нашим, а только мы будем обманываться пустым, достойным смеха и вместе плача самообольщением. Когда же смиримся, то Бог Свое может нам дать; тогда оно точно сделается нашим по благодати. Таким образом Святые, соделавшись сосудами Святаго Духа, соделались и отцами в Духе, имели чад в Духе. Заповедь Христова: *Не нарицайте себе отца на земли, ни учителя на земли,* — оставалась ненарушимою. Когда Анания и Сапфира солгали пред Апостолом Петром, то пали мертвыми; а Апостол объяснил их вину, что они солгали Богу, хотя пред собою видели не Бога, а только чело-

века — Апостола. Но этот человек был сосуд Святаго Духа; сделанное по отношению к нему отнеслось к Богу. Многие из Святых называли чадами тех, которым они сообщали жизнь Духа. И то было истинно; потому что словам сопутствовало самое дело. Но мы, не имеющие в себе явного обитания Духа, можем ли сами присваивать себе то, что дает только Бог. Не страшное ли это святотатство! Не самообольщение ли это, достойное, по производимому им ложному состоянию, горького плача? — Те из Святых Отцов, в которых обилие благодати не преливалось так, как в Апостолах и других величайших Угодниках Божиих, не дерзали называть себя учителями и отцами. Из них преподобный Нил Сорский в предисловии к своему Скитскому Уставу говорит: «Не называю вас учениками моими: один у нас Учитель — Христос» и проч. И это по завещанию Апостола, который говорит: *Аще кто глаголет, яко словеса Божия, аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог, да о всем славится Бог Иисус Христом*[3]. Повсюду умерщвленное *«я»!* — Повсюду Христос живый и Подающий жизнь. Смирение убивает естественную любовь. А если она умирает от смирения, то жизнь ее составляется гордостию. Принадлежа к свойствам ветхого Адама, она требует умерщвления и воссоздания Духом. В ней живет идол «я», поставленный на престоле татебно вкравшегося самомнения и завешивающийся завесою будто бы добродетели.

Апостол Павел не любил этой любви в учениках своих к себе; за нее называл он их плотскими. Вооружаясь против нее, он писал против себя, желал во мнении учеников низложить, уронить, уничтожить себя. *Еда Павел распятся за вас?* — говорил он им. *Кто убо есть Павел? Аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти. Тем же не насаждаяй есть что, ни напаяй, но возращаяй Бог*[4]. Видите ли, как ревностно ищет великий Апостол, чтоб верующие во Христа были мертвы для человеков! Оживление для человеков есть умерщвление по отношению ко Христу, а следовательно, и ко всему Божественному и Духовному: потому что Христос есть Единый ходатай между Богом и человеками.

Возревновали некогда ученики Иоанна Предтечи, узнав, что все идут во след Иисуса, — и отвечал им великий Предтеча: *Имеяй невесту жених есть, а друг жениxов, стоя и послушая его, радостию радуется за глас жениxов: сия убо радость моя исполнися. Оному подобает расти, мне же малитися*[5]. — Великие слова! Святые слова! Точно — тогда исполняют обязанность свою наставники, когда ищут, чтоб в душах приводимых ими

ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. Они желают умалиться во мнении своих водимых, лишь бы возвеличился для них Христос, тогда эти наставники ощущают полноту радости, как достигшие конца своих желаний. Напротив того, те, которые приводят вверенные их руководству души к себе, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодействуют.

Теперь — с Божией помощию несколько слов о молитве! При упражнении ею равным могут быть действия, прямо зависящие от крови, а неопытный делатель может принять их за благодатные, как сказано в 4-й части Добротолюбия, в статье Святейшего Каллиста, Патриарха Константинопольского, под заглавием: «Образ внимания молитвы». Можно найти в действиях, происходящих от крови, некоторую сладость и возмнить, что это молитвенное услаждение. Таковая мысль — заблужденная; это — самообольщение, именуемое Отцами — «мнением». О «мнении» говорит св<ятый> Иоанн Карпафийский в конце 49-й главы, что оно есть упитательство души (упоение души, довольной собою, своими мнимо сладостными состояниями) и дмение «суетное ума», происходящее от такового довольства, или упитательства. В этом состоянии самообольщения, называемого «мнением», находились те, к которым писал святый Апостол Павел: *Се сыти есте, се обогатистеся, се насладистеся*[6]. Если б они точно обогатились, к чему б — обличение? Если же Апостол их обличает, то значит, что они имели только мнение богатства. «Мнение не попускает быть мнимому», — говорит Симеон Новый Богослов. Итак, может быть мнение молитвы, препятствующее познать и вкусить истинное молитвенное действие. О таковых самомнительных сказала Пресвятая Владычица наша, Богородица Приснодева Мария: *Алчущия исполни благ, богатящияся же отпусти тщи*[7]. *Суть богатяще себе*, — говорит Писание, — *ничего же имуще: и суть смиряющеся во мнозе богатстве*[8]. — Как можно богатиться скудным? — Явно — мнением. Но участь их достойна сожаления: в то время как алчущие исполняются благ, они отходят с пустыми руками. А в будущем веке и *еже мнится имети взято будет от него* (мнителя). Богатство мнимое может ли быть существенным? При обличении, отвержении на суде Божием самого мнения, с чем останутся имевшие лишь одно мнение? — С пустыми руками.

Что сказать об ощущаемых вами действиях при молитве? — Они решительно кровяные; нельзя Вам не признать, что действует и мнение. Совесть Ваша, подозревающая справедливость и правильность этих действий, сомневающаяся в них, уже может

служить достаточным обличением. Вдобавок Вы темны; Божественное действие просветило бы и удовлетворило Вас, удовлетворило бы не ощущением сладости, а познанием Истины, отчего является в совести чудное спокойствие, извещение. Действует теплота по наружности Вашего тела; но Вам совершенно неизвестно (это может быть постигнуто только опытом), каким образом душа движется в соединение с умом; влечет за собою тело; каким образом в хладе тонком и мире глубоком человек, соединенный сам с собою, превысший всякой борьбы, чуждый всякого греха, одеянный в покаяние, предстоит перед лицем Господа чистою молитвою, объемлющею все его существо — и самое его зрение. Тогда умолкает кровь, бежит прочь мнимая сладость, человек зрит, что он существо падшее, наставляется покаянию, которое должно объять его, соделать для него возможным очищение, чрез очищение — соединение с Богом. Покаяние должно быть душою молитвы, без него она мертва, смердит вонею мнения гордостного и обольстительного! Покаяние — единственная дверь, посредством которой можно о Господе обрести пажить спасительную. Вознерадевший о покаянии чужд всякого блага.

У Вас кровь жива, а душа мертва. Для оживления души нужен Дух. С живою душою сотворен был Адам, т. е. душе его соприсутствовал Дух Божий и приводил ее в движение, почему движение это было движением духовным, в Боге. При согрешении Адама отступил от него Дух Божий; душа Адамова тут же умерла, а ожили плоть и кровь. Посредством их диавол начал действовать на душу, содержать ее в омрачении, смерти, пленении. Оттого-то нужно умерщвление не только плоти, но и крови; если же не умертвится кровь, то, несмотря на молчание плотских страстей, диаволу довольно посредством крови держать душу в плене действием душевных страстей. Если душа не предочистится и не умилостивит Бога покаянием, то никаким образом невозможно ей ощутить действия духовного. Если же не оживет таким образом (движение есть верный знак жизни), то никак не возможет познать и узреть душевных страстей. А не узрев уз своих, возможет ли освободиться от них? Находясь в этих узах, она находится в области диавола, который держит ее в своем омрачении и мерзости.

Какое движение души? — вы спросите. — На ум плотской и на сердце плотское не взыде, отвечаю, чтоб душа могла быть способна к такому движению, чтоб существовало такое движение души. Спросите у покаяния: пусть оно доставит вам опытное

знание этого блаженного движения. Иначе нельзя узнать его, как опытом; слова слабы, чтоб изобразить его: оно не принадлежит к тленному миру. Веруйте, с простотою вдайтесь в покаяние — и «Божие само по себе придет» к Вам, как говорит св<ятый> Исаак Сирский. Бог верен: толкующим отверзает, плачущих утешает, нищим духом дарует Царство Небесное. Не думайте о покаянии легко: это душа всех подвигов, это общее делание, которое должно одушевлять все прочие делания. Одни, пребывавшие в истинном покаянии, достигли истинного преуспеяния. Оно есть то существенное делание, которое предуготовляет нас к явлению в нас Царства Небесного. Сам, Сам Спаситель возвестил это! *Покайтеся*,— сказал Он,— *приближибося Царствие Небесное*. Милосердый Господь уготовал нам дивное, небесное, вечное Царство, указал дверь, которою мы можем войти в спасительную пажить Духа и Истины, дверь покаяния. Если пренебрежем покаянием, — без всякого сомнения, останемся вне. Добрые дела естественные, по чувствам, никак не могут заменить собою покаяния. Св<ятый> Симеон Новый Богослов, исчисляя благодеяния, полученные им от его Наставника, Симеона Благоговейного, говорит: «Он преподал мне покаяние!» И как не считать благодеянием указание средства, которым, одним только, приобретаются вечные, неизреченные сокровища. В покаянии — вся тайна спасения. Как это просто, как ясно! — Но мы как поступаем? — Оставляем указанное нам Богом спасительное покаяние и стремимся к упражнению в мнимых добродетелях, потому что они приятны для наших чувств, потом мало помалу, неприметным образом, заражаемся мнением и, как благодать не спешит осенить, увенчать нас, то мы сами сочиняем в себе сладостные ощущения, сами себя награждаем и утешаемся сами собою!

Не смешно ли это? Не глупо ли это? Не гордо ли и дерзостно? Перестанем шутить с Богом (простите выражение неприличное, которое я не остановился употребить потому, что им в точности изображается наше поведение!), будем жительствовать пред Ним в постоянном покаянии. Время приблизилось, страшный суд для нас готовится, на нем будем мы судимы не по мнениям нашим, которыми мы себя льстили, но по Истине. Предупредим страшное бедствие покаянием, отвратим вечный плач — плачем временным. Опомнимся, грешные! Пробил уже единонадесятый час и поприще делания скоро, скоро окончится. Но еще есть время осудить себя, чтоб не быть осужденным Богом. Доселе мы себя оправдывали.

Прекрасный слог Ваших писем всегда напоминает мне письма Великого Варсонофия. Ваши выражения живы, пламенны, сильны. Такова внешняя сторона; но если судить в духовном отношении, то должно сказать другое. Письма Великого Варсонофия оживлены Духом; в них — человеческое мертво, жив один Дух Святый. Ваши письма оживлены кровию и огнем естественным; в них Вы живы, живы человеки — Бога нет!

Вы изволили писать: «братской, дружеской, трепетной заботы о нуждающемся в помощи я не находил» (т. е. Вы в моих письмах) и проч. — Вот прямое изображение кровяного действия в Вас с оживлением человека! От чего упоминаемый Вами трепет в письмах, как не от приведенной в особое движение крови?

Еще изволите писать: «Не приятно ли было Вам видеть свое доброе чадо о Дусе Святе, нашего брата» и проч. — Вот оживление человека с мнением прелестным и напыщенным.

Эти статьи привел я Вам как образчики; но и все целое оквашено одним и тем же квасом, квасом ветхости Адамовой. Поймите, что в нас, человеках падших, действует смешанное познание и ощущение добра и зла, приобретенное грехопадением Адама. Христос уничтожает это смешение Евангелием, заменяя сложные познания и ощущения простыми. Но как падшим и погибшим не свойственно наслаждение, даже естественное, по причине повреждения естества (возбраняется употребление и прекрасного напитка, в который опущено хотя немного яду!); то дано нам Спасителем в общее и непрестанное делание — драгоценное покаяние. В него вложено милосердым Господом кроткое и смиренное утешение, состоящее в облегчении совести, в явлении надежды спасения, что называется Святыми Отцами — «извещением». Какое приличное наслаждение для грешников! Как милосердие Господне велико и премудро!

Для того, кто с верностию и постоянством пребывает на пути покаяния, неизреченно благий Господь умножает утешение, умножая умиление и ощущение ничтожности человеческой. Избранных же Своих и вернейших рабов запечатлевает отселе Духом Святым и вводит по временам во вкушение будущего века. Они точно по временам делаются причастниками несказанного духовного утешения. Кто ж сам сочиняет себе наслаждение, тот — в явном бесовском обольщении!

Думаю, что я окончил возложенное вами на меня послушание. Сделайте и для меня нечто. Умолите Господа, чтоб Он простил меня, дерзнувшего в этом письме на обличение тайных недостатков

ближнего, об очищении от коих молится Св<ятый> Давид, называя их, впрочем, грехом великим, как решительно прекращающим духовное преуспеяние. *От тайных моих очисти мя,* — говорит он, — *и от чуждих пощади раба Твоего: тогда непорочен буду и очищуся от греха велика*[9]. Мои грехопадения совершаются на самом деле, запечатлеваются нечувствием! Следовало бы мне молчать: молчание свойственно преступнику, не имеющему никакого оправдания и приговоренному к казни. Единственно по скудости наших времен, я решился написать к Вам, видя точную нужду Вашу и понимая, что по искренности Вашего нрава Вы способны к преуспеянию.

[1] *...Всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист* (1 Ин. 3. 3).

[2] *...Мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы — рабы ваши для Иисуса* (2 Кор. 4. 5).

[3] *Говорит ли кто, [говори] как слова Божии; служит ли кто, [служи] по силе, какую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог через Иисуса Христа* (1 Пет. 4. 11).

[4] *...Разве Павел распялся за вас? Кто Павел? Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а [все] Бог возращающий* (1 Кор. 1.13; 1 Кор. 3. 5–7).

[5] *Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умаляться* (Ин. 3. 29–30).

[6] Ср.: *Вы уже пресытились, вы уже обогатились* (1 Кор. 4. 8).

[7] *...Алчущих исполнил благ, и богатящихся отпустил ни с чем* (Лк. 1. 53).

[8] *Иной выдает себя за богатого, а у него ничего нет; другой выдает себя за бедного, а у него богатства много* (Притч. 13. 7).

[9] *От тайных моих очисти меня, и от умышленных удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною. Тогда я буду непорочен и чист от великого развращения* (Пс. 18. 13–14).

№ 6

Итак, весть, которую я услышал о Вас, справедлива! Вы едете в Иерусалим, в те места, где было земное пребывание Спасителя, в те места, о которых Он сказал жене Самарянке: *жено, веру Ми ими, яко грядет час, егда ни в горе сей, ни во Иерусалимех поклонитеся Отцу... Но грядет час и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу Духом и Истиною: ибо Отец таковых ищет покланяющихся Ему*[1]. Еще приходит мне на мысль Иерусалимское обстоятельство, на которое жаловался Господу расслабленный Вифезды: *Господи, человека не имам!..*[2] И мне хотелось бы попасть в Иерусалим! Вижу его в Евангелии. Там

и ныне живет Христос, сказавший ученикам Своим: *Се, Аз с вами до скончания века*[3]. В этот Иерусалим — одни врата: покаяние! Хотелось бы попасть во врата! Хотелось бы попасть во Святый град! Не хотелось бы остаться вне! Не хотелось бы, чтоб на пути застигла ночь! Ночью вне града скитаются звери хищные! Удобно делается жертвою их запоздавший путник!.. Там была сказана притча о запоздавших юродивых девах. Они остались вне; изнутри только услышали глас: *Не вем вас*[4]. Отыдите!..

Вот мысли, которыя пришли мне невольно при вести о путешествии Вашем в Иерусалим. Эта весть меня опечалила. Святый Иоанн Лествичник сказал о нашем монашеском пути: «Горе единому; а где два или три собраны о Господе, там и Господь посреди их». Жаль доброго спутника, отходящего в дальнюю страну! Его благое слово, благое дело, сокрытые от нас дальним расстоянием, уже не будут на нас действовать! Утешаюсь тем, что все мы во власти Божией, что Промысл Божий хранит всех, невидимо держит за руку Своих искренних служителей, наставляет их на путь Своих святых хотений. Что Вам сказать в напутствие? То, что и себе повторяю непрестанно! Будем погружаться в покаяние, будем пребывать в нем, будем им очищать ризы наши. Сделаем свое дело; а Бог непременно сделает Свое: очищенных покаянием Он просвещает благодатию Святаго Духа Своего.

Желаю Вам благополучного путешествия. Прошу не прерывать любви Вашей ко мне, грешному! Прошу Ваших святых молитв о мне грешном!

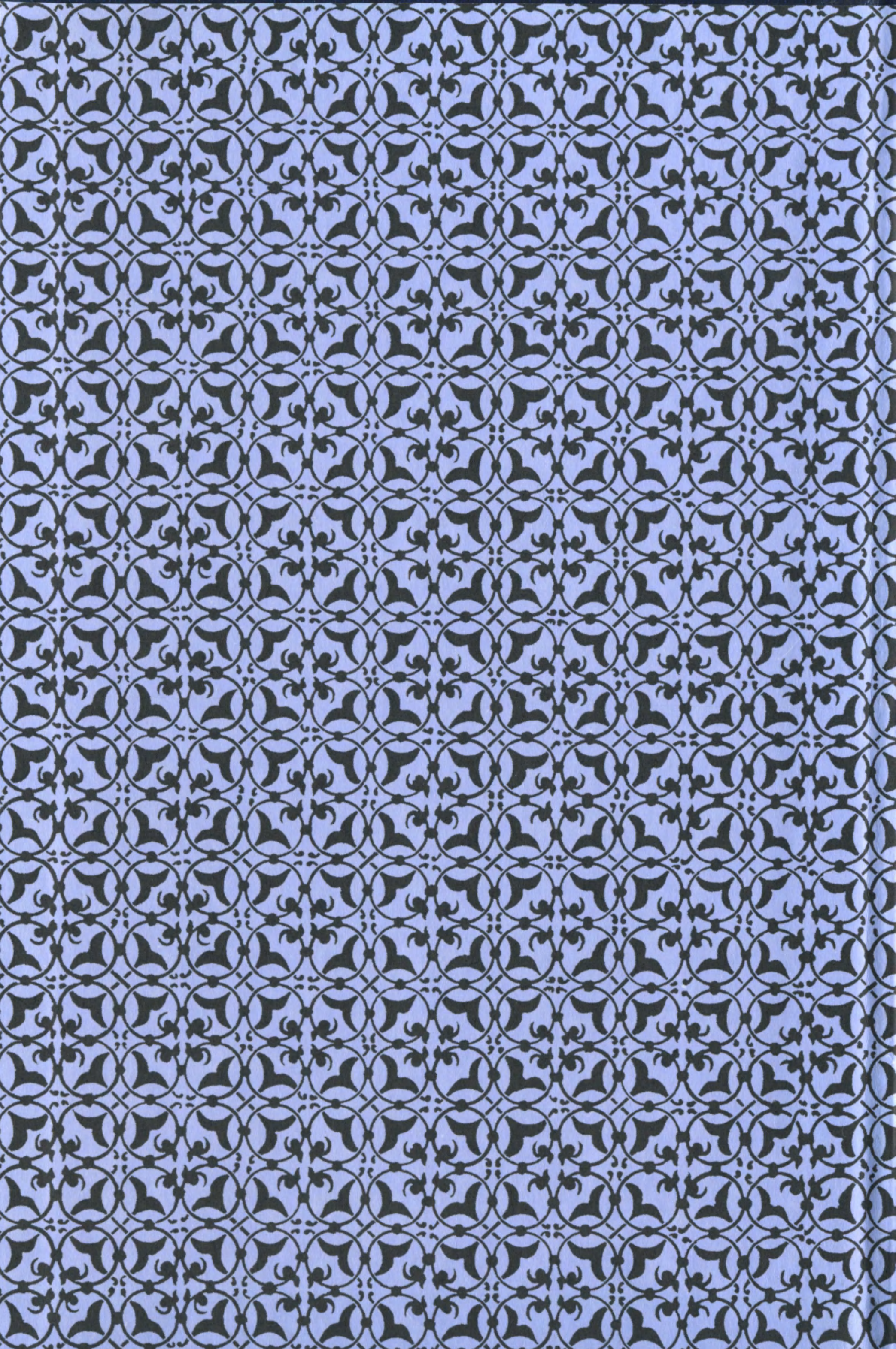
[1] *...Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе* (Ин. 4. 21, 23).

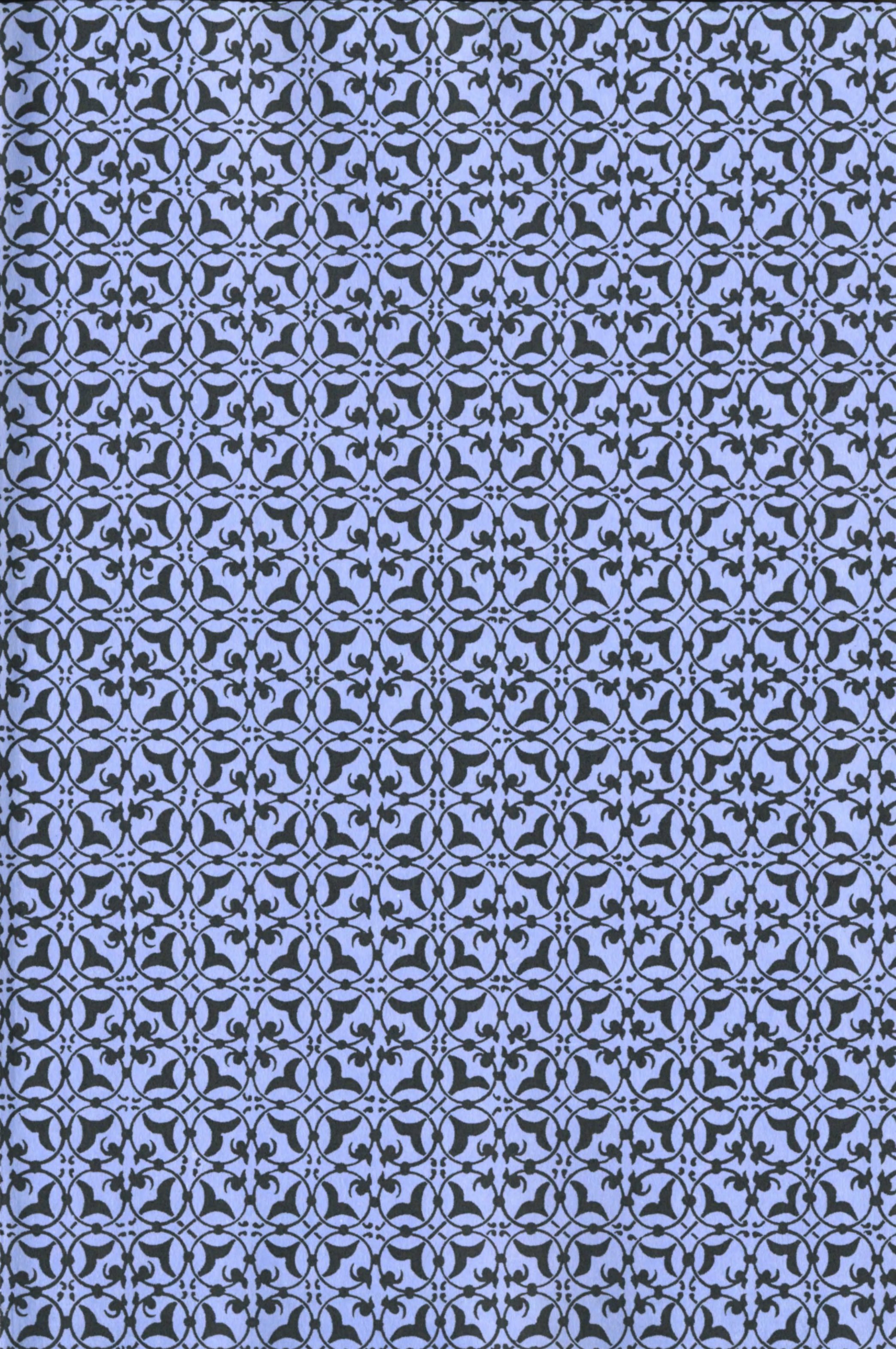
[2] Ин. 5. 7.

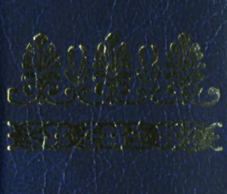
[3] Мф. 28. 20.

[4] Мф. 25. 12.

Содержание

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПИСЕМ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ

Том 1

